Н.И.Покровский

КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ и ИМАМАТ ШАМИЛЯ

Н.И.Покровский

КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ *и* ИМАМАТ ШАМИЛЯ

Москва
РОССПЭН
2000

ББК 63.3(2)47
П 48

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16241

Предисловие — *Н.Н.Покровский*

Введение, примечания — *В.Г.Гаджиев*

Подготовка текста на арабском языке
и на фарси — *А.Б.Куделин, М.Л.Рейснер*

Изготовление компьютерных карт-схем
по рисункам Н.И.Покровского — *И.Д.Зольников*

Покровский Н.И.

П 48 **Кавказские войны и имамат Шамиля** / Под ред. В.Г.Гаджиева, Н.Н.Покровского. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 511 с., илл.

Книга признанного историка-кавказоведа, профессора Н.И.Покровского, принятая к печати тремя издательствами, пролежала в них с 1934 по 1950 год, но так и не была издана, несмотря на положительные отзывы крупнейших специалистов-историков того времени. Причиной тому была острота рассматривавшихся в ней проблем и невозможность подогнать изложенные в ней факты и взгляды историка под заданные партийной идеологией схемы. Исследование основано на обширном архивном материале, используются как официальные документы русской администрации на Кавказе, так и источники собственно кавказского происхождения, труды арабо-язычных авторов. В настоящем издании воспроизводится вариант 1940 года, доработанный автором в 1941 году. Некоторые коррективы и указания на последнюю литературу читатель найдет в редакционных примечаниях проф. В.Г.Гаджиева (Махачкала) и в написанном им же введении.

© Предисловие — Н.Н.Покровский, 2000.
© Введение, примечания — В.Г.Гаджиев, 2000.
© Наследники Н.И.Покровского, 2000.
© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ISBN 5-8243-0078-X

Вместо предисловия

В 1997 г. в Ростове-на-Дону торжественно отметили столетие со дня рождения моего отца, первого декана исторического факультета Ростовского государственного университета Николая Ильича Покровского. Были хорошие юбилейные статьи, государственный архив подготовил научную опись хранящихся там материалов его личного фонда. Среди них — четыре рукописных варианта главного труда ученого: его монографии о народно-освободительной борьбе горцев Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. Печатного варианта не существовало, хотя я держу сейчас перед собою издательские договоры на эту книгу, заключенные с отцом в 1935 и 1937 гг. Соцэкгизом, в 1939 г. Чечено-Ингушским книжным издательством и в 1947 г., после смерти отца, с его наследниками — Госполитиздатом.

У книги была судьба необычная.

В том, что, несмотря на весьма положительные отзывы таких специалистов, как академики И.Ю.Крачковский, Б.Д.Греков, Н.М.Дружинин, проф. С.Н.Валк, книга, принятая к печати тремя издательствами, пролежала в них с 1934 по 1950 год, но так и не была опубликована, — необычного мало. Удивительнее то, что кропотливый исторический труд, и не будучи изданным, довольно интенсивно использовался в советском кавказоведении. За долгие годы лежания в издательствах с рукописью знакомились многие историки Кавказа; как свидетельствует сохранившаяся переписка тех лет, Н.И.Покровский не раз отмечал факты, так сказать, «влияния» своей рукописи на опубликованные тексты тех, от кого прямо зависела печальная судьба его книги в редакционных столоначалиях. Это, в первую очередь, относится к фактологической стороне монографии, архивным источникам из ЦГВИА и местных архивов, методам использования трудов арабоязычных мемуаристов и историков, Актов Кавказской археографической комиссии. С концепциями же дело обстояло сложнее.

Рукопись книги блуждала по кабинетам Соцэкгиза во времена зыбкие и опасные, ответственным работникам издательства тех лет не позавидуешь. Немалое число постоянно менявшихся авторов сохранившихся писем отцу сгинуло в волнах большого террора. В письмах этих чаще всего сообщались все новые требования идеологических переработок рукописи. Движение под руководством Шамиля всегда было темой очень острой. Печатать было страшно, но и не печатать — тоже: еще не успела смениться офи-

циальная партийная идеология, призывавшая разоблачать колониальную политику царизма на окраинах (реально существовавшую, кстати говоря). Тактика издательства была поэтому вполне понятной: договор заключать, а потом заматывать все дело в бесконечных закрытых рецензированиях и требованиях переработок. Был, конечно, и еще один путь — в мае 1935 г., после завершения одного из туров издательского редактирования, Соцэкгиз срочно запросил с места работы автора «политическую и научную характеристику» на него. Ответ мне не известен, неприятности с чекистами начались у отца года на два-три позднее. (Кстати говоря, его начинали тогда примерять на роль польского шпиона, но спасся он довольно простым приемом, уехав на год для работы в Ленинград: когда он вернулся, Ежова уже сняли и сами допрашиватели исчезли бесследно). Как бы то ни было, в 1935 г., как и несколько раз позднее, издательским работникам удалось отправить рукопись вместо типографии на новое рецензирование, а затем выставить новый список идеологических требований.

Монография Н.И.Покровского, естественно, была плодом историографии своего времени и зависела от главных его констант, хотя иным функционерам Соцэкгиза и Госполитиздата эта связь казалась слишком слабой. В официальном отзыве Соцэкгиза, направленном автору 28 февраля 1937 г. в ответ на его просьбу объяснить бесконечные задержки с публикацией, издательство, не касаясь таких «мелочей», как факты и источники, потребовало идеологической переработки рукописи. Автор, по мнению издательства, должен был «острее подчеркнуть», что движение народов Северо-Восточного Кавказа в XIX в. «имело народно-освободительный характер и было направлено против колониальной политики царизма». Об этом, конечно, четко говорилось и в первом варианте рукописи, но требовали усилить это положение. Подобно героям Оруэлла, издательство полагало, что реальное прошлое и впрямь можно усовершенствовать идеологическими директивами.

Особенно раздражало, что автор вместо предписанного «острого подчеркивания» анализирует внутренние противоречия горского общества, сказавшиеся на всем ходе движения, видит такие противоречия даже среди свободного крестьянства (узденей). В категорических выражениях издательство требовало убрать «выставленное Вами [т.е. автором. — *Н.Н.П.*] положение о том, что узденьская верхушка любой ценой, даже ценой потери государства, стремилась отстоять корыстные интересы обогащения, а массы в борьбе с этой верхушкой смотрели на царские войска как на избавителей от их (верхушки) гнета». Через десяток лет, когда партия поменяет идеологические команды на противоположные, издательство откажется от публикации книги Н.И.Покровского, т.к. в ней будут анализироваться не только подобные факты, но и многие другие совершенно иного звучания. Не выстроганное под заданную схему исследование опять окажется неугодным.

А тогда, в памятном 1937 г., особенно жестко издательство потребовало изменить основную авторскую концепцию динамики развития государства Шамиля: «У Вас объективно получился замкнутый круг: феодалов из аристократов разгромили, а на их месте выросли новые феодалы». Говорить такое о перерождении народного восстания, да еще в 1937-м! Автору предписывалось вместо этого «уделить большее внимание выяснению буржуазно-прогрессивных элементов политики Шамиля».

Автор провел в 1937 и 1938 гг. некоторую переработку рукописи. В своем (неопубликованном, конечно) заявлении в «Правду» Н.И.Покровский писал: «Исследование было переработано, может быть не всегда так, как это хотел бы ... [рецензент. — *Н.Н.П.*], но так, как считал это нужным автор». Рукопись перерабатывалась и позднее, ибо Николай Ильич проводил постоянную археографическую работу на Кавказе, архивную и полевую, получая все новые арабоязычные документы по теме и вводя их в свою книгу. Что-то из требований той рецензии также было учтено. Были, например, вставлены цитаты из К.Маркса о политике царизма. Но в главном — в концепции характера государства Шамиля — автор принципиальных изменений не допустил. И в последнем прижизненном варианте его книги (опубликованном в настоящем издании), как и в первом, 1934 года, имамат предстает сначала достаточно демократическим государством, созданным в ходе победоносного крестьянского восстания, неизбежно испытывающим далее вполне закономерное феодальное перерождение. Николай Ильич видел здесь и определенный общий закон, недаром он сравнивал имамат с махдистским государством в Судане. Сегодня мы бы нашли параллели и поближе.

Равным образом Шамиль во всех вариантах книги конечно же представлен народным героем горцев (ныне очевидность этого тезиса продемонстрирована с пронзительной наглядностью), но и его переговоры с Турцией в поисках помощи (не подчинения!) отнюдь не скрывались. Сначала партийным цензорам не нравилась вторая часть этого реально существовавшего единства, а позднее — первая. Это тоже общая закономерность: чем добросовестнее историк стремится отразить разные стороны противоречивой действительности, тем хуже работа его согласуется с любой идеологической системой.

Вариант книги Николая Ильича, по которому было осуществлено настоящее издание, был в основном закончен в 1940 г., а в начале 1941 г. в него было внесено еще несколько небольших вставок по обнаруженным автором арабским источникам. С тех пор в кавказоведении было сделано немало, работали ведь целые институты с десятками докторов наук. Редакторы этого издания не стали, конечно, переписывать текст 1940 г. в соответствии с новым материалом и новыми взглядами, тем более что работа Н.И.Покровского в основном выдержала проверку временем. Некоторые коррективы и указания на последнюю литературу чита-

тель найдет в набранных курсивом редакционных примечаниях проф. В.Г.Гаджиева (Махачкала) и в написанном им же Введении. Редакторы сочли возможным снять некоторые наиболее устаревшие по материалу разделы книги, посвященные социально-экономическим отношениям в Дагестане и Чечне, кратко отразив их основные положения во Введении.

Одновременно с завершением работы над последним вариантом своей книги Николай Ильич задумал новую большую работу, посвященную арабоязычной литературе Дагестана XIX в. Она должна была подвести итоги усилиям ученых в этой сфере, включая и его собственные археографические разыскания в городах и аулах Северо-Восточного Кавказа, в рукописных отделах архивов, библиотек, музеев Ленинграда и Москвы. Сохранилась часть плана этой работы, написанного в конце 1940 — начале 1941 г. Она свидетельствует о том, что ученый располагал тогда немалым числом арабских текстов этой литературы, с тех пор не введенных в научный оборот. Среди них, например, письмо знаменитого дагестанского хрониста Мухаммеда-Тахира ал-Карахи к другому известному писателю-горцу Исхаку ал-Урми, сочинение о Хаджи-Мурате последнего из этих писателей и ряд иных текстов. Часть этих текстов погибла в Ростове во время войны, но у отца хранились преимущественно фотокопии, а подлинники, полученные им во время археографических поисков, он передал в Институт востоковедения АН СССР (Ленинград) и Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва), где они должны пребывать и поныне; некоторые шифры приведены в настоящем издании.

* * *

Сегодня рассказ о Шамиле и его борьбе неизбежно звучит по-особому. Порою казалось, что лента исторических событий раскручивается назад, как в страшном сне, — замелькали те же названия рек и аулов, опять снаряжались в горы огромные военные экспедиции в призрачной надежде, манившей еще М.С.Воронцова, покончить с горцами одним махом. Иллюзорность этих надежд была мне, хорошо знакомому с книгой отца, ясна с первых же дней. Еще за неделю до новогоднего 1994 г. штурма Грозного я высказал через публикации в газетах свое мнение о том, что военного решения у этого конфликта не будет, что бомбежка городских кварталов — это (перефразируя известный афоризм Талейрана) не только преступление, но и ошибка.

Последние годы неожиданно сделали актуальными и другие страницы этой книги. Оказалось вдруг, что в наш компьютерный век отнюдь не ушла в прошлое проблема работорговли на Кавказе. И не только на Северо-Восточном. Что «феодальные набеги», о которых писал отец применительно к XIX в., — реалии и конца века XX. Что, несмотря на все споры ученых о степени сохранения в Чечне начала XIX в. родовых отношений, и в конце нашего

столетия военачальникам и политикам надо было бы знать сложную систему взаимоотношений между чеченскими тейпами ну хотя бы не хуже А.П.Ермолова. Но нет, в голову не приходило даже.

Тяжелая беда, которой обернулась чеченская война для всех наших народов, явилась, помимо всего прочего, следствием и того, что общество и его руководители отчаянно плохо изучали и знали историю. Трудно представить себе более разительный пример мести истории за многолетнее пренебрежение ею.

Н.Н.Покровский, академик РАН

Введение:
Об авторе и его книге

Признанный историк-кавказовед профессор Н.И.Покровский жил, работал и формировался как ученый в сложную эпоху. В исследовательскую работу Николай Ильич включился, когда отечественное кавказоведение делало первые шаги по пути объективного изучения национальных отношений, пыталось раскрыть глубокие социально-политические, культурно-философские и иные причины, приведшие к многолетней борьбе, определить характер и раскрыть движущие силы народно-освободительного движения горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е гг. XIX в. И сейчас с полным основанием можно сказать, что Николай Ильич внес в разработку этой чрезвычайно сложной проблемы весомый вклад. Его глубокие научно-исследовательские статьи и предложенная вниманию читателя монография свидетельствуют об этом.

К сожалению, приходится констатировать, что историография народов Кавказа все еще остается почти не исследованной проблемой. Немного и работ, посвященных историографическому анализу трудов даже видных ученых-кавказоведов. Если не считать отдельных материалов биобиблиографического характера, до обидного мало написано об авторитетном, принципиально последовательном ученом, прекрасном человеке и внимательном наставнике Николае Ильиче. Постараемся хоть частично восполнить этот пробел применительно к работам ученого, посвященным истории народов Северо-Восточного Кавказа и особенно так называемой Кавказской войне. Но при этом мы не могли обойти вопросы историографии, особенно тогда, когда необходимо было сравнить и сопоставить работы Николая Ильича с трудами его предшественников и современников, чтобы глубже раскрыть авторские позиции и определить вклад, внесенный ученым в разработку этой важной во всех отношениях проблемы.

* * *

Н.И.Покровский родился в 1897 г. в г. Харькове, но детские и отроческие годы его прошли во Владикавказе. С юношеских лет и до конца своей жизни он нежно и горячо любил Кавказ и его народы. В 1920 г. после окончания историко-филологического факультета Ростовского университета будущий ученый начал работать в системе народного образования. Заведовал дошкольным подотделом Донского Отдела народного образования, преподавал в Донской советской партшколе, на коммунистических курсах

Донского военкомата, был завучем и преподавателем рабфака, преподавателем истории Северо-Кавказского педагогического и финансово-экономического института. Одно время Н.И.Покровский вел научно-исследовательскую работу, будучи научным сотрудником Горского научно-исследовательского института, увлеченно занимался историей народов Северного Кавказа XIX в. Он принимал самое активное участие в экспедиционных работах в различных регионах Северного Кавказа, заезжал в «глубинку», собирал историко-этнографический материал, занимался изучением языков. Уже зрелым ученым, говорит академик И.Ю.Крачковский, он «не побоялся овладеть арабским, чтобы непосредственно изучать соответствующие источники по истории Северного Кавказа. В области арабоязычной кавказской литературы он стал одним из немногих наших специалистов и систематически вводил памятники ее в обиход исторической науки»[1].

Благодаря неутомимой деятельности Н.И.Покровского было собрано немало исторических источников, среди которых наибольшую ценность представляют арабоязычные рукописи книг дагестанских авторов Мухаммеда-Тахира аль-Карахи, Исхака аль-Урми, Абдурахмана и др., а также различного рода письма, актовые и другие материалы. Этот интерес к поисковой работе, сбору фактического материала ученый сохранил на всю дальнейшую жизнь и передал своим ученикам. Много им было сделано и по обучению начинающих кавказоведов методике источниковедческого анализа.

Признано, что от правильной классификации источников во многом зависит возможность максимального извлечения содержащейся в них как прямой, так и скрытой потенциальной структурной информации[2]. Одна из первых попыток классификации источников по истории народов Кавказа сделана профессором Н.И.Покровским в специальном исследовании[3]. Хотя некоторые оценки автора ныне нуждаются в коррекции, в целом это исследование «продолжает сохранять свое значение». В нем в основном «верно охарактеризованы почти все опубликованные в досоветской печати источники»[4].

Все документальные и литературные источники автор делит на два типа — русского и кавказского происхождения. Как справедливо отмечает автор, материалы русского происхождения неизмеримо многочисленнее всех остальных. Они разделены на несколько групп. К первой автор относит официальные документы, исхо-

[1] *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950. С. 246.

[2] Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конф. М., 1983. С. 14.

[3] *Покровский Н.И.* Обзор источников по истории имамата // Проблемы источниковедения. М., 1936. Вып. II. С. 187—234.

[4] *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 14.

дящие из властных структур империи. Критически оценивая эти материалы, ученый замечает, что обычно они либо приукрашивают одни аспекты событий, либо (и к тому же не всегда умело) замазывают другие. Нередки случаи, когда составитель документа преднамеренно искажает суть происходивших событий: часто неверно излагает причины военных столкновений; небольшие стычки местного характера представляются как крупные сражения, на несколько порядков преувеличивается численность участников их, потери противника и, как правило, драматизируется сама обстановка, чтобы в лучшем свете представить свои части и возвеличить достигнутые успехи. А допущенные кавказской администрацией ошибки, промахи и просчеты объясняются объективными причинами и затушевываются их последствия. Немало документов основывается на сведениях, полученных из вторых и даже третьих рук. Правда, сведения, содержащиеся в таких документах, до сообщения в столицу проверялись, но все же в такого рода официальных документах, как справедливо заметил Николай Ильич, встречаются недостоверные данные. Это становится очевидным при сравнении и сопоставлении донесений, исходивших от разных лиц: в их показаниях имеются расхождения, иногда довольно существенные. Вот почему при использовании документов этой группы исследователи просто обязаны подвергать их критическому анализу.

Следует отметить, что значительное число официальных документов увидело свет в специальных публикациях и различного рода сборниках и периодических изданиях, выходивших в свет как в центре страны, так и на Кавказе. Наиболее крупной и относительно полной публикацией из осуществленных в XIX — начале XX в., как справедливо подчеркивает автор, было 12-томное издание «Акты Кавказской археографической комиссии». Стремясь помочь читателю правильно осмыслить эту огромную по объему публикацию, Николай Ильич в главе «Обзор источников» настоящего издания, хотя и кратко, проанализировал каждый том отдельно. И надо признать, что эти характеристики ученого нисколько не потеряли своего научного значения и в наше время.

Отдавая должное составителям «Актов», ученый не прошел мимо несовершенств этой публикации. Он убедительно показал, что основным недостатком, присущим всем 12 томам, является подбор материалов почти исключительно с точки зрения военной истории. Содержащееся в издании небольшое число документов, освещающих внутреннее положение горских народов Северо-Восточного Кавказа, автор рассматривает отдельно. Известно, что значительная часть научно значимых документов была опубликована также в «Кавказских сборниках». Однако общий характер подбора, как и во всех других публикациях того времени, тот же, что и в «Актах». Следовательно, документы, вошедшие в эти публикации, требуют к себе критического подхода со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ко второй группе русских источников наш автор относит материалы, собранные сословно-поземельными комиссиями. Эти материалы имеют очень важное значение для раскрытия уровня и направлений социально-экономического развития многочисленных народов Северо-Восточного Кавказа. В этих источниках имеются данные о земельно-правовых отношениях, сословном строе, податях и повинностях и, наконец, о налоговой системе. Они необходимы для разработки целого спектра глобальных проблем истории наших народов. Высоко оценивая научную значимость документов этой группы, ученый напоминает о том, что члены комиссий собирали их под определенным углом зрения, а подобный выборочный подход в какой-то степени снижает ценность материалов анализируемой группы документов. Следовательно, при их использовании исследователь обязан провести дополнительные поисковые работы, выяснить, какие именно сведения были опущены.

В особую группу Н.И. Покровский выделяет значительное количество книг и путевых заметок служащих кавказской администрации, освещающих положение дел в отдельных районах Кавказа. Николай Ильич считает возможным использовать для раскрытия сюжетов экономического, социального и культурного развития народов сочинения И.Г.Гербера, И.А.Гильденштедта, С.М.Броневского, Я.Рейнеггса[1], О.Евецкого, А.Зубкова, А.Неверовского, Н.И.Воронова, И.Бахтамова, И.Иванова, А.П.Ипполитова, М.П.Попова и др.[2]. Но особенно ценным, на наш взгляд, представляется разбор ученым известных трудов К.И.Прушановского.

Н.И.Покровский убедительно показал, что приводимые в «Записке» К.И.Прушановского тексты проповедей Курали-Магомы составлены автором из речей и проповедей как самого Курали-Магомы, так и Гази-Магомеда, притом со слов других лиц. Уже одно это говорит о том, что указанные тексты, кочующие из работы в работу, не могут служить достоверным источником. Кроме того, в тех частях «Записки», где К.И.Прушановский описывает события первой четверти XIX в., данные его рассказа далеко не

[1] *Гаджиев В.Г.* Сочинение И.Гербера «Описание страны народов между Астраханью и рекою Курой находящихся как исторический источник по истории народов Кавказа». М., 1979; Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992.

[2] *Броневский С.* Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. Т. 1–2. М., 1823; *Неверовский А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в статистическом и топографическом отношениях // ВЖ. Спб., 1847. № 5; *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // ССОКГ. 1868–1870. Вып. 1–3; *Н.З.* Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ // Кавказ. 1864. № 1; *Бахтамов И.* Чирка или аул Чиркей // Кавказ. 1863. № 29–30; *Берже А.* Чечня и чеченцы // Кавказский календарь за 1860 г. Тифлис, 1859; *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа // ССОКГ. 1868. Вып. 1; *Иванов И.* Чечня // Москвитянин. 1859. № 19/20; *Попов М.П.* Ичкерия // ССОКГ. 1870. Вып. 4 и др.

совпадают с оценками, содержащимися в официальных документах и других источниках. В силу этого к сведениям «Записки», как справедливо предупреждал ученый, следует относиться с особой осторожностью. При этом крайне важно учитывать обстановку, в которой создавались две редакции «Записки», и то, какую цель при этом автор преследовал.

Критический подход необходим и при использовании всех встречающихся в кавказоведческой литературе версий, восходящих к «Записке» К.И.Прушановского.

Своеобразную группу источников составляют дневники А.Руновского и П.Пржецлавского. Общеизвестно, что обычно дневник — это записи, ведущиеся день за днем участником, очевидцем или хотя бы современником событий. В данном же случае А.Руновский вел записи день за днем, но по прошествии многих лет и притом со слов самого предводителя горцев. Естественно, что Шамиль, отвечая на вопросы пристава, излагал события в нужном последнему свете, субъективно оценивал каждое явление. К тому же, как правильно заметил Н.И.Покровский, пристав фиксировал только то, что представлялось интересным ему и могло быть интересным правящим кругам государства. На эти обстоятельства указывает хотя бы то, что ряд важнейших событий освещен как бы походя и между прочим. Поэтому, а также вследствие сбивчивости и неясности терминологии дневника, исследователю часто трудно восстановить истинные события[1]. И, наконец, составитель документа, как известно, не ограничивался дословной записью сведений информатора, а подвергал их обработке[2].

В итоге получается очень сложная обработка документа, что заставляет проделывать большую работу по выяснению каждого факта, зафиксированного в дневнике[3]. И все же этот своеобразный источник имеет важное значение. Он проливает свет на ряд вопросов истории Дагестана в первой половине XIX в.[4] Что же касается труда П.Пржецлавского, то, как справедливо замечает ученый, содержащиеся в нем сведения по качеству значительно ниже материалов вышеупомянутого дневника.

---

[1] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 207.

[2] Примером того, как обрабатывал А.Руновский сведения своих информаторов, служит его письмо к Абдурахману: «Теперь, — писал в нем Руновский, — поговорим о русском переводе ваших "записок". Вы найдете частью некоторую разницу с тем, что написано у Вас; а частью, в Записках ваших совсем не найдете». И далее: «В Записках ваших действительно прописано не все то, что прописано в моем переводе. Если бы я этого не сделал, то люди, читавшие ваши Записки, составили бы о вас самое невыгодное понятие». Цит. по: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1979. С. 129—130.

[3] *Покровский Н.И.* Указ. соч. С. 207.

[4] *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 13.

Вторым типом, по мнению Н.И.Покровского, являются источники местного происхождния. К ним ученый относит местные исторические сочинения на арабском языке[1]. Характеризуя научную ценность этих произведений, академик И.Ю.Крачковский указывал, что они имеют «исключительное значение», т.к. «появились не со стороны, а возникли в той самой среде, которой были посвящены»[2].

* * *

Общеизвестно, что дореволюционная историография представляла Северо-Восточный Кавказ краем господства родоплеменных отношений. Эта концепция, некритически заимствованная историками, получила широкое хождение и в советское время, сослужив недобрую службу отечественному кавказоведению. Считаю, что немалое, если не решающее значение в утверждении этого мнения имели работы академика М.Н.Покровского, написанные им еще в предоктябрьский период.

Вместе с тем, в 30-х гг. в кавказоведении стала распространяться и так называемая теория «торгового капитализма». Сформулированные академиком М.Н.Покровским положения о «завоевании феодальной России торговым капиталом», об «эре торгового капитализма в России» воспринимались его последователями чуть ли не как доказательство существования особой торгово-капиталистической формации[3]. Академик М.Н.Покровский опирался на эту «теорию» и в работах, посвященных истории народов Северного Кавказа[4]. Николай Ильич относился к историкам, не воспринявшим подобные утверждения, и последовательно подвергал критике труды кавказоведов, широко использовавших в своих работах эту «теорию».

Известно, что профессор Б.В.Скитский утверждал, что в конце XVIII — начале XX в. на Северном Кавказе чуть ли не ве-

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи: О дагестанских войнах в период Шамиля; *Муггедин Магометханов*. Истинные и ложные последователи тариката; *Джемал ад-Дин*. Адабул Марзия; Выдержки из записок Абдурахмана, сына Джемал-ад-динова, о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем; *Ильяс ас-Цудакари*. Лестница мюрида; *Исхак ал-Урми*. Книга сведений о храбрости удальца Хаджи-Мурата; Сведения о событиях, происходивших в Дагестане после пленения Шамиля; Небольшой отрывок из событий времени.

[2] *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. Т. 4. С. 571.

[3] *Гамрикели В.Н.* Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968; *Он же*. Вопросы взаимоотношения Восточной Грузии с Северным Кавказом: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972.

[4] *Покровский М.Н.* Избр. произведения: В 4 т. Т. 1. С. 587—592, 614—615. *Он же*. Дипломатия и войны царской России в XIX в. М., 1926. С. 199—200.

дущее место занял торговый капитализм[1]. В критическом обзоре, написанном в соавторстве с Ш.Лихницким, Н.И.Покровский подверг справедливой критике эти утверждения[2]. Он подчеркивал, что последователи «теории торгового капитализма» игнорируют историзм в определении сущности общественно-экономической формации.

Вопреки утверждениям ряда авторов, представлявших жителей приморского Дагестана земледельцами, а горной части только скотоводами, Н.И.Покровский, опираясь на большой и разнохарактерный материал, показал, что жители нагорной части занимались земледелием, и притом довольно успешно, и что полеводство в экономике Нагорного Дагестана, наряду со скотоводством, занимало одно из ведущих мест.

С дореволюционных времен Дагестан представляли регионом, неспособным обеспечить население своим хлебом. Николай Ильич, изучив дифференцированно хозяйство жителей Дагестана, показал, что и ряд нагорных районов, не говоря уже о равнинных, не только полностью обеспечивал себя зерном, но и выставлял его на рынках. Эти новаторские для своего времени выводы ученого по известной причине не получили признания современников, но они нашли полное подтверждение в трудах историков и этнографов последующего времени[3]. Ученый ввел также в научный оборот много новых фактов и сделал ценные, не потерявшие своего научного значения наблюдения и относительно развития скотоводства, кустарных промыслов, торговли и других отраслей горской экономики.

Однако наиболее ценным и заслуживающим особого внимания является сформулированное им еще в 1934 г. положение об уровне социального и экономического развития Дагестана в начале XIX в.: «Первое, что обращает на себя внимание исследователя при анализе дагестанской экономики, это — господство феодальных отношений. Дагестанское общество четко делится на два основных класса: феодалы и зависимые сословия крестьян (рабылаги, райяты, чагары и зависимые уздени)»[4]. Еще в те годы ученый заметил, что горское крестьянство не было однородным. «Уздени, — писал он, — это крестьяне, зависимые от феодалов, хотя

---

[1] *Скитский Б.В.* Классовый характер мюридизма в пору имамата Шамиля // Изв. Горского пед. ин-та. Владикавказ, 1930. Т. 4. С. 16—130.

[2] *Лихницкий Ш., Покровский Н.* Против великодержавного шовинизма в разработке горской истории // Историк-марксист. 1934. № 2.

[3] *Хашаев Х.-М.* Занятия жителей Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954; *Он же.* Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 14; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 20—56.

[4] *Покровский Н.И.* Мюридизм у власти...// Историк-марксист. 1934. № 2 (36). С. 31.

формально и числятся свободными»[1]. Но среди узденей, продолжал он, сформировалась верхушечная группа, которая занимала первенствующее положение в своих обществах. Они считали себя «узденями высшего разряда», владели рабами и райятами, являлись землевладельцами, «участвовали в торговых и ростовщических операциях»[2]. Причем эти характеристики относятся и к узденям так называемых «вольных» обществ Дагестана. Как и следовало ожидать, в обществе, разбитом на классы, не могло быть и речи о социальной гармонии. «В Дагестане, — заключает Николай Ильич, — как и во всяком феодальном обществе, мы находим... жесточайшую классовую борьбу между феодалами и крестьянством»[3]. От себя добавим, что эта классовая борьба принимала в Дагестане различные формы — от глухого протеста до открытых волнений и вооруженных выступлений[4]. «В противоположность Дагестану — писал Николай Ильич, — Чечня еще не знала феодализма, по крайней мере в большей своей части. Здесь господствуют родовые отношения»[5]. Возможно, что утверждение это было данью безраздельно господствующему в исторической науке положению и объяснялось неизученностью проблемы. Как знать? Между тем приведенные автором при дальнейшем освещении этой темы доводы не подтвердили категоричность отмеченного выше вывода. Проследим за ходом рассуждения ученого. Указав на значительную роль чеченского рода в общественной жизни, Н.И.Покровский подчеркивает, что это «не должно заслонять от нас процесса образования классов и неразрывно связанной с ним классовой борьбы». В связи с этим он критикует представителей дореволюционной официальной историографии за то, что они не видели или не хотели видеть зарождающихся классов, несмотря на то что кавказская администрация в своей конкретной политике строго учитывала происходившие изменения. В связи с этим ученый подчеркивал, что историку приходится прежде всего заниматься анализом действительных, а не изуродованных официозными авторами общественных отношений в Чечне в начале XIX в.[6]. Глубокое изучение наличного в то время фактического материала убедило исследователя в том, что в чечено-ингушском обществе выделился верхушечный слой, который сосредоточил у себя довольно крупные земельные угодья и весьма интенсивно использовал общинные земли, владел рабами и держал в зависимос-

[1] Там же.
[2] АКАК. Т. 12. С. 1494–1495.
[3] *Покровский Н.И.* Мюридизм у власти... С. 34.
[4] Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983.
[5] *Покровский Н.И.* Мюридизм у власти... С. 35.
[6] Там же. С. 35.

ти лично свободных крестьян. Эксплуатация непосредственного производителя здесь была прикрыта пережитками патриархально-родовых отношений, идиллическими обычаями и псевдородовыми связями. Зависимые бедняки отдавали прибавочный продукт под видом «родовой взаимопомощи», дарений и т.д.[1]. Если это так, то может ли речь идти о господстве здесь родоплеменных отношений? Не правильнее ли было бы оценивать сложившиеся в начале XIX в. общественно-экономические отношения как раннефеодальные? Кстати сказать, такого мнения в настоящее время придерживаются значительное большинство современных кавказоведов[2].

* * *

В творчестве Н.И.Покровского-кавказоведа ведущее место занимало исследование истории движения горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. Известно, что задача исследователя, взявшегося за изучение этой проблемы, кроме всего прочего, осложняется еще и тем, что ей посвящена обширная литература отечественных и зарубежных авторов различных направлений. К тому же следует отметить и тот факт, что более чем полуторавековой период изучения этого вопроса не располагал к трезвой оценке, поскольку эта проблема затрагивала слишком много людей и общественно-политических течений. Приверженцы и противники движения судили о борьбе горцев и ее руководителях горячо и с пристрастием, либо исключительно придирчиво, либо со всепрощающим снисхождением, превращая таким образом «суд истории в пристрастное судилище».

Обычно дворянско-буржуазные историки давали ложное истолкование движению горцев, считая его порождением якобы «извечной» борьбы «креста и полумесяца» или «привычкой горцев жить войною», «экспансией горцев» и т.д. В то же время зарубежные историки с помощью грубых подтасовок пытались и пытаются представить движение борьбой против присоединения Северного Кавказа к России.

Решить сразу же вопросы истории Кавказской войны оказалось чрезвычайно сложно и советским историкам. Часть ученых, увлекшихся одной стороной вопроса, единственной причиной, вызвавшей эту борьбу, считали колониальную политику царизма.

---

[1] *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССОКГ. 1872. Вып. 6. С. 40; *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929. С. 347.

[2] *Исаев Т.А.* Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. С. 82–101; *Скитский Б.В.* К вопросу о феодальных отношениях в XVI–XVIII вв. // Изв. Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Грозный, 1959. Т. I, вып. I; Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач.XX). Грозный, 1980; *Виноградов В.Б.* Генезис феодализма на центральном Кавказе // Вопр. истории. 1981. № 1 и др.

Другие, некритически заимствуя версии дореволюционных авторов, доказывали, что война со стороны горцев велась для сохранения «набегового производства», которое горцы теряли с вхождением Северного Кавказа в состав России. Само собой понятно, что эта точка зрения, представляющая целые народы «разбойниками и грабителями», для которых набеги являлись хозяйственной системой, «способом производства», была подвергнута резкой, но справедливой критике[1].

Большинство исследователей довоенных лет представляли движение «демократическим» и «освободительным». Но при этом они односторонне и излишне резко критиковали внешнюю политику России первой половины XIX в., не воспринимая исторически прогрессивного характера вхождения Северного Кавказа в состав России. Само собой понятно, что эти широко распространенные в исторической литературе мнения не могли не наложить известный отпечаток на творческую мысль ученого. Однако в решении многих кардинальных вопросов этой проблемы Н.И.Покровский, как увидим ниже, избежал влияния вульгаризаторских концепций. Это во многом объясняется тем, что Николай Ильич, глубоко и всесторонне изучая разнохарактерные источники, ставил в центр своих исследований тщательно проверенные факты. Еще в начале 40-х гг. им был опубликован ряд интересных работ, в которых по-новому были поставлены и решены кардинальные проблемы кавказоведения. В 1939 г. Н.И.Покровский вынес на суд экспертного совета диссертационную работу, посвященную истории движения горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. Официальные оппоненты академики Б.Д.Греков, И.Ю.Крачковский, проф. С.Н.Валк и другие высоко оценили квалификационный труд ученого. Н.И.Покровскому была присуждена степень доктора исторических наук, а его труд рекомендован к публикации. В начале 1940 г. отредактированный академиком Н.М.Дружининым труд был сдан в издательство. Однако в связи с начавшейся Великой Отечественной войной монография осталась неопубликованной. Неудачными оказались и другие попытки издать труд Николая Ильича — в 1947—1950, 1970-х гг. И лишь сейчас стало возможным издание этого крупного по объему и глубокого по содержанию исследования. Автор убедительно доказывает, что «громадное крестьянское движение» являлось порождением коренных социально-политических условий, сложившихся на Северо-Восточном Кавказе в начале XIX в. И что особенно важно, Н.И.Покровский в своих работах не шел по проторенному пути, не занимался простым описанием происходивших событий, а пытался раскрыть их глубокие социально-политические причины.

[1] *Шавкринский Ю.* Об искажениях ленинизма в вопросах истории Дагестана // Историк-марксист. 1932. № 1/2. С. 165.

Движение горцев проходило под флагом мюридизма. Поэтому, не разобравшись в религиозной окраске движения[1], нельзя воссоздать сколько-нибудь правдивую картину того сложного и противоречивого явления, каким является движение горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. Для написания своего исследования автор, как это видно из первой главы издаваемой книги, привлек разнохарактерные источники местного кавказского, русского и западноевропейского происхождения, а также использовал чуть ли не все труды конфессиональной мусульманской литературы. В специальной главе «Мюридизм» исследователь обоснованно утверждает, что ислам на Кавказ был занесен еще в период арабских походов, но распространение его — «процесс, медленно совершавшийся». В ряде мест первоначальные языческие верования не были изжиты и в начале XIX в. Вопреки широко распространенному в исторической литературе мнению, представлявшему, что суфизм — базовое учение мюридизма — проник на Кавказ задолго до XIX в. и в течение многих десятилетий мирно уживался с существующим здесь политическим режимом[2], Н.И.Покровский доказывает, что известный нам по кавказским войнам радикальный мюридизм, связанный с суфизмом и тарикатом, — явление довольно позднее, распространявшееся в Дагестане лишь с 1820-х гг. Естественно, что история проникновения и распространения мистической идеологии тариката представляет в известной степени научный интерес. Однако сводить всю проблему движения горцев к этому вопросу не совсем верно. И чтобы не ввязаться в отвлеченные споры, необходимо ясно представлять, что кавказский мюридизм — это качественно новое, самостоятельное и самобытное явление, «возникшее в своеобразных исторических условиях»[3].

«Мысль о мюридизме, как о плоде персидских интриг, — пишет автор предлагаемой читателям монографии, — не выдерживает никакой критики. Другое дело — возможность связи действий ширванских проповедников тариката с персидскими или турецкими военными планами». Исследователь допускал и то, что деятельность тарикатских шейхов в Ширване могла оказаться направленной «против царизма, но в пользу другого соседа». «Это, — подчеркивал Николай Ильич, — вовсе не говорит о направленности позднейшего движения, развернувшегося в Чечне и

[1] *Покровский Н.И.* Мюридизм // Учен. зап. истфака Ростовского-на-Дону пед. ин-та. Ростов н/Д, 1941. Т. 1. С. 56.

[2] М.Махмудбеков (Мюридистская секта на Кавказе // СМОМПК. 1898. Вып. 24. С. 23) пишет, что в Ширване за 400 лет до этого была известна секта тариката, затем она пришла в упадок и лишь с конца XVIII в. стала возрождаться. А.Кязим-бек («Мюридизм и Шамиль») считает, что это учение на Кавказе было распространено еще в X—XII вв. И с этим нельзя не согласиться. Но это далеко еще не кавказский мюридизм XIX в.

[3] *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 141.

Нагорном Дагестане под флагом мюридизма». Эта мысль Н.И.Покровского подтверждается хотя бы тем, что народы Дагестана и Чечни самым решительным образом отвергли призывы эмиссаров зарубежных агрессоров подняться на антирусскую борьбу. В первой трети XIX в., в период русско-персидской войны 1826–1828 гг., генерал А.П.Ермолов доносил: «Дагестан не изменил верности в.и.в. и постоянством в поведении дал пример другим народам»[1]. По словам современника, «не возымели никакого воздействия на горцев Дагестана»[2] и призывы эмиссаров султана. В 1828 г. османы задумали организовать антирусское выступление в Чечено-Ингушетии. Но сии меры «не имели успеха... и Чечня, — доносил генерал Эмануель, — поныне осталась спокойна»[3]. Говоря об отношении горцев к России, Мухаммед-Тахир аль-Карахи признает: «Одни шли с неверными вместе даже в войне против мусульман. Другие перемешивались с неверными и днем и ночью смешением предков, детей, братьев и внуков»[4].

Совершенно очевидно, что мюридизм на Кавказе прошел два этапа: первый этап, когда он представлял учение, строго основанное на принципах суфизма. Проповедовал глубокую веру и отречение от всех интересов земной жизни. Второй этап, когда секта мюридов отошла от многих требований суфизма и, оставив только форму его организации, сделала основным требованием политическую борьбу[5]. Все это так, но почему произошла такая метаморфоза? Надобно объяснить, почему «благочестивые тарикатисты» вдруг стали призывать к газавату — «священной войне». Для этого прежде всего необходимо всесторонне исследовать вопрос о внутренней и внешнеполитической обстановке на Северо-Восточном Кавказе, раскрыть роль местного мусульманского духовенства.

В главе «Мюридизм» настоящей монографии Николай Ильич довольно подробно осветил проблему перехода шейхов тариката Накшбандия[6] к активным действиям. Установлено, что местное мусульманское духовенство было настроено оппозиционно к цар-

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4200. Л. 237.

[2] Там же. Д. 6230. Л. 79.

[3] Там же. Д. 6229. Л. 115.

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. М.; Л., 1941. С. 33–34.

[5] *Смирнов Н.А.* Характерные черты идеологии мюридизма. М., 1956. С. 13.

[6] Накшбандия — суфийский орден, сложившийся среди последователей ханифитского мазхаба в Средней Азии. Основателем его был Бахаддин Накшбанди Бухари (1314–1389). Горцы Дагестана были последователями религиозно-правовой школы шафиитского мазхаба (толка). Эта «система права представляет собой некий компромисс между правовыми учениями ханифитов и маликитов». Мазхабы «различаются между собой в подходе к принципам выработки решения по правовым вопросам, в деталях ритуала, но все основываются на канонических сборниках хадисов» (Ислам: Крат. справочник. М., 1983. С. 102, 124).

ской администрации, а в ряде случаев и к феодальным верхам. По мнению духовенства, уже то, что оно находится под властью христианского государя, подрывает его престиж и ослабляет его влияние. Наиболее энергичная часть духовенства верила и в то, что при удобном стечении обстоятельств она сможет оттеснить феодалов и занять командные высоты в крае. В этом, как справедливо отмечает ученый, «крылась опасность для крестьянского движения». Магомед из селения Яраг (или, как его еще называют, Курали-Магома) и др. не были за вооруженную борьбу. Более того, когда вести о жестокостях генерала Мадатова в Кайтаге докатились до Магомеда Яраглинского, он прибег «ко всему своему красноречию... чтобы призвать к порядку беспокойных людей своего аула. Известно также, что и будущий мюршид Джемалудин запрещал даже Гази-Магомеду начинать борьбу и советовал спокойно сидеть и заниматься учением»[1]. На этой почве между ними возникла ссора, которая могла привести к расколу среди тарикатистов. Но затем Магомед Яраглинский поддержал Гази-Магомеда, что означало признание шейхом тариката Накшбандия «необходимости вооруженного выступления». Н.И.Покровский считает, что крутой поворот в поведении шейха произошел после известного совещания тарикатистов в Кюре. Такого же взгляда придерживались и другие кавказоведы.

Наш автор свое изложение борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа начинает с движения шейха Мансура, возникшего в конце XVIII в. в Чечне. Любознательному читателю при этом необходимо помнить, что ни Гази-Магомед, ни Гамзат-бек, ни тем более Шамиль никогда не встречались с шейхом Мансуром. Позже третий имам вспоминал, что он шейха не видел потому, что «родился по 13 лет после его смерти», и заключил, что «шейх Мансур не был ученым... он даже вовсе не знал грамоты. Но взамен того он владел необыкновенным даром слова, который при его мужественной, увлекательной наружности имел неотразимое влияние на горцев, симпатизирующих всему тому, что резко бросается в глаза или поражает слух»[2].

Шейх Мансур не был последователем тариката Накшбандия. Истории не известно также, чтобы Мансур оставил после себя какие-либо догматы, которые могли бы оказать в XIX в. влияние на движение, возглавляемое тремя имамами Дагестана. Было бы грубой ошибкой говорить здесь о преемственности на основании того, что некогда Мансура, как и Шамиля, называли имамом и оба они прибегали к газавату. Еще меньшее сходство было между

[1] КС. Т. 12. С. 9—10; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 418; АКАК. Т. 12. С. 1496.

[2] *Руновский А.* Дневник // АКАК. Т. 12. С. 1403.

тремя имамами и предводителем восстания Бейбулатом Таймиевым и др.

Совершенно очевидно, что борьба горцев 20—50-х гг. была качественно новым движением в истории горских народов Дагестана и Чечни. Началось с того, что главари мюридизма решающее значение придавали повсеместному установлению «шариата» и безусловному распространению «газавата» (священной борьбы). Известно, что в описываемое время в Дагестане между приверженцами шариата и адата происходила постоянная борьба. Ханы, беки и другие светские феодалы поддерживали адатное право, а духовенство было за шариат. Не вдаваясь в суть дела и не ввязываясь в схоластические споры о том, какое из этих прав лучше, укажем, что и адат, и шариат это обычное право. Но почему же в таком случае произошло разделение? Ханы, беки и другие феодалы, будучи мусульманами, обязаны были следовать установлениям шариата. Более того, как свод феодального права — шариат был для них вполне приемлем. Все это так. Однако, как справедливо замечает Николай Ильич, в сложнейшей общественно-политической обстановке вопрос «в конечном счете сводился не к проблеме признаний предписаний шариата вообще, а только к вопросу о пределах их действия». Светских феодалов адаты устраивали больше как нормы, поддерживающие их привилегированное положение. В целом, как утверждает Николай Ильич, и шариат вполне устраивал их, хотя в ряде частностей оказывался менее удобен. Отмена суда по адатам, подчеркивал ученый, наносила серьезный удар феодалам, лишая их права самостоятельной расправы и доходов, связанных с самим ведением судебного разбирательства.

Мусульманское же духовенство стояло за повсеместное введение шариата. И это вполне объяснимо. Замена адата шариатом влекла за собой укрепление положения и усиления влияния духовенства, ибо суд по шариату вершился муллами. Естественно, добиться этого духовенство могло, лишь оттеснив от политической власти феодалов. Однако, преследуя сугубо мирские дела, духовенство начало борьбу с феодалами на чисто теологической почве. Разумеется, религиозная аргументация «не имела ничего общего с действительными причинами их борьбы против адатов». Духовенство ясно понимало также, что внедрение шариата, в противоположность узкоместным адатам, должно сыграть определенную роль в объединении горского крестьянства, жителей феодальных владений и союзов сельских общин. В предстоящей борьбе за свободу при существующем положении дел предводители нарастающего движения горцев вынуждены были направить острие своей борьбы как против местных феодалов, так и против царских властей. Причем, имея целью использовать нарастающее крестьянское движение мюридов, вожди горцев своим знаменем сделали лозунги ислама — «равенство между мусульманами», «мусульманин никому не должен платить податей», «освобождение магометан из-под власти неверных», «газават». В итоге проходившее тайно

и явно во владениях и союзах сельских общин социально-политическое брожение благодаря «религиозному оформлению» в конце концов вылилось в борьбу якобы за чистоту ислама, борьбу с неверными. Совершенно очевидно, что религиозная пропаганда «благочестивых тарикатистов» не могла бы увлечь кавказских мусульман-прозелитов, не могла бы найти приверженцев, не в состоянии была бы воспламенить массы горского крестьянства и приобрести политическое звучание, если бы на то не было объективных причин. Только наличием глубоких социально-политических причин, поднявших горцев на борьбу, можно объяснить то, что вышеупомянутые лозунги находили отклик и воспринимались крестьянской массой как призыв к борьбе против социального и национального угнетения. Иначе говоря, идеи «мюридизма получили здесь распространение и приобрели политическое звучание лишь с того времени, когда произошло соединение этих идей с массовым движением горцев Северо-Восточного Кавказа. Это движение, основу которого составляло горское крестьянство с его антиколониальными и антифеодальными устремлениями, нарастало давно и независимо от деятельности мюридистских проповедников»[1].

Н.И.Покровский полагал, что основной причиной, толкавшей горцев на борьбу, была излишне жестокая политика царизма. Такого же мнения придерживается значительная часть историков-кавказоведов и в наши дни.

И действительно, стремление царизма насадить в крае новую администрацию в 20-х гг. вызвало недовольство прежде всего у феодальных верхов Северо-Восточного Кавказа. В 1817—1820 гг., как показано в монографии, поднялись на борьбу кайтагские и другие правители в Дагестане — Бейбулат Таймиев и др. Эти выступления были порождением феодально-монархического национализма, направленного против централизаторской системы управления. Феодальные владетели, поднимаясь на борьбу, ставили целью вернуть себе утерянные привилегии и политическую власть во всем объеме. Однако феодальные верхи не достигли желаемых результатов. Более того, не поддержанные широкими народными массами так называемые «ханские выступления» были сурово подавлены, а их организаторы изгнаны из своих владений или отстранены от власти. Естественно, что излишняя жестокость, проявленная при этом царскими генералами, не могла не оказать известного влияния на народные массы. Однако представлять «ханские выступления» предтечей движения под водительством Шамиля, как об этом писал Н.И.Покровский и другие кавказоведы, неверно. Повторимся, что движение под флагом мюридизма было качественно новым явлением в истории горских народов

[1] *Фадеев А.В.* Кавказ в системе международных отношений в 20—50 гг. XIX в. М., 1957. С. 19.

Северного Кавказа, которое было вызвано целым рядом причин внутреннего и внешнего порядка.

Последующие исследователи убедительно показали, что наряду с мюридами тариката активно боролись и так называемые наибские мюриды. Причем первые из них никогда не составляли большинства горцев — участников движения. Наоборот, они всегда оставались в относительном меньшинстве и не были так тесно связаны с борющимся народом. Поэтому-то и движение горцев только из-за того, «что его религиозной оболочкой был мюридизм, — подчеркивал Н.А.Смирнов, — нельзя назвать мюридистским»[1].

В движении самое активное участие, как известно, принимала и узденьская верхушка. Она, как правильно заметил наш автор, имея в движении свои собственные интересы, ставила перед имаматом задачу — обеспечить себе господствующее положение, устранить конкуренцию старой феодальной аристократии, а с другой стороны — создать все условия для эксплуатации крестьянских масс. Иными словами, верхушечные слои узденей стремятся теперь выдвинуться на роль «нового дворянства». Выполнение этой-то задачи, составлявшей основное содержание всей социально-экономической, военной, внутренней политики имамата, и привело его в конце концов к развалу, а правящие слои нового государства — зажиточную узденьскую верхушку и ее идеологов — к предательству[2].

В исторической литературе было широко распространено мнение о том, что после истребления аварских ханов и беков в имамате «установилось совершенное равенство и народоправство»[3]. Иных взглядов придерживался Н.И.Покровский. Он признавал, что ликвидация старого ханско-бекского управления является фактором очень значительным, не только повлекшим за собой потерю привилегий, связанных с политическим господством, но и подорвавшим экономическое могущество этих феодалов. Однако это не означает, что в имамате было установлено социальное равенство и народоправство. Утверждалось также, что в имамате были освобождены все зависимые сословия[4]. Естественно, что во владениях, вошедших в состав имамата, лишилось политических привилегий хано-бекское сословие. Были также освобождены рабы, принадлежавшие аварскому ханскому дому. Но все это, как показал Николай Ильич, не дает основания говорить о том, что в имамате не было сословных различий.

---

[1] *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. С. 147.

[2] *Неверовский А.* Истребление аварских ханов в 1834 г. Спб., 1848. С. 16; Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 73; КС. С. 270 — 272; *Руновский А.* Взгляд на сословно-поземельное право в Дагестане // ВС. 1868. № 8. С. 391; *Фадеев Р.А.* Сочинения. Т. 1. С. 21.

[3] *Алкадари Г.-Э.* Ассари Дагестан. Махачкала, 1926. С. 135.

[4] *Руновский А.* Указ. соч. С. 19. См. также: АКАК. Т. 12. С. 1487.

Освобождение не коснулось рабов, принадлежавших узденям. Только «владельцам рабов Шамиль ставил в обязанность снабжать своих рабов необходимым и обращаться с ними человеколюбиво»[1]. Что же касается изменений в положении райятов и зависимых узденей, наш автор этого вопроса не затрагивает. И это вполне оправданно, ибо в 40-х гг. в распоряжении историков не было сколько-нибудь надежных сведений. Лишь в последние годы добытые наукой данные проливают свет на эту важную проблему. Они показывают, что в районах, охваченных движением, самоосвобождение зависимых узденей произошло не единым актом, постановлением или реформой сверху, а постепенно, по мере включения того или иного района в движение.

Поднявшиеся на борьбу за свои права крестьяне прекращали платить подати и повинности «своим» феодалам. Произошло как бы самоосвобождение крестьян[2]. Однако, говоря об освобождении крестьян в ходе долголетней борьбы, было бы неправильно полагать, что в военно-теократическом государстве-имамате могло существовать равенство и было покончено с эксплуатацией. В тех конкретно-исторических условиях не могло быть и речи об этом.

В предлагаемой читателям монографии убедительным образом показано, как складывалась податная система в имамате. Проанализировав этот сюжет, Н.И.Покровский пришел к выводу о том, что узденьская верхушка разбила и оттеснила феодалов от политической власти. Встав у кормила власти, она, естественно, постепенно забыла провозглашенные в начале движения лозунги о социальном равенстве и народоправстве и отошла от них. Наоборот, укрепившись в имамате в качестве правящего слоя, эта верхушка, широко используя власть в целях личного обогащения, пыталась занять место прежних феодалов и в эксплуатации масс, и как политически командующий класс. Иначе говоря, никакого предполагаемого здесь равенства не было и быть не могло. И вместе с тем Н.И.Покровский выступает против другой точки зрения, характеризующей государственный строй имамата как монархическую форму правления. Н.И.Покровский напоминает о том, что до поры до времени власть имама была ограничена советом ученых, «диван-хане», съездами наибов. В какой-то степени была сначала ограничена и власть наибов на местах.

Однако по крайней мере с середины 40-х гг. произошли заметные изменения. В руках имама оказалась сосредоточенной верховная власть. Стремясь превратить власть имама в наследственную, Шамиль провозгласил в 1848 г. своего сына Гази-Магомеда своим преемником. В это же время фактически неограниченной стала и власть наибов на местах. Они, говоря словами Гаджи-Мухаммеда

---

[1] *Гаджиев В.Г.* К вопросу о освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. // УЗИИЯЛ. Махачкала, Т. 4. С. 151.

[2] Там же.

ас-Сугратль, уподобились «волкам над стадом». Все это как будто свидетельствует о том, что поднявшиеся на гребне нарастающего крестьянского движения «тарикатисты» сумели создать имамат, который постепенно приходит к формам монархической власти имама. Однако, как справедливо подчеркивает Николай Ильич, пройти целиком этот путь имамату не пришлось, этому помешала катастрофа 1859 г.

Приходится сожалеть, что даже в работах, недавно увидевших свет, по-прежнему несоразмерно много места отдано освещению истории военных действий. Издано большое число монографий и исследовательских статей, написаны художественные произведения об отдельных сражениях на Кавказе. Начиная с изданной еще в 1850-х гг. работы выдающегося военачальника Д.Милютина, участника битвы при Ахульго, это сражение отражено во многих исторических и художественных произведениях. Знаменитый художник А.Ф.Рубо в 1896 г. создал великолепное по форме, отмеченное документальной точностью произведение — грандиозную панораму «Штурм Ахульго»[1]. Ряд документальных работ посвящен даргинской или так называемой сухарной экспедиции, во время которой был наголову разбит генерал-аншеф М.С.Воронцов. Кажется, все сказано о сражениях за Гергебель, Салты и многих других. Однако читатель найдет в предлагаемом труде довольно краткие описания этих событий. Это объясняется не только изученностью истории сражений (хотя и это принималось во внимание), но главным образом тем, что книга посвящена исследованиям наименее разработанных аспектов в истории Кавказской войны. Основной целью своего исследования Николай Ильич поставил анализ внутриполитической истории движения горцев Дагестана и Чечни, образования державы Шамиля и внутреннего управления имамата, гражданской деятельности в державе Шамиля, законодательным установлениям (низамам), выработанным в соответствии с законами шариата. Особое внимание автор уделил освещению военной организации имамата, а также внешней политики этого государства. Все эти важнейшие вопросы рассмотрены со знанием дела и привлечением огромного числа конкретно-исторических данных, выявленных автором из многочисленных архивных и изданных источников русского, местного кавказского и иностранного происхождения, а также из научной литературы, вышедшей на многих языках. Очень важный материал и ценные наблюдения содержит предлагаемое исследование и о причинах поражения движения и развала имамата. Николай Ильич убедительно показал, что главными причинами этого были: отречение предводителей движения от первоначальной программы, произвол и лихоимство, несмотря на отчаянную борьбу Шамиля, чиновни-

[1] О судьбе панорамы А.Ф.Рубо «Штурм Ахульго» см.: Тарих. 1996. № 2–3.

ков имамата, все усиливающейся узденьской верхушки вместе с истощением крестьянских масс в ходе продолжительной войны. Все более и более вскрывались противоречия, существовавшие подспудно с самого начала движения, перешедшие затем в открытые выступления против имамата. Одновременно с растущим недовольством крестьянских масс усиливались и разногласия в правящих кругах, которые обострились в начале 50-х гг. XIX в. В этой чрезвычайно сложной ситуации верхушка имамата начинает лихорадочно искать поддержку других государств и прежде всего Порты. «Однако, судя по имеющимся документам, — писал Н.И.Покровский, — речь идет скорее о союзе, чем о покорности» (гл. VI, § 6 настоящего издания). Следует особо отметить, что этот вывод ученого подтвержден всеми последующими исследователями-кавказоведами.

Все же, однако, основной удар движению горцев Дагестана и Чечни нанесла царская армия. После окончания Крымской войны самодержавие значительную часть своей армии, участвовавшей в боевых действиях, перебросило на Северо-Восточный Кавказ. И эта намного превосходившая числом горские народы армия сделала свое дело. Окружив плотным кольцом имама, она принудила Шамиля сложить оружие и сдаться на милость победителей.

проф. *В.Г.Гаджиев*

Глава I.
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

1. ОПИСАНИЯ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ

Общая характеристика источников

История национально-освободительного движения на Восточном Кавказе во второй четверти прошлого века, в эпоху завоевания Кавказа русским царизмом, привлекала внимание многих исследователей. О войне в Чечне и Дагестане, времени создания теократического государства мюридов, имамата, написаны были целые тома, и список литературы, трактующей о вопросах, разбираемых в настоящей главе, имеет не одну сотню названий. Внимание, уделявшееся эпохе завоевания Кавказа царскими, главным образом военными, историками, привело к тому, что значительная часть источников оказалась полностью или частично изданной ими или хотя бы использованной. Правда, тут же нужно оговориться, что многие важные документы все еще остаются погребенными в архивах.

Чтобы не быть голословными, укажем хотя бы на то обстоятельство, что чрезвычайно ценные и интересные материалы русской разведки сороковых годов о государственном строе и внутренних отношениях в имамате остались неопубликованными и не вошли даже в капитальное издание документов — «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»[1]. Другой аналогичный пример: Прушановский в своем дневнике[2] указывает на записки бежавшего русского офицера Брановского, начальника стражи у второго имама Чечни и Дагестана Гамзат-бека. Записки

[1] Сошлемся, например, на донесения Неверовского (ЦВИА ВУА. Д. 6468 «О политическом состоянии Чечни»), на интереснейшие обзоры А.Вранкена (ЦВИА ВУА. Д. 6514), записки генерал-майора Д.В.Пассека «Горы и Чечня» (ААН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423). *Позднее значительная часть этих материалов была издана. См.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в. / Сост. Гаджиев В.Г., Рамазанов Х.Х. Махачкала, 1959 и др. публикации. — В.Г.*

[2] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского (Историческая записка о начале и развитии духовной войны или превратного тариката (учения о нравственном элементе человека в Дагестане)) с 1823 по 1843 г. // КС. 1902. Т. 23. С. 22. Прим.).

эти и дело о Брановском попали в царские архивы, но света они не увидели[1].

Хотя много документов исключительного значения еще лежат в архивах, однако и то, что уже напечатано, дает яркую картину и политики царизма, и того, что происходило в горах. Лишь для освещения некоторых отдельных периодов мы не располагаем достаточным материалом, общие же линии различаются вполне отчетливо. Почти все источники изданы были еще до революции, разрабатывались и подготавливались к печати идеологами колониальной политики царизма и поэтому требуют предварительной тщательной критики и очень осторожного подхода.

Правда, завоеванием Кавказа интересовались и широкие прогрессивные круги русского общества, и западноевропейские ученые и политические деятели. В литературе, посвященной борьбе горцев за независимость, встречаются имена русских писателей и ученых, западноевропейских путешественников и исследователей. Но, анализируя материал, который дают эти работы, мы почти всегда можем увидеть, что авторы заимствовали сообщаемые ими факты у представителей русской военной администрации, чаще всего у офицеров кавказской армии. Поэтому существенно нового они дают мало и скорее служат показателем отношения различных общественных кругов к Кавказской войне, чем источником для самой истории имамата. Совершенно отказываться от их использования историк не может, но он и не придает им первостепенного значения.

Категории источников

По степени достоверности все имеющиеся у нас источники могут быть разделены на: 1) документы, современные событиям (официальная и частная переписка) и основанные на непосредственном их наблюдении; 2) сообщения, основанные на расспросных сведениях, то есть получаемые историком уже из вторых рук; 3) по степени достоверности к ним примыкают воспоминания и 4) даже некоторые из произведений художественной литературы, авторы которых могли расспрашивать участников событий; 5) сводные работы, написанные по источникам. Последние две ка-

[1] О Брановском упоминает Варнер: «...из офицеров [бежавших к Шамилю. — *Н.П.*] мы назовем Брановского, позднее вновь взятого русскими и сосланного в Сибирь» (*Warner*. Shamyl, le prophète du Caucase. Paris, 1854. P. 12). Станислав Брановский действительно бежал в горы 10 июля 1833 г., но не к Шамилю, а к Гамзат-беку, участвовал в его походах, помогал строить укрепления и т.д. Позднее при попытке уйти в Турцию был ограблен и продан в рабство в сел. Анди, откуда его выкупил генерал Горихвостов. Брановский был осужден на ссылку в Сибирь (ЛОЦИА ВИА. Фонд военно-судных дел, решенных корпусными командирами. № 527. 1836 г. Св. 4. Д. 6). В деле находятся выдержки из записок Брановского.

тегории, строго говоря, к источникам уже не относятся, но в случае утери или недоступности первоисточника историку приходится пользоваться передающей его сводной работой.

По своему происхождению источники, которыми мы пользуемся при исследовании имамата, можно подразделить на два основных массива: документальные и литературные источники, оставленные нам в наследство русской стороной, и источники горские, принадлежащие перу местных алимов — ученых мусульманских мулл. Первый массив неизмеримо многочисленнее второго. Если от первого до нас дошли десятки и сотни тысяч документов, тысячи статей, заметок и т.п., то книги и статьи горского происхождения составляют небольшой список, не превышающий двух десятков названий; значительно больше количество документальных источников этого происхождения, напечатанных и особенно неизданных.

Понятно поэтому, что из напечатанного материала основным источником наших сведений об имамате являются источники первого массива: документы, хранящиеся в архивах страны и изданные царскими историками, а также их работы, основанные на архивных материалах. Историк должен учитывать специфическую направленность этих работ, стремление оправдать колониальную политику, сводившееся к формуле: «цивилизовать горские народы, прекратить их хищнические набеги, представляющие постоянную и значительную угрозу для русских поселений на Кавказе». Складывались легенды о дикости горцев и неспособности их создать «настоящее государство». Характерная черта горца, по работам царских историков, — его страсть к набегам, к «хищничеству». К рассказам о грабежах и набегах горцев нужно относиться с крайней осторожностью. Следует помнить, что Кавказская война была в значительной мере войной партизанской и что происходившие в действительности набеги (немало их оказалось и просто выдуманными) являлись именно такими партизанскими действиями. Исключение составляют лишь набеги, практиковавшиеся горскими феодалами и чрезвычайно близкие по своему характеру к хищнической деятельности баронов западноевропейского средневековья. Наконец, необходимо иметь в виду, что набеги производились и царской армией, и в особенности поселенными на линии казаками.

Высокомерно-дворянское отношение царских офицеров к горцам часто не позволяло им видеть действительные отношения, создававшиеся в горской среде, и заставляло мерить одной меркой различные классы горского населения. Как пример можно привести из «Обзора по управлению левым флангом Кавказской линии за 1839 г.» фразу, относящуюся к Шамилю: «он начал проповедывать всеобщее равенство»[1]. Шамиль вовсе не стремился к равенству всех, что доказывается, например, земельными пожалова-

[1] Дела Объединенного Горского Исторического архива. Фонд штаба войск левого крыла Кавказской линии. Д. 3. 1839 г.

ниями. А между тем легенда о «всеобщем равенстве» муссируется во многих документах и работах царских историков.

Наконец, необходимо иметь в виду, что правительство узнавало о происшедшем в горах в лучшем случае из вторых рук, от лазутчиков. Правда, сведения эти проверялись довольно тщательно. Вот что пишет по этому поводу один из русских офицеров: «Сведения о численном состоянии могущих принимать участие в военных действиях чеченцев доставлялись постоянно лазутчиками и проверялись показаниями влиятельных лиц, никогда резко не противоречившими один другому»[1]. Однако и при этих условиях возникали расхождения в показаниях, и иногда существенные. Поэтому к данным такого рода нужно относиться осторожно и проверять их другими источниками, что для основных событий обычно бывает вполне возможно.

Группировка

Перейдем теперь к группировке материалов, в которых в большей или меньшей мере отразилось официальное понимание событий русской стороной. Прежде всего нам придется выделить в первую группу значительное количество книг, статей и заметок, не относящихся непосредственно к истории имамата и мюридизма, но трактующих о положении отдельных частей Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. Это, в основном, сведения путешественников и исследователей, сводные монографические работы, использовавшие неизданные источники, и небольшая группа документов, отразивших официальное изучение горцев царизмом. Сюда же могут быть присоединены и немногие напечатанные работы офицеров русской разведки, в которых имеются сведения о положении гор накануне мюридизма и о внутреннем положении имамата. Особое, промежуточное место между русскими и горскими источниками занимают работы царских офицеров, передававших высказывания Шамиля уже после окончания Кавказской войны.

Вторую группу русских источников, имеющую важнейшее значение для изучения мюридизма и имамата, составляет официальная переписка эпохи Кавказской войны. В основном это документы центральных архивов, архива наместничества кавказского и местных военных архивов. Значительная часть этих документов издана, но много материала, представляющего для историка выдающийся интерес, погребено еще, как мы говорили, в архивных связках.

К третьей группе мы относим письма и мемуары лиц, действовавших на Кавказе в эпоху имамата. Этот материал представляет

[1] *К.* Левый фланг Кавказской линии в 1848 г.// КС. 1886. Т. 9. С. 430. Прим.

иногда значительно больший интерес, чем даже официальная переписка, так как в воспоминаниях и письмах отражалось многое, что не могло найти место в официальных бумагах. Во всяком случае, третья группа источников оказывается весьма любопытным и часто чрезвычайно ценным комментарием ко второй. Работ сводного порядка и различных «Обзоров» мы пока касаться не будем, к источникам они имеют опосредованное отношение, так как сами написаны на основании этих последних.

Работы первой группы — труды исследователей Северо-Восточного Кавказа — в большинстве своем относятся к первой половине XIX в., т. е. к эпохе имамата или ко времени, непосредственно предшествовавшему началу мюридистского движения. Однако ряд ценных данных, в основном относящихся к тому же периоду, содержится и в работах позднейших исследователей. Поэтому нам придется рассмотреть здесь и работы, вышедшие во второй половине XIX в. и в XX в., так как в них встречаются либо сведения, непосредственно относящиеся ко времени имамата, либо описание явлений, хотя и продолжавших существовать позднее, но возникших в интересующую нас эпоху. Эти мотивы позволяют нам в обзоре наших источников коснуться ряда работ, не современных эпохе, но полезных при ее изучении. Отдельные работы мы назовем ниже, мотивируя их привлечение к истории имамата и мюридизма.

И.-А.Гильденштедт

На первом месте здесь — работы исследователей и путешественников по Северо-Восточному Кавказу, писавших в интересующую нас эпоху или незадолго до нее, начиная с последней четверти XVIII в. Работы эти характеризуются недостаточной достоверностью целого ряда сведений. Сюда мы относим прежде всего «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» по материалам Гильденштедта начала семидесятых годов XVIII в.[1]. Работа эта, особенно в частях, относящихся к Нагорному Дагестану, составлена чрезвычайно небрежно. Сведения, которые получал путешественник, не проверялись, и в результате книга изобилует ошибками. Приведем одну из них, показывающую, что Гильденштедт не представлял себе конкретных условий жизни народов, о которых ему пришлось писать. О двух обществах Верхнего Дагестана, Дидо и Унзо (Гунз), Гильденштедт сообщает: «Жите-

[1] *Гильденштедт И.-А.* Географическое и статистическое описание: Грузия и Кавказ. Спб., 1809. Конечно, академик Гильденштедт не отражал официальной точки зрения царизма, но ему пришлось использовать почти исключительно данные официальных источников, почему мы и отнесли его работу к первой группе. То же нужно сказать и о работе Чулкова.

ли варят также несколько селитры и делают порох, покупая серу *за пшеницу, которой они нарочно богаты*»[1] (выделено мной. — *Н.П.*). И это автор утверждает относительно того самого Дидойского общества, о котором через пятьдесят лет по выходе работы Гильденштедта Берже сообщал: «Хлебопашество и скотоводство здесь не в завидном состоянии. Дидойцы, напротив того, чувствуют большой недостаток в хлебе, который они прежде вывозили из Кахетии»[2]. Официальные данные второй половины XIX в. также свидетельствуют о резком недостатке хлеба у Дидойского общества. Неточность сведений Гильденштедта находит свое объяснение в том, что автор в Дагестан не проник. Он сам сообщает, что ничего не узнал о языке кайтагцев и табасаранцев, что внутрь Дагестанского округа его не допустили и что, наконец, поездка студента Крашенинникова из Кизляра в Тарки не дала результатов. Отсюда, разумеется, необходимость говорить по слухам и недостоверность рассказа.

М.Д.Чулков

Значительно выше труда Гильденштедта по осведомленности «Историческое описание российской коммерции» Чулкова, выходившее в конце XVIII в. Но сведения автора относятся главным образом к Приморскому Дагестану, о внутренних областях он знает мало. Несомненна осведомленность Чулкова о хозяйственной жизни дагестанских горцев: у него есть данные не только о работорговле и торговле продуктами, земледелии и скотоводстве отдельных ханств, — он совершенно правильно характеризует хозяйственное лицо основных частей Дагестана: шамхальства, Даргинского союза, Кайтага и Табасарани и т.д. Он пишет, например, об акушинцах: «...у них пашней очень мало, но много скота, особливо овец, на которых шерсть несколько лучше, нежели на других в тамошних странах, чего ради и делают много сукна, которое во все тамошние земли развозится и потребляется подлым народом на платье; также и войлочные епанчи [бурки. — *Н.П.*] делают, однако, не очень хорошие»[3]. Сведения эти вполне согласуются с целым рядом позднейших данных, в том числе и в подробностях: упоминается даже производство бурок, имеющееся в Даргинском союзе только в селении Буксры, причем буксринские бурки действительно считались по качеству ниже андийских. В общем, Чулкова можно для конца XVIII в. считать довольно надежным источником по истории дагестанской экономики.

---

[1] *Гильденштедт И.-А.* Географическое и историческое описание... С. 127 — 128.

[2] Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь за 1859 г. Тифлис, 1858. С. 253.

[3] *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. С. 490.

Записки путешественников XVIII в.

Сведения о Северо-Восточном Кавказе даются и некоторыми путешественниками. Из них назовем Штелина[1] и Рейнеггса[2]. Оба они дают ряд наблюдений, хотя подчас поверхностных и не свободных от ошибок. В частности, Рейнеггс, говоря о шейхе Мансуре, утверждает, что «его собственное имя было Мухаммед»[3]. Наконец, в сочинении Дебу «О Кавказской линии»[4] использованы материалы «Описания», осуществленного в конце XVIII в. П.С.Потемкиным.

XIX век. Е.Эйхвальд

Из путешественников, наблюдавших Северо-Восточный Кавказ в первой половине XIX в., нужно прежде всего назвать Эйхвальда[5]. Он ездил в конце двадцатых годов, но книга его вышла лишь в 1837 г. Ему удалось собрать целый ряд сведений не только о состоянии Северо-Восточного Кавказа, но и о борьбе горцев за независимость.

Первому имаму, Гази-Мухаммеду, он посвятил даже целую главу своего сочинения. Это обстоятельство тем более ценно, что данных о происхождении мюридизма в литературе тридцатых годов очень мало. Эйхвальд же приводит целый ряд сведений, хотя и не слишком точных, о начале проповеди Гази-Мухаммеда и даже называет Курали-Магому. По его данным, Гази-Мухаммед отправился учиться к кадию селения Берикей. Этот последний «увидел у Кази Могамеда необычайное прилежание и сметливость и послал его к известному своею ученостью кадию Могамеду во владения Аслана хана Казикумухского; у последнего он изучал арабский язык и воспринял дух магометанских предрассудков и ненависти к инакомыслящим»[6]. Несмотря на краткость и недостаточную точность сообщения Эйхвальда оно очень ценно, так как позволяет проверить данные единственного источника, подробно

[1] *Stälin J.J.* Nachrichten von Tschirkassien oder von den Kabardinischen Landen // Magazin für die Neue Historie und Geographie von Busching (Busching's Magazin). Th. 6. Hamburg, 1771. Известия Штелина использовал д'Оссон в своей работе, посвященной описанию народов Кавказа (*D'Osson.* Les peuples du Caucase. Paris, 1828. P. 178).

[2] *Reineggs.* Allegemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha, SPb., 1796.

[3] Там же. С. 256.

[4] *Дебу И.* О Кавказской линии и присоединенном к ней черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, о соседственных горских народах. Спб., 1829. Из «Описания» П.С.Потемкина взяты §§ 46 — 88. Само «Описание» находится в ЦВИА.

[5] *Eichwald E.* Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus. Stuttgart, 1837.

[6] Ibid. B. I. Abt. II. S. 678.

трактующего о начале мюридизма, — «Записок» Прушановского, составленных уже в сороковых годах.

К.Кох

Другой путешественник, Кох[1], ездил по Кавказу уже в начале сороковых годов. Его осведомленность и о происхождении мюридизма, и об истории борьбы горцев за независимость несравненно большая, чем у Эйхвальда. Кох не только знает историю проникновения тариката в Дагестан, но осведомлен и о его ширванском предшественнике. Он не пытается сводить весь мюридизм к выдумке мулл[2]. В то же время в своем отчете о путешествии по Кавказу Кох подходит к описанию известных ему событий осторожно, часто избегает известных легенд о зверствах и религиозном фанатизме горцев. Очень показательно в этом отношении то место его работы, в котором он рассказывает об истреблении аварских ханов. Гамзат, говорит Кох, «...потребовал от Баху Бег[3], чтобы она собрала из своих подданных 1000 человек и направила их в его распоряжение. Когда это не было исполнено, он подошел с большой толпой своих приверженцев к Хунзаку. Баху Бег послала к нему двух своих старших сыновей для переговоров; дело дошло до ссоры и вскоре за тем и до стычки, в которой оба сына были убиты»[4]. Кох в этом сообщении не пытается навязать читателю излюбленную легенду царизма о вероломстве второго имама. Наоборот, безличной формой он подчеркивает стихийность убийства.

Совершенно иным представляется тон другой, значительно более поздней работы Коха, изданной после его смерти[5]. Тут уже господствуют и фанатизм, и зверства. Мюридизм в этой поздней работе Коха уже не народное движение. «Разбой и грабеж были сигналом для его последователей»[6]. Но зато и «Кавказ» Коха во всех отношениях стоит ниже «Путешествия». Помимо сведений непосредственно о военных действиях в «Путешествии» есть ряд

---

[1] *Koch K.* Reise in Grusien, am Kaspischen Meere und in Kaukasus. Weimar, 1847. Книга представляет собой том 3-й из Wanderungen im Oriente während der Jahre 1843 u. 1844.

[2] *Koch K.* Reise in Grusien... S. 415, 416.

[3] Аварская ханша Паху-бике.

[4] *Koch K.* Reise in Grusien... S. 388.

[5] *Koch K.* Der Kaukasus. Berlin, 1884. Кроме того, краткое извлечение из записок о путешествии Коха и некоторых других путешественников изданы на немецком и голландском языках: *Koch K.* Die kaukasische Länder und Armenien in Reiseschilderungen. Leipzig, 1855; *Koch K.* De caucasische landen en Armenië in reistafereelen. Groningen, 1856. Здесь имеется и специальная глава о шамилевском имамате: Schamyl en de caucasische oorlog.

[6] *Koch K.* Der Kaukasus. S. 144.

интересных данных о внутреннем строе имамата, заимствованных по большей части из официальных царских источников, но иногда и добытых расспросным путем. Одним словом, «Путешествие» Коха, как и «Путешествие» Эйхвальда, — это источники, представляющие значительный интерес для историка.

Первая половина XIX в. дает нам и целый ряд общих работ, в некоторых частях посвященных описанию Северо-Восточного Кавказа. Упомянем труды С.Броневского, О.Евецкого, П.Зубова[1]. Авторы дают описание или всего Дагестана, или приморской его части и в положении прибрежных ханств довольно хорошо осведомлены. В этой части их сведения о сельском хозяйстве, промышленности и отчасти торговле могут быть почти полностью использованы историком. Попадаются интересные сведения об обычаях и небезынтересны очерки государственного устройства. Выяснить же социальный строй и социальные взаимоотношения по этим работам почти совершенно невозможно. Осведомленность авторов упомянутых работ о делах Нагорного и особенно Верхнего Дагестана вообще невелика, и использовать их здесь можно только в отдельных случаях, да и то после тщательной проверки. Особенно недостоверны приводимые почти всеми перечисленными авторами сведения о численности населения. Цифры брались «на глаз», без всякой проверки, и в результате получились вопиющие расхождения. Так, например, для Каракайтага Броневский дает цифру в 25 000 дворов (от 100 до 150 тыс. человек), а Зубов указывает цифру в 65 000 человек[2]. Данные Зубова несколько ближе к истине, чем данные Броневского, но и те и другие одинаково ненадежны даже в сравнении с крайне несовершенными и тоже составленными «на глаз» сведениями камерального описания, на которые опирается в своих работах Берже.

А.Неверовский

Совершенно особняком в этих описаниях в смысле достоверности и надежности стоит небольшая книжка подполковника Генерального штаба Неверовского[3]. Он был одним из офицеров царской разведки в 1840-х гг. В его руки попадали те сведения, которые доставлялись лазутчиками, и в архивах часто встречаются

[1] *Броневский С.* Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. М., 1823; *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. Спб., 1835; Он же. Обозрение российских владений за Кавказом. Спб., 1836; *Зубов П.* Картина Кавказского края. Спб., 1835.

[2] Позднейшие данные Неверовского (1847 г.) дают 10 000 человек.

[3] *Неверовский А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в статистическом и топографическом отношениях. Спб., 1847 (или: ВЖ. 1847. № 5).

сводки добытых им данных[1]. Поэтому осведомленность его сравнительно высока. Но данные, сообщаемые Неверовским, если исключить физико-географический очерк, сводятся исключительно к сообщениям о положении сельского хозяйства и промышленности в описываемых районах и совершенно умалчивают о социальных взаимоотношениях.

Значительную ценность представляют данные, характеризующие главнейшие торговые центры и предметы торговли в горах, но, к сожалению, Неверовский дает их слишком кратко, как бы мимоходом, и поэтому полной картины не получается. В общем, работа Неверовского выделяется в упоминавшейся выше группе описаний Дагестана лишь большей достоверностью.

Н.И.Воронов

Гораздо ценнее группа статей конца пятидесятых и шестидесятых годов, в которых царские чиновники и офицеры, командированные правительством с различными поручениями в горы, сообщали свои наблюдения. На первом месте несомненно находится большая работа Н.И.Воронова[2], к сожалению, незаконченная. Воронов путешествовал со специальным поручением выяснить экономическое положение обществ Нагорного Дагестана и, приезжая в селения, собирал «джамааты», сельские сходы, где и ставил ряд интересующих его вопросов. Сообщения, добытые таким путем, им записаны и изданы вместе с описанием самого путешествия. Маршрут Воронова — Верхний Дагестан, Тилитль, Авария, но данные, полученные в последнем районе, изданы не были. Работой Воронова исследователю приходится пользоваться очень часто, так как она дает, пожалуй, наиболее подробные сведения по упомянутому району. Заметим кстати, что материалы Воронова были использованы М.Н.Покровским в его работе «Завоевание Кавказа». Необходимо также иметь в виду, что Воронов путешествовал в 1867 г., т.е. через 8 лет после падения имамата. Большого значения, однако, эта поправка не имеет: в большинстве случаев явления, имевшие место в конце шестидесятых годов, зародились или даже успели развиться в предыдущую эпоху, во время имамата.

Значительное количество других статей и заметок, разновременно появлявшихся и в шестидесятых годах, могут служить историку лишь эпизодически, но нужно отметить, что в некоторых

[1] Окольничий характеризует работы Неверовского, напечатанные в «Военном журнале» 1847 — 1848 гг., как «собранные автором на месте по свежим следам и в высшей степени замечательные по достоинству изложения» (*Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 2. С. 337. Прим.).

[2] *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // ССОКГ. 1868. Вып. 1. С. 1—36; 1870. Вып. 2. С. 1—40.

из них попадается очень ценный материал. Из длинного списка подобных сообщений приведем лишь некоторые, имеющие несколько больший интерес. Это статья в газете «Кавказ»: Н.З. «Военно-Ахтынская дорога и Самурский округ»[1], дающая некоторые сведения, главным образом о самурских аулах. Между прочим, говоря о селении Борч, автор упоминает о наличии здесь ряда крупных владельцев овец: «В Борче в жалкой горной пустыне вы нередко найдете у лезгина до тысячи овец». В связи со встречей с андийским караваном на ахтынской дороге он сообщает мимоходом некоторые подробности об андийской торговле и ее судьбах после 1859 г. и т.п. К тому же типу относится статья Вучетича «Четыре месяца в Дагестане»[2], также упоминающая о самурских обществах. Некоторые очень интересные данные о социальном строе дает И.Бахтамов в статье «Чирка или аул Чиркей»[3]. Он сообщает между прочим: «...аул Чиркей состоит в настоящее время из 700 с лишком дворов, из коих до 200 семейств считаются кулами (рабами), освобожденными, однако ж, на волю разновременно своими владельцами, а остальные жители считают себя узденями, свободными, никому не принадлежащими, самостоятельными; князей между ними нет». Сведения эти представляют значительный интерес и имеют значение для разрешения проблемы феодализма на Северо-Восточном Кавказе. Они указывают на то обстоятельство, что при отсутствии феодалов и феодальных отношений в Чиркее существовали (очевидно, в первой половине XIX в.) отношения рабства, что рабы составляли до 30% населения и что, наконец, рабовладельцами были уздени, рассматриваемые на Северо-Восточном Кавказе обычно как свободное крестьянство. О Нагорном Дагестане также отрывочные сведения можно найти в сообщениях Костемеревского «Поездка в Гунибский округ»[4] и Кр-го «3 дня в горах Калалайского общества»[5]. Мы не будем продолжать, так как список таких работ, повторяем, очень велик, и во многих из них историк сможет найти интересные указания на те или иные моменты, играющие довольно видную роль в истории имамата.

О.В.Маркграф

Наконец, заканчивая характеристику группы работ, написанных путешественниками и исследователями, остановимся на двух трудах позднейшего времени. Это, во-первых, книга Маркграфа[6],

[1] Газ. «Кавказ». 1864. № 1.
[2] Там же. № 75.
[3] Там же. 1863. № 30.
[4] Там же. 1861. № 26.
[5] Там же. № 83 – 85.
[6] [*Маркграф О.В.*]. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.

дающая чрезвычайно ценный материал о положении кустарной промышленности и отдельных групп кустарей и ремесленников не только в семидесятых годах, в то время, когда собирали материал, но и значительно раньше. Маркграф, описывая процесс обработки оружия в сел. Кубачи, подробно останавливается на отношениях, сложившихся здесь между кустарями в результате детального разделения труда по операциям. Оказывается, что кустарь-стволовщик является эксплуататором по отношению к остальным кустарям. «Хозяева-стволовщики наиболее зажиточные из всех прочих кустарей, и, получая заказы на стволы, они, в сущности, готовят их только начерно, для остальных манипуляций отдают стволы в следующие руки. Они же, получая деньги за всю работу, рассчитываются с прочими кустарями»[1]. Некоторые, также чрезвычайно ценные данные по вопросу о кустарной промышленности имеются во второй из этих двух работ, в статье учителя С.Кардашева «Селение Карабудагкент»[2], причем Кардашев дает описание наиболее архаической формы ремесла.

У.Лаудаев

Среди работ, посвященных Чечне, очень значительное место занимает работа У.Лаудаева «Чеченское племя»[3]. Автор ее, чеченец, колоритная фигура. Учился он в кадетском корпусе и к моменту издания работы имел чин ротмистра царской армии. С другой же стороны, лицо Лаудаева достаточно хорошо характеризуется тем, что он занесен в «список владельцам и их холопам в Чеченском округе»[4] как один из немногих (в шестидесятых годах) чеченских рабовладельцев. Это яркий представитель того слоя чеченских эксплуататоров, которые пошли на службу к русскому царизму и которые служили верной опорой военно-феодальной колониальной политики царской России на Кавказе. Лаудаев усиленно подчеркивает «дикость» чеченцев и всеми силами защищает колониальную политику царизма. «Общественная жизнь чеченцев во все времена представляла печальное зрелище; она не была обеспечена никакими условиями, и если благонамеренными людьми, по примеру соседей, предпринимались благие меры, то не было средств приводить их в исполнение... Почти до покорения их русскими они имели одно право — право оружия»[5]. По Лаудаеву, только царизм осчастливил Чечню: «Издавна вольные че-

[1] Там же. С. 210.

[2] *Кардашев С.* Темир-Хан-Шурский округ. Сел. Карабудагкент // СМОМПК. 1891. Вып. 11. С. 177 — 181.

[3] *Лаудаев У.* Чеченское племя // ССОКГ. 1872. Вып. 6. С. 1—62.

[4] Дела Объединенного горского исторического архива. Фонд канцелярии начальника Терской обл. Дела холопские. Св. 24. Д. 3. Об освобождении зависимых сословий в среднем военном отделе.

[5] *Лаудаев У.* Чеченское племя. С. 23.

ченцы наслаждаются свободой только в настоящее время... Ныне они уже не походят на те нагие и голодные толпы, кои двенадцать лет тому назад, разоренные наибами, робко являлись под защиту русских»[1].

Лаудаев прилагает все силы к тому, чтобы оправдать грабеж Чечни царизмом. Он не стесняется средствами, пытается даже доказать, что... чеченские земли издавна принадлежали не чеченцам, а русским. Для доказательства этого положения предпринимается большой экскурс в историю Кавказа, в результате которого «оказывается», что русские явились в Чечне прямыми преемниками татар: «Нет сомнения, что русские, по своему завоевательному духу, зашли в Чечню, вытеснили из нее ослабевших татар и поселились в ней житьем», причем «русские были тогда не временными посетителями Чечни, готовыми оставить ее при первом случившимся неудобстве, но жили оседло...». Уходят русские из Чечни только после Петра. Но, «удалившись за Терек, русские, однако, не оставили своего притязания на оставленную землю. Считая ее своей собственностью, они позволили чеченцам занимать плоскость на условиях... Условия эти заключались в том, чтобы ими можно было оградить хищнические нападения чеченцев за Терек». Так оправдывает чеченский рабовладелец грабительскую колониальную политику царизма.

Работа, как говорится в предисловии, представляет собой только выдержки из рукописи Лаудаева, что, разумеется, снижает ее значение как исторического источника, так как редактирование, очевидно, изъяло немало интересных мест. Но, несмотря на это, историк не может пройти мимо этой работы. Лаудаев хорошо знает чеченские отношения, он сообщает ряд весьма существенных данных по вопросу о родовых взаимоотношениях и, что особенно интересно, дает возможность разобраться во внутриродовых, вернее, внутритейповых, отношениях, показывая, что и здесь царит тот же принцип эксплуатации, что и в отношениях междутейповых. Правда, эти данные Лаудаев приводит как бы нехотя, можно даже сказать, что он проговаривается, но тем интереснее его высказывания. Немаловажное значение имеют и те данные, которые приводятся Лаудаевым по вопросу о рабстве, несмотря на наличие и здесь попыток замазать истинное положение вещей.

К.Самойлов

Сравнительно с указанными основными капитальными работами по Чечне остальные имеют гораздо меньшее значение. Так, статья капитана К.Самойлова «Заметки о Чечне»[2] дает общий очерк Чечни в духе работ по Дагестану, печатавшихся в газете

[1] Там же. С. 31.

[2] *Самойлов К.* Заметки о Чечне // РиП. 1855. № 9/10. С. 44—86.

«Кавказ», но значительно обстоятельнее их. Основное ее содержание — состояние сельского хозяйства, промышленности и торговли у чеченцев, и поэтому статья может служить лишь дополнением к упомянутым выше основным работам.

А.П.Ипполитов

Такой же характер имеют некоторые другие статьи, помещавшиеся в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Из них назовем статью начальника Аргунского округа А.П.Ипполитова, типичного царского офицера[1]. Работа его, «Этнографические очерки Аргунского округа»[2], содержит интересные данные о социальном строе Чечни. Так, Ипполитов подтверждает сведения фрейтаговского сборника о положении рабов: «Они стояли вне всякого права: и собственность, и жизнь их вполне зависели от воли владельца»[3]. При всем стремленни этого этнографа представить чеченское общество обществом равных у него встречаются знаменательные оговорки. Так, он пишет: «Впрочем, из того, что я сказал, касательно отсутствия в племенах чеченского происхождения всякого аристократического начала, не надо заключать однако же, чтобы стремления к нему вовсе в народе не существовало»[4]. Если сопоставить это заявление с другим местом той же работы, другой оговоркой, гласящей, что «фамилия Ахшипатой, вышедшая прежде других на плоскость Чечни и взыскивавшая когда-то подать за эту землю, признается за аристократическую»[5], то ценность заявлений о том, что сословных отличий ни в Чечне, ни между племенами, населяющими Аргунский округ, нет[6], станет ясна.

И.Попов

То же можно сказать и о статье И.Попова «Ичкерия»[7]. Наиболее ценным в статье Попова является список тейп, анализ которого помогает вскрыть некоторые моменты в междутейповых взаимоотношениях, а ряд мельком брошенных замечаний говорит о наличии эксплуатации в чеченском обществе.

---

[1] Верная служба Ипполитова не прошла незамеченной. В семидесятых годах отмежеван был ему в Нагорной Чечне участок в тысячу десятин удобной земли (см.: *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы: (Культ.-экон. исслед. Чечен. р-на нагорной полосы Терской обл.) // ТСб. 1910. Вып. 7. С. 56).

[2] ССОКГ. 1868. Вып. 1.

[3] Там же. С. 43.

[4] Там же. С. 45.

[5] Там же. С. 5.

[6] Там же. С. 43.

[7] *Попов И.* Ичкерия // ССОТО. 1878. Вып. 1.

Н.С.Иваненков

На других работах XIX в., а их имеется значительное количество, мы останавливаться не будем и упомянем лишь об одной работе начала XX в., о статье Н.С.Иваненкова «Горные чеченцы»[1]. Эта последняя, несмотря на то, что написана сравнительно поздно, дает описание ряда архаических черт в чеченской экономике и помогает разобраться в родовых взаимоотношениях, в частности же дает большой ценности конкретный материал о роли ростовщичества в разложении чеченского рода. Так, например, «мы видим отдачу земли владельцем ее в бессрочное условное пользование другому лицу за позаимствование у него какой-либо вещи из движимости, например, хлеба, скота, лошади, одежды и пр. Такое обязательство у чеченцев называется "керпесна" и заключается в том, что до тех пор, пока должник не отдаст взятой вещи или денег, заимодавец не возвращает землю и пользуется ею»[2].

Но особенно большое, можно сказать, решающее значение для историка имамата имеют приведенные Иваненковым данные о земельных пожалованиях Шамиля, являющиеся бесспорным доказательством роста в горах новых групп феодалов[3].

2. СООБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ ОБ ИМАМАТЕ

Особую группу работ составляют сообщения современников о внутренних делах имамата. Сообщения эти представляют собой либо данные, собиравшиеся офицерами царской разведки во время их путешествий по горам, либо пересказы содержания бесед с видными представителями мюридизма, главным образом с Шамилем. По заданиям Генерального штаба его офицеры неоднократно бывали в горах. Так, только для одного 1836 г. можно указать следующие «скрытые обозрения» Чечни и Дагестана офицерами Генерального штаба: 1. Под видом пленного из Джаро-Белоканской области в Темир-Хан-Шуру проведен через земли непокорных лезгин топограф. 2. Из Кахетии в Чечню (Грозная) послан был топограф, прошедший через снеговой хребет и обратно через земли кистинцев и дидойцев. 3. Из Владикавказа через Чечню в Андию и лезгинские общества, лежащие по направлению в Кахетию, прошел князь Уцмиев с топографом[4]. Некоторые из таких «обозревателей» издали сводки своих наблюдений. Большая часть подобных рукописей осталась, впрочем, неопубликованной, и лишь изредка встречающиеся в работах царских генералов ссылки свидетельствуют о богатствах, заключающихся в архивах.

---

[1] ТСб. 1910. Вып. 7.

[2] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. С. 37 — 38.

[3] Там же. С. 53—54.

[4] АКАК. Т. 8. С. 381.

К.И.Прушановский

Из числа изданных записок подобного рода необходимо упомянуть прежде всего о путевых записках штабс-капитана Генерального штаба Прушановского[1]. Автор их в самом начале 1840-х гг. «совершил целый ряд поездок в Южный и вольные общества Нагорного Дагестана, сопряженных со всевозможными трудностями, денежными пожертвованиями и даже опасностями»[2].

Работа эта представляет немалый интерес, особенно в той части, которая трактует о начале мюридизма. «По своей добросовестности, полноте, значительному числу любопытных и редких материалов и важности и новости предмета — это описание опытного и совершенно знакомого с краем офицера заслуживает полного внимания... и в настоящее время есть единственный источник, где можно почерпнуть по возможности верные сведения о постепенном развитии мюридизма и настоящего положения дел в Дагестане»[3]. Так характеризовал работу Прушановского один из работников Генерального штаба, Вольф. К этому можно прибавить, что Прушановский в 1841 г. состоял при командире Отдельного Кавказского корпуса (тогда им был генерал Головин) и был назначен в Дагестан «для исторических и всех прочих исследований, касающихся этого края»[4]. Ему удалось собрать богатый материал о первых моментах проповеди Курали-Магомы в 1825—1827 гг. Прушановский иногда оказывается едва ли не единственным источником, и широко распространенные рассказы о зарождении мюридизма в Кюринском ханстве обычно восходят к его запискам. Такое исключительное положение этого источника заставляет нас подойти к нему с особой осторожностью. Кое-какие моменты у Прушановского могут быть проверены по другим источникам, в частности, по сочинениям местных горских авторов. И здесь вскрывается интересное обстоятельство: Прушановский, повидимому, имел вполне надежных осведомителей, людей, знакомых с началом мюридизма. Стиль рассказов о Курали-Магоме указывает на горские мусульманские источники сведений Прушановского. Это сразу становится ясным, если только сравнить

[1] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала... // КС. 1902. Т. 23. С. 1—73.

[2] Отзыв Н.И.Вольфа от 2/I-1844 г. (очевидно, описка, следует: 1845). См. дело с запиской жандармского подполковника Юрьева «Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами» // ЦВИА ВУА. Д. 6550. Л. 23. Юрьев, переписав первый вариант записки Прушановского, представил его в Петербург как свое произведение. Вольф вскрыл плагиат.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 6550. Л. 23—24.

[4] Дела Архива окружного штаба. Топографический отдел. Цит. по: *Юров А.* 1840, 1841, 1842 годы на Кавказе // КС. 1888. Т. 12. С. 266.

стиль разбираемой части записок со стилем хотя бы Гаджи-Али или Мухаммеда-Тахира ал-Карахи[1].

Опубликованный текст Прушановского — не единственный. Имеются еще три редакции записок, иногда значительно отличающиеся от окончательной. Самая ранняя из них была написана около 1840 г. на Кавказе и переслана в Петербург. Она озаглавлена: «Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникнувших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами»[2]. Вариантом ее является также рукопись «Общий взгляд на причины и последствия беспокойств, происшедших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами»[3]. Наконец, третья, распространенная, написана около 1843 г. под заглавием «Историческая записка Генерального штаба штабс-капитана Прушановского о начале и развитии мюридизма или духовной мусульманской войны в Дагестане и Чечне с 1823 по 1843 год»[4]. Мы не будем проводить здесь сравнения всех редакций по всем затрагиваемым ими вопросам[5].

---

[1] Подчеркиваю, что речь здесь идет не о фактах, а о самом характере рассказа и о методах исторического исследования, весьма характерных для горских мусульманских авторов.

[2] ЦВИА ВУА. Д. 6430. См. также д. 6550.

[3] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 57.

[4] ЦВИА ВУА. Д. 6512. В примечании Прушановский сообщает, что части 1 и 2 (история первого и второго имамов) написана в 1841 г., а часть 3 — в 1843 г. Текст, почти идентичный печатному, находится в Рукописном отделе Библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Его шифр: F IV 769.

[5] Укажем только некоторые расхождения между печатной редакцией («Выписка из путевого журнала...») и краткой («Общий взгляд...»). Так, указания печатной редакции на речи, говорившиеся в Кюрдамире, во время совещания у Хаджи-Исмаила (с. 3), на речь Гази-Мухаммеда, обращенную к жителям аула Черкей (с. 12), на отказ Гамзат-бека оказать помощь Гази-Мухаммеду во время осады царскими войсками аула Гимры в 1832 г. (с. 21) в кратком варианте отсутствуют. Также отсутствует текст воззвания, отправленного Гази-Мухаммедом к жителям Дербента (с. 19—20). Говоря о путешествии Курали-Магомы в Кюрдамир, краткий вариант сообщает, что ярагский мулла пригласил 10 мулл, печатная редакция сообщает более глухо: «многих кюринских мулл» (с. 2). Любопытно сравнить историю убийства аварских ханов в передаче обоих вариантов. Согласно краткому (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 57. Л. 13 об.), нападение на Нуцал-хана произошло еще в палатке, куда пригласил хана Гамзат-бек: «Когда хан вошел в палатку, толпа убийц коварно окружила его». Нуцал «успел вырваться из палатки, но там число неприятелей его еще возросло». Мюриды растерялись от упорного сопротивления и тогда на сцене появился Шамиль. «Он ободрил злодеев и Султан Нуцал хан пал под градом пуль». Эта версия не соответствует истине, но не более верна и другая, приводимая в печатной редакции и прямо возлагающая вину на Гамзат-бека: «вероломный предводитель мюридов, выйдя из палатки, приказал убить хана и его 8 нукеров» (с. 24—25). Очевидно, в промежутке между составлением первой и второй редакции Прушановский успел ознакомиться с данными Неверовского.

Но при хорошем осведомлении Прушановский не сумел дать достаточно отчетливую картину хода событий, и в результате авторы, черпавшие материал у Прушановского, представили целый ряд фактов, относящихся к возникновению мюридизма, в искаженном виде. Роль ширванского мюридизма как источника мюридизма дагестанского Прушановским смазана, а вследствие этого заимствовавшие у него авторы почти совершенно опускали ее[1]. Рассказ Прушановского, широко известный по опубликованной редакции, намекает на «импорт» тарикатского учения в Дагестан из Бухары в 1823 г. (см. гл. III.2).

Между тем, эта опубликованная редакция записок Прушановского — не первоначальная. В более раннем кратком варианте («Общий взгляд на причины и последствия беспокойств...») описание начинается не с Кюринского ханства, куда, по опубликованной редакции, был «импортирован» тарикат из Бухары, а с Ширвана: «Причиной этого зла и кровопролития был живший в Ширванском ханстве в с. Кюрдамир Ефендий Гаджи Исмаил, называвшийся Мюршидом (главой учения). Звание это он получил от учителя своего, какого-то известного на востоке богослова, который по прямой наследственной линии возводил его до самого Магомета»[2]. И только после этого автор переходит к Курали-Магоме: «В Кюринском ханстве, в селе Ярах был Мулла Магомет, считавшийся по глубокому уму и высоким познаниям одним из дагестанских улемов (ученых). На него обратил внимание Гаджи Исмаил и, избрав своим орудием, успел с ним сблизиться. Мулла Магомет, вероятно, по предварительному согласию с мюршидом, собрав более 10 мулл, отправился в с. Кюрдамир»[3]. Процитированный ранний вариант значительно отличается от позднего, в котором рассказывается о поездке воспитанника Курали-Магомы, Хас-Мухаммеда, в Бухару и его возвращении с учением о тарикате. Ранний вариант, безусловно, правдивее и ближе к истине.

Обращает на себя внимание отсутствие в краткой редакции упоминаний имени Хас-Мухаммеда. Между тем последний был реальным историческим лицом, о нем упоминает такой хорошо осведомленный автор, как шейх Джемал ад-Дин Казикумухский[4]. Отсутствие упоминаний о Хас-Мухаммеде в это время, очевидно, не случайно. Немецкий путешественник Кох, бывший на Кавказе в 1843—1844 гг., в нескольких словах сообщил о появлении накшбендийского учения в Дагестане, назвал имена и Хаджи-Исмаила (Hadschi Ismail Effendi), и Курали-Магомы (Mohammed Effendi), и даже того, чьим учеником являлся Хаджи-Исмаил и чье имя осталось неизвестно Прушановскому, — Халид-Шаха (Halidscha

[1] Ср. то, что говорится ниже о работе Окольничего.

[2] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 57. Л. 2, 2 об.

[3] Там же. Л. 3, 3 об.

[4] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия // СССОКГ. 1869. Вып. 2.

Schah)[1]. Но и Кох не знает Хас-Мухаммеда. Имя этого шейха появляется впервые только в распространенной редакции, в «Исторической записке» Прушановского, и с этого момента в рассказе на первый план выплывает Бухара и прочие атрибуты «импорта» тариката в Дагестан.

Что же произошло между 1841 и 1843 годами, между временем написания последней краткой и первой распространенной редакций? Ответить на этот вопрос достаточно категорически пока еще нельзя. Но высказать кое-какие предположения — возможно. Дело в том, что распространенный вариант работы Прушановского имеет ряд очень любопытных параллелей. Несколько позже написания его, но ранее опубликования, в начале 1847 г., в «Военном журнале» появилась статья подполковника Генерального штаба Неверовского «О начале беспокойств в северном и среднем Дагестане»[2], имеющая в начале просто поразительное сходство с рукописью Прушановского. Многие места совпадают дословно. Это разительное сходство продолжается на всем протяжении описания событий 1823—1830 гг., т.е. до того момента, пока не начинаются данные официальной переписки. Другая работа, имеющая не менее поразительное сходство с распространенным вариантом сочинения Прушановского, — книга Боденштедта «Народы Кавказа и их борьба за независимость против России»[3]. Вот, например, выдержка из речи жителей аула Чиркей, обращенной к Гази-Мухаммеду, в передаче Прушановского: «Научай нас шариату... но если ты станешь требовать от нас, чтобы мы шли на газават, чтобы шли воевать с русскими, то наперед отвечаем тебе, что не пойдем, ибо нам нельзя итти. Наши аманаты в Андрееве, стада наши пасутся на землях, занятых русскими, и мы не в состоянии сопротивляться им, можем погибнуть»[4]. А вот то же место по Боденштедту: «Научай нас шариату... но мы не можем предпринять борьбы с русскими, как ты это предполагаешь. Мы уже слишком много страдали от этих врагов и было бы безумием с нашей стороны возобновлять враждебные действия, которые еще вернее увлекут нас к гибели. Русские держат в Андрееве в залоге наиболее знатных из нашей среды; наши стада пасутся на их земле»[5]. Разница между обоими текстами совершенно незначительна и общность их происхождения бросается в глаза. Ни Прушановский, ни Неверовский ничего не говорят о своем источнике. Боденштедт не пытается скрыть тех работ, по которым он составил свою. Это

[1] *Koch K.* Reise in Grusien... S. 415—416.

[2] ВЖ. 1847. № 1. С. 81—116.

[3] *Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie. Paris, Dentu, 1859. Боденштедта мы цитируем по французскому переводу, т.к. немецкого издания не нашли.

[4] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала ... // КС. 1902. Т. 23. С. 12.

[5] *Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase... P. 470.

1) русские официальные сообщения, 2) рассказ Хас-Мухаммеда, ученика муллы из Ярага и 3) «Рукопись, написанная на русском языке, распространенная во многих копиях в Тифлисе. Автором этой брошюры является генерал Пассек»[1].

Прушановский в некоторых ссылках к «Путевым запискам» также указывает на данные Д.В.Пассека как на свой источник. Но ссылки эти касаются лишь некоторых вопросов внутреннего устройства имамата в сороковых годах. Вопросы начала мюридизма и появления тариката в Дагестане им не рассматриваются. Экземпляр «Записок» Пассека, написанный в 1843 г., имеется в Архиве Академии наук[2]. Он почти не имеет параллелей с рассказом Прушановского, Неверовского и Боденштедта. Таким образом, можно считать, что источником для традиционной версии происхождения мюридизма были не «Записки» Пассека. Им не могла быть и официальная переписка. Остается один из указанных Боденштедтом источников — рукопись Хас-Мухаммеда. Но, кроме указания Боденштедта, ссылок на нее нет нигде. Попытки автора выяснить, существует ли где-либо на Кавказе в настоящее время такая рукопись, также не дали результатов. Между тем существование ее может быть признано вероятным.

Сличение различных известий о появлении мюридизма в Дагестане дает следующую картину. До середины тридцатых годов известий о накшбендийских шейхах, предшественниках Гази-Мухаммеда, не появляется. Тарикат считают изобретением этого муллы[3]. Эйхвальд, книга которого вышла в 1837 г., уже знает немного о существовании Курали-Магомы, но сведения его сбивчивы и в них ни Джемал ад-Дина, ни Хас-Мухаммеда, ни, тем более, ширванских шейхов нет[4]. Кох, собиравший свои данные в начале сороковых, уже кое-что знает о том, что мюридизм в Ширване и на Восточном Кавказе существовал несколько столетий[5], знает о Хаджи-Исмаиле, но Хас-Мухаммеда и у него нет. Картина, рисуемая Кохом, близка к раннему варианту Прушановского, варианту, написанному около 1840—1842 гг. (краткая редакция) и цитированному выше. С 1843 г. положение резко меняется. Хас-Мухаммед, до того времени отсутствовавший во всех известиях, выплывает на первый план, и в позднем варианте Прушановского (1843 г., распространенная редакция) рисуется картина, сделав-

[1] Там же. С. 420.

[2] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423. Дубровин упоминает о том, что в его распоряжении имеется три экземпляра этих записок. Однако мы обнаружили только один.

[3] Ср., например, «Выписку из отношения Командующего Отдельным Кавказским Корпусом от 25/II-1830 г., № 125 "О действиях возмутителя Казы Мугама"» // ЦВИА ВУА. Д. 6244. Л. 80. Это место цитировано ниже.

[4] *Eichwald E.* Reise auf dem Kaspischen Meere... S. 678.

[5] *Koch K.* Reise in Grusien... S. 415.

шаяся традиционной. Около этого же времени знакомится с Кавказом Боденштедт, передающий ту же, что и Прушановский, версию, но значительно более подробную. Описание путешествия муллы Мухаммеда из Ярага в Кюрдамир и беседа с шейхом Исмаилом дается Боденштедтом со ссылками на рукопись Хас-Мухаммеда.

Итак, можно предположить, что на основании записи народных дагестанских преданий Прушановский набросал некоторые штрихи истории перенесения тариката в Дагестан. Около 1843 г. в обращении появилась рукопись Хас-Мухаммеда. Она тотчас же была использована Прушановским для построения такой картины появления тариката в Дагестане, которая изобразила бы это учение как «импортное» или же как изобретение двух-трех ширванских и дагестанских мулл. Рукопись Прушановского широко разошлась в списках и была использована и Неверовским, и Боденштедтом. Впрочем, последний, несомненно, имел и рукопись Хас-Мухаммеда. А так как списки обычно не называли автора, то авторство было приписано Пассеку. Впрочем, последнее еще очень нуждается в проверке.

Пользуясь не одним Прушановским, а всем комплексом источников, историк может выделить из сочинения Прушановского то, что было им заимствовано у Хас-Мухаммеда, что было выброшено и что искажено. Исследователь сможет в то же время отделить известия Хас-Мухаммеда от народных преданий, широко использованных Прушановским. К этому комплексу источников, кроме указанных выше, относятся еще статья Махмудбекова «Мюридическая секта на Кавказе», передающая ширванские предания и наблюдения автора, «Адабуль Марзия» Джемал ад-Дина Казикумухского и «Лестница мюрида» Ильяса ац-Цудакари. Располагая всем этим комплексом, историк сможет внести необходимые поправки в работу Прушановского и тогда использовать ее.

Что касается периода после 1830 г., то здесь изложение легко проверяется официальной перепиской и другими источниками. Нужно сказать, что в изложении событий Прушановский сильно приукрашивает и искажает факты. Возможно, что это он является автором легенды о героических действиях аварской ханши Пахубике в 1830 г. во время осады Хунзаха[1]. В совершенно фантастических тонах дает он историю истребления аварских ханов[2]. Но и в этих частях работы иногда встречаются ценные замечания. Так, он отмечает фактическое поражение Ланского у Гимр в 1834 г.[3], разгром Ивелича Шамилем при Ашильте[4], он упоминает о разног-

[1] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала... // КС. 1902. Т. 23. С. 15.

[2] Там же. С. 24–25.

[3] Там же. С. 38.

[4] Там же. С. 40.

ласиях Шамиля с Ташов-Хаджи в 1834—1837 гг. и т.д.[1]. Наконец, последняя часть, посвященная внутреннему строю имамата в начале сороковых годов, имеет, несомненно, значительную ценность. Прушановский использовал здесь и те известия, которые получал сам, и известия Неверовского и Пассека, на которых он ссылается. В общем, «Путевые записки» являются источником недостаточно надежным, и пользование ими возможно при осторожном к ним подходе и при прямой или косвенной проверке данных Прушановского другими источниками. Это же необходимо иметь в виду и при использовании наиболее часто встречающихся в литературе версий, которые восходят обычно к «Запискам» Прушановского.

А.Неверовский

Менее самостоятельными в целом, но частично основанными на оригинальных материалах являются статьи упоминавшегося выше подполковника Генерального штаба Неверовского: «О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане»[2] и «Истребление аварских ханов в 1834 г.»[3]. Сравнение первой из этих работ с «Записками» Прушановского сразу же говорит о больших заимствованиях и пересказах, сделанных Неверовским. Ниже мы покажем, насколько сходен текст Неверовского с текстом Прушановского. Однако оба совпадают обычно не дословно. Неверовский чаще не переписывает, а пересказывает свой источник. Так, сильно сокращены рассуждения об упадке мусульманства, коротко пересказана речь Гази-Мухаммеда чиркеевцам и их ответ. И это продолжается на всем протяжении рассказа о возникновении мюридизма. Опуская некоторые весьма существенные замечания своего оригинала, Неверовский тем самым дал повод к дальнейшим искажениям.

Но после рассказа о событиях 1830 г. тексты значительно расходятся, и чем дальше, тем сильнее. И известия Прушановского, прежде более полные, становятся короче статьи Неверовского. Даже общее построение изложения с этой даты делается несколько другим. Вот, например, для сравнения история штурма Хунзаха Гази-Мухаммедом в 1830 г. Неверовский изложил ее с рядом подробностей, а в картине боя главную роль приписал Нуцалхану: «Молодой хан вышел из завалов, бодро встретил врагов своих, ударил на них в шашки, опрокинул, смял и, прогнав рассевшихся мюридов за хребты гор, замыкающие Аварскую долину,

[1] Там же. С. 37—38.

[2] ВЖ. 1847. № 1. С. 81—116. Статья появилась и отдельным изданием.

[3] Там же. 1848. № 3. С. 1—37. Статья также была издана отдельно.

возвратился с торжеством в Хунзах»[1]. Кстати, эта блестящая батальная сцена вовсе не находит себе подтверждения ни в официальной переписке, ни у горских историков. Приблизительно через месяц после событий Паскевич доносил Чернышеву, что 12 февраля Гази-Мухаммед «около 11 час. пополуночи напал со всем своим ополчением на жилища его [Нуцал-хана. — *Н.П.*], но каменные ограды и башни, в коих защищались приверженцы аварского владетеля, удержали стремление возмутителя»[2]. Далее идет сообщение об измене андаляльцев и гумбетовцев первому имаму. Приблизительно тот же рассказ находим и у дагестанского историка Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. Прушановский передает этот эпизод значительно короче, хотя и явно идя по следам Неверовского: «Абу Нуцал разбил Кази Муллу на голову и заставил его удалиться в Аварию»[3].

Значительно больший интерес представляет работа Неверовского «Истребление аварских ханов в 1834 г.». В самом же начале ее Неверовский делает ссылку: «Статья эта составлена из показаний горца, бывшего казначеем у Гамзат бека и служащего ныне при войсках отдельного Кавказского корпуса переводчиком»[4]. Личность, на которую ссылается Неверовский, небезызвестна. Это был житель аула Чох, Маклач. В доме его отца Гази жил Гамзат-бек еще в то время, когда обучался Корану и арабскому языку[5]. Гамзат и Маклач подружились, и Маклач сопровождал второго имама до его смерти. Позже мы находим Маклача уже в чине штабс-капитана русской службы[6]. Он «в 1843 г., быв в блокаде в укр.Темир хан Шуре, передавал Шамилю все планы обороны и действий»[7]. Но, очевидно, это второе предательство Маклача прошло в то время незамеченным, т.к. он состоял затем переводчиком при Генеральном штабе в Тифлисе. Умер он

---

[1] *Неверовский А.* О начале беспокойств... С. 99.

[2] Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 27/III-1830 г., № 174 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 13 об.

[3] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала... // КС. 1902. Т. 23. С. 15. Любопытно, что в раннем варианте работы Прушановского («Общий взгляд...») о подвигах Нуцал-хана не сказано ни одного слова (См.: ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 57. Л. 9.). Не говорит ли это о том, что Неверовский использовал раннюю работу Прушановского, а этот последний в позднем варианте черпал дополнительный материал у Неверовского? Или же в основе обоих рассказов лежит какой-то третий, пока не выявленный источник.

[4] Неверовский А. Истребление аварских ханов в 1834 г. // ВЖ. 1848. N 3. С. 1.

[5] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

[6] Там же. Прим.

[7] Там же. Л. 29 об. Примечание со ссылкой на сообщение генерала Лазарева.

в 1849 г.[1]. Уже эти краткие биографические сведения показывают, что Маклач должен был хорошо знать всю историю истребления аварских ханов. Однако, его постоянные переходы от мюридов к царизму и обратно вовсе не говорят в пользу его правдивости. Человек явно беспринципный, Маклач мог рассказывать то, что хотели бы услышать спрашивавшие. К тому же рассказ Маклача прошел солидную редакцию Неверовского. И нет ничего удивительного, что статья Неверовского изобилует рядом прямо легендарных подробностей, каковы, например, разговоры сыновей аварской ханши Паху-бике со своей матерью. Описание поведения Гамзата непосредственно перед убийством ханов[2] кажется взятым прямо из какого-нибудь бульварного романа. Вообще, Неверовский стремится изобразить дело убийства ханов мюридами как результат вероломства мюридов и особенно подчеркивает роль в этом деле Шамиля. Между тем, отношение, написанное командовавшим тогда Отдельным Кавказским корпусом генералом Розеном графу Чернышеву через несколько дней после события[3], с совершенной ясностью говорит о том, что убийство не было подготовлено заранее, и даже больше того, что оно явилось следствием ссоры некоторых мюридов Гамзат-бека с ханами. Ни участия Гамзата, ни подстрекательства Шамиля здесь не видно. Да обдуманности и подготовленности истребления аварских ханов противоречит и вся предыдущая политика Гамзата, всегда стремившегося к миру и союзу с ханами. То же можно найти и в работе Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. Между тем, версия Неверовского разошлась чрезвычайно широко и послужила основой для большинства исторических работ. Поэтому в общем к работам Неверовского, посвященным эпохе 1825—1834 гг., приходится относиться с той же осторожностью, что и к работам Прушановского.

Ф.Боденштедт

Наибольший интерес из сочинений иностранцев представляют работы известного немецкого поэта и писателя Фридриха Боденштедта. Он был переводчиком М.Ю.Лермонтова[4], у которого, в

[1] Там же. Запись известий Маклача о Гамзат-беке опубликована в КС (1911. Т. 31). Р.Магомедов в книге «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля» (Махачкала, 1939. С. 53) указывает, что изданный текст сокращен сравнительно с имеющимся в его распоряжении полным.

[2] *Неверовский А.* Истребление аварских ханов... С. 23. Кстати, Неверовский приводит и дату события: 13 августа 1834 г. Между тем как первое сообщение об убийстве, написанное лишь через несколько дней после события, датировано 9 августа.

[3] От 9/VIII-1834 г., № 738. См.: АКАК. Т. 8. С. 58.

[4] Впрочем, как раз этот-то момент служит плохой рекомендацией Боденштедту. Переводил он очень недобросовестно и не стеснялся иногда выдавать перевод за собственное сочинение.

свою очередь, есть ряд переводов из Боденштедта. Около 1843—1844 гг. Боденштедт попал преподавателем в Тифлисскую гимназию, где мог хорошо ознакомиться с положением дел на Кавказе. Но на Кавказе и вообще в России он пробыл недолго: в 1847 г. Боденштедт уже вернулся в Германию. В этом же году вышло и первое издание его большой книги, посвященной Кавказу и борьбе горцев за независимость[1]. Большая часть этой капитальной работы посвящена описанию кавказских народов, и в ряде случаев она может представить для исследования известный интерес. Гораздо важнее, однако, вторая часть — история собственно борьбы за независимость, доведенная (вместе с дополнениями) до даргинской экспедиции М.С.Воронцова 1845 г. Об источниках рассказа Боденштедта мы уже говорили и привели тогда его собственное свидетельство. Однако, помимо рукописи Д.В.Пассека, официальных документов и рукописи Хас-Мухаммеда, Боденштедт, очевидно, пользовался и некоторыми другими работами. В частности, ему были известны по крайней мере отдельные отрывки сочинений Неверовского. Сличение текстов говорит о заимствованиях, сделанных Боденштедтом.

Степень заимствований в различных местах работы Боденштедта не одинакова. Так, в первой части, где речь идет об истории свидания Курали-Магомы с шейхом Исмаилом, книга Боденштедта гораздо самостоятельнее и полнее, чем параллельное место работ Прушановского и Неверовского. Но едва закончен рассказ о путешествии Курали-Магомы, изложение Боденштедта становится все ближе и ближе к Прушановскому и местами превращается в простой перевод «Выписки из путевого журнала...». Иногда перевод приводит к прямым курьезам, когда Боденштедт плохо понимает русский текст. Так, при описании битвы у Хунзаха в 1830 г. Прушановский пишет, что «Абу Нуцал разбил Кази Муллу на голову»[2]. Боденштедт переводит: «Молодой хан Абу Нуцал также отличился в этой стычке, где он ранил Кази Муллу в голову»[3]. Впрочем, подобного рода курьезы нечасты. Начиная с описания осады Бурной, Боденштедт уже довольно значительно отходит от Прушановского. Уже эта осада дана им подробнее. Очевидно, у немецкого автора были в руках какие-то официальные описания осады. Приводимое Прушановским воззвание Гази-Мухаммеда к дербентским жителям[4] у Боденштедта помещено в варианте, значительно отличающемся от текста Прушановского[5].

[1] *Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie. Немецкое издание: Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen das Russland. Frankfurt a.M., 1848.

[2] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала... // КС. 1903. Т. 23. С. 15.

[3] *Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase... P. 475.

[4] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала... С. 19—20.

[5] *Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase... P. 485—486.

В истории второго имама текст Боденштедта уже ближе к тексту Неверовского, что, однако, не исключает возможности использования одного общего источника. Мы приводили выше рассказ Неверовского. Не будем его повторять. Боденштедт лишь несколько варьирует это сообщение. Описание Боденштедтом убийства аварских ханов занимает как бы среднее место между версиями Прушановского и Неверовского. Наконец, Боденштедт приводит историю первых лет третьего имама, опять довольно близко следуя за Прушановским. Особо выделенная глава о законодательстве Шамиля сводит сведения Прушановского, Неверовского, Пассека и некоторых официальных документов, но, может быть, заимствована у Прушановского. В целом, книга Боденштедта не самостоятельна, но в некоторых случаях привлечение его данных становится необходимым, как, например, при описании появления мюридизма в Дагестане или в тех случаях, где данные Боденштедта отличаются от данных других наблюдателей. Особенную же ценность представляет известие Боденштедта о рукописи Хас-Мухаммеда, почти единственном источнике истории появления мюридизма в Дагестане.

Д.В.Пассек

В середине сороковых годов XIX в. большой известностью в Тифлисе пользовалась рукопись еще одного офицера Генерального штаба — Д.В.Пассека. Сам Пассек слыл знатоком гор, и Боденштедт, как мы уже указывали, считал рукопись Прушановского принадлежащей Пассеку. В какой мере это правильно, сказать нельзя. Плагиат, который попытался совершить жандармский подполковник Юрьев в 1844 г., заставляет исследователя подходить к вопросу об авторе этих записок очень осторожно. Но нам кажется, что они вряд ли принадлежат Пассеку. И отзыв Вольфа, и наличие другой рукописи, уже определенно связанной с именем Пассека, говорят о том, что о начале мюридизма разбираемый автор не писал. Зато в Архиве Академии наук сохранилась другая работа, уже несомненно принадлежащая Пассеку, одна из копий рукописи, известной в библиографиях под названием «Горы и Чечня»[1]. Пассек составил ее в 1843 г. или, может быть, в самом конце 1842 г., будучи еще в чине подполковника Генерального штаба. В 1845 г. он, уже в чине генерал-майора, участвовал в даргинской экспедиции М.С.Воронцова и был убит[2]. Как показывает рукопись, сведения Пассека были действительно обширны. Но они касались не столько истории мюридизма, сколько описания театра военных действий и государственного строя имамата. Особенно интересны разделы «Власть Шамиля» и «Воинские способ-

[1] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423.

[2] Там же. Л. 12 об.

ности, личная храбрость, образ войны лезгин и чеченцев». Среди данных, приводимых автором, попадается немало ценных сообщений и по экономике Чечни и Дагестана. В частности, именно Пассеку принадлежит известие о применении наемного труда в сельском хозяйстве у андийцев[1]. Этот же автор сообщает довольно подробные сведения о вооружении горцев, о создаваемой Шамилем постоянной армии (муртазеках) и т.п. Наконец, Пассек дал и краткую сравнительную характеристику двум первым имамам: Гази-Мухаммеду и Гамзат-беку. В то время, как первый «действовал по убеждению в истине учения с пожеланием спасти себя и народ», второй — «как честолюбец домогался сделаться аварийским ханом и владетелем Дагестана»[2]. Сведения Пассека о муртазеках были использованы позднее Прушановским при составлении им полного варианта своей работы.

Другие офицеры Генерального штаба

Из офицеров Генерального штаба, работавших в тридцатые годы, оставил описание аварской экспедиции 1834 г. подпоручик Кузьминский[3]. В нем он не ограничился чисто военной стороной дела, но несколько затронул и вопросы происхождения мюридизма и истории первых двух имамов. Данные Кузьминского не имели бы такого значения, если бы описание относилось ко второй половине сороковых годов, т.е. было составлено после появления работ Прушановского, Неверовского, Пассека. Кузьминский важен как предшественник этих авторов, и его данные, хотя и очень порой скудные, могут пригодиться исследователю. Характерно в них и то, что автор не сообщает ничего ни о ширванском мюридизме, ни о дагестанских предшественниках Гази-Мухаммеда. Сказав несколько слов о восстании шейха Мансура, Кузьминский прибавляет: «Незначительность действий большей части его последователей не заслуживает никакого внимания»[4]. Наряду с этим нужно отметить несколько любопытных штрихов, передаваемых Кузьминским уже в связи с описанием самой экспедиции, в частности, представляет интерес текст присяги, приносившейся аварцами.

Мочульский

Одновременно с Прушановским и Пассеком и топограф Мочульский составил довольно объемистую двухтомную записку под

[1] Там же. Л. 3 об.

[2] Там же. Л. 4.

[3] *Кузьминский.* Экспедиция против горцев Северного Дагестана в 1834 г., описанная находящимся при Императорской военной академии подпоручиком Кузьминским (составлено в 1837 г.) // ЦВИА ВУА. Д. 6246.

[4] Там же. Л. 5 об.

заглавием «Война на Кавказе и в Дагестане»[1]. В ней помимо данных, известных по упоминавшимся выше работам, находится немало интересных и важных подробностей об отдельных деятелях имамата. Но в целом работа Мочульского, хотя и обследовавшего горы лично[2], относится к менее значительным источникам. Помимо работ этих авторов мы находим ряд ссылок на другие сочинения офицеров Генерального штаба (как, например, рукопись Радожицкого, посвященная описанию Аварского ханства в 1830 г.[3], и др.), но все эти дневники, записки и т.п. остались неопубликованными.

П.П.Чайковский

Наконец, известный интерес представляет ряд записок, переданных Н.Ф.Дубровину генерал-майором П.П.Чайковским и, по-видимому, им же составленных. Это: «Военные заметки о кавказских горцах»[4], «Мысль о покорении Кавказа»[5], «Свод мнений о покорении Кавказа»[6] и т.д. Все записки составлены с широким использованием официальных материалов, которые цитируются нередко целыми страницами. Помимо этого кое-где разбросаны и собственные замечания автора. Ценность записок в их современности событиям. Так, к «Военным заметкам о кавказских горцах» приложена копия отношения автора, фамилия которого не обозначена, к военному министру А.И.Чернышеву. Отношение представляет собой препроводительную при рукописи и датировано 6 марта 1841 г.[7]. Если только записки, сохранившиеся в архиве Дубровина, действительно являются точной копией тех, которые были предъявлены в 1841 г., то это одна из наиболее ранних попыток дать сводный обзор событий.

В тех же делах имеется рукопись «Дагестанские события 1841—1842 гг. Из записок Зиссермана»[8]. И здесь много выдер-

[1] *Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане: Соч. Мочульского. Ч. 1. Политическая. Ч. 2. Топографическая. 1844 г. (рукопись) // ЦВИА ВУА. Д. 6528.

[2] В ААН СССР (Ф. 30. Оп. 1. Д. 451) есть описание его попытки проникнуть в горы.

[3] Некоторые сведения о рукописи Радожицкого имеются в ЦВИА ВУА. Д. 6164. После ряда безуспешных попыток напечатать эти материалы они частично были использованы в «Библиотеке для чтения», а затем переданы Радожицким военному министерству для использования в истории владычества русских на Кавказе. Дальнейшая судьба их мне неизвестна.

[4] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 422 и 425.

[5] Там же. Д. 422.

[6] Там же. Д. 430.

[7] Там же. Д. 425. Л. 61 об.

[8] Там же. Д. 425.

жек из официальных документов. От работ Чайковского рукопись А.Зиссермана выгодно отличается большей систематичностью, лучшим изложением. Но она имеет и один крупнейший недостаток: написана она много позже того периода, о котором рассказывает, и, к тому же, не очевидцем. А.Зиссерман, как известно, попал на Кавказ лишь во второй половине сороковых годов, уже при М.С.Воронцове, и о событиях 1841—1842 гг. мог знать лишь по документам или по рассказам очевидцев. Тем не менее исследователь не может пройти мимо этой работы, хотя и не будет считать ее в числе своих основных источников.

К работам офицеров Генерального штаба близки сообщения русских офицеров и рядовых, бывших в плену у Шамиля[1]. В этих сообщениях наряду с значительным количеством материала, не представляющего почти никакой ценности для историка, встречаются и очень интересные сообщения и наблюдения, значительно пополняющие наши все еще скудные данные о внутренней истории имамата.

Орбелиани

Таковы, например, показания прапорщика князя Орбелиани, находившегося в 1842 г. в плену у Шамиля[2], и записанные, согласно сообщению А.Берже, поручиком Генерального штаба Леонтьевым[3]. Документ этот состоит из рассказа Орбелиани об истории своего пленения при занятии Шамилем Кумуха, путешествии под конвоем из Кумуха в Дарго, пребывания там, попытки к побегу и освобождения по размену пленных. Это, так сказать, первая часть «показаний». Много интереснее вторая. Она содержит следующие разделы: «Краткий очерк поприща Шамиля», «Управление Шамиля в духовном, административном и военном отношении» (раздел имеет такое примечание: «Почерпнуто из разговора с самим Шамилем и его приближенными»), «Андия, значение и важность ее и наступательный путь в нее». Во втором из перечисленных разделов можно найти целый ряд сообщений, рисующих организацию имамата и дающих характеристики ряду его деятелей. Этот раздел, по существу, представляет собой один из основных источников, вскрывающих сущность имамата. Чтобы не быть голословным, укажем, например, на свидетельство Орбелиани о зякяте (2% со скота, 5% с наличных денег, причем имеющие мень-

[1] «Восемь месяцев плена у горцев, проведенных рядовым Грузинского линейного № 10 батальона Иваном Загорским» и другие описания // ЦВИА ВУА. Д. 6478.

[2] Там же. Имеется и в Грозненском архиве (Фонд, переданный из Центрархива. Д. 45). *Опубл. в сб. док. «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в.». Махачкала, 1959.*

[3] См.: АКАК. 1884. Т. 9. С. 585.

ше 50 баранов зякята не платят), на приводимое им перечисление наибств, на сведения о муртазеках и т.д. Кроме того, в показаниях разбросан ряд интересных замечаний о различных значительных деятелях мюридизма, в частности, о Джемал ад-Дине, Гамзат-беке, о взаимоотношении Ташов-Хаджи с Шамилем и т.п. Ряд данных, приведенных в «показаниях», очевидно, широко использовался авторами статей «Кавказского сборника», писавшими по архивным материалам.

Часть показаний Орбелиани была издана в виде приложений к статье Е.А.Вердеревского «Плен у Шамиля»[1], но пользоваться этой публикацией опасно. Прежде всего Вердеревский издал только первую часть показаний, да и то без первых страниц. Во-вторых, и то, что напечатано, прошло солидную редакцию, выбросившую ряд ценных и интересных для историка замечаний Орбелиани. Так, например, в фразе «положим даже, что, потеряв своих тысяч пять или шесть (что генералу Граббе ничего не значит, если он хочет достигнуть своей цели), мы успели бы занять ущелье...» предложение, взятое в скобки, выброшенно при публикации.

А.И.Руновский

Значительное количество данных по истории имамата находится в дневнике А.И.Руновского, бывшего приставом при Шамиле, когда имам после подавления движения горцев жил в плену в Калуге. Согласно своим инструкциям, Руновский тщательно записывал содержание своих бесед с Шамилем, которые освещали ряд интересных вопросов во внутренней истории имамата. Дневник Руновского, хотя и не полностью, опубликован в т. 12 Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК). Помимо этого, Руновскому принадлежит большое количество статей и брошюр, излагающих отдельные вопросы истории имамата и являющихся, в сущности говоря, повторениями дневника, а часто и дословными выписками из него. К таким статьям принадлежат: «Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане»[2], «Кодекс Шамиля»[3], «Мюридизм и газават в Дагестане, по объяснению Шамиля»[4], биография Шамиля[5] и многие другие. Но поскольку источником для всех этих статей послужил дневник, то мы остановимся лишь на нем.

---

[1] ОЗ. 1856. Кн. 1—5. Упомянутое приложение находится в кн. 4. Публиковались также в газ. «Кавказ» (1849. № 1—5) под загл. «Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г.».

[2] ВС. 1862. № 8.

[3] Там же. № 2.

[4] РВ. 1862. Т. 42 или газ.: Кавказ. 1863. № 3—7.

[5] Кавказский календарь за 1861 г. Напечатана под заголовком «Шамиль».

Руновский в своих записях высказываний Шамиля, разумеется, фиксировал лишь то, что представлялось интересным с точки зрения царизма, поэтому многие ценные моменты даны им вскользь, как бы между прочим, и, благодаря сбивчивости и неясности терминологии, исследователь часто бывает поставлен в затруднительное положение при восстановлении истинного содержания сообщений Руновского. Но этим не исчерпываются особенности дневника. Передавая рассказы Шамиля, дневник тем самым отражает ту интерпретацию событий, которую давали мусульманские ученые муллы. Интерпретация эта осложняется положением Шамиля как пленника, что вело к сближению в некоторых случаях шамилевской точки зрения с официальными русскими мнениями. Эти моменты Руновский усиленно выдвигает в своем дневнике на первый план. К тому же Руновский далеко не ограничивается записью высказываний Шамиля. Он обрабатывает их, стремясь каждый сообщаемый бывшим имамом факт осветить по-своему. Наконец, необходимо отметить, что Руновский сам арабским языком не владел и объяснялся с Шамилем через переводчика. В какой мере переводы были точны, сказать, конечно, трудно.

В результате получается очень сложная обработка фактического материала, что заставляет исследователя по каждому факту, записанному в дневнике, проделывать большую работу, определяя степень достоверности сообщаемого материала. Однако, несмотря на все эти недочеты, отказаться от пользования дневником Руновского нельзя. Он проливает свет на значительную группу вопросов, неясных или совершенно не освещенных в других источниках. Кроме того, при надлежащем пользовании дневником можно бывает также определить точку зрения бывшего имама на происходившее в горах в эпоху мюридизма и, наконец, иногда ближе подойти к проблеме взаимоотношений различных групп внутри мюридизма.

К числу таких интересных мест относится сообщение о частичной ликвидации крепостничества в горах при Шамиле[1], затем приводимые Руновским низамы (особенно интересен низам по обеспечению торговых сделок, фактически узаконяющий наиболее отвратительные формы ростовщичества)[2]. Немаловажное значение имеют приводимые Руновским штрихи, рисующие методы обогащения, практиковавшиеся наибами, как, например, Сугратлинским Курбаниляу и т.д.[3].

[1] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1486.

[2] Там же. С. 1470.

[3] Там же. С. 1506. «Всякие мастеровые, которыми Сугратль славится, должны были работать на Курбаниляу бесплатно». Это яркая иллюстрация к приводимому ниже заявлению Хаджи-Мурата, характеризующему доходы наиба обобщенно.

П.Г.Пржецлавский

Совершенно иначе следует относиться к некоторым публикациям другого пристава — П.Г.Пржецлавского. Он опубликовал статью «Несколько слов о военном и гражданском устройстве, существовавшем в Чечне и Дагестане во время правления имама Шамиля»[1], некоторые другие статьи и заметки, и отрывки из своего дневника[2]. Материал, сообщаемый Пржецлавским, по качеству много ниже материала Руновского. Пржецлавский часто совершенно не понимает того, о чем он пишет, путает элементарные вещи, и все его писания окрашены ненавистью к Шамилю, которого Пржецлавский трактует как прирожденного «хищника».

В своем предисловии к «Дневнику» Пржецлавский пишет, что все прежние авторы статей о Шамиле «смотрели на моего калужского пленника сквозь розовую призму... Они черезчур прикрасили героя своих рассказов и, обманываясь сами, ввели в заблуждение читателя»[3].

Все это заставляет исследователя использовать материалы Пржецлавского только эпизодически и опасаться доверять многим его сообщениям. Впрочем, нужно сказать, что публикации Пржецлавского почти и не содержат новых или малоизвестных фактов. Прибавим к этому, что Пржецлавский претендовал на знание арабского языка и занимался переводами некоторых интереснейших мусульманских историков Северо-Восточного Кавказа. Так, он перевел хроники Мухаммеда-Тахира ал-Карахи и «Сатиру на имамских правителей». О качестве второго перевода судить трудно. Первый же не выдерживает даже самой снисходительной критики. Пржецлавский не считает нужным переводить сколько-нибудь точно, он пересказывает содержание, сопровождая этот пересказ своими замечаниями и иногда исправляя те места подлинника, которые кажутся ему неточными.

Писатели

Говоря об авторах, лично наблюдавших события, нельзя обойти русских писателей, посещавших Кавказ и даже принимавших участие в военных действиях. Одним из первых по времени был А.А.Бестужев-Марлинский. Кроме хорошо известных кавказских повестей («Мулла-Нур», «Аммалат-бек») он оставил несколько «Писем из Дагестана», появившихся в печати и описывающих события тридцатых годов. Эти письма могут послужить ценным источником для историка. Первые два письма, напечатанные в «Се-

[1] Напечатно в газ.: Кавказ. 1863. № 54.

[2] Напечатаны в «Русской старине» за 1877 г.

[3] *Пржецлавский П.Г.* Шамиль и его семья в Калуге в 1862—1865 гг.: Зап. полковника П.Г.Пржецлавского // РС. 1877. Т. 20, окт. С. 255.

верной пчеле»[1], появились позднее на французском языке в «Nouvel journal Asiatique» под заглавием «Война русских в Дагестане» и подписаны лишь инициалами А.М.[2].

Они дают живое, картинное описание осад Бурной и Дербента первым имамом, говорят о настроениях горцев, об экспедициях, предпринимавшихся для подавления восстания. Сочувствуя горцам в их борьбе, Марлинский не забывает подчеркнуть и положительные стороны культурных связей России с Северным Кавказом.

Известное значение для историка имамата имеют и выдающиеся произведения классиков русской литературы — А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого. У первого из них ряд интересных штрихов дает «Путешествие в Арзрум», так как ранние произведения, и особенно «Кавказский пленник», еще мало считались с конкретной обстановкой жизни горских народов.

Гораздо больше дают историку произведения Лермонтова, хорошо знавшего Чечню, где ему пришлось участвовать в таком крупном деле, как сражение при реке Валерик. Для историка особый интерес представят черновые наброски этого известного лермонтовского стихотворения, которое воссоздает исключительно сильную и правдивую картину кавказских сражений. Нельзя, конечно, обойти молчанием и письма Лермонтова с Кавказа, занимающие свое место среди писем кавказских деятелей.

Что же касается произведений Л.Н.Толстого, то историк поразному отнесется к кавказским рассказам, написанным в пятидесятые годы, и к поздним кавказским произведениям — таким, как «Хаджи-Мурат». Первые написаны под свежим впечатлением и представляют собой мастерски сделанные беглые наброски. Для характеристики кавказской армии, для понимания многих фактов из ее жизни очень важны и «Набег», и «Рубка леса». Иное дело «Хаджи-Мурат». Это вполне законченная картина зрелого художника. Недаром же исследователи-литературоведы специально интересовались источниками «Хаджи-Мурата». И вот здесь, в анализе источников, на которые опирался писатель, историк сразу увидит, что перед ним материал уже серьезно обработанный, хорошо отобранный и продуманный. Поэтому в «Хаджи-Мурате» интересен для исследователя не фактический материал, не впечатления, а отношение художника к изображаемым им событиям. Исследователь, решающий проблему колебаний Хаджи-Мурата, его переходов то к Шамилю, то от Шамиля, не может не заинтересоваться тем решением, которое предлагает художник. Любо-

[1] В 1832 г. в № 1 и 7. Первое из Тарки от 30 мая 1831 г., второе — из сел. Губдень от 25 августа 1831 г.

[2] *A.M.* Guerre des russes dans le Daghestan // Nouvel journal Asiatique. V. 9. Paris, 1832. Об источниках Марлинского см.: *Алексеев М.П.* Этюды о Марлинском. Иркутск, 1928.

пытно, что Толстой, используя свои источники, подходил к ним очень осторожно, стремился избежать того безудержного восхваления российских побед, которого так много в документации Кавказской войны. Он предпочитал обходить вопросы, существующее решение которых его не удовлетворяло. Так, например, он ничего не говорит о картине убийства аварских ханов. Хаджи-Мурат не видел этого убийства, он не знает, почему оно произошло. Но интересуясь тем, как решал некоторые проблемы Кавказской войны Толстой, исследователь не пойдет слепо за писателем. Он проверит по источникам все положения последнего и согласится лишь с теми, которые выдержат это испытание.

Упомянем, наконец, о А.С.Грибоедове. Хорошо зная Кавказ, он мог бы дать нам неоценимые сведения. Но, к сожалению, Кавказ в произведениях Грибоедова отразился слишком мало. Наиболее интересны его «Путевые заметки. Кавказ—Персия». Но в них первому посвящено всего несколько страниц. Впрочем, и здесь есть ряд не лишенных значительного интереса характеристик.

3. ИЗДАНИЯ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Перейдем теперь к изданиям архивных материалов. Количество изданных документов, как мы уже указывали, чрезвычайно велико, однако для публикации отбирались в первую очередь документы о военных действиях, а внутренняя история имамата освещена неизмеримо слабее. Наиболее характерными документами этого типа являются журналы военных действий и донесения, составлявшиеся на основании таких журналов.

Журналы военных действий кое-что дают историку имамата, но к основным материалам они во всяком случае отнесены быть не могут. Несколько более ценны рапорты и особенно сообщения кавказского начальства в центр. Среди этих документов попадаются иногда очень важные сведения, но эти документы также в основном трактуют о стратегических планах, об экспедициях и сражениях, замечания же, касающиеся внутренней истории имамата, встречаются в них только изредка.

В документах часто встречаются искажения либо в результате недостаточной осведомленности, либо намеренные[1].

[1] Особенно недостоверны цифровые данные о потерях горцев. Эти сведения искажались всегда, и их необходимо признать совершенно недостоверными. Автор «Военных заметок о кавказских горцах» очень метко говорит: «Ну, что, если бы за все время войны с горцами собрать все частные донесения о битвах с ними, ведь оказалось бы, что по счету они уже давно истреблены и горы сравнены» (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 422. Л. 111).

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

На первом месте следует поставить капитальное издание документов: «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», состоящее из 12 томов[1]. Издание охватывает период от 1799 до 1862 г., но в первых томах помещен ряд документов более раннего времени. «Акты» представляют собой публикацию документов, извлеченных из архивов наместничества Кавказского, и являются для историка наиболее ценным материалом. Их основной недостаток — подбор материала, произведенный почти исключительно с точки зрения военной истории. Правда, каждый том включает нак называемую «гражданскую часть», но так как весь Северо-Восточный Кавказ находился под управлением военных властей, то в гражданской части «Актов» документов по Чечне и Дагестану, за единичными исключениями, не встречается. Поэтому для историка имамата имеет значение исключительно «военная часть». Документы, входящие в эту последнюю, распределены по территориальным единицам, и рубрики «Дагестан» и «Чечня» или близкие к ним (как, например, «левое крыло Кавказской линии» и т.п.) являются наиболее для нас интересными. Однако нужно иметь в виду, что некоторые сведения, касающиеся Северо-Восточного Кавказа, встречаются и в других рубриках, поэтому при использовании «Актов» нельзя ограничиваться только той группой документов, которая помещена под заголовками «Чечня» и «Дагестан».

Материалы по истории имамата и мюридизма на Северо-Восточном Кавказе помещены в томах 7—12, охватывающих период от 1827 до 1862 г., однако для ориентировки в годах, непосредственно предшествовавших имамату, необходимо обращаться и к предыдущему шестому тому. Поэтому наш краткий обзор «Актов» мы начнем с этого тома, именно со второй его части, содержащей историю дипломатических и военных усилий России в Дагестане и Чечне при А.П.Ермолове, т.е. с 1816 по 1827 г. Документы этого тома довольно подробно освещают отношения русского правительства с дагестанскими ханами, политику этих ханов, их постоянную грызню друг с другом, методы, применявшиеся царизмом для обеспечения их повиновения и т.п. Документы о начале мюридизма отсутствуют. Чечня представлена слабее, поражает почти полное отсутствие документов о восстании Бей-Булата: имеется лишь несколько «всеподданнейших рапортов» Ермолова, относящихся к основанию Сунженской линии, и небольшое количество документов о подавлении восстания.

Седьмой том «Актов» охватывает время управления И.Ф.Паскевича, 1827—1831 гг. Это период, когда складывается движение под флагом мюридизма, когда возникает имамат. Между тем до-

[1] Собственно, томов 13, т.к. т. 6 издан в двух частях.

кументация подготовки восстания невелика: несколько отношений Паскевича к Нессельроде и ряд второстепенных бумаг. Все же наиболее важные моменты освещены «Актами», как, например, осада Хунзаха Гази-Мухаммедом, даны некоторые из прокламаций Паскевича, есть донесения Карганова. Почти нет документов о скандале, разыгравшемся в связи с деятельностью Карганова, нет ничего о деятельности Гази-Мухаммеда до гимринского совещания и т.д. Из отдельных документов, представляющих интерес для историка, упомянем о «Записке об Аварском ханстве», дающей некоторый материал для характеристики положения аварских ханов и, отчасти, взаимоотношений их с «вольными» обществами Нагорного Дагестана. Документы, рисующие методы управления, применявшиеся царской администрацией, содержащие материалы о грабительстве чиновников и т.п., в том не попали.

Значительное количество документов, рисующих борьбу царизма с первым имамом, появляется в «Актах» лишь с восьмого тома. Большинство из них — официальная переписка по чисто военным вопросам: рапорты и донесения местного начальства наместнику или последнего в Петербург. Документация относится ко времени управления барона Розена, т.е. к 1831—1838 гг. Материалы по внутренней истории имамата отсутствуют, и исследователю приходится пользоваться случайными, разбросанными в официальной переписке сведениями. Из отдельных документов можно отметить здесь лишь следующие: окончание начатой в седьмом томе «Записки о сношениях с аварскими ханами», предписание барона Розена генерал-майору Ланскому от 27 декабря 1834 г., № 688, данное в связи с назначением последнего военно-окружным начальником в Дагестане и содержащее чрезвычайно сжатый политический обзор Дагестана, и, наконец, несколько переводов писем Шамиля. Среди последних интересно письмо Шамиля, Ташов-Хаджи и других вождей мюридизма генералу Фезе в Тилитле в 1836 г., но и здесь из двух редакций письма «Акты» приводят только вторую, умалчивая о существовании первой, написанной в более независимом тоне.

Девятый том охватывает время управления Е.А.Головина (1838—1842) и А.И.Нейдгарта (1842—1844), т.е. наиболее интересную эпоху истории движения горцев: время чеченского восстания 1840 г., успехов движения в Нагорном Дагестане, утверждения власти мюридов в Аварии, восстания в шамхальстве. О причинах восстаний и успехов Шамиля эти материалы почти ничего не говорят, в то время как материалы, обработанные в статьях «Кавказского сборника», показывают, что русское правительство особенно интересовалось этими вопросами. Редакция «Актов» не сочла нужным публиковать документы, рисующие отрицательные стороны политики кавказского командования. Не включены в том и находящиеся в ЦВИА и Архиве штаба Кавказского округа цен-

ные обзоры и донесения толковых офицеров Генерального штаба, собравших в 1840—1841 гг. большой и интересный материал.

Из отдельных документов, напечатанных в девятом томе, обращает на себя внимание перепечатка изданного в 1877 г. в Риге «Очерка положения военных дел на Кавказе с начала 1838 г. по конец 1842 г.», составленного Головиным и являющегося, таким образом, его отчетом. Затем известный интерес представляют: «Записка о каракайтагском народе, принадлежащем к управлению Дербентской провинции», датированная 21 марта 1838 г., и «Обзор Казикумухских дел в марте 1842 г., представленный при рапорте генерал-лейтенанта Фезе от 5 апреля 1842 г., № 28», рисующий подготовку и историю казикумухского восстания 1842 г. и участие в этом восстании ханских и бекских слоев. Наконец, заслуживает упоминания «Выписка из журнала военных происшествий, случившихся на Кавказской линии и в Черномории с 17 по 21 марта 1844 г.», главным образом благодаря заключающимся в ней данным о богатствах, накопленных известным чеченским наибом Шуаиб-муллой.

Том десятый, пожалуй, мог бы быть одним из наиболее богатых материалом томов «Актов». Архивные фонды показывают, что имеется значительное количество сведений о внутреннем положении имамата второй половины сороковых годов. Однако на деле том этот, охватывающий время наместничества М.С.Воронцова (1845—1853), опять дает главным образом военный материал. Наибольший интерес среди опубликованных в этом томе документов представляет «Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата гвардии ротмистром Лорис-Меликовым». Как показывает самый заголовок, это переработка показаний виднейшего шамилевского наиба, произведенная одним из русских офицеров. К сожалению, это не подлинный текст показаний. Тем не менее, историк должен использовать «Записку», так как она содержит высказывания Хаджи-Мурата, ценные по своей современности событиям. Особенно бросается в глаза в записке лапидарная характеристика наибских доходов: «Доход наиба состоит в помощи рук вверенного ему края»[1].

Некоторый интерес представляет также переписка по вопросу о столкновении Хаджи-Мурата с Шамилем, рисующая с достаточным количеством подробностей события, происходившие в связи с этим в Аварии. Переписка дает редкую в истории мюридизма по полноте картину борьбы двух течений в имамате. Из остальных документов, напечатанных в десятом томе «Актов», историк может извлечь лишь отдельные, хотя подчас и очень важные подробности, но изучение второй половины 1840-х гг. на Северо-Восточном Кавказе только по «Актам» без широкого использова-

[1] АКАК. 1885. Т. 10. С. 527.

ния иных источников совершенно немыслимо. Для того, чтобы понимать события, о которых так подробно говорят напечатанные документы, для историка обязательно знакомство с другими источниками, с сообщениями горских авторов-кавказцев, а также с частной перепиской военного руководства.

Том одиннадцатый (наместничество Н.Н.Муравьева, 1854—1856 гг.) посвящен, в основном, документации по истории турецкой войны и материалов для истории войны на Кавказе почти совершенно не содержит. То немногое, что Кавказская археографическая комиссия сочла необходимым включить в состав тома, значительного интереса не представляет, и поэтому из всех томов «Актов» этот в наименьшей мере может быть использован историком имамата.

Несколько интереснее том двенадцатый, посвященный времени наместничества А.И.Барятинского (1856—1862 гг.). В этом томе опубликованы чрезвычайно объемистые, с множеством чисто военных деталей, журналы военных действий и составленные на основании этих журналов рапорты, донесения, отчеты. Некоторый интерес представляют донесения о походе к Шатою и об осаде Ведено и, особенно, переписка о назрановском восстании 1858 г., довольно подробно рисующая начало вспышки среди ингушей.

Впрочем, здесь, как и в других документах, опубликованных в «Актах», отсутствует наиболее интересное: переписка Барятинского с военным министром об общем направлении русской политики на Кавказе, материалы о причинах восстания 1858 г. и т.п.

Значительно больший интерес представляют приложения к этому тому: отчеты Барятинского по управлению Кавказом и особенно дневник А.Руновского. Первые содержат общие сводные обзоры, дающие материал для истории политики России в эпоху завоевания Кавказа. Некоторые характеристики Барятинского довольно ярко рисуют и внутреннюю политику имамата. О значении дневника А.Руновского нам приходилось уже упоминать. Само собой разумеется, что в «Актах» напечатана лишь часть дневника, но и напечатанное имеет достаточно большую ценность.

На двенадцатом томе издание «Актов» прекратилось, хотя материалы для следующего, тринадцатого тома уже подбирались[1]. Но для историка имамата эти последние представляют сравнительно небольшой интерес, за некоторыми, впрочем, исключениями. Например, нами использовались дела по так называемому «освобождению зависимых сословий», которые дают довольно отчетливую картину сословного деления горцев Северного Кавказа и поэтому оказываются чрезвычайно полезными для исследователя, помогая ему разобраться в сложном переплете социальных от-

[1] *Эти материалы хранятся в Государственном архиве Грузии. — В.Г.*

ношений в горах не только шестидесятых годов, но и ранее (см. о них несколько ниже).

«Кавказский сборник». Т. 32. Ч. 1

Перейдем ко второму довольно значительному изданию документов (хотя по объему оно ни в какой степени с «Актами» сравниться не может), к специальному тридцать второму тому «Кавказского сборника», который содержит документацию по истории Кавказской войны. Первая часть этого тома посвящена исключительно Северо-Восточному Кавказу и охватывает время с 1831 по конец 1841 г. Распределение документов здесь довольно неравномерное: последние годы — 1840 и особенно 1841 — представлены много слабее, чем годы более ранние, поэтому мы можем считать, что рассматриваемый нами том в основном заканчивается 1839 г. Общий характер подбора документов тот же, что и в «Актах»: уходит в тень сущность колониальной политики царизма, отбрасываются документы по внутренней истории имамата и т.д. И здесь, как и в «Актах», нет документов, разъясняющих причины восстания 1840 г., нет ничего о насильственных действиях кавказской администрации — как русской, так и чеченской. Ряд документов, опубликованных в «Актах», целиком повторен в «Сборнике».

И все же, хотя значительная часть документов, опубликованных в этом томе «Кавказского сборника», мало что дает для истории имамата, некоторые из них представляют довольно значительный интерес. Таковы, например, переписка об убийстве аварских ханов, о смерти Гамзат-бека и о назначении нового аварского хана, группа документов о попытке русского правительства подкупить Шамиля и о свидании генерала Клюки фон Клугенау с Шамилем. Значительный интерес представляют три документа, касающиеся событий 1841 г., причем последний из них под весьма характерным заголовком: «Обзор бедственного положения дел в Северном Нагорном Дагестане в 1841 г. и с кратким очерком предшествующих обстоятельств», вторые два — просто «Обзоры». Во всех трех дагестанское командование пытается «вскрыть» причины катастрофы 1840—1841 гг., не затрагивая основной — политики царизма. В связи с этим в документах содержится кое-какой фактический материал по внутренней истории имамата. Наконец, в томе есть еще один специальный раздел: это документы о поездке Николая I на Кавказ в 1837 г.

Упомянем также отдельные публикации различных документов в таких изданиях, как «Сборники сведений о кавказских горцах», «Сборники материалов для описания местностей и племен

Кавказа», в журналах «Русский вестник», «Русская старина» и др.

Из публикаций, осуществленных в советское время, следует указать прежде всего на «Материалы по истории Дагестана и Чечни»[1]. Они извлечены из центральных архивов, главным образом из Центрального военно-исторического архива. К сожалению, многие интересные дела, особенно из ленинградских архивов, не нашли себе места в публикации. В частности, составители почему-то отказались от помещения «Записок» С.Брановского. Опубликованные материалы относятся к 1800—1839 гг. В отличие от «Актов» и «Кавказского сборника», «Материалы» дают ряд обзоров со значительным количеством данных для социально-экономической истории и истории внутренних отношений. Среди опубликованного обращают на себя внимание «Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск левого фланга Кавказской линии», «Записка об обследовании Аварского ханства», обзоры И.И.Норденстамма и М.П.Ланского[2] и ряд других.

В журнале «Историк-марксист» опубликованы копии перлюстрированных писем французского консула в Тбилиси, виконта Г. де Кастильона, к министру иностранных дел Гизо[3]. Хорошо осведомленный в кавказских делах, Кастильон не ограничивается изложением событий, о которых ему удавалось получать сведения, но делает иногда и краткие исторические экскурсы и стремится дать оценку излагаемым фактам. Кастильон смотрел на события не глазами кавказской администрации, а с собственной точки зрения, что придает его письмам особый характер.

Некоторые документы о поземельных отношениях в Дагестане были опубликованы в журнале «Красный архив»[4].

Отчеты

Некоторые из отчетов и обзоров представителей царского командования издавались и отдельно. Так, изданы упоминавшийся уже «Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 г. по конец 1842 г.», составленный Головиным, и несколько отчетов по управлению Закавказским краем М.С.Воронцова[5]. Последние вошли также в состав десятого тома «Актов». Кое-какие полезные

[1] Изданы Институтом истории АН СССР и Институтом истории, языка и литературы при СНК ДАССР. Махачкала, 1940.

[2] Документы № 101, 86, 132, 133.

[3] ЦВИА. Фонд Департамента Генерального штаба. Д. 1844 г. № 113. Лит. Б. Письма Г. де Кастильона опубликованы С.К.Бушуевым в «Историке-марксисте». 1936. № 5. С. 105—123. *См. также журн.: Тарих. Махачкала, 1996. № 2—3. — В.Г.*

[4] 1936. № 6.

[5] За время с 15 марта 1845 г. по 1 января 1846 г., за 1846, 1847, 1848, 1849, 1850 и 1851 гг.

для историка имамата сведения находятся и в более поздних отчетах начальника Дагестанской области[1], где, между прочим, даны некоторые весьма отрывочные сведения о рабах и части крепостных Дагестана в связи с работами «комиссий по освобождению зависимых сословий» и по сословно-поземельным делам. В отчетах имеются также сведения, касающиеся положения ханств и политики царизма в отношении отдельных ханов.

Материалы «комиссий по освобождению зависимых сословий»

Значительную ценность для понимания социального строя горцев представляют материалы, собиравшиеся царской администрацией в шестидесятых годах в связи с проведением крестьянской реформы у горцев. К сожалению, материалы полностью до сего времени не изданы, а большинству работающих по истории горцев в XIX в. приходится пользоваться лишь отрывочными и обобщенными статьями, помещенными в «Сборнике сведений о кавказских горцах», не отражающими сплошь и рядом наиболее интересные моменты. Особенно относится это к Дагестану — вопрос об узденьских повинностях заботливо обходился в издаваемых комиссиями работах. Так, комиссии считают «зависимыми» лишь кулов, райятов и чагаров, которым и уделяют много места, описывая повинности и права этих групп. Разумеется, не случайностью, не недосмотром русских чиновников, заседавших в комиссии, можно объяснить это. Мы несомненно имеем здесь определенную политическую линию. Русское правительство, опиравшееся в проведении своей политики на местных дагестанских феодалов, не признавало зависимости узденей. В «Краткой записке о зависимых сословиях в Дагестанской области» читаем: «Зависимость узденей не заключает в себе ничего похожего на крепостное право и на обязанности, из этого права вытекающие»[2]. Эта формулировка была чрезвычайно важна для властей, так как она позволяла основную массу дагестанского крестьянства оставить в зависимом от феодалов положении. В самом деле, в этом отношении «вся задача правительства заключается только в том, или следует узаконить обычаями установленный порядок пользования землей», т.е. узаконить узденьские повинности, или же «изыскать средства к наделению узденей землей»[3], а что значит это наделение — хорошо известно из истории проведения на Кавказе крестьянской реформы 1861 г. Вот почему в опубликованных доку-

[1] За время до 1 ноября 1863 г. и с 1 ноября 1863 г. по 1 октября 1869 г.

[2] Архив канцелярии наместника. 1866 г. Св. 8713. Д. 31/I. Ч. 1. Цит. по копии, хранящейся в Рукописном отделе библиотеки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института.

[3] Там же.

ментах по «освобождению зависимых сословий» в Дагестане ничего почти не говорится об узденьских повинностях. Для правильного понимания вопроса совершенно необходимо привлечение ряда других материалов, о которых мы скажем несколько ниже. Эта же тенденция источника в немалой мере проявляется и в материалах по Чечне и кумыкам — проблема социальных отношений почти не отражена. Чечне посвящено вообще лишь несколько слов, хотя архивные материалы позволяют сказать многое. Чрезвычайно поверхностно и освещение кумыкских отношений.

Наряду с этими публикациями необходимо упомянуть также статьи, посвященные отдельным дагестанским ханским домам, появившиеся в «Сборнике сведений о кавказских горцах» и являющиеся изложениями материалов комиссий «для определения личных и поземельных прав»[1]. Из них наиболее интересна статья «Шамхалы Тарковские», дающая, между прочим, довольно подробные сведения о повинностях различных групп зависимого населения в пользу ханов и беков. Использование этих данных наряду с данными «комиссии по освобождению зависимых сословий» совершенно необходимо для ориентировки в положении различных групп дагестанского крестьянства. В частности, статья дает конкретные материалы по вопросу об узденьских повинностях. Такое же перечисление повинностей дает для Мехтулы статья «Мехтулинские ханы», содержащая, кроме того, интересные указания на отношение русского правительства к узденьским повинностям, указания, даваемые в примечании, между прочим, но бросающие яркий свет на основы, на которых базировалась поддержка горскими феодалами российской политики.

Статистические сборники

Чрезвычайно ценный материал для характеристики социально-экономического строя Дагестана можно, наконец, найти в ряде статистических сборников. Хотя сведения относятся ко второй половине XIX в., из них можно извлечь те данные, которые частично распространяются и на первую половину века. Таковы в какой-то мере сведения о повинностях и в большой своей части сведения о ремесленной специализации аулов. Из статистических сборников наибольший интерес представляет справочник «Дагестанская область. Сборник статистических данных, извлеченных из посемейных списков Закавказья». Хотя материал сборника относится к концу восьмидесятых годов, однако данные о традиционных повинностях несомненно отражают и положение, складывавшееся уже в первой половине века, и поэтому ценны как дополнение материалов различных комиссий шестидесятых годов. Сведения осо-

[1] Таковы статьи: «Шамхалы Тарковские» (ССОКГ. Вып. 1), «Мехтулинские ханы» (Там же. Вып. 2).

бенно интересны потому, что они дают яркую картину действительного положения узденей, которая была скрыта комиссиями.

Некоторую помощь может оказать исследователю и составленная Е.И.Козубским «Памятная книжка Дагестанской области» (Темир-Хан-Шура, 1895), довольно подробно рисующая территориальное размещение дагестанских ремесел и промышленности. Наконец, отдельные публикации документов в изобилии рассеяны в различных трудах. Так, много документов напечатано в приложениях к «Запискам» А.П.Ермолова, к биографии А.И.Барятинского, составленной Зиссерманом в качестве приложений к «Кавказскому сборнику» и т.п.

Частная переписка и мемуары

Особую группу документов составляют частные письма и мемуары представителей русской администрации на Кавказе. Из опубликованных писем наибольший интерес представляют письма двух наместников — А.П.Ермолова и М.С.Воронцова. Письма Ермолова[1] дают много ярких и красочных характеристик, вскрывающих характер кавказских деятелей и совершенно откровенно, без маскировки показывающих отношение официальных представителей власти к горцам. Из писем Ермолова видно, что «проконсул Кавказа» ясно и отчетливо понимал истинные цели завоевания и не стеснялся высказывать их вслух. Вряд ли можно найти в документации более откровенные высказывания, чем то, что вышло из-под пера Ермолова. Отсюда ценность этой переписки для историка, занимающегося проблемами кавказской политики царизма. Ермоловская переписка охватывает канун мюридистского движения.

Письма Воронцова[2] написаны в более дипломатическом стиле. Он тщательно прикрывает то, о чем Ермолов пишет не стесняясь. Поэтому переписка Воронцова часто оказывается только не лишенным значения дополнением к его официальным бумагам. Время от времени в письмах проскальзывают детали, отсутствующие в опубликованных официальных документах. Некоторые из сообщений Воронцова помогают осветить отдельные темные места в истории мюридизма, но в целом письма Воронцова гораздо менее интересны, чем письма Ермолова.

Особого упоминания заслуживают неизданные письма В.Я.Доливо-Добровольского к Э.В.Бриммеру, писавшиеся в конце пяти-

[1] Переписка Ермолова с различными лицами напечатана в «Русском вестнике» за 1863 г., в «Русской старине» за 1872 г. (переписка с Закревским и Кикиным), в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 45, и в других изданиях.

[2] Напечатаны в «Русском архиве» в 1890 г. (переписка с Ермоловым) и в «Русской старине» в 1873 г. (переписка с Бебутовым). Кое-что опубликовано в «Архиве кн. Воронцова», т. 36—40.

десятых годов[1]. Автор — внимательный наблюдатель и, что особенно важно, отнюдь не поклонник А.И.Барятинского и Н.И.Евдокимова. Его меткие, часто убийственные характеристики, его беглые замечания нередко приоткрывают завесу тайны, наброшенную официозными историками на истинное положение дел на Кавказе в пятидесятые годы. Доливо-Добровольский неоднократно указывает на опасность и, в известной мере, авантюристичность военных планов Евдокимова, ярко рисует облик этого «героя» Кавказской войны, известного взяточника.

Значительно обильнее литература мемуарная. Многие из царских генералов, занимавших руководящие посты на Кавказе, писали мемуары. Среди литературы этого рода можно назвать воспоминания генерала Ольшевского[2], Клюки фон Клугенау[3], Зиссермана[4] и многих других. Сюда же относятся «Записки» Ермолова. Интересно большинство мемуаров главным образом теми бытовыми штрихами и характеристиками, которые ярко рисуют методы политики царизма и его отдельных представителей. Очень много места в воспоминаниях занимают подробные описания сражений, в которых приходилось участвовать авторам, передвижений войск, планов командования.

4. МЕСТНЫЕ ГОРСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Общая характеристика

Второй тип источников, имеющихся в нашем распоряжении, — сочинения различных деятелей мюридизма и имамата или соприкасающиеся с ними работы местных горских авторов, чаще всего — мусульманских ученых мулл различного положения. Как мы уже указывали, работ этих очень мало и они просто тонут в груде материалов, оставленных нам русской стороной, но тем ценнее каждая запись, исходящая от лиц, близко стоявших к руководству мюридистским движением или проповедовавших тарикат. Все эти работы проникнуты магометанским религиозным духом, что составляет их существенную особенность. Даже авторы-историки причины крупнейших исторических событий сводят к воле Аллаха. Вот как объясняет, например, появление мюридизма Мухаммед-Тахир ал-Карахи: «Затем Аллах всевышний оказал им милость и послал к ним истинного ученого, точно познавшего [тарикат. — *Н.П.*]

[1] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/13.

[2] Напечатано в «Русской старине» в 1873 — 1874 гг. под заглавием «Кавказ с 1861 по 1866 гг.».

[3] «Очерк событий на Кавказе» в «Русской старине» за 1876 г.

[4] Двадцать пять лет на Кавказе. Вышло отдельным изданием.

храбреца Гази Мухаммеда»[1]. Примерно в том же духе отзывается о падении имамата Гаджи-Али: «Гнев божий снизошел на Шамиля и бог попустил его врагам завладеть казною его, драгоценностями и имением»[2]. Авторы страдают также отсутствием критического подхода к сообщаемым ими фактам и нередко выдают легенду и даже анекдот за несомненное и достоверное происшествие. У того же Мухаммеда-Тахира мы находим, между прочим, и такой рассказ, приведенный непосредственно за описанием разгрома Граббе в ичкеринских лесах: «После этого сражения послал граф к Шуаибу [в описываемое время был мичиковским наибом. — *Н.П.*] сказать: "Не превозносись и не гордись тем, что ты убил одного или двух солдат, которые отправились в лес принести дров". В ответ на это Шуаиб послал сказать: "Истинно, я не присутствовал при этом. Однако я слышал, что наши дети, отправившись в лес нарвать "курасы", перебили солдат"»[3]. И неуменье отделить достоверное от анекдота, и религиозная окраска, и частые обращения к Аллаху — все это придает сочинениям мусульманских историков-горцев большое сходство со средневековыми хрониками.

Горские источники изображают движение под флагом мюридизма как движение всенародное, а имамат как государство, основанное на справедливости. Они обычно не замечают антифеодальной направленности движения и предательской роли обогащавшейся аульской верхушки, вызвавшей разложение имамата и соглашения с царизмом. Особенно яркую в этом смысле характеристику дает Хасан ал-Алкадари: «После своего вступления во власть, — пишет он, — Шамиль-эффенди ввел среди народа очень справедливые порядки, желанный строй и законченное политическое и гражданское управление»[4]. Автор всячески подчеркивает демократизм Шамиля, его заботу о народе. «Уже не было таких вещей, как ханские порядки, вроде того, чтобы подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял»[5]. Даже для Гаджи-Али, который не может умолчать о грабежах обогащавшейся верхушки имамата, этого нового эксплуататорского слоя, становившегося на место сброшенных крестьянским восста-

---

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи: О дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. с араб. А.М.Барабанова. М.; Л., 1941. С. 34.

[2] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 71. *Сейчас вышло в свет другое издание, осуществленное по невыправленному официальным редактором тексту. См.: Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / Подгот. к печ. В.Г.Гаджиевым. Махачкала, 1995. — В.Г.*

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 146—147.

[4] *Мирза Гасан-эфенди, сын Хаджи-Абдулла-эфенди Алкадари Дагестани.* Книга Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане) // СМОМПК. 1929. Вып. 46. С. 134.

[5] Там же. С. 135.

нием феодалов, сам глава имамата, Шамиль, тут ни при чем. «Дела, — пишет он, — приняли дурное направление, потому что поступки рабов были соединены с несправедливостью, и все старания Шамиля поправить дела были тщетны. Он оставался один, без помощников, и часто повторял слова одного арабского поэта: "Я вижу тысячу человек, строящих здание, которое может разрушить один; что же может построить один человек, когда сзади него тысячи разрушителей"»[1].

Местные горские источники можно разделить на две категории, в зависимости от того, касалась их редакторская рука официальных русских историков или нет. Большинство работ местного происхождения либо редактировались русскими офицерами, издававшими их, либо писались уже с учетом официозных российских требований. Поучителен в этом отношении пример Мугеддина Магомед Ханова, сочинение которого «Истинные и ложные последователи тариката» появилось в «Сборнике сведений о кавказских горцах». Кое-что об истории создания этой работы говорит А.Омаров в предисловии: «Мугеддин был арестован вместе с другими тарикатистами, и при освобождении его г. начальник Кавказского Горского управления предложил ему как человеку опытному, вполне знающему похождения тарикатистов, написать о сущности настоящего тариката и применении его на деле современными тарикатистами»[2]. Понятно, что в подобной обстановке Мугеддин вынужден был о многом умолчать. На это жалуется и его переводчик, А.Омаров: «К сожалению, — пишет он, — Мугеддин написал на вторую часть этой темы весьма мало, ограничившись некоторыми анекдотическими рассказами»[3].

Учитывал мнения и взгляды русских генералов и Гаджи-Али. Он прямо заявляет: «Цель моя при составлении этой книги была заслужить внимание и благосклонность людей просвещенных»[4]. И этим, разумеется, объясняется такой, например, выпад: «Горцы дики, как сама природа, окружающая их, и хищны, как звери»[5], или расшаркивание перед кавказским командованием: «Теперь же корень войны, беспорядков и смут пресечен могуществом русских»[6]. Не будем продолжать — характер работ, прошедших через руки царских редакторов, достаточно ясен — их можно использовать лишь с соответствующими поправками.

---

[1] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле... С. 35.

[2] [*Мугеддин Магомед Ханов*]. Истинные и ложные последователи тариката / Пер. с араб. А.Омарова // ССОКГ. 1870. Вып. 4. С. 4.

[3] Там же.

[4] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле... С. 4.

[5] Там же. С. 5.

[6] Там же. С. 6.

Дагестанские адаты

Перейдем теперь к разбору официальных записей горского обычного права, сборников адатов. Дагестанские адаты собирались окружными начальниками в 1865 и 1866 гг. и частично изданы в седьмом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах»[1]. Свод ряда дагестанских адатов, составленных А.В.Комаровым, помещен в первом выпуске того же сборника[2]. Упоминаемые тем же Комаровым адаты шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского из Рукописного отдела Горского НИИ остались неизданными[3]. В отличие от сборников чеченских и кумыкских адатов, составлявшихся в сороковых годах XIX в., дагестанские сборники представляют собой, в основном, сухое изложение процессуальных норм и перечисление показаний по делам уголовного характера. Наиболее интересные данные, касающиеся сословного строя и взаимоотношений различных групп населения, в разбираемых сборниках дагестанских адатов почти совершенно не представлены[4]. Несколько выходит из этих рамок лишь свод А.В.Комарова, коротко сообщающий в первой главе о происхождении в Дагестане суда по шариату и адату и дающий некоторые любопытные исторические сведения, относящиеся к борьбе вокруг введения шариата во времена мюридизма.

Сборник адатов Р.К.Фрейтага

Несколько лучше положение с работами, трактующими о состоянии Чечни в первой половине XIX в. В сороковые годы генерал Р.К.Фрейтаг, начальник левого фланга Кавказской линии, провел работу по собиранию чеченских адатов. Сборник этот позднее издан был в составе второго тома публикации Ф.И.Леонтовича «Адаты кавказских горцев» и представляет собой основной документ, рисующий нам чеченские отношения середины прошлого века. Популярность этого сборника была очень велика, и данные его неоднократно переписывались почти дословно целым рядом авторов. В числе их назовем А.Берже, работа которого «Чечня и чеченцы»[5] представляет собой почти дословное заимст-

---

[1] Адаты даргинских обществ.

[2] *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним (материалы для статистики Дагестанской обл.) // ССОКГ. 1862. Вып. 1.

[3] *Эти адаты, как и ряд других, изданы позднее: Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965; Из истории обычного права Дагестана / Сост. А.С.Омаров. Махачкала, 1973; Гаджиев В.Г. Памятники обычного права Дагестана // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Сер. обществ. наук. Ростов н/Д; Гаджиев В.Г. Адаты народов Северного Кавказа // Изв. АН АзССР. Сер. истории, философии и права. Баку, 1987. № 2. — В.Г.*

[4] За исключением отдельных статей в сборнике шамхальских адатов.

[5] *Берже А.* Чечня и чеченцы // Кавказский календарь за 1860 г. Тифлис, 1859.

вование из фрейтаговского сборника; И.Иванова, в статье «Чечня»[1] переписавшего (без указаний источника) адаты этого сборника. Многое из него выписано было Н.Ф.Дубровиным, у которого уже заимствовало эти материалы подавляющее большинство позднейших авторов. Одним словом, почти нет авторов, писавших о Чечне, которые не заимствовали бы материалов из сборника Фрейтага. Об этом нужно помнить и все данные в первую очередь проверять именно с этой точки зрения, так как в большинстве случаев заимствователи либо совершенно не указывают источника, либо, как, например, Иванов, указывают его неверно.

Сборник Фрейтага, датированный 1843-м годом, содержит не только одни адаты, но дает также, что особенно ценно, краткий очерк истории чеченцев и некоторые сведения по истории чеченского землевладения. Эти данные должны быть использованы каждым исследователем истории Чечни. Так, в сборнике мы находим указание на то обстоятельство, что земли, поделенные отдельным родам, «однако же не раздробились на участки между членами их, но продолжали по-прежнему быть общею нераздельною собственностью целого родства»[2] — классическая фраза, использовавшаяся большинством писавших о Чечне авторов. Очень ценны сведения сборника о рабстве в Чечне, рисующие достаточно четко войну как основной источник пополнения рабов. Между прочим, давая характеристику положения рабов, автор сборника замечает: «Положение лаев [рабов. — *Н.П.*] в Чечне есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире»[3].

Наконец, нельзя обойти молчанием и ряд ценных сведений, содержащихся в главе «О новом управлении, введенном Шамилем»[4]. Данные эти, очевидно, добыты от лазутчиков и представляют собой немаловажное дополнение к ряду других сообщений о характере имамата. Впрочем, для анализа социальной природы имамата сборник Фрейтага дает лишь отдельные замечания, требующие расшифровки. Однако общие указания на характер того слоя, который составлял администрацию имамата в Чечне, мы можем найти у Фрейтага, как, например, заявление: «...он [Шамиль. — *Н.П.*] привязал к себе первые чеченские семейства»[5].

Наряду с крупными достоинствами сборник содержит и значительное количество весьма существенных недочетов: Фрейтаг зачастую не понимает как следует тех фактов, которые он описывает. Подходя к чеченцам как к дикарям, он совершенно не в состо-

[1] *Иванов И.* Чечня// Москвитянин. 1859. № 19 — 20, окт.

[2] *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 79.

[3] Там же. *С. 80—81.*

[4] Там же. С. 103.

[5] Там же. С. 106.

нии разобраться в таких сложных вопросах, как взаимоотношения тейп, «покровительство», вернее, эксплуатация более слабых тейп более сильными, зарождение аристократии. Для него, с высоты его дворянского величия, все чеченцы совершенно равны, и близорукая теория монолитности чеченского общества, уравнивающая всех чеченцев в дикости, в немалой степени поддержана именно фрейтаговским сборником адатов. Вот одна из фрейтаговских характеристик: «Гражданственность вообще у горцев стоит еще на низкой ступени образованности. Почему в ней нет возможности отыскать той определенности, которая заметна у народов более образованных»[1]. Адат назван «первым звеном соединения человека в общество, переходом его от дикого состояния к жизни общественной»[2]. Таким образом, для Фрейтага чеченцы еще не вышли окончательно из дикого состояния. Не менее ярко отзывается он о чеченцах и там, где нужно дать характеристику шамилевской системы управления: «...дабы обуздать вольность дикого горца, он [Шамиль. — *Н.П.*] нашел нужным уничтожить адат, потворствующий слабостью своих постановлений буйным страстям чеченцев»[3].

Низам Шамиля

Одним из наиболее важных и ярких среди сочинений местных мусульманских авторов является сборник «Низам Шамиля»[4]. Он состоит из пяти документов: 1) Положение о наибах. 2) Предписание имама всем наибам. 3) Изложение причин съезда в Андии. 4) Молитва, предписанная к прочтению после хутбы каждому, совершающему пятничное служение (Джума намаз). 5) Приказание, отданное имамом при собрании в Хунзахе, в понедельник, 21 дня месяца шавваль 1273 года (14 июня 1857 г.). О происхождении документов редакция сообщает, что «все эти положения выписаны из книги бывшего при Шамиле наибом и известного приверженца его Танус-Магомы»[5]. Интересно замечание, брошенное редакцией по поводу перевода публикуемых документов: «По темноте и ошибочному изложению некоторых мест в арабском тексте, для проверки и разъяснения его, вызван был в Шуру Амир-хан Чиркеевский, бывший около 20 лет секретарем Шамиля, и затем перевод сделан частью буквально, а частью с истолкованиями и исправлениями Амир-хана»[6].

Что представляли собой эти «истолкования и исправления», судить нельзя, так как исправленные места ни в тексте, ни в пре-

[1] Там же. С. 92.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 107.
[4] Низам Шамиля // ССОКГ. 1870. Вып. 3. С. 1 — 18.
[5] Там же. С. 2.
[6] Там же.

дисловии не оговорены, и мы имеем полное право считать, что редакторская рука коснулась документов. Мало того, одно из примечаний (на стр.12) показывает, что редакция считалась еще с существованием какого-то «подлинного» текста, и считалась, по-видимому, не напрасно.

Таким образом, опубликованные документы не являются точной копией, и показания их не могут быть приняты как строго достоверные. Тем не менее, значение их (особенно первых трех) можно признать первостепенным. Прежде всего они освещают ряд темных мест в структуре государственной власти, говорят о взаимоотношениях различных представителей администрации имамата и т.д. А во-вторых, и это очень важно, они позволяют судить и о социальном характере власти, и о методах обогащения наибов. Они, наконец, указывают нам и на борьбу, происходившую внутри верхушки имамата. Об этом достаточно ясно говорит первая глава «Положения о наибах»: «Должно быть исполняемо приказание имама... Будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание или несогласно, или даже в том случае, если бы исполнитель считал себя умнее, воздержаннее и религиознее имама»[1]. Другая глава достаточно ясно намекает на противоречия между верхушкой имамата и массами, противоречия, чувствовавшиеся руководством: «...не должно одобрительно относиться к мнению народа, клонящемуся к нарушению порядка в делах необходимых, как-то: в постройке оборонительных стен, в защищении границ, в пресечении неприятелю путей и прочего»[2].

Наконец, скажем еще несколько слов об авторе «низама». В предисловии со слов Амир-хана рассказывается, что мысль о снабжении наибов письменным наказом подал Шамилю находившийся при нем влиятельный чеченец Хаджи-Юсуф. О самом Хаджи-Юсуфе Амир-хан сообщает, что «первое знакомство Гаджи-Юсуфа с Шамилем завязалось заочно», вскоре после 1846 г. Затем Хаджи-Юсуф прибыл в Дарго и здесь «в короткое время... сделался при Шамиле влиятельным человеком», а вскоре после андийского собрания 1847 г. (где объявлен был «низам») получил назначение наибом в Гехи (в Чечне).

Рассказ этот вряд ли может считаться достоверным. Во-первых, из донесений 1843 г. нам известно, что Хаджи-Юсуф уже в это время, весной 1843 г., был назначен наибом Малой Чечни[3] и, следовательно, появился в Дарго раньше этого года. Из того же документа можно видеть, что приезд Хаджи-Юсуфа к Шамилю не мог быть раньше 1839 г. Уже упоминавшийся нами Хаджи-Али, ученик Хаджи-Юсуфа, указывает на 1840 г. как год его приезда.

[1] Там же. С. 7.

[2] Там же. С. 8.

[3] О политическом состоянии Чечни со времени нового управления, введенного Шамилем, при рапорте А.И.Нейдгарта А.И.Чернышеву от 4/XI-1843 г., № 1423 // ЦВИА ВУА. Д. 6468.

С другой стороны, тот же Гаджи-Али, приписывающий влиянию Хаджи-Юсуфа даже учреждение наибств и всячески выставляющий роль этого агента турецкого султана, умалчивает о роли Гаджи-Юсуфа в составлении низама, хотя и сообщает некоторые подробности о совещании 1847 г. в Андии. Наконец, уже документы 1843 г. говорят о том, что авторитет Хаджи-Юсуфа вряд ли мог стоять очень высоко: «Юсуф Гаджи на этом месте [малочеченского наиба. — *Н.П.*] скорее вреден, чем полезен Шамилю. За короткое время, что он управляет наибством Малой Чечни, разного рода несправедливостями и взятками он успел заслужить ненависть чеченцев, и на него уже несколько раз они приносили жалобу Шамилю»[1]. Все эти данные заставляют нас очень осторожно подходить к вопросу об авторе «низама». Нам кажется чрезвычайно сомнительным, чтобы «низам» исходил от лица, которое играло в имамате роль благодаря своим связям с Турцией. Вероятнее, что документы, вошедшие в «низам», составлены были либо самим Шамилем, либо одним из его ближайших помощников, дагестанских ученых мулл, а Хаджи-Юсуф к категории последних, насколько нам известно, не принадлежал[2].

«Сатира на имамских правителей»

В Архиве АН СССР имеется перевод другого интересного арабского документа[3]. По словам Пржецлавского, рукопись «случайно попала в доме военнопленного Шамиля» в руки переводчика, того же Пржецлавского, и, по его предположениям, написана была зятем Шамиля Абд ар-Рахманом. Перевод арабского заглавия отсутствует, да и можно сомневаться в том, что оно было. Переводчик же назвал ее: «Сатира на имамских правителей». Судя по качеству других переводов Пржецлавского, можно сомневаться в точности этого. Однако некоторые места и по стилю, и по содержанию таковы, что не могут принадлежать Пржецлавскому. Поэтому, несмотря на отсутствие арабского подлинника и сомнительность перевода, пользоваться этим любопытным документом можно. Его содержание — краткая, но очень выразительная

[1] Там же; *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 70.

[2] Проф. А.Н.Генко в статье «Арабская карта Чечни эпохи Шамиля» (Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. II. 1933. С. 35), приводя ряд показаний о Хаджи-Юсуфе, склоняется к тому, чтобы признать показания Амир-хана наиболее авторитетными (особенно в датировке времени наибства Хаджи-Юсуфа). Указанный нами документ, как нам кажется, решает вопрос достаточно категорически, опорочивая свидетельство Амир-хана и подтверждая рассказ Хаджи-Али.

[3] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 161 об. — 162 об. Дело № 44 включает несколько рукописей и переводов, принадлежавших Пржецлавскому. Судя по содержанию дела, в руках этого пристава при Шамиле были интересные арабские документы, и найти их подлинники было бы немаловажно для изучения истории имамата.

характеристика трех наибов: Кибит-Магомы, Даниэль-бека и Исмаила, сына Инко-Хаджи, наиба Чохского.

Гаджи-Али

Из работ местных горских историков, пытавшихся дать связную историю освободительного движения народов Северо-Восточного Кавказа, мы остановимся в первую очередь на неоднократно упоминавшемся выше «Сказании очевидца о Шамиле» Гаджи-Али Чохского. Общую характеристику этого сочинения мы дали выше. По свидетельству автора, он был «инженером Шамиля, начальником стражи, вел счет его прихода и расхода, числу низама (войска) и иногда исправлял должность казначея и мирзы при нем»[1]. Уже это одно позволило ему быть в курсе всех важнейших событий в имамате, что и придает особое значение его сочинению.

Это последнее начинается с небольшого предисловия, в котором дана краткая характеристика Дагестана, после чего идет беглая заметка о порядке избрания дагестанских ханов. Далее Гаджи-Али посвящает два небольших очень сжатых раздела Гази-Мухаммеду и Гамзат-беку. Подробное изложение событий начинается только с момента избрания Шамиля, и здесь можно найти значительное количество интересных данных. В частности, Гаджи-Али посвящает специальный раздел Хаджи-Юсуфу, говорит о совещании 1847 г. в Андии и т.д.

Особый интерес имеют последние два раздела: «Дети Шамиля и их действия в Дагестане» и «Источники доходов и причина падения Шамиля». В первом из них Гаджи-Али не находит слов, чтобы очернить Гази-Мухаммеда, старшего сына Шамиля, признанного его наследником. Характеристика Гази-Мухаммеда достаточно интересна, чтобы привести ее: «Он скуп, дурного характера и трус. Народ считал его хорошим человеком, потому что он, как женщина, постоянно улыбался каждому, даже самым большим врагам своим»[2]. И, одновременно, сын имама объявляется величайшим притеснителем народа: «Если бы можно было горцев вьючить, как ишаков, и посылать в лес за дровами, то это делал бы Гази-Мухаммед». С другой стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что о сопернике Шамиля и Гази-Мухаммеда по имамату, об известном наибе Хаджи-Мурате, мы находим очень немного сведений, но сведения эти говорят только в его пользу. Даже такой факт, как его переход к царизму, обойден у Гаджи-Али молчанием. Не исключена возможность, что автор «Сказания очевидца о Шамиле» являлся представителем партии, враждебной Гази-Мухаммеду, той партии аварских беков, которая поддерживала Хаджи-Мурата в его претензиях на имамское зва-

[1] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 70.
[2] Там же. С. 71.

ние. Наконец, последний раздел разбираемой работы говорит о доходах Шамиля, давая ряд чрезвычайно ценных сведений для общей характеристики имамата.

Мухаммед-Тахир ал-Карахи

В значительной мере иной характер носит повествование Мухаммеда-Тахира из Караха. Его работа обычно встречается в списках и переводах под близкими заглавиями. Все они происходят от первоначального: «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах». Только одна не переведенная арабская рукопись резко своеобразна. Ее заглавие — «Дагестанские события эпохи Шамиля»[1]. Она подготовлена для прохождения через царскую цензуру сыном автора Хабибуллахом. Этот вариант имеет то преимущество перед остальными рукописями, что по нему можно проследить историю работы автора над своим сочинением.

Рукопись этой единственной в своем роде хроники составлялась Мухаммедом-Тахиром под непосредственным наблюдением Шамиля и была окончена в основной своей части между 1851 и 1856 гг.[2]. Затем она многократно пополнялась. Она довольно подробно трактует о событиях, начиная с выступления Гази-Мухаммеда и кончая пленом Шамиля и его смертью. Сочинение «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах» не проходило через руки царских редакторов и в этом отношении представляет собой редкое исключение. Но и здесь нельзя найти обзоры реформ, проведенных Шамилем, описания экономической политики имамата и т.п. Работа Мухаммеда-Тахира — это только описание чисто внешней истории имамата: сражений с «неверными» и поддерживавшими их мусульманами. Автор плохо различает достоверные и легендарные известия, работа его наполнена анекдотами и совершенно недостоверными преданиями, примеры которых мы приводили уже выше. Правда, нередко Мухаммед-Тахир оговаривается, сопровождая те или иные из указываемых им подробностей многозначительными «говорят», иногда даже точно указывает, кто именно говорит[3]. Однако своего мнения он не высказывает, предоставляя читателю самому разбираться в степени достоверности материала. «Блеск дагестанских шашек...» в этом смысле стоит ниже «Сказания очевидца о Шамиле», так как Гаджи-Али стремится все же как-то расценить степень достовер-

[1] См.: ИСб. 1936. Т.5. См. также: *Барабанов А.М.* Введение // Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи... С. 22–27.

[2] *Крачковский И.Ю.* Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда-Тахира ал-Карахи // Избр. соч. Т. 6. М.; Л., 1960. Ср. предисловие А.М.Барабанова к переводу «Хроники Мухаммеда-Тахира ал-Карахи...». С. 7.

[3] В частности, встречаются ссылки на «правдивого человека», слугу (в некоторых переводах — повара) шамхала.

ности находящегося в его распоряжении материала. Так, в предисловии к своему сочинению Гаджи-Али пишет: «Я пожелал описать вкратце то, что сам видел, и с тех пор, как я находился при Шамиле, а также и то, что я слышал от людей достоверных; но не включил сюда народных рассказов и толков, потому что часто они бывают ложны, как и я встречал много книг, наполненных пустыми рассказами, не имеющими никакой основательности»[1]. Резкой противоположностью этому заявлению звучит включающий недостоверные слухи рассказ Мухаммеда-Тахира об отступлении М.С.Воронцова из Чечни в 1845 г.: «И рассказывают, что Воронцова несли в железном сундуке; и рассказывают также, что нес его Илья ал-Курчи на своей спине»[2]. Таким образом, автор передает все толки без критического анализа их. Но, с другой стороны, поражает точность Тахира при передаче им событий достоверных. Сличение его рассказа с данными русских официальных источников показывает, что горский историк не путает ни событий, ни их последовательности и часто скрупулезно отмечает детали.

Мухаммед-Тахир — сторонник Шамиля. Его работа свободна от великодержавных наслоений и аристократических симпатий. Аварских ханов он рассматривает как «вредных людей», радуется их истреблению, хотя и подчеркивает, что оно произведено было крестьянской массой, по ее собственной инициативе. Он не любит Хаджи-Мурата с его феодальными замашками и очень неодобрительно отзывается об его экспедиции в Табасарань. Такая же, но более сдержанная неприязнь проглядывает в его рассказе о Гамзат-беке. Тахир отмечает столкновения Шамиля с Гамзат-беком, при этом явно стоит на стороне койсубулинского вождя мюридов. Наконец, в противоположность Гаджи-Али, Мухаммед-Тахир одобряет деятельность сыновей Шамиля, в особенности Гази-Мухаммеда. Таким образом, Мухаммед-Тахир выступает как историк с явно выраженными демократическими симпатиями. Но и он, рисуя историю падения имамата, подчеркивает стремление ряда наибов к личному обогащению и желание Шамиля обуздать аппетиты наибов.

Сочинение Мухаммеда-Тахира было очень популярно в Чечне и Дагестане и широко распространилось в арабских списках. Переписчики, по-видимому, не всегда точно передавали текст рукописи. Отсюда некоторые расхождения между рукописями. Некоторые из этих списков попадали в руки переводчиков, переводились (главным образом, на русский язык) целиком или отрывками[3].

[1] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 4.

[2] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 189.

[3] *В 1941 г. был опубликован перевод этого сочинения Мухаммеда-Тахира, осуществленный учеником акад. И.Ю.Крачковского ленинградским арабистом А.М.Барабановым по пяти арабским рукописям. Наиболее ценной для переводчика оказалась при этом рукопись 1872—1873 гг., принадлежавшая известному дагестанскому собирателю и зна-*

току арабских рукописей Абдуррахману Казиеву. Этот список (К) стоял ближе всего к протографу самого Мухаммеда-Тахира, основная часть которого была закончена между 1851 и 1856 гг. А.М.Барабанов справедливо положил его в основу своего перевода, но одновременно привлек к нему еще четыре арабских списка, сделанных в 1899—1929 гг. За исключением одного из них, составленного в 1904 г. сыном автора, Хабибуллахом, серьезно переработавшим текст отца, исходя из цензурных соображений, все остальные арабские рукописи, различаясь многочисленными вставками и добавлениями, в совпадающих частях почти не давали смысловых вариантов.

Однако А.М.Барабанов опубликовал отнюдь не перевод рукописи Абдуррахмана Казиева, а перевод составленного им самим некоего «сводного критического текста», с учетом всех известий всех пяти рукописей, но без указания текстологических разночтений и без четких обозначений, какому списку какие дополнения и вставки принадлежат. Лишь изредка под строкой приводятся некоторые варианты других списков. Таким образом, ни состав первоначального протографического текста Мухаммеда-Тахира, ни этапы внесения в него авторских либо редакторских дополнений, вставок и «приставок», коими изобилует это сочинение, по изданию А.М.Барабанова узнать нельзя. Проблема атрибуции и датировки этих вставок не была даже поставлена. Текст Мухаммеда-Тахира незаметно, без какой-либо грани перетекает в этом издании в текст его сына Хабибуллаха.

Современная текстология считает недопустимым сам принцип «сводного критического текста» и требует издания реально существующего основного списка памятника с подстрочным подведением по всем привлеченным к изданию спискам разночтений, причем не одних лишь смысловых (Лихачев Д.С. Текстология. 1-е изд. Л., 1962; 2-е изд. Л., 1983). Целенаправленные дополнения и вставки в первоначальный текст, как и любое его редактировние, создают новые редакции памятника. Поэтому представляется несправедливым упрек, который А.М.Барабанов сделал Н.И.Покровскому по поводу вывода «о существовании якобы нескольких вариантов и редакций рукописи», и в связи с этим требование их сопоставления. По А.М.Барабанову, все дело лишь в различии плохих переводов. Но и сам публикатор в своем введении неоднократно сообщает о значительной работе арабских переписчиков (а возможно, и автора?) над первоначальным текстом памятника. А это и создает разные редакции памятника.

В кратком предисловии к изданию акад. И.Ю.Крачковский подчеркивал, что аспирантский перевод А.М.Барабанова отнюдь не снимает задачу его дальнейшего исправления или улучшения; это вполне понятно, учитывая состояние арабистики Кавказа (с. 5). Действительно, иногда (но в очень важных местах) буквалистски точному переводу А.М.Барабанова приходится предпочитать перевод его предшественников, хорошо знавших исторические реалии описываемых событий. Так, на с. 242 приводятся слова Шамиля: «...он даже требовал, чтобы в его государстве шерсть овец не выщипывалась, а состригалась ножницами, и чтобы не убивались пчелы при извлечении меда [из ульев], хотя бы это и тяготило народ». В контексте перевода это выглядит какими-то странными агрономическими советами, непонятно, почему народ будет тяготиться, если шерсть перестанут выдергивать, а пчел убивать. На деле как раз наоборот: Шамиль призывал наибов не отягощать, а беречь народ. Другие переводчики лучше справились с понятной социальной метафорой

Перечислим известные нам переводы. В Дагестане опубликован был перевод хроники, озаглавленный «Три имама»[1]. Перевод очень плох: многие места выпущены совершенно, иные искажены до неузнаваемости. Помимо этого перевода, в Архиве АН СССР имеется упомянутый выше перевод-переработка Пржецлавского и, насколько можно судить при отсутствии подлинника, добросовестный перевод первых трех глав, сделанный А.Берже[2]. О каком-то переводе с рукописи «Блеск дагестанской шашки в делах против русских» упоминает Н.А.Волконский[3]. В Стамбуле вышел турецкий перевод сочинения Мухаммеда-Тахира под заглавием «Газаваты шейха Шамиля, борца за джихад на Кавказе»[4]. В 1936 г. в Горском научно-исследовательском институте подготовлен был перевод рукописи Мухаммеда-Тахира под заглавием «Блеск горных сабель в некоторых газаватах имама Шамиля»[5]. Наконец, в распоряжении автора настоящей работы имеется перевод ряда отрывков из Мухаммеда-Тахира, сделанный в Грозном в конце 1920-х гг. Историк не может не использовать работу Мухаммеда-Тахира как автора, близко стоявшего к делам имамата и сообща-

---

Шамиля: «...когда хочешь получить шерсть от овец, то не дергай ее, а стриги; когда хочешь получить мзду — бери мед, а пчел не трогай, не убивай. Так нужно поступать и с народом» (см. гл. 6, § 2 наст. изд.). Конечно, для своего времени перевод А.М.Барабанова был большим достижением. С тех пор им подчас пользовались чуть ли не как каноническим текстом главного исторического труда Мухаммеда-Тахира. Между тем, этот замечательный дагестанский памятник еще ждет современного археографического и текстологического анализа. Накануне Великой Отечественной войны Николай Ильич набросал план такой работы, которую он не успел осуществить. Его часть, посвященная спискам и редакциям этого памятника, звучала так: «Хроника. Ее возникновение. Позднейшие дополнения. Известные списки Хроники и переводы ее. Достоверность списков. Письмо Тахира к Исхаку ал-Урми [I — Н.Н.П.]. Вариантность и ее происхождение. Список Хабибуллаха. Список Тахира: Энгеноевская рукопись [I-Н.Н.П.].Популярность Хроники в горах — ср. "Хаджи-Мурад"». — Н.Н.П.

[1] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Три имама // СМОМПК. 1927. Вып. 45.

[2] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195.

[3] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1887. Т. 11. С. 112. При названии рукописи есть ссылка: «Рукопись, хранящаяся в числе прочих в военно-историческом отделе штаба Кавказского военного округа». Фотография с этой рукописи находится в Рукописном отделе библиотеки Института востоковедения АН СССР.

[4] Перевод сделал Абдул-Хамид ибн-Абдаллах аш-Шекови, редакция Тахира аль-Мевлеви. Сведения о нем любезно сообщены нам академиком И.Ю.Крачковским.

[5] В настоящее время рукопись и перевод находятся в Ставропольском педагогическом институте. Там же и комментарий к ней, составленный автором настоящей книги.

ющего массу фактов[1]. Проверяя сведения Мухаммеда-Тахира, можно с успехом использовать его материалы.

Кроме «Блеска дагестанских шашек...» перу Мухаммеда-Тахира принадлежит еще несколько сочинений. Они не были переведены, никогда не издавались и известны лишь по спискам. Между тем, они представляют зачастую немалый интерес для историка. Из этих сочинений укажем прежде всего на автобиографию Мухаммеда-Тахира: «Изложение части того, что послал мне Аллах всевышний»[2]. Первые страницы этого любопытного сочинения посвящены молодости автора, учению и первому периоду деятельности. Здесь по случайным поводам встречаются имена Курали-Магомы и Джемал ад-Дина. Но затем автор быстро переходит к Шамилю и своей деятельности у него. Впрочем, о событиях автор говорит мало, но для характеристики настроений и взглядов шамилевской администрации автобиография представляет интерес. В дальнейшем тексте автор, говоря о событиях, происходивших после падения державы Шамиля, возвращается еще раз ко временам имамата и перечисляет съезды наибов, в которых участвовал Тахир. Однако определить хронологию этих съездов трудно, да и перечисление вопросов, разбиравшихся на них, дается очень суммарно.

Другое произведение этого же автора «Поднимание пол для возвышения веры Аллаха великого и могучего»[3]. В конце копии, находящейся в распоряжении автора этой книги, имеется приписка: «Окончено рисалэ Алима очевидного Мухаммеда-Тахира ал-Карахи, которое сочинил он во времена имама Шамиля, да благословит его Великий». Сочинение посвящено некоторым вопросам, связанным с имущественным правом[4].

Хасан ал-Алкадари

Определенную ценность для нас представляет «Асари Дагестан» Хасана ал-Алкадари[5]. Работа эта компилятивная и к тому

---

[1] По словам Мухаммеда-Тахира, рукопись читалась Шамилем и выправлялась согласно его воспоминаниям, проверявшимся воспоминаниями ряда других очевидцев событий.

[2] عبارات عن بعض ما آتاني الله تعالى Рукопись находится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (Москва).

[3] شمر ذيل لاعلاء دين الله Копия Абд ар-Рахмана. Местонахождение подлинника неизвестно.

[4] Подобное же сочинение, и тоже известное лишь в рукописи, написано Муртади-Али ал-Урди ал-Хидатии под названием «Мухтасар» (сокращение, конспект): مختصل Копия снята Абд ар-Рахманом. В начале автор так характеризует его: «Эта книга, состоящая из предисловия, четырех разделов (фасль) и заключения, — Мухтасар книг фыкха и других, содержащая то, что необходимо всякому взрослому, чтобы знали и обучали запрещенному в делах их веры». Составлено оно тоже при Шамиле.

[5] Азербайджанский печатный текст книги вышел в Петербурге в 1312 г. хиджры (1894/1895 г.). Русский перевод опубликован в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 46. Кроме разбираемой здесь «Асари Дагестан» у ал-Алкадари есть еще два сборника арабских стихотворений: «Джераб аль Мамнун» и «Диван аль Мамнун». Оба представляют известный интерес для историка.

же написанная с широким привлечением арабоязычных и русских источников. «Асари Дагестан» не представляет собой в большей части разделов, относящихся к истории мюридизма, достаточно достоверного и полного источника. Вот один из примеров того, как сильно склонен автор путать события. Речь идет об упоминавшемся уже нами выше Амир-хане, о котором рассказывается, что в 1840 г. он «поехал от Шамиля-эффенди в Константинополь, повидал там кое-кого из вельмож турецкой империи, и с ним было выслано оттуда в Дагестан много снаряжения, оружия и тканей»[1]. При ближайшем рассмотрении выясняется, что Амир-хан смог добраться лишь до побережья Черного моря и оттуда вернулся обратно, не найдя возможности переехать в Турцию. В этом последнем согласны как рассказ самого Амир-хана, приведенный в предисловии к «Низаму Шамиля», так и Мухаммед-Тахир. Сообщение ал-Алкадари оказалось легендой, очевидно, позднейшего происхождения или отголоском тех слухов, которые пущены были в специальных целях Шамилем.

Другой пример путаницы, допускаемой автором, — история казни младшего отпрыска аварского ханского дома, Булач-хана. Ал-Алкадари сообщает, что Гамзат-бек, второй имам, передал Булач-хана «нескольким лицам из своей свиты и отправил оттуда [из-под Хунзаха. — *Н.П.*] в свое селение Гоцатль, где этого мальчика казнили, сбросив в реку Койсу»[2]. После чего Гамзат вступил в Хунзах. Стоит хоть мельком просмотреть переписку русского командования в 1834 г., чтобы убедиться в недостоверности приписывания казни Булач-хана Гамзат-беку. Булач-хан пережил второго имама и был казнен только Шамилем, опасавшимся, что Петербург использует Булач-хана для восстановления ханской власти в Аварии[3].

Но работа ал-Алкадари имеет и несомненные достоинства. Это своего рода био-библиографическое сочинение, охватывающее большинство (если не всех) дагестанских ученых мулл. В «Асари Дагестан» историк может найти необходимую ему (хотя часто слишком краткую) справку о том или ином видном деятеле ислама в Дагестане первых трех четвертей XIX в. Как один из представителей верхушки магометанского духовенства ал-Алкадари

[1] Асари Дагестан. С. 142.

[2] Там же. С. 132.

[3] Между прочим, бросается в глаза отсутствие элементарных приемов обработки этого сочинения его комментатором. К цитированному месту комментатор делает такое примечание: «Козубский приписывает (очевидно, по ошибке) это деяние Шамилю» (с. 187). Казалось бы, элементарным требованием при такого рода ссылке обратиться к документам и, во всяком случае, не решать вопроса «по интуиции». Комментатору нужно было просмотреть хотя бы т. 32, ч. 1-ю «Кавказского сборника», чтобы не сделать такого грубого промаха.

хорошо знает всех выдающихся представителей его, хотя бы даже все ученые достоинства такого представителя ограничивались красивым почерком.

Исхак ал-Урми

Только в 1930-х гг. стали известны произведения еще одного дагестанского историка, Исхака ал-Урми[1]. Большая тетрадь, написанная его каллиграфическим почерком, содержит, как это часто встречается у горцев, разнообразные произведения различных авторов. Некоторые из них принадлежат, очевидно, самому Исхаку ал-Урми, кое-что, может быть, было написано в сотрудничестве с Али ас-Салты. Из сочинений, относящихся к рассматриваемому периоду, назовем прежде всего «Сведения об ученых»[2], содержащие список дагестанских алимов с короткими характеристиками и биографическими заметками. Для примера приведем заметку о Гамзате ал-Хуцатли и Ша'бане ал-Бухнади[3]: «Оба были посланы Гази-Мухаммедом в Чар[4], были взяты там в плен кяфирами и посланы в Тифлис. Затем оба были освобождены под именем перемирия и сказано им обоим, что оба освобождены с помощью Паху-бике. Затем убил Гамзат Паху-бике и обоих сыновей ее». «Сведения» особенно интересны как справочный материал при идентификации имен, встречающихся в документах.

Другое небольшое произведение Исхака ал-Урми — «Ответы имама Шамиля»[5]. Оно содержит краткие сведения о переговорах М.С.Воронцова с Шамилем во время даргинской экспедиции 1845 г. Оно любопытно лишь некоторыми отдельными штрихами, дополняющими не совсем ясную и до сего времени картину даргинского похода.

Но наибольшую ценность представляет находящаяся в той же тетради биография Хаджи-Мурата «Книга сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада ал-Авари ал-Хунзахи»[6]. Биограф описывает поход Гамзат-бека к Хунзаху, истребление аварских ханов, заговор Османа и Хаджи-Мурата и смерть Гамзат-бека, правление Хаджи-Мурата в Хунзахе, его арест, бегство к Шамилю и всю последующую жизнь известного наиба вплоть до его смерти. Осо-

---

[1] О нем см.: *Покровский Н.И.* Исхак ал-Урми: Из истории дагестанской литературы XIX в. // Дагест. правда. 1941 г. № 93 (5701). 20 апр.

[2] Книга Исхака ал-Урми находится в Рукописном отделе библиотеки Института востоковедения АН СССР. Ее шифр: В 4360. «Сведения об ученых» начинаются с л. 131.

[3] Это Гамзат-бек и Ших-Шабан русской официальной переписки.

[4] Джары.

[5] اجوبة الامام شمويل

[6] كتاب في بيان شجاعة البطل حجي مراد الاوارى الحنزخى У автора настоящей книги есть копия этого произведения, переписанная Абд ар-Рахманом с указанием на авторство Исхака ал-Урми.

бенно интересно подробное изложение автором истории столкновения Хаджи-Мурата с Шамилем и переговоров наиба с царским командованием. Автор стремится оправдать Хаджи-Мурата, рассказывает, что во время похода в Кайтаг и Табасарань Хаджи-Мурат напал на Буйнак по жалобе какого-то буйнакского мухаджира, обиженного буйнакским Шах-Вали. Этим он защищает Хаджи-Мурата от обвинений в страсти к грабежам, которую так усиленно подчеркивает Мухаммед-Тахир.

Из биографических арабских рукописей укажем еще на биографию шейха Курали-Магомы[1]. Помимо других сведений биография дает датировку первых шагов Курали-Магомы как шейха: он «встал на путь» в 1237 г. хиджры, т.е. в 1821—22 гг. нашего летосчисления; в 1245 г.(1829—30) бежал от русских властей в Табасарань.

Среди исторических работ, посвященных истории Дагестана в XVIII в., следует упомянуть об анонимной «Хронике войн Джара в XVIII веке». Перевод ее, сделанный азербайджанским ученым Хулуфлу, был издан в Баку в 1931 г. Собственно для истории имамата эта работа дает очень немного, но она помогает осветить обстановку, складывавшуюся на Северо-Восточном Кавказе в момент включения его в состав России, и выгодно дополняет в этом отношении труд ал-Алкадари.

Абд ар-Рахман

Среди сочинений горских авторов определенное место занимают работы, которые написаны в виде мемуаров. Речь идет, во-первых, о работе «Выдержки из записок Абдуррахмана, сына Джемал-Эддинова [*и зятя третьего имама. — В.Г.*], о пребывании Шамиля в Ведено и о прочем»[2] и, во-вторых, о «Воспоминаниях муталима» Абдуллы Омарова[3]. Первая из этих работ представля-

1 ترجمة حال الشيخ محمد البراشي الكدالي — Рукопись хранится в Рукописном отделе б-ки Института востоковедения АН СССР (шифр: В 4167).

2 Издана в Тифлисе в 1862 г. В том же 1862 г. печаталась в газ. «Кавказ» (№ 72 — 76).

В то время, когда писал свое исследование Н.И.Покровский, науке была известна лишь указанная работа этого автора. Позднее в Дагестане было обнаружено сочинение Абдурахмана, написанное им после возвращения из Калуги. Свои воспоминания Абдурахман написал по предложению начальника Кавказского отдела Русского географического общества генерал-майора Д.С.Старосельского. В 1975 г. рукопись Абурахмана была подготовлена к изданию ныне покойным арабистом М.С.Д.Саидовым и автором этих строк, однако эта публикация подпала под запрет одного из влиятельных местных функционеров с обостренным «классовым» чутьем (Гаджиев В.Г. Абдурахман и его воспоминания// Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 126—162). В настоящее время подготовлено новое издание, которое, как можно надеяться, вскоре увидит свет. — В.Г.

3 Опубл. в: ССОКГ. Вып. 1 (1861) и вып. 2 (1869).

ет собой перевод с арабской рукописи, сделанный, как показывают последние исследования академика И.Ю.Крачковского[1], еще до окончания всей рукописи автором. Части воспоминаний, относящиеся к пребыванию автора в Ведено, имеют неоспоримый интерес, особенно те страницы, где Абд ар-Рахман описывает устройство и деятельность «верховного совета» (Диван-ханэ), говорит о введении нового порядка внутреннего управления, торговых льготах и т.п. Разделы, посвященные описанию жизни Шамиля в плену, значительно менее интересны. Цель включения этих отрывков в издание — привести «доказательства» дикости горцев. В настоящее время академик И.Ю.Крачковский опубликовал статью, трактующую об окончательном варианте воспоминаний Абд ар-Рахмана, несколько отличающемся от опубликованного в переводе. Между прочим, академик И.Ю.Крачковский отмечает «свободную манеру перевода» опубликованного варианта, что заставляет историка насторожиться и более критически подходить к данным, сообщаемым «Выдержками»[2].

А.Омаров

Вторая из упомянутых здесь мемуарных работ принадлежит перу муталима (ученика муллы) А.Омарова, позже переводчика, работавшего вместе с П.Усларом, затем учителя школы в Кумухе, открытой русским правительством. Омаров близко соприкасался с представителями кавказского командования, что сказалось на тексте его воспоминаний. С другой стороны, воспоминания его относятся главным образом к Казикумуху, т.е. к району, почти все время остававшемуся вне границ имамата. Поэтому наибольший интерес во всей работе представляют живо написанные характеристики дагестанского магометанского духовенства, а также быта и политики местных феодалов.

Суфийские сочинения

Помимо разобранных здесь работ исторического порядка историку мюридизма и имамата придется обращаться к мусульманским работам, трактующим о сущности тариката. Таких сочинений существует довольно значительное количество, но мы остановимся лишь на некоторых, наиболее видных из них. Основное содержание всех этих работ сводится обычно к богословским рассужде-

[1] *Крачковский И.Ю.* Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Л., 1933. № 2. С. 9—20.

[2] Подлинник записок Абд ар-Рахмана находится в Рукописном отделе библиотеки Института востоковедения АН СССР. Там же — копия отрывка из раннего варианта записок, сделанная Исхаком ал-Урми. Какая-то рукопись, содержащая те же записки Абд ар-Рахмана, имеется еще в библиотеке Государственного антирелигиозного музея в Москве. Ее номер: 42315.

ниям и правилам, трактующим об отношениях к шейху или определяющим поведение мюрида вообще. Все известные нам тарикатские наставления имеют, однако, довольно ярко выраженную цель — сделать мюрида послушным шейху. Так, шейх Джемал ад-Дин Казикумухский заявлял, что мюрид должен «не противиться никогда приказанию шейха, хотя бы он приказал ему броситься в огонь»[1].

Вторая характерная черта рассматриваемой группы сочинений — их позиция в отношении царизма. Мы располагаем только работами, изданными с соизволения правительства. Задачей их было доказать возможность использования реально существовавших мирных версий тариката в интересах политики царизма. Поэтому-то Мугеддин и писал статью об «Истинных и ложных последователях тариката», поэтому редакция «Сборника сведений о кавказских горцах» в предисловии к сочинению Джемал ад-Дина заявляла: «Это учение почти всегда принималось за непосредственную проповедь о газавате или войне с неверными, и тарикатские мюриды, или ученики, смешивались с шамилевскими мюридами, тогда как в сущности учение о тарикате в задаче своей чуждо политических целей и направлено, собственно, к возвышению чисто религиозного духа своих последователей»[2]. Поэтому же, наконец, известный ориенталист, сын высланного из Дербента хаджи, профессор и член-корреспондент Академии Наук А.-М.Казембек, хорошо знакомый с мюридизмом, прямо обращает внимание русского правительства на пример распространения мюридизма среди «русских татар». «Но в этом муридизме нет тени злоумышления: он основан на безвредных и даже полезных началах тарыката». Рассказав о живущем в Вятской губернии Ишане-Али, имеющем «маленький кружок муридов», автор с удовлетворением добавляет: «окружное начальство остается им совершенно довольным»[3].

Правда, пример ряда восстаний в Чечне и Дагестане в шестидесятых годах заставил русскую администрацию сохранить первоначальное отношение к тарикату как к учению «злоумышленному», и предисловие к сочинению Мугеддина ясно отразило эти настроения. «В действительном же проявлении своем в жизни горских населений тарикат, к сожалению, до сих пор служил и служит удобным орудием всякого фанатизма и суеверия»[4]. При пользовании опубликованными произведениями тарикатистов необходимо учитывать тенденцию к сближению их с задачами русской политики. Наконец, нельзя не обратить внимания на значительный интерес редакционных предисловий к этим публикациям.

---

[1] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия // ССОКГ. 1861. Вып. 1. С. 14; الاداب المرضية Спб. 1905. С.68.

[2] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия // ССОКГ. Вып. 1. С. 2.

[3] *Казембек А.* Муридизм и Шамиль // РСл. 1859. № 12. С. 203.

[4] ССОКГ. 1870. Вып. 4. С. 2.

Предисловия нередко дают любопытный материал об авторах публикуемых произведений и не могут быть обойдены историком.

Джемал ад-Дин Казикумухский

Из сочинений очерченного типа мы возьмем лишь несколько и среди них прежде всего рассмотрим произведение известного из дагестанских шейхов, одного из первых проповедников мюридизма Джемал ад-Дина Казикумухского «Адабуль Марзия (правила достодолжных приличий)». Написано оно было на арабском языке и называлось «Адабал-Марзийят фи-т-тарикати-н-Накшубандийят (Должное воспитание в накшубендийском тарикате)»[1]. В 1905 г. арабский текст был издан «трудами Мухаммед Мирза ад Дагестана ал Чухи ал Маврави». Перевод этой рукописи, сопровожденный двумя предисловиями, появился в первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах». Сам автор представляется не только интересной, но и видной фигурой. В молодости своей он был мирзой у казикумухского и кюринского Аслан-хана и «за усердную службу и преданность получил три деревни в Кюринском ханстве». Уже это одно достаточно четко рисует нам социальное лицо Джемал ад-Дина. Позднее он делается тарикатистским шейхом. Однако, проповедуя тарикат, он вовсе не вкладывает в него того боевого содержания, которое характерно, например, для проповеди имама Гази-Мухаммеда. Джемал ад-Дин не понимает и не хочет понимать тенденций аульской верхушки Дагестана использовать тарикат как средство для того, чтобы возглавить развертывающееся широкое крестьянское движение против местных феодалов и их российских покровителей: для этого Джемал ад-Дин слишком тесно связан с кругами крупных феодалов Дагестана. И не случайно в предисловии, написанном к «Адабуль Марзия» сыном шейха Абд ар-Рахманом, мы находим такое место: «В начале имамства Кази Магомеда отец мой не соглашался с последним в его действиях против русских и возмущением дагестанского населения»[2]. И это правильно. Один документ, датированный еще 1843 г., сообщает, что Джемал ад-Дин «...не вмешивался в перевороты, произведенные мюридизмом. Он не предвидел их, никогда не одобрял борьбы, в которую последователи его вступали с русскими, порицал напрасное кровопролитие и старается теперь остановить оное»[3]. Этот отзыв о тарикатском шейхе вызвал переписку между командующим Отдельным Кавказским корпусом и военным министром. Последний сообщал, что «...его величеству угодно, чтобы г.-а. Нейдгард изыскал какое-либо сред-

---

1 الاداب المرضية في الطريقة النقشبنديه

2 *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия. С. 6.

3 *Орбелиани.* Показания прапорщика князя Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля // Чеченский архивный фонд, переданный из Центрархива. Д. 145 (ЦВИА ВУА. Д. 6478).

ство войти в непосредственные с ним [Джемал ад-Дином. — *Н.П.*] сношения...» с целью «стараться склонить Джемала содействовать с его стороны к водворению спокойствия в Дагестане и к прекращению мятежных действий».

Все сказанное в достаточной мере характеризует и взгляды, и политическую линию Джемал ад-Дина. Поэтому, разумеется, в «Адабуль Марзия», изданной к тому же уже после присоединения, мы не найдем призывов к борьбе, не найдем ничего, что напоминало бы нам о программе мюридизма тридцатых—сороковых годов. В этом смысле было бы гораздо интереснее сочинение («послание») первого имама Гази-Мухаммеда, упоминания о котором встречаются у Хасана ал-Алкадари и у Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. Но его мы не имеем и сохранилось ли оно вообще — неизвестно[1].

«Адабуль Марзия» состоит из следующих 11 глав (между которыми помещены хикайаты, рассказы, и фасли, разделы):

1. О покаянии (следуют пять хикайатов).
2. Об освобождении от дурных привычек.
3. О правилах тариката.
4. О сущности передачи ахда и талкина.
5. О преимуществе зикра перед другими делами.
6. О рабите (слиянии с шейхом) и делании ее.
7. О совершении сердечного зикра (следует фасль о совершении зикра у накшбендиев).
8. О мураккабе (внутреннем уединении) и сущности его.
9. О зикре языком и других молитвах.
10. О сообществе с шейхом.
11. О делах этого тариката, которые необходимы мюриду, и заключение о сильсилэ шейхов.

Содержание книги, как видно, сводится к изложению основных начал тариката. Но помимо большого количества правил и указаний сочинение содержит перечень всех шейхов накшбендийского тариката (сильсилэ), что, между прочим, позволяет проверить часто повторяемую версию о перенесении тариката из Бухары в Дагестан шейхом Хас-Мухаммедом. Список Джемал ад-Дина называет Хас-Мухаммеда ширванским и тем окончательно подтверждает то обстоятельство, что в Дагестан мюридизм пришел из Ширвана, но сюда попал из Бухары задолго до описываемых событий.

Что касается перевода, изданного в «Сборнике сведений о кавказских горцах», то он очень сильно сокращен, переведены и изданы только главы четвертая, десятая, одиннадцатая и заключение; последовательность материала нарушена, и перевод не слишком точен. Кроме упомянутой части «Адабуль Марзия» в «Сборнике» мы находим редакционное предисловие, предисловие пере-

[1] В «Хронике Мухаммеда-Тахира ал-Карахи» (с. 36) приведены лишь стихи, бывшие в этом послании. Озаглавлено последнее «Блестящее доказательство об отпадении от ислама признающих адат».

писчика (Абд ар-Рахмана) и послесловие от переписчика. О значении первых двух дополнений мы уже говорили выше, третье дает, между прочим, один немаловажный факт: Абд ар-Рахман сообщает, что рукопись еще до передачи в редакцию подвергалась сокращению. Этот момент также должен быть учтен исследователем: сын Джемал ад-Дина так же, как и сын Мухаммеда-Тахира, не решился публиковать произведение отца полностью.

Мугеддин Магомед Ханов

Мугеддин Магомед Ханов по сравнению с Джемал ад-Дином не более как ученик. Кое-какие биографические подробности о нем сообщает Абдулла Омаров в предисловии к публикации сочинения Мугеддина «Истинные и ложные последователи тариката». Мугеддин не представляет собой значительной политической фигуры, это ясно уже из его биографии, но все же он принимал участие в волнениях в 1868 г. в Закатальском округе и был арестован царским правительством. Об истории написания его статьи мы говорили выше. Понятно, что о боевой мюридистской проповеди его сочинение говорит не больше, чем «Адабуль Марзия». И действительно, содержание обоих тарикатских руководств расходится между собой очень незначительно, и статья Мугеддина скорее дополняет работу Джемал ад-Дина.

В некоторых отношениях рядовой последователь тариката оказывается более откровенен, чем его шейх, и в главе «об истинных мюридах» и отчасти «о первоначальных внушениях шейха своему новому мюриду» звучат такие мотивы, каких нет у Джемал ад-Дина, мотивы равенства: «...чтобы самый сильнейший вельможа и самый несчастный сирота казались ему одинаковыми»[1]. Но это только далекие отголоски той проповеди, с которой выступил когда-то мюридизм, стремясь овладеть крестьянским национально-освободительным движением, проповеди, позволившей руководителям мюридизма стать во главе крестьянства.

Заслуживает внимания тот факт, что автор, распространяясь об «истинных» мюридах, т.е. мюридах, безопасных для царизма, о «ложных» почти ничего не сказал, ограничившись несколькими анекдотами, рисующими обычные приемы мусульманского духовенства. Исходя из самого общего тезиса работы, отраженного в ее названии, можно предполагать, что под «ложными» проповедниками нужно было понимать шейхов, «злоумышлявших» против царизма. Мугеддин уклонился от детального раскрытия этого тезиса, и мы лишены возможности использовать его работы для установления точек соприкосновения и расхождения между двумя типами тарикатской проповеди.

[1] [*Мугеддин Магомед Ханов*]. Истинные и ложные последователи тариката. С. 6.

Ильяс ац-Цудакари

В 1904 г. вышла в свет написанная на арабском языке книга «Лестница мюрида» Ильяса ац-Цудакари (из селения Цудакар)[1]. Автор ее был в ссылке в Новоузенске Самарской губернии и по просьбе одного из своих дагестанских друзей во время болезни написал руководство для мюридов. Книга посвящена изложению основ тариката накшбенди и с этой стороны особенного интереса для нас не представляет. Но, говоря о происхождении накшбендийского пути, автор останавливается и на некоторых лицах, интересных для историка Кавказа. Это шейхи: Халид-Шах, Хас-Мухаммед аш-Ширвани и Мухаммед ал-Яраги. Работа Ильяса ац-Цудакари является вторым источником по истории появления мюридизма в Дагестане. Как и следовало ожидать, рассказ Ильяса ац-Цудакари расходится с рассказом Прушановского и помогает внести в последний очень существенные поправки.

Наконец, чтобы закончить обзор этой группы работ мусульманских ученых, упомянем о полемическом сочинении Сулеймана-эфенди — «Описание поступков Шамиля против мусульманского шариата, которые были замечены Сулейман-эфендием во время его нахождения при нем». Смысл и направленность этой небольшой статьи ясны уже из заглавия. Сулейман пытается опорочить Шамиля, исходя из шариатских постановлений. Приведем лишь один пример аргументации автора: «Имам, — говорит Сулейман-эфенди, — сопровождая действия свои силою оружия и предпринимая военные действия, нарушает тем самым главное условие тариката»[2]. В том же духе написана вся статья. Она интересна для историка лишь как одна из попыток агитации, которые предпринимались русским командованием для противовеса мюридистской проповеди.

Переписка

Помимо работ мусульманских ученых историк располагает значительным количеством документов, вышедших из-под пера деятелей описываемого времени. Это переписка Шамиля, его наибов и других известных в истории имамата лиц. Большинство писем написано на арабском языке, хотя встречаются иногда турецкий, персидский и даже местные. Что касается переводов, то здесь дело обстоит очень плохо. Появившиеся в печати переводы почти сплошь сделаны очень неточно. Научные переводы даны были лишь нескольким письмам Шамиля, да и то написанным уже в Калуге[3]. Впрочем,

---

[1] *Ильяс ац-Цудакари.* Лестница мюрида. Казань, 1904.

[2] Сборник газеты «Кавказ» за 1847 г. Тифлис, 1847. [Т. 1]. С. 33— 34.

[3] Один из таких переводов вместе с арабским текстом опубликован академиком И.Ю.Крачковским: Неизданное письмо Шамиля [1869] // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. Л., 1933. № 2. С. 1—7. См. также: *Крачковский И.Ю., Генко А.Н.* Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии [1852—1853] // Сов. востоковедение. М.; Л., 1945. Т. 3. С. 36—58.

В 1999 г. издание писем имамата периода Шамиля осуществляется при поддержке РГНФ Р.Ф.Шарафутдиновой. — Н.Н.П.

неудовлетворительность большинства переводов объясняется некоторыми их характерными особенностями. Еще П.К.Услар писал академику Дорну: «Вся деловая переписка горцев в шамилевские времена наполнена недомолвками и намеками с целью сделать письмо непонятным в случае, если оно будет нами перехвачено. Я помню, в какое отчаяние повергали эти перехватываемые письма наших арабских переводчиков»[1]. И действительно, правильно понять смысл этих писем может лишь тот, кто хорошо представляет себе и события, и обстановку, и людей в момент написания письма. А это последнее не всегда возможно даже для искушенного исследователя, так как многие письма либо вовсе не датированы, либо имеют только указание на день недели или число месяца, но не на год.

Значительное количество писем сохранилось в архивах. Так, подлинники можно найти и в делах ЦВИА, и в ленинградских архивах, и в рукописных отделах центральных библиотек и музеев. Много их и в местных архивах, музеях и т.п. Ведется и собирательская работа у горского населения, в том числе и автором этих строк.

Но издавалась только часть этой богатой документации[2], и то, к сожалению, не в подлинниках, а в переводах. О качестве последних мы уже говорили. Некоторые переводы помещены в «Актах Кавказской археографической комиссии», довольно много их в «Кавказском сборнике». Здесь они не только включены в статьи, но иногда даны даже в приложениях к ним. Так, например, переводы писем Шамиля к Граббе, переданных под Ахульго, приведены в приложениях к статье А.Юрова «Три года на Кавказе». Но все эти ценнейшие документы до сего времени не классифицированы и часто даже не приведены в известность. Каждая экспедиция в горы Чечни и Дагестана продолжает привозить новые и новые документы, приобретенные у частных лиц. Особенно много собрал их за последнее время Дагестанский научно-исследовательский институт языка и истории. К сожалению, большинство интереснейших и ценнейших документов все еще находится у частных лиц и может безвозвратно погибнуть.

Что же касается содержания писем, то это в большинстве случаев короткие распоряжения имама или такие же донесения ему со стороны наибов. Однако встречаются и воззвания, и переписка с кавказским командованием по различным вопросам. Приведем несколько примеров. Вот письмо Шамиля наибу Батуко: «От по-

[1] Записка П.Услара академику Дорну. Темир-Хан-Шура. 18/I-1866 г. — Рукописный отдел библиотеки Института востоковедения АН СССР. Фонд акад. Б.А.Дорна. Папка «Письма Шамиля».

[2] *В настоящее время значительная часть писем опубликована в ДГСВК и других изданиях. Подготовлено также к печати специальное издание писем Шамиля с параллельными текстами на арабском и русском языках. — В.Г.*

велителя правоверных Шамиля... Наибу Батуко. Привет Вам. А затем вот что: чтобы ты дал брату нашему наибу Алдаму горный харадж от ваших баранов или от баранов области, как что написал его от прежнего времени без отличия в прибавлении и уменьшении. Вот. Привет. Понедельник»[1].

Судя по упоминанию имени Батуко как наиба, письмо относится к пятидесятым годам. О наибе Алдаме нам известно очень немного и основной смысл письма, значение передачи хараджа от одного наиба другому, определить трудно.

Вот другое письмо: «От повелителя правоверных Шамиля брату моему Назир мулле. Привет Вам. И не требуй от Мухаммеда, сына Доногон, ничего после того, как возьмешь от него хумс. Привет П [...] шабана 62 года»[2]. Опять-таки, ни мотивы освобождения Мухаммеда от платежей, ни характер самих платежей не ясны. Только детальное исследование большого количества связанных между собой писем позволит точно восстановить их смысл. Впрочем, нельзя считать, что все письма так уж темны. Некоторые из них достаточно ясны, и такие, конечно, должны быть широко использованы исследователем[3].

5. НЕКОТОРЫЕ СВОДНЫЕ РАБОТЫ

Общая характеристика

В заключение остановимся на группе печатных работ, не являющихся уже источниками, но в силу ряда условий используемых историками. Речь идет о сводных статьях и книгах, написанных на основании архивов и часто публикующих выдержки из неизданных документов. Сводные работы царского времени отражают те же точки зрения, что и сообщения наблюдателей из состава русской разведки, они также наполнены подробностями чисто военного характера, редко останавливаются на вопросах внутренней истории имамата и целиком проникнуты официозной идеологией. Достаточно привести две выдержки из наиболее значительных работ этого типа, чтобы сказанное стало достаточно ясным. Первая из выдержек взята из известной статьи Окольничего «Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год)»,

---

[1] Подлинник письма хранится в Государственном Историческом музее в г. Москве. Оно привезено в 1936 г. Северо-Кавказской историко-бытовой экспедицией. См. отчет А.Б.Закс об этой экспедиции: Труды Государственного Исторического музея. М., 1941. Т. 15.

[2] Два слова не разобраны. Подлинник письма хранится в Государственном Историческом музее в г. Москве. Дата соответствует 25 июля 1846 г.

[3] К сожалению, переводы, которыми снабжена часть этих писем в местных музеях, далеки от совершенства и пользоваться ими очень рискованно.

напечатанной в «Военном сборнике»[1]. Вот какую оценку дает горцам этот царский офицер: «В горах до сих пор господствует первобытная дикость, а если там и встречается кое-какая гражданственность, то ею мы обязаны магометанской религии, научившей горные общества жить и управляться хоть несколько по "человечески"»[2]. Окольничему вторит и Н.А.Волконский, один из соавторов большой работы «Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом», публиковавшейся в «Кавказском сборнике»[3]. К мюридизму он относится как к «вредному для нас [читай, для самодержавия. — *Н.П.*] стремлению горцев, порожденному их религиозным возбуждением и направленному к нарушению нашего спокойствия и политических прав»[4]. А грабительскую колониальную политику царизма аттестует как борьбу «за порядок, подчинение ему дикой свободы»[5]. Тот же тон выдерживают и авторы бесчисленного количества и других статей.

Иногда, однако, некоторые из этих официозных историков проговариваются о том, что обычно держалось под запретом. Такие места особенно интересны для историка, так как они позволяют ориентироваться в содержании некоторых неизданных документов. Так, например, А.Юров, один из авторов статьи «1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе»[6], говоря о чеченском восстании 1840 г., неожиданно прибавляет: «Впрочем, достигнутых в данном случае результатов нельзя приписывать исключительно имаму, несмотря на его бесспорно недюжинные способности; мы сами посодействовали Шамилю, как только могли бы это сделать истинные его друзья». Речь идет здесь о гомерических размерах, которые приняло колониальное ограбление горцев (автор замазывает сущность колониальной политики царизма, обвиняя в злоупотреблениях низшую администрацию) в те времена, когда на Кавказской линии командовал Граббе и на левом фланге Пулло.

Наряду с высказываниями такого типа мы нередко можем найти в статьях военных писателей случайные замечания о внутренней истории имамата. В большинстве случаев автор не оговаривает при этом источника своих сведений, но чаще всего такими источниками оказываются архивные материалы, сводки сведений, приносившихся лазутчиками. Приведем пример. В статье А.Юрова «1843 г. на Кавказе» имеется такое место: «Шамиль образовывал в описываемое время денежную кассу, которой он дал название — казна шариата. Для этой цели он обложил податью

[1] ВС. 1859. № 1—6.

[2] Там же. 1859. № 1. С. 112.

[3] КС. Т. 10—20. Статья принадлежит Н.А.Волконскому, Ф. фон Климану и П.Кублицкому.

[4] КС. 1887. Т. 10. С. 1.

[5] Там же. С. 2.

[6] КС. Т. 10—14. Статья принадлежит А.Юрову и П.В.

некоторые общества, как, например, Андию и Гумбет, кои платили по рублю серебром с дыма. Другие общества были беднее, а потому, не облагая их податью, он обратил только земли, принадлежавшие мечетям, в казну шариата...»[1]. Это место почти целиком заимствовано из рапорта командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане Клюки фон Клугенау командующему Отдельным Кавказским корпусом от 22/III-1849 г., № 39[2], немного изменено лишь первое предложение. При ограниченном количестве опубликованных документов по внутренней истории имамата статьи военных писателей могут оказать историку немаловажную помощь в разыскивании материала.

Окольничий

Источниками работы Окольничего, кроме литературных, послужили официальные сведения из архивов Штаба Кавказской армии и войск Прикаспийского края; «Описание военных действий в Северном Дагестане в 1839 г.» Д.А.Милютина; арабские рукописи (переводы): «Летопись о Дагестанских народах» Адагумкадия, «Жизнеописание Шамиля»; устные сведения от Исал-Магомы (родственника и ученика Гази-Мухаммеда), Гайдар-бека (сподвижника Хаджи-Мурата) и др.[3].

При ближайшем рассмотрении оказывается, что Окольничий и не пытался подходить к своим источникам критически. Более того, подчас он искажает и путает их показания. Возьмем, например, из его статьи краткое описание возникновения мюридизма в Дагестане. Окольничий здесь использовал работу Прушановского, о которой говорилось выше, позаимствовав ее, по-видимому, у Неверовского. И вот какой вид приняла цитата: «Бухарец Хаз-Магомет, воспитывающийся у главного кюринского кадия Муллы Магомета, вздумал посетить родину и, вернувшись оттуда, передал своему учителю идеи мюридизма, уже с незапамятных времен усвоенные бухарскими учеными»[4]. Все оговорки Прушановского, глухо намекавшие на ширванский мюридизм, у Окольничего исчезли. Мюридизм оказался целиком и полностью «импортированным» из Бухары. О том, как это вяжется с общей великодержавной концепцией, мы уже говорили выше. Этот пример показывает, что при использовании разбираемой категории работ необходима большая осторожность и проверка приводимых ими данных всеми доступными историку средствами.

Некоторый интерес представляют истории различных полков, действовавших на Кавказе. Из них, пожалуй, наиболее полна трехтомная «История 80-го пехотного Кабардинского полка»

[1] КС. 1882. Т. 6. С. 46.

[2] Чеченский архивный фонд, переданный из Центрархива. Д. 104.

[3] ВС. 1859. № 2. С. 337. Прим.

[4] Там же. С. 346.

(1882 г.), написанная А.Л.Зиссерманом. Обычно при составлении этих «Историй» авторы пользовались также и документами полковых архивов, до нас не дошедших. Однако количество свежего материала в них, как правило, невелико, так что исследователю, хорошо знакомому с документацией эпохи, они скажут мало нового.

Дж.Бэддли

Тот же характер сводных работ, а иногда даже просто кратких очерков, носит ряд иностранных сочинений, полностью или частично посвященных Кавказу. Наиболее объемиста из них книга Бэддли «Русское завоевание Кавказа»[1]. Как пишет сам автор, он случайно во время своей поездки на Кавказ познакомился с историей завоевания. Автор добросовестно изучил и передал русские источники. К сожалению, однако, он не провел разграничительной черты между источниками и сводными или обобщающими работами. А кроме того, в последних не сумел отделить добросовестных исследователей от собирателей анекдотов. Поэтому наряду со ссылками на «Акты Кавказской археографической комиссии», на статьи «Кавказского сборника» у Бэддли есть ссылки и на Потто. Между тем последний так путает события, так легко относится к фактам, что пользоваться его работами просто нельзя. Бэддли, опираясь на эти разнообразные материалы, пытается иногда даже поправлять тех, кто писал по собственным наблюдениям или достоверным известиям из первых рук. Так, например, мы указывали выше на значение работы Ф.Боденштедта, враждебной России, но сделанной, несомненно, добросовестно. Вот что пишет о ней Бэддли по поводу факта экспедиции Ланского в Гимры в 1834 г.: «Боденштедт, чья книга, хотя и содержащая много интересного, полна ошибок и передана достаточно неправдоподобно благодаря его слепой ненависти к России, утверждает, что Шамиль в это время вернулся и вновь взял Гимры штурмом»[2]. Нужно сказать, что оба автора неправы. Правда, генерал-майор Ланской занял Гимры и даже разорил их. Но оставаться здесь не посмел, т.к. собранное Шамилем ополчение грозило раздавить царский отряд. Ланской отступил, оставив Гимры в руках Шамиля. Есть у Бэддли и ряд других неточностей и ошибок. Но при всем том это одна из немногих довольно достоверных в области фактического материала сводных работ.

Варнер и др.

Совершенно иное значение имеют несколько очерков, появившихся за границей в середине XIX в., т.е. в разгар Кавказской

[1] *Baddelay J.F.* The russian conquest of the Caucasus. London, 1908.
[2] Ibid. P. 287.

войны. О работах путешественников-наблюдателей мы не говорим, их мы касались раньше. Что же касается сводных очерков, обычно передающих положение на Кавказе лишь в общих чертах, то они все подходят к борьбе горцев за независимость под одним углом зрения. Кавказ и горцы интересуют их лишь как известные факторы в международных отношениях. И не случайно, конечно, что очерки появляются главным образом во время Восточной войны. Из них мы назовем три: книгу Варнера «Шамиль, пророк Кавказа»[1], Тексье «Шамиль»[2] и предисловие Морелла к изданию секретных документов[3]. Первые две одновременно появились на французском языке в 1854 г. и сначала производят впечатление книг-близнецов. Многое, имеющееся у Тексье, повторяется и у Варнера. Но более внимательное знакомство с ними показывает, что повторения — скорее результат использования одинаковых источников, нежели плагиат. Новых, неизвестных фактов ни тот, ни другой не сообщают. Их источники частью названы Варнером, частью же легко вскрываются. Это Боденштедт, Ханыков (или какая-нибудь его обработка), Березин, Атаров и др. По Северо-Западному Кавказу есть ссылки на Спенсера. Но плохое знание авторами конкретных материалов часто приводит их к ошибкам, а иногда к курьезам. Так, Варнер утверждает, что Шамиль при взятии Гимр в 1832 г. бился в первых рядах сражавшихся, как и Гази-Мухаммед. Даже подробно описывается, как именно бился[4]. А по свидетельству совершенно достоверных источников, оба они отстреливались из дома и лишь после того, как дом был окружен, из него выскочил Гази-Мухаммед, тут же погибший на штыках, а за ним — Шамиль, которому удалось спастись, несмотря на ряд тяжелых ран[5]. Варнер сообщает, что Шамиль единственный спасся при истреблении мюридов Хаджи-Муратом в Хунзахе в 1834 г.[6]. Варнер даже приписывает это обстоятельство особой милости Аллаха. А точно известно, что Шамиля в это время в Хунзахе не было[7]. Тексье, особенно склонный впадать в тон романтического повествования и в прямую декламацию, заявляет, что в 1843 г. аварский отряд (Клюки фон Клугенау) был втрое сильнее

[1] *Warner.* Shamyl, le prophète du Caucase. Paris, 1854.

[2] *Texier E.* Shamyl. Paris, 1854. — Из серии «Les hommes de la guerre de l'Orient».

[3] *Morell (John Reinell).* Secret and inedited documents. London, 1854.

[4] *Warner.* Shamyl... P. 10.

[5] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. Рукопись Ин-та востоковедения АН СССР, Ленинград (список К издания А.М.Барабанова). Л. 7; Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 54—55.

[6] *Warner.* Shamyl... P. 20.

[7] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских шашек... Л. 11; Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 67—68.

Шамиля, а самурский (Аргутинского) даже вчетверо[1]. Это в то время, когда численность самурского отряда была 6000 штыков и сабель. Какую же армию Тексье предполагает у Шамиля? 1500 человек? Не будем продолжать. Интерес этих очерков не в фактическом материале, а в том отношении, которое они проявляют к Кавказской войне. И здесь историк сможет найти кое-что интересное. Авторы думают не о независимом Кавказе, а о превращении его в колонию какой-нибудь из европейских стран.

Сборник документов, изданный Мореллом, интересен, главным образом, своим предисловием, указывающим на симпатии автора к Шамилю, «герою сотни сражений», Абд эль-Кадеру Черкесии[2]. Сами документы представляют интерес лишь для истории Северо-Западного Кавказа.

О книге Эрнуфа «Кавказ, Персия и Азиатская Турция»[3] можно сказать немного. Она не самостоятельна; это в значительной степени пересказ очерков барона Тильмана (Thielmann), печатавшихся в «Revue de France». О своем источнике Эрнуф очень высокого мнения, он указывает, что Тильман «изучал историю этой войны по русским документам, в особенности... по Дубровину»[4]. Таким образом, получается передача из третьих рук. И книга Эрнуфа интересна лишь как показатель внимания к Кавказу, проявлявшегося за границей.

И.Головин, Шопен

Особняком среди работ на иностранных языках стоят две книги: Ивана Головина «Россия при Николае I»[5] и Шопена «Россия»[6]. Первый автор — эмигрант. Его отношение к николаевской России прекрасно иллюстрируется одной его фразой: «Если я говорил о России плохо, то это только из любви к ней»[7]. Он, единственный из перечисленных здесь авторов, выразил сожаление о бесполезно проливаемой на Кавказе крови русских солдат. Головин знает кое-что о Кавказе, хотя видел он горы только из Петербурга и поэтому иное путает. Но его оценки захватнических стремлений правительства Николая I очень интересны для историка. Негодуя на продажность всей николаевской бюрократии, Головин не упускает случая подчеркнуть ее и у кавказской администрации: «Именно по этой причине Дагестан из покорной провинции превратился в обиталище страшнейших врагов России, поэто-

[1] *Texier E.* Shamyl. P. 27.

[2] *Morell.* Secret... P. 30 (Introduction).

[3] *Ernouf.* Le Caucase, la Perse et la Turquie d'Asie (d'après les relations de M. le baron Thielmann). Paris, 1876.

[4] Ibid. P. 201.

[5] *Golovine I.* La Russie sous Nicolas I-er. Paris, 1845.

[6] *Chopin.* La Russie // Universelle histoire et descriptions de tous les peuples. Paris, 1838.

[7] *Golovine I.* La Russie... P. 7.

му чеченцев подчиняли более семи раз на протяжении десяти лет и поэтому же резиденция Шамиля больше пяти раз была во власти русских, которые не могли ее удержать»[1]. Головин не приписывает всех грехов низшей администрации. Он дает едкие характеристики и главнокомандующим и не освобождает от ответственности самого Николая I.

Другая книга — «Россия» Шопена. В противоположность Головину Шопен не эмигрант. Он — посланник российского императора при французском королевском дворе. Поэтому его сочинение отражает официальную точку зрения. О Кавказе в нем говорится немного, о Северо-Восточном — совсем мало. Но некоторые данные и о шейхе Мансуре, и о Гази-Мухаммеде у него имеются. Шопен тоже недостаточно ясно представляет себе и Кавказ, и Кавказскую войну, но так как работа писалась для иностранцев, то он пытается как-то обосновать политику николаевского правительства, и этим части, посвященные Кавказу, интересны. Нового же фактического материала историк не найдет и здесь.

Уже совсем недавно вышла книга К.Зеегера о Шамиле[2]. Но автор не дает в ней ничего существенно нового. Всю историю мюридизма он строит исключительно на фанатизме мусульманских мулл. Глава о Дагестане у него носит название «Священная гора», а глава о Ермолове — «Московский сатана» и т.д. Фактический же материал его книги хорошо известен исследователям.

Л.Видершаль

Наконец, назовем одну книгу, вышедшую в 1934 г. Это диссертация Людвика Видершаля «Кавказские вопросы в европейской политике в 1831—1864 гг.», защищенная им в Варшаве[3]. Диссертация написана почти целиком на материалах английских и французских архивов, в частности, на польских фондах этих архивов. Автор следит не за событиями на Кавказе, а за тем, как реагировала на эти события польская эмиграция (в основном, аристократическая), как она пыталась использовать кавказские события, какие взаимоотношения были у нее по этим вопросам с английским и французским правительствами. Материалы, приводимые автором, небезынтересны, главным образом, из-за недоступности архивов, использованных автором.

---

[1] Ibid. P. 472.

[2] *Karl von Seeger.* Shamyl, Prophet und Feldherr. Leipzig, 1937.

[3] *Widerszal L.* Sprawy Kaukaskie w politike europeyskiej w latach 1831—1864. Warszawa, 1934.

Глава II.
ЦАРИЗМ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ И БОРЬБА ГОРЦЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ДО ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ XIX ВЕКА

1. ПРОНИКНОВЕНИЕ ЦАРИЗМА НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ

Присоединение Северо-Восточного Кавказа очень тесно связано с включением Закавказья в состав России. Собственно говоря, второе закончилось тогда, когда первое еще едва намечалось. С присоединением Грузии к России народы Закавказья избавлялись от чрезвычайно тягостного и разрушительно влиявшего на них турецкого и иранского господства.

Вторым благоприятным условием для дальнейшего развития Закавказья нужно считать установление тесных экономических связей с Россией, а затем и включение закавказских народов в общероссийскую хозяйственную систему. Но наряду с этими, несомненно положительными следствиями, присоединение имело и оборотную сторону, связанную с колониальной политикой самодержавия в разных ее проявлениях.

Понятно, что от присоединения Закавказья выиграла и Россия. Она не только получила богатые и торговые районы, не только приобрела возможность влиять на европейско-среднеазиатскую торговлю. Она получила земли с большими потенциальными хозяйственными возможностями: с горными богатствами и плодородными почвами.

Но, говоря об истории Кавказа в первой половине XIX в., приходится принимать во внимание не только взаимоотношения России и Кавказа с его ближайшими соседями, Турцией и Ираном.

На Ближнем Востоке завязался в это время один из очень важных узлов международных противоречий. По различным причинам кавказскими делами живо интересовались многие европейские державы, в особенности же Англия и Франция. Эти государства вели между собой борьбу за обладание ближневосточными торговыми путями и рынками. Россия, стоявшая на севере этих путей и владевшая частью рынков, рассматривалась ими как помеха, которую они стремились устранить.

Такое положение постоянной напряженности придавало на Кавказе особенно большое значение вопросам военным. Кавказский хребет, как известно, имел очень большое стратегическое значение: он отделял Закавказье от остальной территории империи. Сообщение между этими двумя частями возможно было в первой половине XIX в. лишь по двум дорогам. Одна из них,

проходившая через Дарьяльское ущелье, где позже проложена была Военно-Грузинская дорога, долгое время была очень неудобна из-за больших природных трудностей, с одной стороны, и опасности набегов соседних горских племен — с другой. Вторая вела по берегу Каспийского моря, через Дагестан. В отношении рельефа она была гораздо удобнее, но проблема отношений с горцами стояла и здесь. Что касается дороги по берегу Черного моря, то ее в то время еще не было, значительные участки побережья были непроходимы. Итак, один из мотивов продвижения в земли горцев Северо-Восточного Кавказа был чисто военным — установление для войск легкого и безопасного сообщения с Закавказьем. Впрочем, этот мотив имел известное значение и для развития торговых связей. В то же время все это было важно и для развития экономики края. Сам по себе факт обладания хребтом, таившим в своих недрах большие богатства, не был, разумеется, безразличен для развивающейся промышленности страны. Кавказское командование, в числе других дел, занималось и обследованием горных месторождений. Перелистывая документы XVIII—XIX вв., нетрудно найти в них свидетельства этих изысканий. Само собой разумеется, что в исследуемое нами время это занятие было второстепенным, так сказать, подсобным среди многосложных забот главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом. Но историк, оценивая ту роль, которую Кавказ сыграл в российской экономике, не имеет права забывать о горных богатствах. В восемнадцатом же веке и в первой половине девятнадцатого — больше привлекали дербентская марена[1], шерсть, шелк, а главное — достаточно обширный рынок сбыта. Таковы те мотивы, которые должны быть приняты во внимание, когда приходится говорить о значении для России завоевания Кавказского хребта. Кавказские горы, как и их население, сыграли свою роль и в военных вопросах, как и в экономике и даже культуре России. Нельзя забывать того, что борьба горцев за независимость имела некое влияние и на формирование литературных и общественных взглядов по крайней мере некоторых крупных представителей русской литературы[2].

Однако, когда мы говорим о значении включения кавказских народов в общероссийскую экономику, когда нам приходится оценивать культурные взаимоотношения и взаимные влияния Кавка-

[1] *Благодаря быстро развивающейся русской хлопчатобумажной промышленности, использовавшей в качестве красителя марену, в Дагестане значительно расширилось ее выращивание. Если в 1807 г. из Дербента вывозилось 6 — 7 тыс. пудов марены, то в первой трети XIX в. ее вывоз из Дагестана достиг 35 тыс. пудов. — В.Г.*

[2] *Этот вывод автора получил полное подтверждение в позднейших исследованиях. См.: Гаджиев В.Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975; Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972; Гаджиев В.Г. Приют русского свободомыслия // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 1995. — В.Г.*

за и России, это еще не значит, что тем самым мы определяем и конкретные мотивы завоевания[1] Кавказа русским правительством. В самом деле, включение кавказских горцев в состав России было фактом объективно прогрессивным. Это не выражается очень ярко в разбираемый период, когда закладывается только фундамент экономической и культурной близости.

Но уже во второй половине XIX в. фактов, рисующих значение русского влияния, будет набираться все больше и больше.

И все же это лишь одна сторона дела. Другая же заключается в характере присоединения горцев к России. Присоединение совершалось преимущественно насильственным путем. И историк, исследующий сложные взаимоотношения описываемого периода, должен помнить об обеих сторонах факта, об объективной прогрессивности его в той же мере, как и о реакционности колонизаторских методов.

Только после этих предварительных замечаний и можно приступить к выяснению тех мотивов, какими руководилось царское правительство в завоевании горцев Северо-Восточного Кавказа.

Задачи наступления царизма на Кавказ. Захват земель

Самодержавие пришло на Кавказ с двумя задачами: захватить для русского помещика плодородные кавказские земли и обеспечить русскому купцу обладание торговыми путями. В нашей исторической литературе, как правило, преимущественное внимание уделялось проблемам, связанным с решением второй задачи, захватом торговых путей, в то время как первая — захват земель — оставалась в тени. В результате освещение получилось односторонним. Между тем стремление к захвату земель не менее ярко характеризует историю завоевания Кавказа, особенно в XVIII и начале XIX в., чем овладение опорными точками на торговых путях.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы бегло просмотреть официальную и частную переписку деятелей кавказской администрации, например письма Ермолова[2].

Общеизвестно, что еще в конце XVIII в. начались пожалования и захваты земель. «Как к умножению поселений на линии имянным указом, данным Сенату 22 декабря 1782 г., — говорится в официальном документе, — дозволено князю Потемкину раздавать земли до линии Моздокской желающим под поселение, с 1784 года и начали являться по Кавказской линии деревни князя Александра Алексеевича Вяземского, князя Александра Андреевича Безбородко, графа Александра Романовича Воронцова, графа

[1] *Сохраняя этот термин автора, мы считаем его не вполне удачным, так как некоторые народы этого региона не были завоеваны, но вошли в состав России добровольно, путем договорных актов. — В.Г.*

[2] *Погодин М.П.* А.П.Ермолов: Материалы для его биогр. // РВ. 1863. Нояб. С. 307.

Ивана Григорьевича Чернышева и других»[1]. В XIX в. поток пожалований не прекращался. Помещики жадно бросались на Северо-Кавказскую степь, расхватывали ее.

Приведем для иллюстрации выдержки из высочайшего повеления на имя главнокомандующего Кавказской армией Гудовича: «Министр внутренних дел донес мне о доставленных Вам сведениях по просьбе отставного поруч. Столыпина об отводе ему для поселения и разных хозяйственных заведений до 4000 десятин земли Кавказской губернии, в Георгиевском уезде, по течении р.Кумы между дач казенных селений Солдатско-Александровского и Отказного состоящей. Утвердясь, что жительствующий на нем [на просимом участке. — *Н.П.*] без всякого утверждения горский уроженец уздень — Бегидов, с подвластными ему 20-ю душами, по уважению всегдашних от него беспокойств указанным поселянам, должен быть непременно оттуда переселен в другое место... Я поручаю вам просимый Столыпиным участок, до 4 тыс. десятин в себе заключающий, отвесть ему...»[2].

Но если в 1807 г. раздачи шли преимущественно в ставропольских, калмыцких и туркменских степях, то в середине XIX в. они идут уже в непосредственной близости к самым горам. Сейчас же по завоевании Восточного Кавказа представители помещиков, жадно ожидая дележа вновь завоеванных земель, подсказывают начальству принципы этого дележа. Под стремление захватить большие и лучшие куски подводится даже «идеологическая» база. Вот что мы находим в одном из журналов 1860 г.: «Одной из важных причин застоя промышленности в Кавказской области... должно считать отсутствие в крае помещиков. Более или менее образованные и крупные землевладельцы — первые двигатели всякой промышленности и как потребители, и как люди с деньгами, и как образованный класс». Аттестовав, таким образом, с самой лучшей стороны крупных помещиков, без которых «мы дошли бы до состояния персиян или турок», автор переходит к делу: «Многие ветви сельской промышленности, самой выгодной и ценной, могут развиваться с успехом только в их [помещиков. — *Н.П.*] руках». И, наконец, «впрочем, и раздача земель в собственность за заслуги... не будет вредна в экономическом отношении», так как получившие землю чиновники затем перепродадут ее помещикам. И автор проектирует широкие раздачи «земель калмыцких, ногайских и горских вплоть до окрестностей гор» и, наконец, «в самых горах»[3].

Результаты ограбления горских земель оказались значительны. В общем, почти за сто лет с 1713 по 1804 г. роздано было

---

[1] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. / Под ред. Л.Броссе. Спб., 1869. Ч. 2. С. 170.

[2] Высочайшее повеление гр. И.В.Гудовичу от 17/XII-1807 г. // АКАК. 1869. Т. 3. С. 633.

[3] *А.В.* Покорение Кавказа // РВ. 1860. Т. 26, июнь, кн. 1. С. 369—371.

623 306 десятин, 241 кв. сажень, причем список раздач, приводимый Бентковским, указывает на особо сильное расхищение земель во второй половине XVIII в., в эпоху, предшествующую началу мюридизма[1]. Обращает на себя внимание наличие очень крупных раздач: так, в 1765 г. князю Вяземскому отведено 102 483 десятины, 475 кв. сажень, в 1785 г. князю Потемкину 29 762 десятин. Это указывает на непосредственную заинтересованность правящей кучки крупнейшего дворянства в захвате предкавказской степи. Таков был социальный заказ русского помещика русскому царизму. Помещик требовал земель.

Завоевание торговых путей

Но купец также нуждался в завоевании Кавказа как рынка и как пути, ведущего на богатый Восток. И если по требованию помещика царизм захватывал богатые предкавказские степи, то по требованию купца он завоевывал торговые пути. Эта причина приобретает особенную важность в середине XIX в., т.е. в то время, когда в Чечне и Дагестане развернулось широкое крестьянское движение. Кавказ для царской России был путем на Восток, и первенствующую роль здесь должен был сыграть захват Черного и Каспийского морей. Решающим был захват Черного.

Захват Кавказа царской Россией в конце XVIII в. имел своим следствием быстрое продвижение русских товаров на среднеазиатские рынки, в Персию, Турцию, Афганистан и даже к самым границам Индии. Но русский капитал уже в середине XIX в. столкнулся здесь с Англией. И если «до 1840 года русские обладали почти исключительной монополией на торговлю иностранными продуктами в этой области», то в пятидесятых годах «русская торговля... ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области»[2].

В этих условиях овладение Кавказом приобретало для торговой борьбы с Англией, как, впрочем, и для овладения восточными рынками, особо важное значение.

Таким образом, овладение Кавказом имело значение не только для удовлетворения аппетитов гонявшегося за землями русского помещика, не только для захвата того или иного торгового пути русским купцом, оно было необходимой составной частью во всем колониальном движении царской России на Восток.

И борьба горцев Северного Кавказа за свою независимость могла сорвать все ближневосточные планы российского царизма. «Кавказские горы, — писал Маркс, — отделяют Южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых Московитянами от мусульман. Этим ноги гигантской

[1] *Бентковский.* Частное землевладение и крепостная колонизация на Северном Кавказе до 1804 г. // Ставроп. губ. ведомости. 1876. № 41.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 383–384.

империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога[1], заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье, она защищена непрерывной цепью укреплений и подвергается с обеих сторон беспрерывным нападениям враждебных кавказских племен»[2].

Царизм достаточно хорошо понимал это положение не только в пятидесятых годах XIX в. (когда Маркс писал эти строки), но и в XVIII в. и одновременно с движением в Закавказье и захватом предкавказских степей вел планомерное наступление на горцев Северного Кавказа.

Ранние попытки наступления на Кавказ

До середины XVIII в., т.е. до тех пор, пока северный берег Черного моря не оказался в руках России, царизм придает наибольшее значение на Кавказе захвату Каспийского моря. Сюда направлены и дипломатические усилия Ивана Грозного в XVI в., и походы XVII и XVIII вв.

Несколько позже, с конца XVIII в., царизм выходит на Черное море. С присоединением Украины и Крыма начинается борьба за превращение его в русское озеро. Борьба, в которой завоевание Кавказа занимает одно из основных мест. Отсюда стремление царизма в Закавказье, иранские и турецкие войны конца XVIII—XIX вв.

Разумеется, международное значение кавказской горской проблемы нельзя не учесть при оценке событий, связанных с историей мюридизма и имамата. Таким образом, в завоевании Кавказа комбинируются элементы захвата земель с стремлением выхода на Ближний Восток. Это комбинирование задач приводит к довольно сложной географической картине продвижения на Кавказ вообще и на восточный — в частности. Как мы сказали, торговый путь, связывавший Москву с Ираном через Астрахань, пролегал по Каспийскому морю. Вот почему на Восточном Кавказе царизм появляется раньше, чем на Западном.

Первые кавказские дела, с которыми нам приходится сталкиваться, — это дела кабардинские, грузинские и дагестанские. Остановимся немного на последних.

XVI и XVII вв.

Первые русские поселения на Кавказе возникают в низовьях Терека, т.е. на торговом пути из Астрахани в Иран. Россия закрепляется здесь, закладывая в 1567 г. городок Терки. В XVII в. уже предпринимаются попытки захвата западного побережья Кас-

[1] Военно-Грузинская, сооруженная в первые годы XIX в., т.е. сразу же за официальным объявлением присоединения Грузии.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 533.

пийского моря движением от устьев Терека. В это время Россия входит в первые сношения с шамхалами Тарковскими, которые в дальнейшей истории завоевания Кавказа играют немалую роль. В 1604 г. предпринимается поход окольничих Бутурлина и Плещеева в шамхальство, поход, закончившийся полным разгромом московских войск. Затем до начала XVIII в. движение на Кавказ прерывается — царизм слишком сильно занят в это время своими внутренними делами.

...и начало XVIII-го

Вновь появляются его войска на Восточном Кавказе в 1722 г. при Петре I, который отвоевывает у Персии все Каспийское побережье Кавказа. Однако преемники Петра опять принуждены отступать. За все это время захватываются более или менее прочно только низовья Терека: здесь начинается организация первой по времени военной линии из гребенских казаков. В 1724 г. сюда переселяется с Дона несколько казачьих станиц. В 1739 г. из нижнетеречных станиц образуется сплошная Кизлярская укрепленная линия. Это начало борьбы с чеченцами за захват чеченской плоскости, и, хотя пока делаются только первые шаги, чеченцы уже достаточно осязаемо чувствуют на себе режим «тюрьмы народов», отвечая на попытки закабаления восстаниями. Одновременно идут деятельные сношения с кабардинцами, которых русский царь с XVI в. рассматривает как своих вассалов. Но и здесь особо серьезных успехов не достигнуто. В общем до середины XVIII в. Восточный Кавказ остается вне непосредственного влияния царизма. Здесь идет борьба за преобладание между Ираном и Турцией, и в середине XVIII в. победителем из нее выходит первый, сохраняющий, хотя и не всегда реально, свое господство в Грузии и Дагестане. Впрочем, в последнем речь может идти только о плоскости, в горы персидскому шаху проникнуть так и не удалось.

Политика Екатерины II

Резко меняется положение дел с конца пятидесятых годов XVIII в. К этому времени в России появляются уже признаки разложения крепостничества, и Екатерина II, стремясь к расширению территории, усиливает нажим на Предзакавказье, к которому граница империи придвинулась вплотную. В самом деле, в 1763 г. основывается крепость Моздок, предназначенная укрепить власть царизма в Кабарде. Отметим мимоходом, что уже в этот период, на заре царского вторжения на Кавказ, царизм ведет политику привлечения к себе кабардинских феодалов, наделения их поместьями и укрепления их права на эксплуатацию горской крестьянской массы. Такая политика активно инициируется и поддерживается самими этими феодалами. С подобными явлениями нам неоднократно придется сталкиваться и в дальнейшем. Однако Моздок — только прелюдия. Уже в шестидесятых годах XVIII в. идет переселение на Терек в район Моздока целого ряда казачьих

станиц. Это мероприятие отрезает степи от гор и дает возможность приступить к дележке степной земли.

В 1785 г. учреждается уже кавказское наместничество в составе Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и Ставропольского уездов. К этому времени царизм в основном закончил захват большей части Предзакавказья, главным образом предзакавказской черноземной степи, и начинает устраиваться на новых землях. Идет целая вакханалия раздач и самовольных захватов земли. Помещики, тем или иным способом добывшие себе участки в покоренном крае, переводят сюда целыми деревнями крепостных. В 1776 г. принято было решение об организации новой укрепленной линии, а в 1777—1780 гг. строится целый ряд крепостей между Азовом и Моздоком. Позднее крепости эти были превращены в казачьи станицы. Задачей их являлась подготовка дальнейшего движения против независимых пока еще горцев. Азовско-Моздокская линия, вместе с линией Терской, представляла собой надежную опору различным экспедициям, предназначенным для приведения горцев в «покорность». С того же момента, как захваченная территория целиком осваивалась, линию можно было вынести вперед и таким образом получить в полное свое распоряжение новый участок.

Почти одновременно с захватом степей Северного Кавказа царизм возобновляет движение на юг, в Закавказье. Но на этот раз речь идет уже не о захвате Каспийского побережья, а о борьбе за Черное море и пути на Ближний Восток. И как один из первых шагов в этом направлении — утверждение царского владычества в Грузии. Присоединение Предкавказья к Российской империи открыло дорогу в Закавказье, которой предстояло уже в ближайшее время превратиться в важнейший из кавказских стратегических и торговых путей, — Дарьяльское ущелье. Уже в конце шестидесятых годов во время русско-турецкой войны направляются по этому пути царские войска в Грузию для охраны последней от турецкого посягательства. Это начало военного освоения Закавказья. В последующие годы оно закрепляется и фактически, и дипломатически. В 1783 г. заключается русско-грузинский трактат, по которому Грузия добровольно отдается под протекторат России — для Грузии тогда это был единственный путь спасения от страшной иранской и турецкой угрозы.

Укрепившись в Тифлисе, русские войска начинают движение к Каспийскому морю. В последнем десятилетии XVIII в. и в первом — XIX-го проводится ряд походов, направленных против иранского владычества в закавказских ханствах, долине Куры и Аракса и, что особенно важно, против Баку и Дербента. Царизм неоднократно пытался захватить эти два важнейших на Кавказе порта Каспийского моря, но первые походы заканчивались неудачами. Такими были — поход Зубова в 1796 г.[1] и несколько

[1] Поход Зубова достиг только отделения ханств от Ирана.

позже — поход Цицианова к Баку, поход, который стоил жизни царскому главнокомандующему. И только в 1806 г. Баку, наконец, был взят. Одновременно царские войска вошли и в Дербент.

Упомянем, наконец, еще об одном моменте, прежде чем перейти к очерку истории завоевания Восточного Кавказа в первой четверти XIX в. Речь идет об обстоятельстве, в дальнейшем чрезвычайно серьезно повлиявшем на ход борьбы горцев Восточного Кавказа за независимость и в некоторые моменты замыкавшем движение в узкие рамки восточной части Кавказского хребта. Мы имеем в виду присоединение к России горцев Центрального Кавказа. И здесь опять-таки мы не будем останавливаться на подробном описании этих событий, нам важно лишь констатировать некоторые факты. Россия, охраняя сообщения с Закавказьем, употребляет все усилия для прочного закрепления в центральной части Кавказского хребта, которая прорезывается Военно-Грузинской дорогой. С этой целью в конце XVIII в. и в первом десятилетии XIX в. предпринимается ряд походов для полного подчинения сначала Осетии, а затем и кабардинцев. В 1802, 1804 и 1806 гг. проводится ряд карательных экспедиций в Осетию. Экспедиции эти по жестокости расправы с осетинами не уступают, пожалуй, стяжавшим себе такую печальную известность ермоловским набегам. Одновременно предпринимается и ряд экспедиций в Кабарду. Но если осетинские походы сравнительно быстро достигли цели, то с кабардинцами дело обстояло сложнее, и к концу первого десятилетия XIX в. они не могли считаться окончательно подчиненными царскому правительству.

Значение как осетинских, так и кабардинских экспедиций этого времени чрезвычайно велико. С «замирением» Центрального Кавказа, с отдачей его в полное распоряжение царской администрации единый фронт горских народов от Черного моря до Каспийского, от адыгов до Дагестана, оказывался прорванным в центре. Развязав таким образом себе руки, самодержавие приступило к подчинению своей власти Восточного Кавказа, но возможность единых действий между чеченцами и дагестанцами, с одной стороны, и адыгами, с другой, — исчезла. Каждый из этих народов принужден был действовать самостоятельно, изолированно от других. А это, конечно, не способствовало успешности горского сопротивления, ослабляло возможности горцев в их борьбе за независимость — обстоятельство, которое очень остро почувствовалось имамами Чечни и Дагестана через тридцать — сорок лет.

Обстановка в конце XVIII в.

В результате быстрого продвижения России на Кавказ во второй половине XVIII в. здесь складывалась очень сложная историческая обстановка, в ряде основных черт существовавшая и в первой половине XIX в., в ту эпоху, когда вышел на историческую сцену мюридизм. К восьмидесятым годам XVIII в. царизму при-

ходилось иметь дело с непосредственно граничившими с линией надтеречными чеченцами, кумыками и шамхальством Тарковским и с расположенной дальше, в глубине страны, в горах, основной массой чеченского населения и различными дагестанскими ханствами и обществами. Развитые феодальные отношения, господствовавшие в эту эпоху у большинства перечисленных народов, кроме Чечни, порождали ожесточенную классовую борьбу, и русский царизм, вмешавшийся во внутренние дела народов Кавказа для укрепления своего владычества, не мог не придерживаться в своей колониальной политике совершенно определенной линии, направленной на поддержку одного класса против другого. Но и в Чечне разложение родовых отношений привело уже к зарождению классового общества. Поэтому и здесь идет принимавшая различные формы классовая борьба, и здесь царизм должен был выбирать какую-то определенную линию в отношении к слабым и зависимым родам, с одной стороны, и родам сильным, господствующим — с другой. Царизму нужно было определить свое отношение к процессу разложения рода и экспроприации родовой собственности.

Царизм и феодалы

Классовая борьба в аулах феодальных обществ в эту эпоху выражалась прежде всего в борьбе за землю, в борьбе за ликвидацию феодальных повинностей и даннических отношений. Речь идет здесь не только о борьбе дагестанских узденей и кулов с феодалами, об этой борьбе мы пока еще знаем немного[1]. Но наряду с борьбой внутри феодальных племен мы находим и борьбу племен-данников с феодалами, взимающими эту дань. Пожалуй, больше всего сведений у нас о борьбе в Нагорном Дагестане. Здесь мы знаем о восстаниях кулов[2] и о ликвидации даннических отношений со стороны ряда «вольных обществ», о высвобождении этих обществ из-под власти аварских ханов[3]. Картина, которую находим мы в Аварии, отражается и в классовых отношениях в шамхальстве. Известные черты ее можно найти и у кумык, где «черный народ» выступает в конце XVIII в. «против владельцев». Феодалы к моменту появления на Кавказе царских войск слабели, им приходилось иной раз поступаться своими правами, как это показывают факты освобождения «вольных обществ» от взноса дани или же переход кулов на положение узденей. Феодалы

[1] Такие яркие факты, как приводимый Руновским рассказ Шамиля, редки. См.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1508.

В последующих трудах историков-кавказоведов опубликовано значительное число фактов из истории социальной борьбы в Чечне. — В.Г.

[2] См. предыдущее примечание.

[3] *П.В.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. 1888. Т. 12. С. 270.

поэтому крайне нуждались в солидной военной поддержке против своих подданных.

Это обстоятельство, правда, наиболее ярко выступает перед нами несколько позднее, но оно, понятно, и не могло особенно явственно выступить в официальной переписке до появления царских войск в пределах ханств. Вот что писал, например, Мехти-Шамхал Тарковский генералу Н.М.Сипягину: «Хотя я несколько раз пред сим писал в.пр. о поспешном отряжении сюда 10 тыс. победоносных войск для наказания непослушных и непокорных дагестанцев и получал всякий раз удовлетворительные от Вас ответы, оставаясь спокойным в ожидании прибытия просимого мною отряда, но он не прибыл и наказание непокорных отсрочилось. Между тем, ныне некоторые общества деревень вновь обнаружили неповиновение и непокорность»[1]. И, не довольствуясь просьбой о поддержке, шамхал делает попытку получить царские войска в полное свое распоряжение: «А потому, — пишет он, — дружески прошу Вас, как искреннего моего друга, прислать 6 т[ысяч] победоносных русских войск под начальством благоразумного командира, предоставив верховную власть над этим отрядом собственно мне, строго подтвердив их командиру, чтобы он отнюдь не действовал вопреки моей воле и приказанию и исполнял бы всякое мое указание согласно законам г.и., войска же разместил в тех же местах, которые будут сочтены мной удобными и приличными»[2].

Те же мотивы видим мы и в переписке кумыкских князей в конце XVIII в. Андреевские князья, например, доносят 5 сентября 1785 г.: «Народ из повиновения нашего вышел; есть у них намерение нас из деревни выгнать»[3], подобные настроения были в других аулах, а несколько позже, при ликвидации движения, царские войска прибыли в Костиковскую деревню, и «в ней жительствующие народы присягнули, дабы российскому престолу быть верными и *князю своему Хамзе Алишеву послушными* с условием тем, что, если оное пренебрегут, будут выгнаны из деревень, либо преданы смерти»[4]. Восстановление власти феодалов вело к усилению феодальной эксплуатации.

В 1807 г. кавказское начальство, в связи с утверждением Мехти-Шамхала в должности дербентского хана[5], получило два прошения от дербентцев. В первом из них они жалуются на то,

---

[1] Письмо от 28/IV-1827 г. // АКАК. 1878. Т. 7. С. 532.

[2] Там же.

[3] Материалы из Кизлярского комендантского архива к истории движения имама Мансура. Прил. к ст. Б.В.Скитского «Социальный характер движения имама Мансура» (Изв. 2-го Сев.-Кавк. пед. ин-та. Орджоникидзе, 1932. Вып. 9. С. 122).

[4] Цит. по ст. Б.В.Скитского «Социальный характер движения имама Мансура». С. 126 (выделено мною. — *Н.П.*)].

[5] *В 1806 г. Дербент и Баку были заняты без боя. Дербентский Ших-Али-Хан был изгнан, а управление ханством (кроме самого Дербента) было передано известному прорусской ориентацией Мехти-Шамхалу. — В.Г.*

что шамхал «...отделил селения Дербентские от города и наложил на них повинность в подводах, кои никогда от нас даваемы не были»[1]; в другом — жалобы усиливаются. Шамхал назначил в Дербент пристава, который «делал притеснения» и, в частности, «он взял нас на жатву, велел весь урожай убрать», а кроме того, начал взыскивать дань сорочинским пшеном[2]. Все эти цитаты говорят об одном и том же. Ханы, князья, владельцы пытаются в борьбе со своими «непокорными» подданными опереться на штыки русского царизма. И самодержавие, как мы видим из тех же документов, не думает отказывать всякого рода владельцам в помощи, если даже, по особым уже соображениям, эту помощь иногда и затягивает. Даже в самые острые для царского владычества в горах моменты, в 1843 г., когда победоносное крестьянское восстание потрясло самые основы царского владычества на Кавказе, Генеральный штаб Отдельного Кавказского корпуса твердо проводил все ту же линию. В одном из обзоров, составленных в это время, мы находим целое рассуждение о необходимости усиления, а не сокращения власти феодалов. Говоря о власти Джамов-бека над некоторыми магалами, автор обзора подчеркивает ее слишком узкие границы. «В настоящем положении дел они [эти магалы. — *Н.П.*] совершенно покорны, но при малейшем волнении в соседстве, не в состоянии держаться против возмутителей, если Джамов не будет заблаговременно уполномочен от правительства править Вольным Кайтахом, обществами Ганк, Гопша, Мюра и Маджалис, а также Сюрьгой на безотчетных правах своего отца и бывшего их владетеля Уцмея Адел-хана»[3]. Много примеров той же политической линии будет встречаться в дальнейшем.

Одно из свидетельств уже обобщает эти разрозненные высказывания.

Виконт Г. де Кастильон, французский консул в Тбилиси, донося Гизо о положении на Кавказе в сороковых годах XIX в., неоднократно связывает успехи России с предательской в отношении собственного народа политикой кавказских феодалов. Вот, например, что он пишет, имея в виду Кабарду: «Равнинная страна, богатая и влиятельная аристократия, облегчили ему [Ермолову. — *Н.П.*] средства для этого»[4]. Следовательно, первое поло-

[1] Донесение от дербентских жителей. Получ. 7/III-1807 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6164.

[2] Донесение от дербентских жителей. Получ. 21/III-1807 г. // Там же.

[3] Краткое военно-географическое описание Дагестана, составленное при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1843 г. // Там же. Д. 6512. Л. 81 об.

[4] Копия с письма французского консула в Тифлисе министру иностранных дел Франции от 24/IV-1844 г. // ЦВИА. Фонд Департамента Генерального штаба. Д. 1844 г. № 113. Лит. Б. Л. 19. Письма опубликованы С.Бушуевым в «Историке-марксисте» за 1936 г. № 5. С. 105—123. *См. современную публикацию этого и еще одного письма виконта Г. де Кастильона к Гизо в журн.: Тарих. Махачкала, 1996. № 2/3. С. 58—63. — В.Г.*

жение, определяющее взаимоотношения царизма с различными классами народов Восточного Кавказа, говорит нам о союзе между русским царизмом и местными феодалами.

Только в пятидесятых годах у отдельных представителей царской администрации появились сомнения в правильности политики насаждения феодалов среди демократических обществ: «Есть вещи, которых невозможно положить общим правилом, как, например, поддержание в кавказских народах аристократии. В обширной стране сей из разнородных племен, в ней обитающих, есть такие, в которых все усилия наши к поддержанию знати ввергли бы нас в непримиримую борьбу с низшим многолюдным классом, обременив казну нашу и войска содержанием и охранением людей праздных и корыстолюбивых, тогда как в иных народах правило это применимо и само собою соблюдается по влиянию, нами от того получаемому»[1]. Но этот взгляд не получил распространения: дворянство офицерского корпуса не могло понять подобных «вольностей».

Однако конкретное положение зачастую оказывается много более сложным. Царизм в своей борьбе с горцами, опираясь на феодалов и утверждая их экономическое господство над населением, ликвидировал их политическую власть, превращая их в помещиков, причем помещиков «третьего сорта». Признать за всеми горскими феодалами права на русское дворянское звание, приравнять горское дворянство к дворянству русскому царизм не мог и не собирался. Только в самых исключительных случаях за отдельными горскими князьями закреплялись права на соответствующий титул: так, например, это было сделано в отношении шамхала Тарковского, да и то за особые его заслуги по укреплению царского владычества в Дагестане. Ставя горского феодала «владетеля» выше рядового горца, царизм держал его все же на самой последней ступеньке русской дворянской иерархии. Подобное положение не могло, однако, особенно быть по душе горскому дворянству. Последние, стремясь использовать силу царских штыков для приведения к покорности своих подданных, пытались всячески оттянуть момент окончательного утверждения царского владычества в горах, сохранить хоть часть своей самостоятельности. Отсюда — двойственная политика феодалов. С одной стороны, они опираются на военную мощь царизма в борьбе с массами и нередко сами призывают в горы царские войска, с другой же — пытаются использовать массовое движение, чтобы ослабить напор царизма и, может быть, возглавив это самое движение, утвердить

[1] Замечания генерал-адъютанта Н.Н.Муравьева-Карского на записку генерал-майора Н.И.Вольфа // ЦВИА ВУА. Д. 6661. Ч. I. «По высочайшему повелению о составлении соображений на счет употребления о заключении мира с большею пользою находящихся на Кавказе значительных военных сил» (1856 г. Л. 89).

свою власть, сохранив независимость или хотя бы полунезависимость. Они нередко торгуются с соседними государствами, предавая уже и свой народ, и русский, если могут получить хоть несколько более выгодные условия подчинения.

Эта двойственная политика ведет к частым заговорам горских феодалов против царизма, а иной раз и к тайной поддержке стихийно возникающего в горах массового движения, если только последнее не направлено прямо и исключительно против местных феодалов и есть возможность лозунги классовой борьбы подменить иными. В борьбе с русским наступлением горские феодалы пытались ориентироваться на поддержку Ирана или Турции со стоявшими за спиной этих восточных государств европейцами: англичанами или французами. Вмешательство европейцев в борьбу, шедшую на Кавказе между царизмом и горцами, особенно четко проявляется у адыгов. Здесь дело доходит до непосредственной помощи горцам со стороны Англии (хотя эта помощь по вполне понятным причинам никогда не была официальной или хотя бы полуофициальной, если не считать времен Крымской войны). На Восточном Кавказе страной, непосредственно действующей, является Иран, реже (главным образом в позднейшее время) — Турция. Но совершенно ясно, что за спиной Ирана выступает Франция или Англия и в конечном счете борьба идет между этими последними и Россией. Горские феодалы, опираясь на Иран против России, по существу боролись не за независимость, а за подчинение гор другому хозяину. Эта игра, эти колебания от полной покорности царизму до открытой войны с ним характеризуют всю описываемую эпоху XVIII в. до средины XIX-го, хотя чем позже, тем слабее выступают феодалы против царизма, тем полнее проявляется подчинение их. Таковы причины, создающие сложный переплет взаимоотношений горских феодалов с русским царизмом в конце XVIII — начале XIX в.

Массы горского населения

Иным является отношение к царизму горской массы. Подавленные, эксплуатируемые дворянством группы населения очень остро ощущают усиление эксплуатации и гнета с приходом царских войск. Царизм прежде всего укрепляет положение феодала в борьбе его с массами. Но наряду с этим царизм и сам по себе выступает в роли угнетателя. Все поборы, проводимые царским командованием и выражавшиеся, с одной стороны, в дани, с другой же — в различных штрафах, реквизициях и т.п., ложились всей тяжестью на плечи горской крестьянской массы. Захваты земель, усиленно практиковавшиеся при создании линий на границах и внутри тех земель, которые линиями защищались, приводили к оттеснению горцев с более плодородных равнин, к созданию малоземелья, что, в свою очередь, усиливало и обостряло внутреннюю классовую борьбу. Это особенно остро чувствовалось в

Чечне с ее разлагавшимся родовым строем, стимулируя борьбу за землю между родовой верхушкой и сильными родами, с одной стороны, и крестьянской массой рядовых родовичей и слабых родов — с другой.

Наконец, ненависть горских масс к русскому царизму питалась и постоянными карательными экспедициями, когда широко применялись расправы с целыми аулами, разрушение или сжигание построек, вытаптывание посевов, вырубание фруктовых садов и т.д. В известном проекте покорения Кавказа, предложенном генералом Вельяминовым, подчеркивалось: «Нужно наносить горцам самый существительный вред в необходимых средствах существования, нужно направлять удары на те предметы, коих они не могут скрывать от войск наших... Уничтожение полей в продолжении нескольких лет сряду есть, по-моему, единственное средство достигнуть сей цели»[1]. И средство это широко пускалось в ход кавказским командованием[2].

Все эти мероприятия, официально именовавшиеся политикой приобщения горских народов к культуре и цивилизации, не могли, конечно, пройти бесследно для отношения рядового горца к завоевателям чужеземцам, и, вспоминая о царизме, горец не мог одновременно не вспоминать о погибшем урожае, о разрушенном жилище, о вырезанной семье. И власть местного феодала, более близкая, казалась часто меньшим злом сравнительно с царской властью. Поэтому-то, возможно, и бывали случаи, когда феодал выступал вместе с массами против царизма, создавая впечатление единого национального фронта. Но по существу своему этот единый фронт был чрезвычайно непрочен, держался только до того момента, пока феодал сторговывался с царизмом. Когда же обе стороны приходили к соглашению, феодал предавал крестьянскую массу и нередко активно помогал царским войскам усмирять крестьянское движение.

Верхушка аула

Наконец, была и еще одна группа горского населения, группа, стоявшая между феодалами и основной крестьянской массой, группа, выдвигавшаяся из среды рода в качестве зажиточной верхушки аула. Эта верхушечная группа была связана торговлей с Кавказской линией и с этой стороны не могла не считаться с царизмом, который умело нажимал на нее, воспрещая ей в случае надобности обменные операции. Но торговля не была основой су-

[1] Свод мнений о покорении Кавказа // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 430. Л. 54 об.

[2] Еще Екатерина II писала в указе Медему о подданстве кабардинцев: «Настоящее время, в которое они имеют страх от здешних войск, к тому самое удобное, чтобы их, подобно как диких зверей, начать к рукам приобучать» (цит. по кн.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Спб.: изд. «Обществ. польза», б.г. Т. 28. С. 574).

ществования аульской верхушки, и верхушка аула могла также в определенные моменты выступать совместно с крестьянскими массами, особенно если царизм усиленно поддерживал феодальные поборы. С другой стороны, целый ряд поборов, практикуемых самим царизмом, как, например, дань, штрафы и т.п., ложился на аульскую верхушку так же, как и на основную массу крестьянства. Наконец, эксплуатировали этот верхушечный слой и горские феодалы.

Таким образом, рядом нитей верхушка восточно-кавказского (чеченского и дагестанского) аула связана была с основной массой родичей, хотя наряду с этими связями были и моменты, резко отделявшие аульскую верхушку от масс, что, конечно, определяло всю ее политику. Этот эксплуататорский слой в конце концов, в процессе роста, становился на политические позиции феодалов и должен был в моменты массовых вспышек искать себе защиты и помощи либо у феодалов (хотя последние были зачастую и сами слишком слабы), либо вместе с феодалами у русского царизма. Таким образом, зажиточная верхушка аула имеет больше моментов, отделяющих ее от царизма, нежели феодалы, но в некоторых случаях и она готова пойти под охрану царских штыков, лишь бы сохранить свое право на эксплуатацию. А с другой стороны, она также может выступить и против феодалов, чтобы избавиться от повинностей или платежа дани. Такие колебания в политике аульской верхушки еще более осложняют положение, особенно тогда, когда аульская верхушка примыкает к массовым крестьянским движениям.

Наряду со всеми разобранными выше мотивами, определявшими конкретные отношения между различными группами горцев и царизмом, нужно сказать немного и об эволюции всех этих отношений. Мы указали, что борьба горских феодалов против царизма постепенно ослабевает, что аульская верхушка все чаще прибегает к помощи царизма. Уже эти факты свидетельствуют о том, что сближение между верхушечными слоями горского общества постепенно возрастает. Но этот процесс сближения гор с Россией может быть прослежен и в других областях жизни.

Усиливающиеся экономические и культурные связи постепенно втягивают горцев в общий круговорот российской жизни и внутренних российских отношений. Это, конечно, ослабляет позиции масс, отчаянно отбивающихся от царизма. Обстановка складывается так, что независимость делается недосягаемой. Но передовым людям горского общества по мере знакомства их с русской культурой и с русским революционным движением открываются новые горизонты. И тогда борьба горцев с царизмом начинает принимать новые формы — формы совместной борьбы всех народов Российской империи не только против царизма, но и против эксплуатации вообще. Однако этот переход на новые позиции совершился лишь после завоевания и не сразу.

2. ДВИЖЕНИЕ ШЕЙХА МАНСУРА

Подготовка восстания под руководством шейха Мансура

Известно, что в XVIII в. в Чечне наблюдалось несколько вспышек народного возмущения. Но все они были легко подавлены вооруженной рукой[1]. Иная ситуация на Северо-Восточном Кавказе возникла в самом конце XVIII в. Движение, связанное с именем шейха Мансура, охватило часть Чечни, Кабарды и дагестанскую Кумыкию. Таким образом, по широте распространения оно почти не имело себе равных. Но неоформленность и кратковременность понижают его значение в истории борьбы горцев за независимость, и поэтому восстание шейха Мансура может рассматриваться лишь как предвестник имамата[2].

Основным очагом восстания была Чечня. Поэтому прежде всего необходимо выяснить происхождение чеченских корней этого движения. Плоскостная Чечня в описываемую эпоху ведет упорную борьбу с пытающимися здесь закрепиться феодалами из Аварии, кумыкских аулов и Кабарды. К этому времени феодалы проникают в плоскостную Чечню, и среди чеченских «владель-

[1] В 1707 г. «уфимский башкирец» Салтан-Мурат был послан восставшими булавинцами для связи с турецким султаном и Крымом. Побывав на Кубани, он появился у горцев в районе Терека. Очевидно, почва для восстания была в достаточной мере подготовлена, так как ему удалось объединить восточные группы, чеченцев и кумык, и повести их против царских войск. Чрезвычайно интересно, что Салтан-Мурат называл себя (по словам его противника) «проклятого их закона басурманского святым». Таким образом, первый же известный нам предводитель чеченского восстания оказывается в то же время и каким-то религиозным вождем. Среди восставших были и казаки-староверы. Наконец, участвовали в выступлении и некоторые из степных народов. О самом ходе восстания мы знаем лишь немного. Привлеченные к движению бей Амир-Гамза, мурзы «и он, Мурат, чеченцы, мичкисы, аксайцы, тавлинцы, с Андреевской деревни кумыки, и Ештерековыми качевными ногайцы, и с Мурзою заречным Салта Муратом и другими Мурзами, всего было по смете с 1600 человек, пошли на Терек». 12 февраля 1708 г. они взяли и сожгли город Терки. Воевода Терков Р.Вельяминов укрепился в «другом, верхнем городе», т.е. в укрепленном центре, и ждал выручки от П.М.Апраксина. Этот последний явился 26 февраля из Астрахани с астраханскими мурзами и татарами и с 3000 калмык и разбил восставших. Салтан-Мурат был ранен и взят в плен еще раньше терскими казаками. Движение получило сильный удар и, по-видимому, постепенно затихло. Его вождь был отправлен в Казань и там «повешен за ребро» (Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1936. Т. I. С. 242, 256; Булавинское восстание. 1707–1708: (Сб. док.). М., 1935. С. 414).

[2] Так именно и рассматривали восстание шейха Мансура большинство русских и западных писателей. Ср., напр.: «Что начал в Дагестане Элиас Мансур и через полвека продолжал Кази мулла, с тем же энтузиазмом подхвачено Шамиль-беем» (*Spencer*. Reis langs de Kust van Tscherkessie, Abchasië en Mingrelië // *Koch K.* De caucasische landen en Armenië in reistafereelen. Groningen, 1856).

цев» мы находим князей атагинских, алдинских, большечеченских и т.д.[1]. Феодалы эти усиленно искали поддержки российского царизма, зная о том, что удержать родовое чеченское общество в повиновении себе собственными силами они не могут. Недаром же Государственная коллегия в промемории от 21 октября 1757 г. вынуждена была констатировать: «Они [чеченцы. — *Н.П.*] из всех тамошних горских народов наглее и дерзновеннее, не слушая ни мало, в чем не хотят, и владельцев своих»[2]. Владельцы же настойчиво просили у царизма помощи, ссылаясь на чеченские набеги на казачьи станицы. Заметим мимоходом, что набеги эти в большинстве организовывались самими же феодалами. В 1756 г. чеченские владельцы отправили к кизлярскому коменданту целое посольство с жалобами на своеволие подданных и с просьбой об «искоренении» чеченцев: «А чтоб им тех воров удержать и до такого злодейства не допустить, того они владельцы, по непослушании их, чеченцев, учинить не могут, чего для с объявлением о том, где им, владельцам, жить повелено будет, он, Албек, от владельцев и от небольшого числа народа при них находящегося, в Кизляр и прислан. Ежели повелено будет их, чеченцев, наказать, что они, владельцы, с российским войском первые их искоренять должны и с чеченцами сообщаться не будут ибо они, чеченцы, стали уже ее императорскому величеству противники»[3]. В свете этого заявления становится понятно и следующее сообщение П.Г.Буткова: «В 1757 г. чеченцы вышли из должного повиновения своим владельцам и совсем оказались противными российской стороне, и на явные противности обратилися. Почему того же года октября 23 дня Государственная Военная Коллегия предписала наказать их, привесть к прежнему повиновению: разорить и искоренить их, дабы они из гор на чистые места вышли»[4].

Но для петербургского правительства вопрос стоял сложнее. Речь шла не узко о борьбе чеченцев со своими феодалами. «Понеже чеченцы, — писала в указе от 19 января 1758 г. кизлярскому коменданту Екатерина, — время от времени приходят в

[1] Об этом единогласно говорят все путешественники, наблюдавшие Чечню в XVIII в. Не говоря уже о документах, сошлемся на свидетельства Stälin'a (Nachrichten von Tschirkassien oder von den Kabardinischen Landen // Magazin für die Neue Historie und Geographie von Busching (Busching's Magazin). Th. 6. Hamburg, 1771. S. 465—466), Гильденштедта (*Гильденштедт И.-А.* Географическое и статистическое описание: Грузия и Кавказ. Спб., 1809), Буткова (ААН. Ф. 99. Д. 33. Л. 235). А в делах Кизлярского комендантского архива и в ГАФКЭ частично сохранилась и переписка с этими князьями.

[2] *Головчанский.* Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. (по документам Кизлярского комендантского архива) // Зап. Тер. о-ва любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 11, нояб.

[3] Там же.

[4] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Спб., 1869. Ч. 1. С. 259.

вящую дерзость и потому немалое предстоит сумнение, чтобы к ним и другие горские народы, видя, что их противности без наказания остаются, что далее, то больше приставать не стали и в тамошней стороне общего возмущения не причинили, то по сему резону, тем более, что они себя и в оборонительное состояние приводить уже тщатца, учинением против них действительных поисков замедливать не должно»[1]. За указом последовала экспедиция 1758 г., к участию в которой привлечены были калмыцкие феодалы, хотя Военная коллегия и опасалась «могущего быть в калмыцком народе движения». Калмыцким феодалам дано было обещание, «...что получаемая ими от чеченцев добыча вся им оставлена быть имеет, кроме христиан, ежели оные в их плене найдутся»[2]. Кроме того, позволено было «каждому, кто похочет... всякий возможный им [чеченцам. — *Н.П.*] вред причинить, оставляя каждому полученную им добычу... а особливо такое дозволение генерал-майора князя Эльмурзы Черкасского сыну Давлет-Гирею, яко и собственно от чеченцев озлобленному»[3].

Экспедиция после сражения с чеченцами 24 мая 1758 г. добилась изъявления чеченцами покорности и возвращения феодалов.

Однако, несмотря на экспедицию, на «разорение и искоренение» и на грозные приказы Государственной Военной коллегии, уже «в 1760 г. чеченцы совсем выгнали от себя кумыцких владельцев»[4]. Изгнанные становятся под покровительство русского царизма, который в начале восьмидесятых годов усиленно хлопочет о возвращении «владельцев» в Чечню. Наконец, «...в исходе 1782 года от всех чеченских селений, кроме Атаги, генерал-поручик Потемкин получил аманатов. И как жители селений Чечни и Горячевских изъявили паки желание повиноваться владельцам, коих некогда от себя изгнали, то Потемкин и определил над чеченцами прежнего их владельца Асланбека (Расланбека Айтемирова)[5], а над горячевцами Кучука и оба они присягу приняли»[6]. «Добровольность» желания чеченцев повиноваться прежним владельцам особенно ярко видна на примере аула Атаги, не давшего аманатов: «На атагинцев же, которые предпринимали даже сделать покушение на селения по Тереку и на единомышленных с ними ингуш, послан для предварения их в том военный деташемент»[7]. Вопрос о «покушении», как видно из всего остального,

[1] *Головчанский.* Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Спб., 1869. Ч. 1. Прил. III. С. 515.

[5] Так в подлиннике. — *Н.П.*

[6] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Спб., 1869. Ч. 2. С. 109-110.

[7] Там же.

является лишь предлогом, основное — отказ аула Атаги принять князей и выдать аманатов. В самом деле, несколько позже мы увидим, что владельцы вернулись и в Атаги после похода царского отряда. Предприятие генерал-поручика Потемкина не увенчалось, однако, успехом. Чеченцы продолжали борьбу с владельцами и «...паки их от себя изгнали и лишили их господства. Тогда сии владельцы, одни возвратились в Аксай и Эндери, откуда пришли; другие с позволения российского начальства основали новые селения на плоскости между Сунжа и правого берега Терека, в противоположности гребенских и моздокских казачьих станиц, как-то: Девлет-гиреевцы, изгнанные из Герменчика и Шали, имели в 1784 г. до 400 дворов, расламбековцы при Расламбеке Айдемирове, выгнанные из Большой Атаги, из Большой Чечни и из Топли, в двух селениях 400 дворов...»[1] И вновь царизм направляет в Чечню военную экспедицию: «Князь Потемкин Таврический предписал генерал-порутчику Потемкину чувствительнейше наказать чеченцев за шалости, ими производимые, особливо за убийства»[2], и генерал-поручик в 1783 г. сжигает аулы Гехи и Атаги, а в реляции сообщает, что «...будучи тронут дерзостями чеченцев и кумыцкого народа, производящего на здешней стороне реки Терека убийства и грабежи, принудил силою оружия князей их, старшин и народ учинить... в верноподданстве их присягу и взял от них аманатов»[3].

Одновременно с этими попытками закабалить чеченцев путем насаждения и укрепления феодалов идет усиленный натиск царских войск на Центральный Кавказ и, в частности, на важнейший путь сообщения с Грузией — Дарьяльское ущелье. В 1783 г. заканчивается сооружение трех редутов, соединяющих линию с началом современной Военно-Грузинской дороги, а в следующем 1784 г. строится у входа в горы крепость Владикавказ. В те же годы основывается за линией и ряд казачьих станиц по Тереку и Куме (Прохладная, Незлобная, Курская и т.д.), благодаря этому линия придвигается ближе к горам, стесняя кабардинцев. Сооружение крепостей и станиц, соединявших линию с Грузией, знаменовало собой первый шаг в прорыве горской оборонительной линии. Естественно, что он не мог не встретить сопротивления у горцев. Вот почему чеченцы, до сего времени действовавшие почти вне связи с народами Центрального Кавказа, оказались перед возможностью более широкого выступления..

Ответом на политику подчинения Чечни «владельцам» из числа кабардинских, аварских или кумыкских феодалов было движение шейха Мансура.

---

[1] Там же. С. 112.

[2] Там же. С. 114.

[3] Отношение генерала-поручика П.С.Потемкина к астраханскому губернатору Жукову от 16 января 1783 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/6. Л. 57.

Личность Мансура

По поводу личности самого предводителя и социальной базы, на которую он опирался, существует несколько мнений. Высказывались даже предположения, якобы документально обоснованные, что шейх Мансур не был чеченцем: будто бы под этим именем действовал на Кавказе итальянский авантюрист Джованни Баттиста Боэтти[1].

---

[1] Впервые мысль о нечеченском происхождении Мансура высказана была еще в 1785—86 гг. в депешах прусского посланника в Константинополе Дица. Согласно его данным, Мансур происходил из рода шаха Надира, принужден был в 15 лет уехать в Смирну, затем был в Италии, где принял христианство, и во Франции. Вернувшись из Европы в Египет, Мансур вновь принял мусульманство. Из Египта он опять попал в Смирну, затем в Константинополь и Сирию и, наконец, оказался в Абхазии, где и сделался народным вождем в священной войне против русских. Эти данные Диц заимствовал у шведского посланника в Константинополе, получившего их, в свою очередь, от голландского консула в Смирне.

Другие известия, приводимые Дицем, утверждают, что Мансур — пьемонтский монах. (Изложение этих данных см.: *Zinkeisen.* Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gotha, 1859. T. 6. S. 529—530.) В 1786 г. русский посол в Константинополе Булгаков, передавая сообщения посланного Портой к Мансуру ученого софты, сообщал: «Он говорит, что имам Мансур родом не из Чечни, а пришел из других мест; что он не ученый и не особенно набожен, хотя и не уклоняется никогда от совершения молитв, предписанных законом. Он не говорит или делает вид, что не говорит по-турецки и беседовал с софтою не иначе как по-арабски» (Приложение к донесению Булгакова от 1(22) сентября 1786 г. // Сб. имп. рус. ист. о-ва. Т. 47. С. 179—180). Вообще вокруг вопроса о личности Мансура циркулировали самые разнообразные слухи.

В одной итальянской книге, вышедшей в конце XVIII в., приведена часть из них: «Он назывался шейх Мансур, то есть просвещающий пророк, о котором все говорили различно, следуя безудержной фантазии новеллистов. Кто хотел, чтобы он был индусом, отступником браминских обрядов, кто — жрецом Тибетского Великого ламы, кто — пьемонтским гренадером, потуречившимся в Алжире» (Vita di Caterina II. Torino, 1798. T. 4. P. 96).

Несмотря на то, что уже в это время автор «Жизни Екатерины II» иронизировал над фантастическими слухами, различные версии о нечеченском происхождении Мансура продолжали время от времени проникать в историческую литературу. Так, Шопен, говоря о переходе Грузии под протекторат России, объяснял это тем, что Россия избавила «грузинского царя Гераклия» от опасности, грозившей ему со стороны какого-то итальянского монаха. «Этот монах был послан как миссионер проповедывать евангелие в Персию. Он предпочел реформировать коран. Изгнанный вместе с прозелитами, которых он успел привлечь к новому учению, он направился в Грузию, подчиняя на своем пути беев, ага и пашей. Он трижды разбил Гераклия и прибавил к своему имени имя Мансур (победоносный). Побежденный в свою очередь, он был переслан в С.Петербург, где Екатерина дала ему должность и позаботилась о его судьбе» (*Chopin.* La Russie // Universelle Histoire et descriptions de tous les peuples. Paris, 1838. P. 354). Разные слухи о происхождении Мансура но-

сились и в кавказской армии уже в XIX в. Спенсер, не называя источника, передает один из таких слухов, приписывавших Мансуру польское происхождение (*Spencer*. Turkei, Russia, Black sea and Circassia. London, 1854. Цит. по гол. пер.: *Spencer*. Reis langs de Kust van Tscherkessie, Abchasië en Mingrelië // *Koch K*. De caucasische landen... Bl. 53.); Ханыков называл Мансура уроженцем Оренбургских степей и вслед за этим ученым-ориенталистом многие повторяли легенду, против чего резко протестовал Бутков. Иорга (*Iorga*. Geschichte des osmanischen Reiches. B. V. S. 40), ссылаясь на Совебефа (*Sauveboeuf*. Memoires historiques, politiques et géographiques du comte de Ferrilres G... faites en Turquie, en Perse et en Arabie dépuis 1782 jusqu'en 1789. T. I. P. 61), приписал Мансуру ногайское происхождение. Французский публицист Теляндье просто отчаялся решить этот вопрос и заявил, не без основания, впрочем, что «очень реальная история шейха Мансура превратилась в тему для баснословных легенд, теперь очень трудно узнать истину относительно смелого авантюриста» (*Taillandier Saint René*. La guerre du Caucase // Allemagne et Russie. Paris, 1856. P. 223—224). В семидесятых годах XIX в. легенда об итальянском происхождении Мансура всплыла снова. На этот раз кампанию открыл профессор Оттино, поместивший в одном историческом журнале статью «Оган-ооло, шейх Мансур или падре Джованни Баттиста Боэтти» (Ottino. Oghan-oolo, sceik Mansour, ossia padre D.Battista Boetti // Curiositá e ricerche di storia subalpina. Torino, 1876. Vol. II. Puntata VI. P. 329—350. Кстати, Baddelay в своей книге «The russian conquest of the Caucasus», p. 48, дает ошибочную ссылку: № VI, вместо Puntata VI, и не указывает тома). Оттино называет в качестве своих источников «литературу» (главную роль здесь, очевидно, играла «Vita di Caterina II») и донесение времен Виктора Амедея III (1726—1796), «происходящее из Константинополя, т.к. автор там указывает, как в предместьях Перы и Галаты ему случалось видеть лицо, к которому относится донесение. В этом донесении очень тщательно описаны первые приключения того, кто скрывался под именем Мансура». Донесение, по словам Оттино, хранилось в пьемонтском государственном архиве (*Ottino*. Oghan-oolo... P. 339). В нем, помимо справок о Мансуре, наводившихся в Константинополе, имеются и собственные воспоминания Мансура. Но как те, так и другие доходят лишь до 28 октября 1786 г.

Рассказ о дальнейшем Оттино основал на «других документах, скудных и отрывочных» (p. 340). Статья эта популяризировалась в Италии; в 1881 г. в Fanfulla della Domenica появилась статья d'Ancona: Un aventuriere del secolo XVIII. Il padre Boetti (в № 8 от 20 февраля), представляющая собой сокращенный пересказ статьи Оттино. Наконец, в 1884 г. в Nouvelle révue была напечатана работа *Ганьера* «Махди XVIII века. Пророк Мансур, шейх Оган-ооло» (*Gagnier*. Un mahdi au XVIII siècle de prophète Mansour, scheikh Oghan-oolo // Nouvelle révue. 1884. T. 28. P. 352). Перевод этой статьи появился в газете «Кавказ» (*А.Е.* Закавказский Махди в XVIII веке // Кавказ. 1884. № 144), а на основании работы д'Анкона и Ганьера в «Русской мысли» 1884 г. напечатана была статья *М.* «Авантюрист XVIII века» (т. 7. С. 297). По существу дополняет рассказ Оттино только Ганьер, который в качестве своих источников называет то же донесение из Константинополя, а затем указывает на предпринятые им поиски новых источников. В результате этих поисков Ганьер выяснил, что экземпляр мемуаров Боэтти находился в архиве прихода Пиаццано, а подлинником владела семья Боэтти. У внучатого племянника Боэтти сохранились и письма пророка (p. 363). Однако ни Оттино, ни Ганьер так и не опубликовали ни одного из называемых ими

документов, и исследователь принужден верить им на слово. Между тем всякий, кто знает, как широко распространено было в Италии подделывание всяческих древностей, вправе усомниться в подлинности этих неизвестных текстов. Особенно это относится к документам, хранившимся на руках у частных лиц. Во всяком случае, имеем ли мы дело с подделкой или с недоразумением, но данные, приводимые Оттино и Ганьером, слишком неточны, чтобы они могли исходить от человека, стоявшего в самом центре событий. Укажем на некоторые несообразности. Согласно Ганьеру, Мансур выступил из Амазии 20 апреля 1785 г., двинулся на Битлис и Муш, которые взял. Оттуда он пошел на Ахалцих, затем взял Эрзерум, Карс и разбил при движении на Тифлис грузинского царя Гераклия. Однако из-под Тифлиса Мансур двинулся не на Кавказ, а, поссорившись с Турцией, обратно в Сивас. Здесь пробыл долгое время, т.к. успел обменяться несколькими посольствами с Портой. Только после этого побуждаемый Портой Мансур двинулся на Кавказ. В первом же столкновении он отбросил Апраксина, имевшего крепкую позицию и 24 тысячи человек, к стенам крепости Kasgar (очевидно, Кизляр).

Сколько времени должно было потребоваться на все эти сложные операции? Во всяком случае, не один месяц. Но Ганьер, как и Оттино, считали первой известной датой в истории борьбы шейха Мансура с царскими войсками время боя при Татартупе, который они датируют 28 октября 1786 г. (очевидно, нового стиля), в то время как действительная дата события — 30 октября — 2 ноября 1785 г. старого стиля. Уже одно это почти не оставляет времени на длинные походы по Малой Азии и Грузии. Но мало того, проповедь Мансура в селении Алды началась в начале февраля, а первые сведения о пророке получены были Леонтьевым от Пеутлина 1 марта 1785 г. старого стиля (12 марта нового), т.е. более чем за месяц до выступления Боэтти из Амазии (см. ГАФКЭ (РГАДА). Гос. архив. Ф. 23. Д. 13. Ч.10. Л. 137 об.). А при допросе в Тайной канцелярии Мансур показал, что он чеченец, уроженец селения Алды, и назвал своих родителей. Он, как оказалось, не владел ни турецким, ни арабским языком (ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 7. Д. 2777. Л. 3). Наконец Оттино сообщает, что Мансур «окончил свои дни в Соловецком монастыре на Черном море» (р. 338), а Ганьер, подтверждая это, прибавляет еще, что Мансуру назначена была ежегодная пенсия (р. 361). Последний даже указывает на письмо Боэтти, помеченное «Соловецк» и датированное «15 сентября 1798 г.». Не говоря уже о нелепости сведений о пенсии (в письме к Шешковскому предписывалось: «Ея императорское величество, не почитая его отнюдь за военнопленного, как сущего развратника... указали допросить о всех его нахождениях и всех деяниях его, содержа между прочим под крепкою стражею»), самая дата неверна: Мансур умер 13 апреля 1794 г. и, следовательно, не мог писать письмо в 1798 г. Наконец, вместо фантастического Соловецка на Черном море, Мансур был сослан во вполне реальный Шлиссельбург (ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 7. Д. 2777). Мы не хотим всем этим сказать, что Боэтти никогда не существовал. Может быть, он даже действовал в Малой Азии и Армении. Но одно несомненно: отождествление Мансура-Боэтти с чеченцем Мансуром не имеет под собой никакой почвы и является плодом поверхностного подхода к источникам и погони за сенсацией.

Остается добавить, что Хасан ал-Алкадари относит появление Мансура к 1199 г. хиджры (1784/1785 г.). Он пишет, что Мансур прибыл из Турции, пообещал Чечне и Дагестану помощь султана. Мансур был затем взят в плен, отослан в Петербург и умер в Соловецком монастыре (Диван аль Мамнун / Изд. Мавраева. Темир-Хан-Шура, 1913. Т. 13. С. 60).

Однако это мнение было в науке отвергнуто как ничего общего не имеющее с исторической правдой. Подавляющее большинство историков принимает как несомненный факт чеченское происхождение Мансура. Но они не имеют единого взгляда на социальное происхождение этого виднейшего чеченского вождя. Так, статья проф. Б.В.Скитского «Социальный характер движения имама Мансура» представляет все движение как движение «главным образом самых низших общественных элементов, холопов и бедняцкого люда, *батраков* [выделено мною. — *Н.П.*] или совсем выбитых из жизненной колеи и ушедших в разбой абреков»[1]. Следуя Дубровину, автор причисляет самого Мансура к «людям бездомным и абрекам». Но это едва ли правильно. Основывается это мнение, очевидно, на одной фразе Дубровина, который взял ее из допроса Мансура в Тайной канцелярии в 1791 г.[2]. «Я беден, все мое имение состоит из двух лошадей, двух быков и одной хижины»[3].

Это, очевидно, и дало повод Дубровину, а за ним и Скитскому, утверждать: «Мансур принадлежал к самым бедным жителям аула»[4]. Однако наличие двух лошадей и двух быков совсем не говорит о большой бедности Мансура. Наоборот, мы знаем, что далеко не каждый чеченец имел лошадь, и значительное количество источников подчеркивает то обстоятельство, что большинство чеченцев сражались пешими, т.е. не имели лошадей. Таким образом, принадлежность Мансура к беднейшим слоям аула не может быть нами принята. Гораздо вероятнее предположить, что Мансур по экономическому своему положению не выходил за пределы среднего уровня. Что он не был богат, в этом сомнений быть не может. Но, одновременно, легендой следует признать и его «бездомовность».

Первые шаги движения

Впервые о выступлении шейха Мансура стало известно в марте 1785 г., когда астраханский губернатор Жуков доносил генерал-поручику Потемкину: «В Чечнях проявился по названию татарскому ших [шейх. — *Н.П.*], а по российски лже-пророк, сей ших уроженец тамошней деревни, называемой Алдинской, имеет жену, детей и родственников, был пастухом и назывался до сего времени Учерманом (ныне же имамом)»[5]. Это и был шейх Ман-

[1] *Скитский Б.В.* Социальный характер движения имама Мансура // Изв. 2-го Сев.-Кавк. пед. ин-та. Орджоникидзе, 1932. Вып. 9. С. 107.

[2] Это место приводит и Скитский.

[3] См.: ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 7. Д. 2777. Л. 3.

[4] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1886. Т. 2. С. 86—87.

[5] Рапорт генерал-поручику П.С.Потемкину от астраханского губернатора Жукова от 26/III-1785 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/6. Л. 59 об.

сур. Он выступил с проповедью реформы мусульманства, жизни по шариату и т.п. С особенной силой нападал он на обычай кровной мести. «Из родственников его один человек в давно прошедших годах горским же жителем был убит, который непременно должен также был отвечать или близкие родственники его, жизнью; но ших принудил мать убитого и родственников простить убийце и помириться с ним, а смотря на то и другие чеченцы стали то же делать; вино, водку пить и табак курить жители Алдинской деревни тогда же перестали, да и приезжающие из других мест предавались совершенно его учению, равно и воровство, что прежде почиталось у них за удачу, осталось в пренебрежении»[1]. Но основным, центральным пунктом его проповеди является вооруженная борьба с неверными. Мансур призывал идти распространять мусульманство сначала среди ингушей и карабулаков, затем в Кабарду, к верховьям Кумы, а оттуда обратно — «через русские жилища» и прибавлял: «...все, и русские жители, поверють и приклонютца в наш закон... и так все войски совокупленные и все народы под один закон»[2]. Проповедь, в которой нет национальной вражды, ни национальной исключительности, для своего времени на Кавказе это — редкость. Чеченское духовенство сначала встретило проповедь Мансура очень недоброжелательно: «Ученые и кадыи и протчие оказанному его чудылищу [чудесам. — *Н.П.*] не верють, а кроме того, что почитают ево за волшебника»[3].

Однако мусульманское духовенство очень быстро почувствовало на себе давление чеченской массы: «...простой народ, поверя во всем лжепророку, принудил их [мулл. — *Н.П.*], дабы они к собственному уверению своему поехали к шиху сами». Муллы провели у Мансура целый день и думали ночевать, но «приказал ших выдти из дому своего, кто куда хочет, что муллами и исполнено, и с того времени менее дали шиху веры в святости его»[4]. С этого времени духовенство пытается бороться энергичнее: «...муллы, видя обман его, ко многим горским владельцам писали о сем, ших же не упускал времени и не терял у черного народа

[1] Там же. Л. 60 об.

[2] Донесение П.С.Потемкину, доставленное I/III-1795 г. через старшину дер. Куллар Кайтуку Бакова // ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 23. Д. 13. Ч. 10. Л. 138–138 об.

[3] «Перевод с писем татарских, присланных на имя Его высокородия Господина Брегадира Кизлярского коменданта Ивана Силыча Вешнякова. Получено марта 13 дня 1785 года. I-е Чеченской деревни старшин и от всего народа» // Кизлярский комендантский архив. Св. 284. Закладка А 13.

[4] Рапорт генерал-поручику П.С.Потемкину от астраханского губернатора Жукова от 26/III-1785 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/6. Л. 61, 61 об.

доверенности»[1]. Победа осталась на стороне Мансура, и позднее о сопротивлении мулл уже ничего не слышно. Наоборот, призыв, брошенный Мансуром, нашел широкий отклик среди горцев Восточного и Центрального Кавказа. К нему начинают присоединяться и кумыки, и кабардинцы, и многие дагестанцы. Мансур выезжает для вербовки сторонников в Кабарду. И вот здесь мы сталкиваемся с любопытными фактами: «Недовольные своими владельцами уздени и простой народ с радостью приняли предложение Мансура, надеясь при его посредстве избавиться от деспотического правления своих князей»[2].

Это показывает, как принимала проповедь имама кабардинская масса. Но имам обратился не к простому народу Кабарды. Он остановился у одного из князей — Дола[3] и приглашал к себе князей и владельцев, многие из которых пошли на его зов. Да и «большая часть владельцев Малой Кабарды держали сторону лжепророка»[4]. Уже в таких условиях трудно предполагать, что армия Мансура составлена была в основном из бедноты. Если даже количественно беднота и преобладала, то шла она все же под командой князей.

Поражение Пьерри и атака Кизляра

Первое столкновение Мансура с царскими войсками произошло 4 июля 1785 г., когда отряд под командой полковника Пьерри, направленный для ликвидации восстания, возвращался за Сунжу после набега на Алды. Чеченцы, пользуясь лесистой местностью, атаковали отступавшие войска. В самом начале боя офицерский состав отряда был истреблен, а самый отряд затем разбит наголову. По официальным сведениям, из 3 батальонов пехоты и сотни казаков погибло 8 офицеров и 414 солдат, захвачено в плен 162 чел., подавляющее большинство уцелевших было ранено. Наконец, горцы захватили 2 пушки — всю артиллерию отряда.

Вслед за этой победой Мансур начал организацию похода на Кизляр, главный в это время опорный пункт царского владычества на Восточном Кавказе. Ядро войск Мансура составилось,

---

[1] Там же.

[2] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. С. 107.

[3] Дол, очевидно, был одним из главных сторонников Мансура в Кабарде. В июле 1785 г. майор Жильцов доносил, что «князь с сообщниками своими поехал навстречу развратнику для соединения с ним» (Реляция Вреде 31/VII 1785 г. // ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 23. Д. 13. Ч. 10. Л. 258). Дол был с Мансуром и при нападении на Кизляр (Рапорт Леонтьева Потемкину от 16/VIII-1785 г. // ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 23. Д. 13. Ч.10. Л. 250).

[4] *Дубровин Н.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. С. 113.

кроме чеченцев, из кумык, причем в документах имеется ряд указаний на участие в движении и простого народа, и кумыкских узденей. Князья в это время пишут верноподданнические письма, однако, как говорят те же документы, «кумыцкие владельцы не искренни, их подвластные распродают имущество, закупают лошадей и исправляют войсковое имущество»[1], а брагунский владелец даже дезориентирует царское командование, сообщая, что «оказавшийся в Алдынской деревне имам российской стороне вредного ничего не производит»[2]. Движение шейха на Кизляр начато было атакой Каргинского редута, расположенного на правом берегу Терека, верстах в 5 от крепости, и прикрывавшего переправу. Во время приступа с подожженных наступавшими построек огонь перебросился в укрепление, и оно взлетело на воздух. Однако попытка нападения на самый Кизляр оказалась неудачной. Ночью армия шейха заблудилась, попала в болото и в этот момент атакована была казаками. Шейху Мансуру пришлось отступать, но и войска преследовать горцев оказались не в состоянии.

Собирание сил

После отступления от Кизляра размах движения сократился не намного. Чеченцы, правда, ушли от шейха, но последний перенес свою деятельность на Кумыкскую плоскость, в аул Эндери. Сюда стекались дагестанцы из Казанищ, Кум, Торкале, Эрпели, Губденя, Карабудахкента и пр.[3]. Интересна политика кумыкских владельцев в этот период. 23 июля аксаевские князья писали: шейх Мансур «...хотя... нас и разорит, то мы России противниками не будем, своих же подвластных от зловредных мыслей никак нам удержать невозможно»[4]. А 27 июля князья оправдывались в своем участии в нападении на Кизляр: «В общем собрании Андреевской деревни владельцы и уздени под присягой и штрафом постановили, чтобы никому из подвластных не малейше против России и на злые предприятия не покушаться. Бывшие в толпе ложного шиха, который со своей сволочью разграбил Карголинский редут, андреевские и аксаевские князья и уздени тогда к нему пристали для того, что на степи при кочевых татарах находились

[1] Письмо из Андреевской деревни. См.: *Скитский Б.В.* Социальный характер движения имама Мансура. Прил. С. 120.

[2] Письмо брагунского владельца Асланбека Мудатова получено 10 июня 1785 г. // Кизлярский комендантский архив. Св. 284. Закладка А 13.

[3] Перевод с речей посланного в Тарки окоченина татарина Валия Килякаева и о доезде его в дагестанские селения // ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 23. Д. 13. Ч. 10. Л. 364.

[4] Письмо кизлярскому коменданту от аксаевских князей 23 июля 1785 г. См.: *Скитский Б.В.* Социальный характер движения имама Мансура. Прил. С. 123.

скот их, дабы самозванец их не угнал»[1]. Каковы бы ни были причины, заставившие князей присоединиться к шейху Мансуру, самый факт участия их в войсках имама несомненен. К тому же одно из показаний по делу о Мансуре заставляет подозревать, что дело было не только в опасности разграбления скота (хотя, конечно, существовала и она): «Некоторые кумыкские князья тоже приняли его сторону и выдали аманатов, но считали своей обязанностью уверить русское начальство, что, будучи сами искренно преданы России, не могут справиться со своими подвластными, которые, несмотря на запрещение, уходят в толпу лжепророка»[2]. Эта политика нам знакома, феодалы Кавказа часто применяли ее и в XIX в. и всегда пытались прикрывать ею свою двойную игру. В пользу такого соображения говорят некоторые факты: в переписке с Мансуром состояли сын казикумухского хана Хамутая[3], аварский Ума-хан, несколько раньше, перед кизлярским поражением, в войсках восставших был сын шамхала Тарковского Шабаз, а кизлярские жители 16 июля показывали, что в войсках имама «...в толпе есть чеченцы и горцы, владельцы казанышевской Казбулат Тишиев Баматов с двумястами человеками, хумтаркалинской мурза со ста человеками»[4]. Разумеется, ни владельцу Казанищенскому, ни мурзе Кумторкалинскому опасность разграбления их стад не грозила, в Дагестан имам не двигался. Тем более не могли действовать такие мотивы на завязавших переговоры с шейхом даргинских владельцев или племянника Уцмия[5]: Кайтаг был уже совсем далек от района действий имама. Все это достаточно определенно говорит о составе армии Мансура. Правда, ничего не известно о внутренней политике Мансура, но вряд ли в ней было что-нибудь, подтверждающее характеристику восстания как движения одной бедноты. Скорее можно предположить другое: попытка насадить в Чечне феодалов, предпринятая царизмом вместе с начинающимся колониальным закабалением чеченцев, вызвала восстание. Стремясь к наибольшему накоплению сил, Мансур блокировался с кабардинскими, кумыкскими и дагестанскими владетелями. А эти последние, рассчитывая получить в результате победы имама политическую независимость при сохранении в полном объеме возможностей эксплуатации своих «подвластных»,

[1] Письмо андреевских и аксаевских князей кизлярскому коменданту от 27 июля 1785 г. См.: Там же. С. 121.

[2] Перевод с речей посланного в Тарки окоченина татарина Валия Килякаева и о доезде его в дагестанские селения // ГАФКЭ. Гос. архив. Ф. 23. Д. 13. Ч. 10. Л. 364.

[3] *Сурхай-хан Хунбуктай. — В.Г.*

[4] Показания кизлярских жителей // Кизлярский комендантский архив. Св. 284. Между закладками А12 и А13.

[5] Перевод с письма, присланного от костиковского владельца и капитана Хамзы Алишева, полученного 20/VII-1785 г. // Там же. Св. 284. Закладка А17.

выступили против царизма, прикрываясь, впрочем, фиговым листком верноподданнических писем и недостоверных оправданий. Как развернулось бы движение в случае победы Мансура — судить трудно, но несомненно одно: ослабление царизма на Кавказе неминуемо вело и к ослаблению поддерживавшихся им феодалов, а следовательно, к возможности более успешных действий крестьянства против закрепощавших его «владельцев». События начала XIX в. показали, что дагестанские ханы не были в состоянии самостоятельно справиться с крестьянскими движениями.

Действия 2-й половины 1785 г.

В последних числах июля 1785 г. имам предпринял безрезультатную попытку овладеть Григориополисским редутом, одним из тех трех редутов, которые прикрывали сообщения Владикавказа с линией. Впрочем, попытка эта, видимо, не была серьезным предприятием, т.к. неуспех ее совершенно не отразился ни на авторитете Мансура в горах, ни на дальнейших его действиях. «После сего сражения большая часть кабардинцев взбунтовались, отложились от нас и явно стали делать в границах наших наглости и разбой»[1].

Отойдя от Григориополиса, имам вторично двинулся на Кизляр. На этот раз крепость была осаждена горцами, однако попытки штурмовать укрепленный форштадт были отбиты гарнизоном. Имаму пришлось снять осаду и отойти за Терек. Осенью 1785 г. имам собирает войска, но теперь кумыкские феодалы начинают отходить от движения. В связи с этим в документах появляются указания на начинающееся среди кумыкского крестьянства движение против своих князей: «...князья ни сами пристать [к имаму. — *Н.П.*] ни хотят, ни подвластным ни позволяют, однако ж черный народ намерение имеет точно выйти ис повиновения владельцев, князья ж и то де, говорят, буде паче чаяния кто самовольно на дерзость пустился, то по возвращении в Аксай не оставят ни одного, которого не убили»[2]. Но до активных выступлений кумыкских масс против князей дело, видимо, не дошло. В конце октября имам попытался перенести военные действия в Кабарду и направился туда с кумыкским и чеченским ополчением. Однако 2 ноября около Татартупа он наткнулся на большой специально собранный отряд под командой полковника Нагеля и атаковал его. После упорного боя Мансур был разбит и принужден бежать за Кубань. Движение было подавлено. Последние вспышки, связанные еще с именем Мансура, относятся уже к 1790 г., т.е. ко вре-

[1] Рапорт генерал-поручику П.С.Потемкину от астраханского губернатора Жукова от 2/IX-1785 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Л. 66, 66 об.

[2] Показания грузина Абрама Иванова 18 сентября 1785 г. // Кизлярский комендантский архив. Св. 284. Между закладками А29 и А30.

мени русско-турецкой войны. Шейх Мансур в это время находился в тесных сношениях с турками, которых пытался привлечь к делу борьбы горцев с царизмом. Турецкое правительство не упустило случая воспользоваться громадным авторитетом Мансура, последний превратился с этого момента в турецкого агента. Выработан был план совместного удара: турецкий главнокомандующий Батал-паша должен был, пройдя по закубанским землям, занять Кабарду и оттуда действовать против линии, в то время как Мансур с кумыками и чеченцами атаковал бы Кизляр. Мансуру удалось и на этот раз собрать за Сунжей значительное ополчение, но поражение Батал-паши разрушило все расчеты. Войска Мансура разошлись, а сам он вернулся за Кубань. Во время наступления Гудовича на Анапу шейх Мансур укрылся в этой крепости, а после взятия ее в 1791 г. попал в плен и был сослан в Шлиссельбург, где вскоре и умер[1].

3. ПОКОРЕНИЕ ДАГЕСТАНА

Присоединение Приморского Дагестана

В начале XIX в., обеспечив за собой основные опорные пункты, определяющие командование Каспийским торговым путем — Тарки, Дербент и Баку, Россия приступает к более прочному овладению Дагестаном[2]. Но и здесь борьба с дагестанскими феодалами все еще является частью борьбы с Ираном. Как мы увидим позже, отголоски этой борьбы чувствуются даже в начале тридцатых годов,

---

[1] *Подробнее о шейхе Мансуре см.: Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С.3 — 287; Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII в.: (Тез. докл.). Грозный, 1992; Шейх Мансур. Махачкала, 1994 (вступ. ст., прим. и общ. ред. проф. В.Г.Гаджиева). — В.Г.*

[2] *В начале XIX в. к Александру I обратился Ума-хан Аварский. Была достигнута договоренность о принятии Аварии в подданство России. Однако в связи со смертью владетеля договор об этом не был подписан. Преемник его продолжил переговоры. Получив 3 октября 1802 г. согласие императора, Султан-Ахмед-хан в начале 1803 г. в своей резиденции в торжественной обстановке «в собрании многих знаменитых подвластных дал клятву на подданство» России, принял и утвердил подписью и печатью хана текст присяги. Согласно условиям договора, «Султан-Ахмед-хан обязывался быть в мире с соседними ханами и горскими владениями, подданными России, быть в союзе и дружбе»; в случае войны с Ираном — оказывать возможную помощь государю; охранять границы Аварии и Грузии; предоставлять российским купцам равные права с аварцами «как людям одного государя». (Документ опубликован в кн.: Русско-дагестанские отношения в XVIII — конце XIX вв. М.: Наука, 1988. С. 263—265). В 1806 г. в разгар русско-иранской войны царские войска заняли Дербент. В апреле 1807 г. повторную присягу на верность России приняли чеченские общества. В 1810 г. подданство России принял Аслан-хан Кюринский и самурские союзы сельских общин. — В.Г.*

в эпоху восстания первого имама Чечни и Дагестана, Гази-Мухаммеда. Ко второй половине десятых годов царизм мог быть уверен в благоприятной политической линии одного дагестанского владельца — шамхала Тарковского. Да и о том Ермолов писал барону Вреде: «Вашему превосходительству полезно знать, что по недеятельности, по чрезмерной скупости и, наконец, по неуверенности в подвластных своих, недавно против него возмутившихся, он сам собой ни для собственных выгод, ни для нас ничего не предпримет»[1]. А ведь шамхала русское правительство прямо подкупало. Ртищев писал в 1813 г., что шамхал «ежегодно получает от казны его императорского величества шесть тысяч рублей серебром для приласкания и удержания в спокойствии других горских народов, которые, однако ж, никогда его не слушали и не слушают в подобных случаях, и сумма, отпускаемая, как известно, остается всегда в пользу его»[2]. Между тем, владычество царизма на Восточном Кавказе находилось не в блестящем состоянии. Иран употреблял все усилия, чтобы получить обратно утерянные в первые годы века вассальные ханства и Грузию, он поддерживал скрывшихся после неудачной попытки переворота в Дагестан грузинских царевичей, он, наконец, вел переговоры с дагестанскими «владельцами», снабжая их деньгами. Россия, продолжая Иранскую войну, ведет наступление в Дагестане. Главнокомандующий на Кавказе генерал А.П.Ермолов заменяет колеблющихся или настроенных в пользу иранцев феодалов феодалами русской ориентации. У последних берутся подписки, с ними заключаются особые договоры, им предоставляют льготы и т.д. Таков, например, Аслан-хан Кюринский. Его возвели на кюринский престол, отделив эту область от Казикумуха вследствие ненадежности казикумухского хана, проявившейся в открытом восстании. Аслан-хан, пьяница и мот, по характеристике того же Ермолова, оказался, однако, верным прислужником, делавшим все для полного уничтожения независимости Дагестана. И в награду за это Ермолов добивается сокращения взноса Кюринского ханства в российскую казну. В первый раз Ермолов доносит министру финансов Д.А.Гурьеву, что налога, определенного для Кюринского ханства в размере 3000 червонцев и 3000 четвертей хлеба, жители, число которых не превышает 5000 семей, выплатить не могут, и просит изменить взнос, взыскивать впредь 5000 четвертей хлеба и 1000 червонцев[3]. Это давало воз-

[1] Предписание А.П.Ермолова барону Вреде от 4/III-1819 г. № 13 // АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 7.

[2] Описание без карты провинциям в Дагестане, по Каспийскому морю лежащим: Дербентской, Бакинской, Кубинской и Куринской. Ведомость Кюринскому и другим по Дагестану владениям // ЦВИА ВУА. Д. 14779. Л. 3.

[3] Отношение А.П.Ермолова гр. Д.А.Гурьеву от 5/III-1818 г. № 40 // АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 35—36. Изменение взноса объявлено Аслан-хану 23/VIII-1818 г. См.: Там же. С. 37.

можность Аслан-хану вести свое собственное накопление в золоте. Через год Ермолов добивается уже снижения взноса, но это последнее идет, разумеется, целиком в карман Аслан-хана, так как уменьшение взноса в казну вовсе не означало облегчения для жителей, а только оставляло феодалу больший процент награбленного им. Но Аслан-хан получал подобные милости за особые заслуги, за точное выполнение приказаний русского командования. В той напряженной обстановке, в которой находился в это время царизм в Дагестане, верных владетелей старались привязывать к себе милостями. Интересно с этой точки зрения обратить внимание на стиль ермоловских писем. В то время как с другими владельцами Ермолов грубо заносчив и не стесняется даже выражениями нецензурными, в переписке с Аслан-ханом он держится совершенно иного тона. Впрочем, на тон русских дипломатов в отношениях с восточными и, особенно, дагестанскими владельцами обратила внимание еще Екатерина II: «Феталихан[1], — пишет, например, Бутков, — огорчен еще был жестокими, уничижительными и запальчивыми отзывами Медема... хотя, судя по справедливости, сей хан того заслуживал, но Медему сие дано от двора на примечание и повелено в переписке его с заграничными начальниками держаться впредь достойной умеренности и, хотя не скрывать от них правды, но персональной укоризны и презрения не оказывать, ибо они привычны к вежливым угрожениям по употреблению персидскому»[2]. Этот последний принцип применялся Ермоловым лишь в исключительных обстоятельствах, а таким и была переписка с Аслан-ханом, одним из «нужных людей» и верных прислужников.

Мехтула

Брожение среди дагестанских феодалов и сношения их с Ираном закончились в 1818 г. образованием союза из ханств Мехтулинского, Аварского и Казикумухского для свержения царской власти в Дагестане. Шамхал и хан Кюринский к союзу не примкнули, так как были уже слишком тесно связаны с Россией. Впрочем, и ханы-союзники, по-видимому, были настроены не слишком решительно. Во всяком случае, когда союзники выступили и Ермолов прежде всего обрушился на ханство Мехтулинское, остальные ханы промолчали, не поддержали союзника. Последний был разгромлен, и, разумеется, лишен ханства. На его место посажен был верный вассал Российской империи. Не рискуя теперь пока на новое открытое выступление, другие союзники-ханы, однако, продолжают деятельные сношения с Ираном и, по-видимому, не оставляют мысли о борьбе с Россией. Ермолов, по соб-

[1] Дербентский.

[2] *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 31.

ственному признанию, полагал, что сын шаха Аббас Мирза «посредством ханов наших пересылает в Дагестан деньги к изменнику хану и укрывающемуся издавна беглецу дербентскому Ших-Али-хану»[1]. Но это уже только немногие из дагестанских владельцев. Большинство теперь связало себя с царизмом, и лишь иногда вскрываются тайные сношения того или иного хана с персидской партией. После мехтулинского погрома царизм мог считать, в основном, Дагестан закрепленным за собой.

Акуша

Несколько сложнее обстояло дело с богатыми торговыми аулами Даргинского союза, особенно с Акушой. В 1819 г. Акуша открыто выступила против царского владычества, что повлекло за собой новый, довольно успешно проведенный поход Ермолова, поход, сопровождавшийся такими жестокостями, что долгое время спустя именем Ермолова в Акуше матери пугали детей. Но, следуя общей политике царизма укреплять в покоренных странах свое владычество, ставя себе на службу верхушечные, эксплуататорские слои, Ермолов и здесь пытается найти общий язык с торговой верхушкой и примирить ее с новым положением вещей некоторыми торговыми льготами. В результате появляется известное воззвание: «Всем начальствующим в областях российских поручено верноподданному Даргинскому обществу давать повсюду свободный проезд в торговле, давать защиту и всякое пособие без различия с самими россиянами. Таким образом почувствуют они счастье быть подданными великого русского императора»[2]. Воззвание имело, разумеется, в основном значение агитационное, и никто всерьез не думал ставить на одну доску акушинских торговцев с «россиянами», но воззвание это свидетельствует о стремлении царизма опереться на зажиточные группы горцев там, где не было феодалов. Насколько такая политика была действенна, насколько акушинские торговцы (а воззвание имеет в виду главным образом их, ибо рядовой акушинец вовсе не был близко заинтересован во всяких торговых льготах) пошли на роль опоры царского владычества в Даргинском союзе, должно было показать будущее. Пока же погром Акуши ликвидировал, хотя бы и временно, сопротивление одного из наиболее сильных врагов.

Казикумух

Захват приморской части Дагестана теперь можно было считать в основном законченным, так как Кайтаг и Табасарань были

[1] Рапорт А.П.Ермолова кн. Волконскому от 27/V-1817 г. // АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 9.

[2] Предписание А.П.Ермолова барону Вреде от 4/III-1819 г. № 13. // Там же. С. 8.

подчинены царизму несколько раньше, непосредственно перед походом на Акушу. Теперь ханством, еще продолжавшим прежнюю проиранскую политику, оставался один только Казикумух. Но здесь завоевание значительно облегчалось для царизма той экономической зависимостью, в которой Казикумух находился в отношении ханства Кюринского. Это совершенно отчетливо представлял себе Ермолов еще в 1819 г.: «Народ Казикумухский, — писал он, — не может обойтись без хлеба Кюринского ханства»[1]. И отделение последнего от Казикумуха и передача его в руки Аслан-хана, верного прислужника царизма, обеспечивали возможность постоянного давления на Казикумух. В результате, когда Ермолов счел необходимым предпринять поход против казикумухского хана Сурхая, население не поддержало своего феодала. В 1820 г. Сурхай потерпел поражение и был свергнут. Особый интерес представляют дальнейшие действия генерала Мадатова, являвшегося непосредственным начальником экспедиции в Казикумух. Царизм не пошел на прямое присоединение ханства к империи с назначением туда русского начальства: он все еще строго проводит свою политику управления подчиненными народами через местных феодалов. Последние ближе были связаны с народными массами, легче могли учесть обстановку и необходимы были как группа, на которую царизм мог бы опираться в своем владычестве. И Мадатов тщательно сохраняет внешнюю форму провозглашения царского ставленника Аслан-хана Кюринского ханом Казикумухским. Мадатов даже «не счел приличным присутствовать при церемонии и оставался в своей палатке, показывая тем, что все должно происходить по обычаям страны и доброму желанию народа»[2]. Правда, это доброе желание стимулировалось расположенным в столице ханства сильным русским отрядом, только что разбившим казикумухские войска, но форма соблюдена была полностью, и Аслан-хан получил в дополнение к своему Кюринскому ханству еще и Казикумухское, «по обычаям страны».

Восстание в шамхальстве в 1823 г.

В 1820 г. А.П.Ермолов подчеркивал: «Нет более противящихся нам народов в Дагестане»[3]. И, действительно, подчинение владетелей стало свершившимся фактом, и Дагестан теперь составлен был из ханств — вассалов России. Что же касается народов, узденьской

[1] Предписание А.П.Ермолова барону Вреде от 4/III-1819 г. № 13 // АКАК. 1875. Т.6, ч. 2. С. 8.

[2] Утверждение русского владычества на Кавказе / Сост. Потто В.А., Аносов Н.С., Томкеев В.И. Тифлис, 1904. Т. 3, ч. 1. С. 489.

[3] Приказ по Отдельному Кавказскому корпусу от 22/VII-1820 г. // *Ермолов А.П.* Записки А.П.Ермолова. М., 1868. Т. 2. Прил. С. 401.

массы тех же самых дагестанских ханств и «вольных» обществ, то ее слово еще не было сказано, хотя некоторые признаки, позволяющие судить о настроениях масс в начале двадцатых годов, уже были заметны. Признаки эти появляются первыми в шамхальстве. Здесь царизм создавал себе опорный пункт для владычества над всем северным Дагестаном. В 1821 г. построена тут крепость Бурная *(близ современного гор. Махачкалы. — В.Г.)*, и поддержка шамхала являлась для царизма делом первостепенной важности.

Между тем, в шамхальстве давно шли крестьянские восстания и шамхал недаром был верен царизму, он не мог управлять своими подданными иначе, чем силой царских штыков. Но и крестьяне шамхальства не были одиноки. В Дагестане нередко «вольные» общества, которым удалось к началу XIX в. освободиться из-под власти ханов, оказывали деятельную поддержку крестьянам ханства в их борьбе со своими угнетателями. Шамхальское крестьянство нашло помощь против своего владельца у соседнего общества Койсубу, которое и само не так давно освободилось от зависимости аварским ханам. Поэтому на протяжении всей первой половины XIX в. койсубулинцы пользовались среди дагестанских феодалов и царских офицеров славой одного из наиболее свободолюбивых обществ. Один из офицеров Генерального штаба, Мочульский, в сороковых годах давал им такую характеристику: «Край тот самый ненадежный и упорный в защите»[1], или: «...они постоянно помогали всем возмутителям в Дагестане и без всякого сомнения самое беспокойное и опасное в оном общество»[2].

События развернулись следующим образом: в 1823 г. претендент на шамхальское звание, Амалат-бек, убил одного из высших царских чиновников в Дагестане, полковника Верховского. Стоявший за кулисами этого убийства Ахмед-хан Аварский, стремившийся провозгласить Амалата шамхалом, тут же начал готовить поход против шамхальства. Нелады между феодалами и удар, нанесенный авторитету царизма убийством Верховского, послужили поводом к вспышке крестьянского восстания. «Шамхальцы, ненавидевшие своего владельца, заволновались, и два селения Каранай и Эрпели, ближайшие к койсубулинскому обществу, первые подняли знамя восстания»[3].

А в Тарках «возмущенные жители, недовольные строгостями и угрозами нашего пристава, убили его и двух казаков. Тогда возмущение сделалось всеобщим, тысяч до 3 подступило к крепости Таркам. Рабочие и солдаты, схватившие ружья, вышли навстречу

[1] *Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане. Ч. 2. Топографическая (рукопись) // ЦВИА ВУА. Д. 6528. Л. 129.

[2] Там же.

[3] Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3, ч. 1. С. 511 (со ссылкой на архив штаба КВО. Д. 1823 г. № 24. Донесение Краббе от 1/VIII-1823 г. № 22).

толпе и выдержали их первый натиск»[1]. Только приезд Ермолова прекратил волнения в ауле, находившемся под непосредственной угрозой со стороны царских войск.

Вслед за шамхальцами поднялись и мехтулинцы, «которые отказались высылать рабочих и захватили в плен, изранивши сперва, своего пристава и переводчика... Мещерякова». А когда пленных пришлось выпустить, «пристав Батырев и переводчик его, Митрофанов, были убиты из 30 ружей скрывавшимися в засаде мехтулинцами». И автор, сообщивший это, прибавляет: «Я слышал, что большие злоупотребления и корыстолюбие озлобили народ против него»[2].

Смерть Ахмед-хана помешала совместному выступлению двух феодалов и сорвала план провозглашения Амалат-бека шамхалом, но крестьянское движение не затихло. Тогда шамхал прибег за помощью к русскому командованию. Ермолов ее оказал, хотя и с гримасой неудовольствия по адресу властителя, который не умеет сам справиться с собственным крестьянством. «Жаль трудов храбрых войск наших в пользу Шамхала, который народом управлять не умеет»,[3] — писал Ермолов посланному на усмирение восстания генералу фон Краббе. Против Эрпели и Караная снаряжена была экспедиция, наткнувшаяся на упорное сопротивление. И царскому командованию пришлось констатировать, что восставшие подданные шамхала не одиноки, что соседние вольные общества внимательно следят за их борьбой с шамхалом. Вот что писал Ермолов Грекову: «Вашему превосходительству известно, что некоторые из деревень Шамхала, лежащие близко к койсубулинцам, возмутились. Генерал-майор фон Краббе донес мне, что, наказывая дерзость их и неповиновение, должен был истребить две деревни. При сем случае койсубулинцы приходили во множестве на помощь взбунтовавшимся и дрались с довольной упорностью»[4]. Впрочем, фон Краббе несомненно преувеличил, донося, что разрушены «две деревни» и что «мятежники истреблены». Каранай действительно был взят и разрушен, но под Эрпели бравый генерал потерпел жестокое поражение и должен был поспешно отступить. Горцы преследовали разбитого противника до самого Кяфир Кумыка. Ликвидировать эрпелинское восстание Ермолову удалось лишь позднее.

Из восстания 1823 г. царское командование сделало определенные выводы: наличие «вольного» общества в непосредственной близости к шамхальству представляет собой угрозу и для сущест-

---

[1] Письмо Радожицкого Свиньину от 11/X-1823 // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских. 1874. Кн. 2. С. 120.

[2] Записки Н.Н.Муравьева // РА. 1888. Кн. 2 (июль). С. 330.

[3] От 12/VIII-1823 г.// АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 17.

[4] Предписание А.П.Ермолова Грекову от 12/VIII-1823 г. // Там же. С. 18.

вования ханства, и для свободной колониальной эксплуатации. Наилучшим выходом казалось установление власти шамхала в Койсубу. И Ермолов избирает эту линию поведения: «...народ койсубулинский, — писал он Бековичу Черкасскому, — хоть недавно и дал аманатов, но по грубому его невежеству, ощутительному в самом небрежении к собственной пользе, по привычке к своевольству, питаемому безналичием, легко может быть возбужден происками людей неблагонамеренных... Наблюдать, дабы Шамхал Тарковский пособием преданных ему в сем обществе людей старался достигнуть большего на оное влияние, к чему склонить его должна его собственная польза»[1]. Таким образом, царское командование на Кавказе рассчитывало вновь привести под ярмо феодалов освободившиеся от них «вольные» общества.

Восстание 1823 г. представляет для нас значительный интерес. Оно показывает, что к двадцатым годам в дагестанских ханствах скопилось много горючего материала. Фраза о том, что шамхальцы ненавидят своего владельца, брошена была царским историком не случайно. В той же мере это можно было сказать и о мехтулинцах, и об аварцах, и о крестьянах других дагестанских ханств. Вмешательство царизма в борьбу крестьянства со своими феодалами, поддержка этих последних, наряду с колониальной политикой, неминуемо приводили к подготовке большого крестьянского восстания. И в этом выступлении примут участие не одни крестьяне ханств.

Союз шамхальцев и, в частности, эрпелинцев и каранайцев с койсубулинцами — предвестник их совместных выступлений и в будущем, во время больших восстаний начала тридцатых и начала сороковых годов, времени расцвета мюридизма. В 1823 г. мы ничего еще не знаем о религиозной оболочке движения. Вероятнее всего, она отсутствует. Но основное содержание выступления — восстание узденей против феодалов и, одновременно, против царизма — уже налицо. И нет сомнений в том, что, демонстрируя свой союз с феодалами на конкретном примере эрпелинского восстания 1823 г., царизм укреплял растущее в массах недовольство и владетелями, и стоящим за их спиной самодержавием.

Итоги

Таким образом, к концу первой четверти XIX в. царизм закрепляет в Дагестане союз с феодалами на основе превращения последних в послушных вассалов императора всероссийского, но с поддержкой, которую царизм оказывает им против всякого

[1] Предписание А.П.Ермолова полковнику князю Ф.А.Бековичу Черкасскому от 5/II-1824 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6164. Л. 22 об.

рода выступлений «подвластных» крестьян, с утверждением закрепощения горской крестьянской массы. В сильном и влиятельном Даргинском союзе опорой царизма оказывается верхушка даргинского аула, главным образом, торговцы, хотя последние и не могут считаться вполне и окончательно надежными ввиду ряда противоречий, разделявших их интересы от интересов царизма. Не вполне надежны, впрочем, и феодалы. В конце первой четверти века они, правда, гораздо более послушны, чем в начале ее, но все же остатки иранской ориентации и мечты о полной свободе действий у ряда феодалов еще остаются не изжитыми и возможность попыток использовать массовое движение все еще сохраняется. Но с падением сопротивления феодалов, с укреплением власти России и союза дагестанских феодалов с самодержавием начинает подниматься и оформляться массовое крестьянское движение, которое выступает против как феодального, так и национально-колониального угнетения. Пока мы находим лишь отдельные, но уже грозные симптомы надвигающихся событий: выступление шамхальского крестьянства, поддержанное выступлением крестьянства «вольных» обществ. И первая же попытка дагестанских крестьян дать отпор эксплуатации дагестанского же феодала натыкается на штыки, посланные сюда русским царизмом. Это коренным образом меняет общую картину. До сего времени массы в Дагестане мало вмешивались в ханско-царские взаимоотношения: «Достаточно было, — пишет один из царских военных историков, — одного прибытия русских войск в 1796 г., чтобы большая часть его [Дагестана. — *Н.П.*] владетелей спешила изъявить свою покорность. Многие из них впоследствии не оправдали доверенности к ним русского правительства и за это лишились своих владений; места их или совершенно упразднились, как, например, в Кюринском, Кубинском, Бакинском и Дербентском ханствах и Кайтахских владениях, или замещались другими, более нам преданными, как, например, в Аварии и в Казикумухе. Свержение ханов не производило никакого потрясения в народе: напротив, народ охотно отделывался от деспотов, его угнетающих, к которым не мог питать ни малейшего сочувствия»[1]. С того же момента, когда крестьянская масса начинает ощущать всю тяжесть национально-колониального угнетения и когда одновременно оказалось, что царизм помогает и местным феодалам эксплуатировать крестьянство, разрозненная и быстро прекратившаяся борьба феодалов против царского завоевания сменяется широким массовым движением, которое оказалось для царского владычества в Дагестане много серьезнее, чем предшествующая борьба с ханами.

[1] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 1. С. 120.

4. ВОССТАНИЕ БЕЙ-БУЛАТА

Чечня в 1810-х гг.

В десятых годах XIX в. Чечня испытывала не меньший нажим со стороны России, чем Дагестан. После подавления движения шейха Мансура царизм не стал больше настаивать на возвращении феодалов в чеченские аулы. Изгнанные князья остались, как были поселены, на правом берегу Терека против казачьих станиц, а в отдельных случаях им даже предоставлены были земли по левому берегу. Но это положение в конечном счете мало устраивало русское командование. С одной стороны, манили плодородные земли по Сунже, оставшиеся в полном распоряжении чеченцев, с другой же — необходимость полного подчинения чеченцев диктовалась военным положением в Закавказье, особенно в конце десятых годов, когда уже чувствовались будущие иранская и турецкая войны. И вот у генерала Ермолова возникает мысль о захвате сунженских земель. Он выразил ее в рапорте государю со своей обычной прямотой следующим образом: «Если в нынешнем 1818 г. чеченцы... не воспрепятствуют устроить одно укрепление на Сунже в месте для нас опаснейшем [речь идет о крепости Грозной. — *Н.П.*] или, если возможно будет успеть учредить два укрепления, то в будущем 1819 году, приведя их к окончанию, живущим между Тереком и Сунжею злодеям, мирными именующимися, предложу я правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные в.и.в., а не союзники, как они до сего времени о том мечтают. Если по надлежащему будут они повиноваться, то назначу по числу их нужное количество земли, разделив остальную между стесненными казаками и караногайцами, если же нет, то предложу им удалиться и присоединиться к прочим разбойникам, от которых различествуют они одним только именем, и в сем случае все земли останутся в распоряжении нашем»[1]. Цели основания укреплений так называемой Сунженской линии очерчены здесь Ермоловым с четкостью, не оставляющей никаких сомнений. В конце десятых годов начинается большое наступление на чеченские земли, и, разумеется, чеченцы не могли не почувствовать смысла постройки сунженских крепостей и укреплений. И в самом деле, в 1817 г. начинается постройка

[1] Всеподданнейший рапорт А.П.Ермолова от 14/V-1818 г. // АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 447—448. Мысль о Сунженской линии возникла у Ермолова несколько раньше, в 1817 г., когда он писал: «Надобно занять р.Сунжу и по течению ее устроить крепости: тогда чеченцы стеснены будут в своих горах, лишатся земли, удобной для возделывания и пастбищных мест, на которых во все зимнее время устраивают они стада свои от жестокого в горах климата» (Всеподданнейший рапорт А.П.Ермолова от ноября 1817 г. // Там же. С. 498). Кавказская линия играла особую роль и в окончательном покорении горцев, и в использовании их земель.

укреплений Сунженской линии, в 1818 г. строится крепость Грозная, непосредственно угрожающая Боль-шой Чечне и ведущему к ней Ханкальскому ущелью, в 1819 г. закладывается господствующая на Кумыкской плоскости крепость Внезапная (близ сел. Эндери). Задачей последней, как и других укреплений кумыкской плоскости, было оторвать кумык от чеченцев, поставить первых в прямую и непосредственную за-висимость от русских войск и тем гарантировать от повторения со-бытий 1785 г.

Касаясь общей характеристики ситуации на левом фланге Кавказской линии, главнокомандующий обратил внимание на чеченокумыкские взаимоотношения: «Аксаевцы узами родства и не менее участием в злонамерениях тесно связаны с чеченцами и им, как сильнейшим, покорствуют. Андреевцы, обращающиеся в торговле, ознакомясь со многими удобствами в жизни, удерживают с чеченцами связи для выгоды торга, но будучи богаты и избыточествуя изделиями многих родов, воинственные свойства свои, очевидно, переменяют на свойства кроткие. Костюковцы, менее прочих сильный народ, не столько склонны к торгу, неизлишнее количество земли своей отдавая под пастьбу скота чеченцам, получают от них большие выгоды и потому сохраняют с ними связи»[1]. Перед нами совершенно ясная картина. Наиболее сильная аульская верхушка у кумык андреевских и костюковских: у первых — ввиду значительного развития торговли, у вторых — благодаря эксплуатации чеченцев путем сдачи пастбищ. Это дает возможность Ермолову опереться на зажиточные слои аула, помимо даже опоры на кумыкских феодалов, этих старинных верных царских слуг. Только аксаевцы оказываются менее надежны, многие из них участвуют в тех вспышках, которыми Чечня отвечает на колониальную политику царизма, аульская верхушка здесь слабее, и крестьянской массы нужно опасаться больше.

Поэтому на Аксай все время устремлено внимание Ермолова, который пользуется пограничными спорами аксаевцев с ближайшими их чеченскими соседями, качкалыковцами, и решает одним ударом выиграть положение на Кумыкской плоскости: «Но когда я увидел, — пишет он, — что Аксаевские владения сменяемы были качкалыками, коим воспомоществовали чеченцы; когда сел. Андрей, богатое и одно торговое в здешней стороне, опасалось власти их и разорения... я... нашелся в необходимости устроить укрепление в Амир-Аджи-Юрте для верной чрез Терек переправы, близ Аксая, для освобождения его от качкалыков, которых тотчас приказал я выгнать из оного»[2]. Наличие укреплений давало царизму возможность непосредственного давления на ку-

[1] Всеподданнейший рапорт А.П.Ермолова от 14/V-1818 г. // АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 447.

[2] Всеподданнейший рапорт А.П.Ермолова от 20/V-1826 г. //Там же. С. 512.

мыкских князей и на кумыкскую аульскую верхушку. Последняя, впрочем, еще колебалась, и особенно полагаться на нее нельзя было. Но, в общем, царизм и Сунженской линией, и кумыкскими укреплениями становился в Чечне твердой ногой.

Брожение в 1821—1822 гг.

Все это не могло не оказывать известного влияния на местное население. И, начиная с конца 1821 г., в Чечне идет глухое брожение. Уже в это время заметна связь будущих руководителей чеченского движения с Дагестаном. Они долго живут в Дагестане и привозят оттуда в Чечню первые, неясные пока идеи того, что через несколько лет получит имя мюридизма. Пока мюридистская концепция в ее применении к кавказским условиям еще не выработалась, но, очевидно, она начинает уже появляться, хотя влияние идей мюридизма на чеченское восстание 1825 г. не было решающим, оно не было способно пока придать восстанию достаточно ярко выраженную религиозную окраску. Правда, официальная переписка говорит как будто бы о довольно крупной роли религиозного момента в подготовке восстания. Так, генерал Греков пишет: «Разбойники, употребив все обманы для народа уверениями в помощи дворов турецкого и персидского в продолжение прошедших лет, и видя, что им уже не верят, вздумали прибегнуть к религии»[1]. Это заявление основывается на таких фактах, как провозглашение имама, объявление священной войны и т.п. Поэтому и необходимо признать, что магометанство и газават играют в 1825 г. некоторую роль в идеологии восставших, но того религиозного оформления, которым отличаются позднейшие движения, здесь нет совершенно.

Доказательством тут может служить место из другого донесения того же Грекова: «Многие сами говорят, что пророк[2] — мошенник, руководимый Бей-Булатом, но всеобщим стремлением и желанием вольности... увлекаются, и одни верят от души, другие притворно, но не смеют противиться многочисленной партии верующих»[3]. Это последнее замечание Грекова чрезвычайно ценно для нас. Ни в одном, пожалуй, документе эпохи истинные причины восстаний не выявлены так ярко, как в приведенной цитате. Мусульманство, шариат, чистота веры — все это было оболочкой, под которой скрывалось «стремление и желание вольности», вольности от колониальной эксплуатации и вольности от местных феодалов.

---

[1] Донесение Грекова Лисаневичу. Цит. по ст.: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1887. Т. 10. С. 71.

[2] Магома Майортупский. О нем см. ниже.

[3] Донесение Грекова Лисаневичу. Цит. по ст.: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... Т. 10. С. 91.

Царские власти обратили внимание на усиление брожения в Чечне. Сделана была попытка арестовать наиболее видных представителей руководства, агитаторов и вождей, пытались подкупить известного в Чечне своим влиянием и враждебностью царизму Бей-Булата[1]. Было, наконец, пущено в ход и обычное «спасительное средство»: в Чечню было направлено несколько экспедиций, разоривших «некоторые» аулы. Но все эти меры только усиливали брожение, и вскоре же царизму пришлось столкнуться с развертыванием самого настоящего восстания.

Восстание 1825 г.

С осени 1824 г. брожение перешло в подготовку восстания. Зимой вернулся в Чечню из Дагестана Бей-Булат в сопровождении муллы майортупского Магомы[2]. Началась спешная организация сил. 29 мая 1825 г. в Майортупе состоялось собрание всех руководителей и многих участников движения. Интересно отметить, что в числе присутствующих мы находим гостей из Дагестана, в частности, муллу Кодухского и Гаджи Казикумухского. Относительно последнего Н.А.Волконским высказывалось даже не подтвержденное предположение, что этим Гаджи был известный вождь мюридизма Курали Магома[3] (о нем см. гл. III). Приходится сожалеть, что в официальных источниках имя этого Гаджи более не упоминается. Оба дагестанца выступали с речами, доказывая, «что мулла маюртупский, действительно, пророк, и бог избрал его для освобождения от русских»[4]. Речи произвели на присутствовавших большое впечатление: «То и дело слышались в толпе одобрительные возгласы и глубокие вздохи»[5]. Собрание приняло ряд решений, сводившихся в основном к организационным моментам, и избрало «десятских» (тургаков) в Майортупе и у мичиковцев. Десятские «обязаны были исполнять не только разные военные требования... но также наблюдать за нравственностью народа, преследовать кражи и умиротворять враждующих — потому что раздор и несогласие отдельных лиц могли бы влиять на общее дело»[6]. Очевидно, руководство движением делало пер-

[1] Бей-Булат «имел нередко решающий голос на общественных сходках, и тогда его считали поборником народных интересов» (Там же. С. 44).

[2] Н.Н.Муравьев 14 августа 1825 г. записывал в своем дневнике: «Святой сей или пророк явился еще в прошедшем году, как я слышал от других, и нынешнее происшествие давно уже готовилось» (*Муравьев Н.Н.* Записки Н.Н.Муравьева // РА. 1888. Кн. 3, нояб. С. 390).

[3] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. Т. 10. С. 75.

[4] Там же. С. 78.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 79—80.

вые попытки установить свою администрацию: факт, характерный для всей дальнейшей истории чеченских восстаний.

На более узком совещании решено было начать восстание. Незадолго до этого Магома провозглашен был вождем священной войны, имамом. Но фактически во главе восстания стоял Бей-Булат. Этот факт говорит о сравнительной слабости мюридистских, да и вообще магометанских идей в Чечне. На первом плане в движении — не мулла, как это всегда бывало позднее, а светский вождь. Авторитет Магомы Майортупского совершенно стушевывается перед авторитетом Бей-Булата. Основные лозунги восстания сохраняют еще чисто светский характер. Вот одно из основных чеченских требований в восстании 1825 г., оно передано нам все той же официальной царской перепиской: «Еще в прошедшем [1825-м. — *Н.П.*] году мятежные чеченцы требовали, чтобы оставлена была р.Сунжа и уничтожена крепость Грозная»[1]. В свете рапортов Ермолова 1817 и 1818 гг. значение этого требования понятно. Чеченцы пытались приостановить царское наступление, сопровождаемое экспроприацией земель, и отбросить царские войска назад на Терек. Вокруг этого лозунга Бей-Булату удалось организовать довольно значительные силы, причем к чеченцам примкнули даже западные их соседи: ингуши и карабулаки. Командовавший здесь генерал Греков предпринял ряд экспедиций в Чечню и к карабулакам, истреблял все на своем пути и этими мерами добился выражения покорности со стороны ближайших аулов. Но восстание уже готово было разразиться, и карательные экспедиции только ускорили его.

Амир-Аджи-Юрт и Герзель-Аул

Восстание охватывает не только Чечню, оно перебрасывается и на Кумыкскую плоскость. Ермолов вовремя позаботился об укреплении плоскости и смог противопоставить восставшим целую укрепленную линию. В мае 1825 г. Бей-Булат организовал значительный отряд, в июне двинулся к Грозной. Направление это очень показательно, оно говорит об актуальности выдвинутого восстанием лозунга — оттеснения границы царской России обратно к Тереку. Выступившие было навстречу Бей-Булату царские войска не рискнули принять бой и вернулись обратно в крепость. Бей-Булат использовал удобный момент и атаковал ряд небольших укреплений кумыкской плоскости. Первое же из них, Амир-Аджи-Юрт, то самое, которое, по мысли Ермолова, прикрывало переправу через Терек и наблюдало за кумыками плоскости, было взято восставшими. Это произвело громадное впечатление: до сих пор горцы еще не брали русских крепостей. По всей линии распространилась тревога, спешно собирались войска. Между тем

[1] Всеподданнейший рапорт А.П.Ермолова от 20/V-1826 г. // АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 512.

Бей-Булат осаждал уже второе укрепление, Герзель-Аул, и оно было накануне падения, когда явившийся сюда с линии отряд освободил крепость и разбил восставших.

Попытка расправиться с восставшими кумыками после освобождения Герзель-Аула привела, однако, к новой вспышке в стенах самой крепости. Арестованные, но не обезоруженные еще кумыки убили двух генералов, руководивших расправой, Грекова и Лисаневича. В результате — страшная резня, во время которой убивали всех находившихся в крепости горцев, без разбора. Это обстоятельство повлекло за собой почти поголовное восстание кумыков. «Большая часть аксаевцев, пылая мщением за гибель своих людей, снова бежала в леса и оттуда послала гонцов к Бей-Булату просить помощи»[1]. Ни поражение Бей-Булата, ни резня в Герзель-Ауле не могли остановить разливавшееся широкой волной восстание. Одновременно с Чечней развертывалось восстание и в Кабарде. Там оно руководилось группой князей, тяготевших к Турции, и не носило такого массового характера, как у чеченцев. Но уже самый факт распространения его на весь почти Восточный и Центральный Кавказ пошатнул положение русского командования. Ермолов бросил все силы, бывшие в его распоряжении, на подавление восстания. Но мы не будем останавливаться на кабардинских экспедициях этого времени.

В июле 1825 г. в среде восставших намечаются разногласия. На совещании руководителей движения в Аксае «влиятельные муллы» (очевидно, чеченцы) отказали Бей-Булату в дальнейшей поддержке. Произошло это следующим образом: часть аксайцев выразила желание подчиниться царским войскам. Бей-Булат вызвал представителей Аксая на совещание с муллами — руководителями движения. «Сделав им массу упреков и угроз за их вероломство, он в заключение выразил собранию свое мнение, чтобы конфисковать в пользу скопища [т.е. восставших горцев. — *Н.П.*] все имущество жителей, скрывавшихся до сих пор вне своих жилищ. К удивлению его, муллы на это не согласились и резко протестовали против такого бессмысленного решения, направленного не к сближению, а к разъединению с народом. Спор был завзятый, шумный, муллы, исподволь поддерживаемые даже и Магометом Маюртупским, одержали верх. Тогда взбешенный Бей-Булат перессорился с ними, выбранил их, бросил и сам уехал на Мичик»[2]. Очевидно, здесь имела место попытка конфисковать имущество у кумыкской аульской верхушки, занявшей примири-

[1] Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3, ч. 1. С. 339.

[2] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. Т.10. С. 126 со ссылкой на донесения пристава Филатова Ермолову от 23 и 27 июля 1825 г. № 237 и 240. Ср. также: Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3, ч. 1. С. 340 (со ссылкой на архив штаба КВО. Д. 1825 г. № 156, те же донесения).

тельную позицию по отношению к царизму. Представители этой верхушки составляли настолько значительную силу в руководстве движением, что Бей-Булат остался в меньшинстве. Аксайское совещание показывает, что уже в середине 1825 г. в движении появляется трещина — аульская верхушка начинает отходить от восстания.

Это обстоятельство не замедлил использовать Ермолов. В прокламации, отправленной им кумыкам, он пугает торговцев: «Узнал я, что аксаевские изменники приглашают мятежных горцев итти в Андреево, обещая, что сообщники их, готовые возмутить жителей, примут их дружественно и дадут им средства, вырезав армян и евреев, обогатиться добычей»[1]. Воззвание, поддержанное приходом в Эндери солидного отряда, возымело желаемое действие. «Мирная» партия одержала верх над «мятежниками», вожди последних бежали, а на Кумыкской плоскости расположились царские войска.

В свете воззвания Ермолова чрезвычайный интерес представляет следующий факт: из Эндери к Бей-Булату явилась депутация каких-то «самозванцев[2], просивших помощи от имени народа. Они ручались, что при его появлении кумыки восстанут поголовно и, если Внезапная не будет взята, то они обязывались выдать Бей-Булату всех проживающих в деревне армян, грузин, евреев и других иноверцев, а равно и всех из своих соплеменников, которые оказывали приверженность к русским. Бей-Булат поддался на эти уверения и в сентябре месяце предпринял вторичный поход в кумыкские земли»[3]. Сообщение несомненно коечто путает, но сопоставление его с ермоловским приказом говорит о том, что после раскола андреевские торговцы (в том числе работорговцы, ибо этой специализации аула забывать нельзя) имели основания беспокоиться. И это, между прочим, не случайность: именно здесь и позже, во время осады Внезапной первым имамом Гази-Мухаммедом, ходили среди населения слухи о том, что имам разделит имущество богатых между бедными. Мы, к сожалению, не знаем, как поступил Бей-Булат, хотя можно думать, что никаких попыток к конфискации сделано не было и низшие слои кумыкского аула потому и не поддержали вождя восстания. Но, разумеется, уже самый факт таких настроений в массах очень показателен. Он же, конечно, окончательно определил и дальнейшую политику эксплуататорских кумыкских слоев.

---

[1] Цит. по кн.: Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3, ч. 1. С. 344.

[2] «Самозванцы», очевидно, потому, что они представляли только низшие слои аула.

[3] Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3, ч. 1. С. 349.

Подавление восстания

С момента раскола восстание было локализовано в части Чечни. На Кумыкской плоскости царизм утверждал власть князей: «Качкалыки, боясь лишиться обрабатываемых ими земель, прежде и без выстрела отклонены мною от сообщества и поручены в надзор кумыкским и аксаевским владельцам, на земле коих имеют они жительство»[1]. С примкнувшими к восстанию аксаевцами расправлялись жестоко: «За измену жителей Аксая селение мною уничтожено и переведено на новое место, называемое Ташкичу»[2]. Теперь уже попытка Бей-Булата разбить царские войска, стоявшие на Кумыкской плоскости, потерпела неудачу. Прямое нападение на Грозную было отбито. Восстание явно шло на убыль. Наконец, в январе 1826 г. Ермолов предпринял большую экспедицию за Сунжу, разгромил несколько аулов и окончательно ликвидировал восстание. Опасаясь возможной новой вспышки, Ермолов попытался вернуться к практике середины XVIII в., к опоре на князей и в Чечне. «Я должен также обратить внимание в[ашего] пр[евосходительства], — писал Ермолов, — на чеченцев, живущих по левому берегу Сунжи... За ними надзор поручен владельцам, живущим по Тереку, от которых в[аше] пр[евосходительство] извольте требовать настоятельно, чтобы они внимательно наблюдали за верностью поведения их»[3].

При оценке восстания необходимо отметить прежде всего то большое значение, которое играла во всех операциях Кумыкская плоскость. Именно сюда направляются главные удары Бей-Булата, и отпадение Кумыкской плоскости решает и судьбу восстания. В действиях восставших кумык принимает участие и местная аульская верхушка: она тесно связана с ближайшими районами Чечни, она же пытается выйти из-под опеки России, невыгодной ей по одному, совершенно особому мотиву. Русское правительство запрещает торговлю русскими пленными, а крупнейший торговый центр Кумыкской плоскости, аул Эндери, издавна известен как средоточие работорговли всего Северо-Восточного Кавказа.

Отсюда и вспышка среди кумыкских торговцев. Но попытка объединения и создания государства чеченцев и кумыков, в котором последние не могли рассчитывать на главную роль (это, в частности, показала попытка Бей-Булата конфисковать имущество перебежавших на сторону царизма), не устраивала кумык, и на аксайском совещании они показали Бей-Булату достаточно ясно, что хозяевами они считают себя. Об этом говорят встревоженные голо-

[1] Всеподданнейший рапорт А.П.Ермолова от 20/V-1826 г. // АКАК. 1875. Т. 6, ч. 2. С. 512.

[2] Предписание А.П.Ермолова Лаптеву от 30/IV-1826 г. // Там же. С. 564.

[3] Предписание А.П.Ермолова Лаптеву от 1/V-1826 г. // Там же. С. 611.

са кумыкских мулл на совещании, предупреждающие, что нажим Бей-Булата на сторонников мира вызовет катастрофу, «разъединение с народом». И аульская верхушка предпочла доторговаться с царизмом. После аксайского раскола Бей-Булат не мог уже найти достаточной опоры в кумыкских аулах. Так крупные торговцы сорвали начатую Бей-Булатом организацию единого государства. Эта политика проводилась верхами андреевцев и позже, в период имамата, когда они повели себя так же, как в 1825 г.

Что же касается вопросов внутренней организации государства, едва намечавшегося у повстанцев, то здесь мы также должны будем считать Бей-Булата непосредственным предшественником имамата: «...во всех деревнях, примкнувших к нему, он установил старшин или тургаков, подчинил им жителей, под ответственностью каждого из них, за непослушание начальству, десяти рублей штрафа и сделал старшин под присягой ответственными за поступки населения. Таких старшин 24 августа было назначено только в одной Атаге 32 человека; подобное назначение последовало и в прочих аулах»[1]. Некоторые аулы по неясным для нас причинам от выборов тургаков отказались. Бей-Булат бил по родовому строю, разрушая его и помогая возникновению первых начатков государственности. Система назначения старшин позже, в эпоху имамата, выросла в сложную административную машину шамилевской теократии, создавшей уже настоящее государство.

Итоги

Восстанием Бей-Булата заканчивается подготовка мюридизма. Здесь борьба переходит уже в формы массовых восстаний, хотя и не имеющих пока яркой религиозной окраски. Следя за русской политикой на Северо-Восточном Кавказе, мы видели, как быстро ликвидировано было сопротивление феодалов и как они превратились в слуг самодержавия. Но уже в начале двадцатых годов XIX в. намечается новый этап в борьбе горцев за свою свободу, на сцену все увереннее выступают массы. Первое отмеченное нами в XIX в. движение, восстание 1823 г., направлено и против местных феодалов, и против царизма. Но оно, по-видимому, почти не имеет религиозной окраски. Восстание Бей-Булата уже слегка окрашено мусульманством, но последнее является и здесь моментом не основным. Дальнейший рост массового движения будет уже иметь некоторые принципиально новые моменты: большее значение религиозных мотивов и лозунгов. К анализу этих последних мы и перейдем теперь.

---

[1] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1886. Т. 10. С. 131.

Глава III.
МЮРИДИЗМ

1. МЮРИДИЗМ И ТАРИКАТ

Официозная концепция

«С 1824 года окончательно воцарилось спокойствие в Юго-Восточном Дагестане... Нет сомнения, что Дагестан трудно было бы узнать по прошествии каких-нибудь 20 лет, если бы только особенные обстоятельства не воспротивились этому. Эти обстоятельства — религиозные проповеди горского фанатика Кази-Муллы [Гази-Мухаммеда. — *Н.П.*], впервые отозвавшиеся в Гимрах и охватившие впоследствии весь Дагестан и Чечню. Мелкие племена его, до сего времени ничтожные своей раздельностью, полудикие, не имевшие даже точных религиозных понятий, связались в одно целое и возбуждаемые проповедями фанатика, при недоступности местности, ими обитаемой, сделались опасными врагами. До Кази-Муллы мы имели дело с отдельными владетелями, которые, будучи привлекаемы на нашу сторону личными выгодами, давали нам средство господствовать над народом. Новое учение, известное под именем мюридизма, истребило ханскую власть именно там, где она наиболее была необходима — в Аварии, и, заменив ее собой, стала угрожать прекрасным областям Закавказья. Первоначальные наши противодействия возникшему злу, не задушив его окончательно, только остановили на время, и действительно оно явилось впоследствии с большой силой, и первое наше значительное столкновение с ним повлекло за собой целый ряд неудач»[1].

Так характеризует мюридизм один из официальных царских историков. По существу говоря, он лишь развил и несколько пригладил мысль, выраженную короче, но определеннее самим Николаем I: «Различные племена, населяющие Кавказ, не знали единой власти, доколь не явился среди них изувер, который хитростью, коварством и зверской жестокостью не принудил всех признать, ежели не волею, то страхом, его единое над собою начале и которому, ныне слепо повинуясь, почти все племена составили

[1] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 1. С. 122.

одно сильное, враждебное против нас целое, с которым бороться прежних ни сил, ни способов не стало»[1].

Официальная царская история толковала всю борьбу горских масс за независимость как результат фанатической агитации отдельных представителей мусульманского духовенства. Именно религиозная агитация ряда мулл-фанатиков и вызвала тот громадный взрыв, который на целые 49 лет приковал к Чечне и Дагестану значительные силы царской армии и не один раз ставил под вопрос успешность предпринятого царизмом покорения Северо-Восточного Кавказа. Этот тезис в самых разнообразных вариациях и перепевах мы можем найти у всех представителей царской истории, а иногда даже и в литературе советского времени[2].

Крестьянское движение в религиозной оболочке

Нечего и говорить, что громадное крестьянское движение, которое царские историки окрестили именем мюридизма, не было, да и не могло быть вызвано «религиозной агитацией мулл». Массовое движение против царизма часто вспыхивало без какой бы то ни было религиозной агитации и ставило себе абсолютно светские цели. Поэтому зачислять мюридизм по категории религиозных разногласий совершенно невозможно. Однако, наряду с этим, нельзя отрицать и другое обстоятельство: движение проходит в резко выраженной религиозной оболочке и бывают моменты, когда именно эта религиозная оболочка мешает руководителям движения принять правильное решение. Нельзя не считаться с тем, что лозунгами восстающих масс оказываются чистота проведения шариата и газават, война с неверными.

Сам по себе факт возникновения крестьянского движения с религиозными лозунгами ничего нового и странного не представляет. Ф.Энгельс и В.И.Ленин показали это. «Выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»[3].

И религиозность мюридистского движения имела также большие основания. Для того, чтобы понять их, нужно прежде всего вспомнить уровень развития народов Северо-Восточного Кавказа. Дагестан распадался на множество мелких феодальных ханств и на еще большее количество «вольных» обществ. В Чечне почти каждый аул жил самостоятельной жизнью. Идей национального и

[1] Собственноручное письмо Николая I гр. М.С.Воронцову от 17/XI-1844 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 430. Л. 1.

[2] См.: СМОМПК. 1927. Вып. 45. «Кроме того, она [работа Мухаммеда-Тахира. — *Н.П.*] рисует имама Чечни и Дагестана совершенно иначе — более реально, чем эта [царская. — *Н.П.*] история... Он является творцом этого фанатизма» (Предисл. Г.Маллачихана к «Трем имамам» Мухаммеда-Тахира ал-Карахи).

[3] *Ленин В.И.* Соч. Т. 2. С. 520.

государственного единства у горцев Северо-Восточного Кавказа не было. Объединяло большинство этих аулов, обществ, ханств, «ничтожных своей раздельностью», магометанство. И религиозные лозунги в этих условиях могли сыграть громадную, решающую роль. Дагестанское крестьянство не выступило бы против царских крепостей на Сунже, они были далеки от Дагестана. Чеченцы не вмешивались в борьбу дагестанского крестьянства со своими ханами, это мы видели на примере шейха Мансура, который считал возможным использовать поддержку дагестанских ханов. Но лозунг газавата, лозунг войны с неверными, пытающимися уничтожить или исказить магометанство, мог заменить недостающую идею национального единства. И с этой точки зрения он помог организации единого мощного крестьянского выступления.

Но при рассмотрении роли религиозного момента в мюридизме мы не можем забывать и другой его стороны. Известно, что мусульманское духовенство на Северо-Восточном Кавказе не принадлежало к беднейшим слоям. Абдулла Омаров, бывший муталим, т.е. выходец из этой же самой духовной среды, писал: «...первостепенные ученые... по большей части бывают из зажиточных людей», и «ученый горец, не имеющий большого тохума (фамилии) или происходящий из простого сословия, хотя бы он хлебнул семь морей наук, не имеет никакого особенного значения в гражданском быту»[1]. Часть этого духовенства прямо находилась на службе у феодалов, большинство же, особенно в «вольных» обществах, принадлежало к числу верхушечных слоев аула[2]. И здесь-то крылась опасность для крестьянского движения. Религиозные лозунги подхватывались присоединившейся к движению аульской верхушкой (а иногда и феодалами). То социальное содержание, которое вкладывала в них масса, выхолащивалось. Бывало даже, что восставших против эксплуатации крестьян пытались опять вести под феодальное иго. А руководство не всегда четко видело и понимало социальные задачи движения, сосредоточивая все свое внимание на религиозной стороне дела.

Вот почему нельзя приступать к изучению истории имамата, не ориентируясь в сущности религиозной стороны движения, создавшего теократическое государство.

То, что обычно носило имя «мюридизм», явление в гораздо большей мере социальное и политическое, нежели религиозное. Недаром же многие наблюдатели подчеркивали разницу между

[1] [*Омаров А.*] Абдулла Омар Оглы. Воспоминания муталима // ССОКГ. 1869. Вып. 2. С. 61.

[2] В то время, как в ханствах Дагестана духовенство назначалось, в «вольных» обществах муллы и кадии нанимались или выбирались обществом. Так избран был гимринским муллой и Гази-Мухаммед. Поэтому и среди этого «официального» духовенства нередко встречались суфии и даже их шейхи.

мюридами тариката, то есть суфиями, и мюридами «наибскими». Поэтому-то религиозное учение, которое использовано было поднимающимся крестьянским движением и мешало видеть действительные задачи восстания, удобнее именовать его собственным именем суфизма или, как его обычно именовали кавказские последователи, «тариката». Под мюридизмом же следует понимать все движение в целом, социальное и политическое по своему содержанию и религиозное по оформлению.

И еще одно замечание. Мусульманские религиозные лозунги толкали мюридистское движение к Турции или Ирану — странам, социально-политический строй которых в то время уже сильно обветшал, являя наиболее отсталые формы восточного феодализма. Крестьянство же Северо-Восточного Кавказа боролось как раз против феодалов. Отсюда еще одно противоречие: мюридизм не раз стремился получить турецкую помощь, но, когда его руководители вплотную сталкивались с перспективой турецкого «покровительства», за которым виднелись, кроме того, неясные контуры английского или французского хозяйничанья, они меняли позицию. Так к противоречиям внутренним присоединялись и противоречия во внешней политике.

Ислам в Дагестане

Появление ислама в Дагестане — дело далекого прошлого. Обычно его проникновение относят ко времени арабских походов на Восточный Кавказ, однако распространялся он здесь очень медленно. Нужно помнить, что мусульманство на Кавказе имело соперника в лице христианства, сопровождавшего завоевательную политику феодальной Грузии. Исламизация народов Дагестана — процесс, медленно совершавшийся на протяжении нескольких столетий. За этот промежуток времени мы можем констатировать наличие как суннитских (арабы, турки), так и шиитских (иранцы) влияний на Кавказ, в том числе и на Дагестан. Если же при этом учесть длительное сохранение первоначальных языческих верований, которые у ряда народов Северо-Восточного Кавказа не были изжиты еще и в начале XIX в., то станет понятна крайняя религиозная пестрота, наблюдаемая в горах в момент прихода сюда царизма.

Однако уже в XVI—XVIII вв. картина несколько меняется. Турецкое и иранское проникновение на Кавказ и значительное расширение влияния некоторых собственно кавказских феодальных государств (как Дагестан или Кабарда) привели к ускорению процесса исламизации. Язычество удержалось теперь только в глубине гор, уступив на плоскости и в части горных областей место исламу.

Из двух основных ветвей этого последнего на Северо-Восточном Кавказе в большей мере оказался распространенным суннизм, но длительное персидское влияние давало себя знать как значи-

тельными шиитскими островками, так и самим характером восточнокавказского суннизма. «Наряду с иранским влиянием, — пишет один из исследователей происхождения мюридизма, — которое в эпоху пиров Дагестана давало себя чувствовать сильным просачиванием шиизма, татарское — направлялось на проповедь в лезгинских странах суннизма. Еще и теперь татары-сунниты живут бок о бок с шиитами и это положение характерно для всей религиозной обстановки Кавказа»[1]. При таких условиях становится возможным и понятно влияние шиитского Ирана на суннитов Дагестана и Чечни, становятся понятными и звучащие в проповеди некоторых шейхов нотки, призывающие шиитов и суннитов к объединению для возрождения ислама[2].

Адаты и шариат

Однако до начала XIX в. ислам не смог проникнуть во все поры дагестанского общества. В частности, свод мусульманского права, шариат, недостаточно приспособленный к конкретным условиям дагестанского социально-экономического строя, применялся в Дагестане далеко не полностью. Царское правительство, предпринявшее уже после завоевания Кавказа запись горского обычного права, столкнулось с одновременным действием как обычаев, так и шариата. Так, Комаров, собравший ряд интересных материалов по обычному праву дагестанцев, пишет: «Весь Дагестан сохранил суд по адатам, т.е. обычаям, существовавшим еще до прихода аравитян в Дагестан. Но как с принятием магометанства явились о многом новые понятия и новые отношения в союзе семейном, для которых старые адаты оказались уже несостоятельными, то судопроизводство уже по необходимости распалось на суд по шариату и суд по адату»[3]. Это неполное господство ислама сказывалось не только в вопросе о суде, но и в ряде бытовых и т.п. вопросов. Песни и танцы, табак и вино — все это дало повод проповедникам шариата яростно обрушиваться на «оскудение мусульманства», на богоотступничество верующих и объявлять об упадке ислама в Дагестане, о незнании верующими основных требований религии.

В начале XIX в. между адатами и шариатом все время идет то глухая затаенная, то открытая борьба. «Сохранение адата, —

[1] *Majerczak*. Le mouridisme au Caucase // Révue du monde musulman. 1912. Sept.V. XX. P. 176.

[2] Об этом говорит проповедь Хаджи-Исмаила (см. ниже). Это же подчеркивает и автор предисловия к изданию документов по внешней политике России. Шамиль, по словам этого автора, «создал смелый и оригинальный проект объединения суннитской и шиитской сект магометанства» (*Morell* (*John Reinell*). Secret and inedited documents. London, 1854. Introduction).

[3] *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним (материалы для статистики Дагестанской обл.) // ССОКГ. 1862. Вып. 1. С. 5.

пишет цитированный выше автор, — было выгодно для самих правителей, которые сами нашли в нем поддержку и упрочение своей власти. Штрафы, взыскиваемые с виновных при решении дел по адату, составляли немаловажный источник доходов и возможность установить новые адаты и решать по ним многие дела, не стесняясь постановлениями корана, давали им могущественные средства — упрочивать свою власть»[1].

Религиозная окраска движения, провозглашение борьбы за чистоту ислама не могли не отразиться и на проблеме взаимоотношений адата с шариатом. В противоположность узко местным адатам обязательные нормы шариата могли сыграть немалую роль в объединении крестьянства разных горских ханств и обществ. А одновременно с этим отмена суда по адатам наносила серьезный удар феодалам, лишая их и права самостоятельной расправы, и доходов, связанных с самим ведением судебного разбирательства. Впрочем, оговоримся: соблюдение предписаний шариата было обязательным для каждого магометанина. А поскольку беки и ханы были мусульманами, постольку каждый из них следовал шариату. Следовательно, вопрос в конечном счете сводился не к проблеме признания предписаний шариата вообще, а только к вопросу о пределах их действия. Для дагестанских феодалов адаты необходимы были как свод предписаний, обеспечивающих их привилегированное положение. Шариат в целом как свод феодального права был для них также приемлем, но в ряде частностей оказывался менее удобен.

Само собой разумеется, что требование перехода к шариату мусульманское духовенство обосновывало вовсе не соображениями о выгодах, проистекающих из адатов для феодалов. Полемика велась на чисто религиозной почве. Вот, например, одно из наиболее ярких выступлений против адатов.

«Тот, кто решает дело по адату, делается некоторым образом соучастником бога или как будто равняется ему в решении дел, тогда как никто не может сравняться с богом; кто же воображает, что он как будто бы равняется ему, тот неверный»[2]. Конечно, подобная аргументация умалчивает о светских причинах борьбы против адатов. Социально-политический характер проповеди станет совершенно ясен, если принять во внимание следующее обстоятельство: замена адатов шариатом влекла за собой усиление магометанского духовенства в противовес феодалам. Суд по адатам вершился беками и ханами, суд по шариату — муллами, которые чаще всего не принадлежали к феодалам. Проповедь шариата имела своей задачей усиление магометанского духовенства, в немалой мере представляющего интересы зажиточной части аула.

Таким образом, социальная борьба в восточнокавказском ауле благодаря религиозному характеру выступает под флагом борьбы

[1] Там же. С. 6.
[2] Там же. С. 7.

борьбы за распространение ислама и его чистоты, борьбы верующих магометан с неверными. А под понятие неверных подводилась и вся феодальная верхушка, стремившаяся к сохранению адатов. «Мусульмане стали коварны, вероломны, притеснители и явные отверженцы веры... настало царство порока и порочных, миновало царство духовное и духовных»[1], — говорит один из важнейших деятелей «возрождения мусульманства» и тут же кивает на крупных феодалов: «Пощада! Пощада! О, пророк Аллаха! Невежды из мусульман не принимают наставления улемов [ученых мулл. — *Н.П.*], а улемы терпят притеснения от князей»[2]. Одновременно с направленностью против «князей» острие проповеди шариата обращается и против неверных, русских, представителей завоевательной политики царизма. То обстоятельство, что здесь речь идет не о борьбе против христиан как таковых, а о борьбе именно против завоевателей, подтверждает наличие в войсках мусульман, ведущих «священную войну» за распространение ислама, беглых русских солдат и офицеров[3]. Для них в горах существовала веротерпимость — факт, абсолютно не вяжущийся с концепцией «мусульманского фанатизма», столь любимой представителями официальной царской истории.

Тарикат (суфизм)

Идеология борцов за «возрождение мусульманства» выразилась в учении тариката, «пути к истинному богу»[4], организацион-

[1] *Казембек А.К.* Муридизм и Шамиль // РСл. 1859. № 12. С. 233.

[2] Там же.

[3] Укажем на чрезвычайно показательный факт, отмеченный А.Россиковой, утверждающей, «что близ аула Ведень, в лесах, существовало несколько раскольничьих скитов. Раскольники свободно совершали свои богослужения, строили часовни, а когда положение аула Ведень сделалось ненадежным, он (Шамиль) для безопасности перевел веденских раскольников в Дагестан, где также существовало несколько раскольничьих скитов под охраной и защитой Шамиля, который за притеснения раскольников строго и немилосердно наказывал виновных» (*Россикова А.* Путешествие по центральной части горной Чечни // Зап. Кавк. отд-ния имп. Рус. геогр. о-ва. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 147—148).

[4] *Казембек А.К.* Муридизм и Шамиль. С. 190. Нужно сказать, что терминология мусульманских мистических обществ, дервишских орденов, как нередко их называют, недостаточно определенна. Обычно самая сущность учения мистиков (суфиев) носит название «тасаввуф» (تصوف), словом же «тарикат» обозначается лишь одна из степеней подвижничества. Но в сочинениях кавказских суфиев термин «тарикат» нередко употребляется вместо термина «тасаввуф». Таковы, например, выражения «принял тарикат от него» (اخذ الطريق منه) или «наставление народа в тарикате» (إرشاد الناس الى الطريقة) (см.: *Ильяс ац-Цудакари.* Лестница мюрида. Казань, 1904. С. 13. На араб. яз.). Этот же термин имеется и в заглавии сочинения Джемал ад-Дина Казикумухского («Адаб аль Мардийя тарикатин накшубандийя»). А.Семенов в статье о Баха-уд-Дине Накшбенд ссылается на суфийское сочинение, имеющее заглавие «Разъясне-

но же движение оформилось в мюридизме. На этих двух моментах мы и остановимся.

Несмотря на категорическое заявление Мухаммеда, что в «мусульманстве нет монашества», мистика и аскетизм получили большое распространение среди последователей пророка. Богословы-мистики выработали целую систему постепенного приближения верующего к богу. Эта система, лежащая в основе всех суфийских учений, состоит из 4 ступеней: «**закон** (schari'á) на «пути» суфия, начальная, воспитательная ступень; он ведет к высокой **тропе** (tarika), по которой предстоит еще начать восхождение, трудности которого вознаграждаются достижением **истины** (hakika) и конечная цель которого еще не вполне достигается и приобретением **познания** (ma'ŕifa), теперь странник только подготовлен к **достоверности** (ílm al jakin). Но только сосредоточением внутренней интуиции на единственно реальном бытии может он возвыситься до непосредственного состояния **действительной достоверности** (ajn al jakin)»[1]. Первые четыре термина (шариат, тарикат, хакикят и маарифат) и обозначают стадии подвижничества суфи. Но для достижения истины не обязательно удаляться от мира. Наоборот, в большинстве случаев суфи остаются в обычной обстановке, не прерывают мирских занятий и только временами собираются для совместной молитвы, зикра[2]. Часть подвижников может жить общиной, и тогда суфизм и во внешнем своем выражении начинает напоминать некоторые христианские ордена. Однако и при этом между дервишами и монахами все еще наблюдается значительное различие, в частности, дервишам, как правило, брак не запрещается.

Уже из этого видно, что тасаввуф, учение о тарикате, как его называли на Кавказе, в принципе не имеет ничего такого, что делало бы его несовместимым с феодальным строем. Наоборот,

---

ние тариката» (ايضاح الطريقة). Книга эта вышла в Дели; очевидно, замена «тасаввуфа» «тарикатом» не ограничивается Кавказом (*Семенов А.А.* Бухарский шейх Баха-уд-Дин (по перс. рукописи) // Восточный сборник в честь А.Н.Веселовского. М., 1914. С. 208. Прим. 2). Наконец, нельзя не отметить употребление слова «тарика» для обозначения суфийских орденов. Сошлемся хотя бы на авторитет Массиньона (Enziklopedie des Islam. Bd. IV. S. 724–726) или Ламменса (L'islam. P. 142).

[1] *Гольдциер.* Лекции об исламе. Спб., 1912. С.156.

[2] Собственно, «Зикр Аллах» — призывание имени Аллаха. «Это поминание аллаха (зикр) первоначально, по-видимому, понималось буквально как произнесение имен господних и различных славословий. С течением времени, однако, зикр переродился в те достаточно знакомые и из европейской литературы мистические радения дервишей, во время которых участники их продолжительным произнесением определенных славословий, сопровождаемым часто музыкой и пением, приводят себя в экстатическое состояние» (*Шмидт.* Абд ал-Ваххаб аш-Ша-с раний и его книга рассыпанных жемчужин. Спб., 1914. С.178.).

можно привести целый ряд примеров, говорящих о том, что тарикат использовался феодалами, что руководителями тарикатских обществ были сами феодалы. Но, с другой стороны, и крестьянские войны на Востоке нередко принимали религиозную окраску. Мусульманский мистицизм получал тогда еретический характер. Поэтому использование тариката в крестьянском движении на Северо-Восточном Кавказе не представлялось невозможным.

Основные правила тариката преследуют задачу целиком подчинить волю ученика-мюрида воле его учителя-мюршида (шейха). Первым из этих правил является тщательное соблюдение всех требований религии: «Мюрид должен быть постоянно и всегда занят молитвами и служением своему господу, творцу: днем ли, ночью ли, втайне и наяву, летом и зимою, в труде и при свободе — ничто на свете не должно отвлекать его от исполнения молитвы, поста, корана и вообще богослужения»[1]. Остальные правила требуют отречения от мира и его стремлений: «Он должен отказаться от всего, что соблазняет человека на свете, как-то: богатства, величия и пр., так что целый свет с его украшениями не равнялся в глазах его даже с крылом комара»[2].

И, наконец, он должен «поставлять себя ниже всякой божьей твари так, чтобы самый сильнейший вельможа и самый несчастный сирота казались ему совершенно равными, чтобы слон и мошка производили на него одинаковое впечатление, чтобы он дрожал от страха перед всякой тварью божьею, точно бы он стал перед грозным правителем, сознавал, что она есть тварь всемогущего господа бога»[3]. Такие принципы могли, разумеется, быть использованы для достижения различных политических программ, им давалось лишь различное толкование. Поэтому конкретная программа дагестанского мюридизма, не записанная своевременно в виде точно изложенных проповедей, может быть вскрыта только на основе анализа конкретной же политики мюридизма. Но это — дело дальнейшего.

Предшествующая история тариката на Востоке показывает, как мы сказали, самое разнообразное использование феодалами этого учения в политике. Однако следует отметить целую волну тарикатских выступлений, сопровождавших в XIX в. протест против завоевательной политики колонизаторов, в то время как феодалы, князья и дворяне поддерживали завоевателей. Такие выступления, которые своими чертами могут напоминать нам Кавказ, можно найти и в Средней Азии в эпоху завоевания ее царизмом, когда вспыхивали кокандские и бухарские восстания под ло-

[1] [*Мугеддин Магомед Ханов*]. Истинные и ложные последователи тариката // ССОКГ. 1870. Вып. 4. С.5.

[2] Там же.

[3] Там же. С.5—6.

зунгом газавата. Тогда крупноторговая и феодальная верхушка шла на соглашение с царизмом[1].

Для нашей темы важным является начало сочинения мусульманского историка Шамиля — Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. Мотивируя выступление первого имама Чечни и Дагестана, Гази-Мухаммеда, Мухаммед-Тахир писал, что имам был послан от Аллаха «для возобновления изучения законоположений шариата, выпрямления извращений славной мухаммеданской религии, восстановления в жизни обрядов ислама, покинутых и оставленных забытыми, и исполнения предписаний книги Аллаха всевышнего, заброшенной с древних времен в пренебрежении»[2].

В борьбе с горскими феодалами, как и в борьбе с завоевательной политикой царизма, тарикат стал идеологией движения, главным образом, благодаря общей исторической обстановке, сложившейся в горах Восточного Кавказа к началу XIX в., благодаря тому, что крестьянское движение лозунгом своим признало борьбу за мусульманство и газават. В такой обстановке тарикат, требовавший от вступающего в него «вполне повиноваться ниспосланной книге и последовать пророку» и «строго исполнять шариатские постановления»[3], превращался в могущественное средство борьбы со всеми неверными, за распространение и укрепление ислама.

Тарикат накшбенди

Последователи тариката, суфи, объединялись в мистические общества, известные в литературе под именем суфийских братств или дервишских орденов и т.п.

---

[1] Есть некоторые моменты того же типа и в махдистском восстании в Судане. Интересную характеристику восстания дает Стэнли, когда говорит о примыкавших к движению племенах, «которые были равнодушны к религии, исповедуемой Махди, но которые грабились египетскими чиновниками...» (In darkest Afrika. London, 1890. Vol. 1. P. 14). О первоначальном чисто крестьянском типе движения говорит Слатин-паша, передающий сообщение одного из руководителей восстания халифы Абдуллахи: «Люди стекались к нам массами, но они сами были бедны и еще искали у нас помощи. Богатые и состоятельные люди удалялись от нас; они заботились о своем имуществе» (*Slatin Pascha*. Feuer und Schwert im Sudan. Lpz., 1896. S. 134). И лишь после первых побед Махди социальный состав восставших начал пополняться представителями более богатых групп (там же, с. 138). Общий обзор махдистского движения дан у: *Hasenklever*. Geschichte Aegyptens in XIX Jahrhundert. Halle, 1917. Большую документацию имеет работа: *Wingate*. Mahdiism and the egypten Sudan. Из воспоминаний очевидцев, кроме упомянутой книги Слатина: *Ohrwalder*. Aufstand und Reich des Mahdi im Sudan. Insbruck, 1892. Арабские источники у: *Dietrich*. Der Mahdi Mohammed Ahmed vom Sudan nach arabischen Quellen (Der Islam. B. XIV. Berlin, 1925). Там же библиография.

[2] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи: О дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. с араб. А.М.Барабанова. М.; Л., 1941. С. 34.

[3] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи*. Блеск горных сабель в некоторых газаватах имама Шамиля (перевод энгеноевской рукописи).

Один из лучших знатоков суфизма, Массиньон, называет в своей статье в «Энциклопедии ислама» очень большое количество таких орденов[1]. Впрочем, большинство из них отпочковалось от небольшого количества (около десяти) старейших. В числе последних Массиньон называет кадырийский (распространен в Месопотамии, Индии, Северной Африке), шаттарийский (распространен в Индии) и накшбендийский (распространен в Средней Азии, Китае, Турции, Индии). К сожалению, большинство этих орденов почти не исследовано и авторы, писавшие о суфизме, больше опирались на данные о турецких и египетских орденах (бекташи, мевлеви, ахмадиэ). Как видно из статьи, Массиньону даже неизвестно распространение ордена кадыри на Кавказе.

С другой стороны, в сочинениях кавказских суфиев называется только небольшая часть существующих дервишских орденов. Так, Джемал ад-Дин говорит о четырех «путях тариката»: «Первый путь... называется накшубандийским, второй путь... — кадырийским, третий путь — ...джаштурийским, четвертый путь... называется великим путем»[2]. Рассматривая составленные Массиньоном списки, мы можем найти в них и накшбенди, и кадыри. Джаштурийский путь, очевидно, — шаттарийский. Остается неясным лишь четвертый, «великий» путь. На Восточном Кавказе в начале XIX в. из этих четырех путей главное распространение получил путь накшбенди. Мусульманское предание возводит образование этого ордена к самому Мухаммеду: «Пророк научил зикру лучшего из имамов по исполнению и первейшего из них по вере, друга Абу-Бекра»[3].

Сам по себе тарикат накшбенди скорее всего и более всего является уставом ордена, программа его — выполнение религиозных обязанностей и прежде всего — шариата. К сожалению, мы имеем чрезвычайно мало заслуживающих доверия данных, из которых была бы отчетливо видна программа восточнокавказских последователей тариката. Немногие речи виднейших руководителей движения недостоверны, так как записывались они нередко по слухам, а письма по большей части представляют собой лишь короткие записки, из которых многого извлечь нельзя. Одно находится вне сомнений: вожди движения, ученые муллы, особенно

[1] *Massignon.* Tarika // Enziklopedie des Islam. Bd. IV. S. 724–726.

[2] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия // ССОКГ. 1869. Вып. 2. С. 7. В арабском тексте этого места нет. Но у Ильяса ац-Цудакари упоминаются кроме накшбендийского ордена кадрийский, джасагийский, кубравийский (может быть, этот назван в переводе Джемал ад-Дина «великим путем»?), сахрурдийский ("سلم المريد" الياس الزودقارى).

[3] "الاداب المرضية" جمال الدين В ССОКГ (вып. 2. С. 10) перевод этих строк Джемал ад-Дина сделан не совсем точно.

сильно подчеркивали обязанность каждого правоверного принимать участие в священной войне, газавате.

Гораздо больше говорит нам устав ордена, правила поведения ученика, мюрида, в отношении своего шейха, мюршида.

Из длинного перечня тех обязанностей, которые мюрид несет перед своим шейхом, мы приведем здесь немногое, что может показать силу и сплоченность секты и ту железную дисциплину, которая в ней царила. Перед своим шейхом ученик должен быть «...как вор перед уважаемым султаном и чтобы не отвратил своего сердца от шейха, если тот унизит его или будет бранить его перед товарищами; и чтобы не упрекал шейха, если кажется ему, что шейх нарушает явно закон, если же чего не поймешь, то скажи: Он лучше знает... И чтобы не противился приказанию шейха, если бы он приказал броситься в огонь, — потому что отсутствует опасение от отсутствия повиновения приказу шейха... и чтобы был убежден в том, что его шейх есть самый высокий из шейхов, и путь его высший из путей»[1]. Эти правила требовали от мюрида привязанности к своему шейху, «которая должна быть так сильна, что они обязаны не только свято исполнять волю мюршида, но даже стараться предупреждать его желания прежде, чем он выскажет их»[2].

Чрезвычайно важным в уставе мюридских организаций было право каждого горца вступать в число последователей тариката и возможность для каждого из них добиться высших ступеней тарикатской лестницы: «Мюрида, приходящего к учителю, спрашивают только о знании закона и о решимости отречься от грехов и... далее он возвышается единственно по мере развития его нравственных совершенств, следовательно... ни богатство, ни рождение не имеют никакого значения у последователей тариката, так что простолюдин, очистивший сердце свое постом и молитвою и достигнувший последних степеней нравственного образования, стоит несравненно выше отягченного благами мира вельможи, который, признав ничтожность их, прибегает к мюриду с просьбой наставления в тарикате»[3]. Понятно, что организация, обладающая такой дисциплиной, могла явиться руководительницей массового движения, поднимавшегося и в Дагестане, и в Чечне в начале XIX в.

---

1 "الاداب المرضية" جمال الدين Русский перевод (*Джемал ад-Дин*. Адабуль Марзия. С. 14) не точен.

2 *Ханыков*. О мюридах и мюридизме // Сборник газеты «Кавказ» за 1847 г. Тифлис, 1847. Ч. 1. С. 150.

3 Там же. С. 149.

2. ПОЯВЛЕНИЕ ТАРИКАТА В ДАГЕСТАНЕ

Вопрос о появлении мюридизма в Дагестане трактуется в очень большом количестве работ, как написанных по документам, так и в сводных, вплоть до популярных. Везде рисуется приблизительно одинаковая картина, сделавшаяся, таким образом, традиционной. Из многочисленных версий, различающихся обычно лишь несущественными деталями, мы возьмем ту, которая изложена в вышеупомянутой статье подполковника Генерального штаба Неверовского «О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане». Правда, версия эта не самостоятельна[1], но именно она легла в основу большинства обращающихся в литературе рассказов о появлении мюридизма в Дагестане.

«В 1823 г., — рассказывает Неверовский, — жил в Кюринских владениях мулла Магомет, родом из селения Яраг... У муллы Магомета воспитывался в продолжение семи лет бухарец Хас-Магомет... По истечении семи лет он удалился в Бухарию, но был ли действительно у своих единомышленников — неизвестно, только через год опять возвратился к старому учителю». Вот этот-то Хас-Мухаммед, по словам Неверовского, и посвятил своего учителя в учение о тарикате: «По окончании моих у тебя занятий я возвратился в Бухарию, где провел целый год в новом и самом деятельном изучении корана и, наконец, достиг до той степени познания, которая и тебе, алим, неведома. До сих пор я ничем не мог отблагодарить тебя за семилетние твои труды, но теперь возвратился в твой дом для того, чтобы передать тебе мудрость бухарских алимов, неизвестную в странах Дагестана»[2]. Для того, чтобы прежний учитель мог почерпнуть эту мудрость из самого источника, Хас-Мухаммед предлагает ему пойти в сел. Кюрдамир, в Ширванском ханстве, т.е. чуть ли не рядом с Кюринским ханством, к некоему Хаджи-Исмаилу, «который наставит на путь истины и научит, как можно достигнуть до высшей степени изучения корана».

Мулла согласился, и они посетили Хаджи-Исмаила, который посвятил кюринского своего гостя в шейхи с поручением проповедовать тарикат в Дагестане. Итак, по традиционному рассказу, «мудрость бухарских алимов» около 1823 г. была импортирована в Дагестан бухарцем Хас-Мухаммедом, причем какую-то роль в этой операции играл некий ширванец Хаджи-Исмаил. Из традиционного рассказа можно сделать лишь один вывод, и этот вывод официозными историками обычно делался: фанатик мулла, озна-

[1] Неверовский ссылается на работу Прушановского, однако, как мы увидим дальше, он пересказывает не вполне точно, опуская как раз очень существенные оговорки своего источника.

[2] *Неверовский А.* О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане // ВЖ. 1847. № 1. С. 2.

комившийся с фанатическим же бухарским учением, до сего времени в Дагестане (и, очевидно, вообще на Кавказе) неизвестным, начал проповедь, воспламеняя невежественные и падкие на религиозный обман горские массы. В результате «импорта» нового учения из Бухары — взрыв в Дагестане.

Однако традиционный рассказ возбуждает немало сомнений. Бросается в глаза, например, точная передача речей Курали-Магомы (это тот мулла, которого Неверовский называет муллой Магометом из Ярага), Хас-Мухаммеда, Хаджи-Исмаила. Первые данные о Курали-Магоме и Хас-Мухаммеде, действовавших в начале двадцатых годов XIX в., появляются лишь в начале сороковых. Откуда же такая точность передачи слов, сказанных двадцать лет назад, да еще людьми, которые сами этих слов не слышали? Правда, Прушановский в 1841 г. писал: «Некоторые проповеди муллы Магомета сохранились в народной памяти и теперь еще передаются изустно»[1], но как же быть с точной записью частных разговоров? Второе сомнение касается путешествия Хас-Мухаммеда в Бухару. Если тарикат привезен был Хас-Мухаммедом оттуда, то почему Курали-Магома отправляется изучать его не в Самарканд, а в небольшой аул Ширванского ханства Кюрдамир? Сличение версий как будто бы окончательно запутывает дело. Прушановский оговаривает, что «Хас Магомет вместо поездки в Бухарию жил год в Кюрдамире у эффенди Исмаила и они-то двое были первой причиной продолжающихся смут в Дагестане»[2]. «Импорт» из Бухары исчезает, но вместо него появляется уже нечто совсем неправдоподобное: тарикат изобретен двумя муллами специально для того, чтобы сделать неприятность царскому правительству. Эту запутанность Прушановский усиливал в более раннем варианте своей работы, оставшемся неопубликованным: «Неизвестно, каким образом первые семена учения мюридов были заброшены в Дагестан, но до 1824 года это была тайна, которую Гаджи-Исмаил, живши в Ширване и находясь под близким надзором русского начальства, открывал только близким участникам своим»[3].

---

[1] *Прушановский К.И.* Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникнувших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами // ЦВИА ВУА. Д. 6430. Л. 324.

[2] *Прушановский К.И.* Исторические записки Генерального штаба штабс-капитана Прушановского о начале и развитии мюридизма или духовной мусульманской войны в Дагестане и Чечне с 1823 по 1843 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6512. Л. 7. Ср.: *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского (Историческая записка о начале и развитии духовной войны или превратного тариката, учения о нравственном элементе человека в Дагестане) с 1823 по 1843 г. // КС. 1902. Т. 23. С. 4.

[3] *Прушановский К.И.* Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникнувших в Дагестане... Л. 340.

Некоторые из позднейших военных историков[1], не видя возможности примирить рассказы Прушановского и Неверовского с рядом других, но уже более бесспорных свидетельств, пытались вносить в традиционную версию частичные поправки. Так, Дубровин заинтересовался историей распространения тариката в Ширване, т.е. как раз той проблемой, которая одна вела к правильному изображению истории Курали-Магомы. Но, отнесясь некритически к рассказу Прушановского, Дубровин просто собрал вместе данные различных источников. От этого дело вперед не подвинулось, а Дубровин продолжал, как и другие историки, объяснять все дело «фанатизмом» дагестанских мулл.

Для того, чтобы понять действительную историю появления тариката в Дагестане и истинную его роль в крестьянском движении, попытаемся отойти немного назад.

Тарикат на Кавказе до 1820-х гг.

По мнению большинства царских официальных историков, писавших о начале мюридизма, до 1823 г. тарикат в Дагестане известен не был. Вот, например, что говорил капитан генерального штаба Вранкен в «Политическом обзоре Дагестана», написанном в 1843 г.: «Учение мюридизма получило свое начало в Кюринском владении, в деревне Яраглар, кажется, в 1823 г.»[2], и в другом месте: «Первым проповедывателем газавата или войны за веру был мулла Магомет, но он не хотел пользоваться никакой властью и потому благословил на предводительство войсками Гази Магомета, известного у нас под именем Кази Муллы»[3].

А составитель одного из официальных «Обзоров» заявлял еще более категорически: «Мулла Магомет, основатель нового учения, убедил мюридов в необходимости казавата»[4]. Создалось впечатление, что до муллы Мухаммеда тарикат вовсе не был известен на Восточном Кавказе.

Между тем «сунниты Ширвана были издавна ревностными почитателями тариката»[5]. И сведения об этом факте еще в сороковых годах просочились даже в западноевропейскую литературу. Так, немецкий путешественник Кох, ездивший по Кавказу в нача-

[1] *Дубровин Н.Ф.* Из истории войны и владычества русских на Кавказе (Кази Мулла как родоначальник мюридизма и газавата) // ВС. 1890. № 10; 1891. № 3 и след.; *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1877. Т. 10.

[2] *Вранкен А.К.* Политический обзор Дагестана, составил 13/XII-1843 г. Генерального штаба капитан Вранкен // ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 26.

[3] *Вранкен А.К.* Замечания об успехах мюридизма в Дагестане / Составил Генерального штаба капитан Вранкен // Там же. Л. 47.

[4] «О настоящем положении дел в той части кавказских земель, которая подвержена непосредственному влиянию Шамиля». Составлено в 1842 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6464. Л. 37 об.

[5] *Махмудбеков М.* Мюридическая секта на Кавказе // СМОМПК. 1898. Вып. 24. С. 23.

ле сороковых годов, сообщает, что «муршиды существовали в течение нескольких столетий в Ширване и на Восточном Кавказе»[1]. А в пятидесятых годах во время Восточной войны, когда в Западной Европе сильно повысился интерес к Кавказу, даже в популярных книжках проскальзывают данные о дагестанском тарикате. Так, Варнер писал, что суфизм, пришедший из Персии, ко времени Гази-Мухаммеда «имел уже последователей в Дагестане», а «доктрина, апостолом которой был Кази Мулла, занимала среднее место между исламом и суфизмом»[2]. В общем, люди, писавшие о тарикате, в подавляющем большинстве случаев не разбирались даже в элементарных вопросах своей темы, что, впрочем, наблюдалось даже в работах последнего времени.

История накшбендийского ордена начинается вовсе не с XIX в. Формально его возникновение относится к XIV в., когда жил и проповедовал в Бухаре шейх — основатель ордена Беха ад-Дин Накшбен ал-Бухари[3], хотя один из исследователей[4] называет более ранних накшбендийских шейхов (XI—XII вв.), предшественников Беха ад-Дина. Он опирается при этом на так называемую сильсилэ (последовательную цепь) шейхов, приписывающую основание накшбендийского ордена самому пророку. В конце XVIII в. на Кавказе выросла местная ветвь накшбенди, создателем которого считался Зиа ал-Дин-Халид[5].

Унаследовав свой сан шейха от среднеазиатских накшбендиев, Халид-Шах действовал задолго до начала кавказского мюридизма, на иной территории, не в Бухаре, хотя и не на Кавказе еще. «Во второй половине прошлого [XVIII. — *Н.П.*] столетия кутбом[6] на-

[1] *Koch K.* Reise in Grusien, am Kaspischen Meere und in Kaukasus. Weimar, 1847. S. 392.

[2] *Warner.* Schamyl, le prophète du Caucase. Paris, 1854. P. 8. Кстати, непонятно, почему автор цитаты противопоставляет ислам суфизму. Большинство суфийских шейхов считались вполне ортодоксальными мусульманами, и лишь некоторые учения носили более или менее резко выраженный характер ереси.

[3] О нем см.: *Гордлевский В.А.* Баха-уд-Дин Накшбенд Бухарский: (К вопросу о наслоениях в исламе) // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934. С. 147.

[4] *Семенов А.А.* Бухарский шейх Баха-уд-Дин... С. 202—211.

[5] В кавказских мусульманских сочинениях его именуют Халид-Сулейман Багдадский, в русских источниках — Халидшах.

[6] Центром. Примеч. Махмудбекова. Reynold A.Nicholson говорит, что высшим главой небесной и земной суфийской иерархии является кутб — титул, который он переводит как «полюс» (Axis). См.: *Nicholson.* The mystiks of islam. London, 1914. P. 123. А у А.Э.Шмидта (Абд ал-Ваххаб аш-Шараний и его книга рассыпанных жемчужин. Спб., 1914. С. 205. Прим. 3) значение этого титула определяется следующим образом: «Согласно учению мусульманских мистиков у Аллаха на земле определенное количество (обыкновенно считают 300) избранных святых... молитвами которых держится мир... Эти святые отличаются друг от друга степенью святости, на чем и основана своего рода мистическая иерархия, во главе которой стоит один полюс (ал кутб)».

кшибандийским считался некто Халид шах из курдов, слава которого была распространена по всему Востоку»[1]. Жил он в Багдаде, и из числа его последователей выдавался кюрдамирский эфенди, Хаджи-Исмаил. «Мюршидом испытанной славы, — пишет Кох, — был Гаджи-Исмаил-эфенди, ученик широко почитаемого религиозного учителя из Багдада по имени Халид-ша-Шах»[2]. Характеристика, данная Кохом этому ширванскому богослову, вряд ли преувеличена. Махмудбеков, описавший историю распространения тариката в Ширване, говоря о Халид-Шахе, подчеркивает: «К нему со всех сторон стекались мюриды, между которыми был и Исмаил-эфенди из Кюрдамира, Шемахинского уезда, известный в свое время ученый богослов. Надо полагать, что он был ревностным и способным учеником Халид-Шаха, так как последний, рукоположив Исмаила-эфенди в шейхи для проповедывания тариката в Ширване, назначает его своим преемником, кутбом накшбендийским, с титулом сирадж-эддина (свет религии)»[3].

Наконец, и позднейший шейх накшбендийского тариката, Джемал ад-Дин Казикумухский включает Исмаила-эфенди в цепь тарикатских шейхов.

Эти сообщения, излагающие историю тариката накшбенди в Ширване, резко меняют картину, нарисованную Неверовским. Во второй половине XVIII в. ученый мулла из Ширвана становится кутбом, т.е. фактически главой всех последователей накшбендийского тариката, а они были широко разбросаны по всем мусульманским странам. Это совсем не вяжется с открытием, сделанным Хас-Мухаммедом якобы в Бухаре. Нет, Хас-Мухаммеду положительно незачем было ехать в Бухару, если центр проповеди тариката находился в двух шагах от Ярага, в Ширване. Странно только, что Курали-Магома ничего не слышал о знаменитом кутбе. А между тем «в Ширване Исмаилу-эфенди не трудно было приобрести себе последователей, так как там была готовая почва к восприятию этого учения. Сунниты Ширвана были издавна ревностными почитателями тариката. После четырехвекового застоя мюридизм в Ширване возгорается с новой силой. К новому шейху стекаются последователи из всех стран: из Дагестана, Афганистана, Бухары и др.»[4].

Таким образом, оказывается, что тарикат распространен был в Ширване и до Исмаила-эфенди, что тарикат за 400 лет до описываемого времени был очень силен здесь, потом наступил временный упадок, а ко второй половине XVIII в. Ширван стал превращаться во всемусульманский центр тариката накшбенди, и что не Хас-Мухаммеду нужно было ехать в Бухару для того, чтобы узнать что-то о тарикате, а, наоборот, алимы из Бухары ехали учиться в Ширван. И, наконец, «ко времени окончательного по-

[1] *Махмудбеков М.* Мюридическая секта... С. 23.
[2] *Koch K.* Reise in Grusien... S. 415.
[3] *Махмудбеков М.* Мюридическая секта... С. 23.
[4] Там же.

корения Ширвана Россиею (1820 г.) Исмаил-эффенди делается действительно центром накшбендийцев. Он получает титул "мевлана" (наш господин) — титул, даваемый редким шейхам»[1].

Тарикат накшбенди вовсе не занесен в Ширван из Бухары в 1823 г., как и не выдуман ширванским эфенди, он давно появился на Кавказе, на протяжении долгих лет развивался в Ширване, рядом с Дагестаном. Мы имеем все основания предполагать, что дагестанские последователи его существовали задолго до начала двадцатых годов XIX в., задолго до выступления дагестанского мюридизма на борьбу с царским завоеванием[2]. И действительно, необходимо принять более ранние сроки, так как вся дальнейшая история быстрого распространения тариката в Дагестане без такого допущения непонятна.

Деятельность Хаджи-Исмаила

Разумеется, такая крупная фигура, какой был ширванский кутб, не могла оставаться в стороне от политической борьбы и, в частности, от борьбы, которую вели закавказские ханы в царской России. Отсюда — возможность тесных связей между Хаджи-Исмаилом и турецким или иранским дворами. Один из офицеров царской армии высказал предположение, что Исмаил-эфенди «был один из агентов персидского двора; ему поручено было кинуть семена учения, враждебного всякой власти, и которые справедливо полагали для нас самым опасным и сильным препятствием»[3]. Доказательства, приводимые автором, говорят лишь о полной его неосведомленности в этом вопросе. Но объяснение вряд ли принадлежит ему самому. В одном из донесений французского консула в Тифлисе, между прочим, есть такая фраза: «...говорили, что мюридизм приобрел свой политический характер вследствие персидского влияния, осуществлявшегося во время путешест-

[1] Там же. С. 23—24. Однако возникают сомнения в справедливости утверждения Махмудбекова. Дело в том, что Джемал ад-Дин (русский текст с. 9, арабский — с. 30) дает этот титул не Исмаилу, а Халиду. В цитированной выше статье Majerchak приводятся данные о цепи (сильсилэ) накшбендийских шейхов на основании внекавказского сочинения «Miftâh al Maiya fi Tariqat an Nakchabendya». Последним в этой цепи назван mevlânâ Zia ad Dín Cheikh Khâlid. Что же касается Исмаила, то Джемал ад-Дин характеризует его как «убежище народа и ключ от сокровищ истин».

[2] Дубровин принужден признать, что «учение это перешло в Дагестан около 1810 г.», но и он не упоминает о предшествующем периоде распространения тариката в Ширване и основное место отводит случайности (поездка Исмаил-эфенди в Мекку), впрочем, ниже, на с. 201—202 он меняет цель поездки Исмаила и говорит о широко распространившемся слухе о Халид-Шахе (см.: *Дубровин Н.Ф.* Из истории войны и владычества русских на Кавказе // ВС. 1890. № 10. С. 198).

[3] *Лобанов-Ростовский М.Б.* Начало мюридизма на Кавказе: Отрывок из зап. // РА. 1855. № 11. С. 1395.

вия, которое совершил мулла Магомет в Ширван»[1]. Как видим, версия о мюридизме как плоде иранских интриг циркулировала и в официальных кругах Тифлиса. Но французский консул оказался разумнее русского князя. «Эта версия, — прибавляет он, — мало обоснована». А в специальном примечании спрашивает: «Как Исмаил-эфенди, один из глав суннитского духовенства, мог быть агентом Персии?»

Таким образом, мысль о мюридизме как плоде иранских интриг не выдерживает никакой критики. Другое дело — возможность связи действий ширванских проповедников тариката с персидскими или турецкими военными планами. Еще рассказывая о подготовке русско-иранской войны 1826—1828 гг., иранский историк Зика уль-Мульк отмечает: «Улемы и муджтахиды слышали, что русские плохо поступают с мусульманами Кавказа, поэтому призывали людей к джихаду и вынудили Фет Али шаха к войне с Россией»[2]. При том общем настроении, которое царило в бывших иранских ханствах, деятельность тарикатского шейха могла оказаться направленной в пользу мусульманских соседей.

В этих условиях нет ничего удивительного в том, что царизм едва не с первого момента своего прихода в Ширван столкнулся с мюридизмом как учением по крайней мере нежелательным, если не вредным. Об этом свидетельствует цитированный нами выше автор статьи о мюридизме в Ширване. «Но русское правительство, найдя его учение небезвредным в политическом отношении, высылает из края внутрь империи двух учеников и сподвижников Исмаил-эфенди: Гаджи-Мамед-Наби-эфенди, жителя Джаглы, Геокчайского уезда, и зардобца Молла-Ахмеда. Сам же Исмаил-эфенди избавляется от ссылки благодаря особому ходатайству за него перед князем Мадатовым жены ширванского Мустафы-хана, Гюль-Андаш-Ханумы. Этому способствовало, вероятно, и то обстоятельство, что Исмаил-эфенди пользовался в Ширване слишком большой популярностью[3]. Но вскоре после этого шемахинский комендант советует Исмаилу-эфенди через его шемахинских друзей подобру-поздорову оставить пределы России. И он переселяется в Турцию»[4]. Об этом факте знал еще в сороковых годах Кох, сообщавший о Хаджи-Исмаиле: «Он в короткое время достиг такого широкого почета, что русские почувствовали себя задетыми и стали чинить ему всяческие препятствия. Он жил в ширванской деревушке Куртомир, но благодаря многим препятст-

---

[1] ЦВИА. Фонд Департамента Генерального штаба. 1844 г. Д. 113. Лит. Б. Л. 35.

[2] علما و مجتهدين شنيدند روسها با مسلمين قفقاز بد رفتار ميكنند لهذا مردم را بجهاد خواندند و فتحعلى شاه را مجبور بجنگ با روسى نمودند ("تاريخ مختصر ايران ذكا الملك")

(цит. по Хрестоматии Бертельса, с. 241).

[3] Примечание Махмудбекова: «Слышал от Геокчайского уездного казия Махмуд-эфенди».

[4] *Махмудбеков М.* Мюридическая секта... С. 24.

виям, ставившимся его деятельности, покинул ее, чтобы переселиться в Турцию. Одним из наиболее выдающихся его учеников был Мохаммед-эфенди, удалившийся в Табасарань и сделавшийся в этой области и в Кюринском ханстве мюршидом-проповедником»[1]. Как видим, Коху удалось собрать хотя и сжатые, но в основном совершенно верные сведения, сообщающие даже кое-что о цепи шейхов накшбендийского тариката. Только о Хас-Мухаммеде Кох не сообщает ничего[2].

О причинах высылки кутба догадаться нетрудно. Близость Хаджи-Исмаила к ханскому двору говорит о том, что проповедник вряд ли остался чужд турецким или иранским интригам. И это, вероятнее всего, и привело к высылке сначала учеников, а затем и шейха. Но еще до своего отъезда Хаджи-Исмаил начал прощупывать почву в Дагестане, искать людей, через которых можно было бы в удобный момент, в случае войны на Востоке, организовать выступление против России не только в Ширване, но и в Дагестане. Одним из этих людей был известный в Южном Дагестане ученый мулла из селения Яраг — Курали-Магома. «В Кюринском ханстве, — писал Прушановский, — в селении Яраг, был муллою Магомет, считавшийся по глубокому уму и высоким познаниям одним из дагестанских улемов (ученых). Пользуясь как главный кадий правом зеката (десятины), он успел собрать значительные богатства: на него обратил внимание Хаджи-Исмаил»[3]. Вторым, кто привлек внимание кюрдамирского шейха, был секретарь Аслан-хана Казикумухского Джемал ад-Дин. Возможно, что вопрос о привлечении этих лиц решался еще во время путешествия Хаджи-Исмаила в Багдад. Это предположение напрашивается само собой, когда читаешь рассказ Шамиля о начале мюридизма. Согласно версии Шамиля, переданной Руновским, тарикат пришел в Дагестан от Халида-Сулеймана Багдадского, слава которого гремела по Востоку. Шейх Исмаил, отправившийся на богомолье в Мекку, посетил на обратном пути Халида в Багдаде и получил от него звание мюрида и такое наставление: «Передать тарикат жителю селения Яраги, Курали Магоме, а ему приказать передать его в свою очередь одному из нукеров Аслан-хана Казикумухского, Джемал ад-Дину,

[1] *Koch K.* Reise in Grusien... S. 415.

[2] Правда, в данных Коха есть и другие неточности. Например, Мухаммед Ярагский, по его мнению, после высылки шейха удалился в Дагестан, и то не в Кюринское ханство, а в Табасарань. Несколько ниже Кох называет Шамиля ичкеринским чеченцем, он ничего не сообщает о Джемал ад-Дине. Но это все пробелы второстепенные, основу же Кох схватил правильно.

[3] *Прушановский К.И.* Общий взгляд на причины и последствия беспокойств, происшедших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами // ААН СССР. Ф.100. Оп.1. Д.57. Л.3.

состоящему при хане в звании "мирзы", секретаря»[1]. Шамиль утверждал, что «ни того, ни другого Халид-Сулейман не знал и ничего о них не слышал. Точно так же не знал их и Исмаил»[2]. Вряд ли в этом можно поверить Шамилю. Вся обстановка заставляет, скорее, предполагать, что и Курали-Магома, пользовавшийся широкой известностью как проповедник (на этом сходятся все версии), и Джемал ад-Дин, секретарь влиятельнейшего в Дагестане Асланхана, могли сыграть известную роль в турецких (или иранских) военных планах. Их могли принимать в расчет. Наталкивает на эту мысль и близость шейха Исмаила к ханскому дому, доказанная ходатайством Гюль-Андаш-ханумы, и, наконец, тот факт, что шейх переселился из Ширвана в Малую Азию, в Сивас, где он получал значительное содержание от турецкого правительства[3]. Если сопоставить факты путешествия Исмаила в Багдад, где жил несомненно связанный с турецким правительством Халид, и приведенное свидетельство, можно высказать предположение, что накшбендийские шейхи действовали с ведома турецкого правительства. В то же время не исключена и связь их (или, по крайней мере, Исмаила) с Ираном. Интерес, проявленный иранскими улемами и муджтехидами к положению кавказских суннитов, «видение» Исмаила[4] — все это говорит о связи ширванских накшбендиев с Ираном.

Одним словом, ширванский мюридизм преследовал еще старую политическую его программу, программу действий против царизма, но в пользу другого соседа. Это вовсе не говорит о направленности позднейшего мюридизма, мюридизма тридцатых годов, действовавшего в Чечне и Нагорном Дагестане. Лучшее свидетельство этому — рапорт Эммануэля, датированный 1828 г., т.е. временем турецкой войны. «Присланные в Чечню турецкие агенты, — писал Эммануэль, — употребляли всемерное усердие поднять народ сей против нас; непокорные еще чеченцы имели в Маюртупе (во всегдашнем пункте их сборищ) свое совещание, в коем сии агенты, имея с собой и знамя пророка Магомета, предлагали им устремиться сперва на мирные аулы, вступившие в подданство России, и, присоединив их к себе, хотели принудить совокупными силами против нас, но сие совещание не имело успеха, сборище оное разошлось и Чечня отныне осталась спокойна»[5]. Но там, где турецкие агенты не имели успеха, мюридизм уже через один — два года поднимал аулы против царизма. Ширванский тарикат не

[1] *Руновский А.* Дневник Руновского за июль 1861 г.// АКАК. 1904. Т. 12. С. 1493.; ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 106 об.

[2] Там же.

[3] ЦВИА. Фонд Департамента Генерального штаба. 1844 г. Д. 113. Лит. Б. Л. 35. Копия с письма виконта де Кастильона.

[4] О нем см. ниже.

[5] Рапорт Г.А.Эммануеля И.И.Дибичу от 17/VII-1828 г., № 79 // ЦВИА ВУА. Д. 6229. Л. 115–115 об.

был выразителем стремлений масс. Поэтому-то в середине двадцатых годов он временно замирает, а затем возрождается уже в ином виде, с иным политическим содержанием.

Хаджи-Исмаил и Курали-Магома

Посредником между Хаджи-Исмаилом и Курали-Магомой был Хас-Мухаммед. История этого посредничества в традиционном изложении изобилует неясностями и случайностями. Но, тем не менее, Хас-Мухаммед — историческое лицо и факт, что он явился посредником между Хаджи-Исмаилом и Курали-Магомой, не подлежит сомнению. Один из дагестанских шейхов накшбендийского тариката, Джемал ад-Дин, приводит в своем изложении основ тариката цепь шейхов. Указав на Халида-Сулеймана, он сообщает, что этот шейх передал тарикат (т.е. посвятил в шейхи тариката) «великому имаму, шейху Исмаилу Кюрдомирскому[1]. Этот передал имаму... и шейху Хас-Магомету Ширванскому. Этот передал имаму... и шейху Магомед-эфенди Ярагларскому Кюринскому»[2]. Как видим, Хас-Мухаммед вовсе не был бухарцем, это ширванский шейх. Был ли он когда-либо учеником Курали-Магомы, сейчас пока сказать трудно, но такая возможность не исключена. В горских источниках, в том состоянии, в каком они находятся сейчас, можно найти две основных версии знакомства Курали-Магомы с Хаджи-Исмаилом, если не считать восходящих к рукописи самого Хас-Мухаммеда работ Прушановского и Боденштедта.

Один мало известный дагестанский автор, писавший на арабском языке, Ильяс ац-Цудакари[3], сообщает ряд небезынтересных сведений. Он указывает на большую известность и большое значение Халид-Шаха, учеником которого был Исмаил Кюрдамирский. Среди мюридов Исмаила был имам и шейх Хас-Мухаммед.

«Шейх Исмаил аль-Курдомири посмотрел на Дагестан сердечным взором и увидел несправедливости, но в селении Яраг увидел он свет, ученого мудариса, законоведа, Мухаммеда аль-Яраги и послал к нему двух своих мюридов. Один из них был Хас-Мухаммед аш-Ширвани, а другой — иной муж. И приказал обоим, чтобы учились у него [Мухаммеда аль-Яраги. — *Н.П.*]: "И если спросит вас: у какого ученого учились вы (прежде), скажите ему: мы ученики шейха Исмаила аль-Курдомири". И они оба исполнили приказание шейха и оба пошли к Мухаммеду аль-Яраги и учились у него. И однажды спросил у них (Мухаммед): у какого учителя вы учились, и сказали: "Мы ученики шейха Исмаила аль-Курдомири", и испугался Мухаммед аль-Яраги, и уст-

---

[1] Тот самый, которого Неверовский называет Хаджи-Исмаилом.

[2] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия // ССОКГ. 1869. Вып. 2. С. 9. В печатном арабском тексте: «шейху Хас-Мухаммеду аш-Ширвани».

[3] *Ильяс ац-Цудакари.* Лестница мюрида. С. 12—13. На араб. яз. (البلغ الزودقارى "سلم المريد").

рашился, и вскочил с земли, и сказал: "Что я за муж, чтобы учить мюридов шейха Исмаила аль-Курдомири", и возвеличил его, и почтил шейха Хас-Мухаммеда аш-Ширвани, и принял от него тарикат и встал на путь. Однажды Хас-Мухаммед аш-Ширвани был имамом на публичной молитве, а позади него — Мухаммед аль-Яраги с общиной. И читал суру, потом фатиху... И овладел халь[1] Мухаммедом аль-Яраги и взволновался волнением великим так, что чуть не упала голова с шеи. Потом пошел он (Мухаммед аль-Яраги) к шейху Исмаилу аль-Курдомири... и был научен им зикру, и сделался мазуном его для (проповеди) прямого пути»[2]. Мухаммед позднее поручил проповедь Джемал ад-Дину, также ставшему тарикатским шейхом. Здесь все совершенно ясно и вполне согласуется с другими данными, как, например, сообщением Махмудбекова, с материалом, даваемым в «Адабуль Марзия» Джемал ад-Дина Казикумухского. Все натяжки и несообразности, которыми изобилует традиционная версия, в рассказе Ильяса ац-Цудакари исчезают.

Согласно рассказу Шамиля, после возвращения Исмаила из Багдада, когда никто еще не знал о принятии им тариката, к нему пришел поучиться ширванец Хас-Мухаммед, обучавшийся перед этим у Курали-Магомы. Вместо шариата Хас-Мухаммед должен был изучать тарикат. И вот однажды он сказал между прочим своему учителю: «Как бы хорошо было, если бы нашу "науку" изучил мой прежний учитель Курали-Магома. Но только он уже слишком ученый человек, так что едва ли поверит тому, что предписывается тарикатом. Этих слов только и нужно было Исмаилу»[3]. Он послал Хас-Мухаммеда к его прежнему учителю с поручением склонить Курали-Магому к принятию тариката. Хас-Мухаммед, явившись в Яраг, не решался в первый день говорить о тарикате и вел себя странно. На второй день, когда Хас-Мухаммед читал коран в мечети, с Курали-Магомой случился припадок «джазбу». Тогда Хас-Мухаммед открыл своему старому учителю поручение Исмаила, и Курали-Магома вскоре направился в Кюрдамир. Эта версия менее правдоподобна, чем рассказ Ильяса ац-Цудакари. Но и она яснее традиционной.

Однако нельзя считать и сообщения Прушановского лишенными какой бы то ни было ценности. Его источник (Шамиль) рассказывает, очевидно, о событии подробнее, чем Ильяс ац-Цудакари, и лишь слишком небрежное отношение Прушановского к пересказу его данных, запутывание этих данных с целью протащить совершенно определенный тезис, заставляет нас сейчас пока отдавать предпочтение Ильясу ац-Цудакари.

---

[1] Халь (حال) — собственно, «состояние», здесь — состояние религиозного экстаза.

[2] *Ильяс ац-Цудакари*. Лестница мюрида. С. 12. В скобки взяты слова, внесенные в текст для разъяснения смысла.

[3] АКАК. 1904. Т. 12. С. 149; ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 108.

Другой автор, пользовавшийся рукописью Хас-Мухаммеда, Боденштедт, излагает историю приглашения немного иначе, ближе к рассказу Прушановского, но у него речь Хас-Мухаммеда начинается не вызывающими сомнений словами: «Я не был в Бухаре»[1]. Окончательно же можно будет выяснить картину лишь после отыскания первоисточников рассказа Боденштедта, но, если исключить детали, картина в целом достаточно ясна. Зная о брожении, существовавшем в Дагестане, глава накшбендийского тариката думал использовать его в интересах закавказских феодалов, связанных в это время с Ираном и Турцией. Для этого он посылает одного из наиболее видных своих мюридов, Хас-Мухаммеда, в Кюринское ханство к пользовавшемуся известностью мулле селения Яраг.

Проповедь Курали-Магомы

Что же представлял собой будущий южнодагестанский «имам и шейх» накшбендийского тариката? Обстановка в Кюринском ханстве, где жил и проповедовал Курали-Магома, была в это время очень напряженной. С одной стороны — общее наступление, проводившееся царизмом в Дагестане, ермоловский погром дагестанских ханств. С другой же — в Южном Дагестане громадное впечатление произвели неслыханные жестокости генерала Мадатова при усмирении им восстания в Кайтаге.

Политическая линия, которой пытался держаться в этих условиях будущий проповедник тариката, Курали-Магома, очень интересна. Когда вести об этом погроме докатились до Ярага, здесь началось брожение и «мулла Мухаммед часто вынужден был прибегать ко всему своему красноречию и присутствию духа, чтобы призвать к порядку беспокойных людей своего аула»[2].

Такое поведение ярагского муллы не отражает, разумеется, настроений широких народных масс. Объяснение ему мы найдем скорее в позиции феодалов и верхушечного слоя кюринских аулов, которые, с одной стороны, вели двойную игру, одновременно изъявляя покорность русскому правительству и симпатии иранскому, с другой же — боялись выступления крестьянской

[1] «Je n'ai pas été jusqu'a Bochara, répliqua Chas Mouhammed. Et il raconta au détail tout ce que lui était survenu depuis qu'il avait quitté Jarach... Un derviche en pélerinage, qu'il rencontra dans son trajet du Schirwan, lui vanta tellement la sagesse et la grandeur d'âme d'un alim, habitant l'aoul de Kourdomir, du nom de Hadis Ismail [Хаджи-Исмаил — *Н.П.*], qu'il résolut de pousser jusqu'à ce village peu éloigné, dans l'éspoir d'obtenir pour le voyage quelque docte texte de l'alim au rénom» (*Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie. Paris, Dentu, 1859. P. 425).

[2] *Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase... P. 424. Majreczak приводит это место Боденштедта, но относит его к более позднему времени (после поездки Курали-Магома в Кюрдамир). См.: *Majerchak.* Le mouridisme au Caucase // Révue du monde musulman. 1912. Sépt. V. XX.

массы. Тарикат был средством, позволявшим в данном случае использовать массовое движение и давшим надежду на помощь со стороны Ирана.

Проблема, разумеется, далеко не узко личная, касающаяся не только религиозных взглядов яргского муллы, но и очень затрагивающая большинство мулл Кюринского ханства, не говоря уж о феодалах. В начале двадцатых годов чувствовалось уже приближение русско-иранской войны, и шахское правительство стремилось вызвать на Кавказе движение против русских. Дагестанские феодалы, связанные в большинстве случаев с Ираном, шли навстречу этим попыткам.

И вот около 1821 или 1823 года[1] Курали-Магома вместе с Хас-Мухаммедом отправляется в Кюрдамир к Исмаилу-эфенди, «пригласив многих кюринских мулл». Здесь происходит совещание, во время которого обсуждается вопрос об упадке магометанства в Дагестане: «...мусульмане не ведают шариата, будучи же подвластными неверным, не могут возвыситься до постижения великой науки тариката»[2].

Интересно отметить штрих, приводимый Боденштедтом в речи Хаджи-Исмаила на этом совещании. Шейх рассказал о своем видении, в котором ему слышались такие слова: «Кто же даст нам мир извне, если преданные дети пророка преследуют друг друга? Вы призываете небесное проклятие на головы сунитов, а суниты поступают так же относительно вас»[3]. Этот призыв к объедине-

---

[1] В рукописной биографии Курали-Магомы (Рукописный отдел библиотеки Института востоковедения АН СССР. Рукопись В 4167. № 19. инв. № 3045. ترجمة حال الشيخ محمد الميراغى الكدالى) указывается дата вступления его на путь — 1237 год хиджры, что соответствует 1821—22 гг. Прушановский относит это событие к 1823 г.

[2] *Прушановский К.И.* Исторические записки... о начале и развитии мюридизма... Л. 6 об. Ср.: *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала... // КС. 1902. Т. 23. С. 2—3. Ср. у Боденштедта: «Moullah Mouhammed accede aussitôt à ce projet [посетить Хаджи-Исмаила. — *Н.П.*] et il engage encore à les accompanier **une foule** [выделено мною. — *Н.П.*] des moullahs de Kourin, amis des sciences» (p. 426). В раннем варианте Прушановского (ЦВИА ВУА. Д. 6430) указано даже число этих сопровождающих: более десяти. Но рассказы Шамиля и Ильяса ац-Цудакари не предполагают, что Курали-Магому кто-нибудь сопровождал. Какая из версий правильнее — трудно сказать. Ср. у Мухаммеда-Тахира: Гази-Мухаммед прислан был «...для возобновления изучений законоположений шариата, для выпрямления извращений славной мухаммеданской религии, восстановления в жизни обрядов ислама, покинутых и оставленных забытыми, и исполнения предписаний книги Аллаха всевышнего, заброшенных с древних времен в пренебрежении» (Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 34).

[3] *Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase... P. 433. Впрочем, один из лучших знатоков ислама, Гольдциер, особенно отмечает затушевывание суфиями вероисповедных различий: «Различия церквей, — пишет он, — вероисповедных формул и религиозных упражнений теряют всякое значение в душе того, кто ищет соединения с божеством; ведь все для него

нию шиитов и суннитов для совместной борьбы за чистоту ислама имел немалое значение для Дагестана с его пестрой картиной территориального распределения шиитов и суннитов. Но у Хаджи-Исмаила мог быть и другой, более существенный повод для такого «видения»: в Иране господствовали шииты, мечтавшие о захвате Кавказа[1].

На этом-то совещании, происходившем в 1823 г., Курали-Магома получил посвящение в мюршиды и стал, таким образом, главой дагестанского мюридизма[2]. Популярность нового мюршида, видимо, была очень велика. В числе его последователей встречаются представители самых различных обществ и ханств Дагестана. Слушать его проповеди приезжают и муллы «вольных» обществ Нагорного Дагестана. Однако боевой направленности проповеди, по-видимому, не имеют. Слова одного из членов семейства Шамиля о том, что «изучением тариката в Дагестане занимались одни только лентяи, дармоеды и в особенности трусы: люди другого закала обыкновенно бросали тарикат и являлись в рядах воинов»[3], слова эти мы смело можем отнести к первым проповедям Курали-Магомы. Сошлемся лишь на проявленное еще в эти годы Шамилем непонимание: как можно увязать проповедь шариата с тарикатом. Если мы примем, что до описываемого времени, т.е. до начала двадцатых годов, тарикат выполнял, главным образом, заказ феодальных кругов и больше обслуживал интересы Турции или Ирана, чем кавказских горцев, положение станет

только оболочка, скрывающая сущность и сбрасываемая овладевшим истиной, когда он достиг познания единственной истинной реальности. И сколько бы они ни доказывали почтения к законам ислама, большинству их обща тенденция затушевывать резкие границы между вероисповеданиями» (*Гольдциер*. Лекции об исламе. С. 156) Поэтому Хаджи-Исмаилу нетрудно было поставить вопрос о совместных действиях шиитов и суннитов.

[1] Сошлемся на приведенную выше выдержку из иранской работы Зика уль-Мулька и на письмо Джарского общества (документы Рукописного отдела Института востоковедения АН СССР. Текст письма приводится нами в связи с описанием Джарского восстания 1825 г.).

[2] Правда, Боденштедт, закончив рассказ о видении Хаджи-Исмаила, добавляет: «La notice de Chas Mouhammed s'arrête la et nous ignorons la durée la sejour des oulémas [улемов, т.е. мулл. — *Н.П.*] de Jarach à Kourdomir ainsi que la suite des entretiens d'Hadis Ismaïl [Хаджи-Исмаила. — *Н.П.*] avec ses hôtes. Il est à présumer, que quelques feuillets se seront pérdus, car les notices, suivants, ne récommencent, qu'à Jarach, ou nous rétrouvons moullah Mouhammed dans une nouvelle sphèré d'activité. (Les peuples du Caucase... P. 435). И действительно, постановлений кюрдамирского совещания мы не находим ни у одного из авторов. Впрочем, посвящение Курали-Магомы в мюршиды — факт, не вызывающий сомнения. Его подтверждают и Джемал ад-Дин в своей цепи тарикатских шейхов, и Ильяс ац-Цудакари.

[3] *Руновский А.* Мюридизм и газават в Дагестане, по объяснению Шамиля // РВ. 1862. Т. 42. С. 650.

ясным. В проповеди Курали-Магомы нет главного, что занимало в данный момент массу: вооруженной борьбы с Россией и с горскими феодалами. Но какие-то новые нотки, очевидно, в ней звучали, иначе проповедь не стала бы такой популярной. Одним словом, в момент выступления на проповедь Курали-Магома не имел отчетливой программы.

Речь Курали-Магомы к народу

Прушановский в своих «Исторических записках» приводит речь Курали-Магомы к народу, речь, в которой проповедник заявляет: «Магометане не могут быть под властью неверных. Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным и никому не должен платить подати, даже мусульманину. Кто мусульманин, тот должен быть свободным человеком, и между всеми мусульманами должно быть равенство. Кто считает себя мусульманином, для того первое дело — газават и потом исполнение шариата... Будучи под властью неверных или чьею бы то ни было[1], все ваши намазы, все урючи, все странствования в Мекку, ваш нынешний законный брак и все ваши дети — бичь (незаконные)»[2].

Речь эта встречается у подавляющего большинства авторов[3], но все они заимствовали ее у Прушановского — он является единственным источником, сообщающим об этом программном выступлении[4]. Однако на недостоверность сведений этого автора мы уже указывали выше. В данном случае прибавим, что Прушановский сам не мог слушать Курали-Магому и составлял свои записки на основе устных преданий[5]. А сличение текста этой проповеди, приведенного в полном («Исторические записки...») и кратком

[1] Здесь он подразумевал Аслан-хана Казикумухского. Примеч. Прушановского.

[2] *Прушановский К.И.* Исторические записки... о начале и развитии мюридизма... Л. 7 об.—9.

[3] Например, у Дубровина (Кази Мулла... С. 316), у Волконского (Война на Восточном Кавказе... С. 20), у Неверовского (О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. С. 5).

[4] Любопытно отметить, что у Боденштедта это место звучит немного иначе: «Le prémier precepte de cette fois est **la liberté** [выделено в подлиннике. — *Н.П.*] la plus eténdue. Nul musulman ne doit être l'ésclave ou le sujet d'un autre, et bien moins encore vivre dans la servitude de peuples étrangers, qui au lieu de consolider notre réligion et de la propager au loin n'entendent qu'à l'opprimer» (Les peuples du Caucase... P. 451—452). Ссылка на Аслан-хана у Боденштедта, как видим, отсутствует: нет указаний на подати, на **равенство** всех мусульман и т.д. В общем, цитата, приведенная Боденштедтом, ближе к магометанским трафаретам, чем изложение Прушановского.

[5] «Некоторые проповеди муллы Магомета сохранились в народной памяти и теперь еще передаются изустно...» (*Прушановский К.И.* Общий взгляд на причины и последствия беспорядков... // ЦВИА ВУА. Д. 6430. Л. 342).

(«Общий взгляд на причины и последствия...») вариантах, дает любопытные результаты. Оказывается, что гладкая темпераментная речь полного варианта составлена из нескольких речей более раннего, краткого. В нее вошли: разбираемая речь, вторая речь Курали-Магомы и речь Гази-Мухаммеда в Гимрах. Уже этого достаточно, чтобы признать окончательный текст речи недостоверным. Первоначальные же варианты прежде всего приведены без кавычек и в форме косвенной речи, т.е. пересказаны, а затем самое содержание этого большого выступления, естественно, распадается на две части. Первая, о податях, приписана кратким вариантом Курали-Магоме, вторая, о газавате, Гази-Мухаммеду. Это, конечно, правдоподобнее, чем единая речь. Но вся боевая направленность, проповедь свободы и равенства, исчезают из выступления Курали-Магомы. В нем остаются лишь призывы не грешить да заявления о греховности взимания муллами **зякята**, хотя и в оригинальном, несколько необычном варианте: «Проповедуя, что мусульманин не может быть ничьим рабом или подданным, и что никому, даже единоверцу своему, не должен платить подати, он упрекал себя в том, что брал **зекат**»[1]. Таким образом, анализ известной программной речи Курали-Магомы приводит все к тому же выводу: либо мюршид не имел отчетливой программы, либо он не хотел ее показывать[2].

В это время сторонником шейха становится Джемал ад-Дин Казикумухский, получивший от Курали-Магомы посвящение в

[1] Там же. Л.342 об. – 343.

[2] Любопытна с этой точки зрения версия, приводимая в одной анонимной арабской рукописи, «Возникновение в Дагестане мюридизма», написанной чеченцем. Оговоримся: автор очень плохо разбирался в дагестанских делах (несколько ниже, по другому поводу, он сам сознается в этом), он писал, очевидно, больше по слухам, нежели по достоверным источникам. Но это-то и делает его работу ценной в одном отношении: независимо от достоверности, факты в ней переданы в таком освещении, какое господствовало в Чечне в пятидесятых годах. Свой рассказ автор начинает с совещания, якобы созванного в Константинополе султаном в 1201 (1786 – 1787) году по вопросу об установлении турецкого покровительства над Кавказом и восстановлении там ислама. Миссия эта была возложена на Халид-Шаха. Последний явился в Яраг, «где и пробыл целый год, положив много труда на проповеди и распространение мюридизма», но, видя бесплодность своих усилий, обратился за содействием к Курали-Магоме. Ярагский мулла, однако, отказался сам выступать с проповедью и дал Халид-Шаху рекомендательное письмо к своему зятю из Гимры, Гази-Мухаммеду «...и заявил, что последний, вероятно, сумеет повлиять на народ в желательном для Халида направлении. Таким образом, заручившись письмом Мухаммеда Яраги к Гази-Магоме из Кумары, Халид-шейх явился к Гази-Магоме и изложил ему о своей цели. Гази-Магома решил помочь шейху Халиду, выехал с ним и начал проповедывать мюридизм на востоке и на западе Дагестана во имя газавата» (с.95). Этому представлению о ничтожности роли Курали-Магомы в подготовке газавата отвечает и систематическое замалчивание тарикатского шейха в сочинениях Мухаммеда-Тахира ал-Карахи и Хаджи-Али *(из частного собрания Николая Ильича, которое погибло во время войны. – Н.Н.П.).*

шейхи. Новый шейх, как известно, ранее «служил при... Казикумухском хане, Аслан хане, в качестве письмоводителя. Хан любил его и за усердную службу его и преданность пожаловал ему три деревни в Кюринском ханстве, под общим именем Астал, и жители этих деревень платили дань»[1] будущему мюридистскому шейху. Его присоединение к мюридизму и высокая роль, которая с первых же шагов была дана ему, приближенному казикумухского хана, известного прислужника царизма, лишний раз говорят о неясности задач движения для Курали-Магомы[2].

Что же касается позиции Аслан-хана, то принятие Джемал ад-Дином тариката кое-что говорит и о ней. Любимый мирза хана мог завязать небесполезные для его господина связи с Ираном. Возможно, Джемал ад-Дин в это время вовсе не понимал еще смысла всего движения и рассматривал его скорее как обычный монашеский орден или, в крайнем случае, думал об использовании его для поддержки дагестанских владетелей против царизма. Мысль о возможности более самостоятельного участия в движении широких масс и о боевой заостренности учения еще не приходила ему в голову.

3. ТАРИКАТ И ЦАРИЗМ В 1825—1826 гг.

1825-й год был годом значительного обострения русско-иранских отношений. Именно в это время в мечетях Ирана муллы выступали с проповедями, самыми яркими красками расписывая несчастья угнетенных кавказских мусульман. О том, что большинство дагестанского населения — сунниты, иранские шииты не вспоминали. «Видение» Хаджи-Исмаила приобретало в этих условиях особое значение, и деятельность кавказских накшбендиев становилась в глазах русского правительства все более и более подозрительной. Характерно, что до 1825 г. ни царизм, ни преданные ему ханы мюридов не трогали. Больше того: о принятии тариката Джемал ад-Дином Аслан-хан Казикумухский не мог не знать. Однако никаких преследований шейха до указанного времени не было. Возможно, что казикумухский владелец имел в виду использовать начинающееся движение в своих целях, для объединения всего Дагестана при поддержке Ирана.

---

[1] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия. Предис. Абдуррахмана. С.3.

[2] В этой связи очень любопытно отметить и другое сообщение, касающееся деятельности Курали-Магомы, но уже в середине 1830 г. Один из источников указывает, что при выборах второго имама Курали-Магома содействовал представителю бекских кругов, Гамзату, выступая против узденя Шамиля. Свои права на имамское звание Гамзат якобы мотивировал, в частности, так: «Кази Мулла избрал меня своим помощником, ныне, по совету мудрого шейха Магомет-эфендия, я решил быть его преемником» (*Пржецлавский П.* Краткий очерк военных действий трех имамов Дагестана в период времени с 1829 по 26 августа 1859 г. // ААН СССР. Ф.100. Оп.1. Д.44. Л.17).

Ермолов и мюридизм

Выше мы указывали на то, что подобным настроениям не чужды были многие из дагестанских феодалов. Об этом мог подумывать и Аслан-хан Казикумухский, в чьих руках были объединены и кюринские, и казикумухские владения. Но действует он чрезвычайно осторожно, стремясь не порывать с массовым движением, которое, может быть, и можно будет направить в нужное русло. Одновременно обращает внимание на мюридизм и главнокомандующий на Кавказе генерал А.П.Ермолов. «Проконсула Кавказа» часто обвиняли в том, что он «проглядел» мюридизм, не задушил его в самом начале и дал движению разрастись. Вряд ли такое обвинение особенно обосновано. Во времена Ермолова еще не было сколько-нибудь широкого тарикатского движения в «вольных» обществах Нагорного Дагестана. Да и связь между тарикатом и газаватом даже горцам не представлялась несомненной. Пока движение ограничивалось муллами, главным образом, Южного Дагестана и Казикумуха. По этой-то, как нам кажется, причине Ермолов и не принял обычных для него жестких мер. Пока речь шла лишь о проповеди духовного совершенствования. А когда агитация начала принимать более широкие размеры, Ермолов сделал попытку противопоставить ей мусульманскую же проповедь в пользу царизма. Для этого Ермолову понадобились люди. И они нашлись.

Саид Араканский

Среди мусульманских ученых мулл были не только сторонники тариката, а тем более — его радикальных трактовок. Нашлось много мулл, которые предпочли не участвовать в проповеди газавата. Наиболее видным представителем этой группы явился кадий Араканский Саид. Он вообще не был склонен к слишком точному следованию шариатским правилам. «Сеид Араканский, — по словам одного из горских писателей, — позволял себе (и даже другим) курить, пить хлебную водку и бузу, доказывая, что это не запрещено шариатом»[1]. Это обстоятельство послужило даже поводом к разрыву с ним будущего первого имама Гази-Мухаммеда, который одно время был учеником араканского кадия. Саид Араканский был широко известен в Дагестане как ученый и пользовался большим авторитетом. Но он нисколько не сочувствовал отмене адатов и готов был выступить против Курали-Магомы и его учеников. Уже это одно сближало Саида с позициями ханов и царизма. В то же время в высказываниях мулл, сторонников царизма, можно найти и другие мотивы, оправдывавшие даже прямое предательство. Один из мусульманских писателей, Хасан ал-Алкадари, высказывавший сочувственное отношение к Саиду,

[1] [*Омаров А.*] Абдулла Омар Оглы. Воспоминания муталима // ССОКГ. 1869. Вып. 2. С. 57.

пишет: «Тарикат есть некоторая система, сопутствующая мусульманскому шариату, не есть новое учение, обязывающее людей пускать в ход кинжалы и сабли, а скорее есть путь, делающий людей более терпеливыми, кроткими и смиренными, как сказал почтенный Хафиз, да спасет его Аллах: Для блага в обоих мирах лишь двух этих правил держись: с друзьями будь ласков в речах, с врагом допускай компромисс»[1].

Вот еще выдержка, взятая из Гаджи-Юсуф-эфенди Аксайского, приводимая тем же Алкадари и говорящая достаточно вразумительно о толковании, дававшемся тарикату противниками Курали-Магомы. Приводимые строки написаны по поводу убийства аварских ханов в 1834 г.[2]. «По любви к Аллаху заявляю, что экстаз тарикатиста вызван Аллахом, направлен к нему же, от него исходит и поведение его... Но меня волнует невежество последователей и долгоденствие тирана[3], лжеца презренного, открыто поедающего и захватно собирающего запретное и без родства наследующего имущество мусульман. Ведь это либо мошенничество, либо незнание»[4]. Мы не будем цитировать дальше всего того, что автор говорит о своих противниках; Гаджи-Юсуф высказывается против политики в религии, но это значит только, что он против боевой проповеди имамов Дагестана, за другую политику, политику соглашения с царизмом.

На тех же позициях стоит, наконец, и кабардинец Сулейман-эфенди, бывший наиб Шамиля у адыгов, перебежавший потом на сторону России. В 1847 г. он выступил в газете «Кавказ», обвиняя Шамиля в том, что имам, «сопровождая действия свои силою оружия и предпринимая военные действия, нарушает тем самым главное условие тариката»[5]. Вся эта полемика между лояльными царизму проповедниками и мюридами отразилась и в ряде работ позднейших историков в виде попыток разделения всех последователей на две группы: тарикатских мюридов и мюридов наибских. Вот как определяет эти группы редакция «Сборника сведений о кавказских горцах»: «Тарикатские мюриды или ученики смешивались с шамилевскими мюридами, тогда как в сущности учение о тарикате в задаче своей чуждо политических целей и направлено собственно к возвышению чисто религиозного духа своих последователей»[6]. Подобное деление явилось результатом попыток царского правительства опереться на таких последовате-

[1] *Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан. С. 122.

[2] Об этом событии см. ниже, в гл. VI.

[3] Имеется в виду второй имам Чечни и Дагестана, Гамзат-бек.

[4] *Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан.С. 124.

[5] [*Сулейман-эфенди*]. Описание поступков Шамиля, противных мусульманскому шариату, которые были замечены Сулейман-эфендием во время его нахождения при нем // Сборник газеты «Кавказ» за 1847 г. Тифлис, 1847. [Т. 1]. С. 33—34.

[6] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия. Вып.1. Ред. предисл. С. 2.

лей тариката, которые углубились бы в «возвышение чисто религиозного духа» и не мешали царизму проводить его колониальную политику. Отсюда и подчеркивание царскими авторами якобы отказа шамилевских мюридов от тариката, отсюда и название «наибских мюридов», введенное в обиход Руновским и подчеркивающее противоречащий якобы тарикату характер мюридистского движения.

Само собой разумеется, что царизм вовсе не вырабатывал сам нового варианта суфизма. Он просто использовал тех суфиев, которые не думали придавать своей проповеди боевой политический характер, а оставались на позициях внутреннего усовершенствования и протестовали против всякой борьбы с царизмом и ханами.

Вот эту-то группу умеренных тарикатистов и использовал Ермолов для противодействия слишком широко распространившейся проповеди тарикатистов радикальных. Царский наместник, по свидетельству М.П.Погодина, «провел в ауле Казанищи всю зиму с 1823 г. на 1824 г., где имел при посредничестве умного и вполне преданного нам шамхала Тарковского ночные свидания с Сеидом-эфенди, ученым наставником значительнейших туземных мулл, пользовавшимся в горах огромным влиянием. Во время этих свиданий, о коих не знали многие из самых приближенных к Ермолову лиц, ему удалось склонить Сеида-эфенди употреблять в нашу пользу свое влияние в горах и принять на себя наблюдение за своими единоверцами»[1]. Таинственность этих свиданий вполне понятна: Ермолову нужно было, чтобы агитация Саида против мюридов не связывалась с русским командованием. Саиду необходимо было опираться на свой авторитет, а это стало бы невозможным, если бы пошли слухи о его свиданиях с Ермоловым. В результате бесед с кадием Ермолов убедился в том, что на него можно положиться, и «назначил ему жалованье и потом высылал ему через шамхала»[2]. Мы не знаем, как дорого заплатил Ермолов, но покупкой он мог быть доволен: Саид «в течение нескольких лет был громоотводом в Дагестане для разных лжеучителей и

[1] *Погодин М.П.* А.П.Ермолов: Материалы для его биогр. // РВ. 1853. Т. 48, нояб. С. 563. Ср.: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1887. Т. 10. С. 26. Сам Ермолов писал об этом случае: «Здесь в Казанище склонил я шамхала пригласить к себе Сеид-эфендия, известного ученостью и между горцами пользующегося величайшим уважением и доверенностью... Несколько раз виделся я с ним, но не иначе, как у шамхала, и в ночное время, дабы не было подозрения между горцами о знакомстве между нами, и они оставались в убеждении, что он не угождал ни одному из русских начальников. В нем нашел я человека здравомыслящего, желающего спокойствия и мне не трудно было угадать, что он не откажется быть мне полезным... Посредством шамхала я обещал доставлять Сеид-эфендию жалованье» (*Ермолов А.П.* Записки А.П.Ермолова. М., 1868. Т. 2. С. 153).

[2] *Погодин М.П.* А.П.Ермолов. С. 363.

вредных нашему[1] господству религиозных пропагандистов»[2]. И даже в 1832 г. барон Розен писал Чернышеву: «Сейт, кадий араканский, ревностно старается вооружить общество свое против Кази Муллы [Гази-Мухаммеда. — *Н.П.*], особенно же усугубил он к сему свои усилия, получив уведомление о высочайше пожалованной ему пенсии»[3].

Запрещение выступлений Курали-Магомы

Но агитацией Ермолов ограничиваться не предполагал. Он отдал распоряжение Аслан-хану прекратить выступления мюридов и самого Курали-Магомы. Очевидно, центром брожения в Дагестане было все еще Казикумухское ханство: в этот момент «вольные» общества Нагорного Дагестана, и особенно Койсубу, меньше давали себя чувствовать. Вот почему здесь Ермолов ограничился свиданием с араканским кадием и не предпринял решительных мер против Гази-Мухаммеда. Аслан-хан вызвал к себе Курали-Магому. История этого свидания представляет немалый интерес для суждения об отношении хана Казикумухского к мюридизму. А оно было довольно сложным. Аслан-хан, как мы указывали выше, не терял надежды использовать движение в своих целях, тем более, что в это время приближалась уже русско-иранская война и хан не мог не рассчитывать на нее. Но к этому присоединялся страх перед движением, которое могло легко обернуться против него самого.

Содержание беседы передается в источниках различно, да это и понятно. Во всяком случае, не подлежат сомнению факты, переданные в обзоре истории ханства Казикумухского и Кюринского: «Аслан-хан, приехав в Касум-Кент, призвал муллу Магомеда [Ярагского. — *Н.П.*] с последователями, но ограничился тем, что поколотил муллу, у которого на следующий день просил в этом извинения, запретил распространять новое учение в своих владениях и донес генералу Ермолову, что им восстановлен в Кюре полный порядок»[4]. Удивляет в этой расправе с Курали-Магомой поведение Аслан-хана, широко известного своей жестокостью. Правда, хан дал пощечину мулле, но затем просил у него извинения. Это могло быть либо в результате боязни, которую испытывал Аслан-хан перед движением, или же из-за стремления не порывать с мюридизмом и при удобном случае его использовать для своих целей. Нам представляется, что здесь действовали обе причины. Курали-Магома был слишком популярен, чтобы с ним

---

[1] Т.е. царскому.

[2] *Погодин М.П.* А.П.Ермолов. С. 363.

[3] Письмо Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 10/III-1832 г., № 178 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 86.

[4] [*А.К.*] Казикумухские и кюринские ханы // ССОКГ. 1869. Вып. 2. С. 28.

можно было допускать такое обращение, какое допустил Аслан-хан. Вспомним, что Исмаил-эфенди не был официально выслан из Ширвана, ему посоветовали уехать. С ним считались, опасаясь его популярности. Пощечина Аслан-хана могла дорого обойтись владетельному хану, и последний предпочел мир.

Но и последователей Курали-Магомы он преследовал лишь для вида, настояв только на том, чтобы они не выступали с проповедью газавата. А это могло быть сделано только в том случае, если Аслан-хан находил движение для себя полезным или предполагал его использовать в дальнейшем. Так ли это или нет (хотя почти все авторы сходятся на таком предположении), но проповедь тариката после этого случая не прекратилась. Наоборот, влияние Курали-Магомы значительно выросло. В 1825 г. Ермолов отдает приказ о его аресте. Приказ приводит в исполнение один из подчиненных Аслан-хана, и шейха отправляют в Тифлис. В дороге Курали-Магома бежал в Табасарань, где шло в это время брожение, и укрылся там. В этом побеге много неясного, поэтому одни авторы обвиняют Аслан-хана в том, что он сам и дал возможность бежать арестованному[1], другие ссылаются на верных мюридов, освободивших своего вождя. Что вернее — сказать трудно. Во всяком случае, репрессии обрушились не только на Курали-Магому. Судя по имеющимся отрывочным данным, ряд видных представителей движения (в числе их и Джемал ад-Дин) принуждены были покинуть ханство. Движение в месте своего первоначального возникновения было разгромлено.

Табасаранское восстание 1825 г.

Но разгром основной своей цели не достиг: в Нагорном Дагестане вырастал к этому времени новый центр движения, центр, объединяющий вождей с более четкой программой и с волей к действию. Это были Гимры. Впрочем, волнения проявляются и в других местах. В конце 1825 г. предпринимались попытки поднять восстание в Табасарани. Правда, наши источники, пытавшиеся связать это движение с пропагандой тариката, не приводят никаких данных, которые свидетельствовали бы в их пользу. В табасаранском движении участвуют, главным образом, беки, отправляющие послов в Иран за поддержкой. Последняя, однако, оказана не была. Беки попытались все же поднять восстание, но массы за ними не пошли: удалось собрать всего 400 человек, а с таким

[1] Как, напр.: *Дубровин Н.Ф.* Из истории войны и владычества русских на Кавказе. С. 222; *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1887. Т. 10. С. 28; автор статьи «Казикумухские и кюринские ханы». С. 28 и др. Ср.: «В 1823 году он [Аслан-хан. — *Н.П.*] дал средства бежать первому проповедывателю мюридизма — мулле Магоме, которого генерал Ермолов приказал схватить и прислать в Тифлис» (*Вранкен А.К.* Политический обзор Дагестана // ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 28, 28 об.).

контингентом начинать серьезное восстание было, разумеется, совершенно невозможно. Поэтому табасаранское движение может рассматриваться нами лишь как один из эпизодов широко развертывающегося в Дагестане брожения.

Приближение русско-иранской войны усиливало волнения на Восточном Кавказе. Можно сказать, что во второй половине двадцатых годов волнения среди феодалов переплетаются с массовым движением узденей, а начало военных действий затруднило борьбу с тем и другим. «Войны с Персией и Турцией, — писал Розен, — остановили в Нагорном Дагестане успехи наши, и с 1829 г. возникла сильная, враждебная нам партия, действовавшая под видом восстановления чистого исламизма»[1]. Другими словами, иранская кампания отвлекла внимание царского командования, а это было использовано вождями мюридизма.

«В мае 1826 г. волнения в Дагестане усилились и почти все беки оказались в числе подозрительных»[2]. Русскому командованию пришлось считаться с угрозой близкого восстания. Решено было опереться на торговое общество, имевшее в Приморском Дагестане значительное влияние, — на Акушу. Выше мы указывали уже, что крупные акушинские торговцы примирились с царским владычеством. Теперь Акуша должна была сыграть роль опоры против «подозрительных беков». Ермолов решает пойти на некоторые несущественные уступки — выбросить акушинским торговцам подачку, чтобы таким образом купить поддержку общества. И уже «3 июня в главной мечети в Тарках было объявлено распоряжение Ермолова о сложении с акушинцев недоимок, о разрешении путешествий в Мекку». Объявление это обставлено было с большой пышностью. Генерал фон Краббе писал Ермолову: «Что мог только придумать и приискать в Тарках к приданию великолепия и пышности празднику — то все сделал. Больше шести часов я сам пробыл вместе с гостями[3], пил с ними за здоровье государя, ваше, кадиев и народа и беспрестанно сидел посреди их... При прощании Зухум-Кадий подтвердил мне от имени народа, что они вполне чувствуют милости вашего высокопревосходительства, и просил это засвидетельствовать перед Вами»[4].

Ход оказался верным, и акушинцы не принимали участия в волнениях. Более того, получив воззвание шаха о содействии иранским войскам, они его препроводили шамхалу. Отказ аку-

[1] Рапорт Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 8/XI-1834 г., № 1024 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 91об.

[2] *Дубровин Н.Ф.* Из истории войны и владычества русских на Кавказе. С. 237.

[3] Акушинскими кадиями, старшинами и разными почетными лицами, специально вызванными в Тарки по этому случаю.

[4] Письмо К. фон Краббе А.П.Ермолову от 15/VI-1826 г. // Дела Архива окружного штаба. Топографический отдел. 1826 г., № 35. Цит. по ст. Н.А.Волконского (КС. 1887. Т. 11. С. 5—6).

шинцев от совместных действий с беками Дагестана и, очевидно, отсутствие поддержки со стороны народа (вспомним, например, попытку восстания табасаранских беков, собравших незначительное число сторонников) удержали от выступления и ту часть феодалов, которая не прочь была использовать в своих интересах военную обстановку.

Джарское восстание 1826 г.

Несколько иначе обстояло дело с джарским восстанием, происходившим летом и осенью 1826 г., т.е. уже в самом начале русско-иранской войны. Здесь переплетались все три момента, действовавшие во второй половине двадцатых годов: бекское движение иранской ориентации, иранская агитация и массовое движение. В начале войны, когда во всем Восточном Закавказье шло брожение, а в некоторых местах, как, например, в Гандже, вспыхивали восстания для поддержки иранцев, у Муганлинской переправы собралось значительное количество джарцев с присоединившимися к ним дагестанцами. Среди них был, между прочим, и известный нам по чеченскому восстанию 1825 г. Бей-Булат. Собрание отправило депутацию к шаху с просьбой о помощи и получило обещание от наследника. Брожение стало быстро распространяться среди закавказских лезгин. Из Дагестана двигались сюда же беки, сочувствовавшие иранцам, и царское командование быстро оказалось перед угрозой всеобщего восстания в закавказских мусульманских провинциях.

Очевидно, именно в это время общество Джар писало к Абу-Муслиму Нуцал-хану (?): «Выступило войско ислама и Ирана с решением вырвать страны ислама из рук кяфиров и неверных... и нужно нам восстание и объединение, и джихад с ними... И были сражения и битвы, и столкновения между войсками кизилбашей и русских. И убито из неверных много людей». Джарцы просили Абу-Муслима: «Толкни верующих к выступлению и поставь, кого ты находишь подходящим, главой и предводителем войска, а мы — мы накормим и угостим их, и учествуем их... И тому, кто придет, — пять туманов»[1].

Однако среди восставших, по-видимому, не было достаточного единства. Что произошло в их лагере, сказать трудно, но часть беков с Бей-Булатом бежала в Иран, бросив собравшихся. Правда, осенью сюда подошли значительные группы дагестанцев из Аварии, среди руководителей которых мы находим аварского

[1] Обращение Общества Джара (на арабском языке. Перевод мой. — *Н.П.*). Документы Рукописного отдела библиотеки Института востоковедения АН СССР. Док. № 5. Что касается адресата, то он неясен. Речь идет либо об аварском Абу-Султане Нуцал-хане, либо об Абу-Муслиме, сыне шамхала Тарковского.

бека, близкого к ханскому дому, Гамзат-бека, того самого, который в 1832 г. сделается вторым имамом Чечни и Дагестана. Но помощь эта ничего существенного не дала. В джарские пределы царизм стягивал военные силы, введено было 10 батальонов — по тогдашним временам, значительная армия. Угроза, созданная этими войсками, произвела желаемое впечатление. Местное население принуждено было заявить о своей покорности, а дагестанцы отступили в горы.

Джарским движением закончился период брожения, связанного с русско-иранской войной, период перехода от борьбы феодалов с царизмом к борьбе масс за независимость. Как мы уже говорили, центром этой борьбы явились дагестанские «вольные» общества и, особенно, общество койсубулинское, известное нам по эрпелинскому восстанию 1825 г. и по первым выступлениям Гази-Мухаммеда с проповедью сначала только шариата, а затем и тариката. К общему обзору истории узденьского движения в этих обществах мы и перейдем теперь.

4. ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ

Гази-Мухаммед

Между тем, проповедь тариката, распространяясь по Дагестану, проникает в нагорные «вольные» общества. Здесь она быстро распространяется среди узденьской массы, видящей в ней прежде всего проповедь шариата. Это подтверждается историей принятия тариката одним из видных койсубулинских проповедников — Гази-Мухаммедом, будущим первым имамом. Для того, чтобы ясно представить себе ту обстановку, в которой действовал Гази-Мухаммед и которая диктовала ему определенную интерпретацию тарикатского учения, нам необходимо вспомнить о развертывающейся в горах борьбе шариата с адатом. Мы помним, что в середине 1823 г. разразилось восстание двух больших шамхальских аулов, Эрпели и Караная, восстание, в котором ближайшее участие приняли койсубулинцы. И вот, ведя борьбу с шамхалом, а вместе с тем с аварскими ханами, койсубулинцы в качестве идеологического обоснования ее выдвигают замену адата шариатом. Выступление царских войск на стороне ханов только усиливает стремление к введению шариата и использованию его в борьбе с неверными.

Одним из наиболее видных шариатских проповедников в Нагорном Дагестане был гимринский «ученый» Гази-Мухаммед. Он родился около 1793 г. и по происхождению был узденем койсубулинского аула Гимры. Его дед Исмаил считался в горах человеком очень умным, он и воспитывал внука. Так что в лице первого будущего имама мы имеем дело с потомственным представителем мусульманского духовенства. Гази-Мухаммед изучал коран сначала в Каранае, а потом в Араканах, у знаменитого тогда проповед-

ника Саида-эфенди. Но учитель и ученик разошлись потом в отношении к русскому завоеванию, что послужило причиной резкого столкновения между ними. Будущий вождь мюридизма был человеком непреклонной воли и твердых убеждений. В горах он считался одним из наиболее выдающихся мусульманских ученых и был известен своим красноречием. Как койсубулинский уздень Гази-Мухаммед ненавидел аварских ханов, постоянно посягавших на независимость этого «вольного» общества, но как проповедник шариата он считал своей первой задачей обращение ханов к шариату.

Его ближайшим сподвижником был друг его детства Шамиль, сын узденя Денгау-Магомы, родившийся и выросший в том же ауле Гимры. Шамиль был на несколько лет моложе Гази-Мухаммеда, он родился в 1797/1798 г.[1]. При рождении он назван был Али, но во время болезни, шести лет, его родители переменили ему имя, желая, чтобы ребенок выздоровел. Теперь он назван был Шамиль (Шамуиль — Самуил)[2]. Юношей Шамиль не имел соперников в играх, требовавших силы и ловкости. С этим будущий вождь горского крестьянства соединял природный ум, любознательность и неистощимую энергию. Все это в конце концов дало ему возможность лучше, чем Гази-Мухаммеду, понять истинный смысл того движения, которое он возглавит в 1834 г. после смерти второго имама, Гамзат-бека. Первым учителем Шамиля был его друг и односельчанин, Гази-Мухаммед, и с этого времени оба сделались неразлучными: Шамиль следовал за своим другом до самой его смерти.

Твердая линия, взятая Гази-Мухаммедом при проповеди шариата, выдвинула его из массы мусульманского духовенства, а хорошее знание обстановки, в которой он действовал, в соединении с идеями войны за веру, газавата, обеспечило ему симпатии койсубулинских узденей. Благодаря его проповеди началось введение шариатских постановлений в быт: не говоря уже о том, что было запрещено пить водку, вино и даже бузу, соблюдались самые мелочные правила шариата: «...женщины стали ходить под покрывалом, мужчины надели чалму, подстригли усы наравне с верхней губой и бороду клином; всякое пение за исключением гимна "ляилляхи-иль Алла" было запрещено как недостойное истинного мусульманина»[3].

---

[1] Хасан ал-Алкадари дает приблизительную дату 1212 г. хиджры, т.е. 1797—1798 гг. (ССОКГ. 1929. Вып. 46. С. 34). Гаджи-Али, хронология которого вообще очень сбивчива, указывает на 1216 г., считая, что он соответствует 1799 г. (См.: *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 10, примеч.). По таблицам Вюстенфельда 1216 г. соответствует 1801—1802 гг.

[2] Шамиль всегда писал свое имя شموئيل («Шамуиль»).

[3] *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. С. 209—210.

Начало проповеди

Гази-Мухаммед выступил с проповедью газавата и введения шариата впервые в 1242 году хиджры, что соответствует 1826/27 гг. нашего летосчисления (так, по крайней мере, утверждает Хасан ал-Алкадари)[1]. Однако первое время его деятельность не выходила за пределы его аула, и лишь в 1828 г.[2] он перенес проповедь в аул Чиркей, но наткнулся на сопротивление части духовенства, главным образом, кадиев, предпочитавших не ссориться с царским правительством[3]. Известная часть аульской верхушки, особенно в богатых аулах, стоит на той же точке зрения и, принимая шариат, отказывается от газавата, мотивируя это боязнью за свои стада или невозможностью лишиться плоскостных зимних пастбищ в том случае, если начнется восстание и горы будут отрезаны от плоскости. Из-за этих настроений некоторой части верхушки аула Гази-Мухаммед не объявляет еще газавата, ведя лишь усиленную борьбу за массы. Показателен в этом отношении ответ, данный им чиркеевцам, будто бы заявившим: «Научай нас шариату... но если ты станешь требовать от нас, чтобы мы шли на газават, чтобы шли воевать с русскими, то наперед отвечаем тебе, что не пойдем, ибо нам нельзя итти. Наши аманаты в Андрееве, стада наши пасутся на землях, занятых русскими, и мы не в состоянии сопротивляться им, можем погибнуть». На это Гази-Мухаммед отвечал: «Наш шариат дозволяет быть в мире с русскими. Вы можете повиноваться им, можете давать аманатов, пока они сильнее нас, но настанет время, когда какой-либо из сильных владетелей Востока, во славу корана, покорит русских и над ними распространит свою власть, — тогда вы можете и должны объявить газават, — а до тех пор повинуйтесь им»[4]. Речь эта вряд ли исторически достоверна, но уже одно то, что она распространялась, характеризует выжидательную тактику Гази-Мухаммеда в тех случаях, когда ему приходилось сталкиваться с колебаниями аульской верхушки. Впрочем, самый факт выступления Гази-Мухаммеда в Чиркее несомненен. О нем упоминается и в документах 1830 г., где указывается и приблизительная дата этого выступления — 1828 г.[5].

---

[1] *Хасан ал-Алкадари.* Диван аль Мамнун (" ديوان الممنون "حسن الالقداري)/ Изд. Мавраева. Темир-Хан-Шура, 1913. С. 71.

[2] Отношение Паскевича Чернышеву от 25/II-1830 г., № 125 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 1.

[3] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1887. Т. 11. С. 147.

[4] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала... // КС. 1902. Т. 23. С. 12. Этот ответ приводится также Боденштедтом.

[5] Выписка из отношения главнокомандующего Отд. Кавк. корп. от 25/II-1830 г., № 125 о действиях возмутителя муллы Казы-Мугама // ЦВИА ВУА. Д. 6244. Л. 80.

Отсюда проповедь начала распространяться по Кумыкской плоскости, где Муса Хасаев, не придавая ей большого значения, не препятствовал деятельности шариатских проповедников.

Столкновения с Джемал ад-Дином

В первые моменты появления тарикатского учения в Койсубу проповедники шариата отнеслись к нему довольно сдержанно. Причины этого явления вскрываются в приведенном выше отрывке о существовавшем взгляде здесь на тарикатистов. К тому же распространяется тарикат в Койсубу через посредство Джемал ад-Дина, ханского секретаря и приближенного, что, разумеется, заставляло приверженцев шариата не доверять учению. Джемал ад-Дин же, не сочувствуя (как это показывает его дальнейшее поведение) пропаганде открытого выступления против царизма, а тем более против феодалов, пытался использовать койсубулинское движение в пользу казикумухского хана[1]. Вероятно, с этой целью он и пригласил к себе Гази-Мухаммеда, однако шариатский проповедник отказался приехать. По рассказу Шамиля, только случай — в Казикумухе ограбление брата Гази-Мухаммеда, торговца Мухаммед-Султана — привел будущего имама к ханскому секретарю[2]. Однако нужно думать, что не только случай сыграл здесь решающую роль. Но как бы то ни было, а Гази-Мухаммед поехал, увиделся с Джемал ад-Дином, и тот склонил его к принятию тариката, а затем назначил своим уполномоченным «мазуном» по Нагорному Дагестану. По возвращении Гази-Мухаммеда узнал о тарикате и Шамиль, который поехал тоже к Джемал ад-Дину в сопровождении Амир-хана (своего будущего секретаря) и Лачинилау. Первые двое так же, как и Гази-Мухаммед, приняли тарикат. Таким образом Джемал ад-Дин приобретал авторитет в Нагорном Дагестане, и, возможно, пока это не шло вразрез с планами Аслан-хана Казикумухского. Гази-Мухаммед провел у него несколько дней, проповедуя шариат. Трудно сказать, повлиял ли Аслан-хан на гимринского муллу, но лозунг газавата пока снимался: таковы, очевидно, были инструкции Джемал ад-Дина.

Возможность такого предположения подтверждает и записанное в показаниях Орбелиани известие, почерпнутое, видимо, из рассказов Шамиля или его приближенных: «Джемал Эден убедил его [Гази-Мухаммеда. — *Н.П.*] принять на себя распространение шариата, но строго запретил ему вступать в борьбу с русскими, а

[1] Возможно, именно на эти тенденции Аслан-хана намекает Хасан ал-Алкадари, сообщая, что «Аслан-хан послал его [Джемал ад-Дина. — *Н.П.*] к этому эфенди [Курали-Магоме. — *Н.П.*] уговаривать, чтобы народ не собирался вокруг него» (*Мирза Гасан-эфенди, сын Хаджи-Абдулла-эфенди Алкадари Дагестани.* Книга Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане) // СМОМПК. 1929. Вып. 46. С. 137).

[2] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1495; ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 110 об.

стараться только об искоренении в буйных дагестанцах закоренелых привычек и пороков и наставить их на путь истинный»[1]. Если вспомнить, что понималось дагестанскими феодалами под «буйством», если принять во внимание, что слово «буйный» и «демократический» в официальной царской переписке постоянно встречаются рядом, то станет понятно, какие задачи поставил Джемал ад-Дин перед Гази-Мухаммедом.

Однако события скоро показали, что он ошибался. Гази-Мухаммед тяготился навязанной ему ролью, и «истинные последователи шариата» были недовольны обращением вождя к тарикату[2]. В самом деле, «политическая свобода, — по выражению Бэддли, — была, очевидно, непременным условием религиозной реформы и освобождение мусульман от рабства — высшим оправданием священной войны»[3]. Койсубулинские проповедники шариата хорошо понимали это. И вскоре Гази-Мухаммед с ближайшим другом и помощником своим Шамилем изменили содержание неопределенной до сего времени, колеблющейся проповеди тариката. По словам Шамиля, Гази-Мухаммед однажды сказал: «Что бы там ни говорили Курали Магома с Джемал ад-Дином о тарикате, на какой бы манер мы с тобой ни молились и каких бы чудес ни делали, а с одним тарикатом мы не спасемся: без газавата не быть нам в царствии небесном... Давай, Шамиль, газават делать»[4]. В выступлениях Гази-Мухаммеда зазвучали опять боевые ноты: строгое соблюдение требований шариата и газават неверным. Тарикат, суфийский путь к самоусовершенствованию, сохранялся теперь лишь как удобная форма организации движения. Содержание же, программа движения были совсем не теми, какие проповедовал Джемал ад-Дин.

По словам Руновского, поворот в действиях Гази-Мухаммеда чрезвычайно не понравился Джемал ад-Дину, который писал по этому поводу своему ученику: «Было много ученых людей, которые тоже хорошо знали о необходимости газавата, однако они ничего не предпринимали, считая это дело невозможным: сам коран воспрещает вести войну против неприятеля сильнейшего. Если найдутся такие люди в настоящее время, пусть они и ведут газават, но ему [Гази-Мухаммеду. — *Н.П.*] как последователю и проповеднику тариката это неприлично»[5].

Факт разногласия между Джемал ад-Дином и Гази-Мухаммедом подтверждает и сын первого, Абд ар-Рахман: «В начале имамства Гази-Мухаммеда отец мой не соглашался с последним в

---

[1] ЦВИА ВУА. Д. 6478.

[2] *Дубровин Н.Ф.* Из истории войны и владычества русских на Кавказе // ВС. 1890. № 10. С. 211–212.

[3] *Baddelay.* The russian conquest of the Caucasus. London. 1908. P.239.

[4] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1496; ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 116 об.

[5] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1496; ЦВИА ВУА. Д. 1293. Л. 117.

его действиях против русских и к возмущению дагестанского населения, а потому написал к нему письмо, в котором советовал оставить такой образ действия, если он называется мюридом в тарикате»[1]. Таким образом, уже в начале проповеди Гази-Мухаммеда в среде тарикатистов наметился раскол.

Но Курали-Магома встал в споре на сторону Гази-Мухаммеда. Он разрешил продолжать проповедь газавата и будто бы даже написал, что «отшельников мюршидов можно найти много: хорошие же военачальники и народные предводители (имамы) слишком редки»[2]. Джемал ад-Дину пришлось сдаться.

Столкновение Гази-Мухаммеда с Джемал ад-Дином повлияло п на отношения койсубулинского проповедника к его другу Шамилю. Они разошлись в вопросе о газавате и о дисциплине мюрида. Шамиль настаивал на подчинении Джемал ад-Дину, но после выступления Курали-Магомы ссора была ликвидирована. Однако это, по-видимому, не единственный случай столкновений между двумя будущими имамами. Недаром же Шамиль уже в Калуге подчеркивал Руновскому, что Гази-Мухаммед не понимал как следует ни задач движения, ни политической линии имама. Бросается в глаза и другое обстоятельство: Шамиль обычно держится ближе к Джемал ад-Дину, чем к Курали-Магоме. Но при недостатке материалов по этому вопросу делать из этого какой-либо вывод трудно.

Победа мнения Гази-Мухаммеда над мнением Джемал ад-Дина оказала решающее воздействие на позицию Курали-Магомы. Первый дагестанский шейх тариката накшбенди признает теперь необходимость вооруженного выступления.

Поворот во взглядах Курали-Магомы, вызванный полемикой Гази-Мухаммеда с Джемал ад-Дином, подтверждается и Абд ар-Рахманом в его предисловии к «Адабуль Марзия».

Поворот в проповеди Курали-Магомы привел к тому, что его мюриды начали усиленно готовиться к газавату. Рассказы о ряде эпизодов сохранились, но ввиду их малой достоверности останавливаться на них мы не будем. Укажем лишь на то обстоятельство, что, судя по ряду данных, тарикатское учение в новой его интерпретации, учение, призывающее к газавату, распространилось по Дагестану очень широко. Именно с этого времени начинают встречаться сведения о тарикатистах и их шейхах, ведущих пропаганду газавата. Идея последнего, отвечавшая настроениям узденьскоіі массы, была подхвачена и с поразительной быстротой охватила весь Северный и Нагорный Дагестан. Программой проповедников было, наряду с газаватом, замена адатов шариатом и борьба с ханами. Так, Гази-Мухаммед «призывал их [жителей Дагестана. — *Н.П.*] к обязательности шариата, действиям в соответствии с ним

[1] *Джемал ад-Дин.* Адабуль Марзия. Предисл. Абдуррахмана. С. 6.
[2] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1498; ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 122.

и к отстранению обычаев адата и оставлению их. Он устрашал, угрожал и для того, чтобы обратиться к старейшинам Дагестана, составил послание, обличая в нем людей адата в неверии, которое назвал: Блестящее доказательство об отпадении от ислама признающих адат»[1].

Организация восстания

В начале 1829 г. Гази-Мухаммед начинает свою проповедь в шамхальстве. При свидании с Мехти-шамхалом проповедник, повидимому, произвел на дагестанского владетеля большое впечатление[2] и получил возможность свободных действий в шамхальстве. Ему стали повиноваться оба селения Казанищи. Отсюда он направился в Эрпели и Каранай, где после столкновения с местной знатью получил аманатов. Отсюда уже в начале 1830 г. двинулся в Араканы. Саид Араканский бежал, а «жители повиновались и подчинились»[3] проповеднику. Наконец, когда Гази-Мухаммед направился в Гумбет и Анди, то его поездка превратилась в какое-то триумфальное шествие. И здесь, в Нагорном Дагестане, в проповеди опять звучали боевые ноты. Здесь, говоря с горским крестьянством, проповедник призывал идти на Москву, здесь он заявлял, что слышит звон цепей, в которых ведут побежденных гяуров. Эти речи вызывали громадный энтузиазм у слушателей.

Впрочем, не везде дела шли так блестяще. В Анди Гази-Мухаммед натолкнулся уже на большое сопротивление и принужден был штурмом брать аул Гагатль. Но в конце концов андийцы «были там побеждены и повергнуты униженные, смиренные и покорные всему тому, что Гази-Мухаммед им приказывал или запрещал»[4]. Обратим внимание на поведение андийцев, не в последний раз мы встречаем их в роли противников мюридизма. Богатое ремесленное общество еще больше, чем Чиркей, дорожило своими связями с плоскостью и силой обстоятельств вынуждалось к сопротивлению всем, желавшим нарушить эти связи. Это один из показателей того, в какой мере экономическая изоляция горцев от народного хозяйства России покоилась лишь на хозяйственной неразвитости.

Между тем, идеи шариата и газавата начинают распространяться по всему шамхальству. Некоторое представление о том настроении, какое царило в шамхальстве в 1828—1829 гг., дает

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 36.

[2] Там же. С. 38.

[3] Там же. С. 41.

[4] Там же. С. 42. Сведения эти подтверждаются и цитированным выше отношением Паскевича Чернышеву от 25/II-1830 г. (ЦВИА ВУА. Д. 6241). Это отношение опубликовано в «Материалах по истории Дагестана и Чечни». Махачкала, 1940. С. 202.

переписка Паскевича с Сипягиным. Последний сообщал, что по донесениям лазутчиков «подвластные шамхалу Тарковскому народы делают часто своеволие; причиной тому сам шамхал, который через несправедливое и своекорыстное управление делается совершенно неспособным к удержанию надлежащего порядка в своих владениях»[1]. Эти данные Сипягин проверял через генерала фон Краббе, который подтвердил, что шамхал «к слабому и малодушному своему характеру присоединяет несправедливое и своекорыстное управление»[2]. Царский администратор делал из этого факта ничтожные выводы: он предлагал лишь учредить при шамхале особого пристава. Но здесь нас интересует не эта сторона вопроса, нам необходимо лишь констатировать факт серьезного недовольства в шамхальстве.

Что же касается мероприятий, то тут царское правительство осталось верным себе. Паскевич прежде всего подтвердил факт недовольства, но постарался выгородить шамхала, заявив, что происходит это «более по непостоянству и буйному характеру дагестанцев»[3] и что «со стороны народа, подвластного шамхалу, прямых жалоб на терпимые им притеснения» до него «не доходило». И далее воспрещал местному начальству в Дагестане вмешиваться прямо «в дела между шамхалом и его подвластными. Если же от последних будут поступать к нему прямые и заслуживающие внимания жалобы на шамхала и притеснения, им делаемые народу, **сделаются слишком гласными**, то доводило бы о сем до моего сведения, я же надеюсь **убеждениями и советами** склонить последнего, дабы он действиями своими не возбуждал против себя общего недовольства»[4].

Дело это было доложено Николаю I, и он одобрил мнение Паскевича, «признавая совершенно основательными, — как писал Нессельроде, — суждения ваши, что удержание горских князей и народов в тишине должно составлять при нынешних обстоятельствах главную, единственную цель местного управления; все же улучшения, какие оказываются нужными, как равно искоренение беспорядков, между горцами существовать могущих, необходимо отложить до того времени, когда мир между Россией и всеми азиатскими державами дозволит беспрепятственно заниматься улучшениями внутренними»[5]. Понятно, что в шамхальстве мюридизм мог найти благоприятную почву.

---

[1] Докладная записка ген.-ад. Сипягина от 28/VIII-1828 г., № 151 // АКАК. 1878. Т. 7. С. 510.

[2] Там же. С. 510—511.

[3] Отношение Паскевича Нессельроде от 13/IX-1828 г., № 683 // АКАК. Т. 7. С. 509.

[4] Там же. С. 510 (выделено мною. — *Н.П.*).

[5] Отношение Нессельроде Паскевичу от 4/XII-1828 г., № 1951 // АКАК. 1878. Т. 7. С. 511.

Один из сыновей шамхала[1], Абу-Муслим, стремясь стать шамхалом, выступает как ученик Гази-Мухаммеда и объединяет значительную часть шамхальских аулов. Выступление Абу-Муслима было ликвидировано царизмом сравнительно быстро и просто, да и не видно, чтобы претендент в шамхалы получил более или менее серьезную поддержку массы. Уздени шамхальства хорошо понимали цели Абу-Муслима и не доверяли ему, а события тридцатых — сороковых годов показали, что Абу-Муслим не имел никакого отношения к массовому движению и действовал исключительно в своекорыстных интересах.

Однако для историка принятие тариката Абу-Муслимом далеко небезынтересно. В только что упоминавшемся деле о восстании 1830 г. есть небольшая справка, проливающая некоторый свет на первые действия Гази-Мухаммеда в момент выступления его в 1830 г. «Аварский хан Нуцал, Хундзаком владеющий, — пишет Паскевич, — в прошлом году замешан был в неприязненных покушениях Абдул Мислема, одного из сыновей шамхала Тарковского, против старшего брата своего Солейман-паши, которые, однако, уничтожены примирением обоих братьев впоследствии движения противу партии Абдул Мислема части российских войск, в Северном Дагестане расположенных»[2].

Эта короткая справка говорит о том, что кроме отношений с тарикатистами у Абу-Муслима была налажена линия контактов и с аварским ханом, и можно предполагать, что дело не обошлось без прямых связей тарикатистов с аварским ханом. Очевидно, не один Абу-Муслим пытался как-то использовать поднимавшееся массовое движение. Дальнейшие события показали это совершенно ясно. С другой стороны, и среди вождей крестьянского движения, очевидно, намечается какая-то группа, пытающаяся установить договоренность с аварским ханом. Пока имамом оставался Гази-Мухаммед, это было очень трудно, но при втором имаме, Гамзат-беке, тенденции союза с ханами победили. Вот почему нельзя недооценивать выступления Абу-Муслима. Он — свидетель сохранения старых и прочных связей между определенной группой тарикатистов и феодалами, вариант той комбинации, на какую рассчитывал, очевидно, Аслан-хан, играя тонкую и сложную игру с Курали-Магомой и Джемал ад-Дином. Нуцал-хан оказался в более трудной обстановке. Аульская верхушка, примкнувшая к движению, имела его в виду в своих комбинациях, пыталась привлечь к выступлению и владетеля Аварии, как он ни ос-

[1] 25 февраля 1830 г. Паскевич писал: «Абдул Месселим, сын шамхала, был недавно у хана Аварского для приглашения его в секту; по возвращении приглашал к тому же деревни Мехтулинские и ныне, находясь в с. Казанищах, имеет в готовности три возмутительных значка» (ЦВИА ВУА. Д. 6244. Л. 81).

[2] Отношение Паскевича ген.-квартир. гл. штаба гр. Сухтелену от 28/I-1830 г., № 92 // ЦВИА ВУА. Д. 2644. Л. 62 об.

терегался. Но вопрос был решен не настроениями Нуцал-хана, не маневрами аульской верхушки. Решен он был движением узденьской массы уже при втором имаме — Гамзат-беке.

Таким образом, уже в первые моменты развертывания движения в Нагорном Дагестане мы сталкиваемся, с одной стороны, с политикой аульской верхушки, с другой — с настроениями узденьской массы. Решают тенденции основной массы узденей и задачи массового движения. Вот почему так важно было усиление мюридизма в «вольных» обществах. В Салатау и в шамхальстве Гази-Мухаммед организует общество шихов[1], которое должно служить организации наиболее устойчивых элементов движения и, в первую очередь, магометанских «ученых». «Главным условием к достижению этого задания Кази Мулла поставил отречение от всех мирских благ, безусловное следование шариату и распространение его, хотя бы даже вооруженной рукой. Секта эта, кроме того, обязывала своих последователей и другими строгими правилами, удовлетворение которым недоступно было натурам обыденным; поэтому вступление в нее возможно было только для тех, кто чувствовал себя в силах вынести все возлагаемые на человека обязанности. Таким образом тип шиха определился сразу чертами самоотвержения, необыкновенной силы воли и решительного характера»[2]. Общество шихов помогло объединить распылявшиеся ранее силы проповедников мюридизма и создать из них ударную группу.

К концу 1829 г. организация сил в основном была закончена, приближался момент вооруженного восстания. Конец 1829 г. ознаменован целым рядом «народных собраний», которые, по словам одного из официальных документов, постановили: «1) стараться избегать или просто отложиться от русского правительства и дорожить свободой; 2) избегать по возможности или вовсе прекратить всякое сношение с русскими и подвластными России» и в то же время заменяли адаты предписаниями шариата: «3) за всякое смертоубийство виновного наказывать не штрафом, как водилось, но лишением жизни; за воровство же и подобные тому проступки виновных подвергать телесному наказанию. Учинивший то или другое не находит убежища ни в какой деревне, а выдается на суд той деревне, где имеет жительство. 4) За открывшееся прелюбодеяние, если оно произошло с согласия, виновные наказываются лишением жизни; такой же участи подвергается и учинивший насилие в сластолюбии к женщине или мужчине. 5) Употребление горячих напитков вовсе уничтожается. 6) Женский пол не

[1] Паскевич в своем предписании Стрекалову от 22/X-1829 г., № 1194, отметил, что шихи были, главным образом, во владениях Шамхальском и Салатовском, они, как и народные шариаты, появились лишь после начала русско-турецкой войны. См.: АКАК. Т. 7. С. 511.

[2] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1887. Т. 11. С. 122.

должен показываться мужчинам, при внезапной встрече закрывать лицо покрывалом»[1].

Это значение конца 1829 г. отразилось и в работах мусульманских историков мюридизма. «В 1244 г. гиджры[2], — говорит один из них, — всевышнему богу угодно было восстановить шариат, чтобы показать разницу между добром и злом и увенчать правоверных мусульман славою на полях битвы, а неверных поразить мученическою кончиною»[3].

Следующий, 1830-й год явился уже годом формального провозглашения имамата.

---

[1] Рапорт и.д. за отсутствием Краббе полковнику Мищенко воинского начальника кр. Бурной майора Ивченко от 31/I-1830 г., № 22. Цит. по: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1887. Т. 11. С. 148, 149.

[2] 1829 г. нашей эры, прим. в рукописи. Точнее — 1828 — 29 гг. Однако во всех списках сочинения Мухаммеда-Тахира ал-Карахи, имеющихся в Институте востоковедения АН СССР, указывается дата 1242 г. (1826 — 27 гг.), в переводе же Берже — 1245 г. (1829—1830 гг.).

[3] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Рукопись Пржецлавского «Краткий очерк военных действий трех имамов Дагестана в период времени с 1829 по 26 августа 1859 г.». Рукопись представляет собой перевод-переработку сочинения Мухаммеда-Тахира «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах».

Глава IV.
ОБРАЗОВАНИЕ ИМАМАТА

1. ПЕРВЫЙ ИМАМ, ГАЗИ-МУХАММЕД

Гимринское совещание

Подготовка к восстанию закончилась в конце января 1830 г. Совещание руководителей движения, собравшихся со всех концов Дагестана в ауле Гимры, считало возможным приступить к вооруженному восстанию. К сожалению, мы не имеем никаких данных о задачах, которые ставились перед восстанием гимринским совещанием. Все, что нам известно о решениях, принятых в Гимрах, относится исключительно к организационным вопросам. Однако первые же действия восставших проливают некоторый свет и на программу, намеченную на совещании. Мы знаем, что благодаря религиозному оформлению движения основным оказался лозунг газавата, священной войны против всех немусульман. А также — и против тех мусульман, которые будут противиться шариату в его мюридистской интерпретации. Совещание 1830 г. провозгласило газават. Но против кого направится «священная война»? Только ли против царизма? Или она нанесет удар и верхушкам горской феодальной аристократии — ханам и бекам?

Первоначальный характер движения

О первоначальном характере движения говорят как русские, так и горские источники. Не раз уже упомянутый дагестанский историк Мухаммед-Тахир ал-Карахи пишет: «Граждане и главы Хунзаха были источниками всех бед и несчастий, ибо все это было оттуда. Все жители этого аула занимались порочными делами. Все абреки, весь вредный элемент и беглецы скрывались в этом ауле — это было их убежище»[1]. Поэтому первое выступле-

[1] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск горных сабель в некоторых газаватах имама Шамиля: (Пер. с араб. рукописи) // Рукописный отдел библиотеки Ставропольского педагогического института. Л. 15. Близка к приведенной формулировка и в другом варианте того же сочинения Мухаммеда-Тахира: «Гази-Мухаммед считал аварских ханов закоренелыми врагами ислама и виновниками разложения народных нравов» (Три имама // СМОМПК. 1927. Вып. 45. С. 57). В варианте, изданном А.М.Барабановым, этот текст звучит так: «Вследствие того, что народ Хунзаха и возглавляющая Хунзах (ханша) были источником всяких междуусобиц и пороков и прибежищем для каждого злоумышленника, мятежника или бродяги, Гази-Мухаммед выступил против них с войска-

да и оказалось направлено против Хунзаха, столицы Аварского ханства. Царское командование отразило в своих воззваниях такое же толкование мюридизма, какое дает и Мухаммед-Тахир. Тогдашний кавказский наместник, Паскевич, тоже рассматривал мюридизм как выступление против феодальной верхушки. Он писал военному министру, что Гази-Мухаммед... «видя, что духовенство магометанское с давнего времени утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами... предпринял произвесть переворот в пользу духовенства восстановлением шариата»[1]. Поэтому царский главнокомандующий для ликвидации движения попытался опереться на феодальную аристократию. В своей прокламации ко всем дагестанским жителям он писал о возмутителях, «...ищущих под видом шариата покорить под необузданную власть свою вольные ваши общества и **истребить древние поколения ханов** [выделено мною. — *Н.П.*] и правителей народных...» и призывал: «Ханы, князья, уздени, султаны, беки, муллы, старшины и прочие знатные степени останутся при достоинствах и уделах своих»[2]. Почти то же самое можно найти и в прокламации 1831 г.: «Некоторые из возмутителей спокойствия... под предлогом шариата намерены искоренить роды старших обществ и знатных фамилий, ханов и владельцев»[3]. Паскевич, как видим, настойчиво указывает феодальной верхушке Дагестана на общность ее интересов с интересами царизма в деле подавления восстания. Характерно, что эти указания исчезнут в ближайшее время и вновь появятся только в прокламациях 1840-х гг., в то время, когда Шамиль начнет проводить активную социальную политику. Царское командование чутко

ми» (Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи: О дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. А.М.Барабанова. М.; Л., 1941. С. 42). Почти ту же формулировку находим мы и у Алкадари: «Гази Мухаммед эффенди, убедившись, что проживающий в Аварии, в селении Хунзах род ханов будет препятствовать ему осуществлять подобные решения [введение шариата. — *Н.П.*], прежде всего задумал всячески этот род истребить там совершенно» (*Мирза Гасан-эфенди, сын Хаджи-Абдулла-эфенди Алкадари Дагестани.* Книга Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане) // СМОМПК. 1929. Вып. 46. С. 120).

[1] Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 27/III-1830 г., № 174 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 14.

[2] Прокламации И.Ф.Паскевича от 17/V-1830 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 31; АКАК. 1878. Т. 7. С. 516. Карганов, передавая ходившие в горах слухи, сообщал Паскевичу, что «цель триумвирата в лице Кази Муллы, Джемал Эддина и Магомета Ярагского состояла в том, чтобы по уничтожении в Дагестане ханского достоинства и предоставлении ханам во владение по одной деревне, сделаться самим правителями в Аварии, Казикумухе и Кюре» (Донесения от 28/III и 1/IV-1830 г. См.: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1904. Т. 12. С. 10).

[3] КС. 1912. Т. 32. Ч. 1.С. 47.

Царское командование чутко реагировало на все изменения в задачах мюридистского движения и стремилось использовать каждый шанс в борьбе с восстанием. Тем более что восстание явно и в первую очередь угрожало владычеству царизма в горах. Паскевич понимал это не хуже Гази-Мухаммеда. Говоря о задачах имама по восстановлению власти духовенства, Паскевич констатировал и другую его цель — нападение на царские крепости в Чечне и Дагестане[1]. О последнем наперебой доносили главнокомандующему ханы.

Борьба «вольных» обществ с ханами

В определенной направленности выступления явно сказались настроения койсубулинского крестьянства, ненавидевшего аварских ханов и требовавшего уничтожения их разбойничьего гнезда, «столицы» ханства, аула Хунзах. Борьба так называемых «вольных» обществ с аварскими ханами имела к описываемому времени уже значительную давность. Борьба эта привела к высвобождению части обществ Нагорного Дагестана из-под власти Аварии. В частности, «Койсубулинцы в прежние времена составляли часть Аварского ханства, но потом отложились»[2]. И с этого времени Койсубу стало опорой тех, кто боролся против власти аварских ханов. «Именно таким образом семь аварских селений: Ората, Харах, двое Гамушей, Мушули, Коло и Хиндах неоднократно пользовались заступничеством хиндалальцев [койсубулинцев. — *Н.П.*] против насилий и неистовств владетелей их — аварских ханов. Наконец, в одно время (тогда Шамиль был еще мальчиком) после кровопролитного сражения, происходившего в садах Ораты, где было убито множество аварских беков, семь селений, по желанию их жителей, были присоединены к Хиндалялу, и затем аварские ханы навсегда утратили над ними свою власть»[3]. Успешная борьба крестьян с феодалами вела к расширению территории «вольных» обществ. Однако аварские ханы не примирились с новым порядком вещей.

Как показывают некоторые документы середины 30-х гг., тенденция ханов к взиманию дани с бывших своих подданных существовала и в описываемое время. Так, например, в 1833 г. барон Розен писал графу Нессельроде: «Владение, собственно хану принадлежащее, составляет меньшую часть Аварии: оно состоит из нескольких деревень, платящих ему небольшую подать, остальная же часть аварцев, хотя и считает хана своим владельцем и иногда

[1] Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 27/III-1830 г., № 174 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 14 об.

[2] *Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане. Ч. 2. Топографическая (рукопись) // ЦВИА ВУА. Д. 6528. Л. 66 об.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Л. 188, 188 об. Отпадение селений произошло в начале XIX в., не позднее середины второго десятилетия, т.к. Шамиль родился в 1797/98 г.

платит ему дань, но повинуется в таком только случае, если он личными достоинствами умел приобрести народную доверенность своей предприимчивостью или через посредство родства успеет составить себе сильную партию, которая в случае надобности может его поддерживать»[1]. Приведем еще два свидетельства документов, свидетельства, не оставляющие сомнений во взаимоотношениях «вольных» обществ с аварскими ханами. Одно из них касается Сурхая Аварского. Этот последний, «пользуясь исключительным правом выдавать аварцам и соседственным с ними вольным обществам билеты для свободного проезда и торговли в наших владениях, начал мало-помалу приобретать некоторое влияние в Дагестане, так что довольно сильное Андийское общество признало его своим владельцем»[2]. Другой автор говорит короче, но не менее ясно: «Аварский хан ищет распространить влияние свое на различные лезгинские племена»[3]. Понятно, что между ханами и частью «вольных» обществ идет борьба, что царские войска, пришедшие в горы в разгар этой борьбы, укрепили положение хана и что первые же удары мюридизма должны были быть направлены именно против аварских ханов.

Но, с другой стороны, участие в движении верхушечных слоев аула, общая религиозная окраска восстания, стремление некоторой части феодалов использовать движение в своекорыстных целях и, наконец, областные интересы — все это вносило в линию поведения первого имама элементы колебаний и нерешительности. Уже одно то, что помощником Гази-Мухаммеда был родственник аварских ханов, Гамзат-бек, не могло не влиять на решения вождя дагестанского восстания. Позднее, когда воспоминания об изгибах политической линии Гази-Мухаммеда изгладились, у Мухаммеда-Тахира и Хасана ал-Алкадари остался лишь образ последовательного борца с завоевателями и с ханами.

Политика первого имама в отношениях с ханами

Но документы тридцатых годов еще не отражают этой однозначности. В самом деле, мы уже указали на связанность действий Абу-Муслима с тарикатистами, с одной стороны, и с аварским Нуцал-ханом — с другой. А это заставляет подозревать о возможности и прямых связей между Гази-Мухаммедом и аварскими ханами.

---

[1] Отношение барона Г.В.Розена к гр. К.В.Нессельроде в июне 1833 г., № 240 // АКАК. 1878. Т. 7. С. 567.

[2] «Записка об Аварском ханстве», приложенная к отношению гр. И.Ф.Паскевича к гр. К.В.Нессельроде от 17/XI-1828 г., № 269 // Там же. С. 523.

[3] Рапорт генерала А.А.Вельяминова барону Г.В.Розену от 5/XI-1831 г. № 1047 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 100.

Вот одно из сообщений И.Ф.Паскевича: «Сей мулла [Гази- Мухаммед. — *Н.П.*], собрав из Гумбатлинского, Койсу-бойлинского и Салатовского владений до 6 тысяч жителей, прошел до деревни Аракан, где арестовал кадиев и князей, отвергающих шарият, и взял от прочих жителей присягу собраться около половины февраля в назначенный пункт для преклонения к себе Аварского ханства»[1]. Как собирался имам «преклонять себе» Аварское ханство — Паскевич не говорит. Об этом сказал сам вождь мюридов. Известие, имеющееся у одного из военных историков, указывает на очень осторожные тона в выступлении Гази-Мухаммеда на гимринском совещании: «Правители аварского ханства, — будто бы сказал имам, — бывшие главнейшими владельцами Дагестана, ищут мира с русскими. Нуцалхан еще молод и не может рассуждать, мать же его Паху-Бике — умная и рассудительная женщина, и с нею мы поговорим и посоветуемся»[2]. Если только это известие верно, то имам на гимринском совещании не выдвигал на первый план борьбу с феодалами, а пытался оставить вопрос открытым. Дальнейшие события показали, что решился он не в сторону мира с аварскими ханами.

С объявлением газавата совещание определило и его вождя. Гази-Мухаммед был избран имамом, главой мусульман в их борьбе за укрепление и распространение ислама. С этого момента можно считать движение организационно окончательно оформившимся. Гимринское совещание 1830 г. положило начало созданию нового государства в горах Восточного Кавказа — имамата.

Выступление против аварских ханов

Под лозунгом борьбы с ханами Гази-Мухаммед собрал значительные силы из ряда нагорных «вольных» обществ: Койсубу, Анди, Гумбета и 4 февраля 1830 г. выступил против Хунзаха. Заметим, кстати, что наличие в войсках Гази-Мухаммеда гумбетовцев вряд ли могло особенно повысить их боеспособность при столкновении с аварскими ханами. Гумбет гораздо менее, чем Койсубу или даже Анди, чувствовал на себе попытки реставрации прежнего могущества аварских ханов. Для гумбетовцев, сильно зависевших от Кумыкской плоскости (где были их зимние пастбища), должна была казаться более важной борьба с кумыкскими князьями и, особенно, с основной причиной их усиления — царизмом. В походе на Хунзах они были заинтересованы меньше, и,

[1] Выписка из отношения главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом от 25/II-1830 г., № 125 «О действиях возмутителя Муллы Казы-Мугамы» // ЦВИА ВУА. Д. 2446. Л. 80. В документе ссылка на донесение Г.В.Розена от 13/II.

[2] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...// КС. 1887. Т. 11. С. 158—159. Автор не указывает, откуда им взята приведенная цитата, но, очевидно, здесь использованы были сведения, доставленные лазутчиками или содержащиеся в письмах ханов.

возможно, именно брошенная Гази-Мухаммедом фраза об использовании аварских ханов в борьбе против царизма нашла сторонников среди гумбетовского ополчения. В противовес этому, ослаблявшему имама моменту нужно подчеркнуть то обстоятельство, что в походе участвовало крестьянство большей части аварских аулов. Эти ненавидели ханов не меньше, чем койсубулинцы. Наконец, живо откликнулись на развертывавшиеся события и шамхальцы, «где третья часть народа взяла сторону возмутителя»[1]. Так в распоряжении имама оказалось до 6 тысяч человек. Но и тут, по-видимому, Гази-Мухаммед не имел в виду еще войну с аварскими ханами. По крайней мере, Паскевич ничего еще об этом не знал. «Мулла сей... двинулся против аварского хана... Потребовав от него присоединения к своей партии, он предлагал ему общими усилиями вторгнуться в Акушу, где умы, будто бы, приготовлены были в его пользу, потом овладеть Казикумухом и, разбив Аслан-хана, вступить в бой с нашими войсками»[2].

Созванное ханшей «собрание ученых и духовных лиц» оказалось настроенным далеко не в пользу царизма. Видимо, и здесь была распространена другая мысль, — мысль об использовании крестьянского восстания для возвращения аварским ханам их прежней власти. И духовенство разбойничьего гнезда заговорило примирительным языком. Впрочем, немалую роль в таких настроениях сыграла и боязнь расправы, которую собиралось учинить койсубулинское крестьянство с исконными своими врагами[3]. «Мы просим, — говорили ханше на собрании, — тебя соединиться с Кази Муллой и его товарищами поелику видим в его советах пользу и добро себе. Россия завоевала все сии области, быть может возымеет и против нас свои намерения»[4]. Но ханша боялась союза с койсубулинцами больше, чем столкновения с ними. События 1834 г. показали, насколько она была в этом права[5].

[1] Отношение И.Ф.Паскевича к А.И.Нессельроде от 27/III-1830 г., № 174 //АКАК. 1878. Т. 7. С. 536.

[2] Там же.

[3] В рукописи Мухаммеда-Тахира ал-Карахи «Блеск дагестанской шашки в некоторых делах против русских» указывается, что жители Хунзаха опасались своей малочисленности и поэтому колебались (ААН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 3).

[4] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...//КС. 1887. Т. 11. С. 160. Автор ссылается здесь на письмо Паху-бике к графу Паскевичу из дел Архива Окружного штаба 1 отделения Генерального штаба. 1830. № 58.

[5] При первых же известиях о выступлении Гази-Мухаммеда ханы Дагестана ударились в панику. Аслан-хан писал полковнику Мищенко еще 13 февраля: «Таких происшествий и дел никто здесь не видал и не помнит. Я сам нахожусь в большом страхе, потому что в случае появления его [Гази-Мухаммеда. — *Н.П.*] в Казикумухе никто из моих подвластных не осмелится поднять против него оружия. Нельзя считать дела сего маловажным и надо как можно скорее уведомить главнокомандую-

Поэтому предложения имама сочувствия у нее не встретили. Хунзахцы к мюридам не примкнули, и о причинах этого достаточно ясно говорит военный историк Н.А.Волконский: «Селение это... состояло преимущественно из беглецов всех обществ Кавказа (абреков), которые укрывались от правосудия под крылом Паху Бике. Естественно, что таким людям шариат и с ним Кази Мулла были вовсе не нужны и весь их расчет состоял в том, чтобы не лишиться своего убежища и покровительства ханши»[1].

Осада Хунзаха

В феврале 1830 г.[2] мюриды под предводительством своего имама начали осаду Хунзаха, а затем предприняли штурм, окончившийся неудачей. Выяснить точно, что именно произошло при попытке штурма, очень трудно. Царские официальные источники сообщают о неудачной попытке аварской ханши Паху-бике подкупить гумбетовцев и о битве хунзахцев с мюридами, на следующий день закончившейся расколом среди осаждавших, которые «начали отделяться по обществам и самые воспламененные приверженцы его [Гази-Мухаммеда. — *Н.П.*] стали колебаться в вере»[3]. По-видимому, в среде мюридов не было единодушия и возможно предполагать предательство какой-либо части в самый разгар битвы.

Самый ход сражения был приблизительно таков: койсубулинцами командовал Гази-Мухаммед, гумбетовцами — Шамиль. В начале сражения Шамилю удалось занять дом на окраине Хунзаха. Здесь, вероятно, он должен был задержаться, пока Гази-Мухаммед не ворвется в аул. Между тем имам встретил упорное сопротивление. «В партии, предводительствуемой Гази-Мухаммедом, — пишет Мухаммед-Тахир, — произошла паника, вследствие того, что разнесся слух, будто гумбетовцы изменили шариату

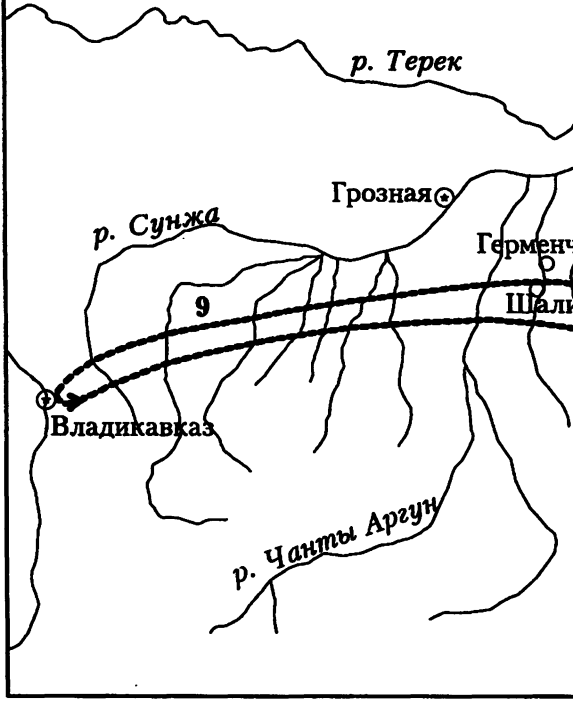
щего. Если хотите посылать войска, то высылайте как можно более и не велите им стоять в поле, а держаться по крепостям» (письмо от 13/II-1830 г. Цит. по: Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис. Т. 5. С. 302). Этой паникой заразилось и царское командование, остававшееся простым зрителем осады Хунзаха.

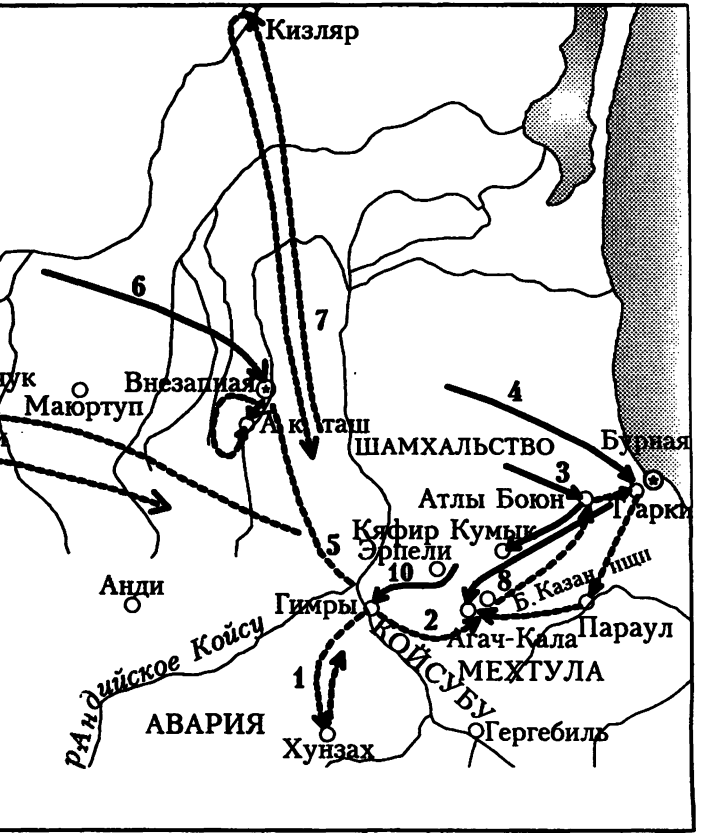
[1] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1887. Т. 11. С. 169. Ср. приведенную в начале главы цитату из «Блеска горных сабель...». Л. 15.

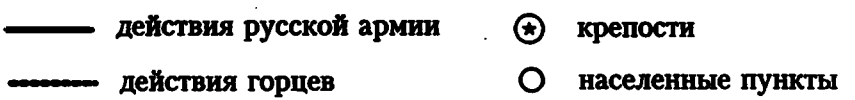
[2] По поводу даты в источниках имеются расхождения, а именно: согласно рукописи Мухаммеда-Тахира, которую перевел А.Берже, событие датируется первой ночью рамадана 1245 г. (12 февраля 1830 г.), по другой неизданной рукописи перевода того же Мухаммеда-Тахира — в первую ночь байрама (т.е. в средних числах марта 1830 г.), в других рукописях — просто 1245 г. В донесении И.Ф.Паскевича (ЦВИА ВУА. Д. 6241) указана дата 12 февраля.

[3] Рапорт майора Корганова 1-го графу И.Ф.Паскевичу от 15/III-1830 г., № 15//АКАК. 1878. Т. 7. С. 515.

Схема 1. Первый имам.
Операции в Чечне 1830 - 1832 гг.

Кизляр
6
7
Внезапная
Маюртуп
Акташ
ШАМХАЛЬСТВО
4
Бурная
3
Атлы Боюн
Гарки
Кяфир Кумык
5
Эрпели
10
8
Анди
Гимры
Б.Казанищи
2
Агач-Кала
Параул
Койсубулинское Койсу
КОЙСУБУ
МЕХТУЛА
1
АВАРИЯ
Гергебиль
Хунзах

1. Действия противоборствующих сторон

1. Гази-Мухаммед, Шамиль II - III.1830.
2. Гази-Мухаммед - начало 1831 - VI.1831.
3. Каханов V - VI.1831.
4. Каханов 29.V.1831.
5. Гази-Мухаммед VI - VII.1831.
6. Эммануэль 29.VI - 1.VII.1831.
7. Гази-Мухаммед XI.1831.
8. Миклашевский - начало 1832.
9. Гази-Мухаммед - весна 1832.
10. Розен X.1832.

и вместе с хунзахцами дерутся с койсубулинцами»[1]. Слух этот находит себе подтверждение в одном из рапортов Паскевича, где этот последний пишет, что во время битвы «андаляльцы и гумбетовцы, составлявшие часть ополчения Кази Магомы, видя неуспешные его действия, отделились и стали сражаться на стороне аварского хана»[2]. Возможно, что эта измена и была причиной того, что койсубулинцы отступили, за ними последовала большая часть гумбетовцев. Шамиль держался в занятом им доме до вечера. Вечером он отошел и присоединился к остальным гумбетовцам. Тут он едва не был растерзан. Гумбетовцы, «сгруппировавшись около него, всячески поносили его и, называя причиной постигшего их несчастья, обезоружив, сняли чалму с головы и громко изъявляли намерение убить своего предводителя. Одно только ходатайство дервиша Нур-Магомета и усердное заступничество сына убитого в Миятлах кадия могли спасти Шамиля от угрожавшей ему смерти»[3]. Таким образом, первое выступление Гази-Мухаммеда закончилось пора-

[1] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Три имама. С. 57. В варианте, изданном А.М.Барабановым: «Те, кто был с Гази-Мухаммедом с восточной стороны [т.е. койсубулинцы. — *Н.П.*]. Говорят, что люди Багуляля [гумбетовцы. — *Н.П.*] ударили в тыл Киндальцев [койсубулинцев. — *Н.П.*] в то время, когда последние обратились в бегство. Багуляльцы и хунзахцы примирились и закричал об этом один человек из Мехельты хунзахцам, он закричал и тем, кто находился в этом доме: Выходите и вам не будет причинено вреда! Шамиль же не торопился с выходом, боясь, что в этом имеется какое-либо коварство. Наконец, они вышли» (Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 42). В рукописи «Блеск горных сабель...» (л. 16) это место изложено иначе, менее ясно: «Много людей пало среди жителей Бактли [Гумбета. — *Н.П.*] в бою с жителями Хиндалал [Койсубу. — *Н.П.*]. Когда хиндалальцы в бегстве отступили, то гумбетовцы и хунзахцы заключили между собой мир». Но дальше автор сообщает: «Когда Шамиль доехал до Гумбета, то жители собрались и окружили Шамиля. Не считаясь ни с чем, Шамиль стал их ругать и обвинять во всем: это несчастье постигло нас благодаря тому, что вы неблагодарный и плохой народ».

[2] Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 27/III-1830 г., № 174// ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 13 об., 14.

[3] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанской шашки...// ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 4. В издании А.М.Барабанова: «Гумбетовцы собрались против него, окружили его, сурово обошлись с ним и укоряли: эта межусобица из-за Вашего злополучия. Они сняли с него оружие и чалму и чуть не убили. Он спасся благодаря защите дервиша Нур Мухаммеда ал-Инхови с товарищами и уговорам одного мехельтинца — сына того побитого кадия» (Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 43). Ср. также: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...// КС. 1887. Т. 11. С. 173 со ссылкой на дела Архива Окружного штаба 1 отделения Генерального штаба, № 58 и 2 отд., № 37. 1830 г.: «Разгоряченная толпа дошла до совершенного увлечения, отобрала у Шамиля оружие, сорвала с него чалму, как с лица недостойного носить ее и быть алимом, и, наконец, начала бесцеремонно грозить ему смертью». То же сообщает в «Блеске горных сабель...» и Мухаммед-Тахир (л. 16).

жением. Можно предположить, что немалую роль в неудачном исходе хунзахской битвы сыграла разношерстность объединенных имамом масс. С одной стороны, наиболее радикальной группой были, по-видимому, койсубулинцы (их и Паху-бике боялась больше всего[1]), с другой — склонявшиеся к примирению и совместным действиям против царизма — гумбетовцы. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что к движению примкнула, по-видимому, и часть феодальной аристократии, для которой ликвидация власти ханов вряд ли была желательна.

Подготовка к вступлению в шамхальство

Неудача хунзахского похода не могла не повлиять на направление действий имама. Парализовать действие областных интересов, объединить все слои горского крестьянства можно было, лишь выступая против царизма. Вот почему сразу же вслед за хунзахским поражением имам начинает деятельно готовиться к выступлению против царских войск, расположенных в Приморском Дагестане и в Чечне. Объектом нового натиска избрано было шамхальство. Здесь условия для нанесения решительного удара царским войскам были благоприятны. Гази-Мухаммед, в этом можно не сомневаться, понимал, что именно в шамхальстве нужно наносить удар царизму. Когда Гамзат-бек предложил имаму организовать поход на крепость Новые Закаталы, имам, «отказавшись от предложения, предложил построить крепость Агач Калу»[2], т. е. стать твердой ногой в Тарковском владении и, притом, на пути, связывавшем его с Аварией.

Несомненно, что при этом более всего принималась во внимание имамом напряженность внутреннего положения в шамхальстве. В самом деле, в 20-х гг. брожение среди крестьянства не утихало. Именно здесь в начале двадцатых годов мехтулинцы отказались повиноваться и нанесли побои приставу. Правда, посланному в Мехтулу Верховскому удалось быстро добиться изъявления покорности, но сейчас же вслед за этим Умалат-бек убил самого Верховского и «шамхальцы, ненавидевшие своего владельца»[3], восстали. Усмирение Аварией Эрпели и Караная, как мы говорили выше, обошлось царизму недешево. И позднее шамхал не раз обращался за помощью к царскому командованию. В 1828 г.

[1] Ср., например, ее письмо (КС. Т. 12. С. 25—26).

[2] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанской шашки...// ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 5. Любопытно отметить,что Гамзат-бек, отец которого не раз «пускаясь в Кахетию, всегда возвращался с большою добычею» (там же. Л. 18), тяготеет к такому же феодальному набегу, относясь сдержанно к проектам укрепления в шамхальстве. Уже одно это говорит о разнице взглядов первого имама и будущего его преемника.

[3] Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1904. Т. 3, ч. 1. С. 511 со ссылкою на Архив штаба Кавказского военного округа. Д. 1823 г., № 24. Донесение Краббе от 1/VIII, № 22.

Паскевич писал о шамхале: «Будучи человеком хотя и слабого характера, но весьма умным, он совершенно постигает, какие выгоды предоставляет ему правительство наше. Некоторая часть его подвластных, особливо горские жители, действительно часто оказывают ему неповиновение, но более по непостоянству и буйному духу дагестанцев, нежели от несправедливостей. Шамхал неоднократно на сие жаловался и в прошлом году два раза просил поручить ему команду российских войск для приведения в покорность неповинующихся»[1]. Однако, несмотря на непрекращающееся брожение, в феврале 1831 года возникает проект полного обезоруживания дагестанцев и введения податей[2]. Можно представить, как этот проект должен был повлиять на настроения дагестанского крестьянства.

Меры, принятые Паскевичем

Понятен в этих условиях успех проповеди мюридизма в шамхальстве: «борьба с неверными» означала, с одной стороны, борьбу с царскими войсками, поддерживающими шамхала, с другой — борьбу с самим шамхалом как важнейшим представителем феодальной верхушки. Недаром же Паскевич и после хунзахского поражения первого имама бьет тревогу. Донося о событиях под Хунзахом, он писал: «После сей неудачи сборище Кази Магомы, разделившись на партии, рассеялось. Зная, однако же, сколь важные последствия влечет за собою всякий повод к общей связи между сими горцами, столь привязанными к своей независимости, я не менее того принял все меры нужной предосторожности и направил с разных сторон войска на пункты, бывшие средоточием сего возмущения и во все те места, где можно ожидать появления новых беспорядков»[3]. Паскевич несколько преувеличил свою распорядительность. Но все-таки, действительно, в горы послана была экспедиция под начальством Розена. 19 мая этот последний с отрядом в 6000 человек при 25 орудиях произвел рекогносцировку по направлению к Гимрам, но в бой ввязаться не рискнул, а удовлетворился изъявлением покорности, которое принесли ему 25 мая старшины, и вернулся. Одновременно с экспедицией спешно создается единый фронт дагестанских феодалов и царизма. Паскевич посылает «доверенного офицера»[4], чтобы он «имел на-

[1] Отношение И.Ф.Паскевича к К.В.Нессельроде от 13/IX-1828 г., № 683 // АКАК. 1878. Т. 7. С. 509.

[2] Рапорт полк. Медокса И.Ф.Паскевичу от 8/II-1831 г., № 19 // Там же. С. 517.

[3] Отношение И.Ф.Паскевича к К.В.Нессельроде от 27/III-1830 г., № 174 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Ср.: АКАК. 1887. Т. 7. С. 536.

[4] Майора Корганова, заслужившего среди офицеров кличку «Ванька-Каин» за вымогательство и шантаж, широко практиковавшийся им при попустительстве Паскевича.

блюдение за поведением ханов и важнейших владельцев сего края и старался притом внушить им всем вообще, что новая секта, вводимая Кази Магомою, клонится к уничтожению их собственной власти, ибо все усилия оной стремятся, по-видимому, к соединению мухаммеданских племен сих стран под непосредственное влияние одного феократического правления»[1].

Чечня

И, нужно сказать, положение в Чечне вполне подтверждало этот тезис. Если в марте 1830 г. Паскевич мог еще писать: «Чеченцы и подвластный нам Дагестан во все продолжение всех происшествий пробыли покойны, хотя и между ними начали обнаруживаться тайные приверженцы»[2], то в апреле главнокомандующий констатировал уже участие чеченцев не только в движении, но и в руководстве этим движением[3]. А через несколько дней ему пришлось сообщать: «Чеченцы... прислали к Кази Магома своих агентов для совещаний, и возмутитель выезжал на свидание с ними в деревню Ишолты[4], отстоящую от места пребывания Кази Магомы в десяти верстах. Там заключены условия, в силу коих чеченцы обязались принять восстановление шариятов и способствовать замыслам возмутителя, требуя от него равномерной помощи противу нападений войск наших»[5]. В результате этого совещания Авко, один из главных участников чеченского восстания 1825 г., начал агитацию в Чечне в пользу Гази-Мухаммеда. По донесениям лазутчиков, мичиковцы уже приняли шариат[6].

Но «владельцы» и сами хорошо знали опасность, грозившую им со стороны мюридизма, если только движение широко развернется, и хотя пытались иногда использовать его в качестве орудия своей политики, но в решительные моменты всегда выступали заодно с царизмом. Это достаточно ясно показали последующие события.

Занятие Чумкескента и восстание в шамхальстве

Таким образом, оправившись от неудач под Хунзахом, Гази-Мухаммед направляется в шамхальство. Здесь в начале 1831 г. он

---

[1] Отношение И.Ф.Паскевича к К.В.Нессельроде от 27/III-1830 г., № 174 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Ср.: АКАК. 1878. Т. 7. С. 536.

[2] Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 27/III-1830 г., № 174 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 14 об.

[3] «Всеми сими фанатиками кроме Казы Магома непосредственно руководствует также кадий деревни Гребенчук (Герменчук) Мустафа», который начал рассылать и от себя прокламации соседям (Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 10/IV-1830 г., № 205 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 18 об., 19).

[4] Ашильту.

[5] Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 17/IV-1830 г., № 220 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 20об.

[6] Там же.

укрепляется в урочище Чумкескент [укрепление Агач-Кала] и призывает к восстанию шамхальские аулы. В этот момент обнаружились опять какие-то расхождения между имамом и одним из его помощников — Гамзат-беком. Последний, вернувшись из неудачного похода к крепости Новые Закаталы, явился в Агач-Кала с какими-то широкими планами[1]. Имам «одобрил планы Гамзата, советовал до времени отложить их исполнение и затем, указывая на скорое прибытие ... русского отряда, просил Гамзат бека соединиться с ним и общими силами дать решительный отпор русским, но на предложение это Гамзат бек не дал положительного ответа»[2]. В конце концов Гамзат, несмотря на разногласия, остался в Агач-Кале.

Первая же попытка русских войск вытеснить мюридов из укрепления потерпела неудачу. Вслед за этой демонстрацией слабости царизма началось поголовное восстание всех ближайших аулов. В результате одним ударом имам поколебал власть царя в Приморском Дагестане. Шамхал был бессилен предпринять что-либо против мюридов. «Шамхал, — как доносил один из местных командиров, — хотя и рад бы оказать усердие свое правительству нашему, но не пользуясь расположением к себе своих подвластных и не имея при себе людей, имеющих доверенность в народе, которые могли бы ему (народу) указать пользу приверженности его к правительству нашему в подобных случаях, исполнить желаний своих не может. Подвластные его, будучи удерживаемы, кроме немногих из них, **одним только страхом от нашего правительства** [выделено мною. — *Н.П.*] оказывают ему некоторое наружное повиновение. Ни на шамхальских подвластных, ни на уверения койсубулинцев совершенно положиться нельзя»[3]. Несомненно, что Паскевич правильно расценивал положение, когда в письмах шамхалу называл выступление Гази-Мухаммеда «народными волнениями»[4].

Политическая линия первого имама

Восстание 1831 г. действительно резко отличалось от прежних ханских выступлений и заговоров именно народным характером.

[1] В передаче Пржецлавского планы эти, поддержанные Аслан-ханом Казикумухским, заключались в попытке овладеть аварским ханским престолом, о чем будто бы мечтал Гамзат (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 7. Ч. V).

[2] *Мухаммед-Тахир ал-Тарахи.* Блеск дагестанской шашки...// ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 8. Пржецлавский прибавляет к этому: «Кази Мулла не желал, чтобы Гамзат бек... действовал самостоятельно, между тем, как последний жаждал личной славы».

[3] Донесение Ф.А.Бековича И.Ф.Паскевичу от 7/IV-1831 г., № 16. Цит. по ст.: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...//КС. 1889. Т. 13. С. 190.

[4] См. там же. С. 193.

Но в то же время нельзя забывать об участии в нем и верхушки феодальной аристократии, затем изменившей и предавшей широкое крестьянское движение. Одним из примеров этого рода можно считать переход на сторону Гази-Мухаммеда родственника шамхала князя эрпелинского Уллубея, перебежавшего затем обратно на сторону царизма под влиянием «ласки» генерала Каханова и подарка в виде 50 голландских червонцев и сукна. Но Уллубей был далеко не одинок. В Чумкескент прибыл и «брат Мехти шамхала, Иразн, скрывавшийся дотоле в Чечне, куда он принужден был бежать вследствии ссоры с шамхалом. Передача его Кази Мулле была истинным торжеством для последнего, потому еще более усилила волнение, отозвавшееся теперь по всему шамхальству, за исключением деревень, лежащих по берегу моря и на дербентской дороге. Особенно бунтовали Большие Казанищи»[1]. А генерал Панкратьев доносил Паскевичу: «Прибыв форсированными маршами от Дербента к сел. Шуре 22 октября, я получил там сведения, что Амалат, родственник нынешнего шамхала, передавшись Кази Мулле **и получив от него достоинство нового шамхала** [выделено мною. — *Н.П.*], собрал в сел. Эрпели до 10 тыс. мятежников из всей северной части шамхальского владения»[2]. Некоторые феодалы в этот период еще примыкали к движению, надеясь возглавить его, а вождь мюридизма, ослепленный выполнением «божественной миссии» восстановить пошатнувшуюся мусульманскую веру, не отдавал себе ясного отчета в силе народного недовольства аристократией и рассчитывал ограничиться лишь сменой тех феодалов, которые ближе и теснее всего связаны были с царизмом. Уже много позже, в начале 60-х гг., Шамиль, вспоминая это выступление Гази-Мухаммеда, говорил: «Гази Мухаммед, сказавший давно ожидаемое слово, но не объявивший формальной войны аристократическому началу, пользовался успехами переменчивыми, потому что не встретил дружного сочувствия в народе. Народ хотел мира, но охотно бы принял участие в войне, если бы видел в ней средство избавиться от своих владетелей. В предположениях же Гази Магомета последнее играло лишь второстепенную роль»[3].

Осада Бурной

Гази-Мухаммед занял позицию при Агач-Кале[4] 7 апреля 1831 г. В тот же день царское командование попыталось произ-

[1] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) //ВС. 1859. № 2. С. 357.

[2] Рапорт генерала Н.П.Панкратьева барону Г.В.Розену от 26/XI-1831 г., № 1190 // АКАК. Т. 8. С. 545.

[3] *Руновский А.* Дневник А.Руновского//АКАК. 1904. Т. 12. С. 1499.

[4] У русских авторов обычно Чумкескент. Урочище недалеко от Темир-Хан-Шуры, почти в центре шамхальских владений, связанное дорогами с койсубулинскими аулами.

вести рекогносцировку позиций имама, но настроения туземной милиции оказались не соответствующими планам командования: «Генерал-майор кн. Бекович Черкасский полагает, что от подвластных Сулейман паше и Мехтулинскому хану, невзирая на данную присягу, нельзя видеть особенной преданности и что они готовы будут следовать за возмутителем»[1]. Настроения народных масс шамхальства и Мехтулы явно влияли и на милицию. Через месяц сюда были подтянуты достаточные силы, однако сражение, завязавшееся у сел. Атлы-Боюн, закончилось поражением для русских войск. Им пришлось поспешно отступать к Кяфир-Кумыку, а Гази-Мухаммед приобрел в результате победы громадное влияние на всем Северном Кавказе[2]. Опираясь на это влияние, Гази-Мухаммед приступил 25 мая к осаде основного опорного пункта царизма в шамхальстве — крепости Бурной (близ теперешнего города Махачкала). 26 мая он занял центр шамхальства, аул Тарки, а 27-го горцы атаковали укрепленный пороховой погреб, находившийся у крепостных ворот. После долгих усилий атакующие проникли в него, но по неосторожности вызвали взрыв. Атака приостановилась, произошло замешательство, которым комендант крепости воспользовался для того, чтобы спешно устранить повреждения, причиненные взрывом. Неоднократные

[1] Донесение И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 27/IV-1831 г., № 443 // ЦВИА ВУА. Д. 6259. Л. 18.

[2] Н.П.Панкратьев (рапортом от 7/V-1831 г., № 467) доносил А.И.Чернышеву: «...г.-м. кн. Бекович Черкасский, командированный в Дагестан главнокомандующим для рассмотрения тамошних обстоятельств, доносит, что если Кази Мулла будет оставаться еще в нынешнем расположении, то должно ожидать всеобщее в Дагестане волнение, ибо и ныне почти во всех владениях оного, кроме принадлежащих Аслан хану Казыкумукскому, принимают распускаемые Кази Муллою в пользу свою известия, с большим восторгом и по-видимому все без изъятия готовы последовать его внушениям» (ЦВИА ВУА. Д. 6259. Л. 20). А когда 22 мая Гази-Мухаммед приблизился к сел. Параул, то «кадий оного селения Гассан Гуссейн и большая часть жителей перешли на его сторону, остальные же разбежались по окрестным селениям» (Журнал военных действий Каханова с 17.V по 31.VIII.1831 г.// КС. Т. 32, ч. 1. С. 13). То же повторилось и в большинстве других селений. Мухаммед-Тахир тщательно отметил эту большую победу Гази-Мухаммеда. Но Пржецлавский («исправлявший» один из переводов Тахира) остался этим недоволен, подозревая, очевидно, и здесь злостное замалчивание царских успехов. «Исправляя» горского историка, бравый штабс-капитан изрядно напутал в истории первого сражения у Агач-Калы. Приведя описание сражения (по Мухаммеду-Тахиру) и сообщив о победе горцев, Пржецлавский вставил от себя целый кусок, описывающий, как затем царские войска под командой... Миклашевского одолели имама. Дальше снова идет текст Мухаммеда-Тахира и описывается отступление царского отряда к Кяфир-Кумыку. Нужно сказать, что Миклашевский действительно взял Агач-Калу. Но это случилось несколько месяцев спустя. Пржецлавский смешал эти два сражения, чего не сделал «исправляемый» им «дикарь» Мухаммед-Тахир (См.: ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 8 об., 9).

попытки горцев овладеть крепостью не имели успеха. А подошедший 29-го на выручку осажденным значительный отряд генерала Каханова вынудил Гази-Мухаммеда отступить от Бурной. Крепость была спасена, хотя большая часть шамхальских аулов продолжала оставаться в руках имама.

Гази-Мухаммед, потерпев неудачу под Бурной, начал операции к югу от нее, и уже 7 июня Каханов констатировал затруднения в сношениях с Дербентом, а 13-го «Мехтулинский владетель, гвардии ротмистр Ахмет хан, прибыл в отряд и объявил, что жители его владения перешли на сторону Кази Муллы и занято им селение Параул»[1], являвшееся важным стратегическим пунктом. Восстание Мехтулы тем более понятно, что Ахмед-хан систематически увеличивал крестьянские повинности. Распространение восстания в Северном Дагестане приковывало отряд Каханова к Бурной. И сам шамхал, еще в середине мая перебравшийся в эту крепость, и царские войска находились как бы в осаде. Передвижение, даже на плоскостной части, возможно было лишь для солидных отрядов, население поголовно участвовало в восстании. Этим воспользовался имам, чтобы перенести действия в Чечню и на Кумыкскую плоскость. В его отсутствие Каханов начинает восстанавливать прямое сообщение с Дербентом и возвращать восставших горцев под власть их владетелей. Для этого потребовался целый ряд действий отряда. Только 20 мая царские войска добились первых успехов: мехтулинцы принесли покорность. Тогда набрался смелости и шамхал, до сего времени прятавшийся за стенами Бурной (даже в период крайнего положения крепости шамхал только на третий день осады решился принять участие в ее обороне). Он с карательным отрядом выступил в ближайшие к крепости селения, и 1 июля принесли покорность Буйнак, Карабудахкент, Губдень и Гюльгеры. Каханов вздохнул немного спокойнее: связь с Дербентом восстановилась. Но большинство аулов оставались на стороне имама, и о проникновении в горы нечего было и думать. Основными базами имама в Северном Дагестане оставались Эрпели, Каранай, Агач-Кала.

Имам на Кумыкской плоскости

Между тем имам перенес действия в Чечню и на Кумыкскую плоскость. Царское правительство и здесь само подготовило почву для восстания. Еще в 1829 г. чеченцы жаловались Паскевичу: «Даже мирные и покорные жители не только не доверяли и не являлись к российским начальникам, но еще крайне боялись их и удалялись, ибо мы замечали в прежних начальниках в делах обиды, вражду и взятки. Не было различия между покорными и врагами, между хорошо обращающимися и преступниками, и на-

[1] Журнал военных действий С.В.Каханова с 17.V по 31.VIII-1831 г.// КС. Т. 32, ч. 1. С. 17.

казывали они их палками, истреблением и ограблением, что все ясно. Вышесказанные начальники российские арестовывали, полонили, вешали и ссылали в Сибирь и в другие места многих из тех, которые, будучи покорны, служили великому государю, и никакой вины в них не находили мы по исследовании поступков их»[1]. Но административным произволом дело не ограничилось. Пользуясь поддержкой русской администрации, шамхал Тарковский, с одной стороны, и кумыкский владелец Муса Хасаев, с другой, пытались сделаться чеченскими князьями. В том же прошении чеченцы заявляют: «Против ожидания нашего узнали мы, что входит во владение и управление нами шамхал Тарковский, пригласивший к себе со стороны нашей нескольких подлых людей, которые берут взятки с него и потому свидетельствуют, что издревле он наш владетель и повелитель, и шамхал обнадеживает их обещанием жалованья и милости». И дальше: «...доводим до сведения в. с., что мы нимало не согласны на сие и не можем принять оного шамхала за нашего владетеля и повелителя, постараемся даже удалить его от себя оружием, если он не удалится от нас, ибо мы народ бедный, и не в состоянии давать ему подать и отбывать ему службу»[2]. Несмотря на столь категорическое заявление, Паскевич, после некоторых колебаний, оставил в Чечне сына шамхала, фактически подчинив ему чеченцев.

Легко понять, как накалена была почва в Чечне к началу 30-х гг., так что дагестанское выступление служило сигналом и для чеченцев и кумык плоскости. Брожение началось еще с 1830 г., но теперь, когда Гази-Мухаммед был хозяином Северного Дагестана, оно явно переходило в восстание.

Однако движение в Чечне не было самостоятельным, и чеченцы обратились за помощью к Гази-Мухаммеду, не чувствуя себя в силах собственными средствами противостоять новым феодалам и их покровителям[3].

К восстанию были близки и кумыки. В связи с приближением дагестанского ополчения Гази-Мухаммеда к крепости Внезапной, главному опорному пункту России на Кумыкской плоскости, несколько жителей сел. Андреево (Эндери) явились к воинскому начальнику крепости и сообщили, что «Кази Мулла обещает уничтожить всякие сословные преимущества, установить равенство и наделить бедных за счет богатых, что для большинства [андреевцев. — *Н.П.*] представляется весьма заманчивым»[4]. Конечно,

[1] Прошение чеченцев И.Ф.Паскевичу от апреля 1829 г. //АКАК. 1878. Т. 7. С. 912—913.

[2] Там же. С. 913.

[3] Рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 17/IV-1830 г., № 200 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 20 об. — о совещании Гази-Мухаммеда с чеченцами близ Ашильты. Руководителями чеченцев в это время были Герменчугский Мустафа и известный по восстанию 1825 г. Авко.

[4] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...// КС. 1889. Т. 13. С. 223.

все эти сведения — не более чем слухи, по дальнейшим действиям имама видно, что подобного рода переворот в его программу не входил. Но эти слухи характеризуют отношение к мюридизму широких крестьянских масс, крестьянской бедноты, которая мечтала не только об изгнании завоевателей, но и о ликвидации той эксплуатации, которая царила на Кумыкской плоскости. То, что передавали «некоторые андреевцы», было лишь слухами, но слухами, показывавшими, чего ждала от мюридизма крестьянская масса. Вот почему «Кази Муллу встретили все восторженно, и увлечение народа было невероятное»[1].

Но здесь, как и в шамхальстве, к мюридизму примкнули не только массы. Кумыкская феодальная верхушка приняла ту же тактику, что и некоторые (а позднее и многие) феодалы Дагестана. Кумыкские князья начали присоединяться к движению, стремясь в случае успеха использовать его, а при неудачах — предать.

Осада Внезапной

С 14 июня Гази-Мухаммед приступил к осаде крепости Внезапной, в то время как восстание широко разливалось на плоскости. Вскоре в него, кроме кумык и чеченцев, вовлечены были и ногайцы. Весь левый фланг Кавказской линии оказался под угрозой краха. Восставшие подходили к самому Кизляру. В такой критической обстановке русское командование бросило на левый фланг все наличные силы. Отряд генерала Г.А.Эммануэля 29 июня освободил от осады Внезапную. Гази-Мухаммед отступил в Акташ-Аух и здесь укрепился. Энергично преследовавший его Эммануэль ворвался в аул, но потерпел решительное поражение и принужден был 1 июля отойти обратно к Внезапной, оставив в руках Гази-Мухаммеда два орудия. После этого ни та, ни другая стороны активных операций не проводили. Последовавших за имамом жителей Эндери и других ближайших селений он переселил «...на один участок, который он купил для новых поселений на нем за 500 туманов из средств общественной казны»[2]. На некоторое время и на Кумыкской плоскости установилось затишье, не мешавшее, впрочем, дальнейшему развитию чеченского восстания. Вслед за Большой Чечней восстает и Малая. Однако во второй половине июля, т. е. в самый разгар восстания, примкнувшие к движению кумыкские феодалы дрогнули. В те дни, когда царские войска не рисковали удаляться от своей укрепленной линии, когда «...трудно было даже за несколько червонцев найти надежного человека для сообщения с ближайшими к нашим войскам

[1] Там же. С. 226.

[2] Очевидно, имеется в виду байтулмал, общественная казна, которой распоряжался имам и которая, как видно, начала образовываться уже в это время (Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. С. 47).

пунктами на Кумыкской плоскости», когда левый берег Сулака был в осадном положении, когда, наконец, сам шамхал едва не попал в руки восставших при попытке перегнать свою баранту под охрану царских штыков, «казиюртовские князья прислали к шт. кап. Тарасевичу переговорщика, прося позволения возвратиться в свои дома»[1].

Восстание в Кайтаге и Табасарани

Наибольшего своего развития движение достигло в июле—августе 1831 г. Уже в середине июля начинается брожение в Южном Дагестане, в Кайтаге и Табасарани. Агитаторы-проповедники мюридизма действуют здесь давно, но восстание на юге сравнительно с севером несколько запаздывает. Зато первое же, что бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с составом восставших, это — большое количество представителей феодальной верхушки в качестве руководителей мюридизма в Южном Дагестане. С самого же начала восстания мы находим в качестве командующего силами восставших в Табасарани прапорщика Навруз-бека, прекращающего сообщения крепости Бурной с Дербентом. Далее в той же роли выступают сын майсума Табасарани прапорщик Мамасан-бек и брат Шах-Гирея Аслан-бек. Наконец, в восстании принимает участие такое виднейшее в Южном Дагестане лицо, как Авдурзах-бек кадий. В общем, население Кайтага и Табасарани поднимается чуть ли не поголовно вместе со своими беками[2]. Таков процесс развития восстания 1831 г. Неясность и расплывчатость лозунгов, выдвигавшихся имамом, бывшие результатом несознательности самого крестьянства, привели к пестроте в составе движения. В первые моменты выступления мюридизма среди его вождей преобладали уздени, теперь встречается все больше и больше знатных имен[3]. О многом могут сказать два факта, приводившиеся выше: слухи, ходившие в Эндери перед

[1] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...// КС. 1889. Т. 13. С. 243.

[2] Там же. С. 707. Ср. также: «Рапортом моим № 499 я имел честь донести в. пр., что Кази Мулла успел взбунтовать Табасаранскую и Каракайтахскую провинции и что большая часть преданных нам беков перешла на его сторону» (Рапорт Каханова Н.П.Панкратьеву от 30/VIII-1831 г., № 521 //АКАК. Т. 8. С. 534).

[3] О стремлении мюридизма привлечь к восстанию беков и ханов с достаточной ясностью говорят данные, приводимые в рапорте Панкратьева: «Мятежники Табасаранские ежедневно увеличивались в числе своем... прислали старшин к Карчагскому Ибрагим-беку [о нем см. ниже. — *Н.П.*] с требованием, дабы он или немедленно оставил сел. Карчаг, или присоединился к ним для действия против русских» (Рапорт генерал-адъютанта Н.П.Панкратьева графу И.Ф.Паскевичу от 13/VIII-1831 г., № 962 //АКАК. Т. 8. С. 533).

осадой Внезапной, с одной стороны, и факт назначения нового шамхала — с другой. Между различными группами, примкнувшими к крестьянскому движению, неизбежно должны были возникнуть противоречия. Беки, да и верхушка аула, должны были отойти от движения, коль скоро выявился бы его крестьянский характер.

Развертывание кайтаго-табасаранского движения перенесло центр тяжести борьбы в Южный Дагестан. Гази-Мухаммед в середине августа явился сюда со значительными силами и 20 августа 1831 г. осадил Дербент. Но успеха он здесь не имел. Для общей оценки тогдашней кавказской ситуации важен тот факт, что дербентцы не выступили против русских войск, а, наоборот, своим активным участием в обороне крепости немало содействовали их успеху. Это лишний раз подтверждает сказанное выше о связи интересов довольно значительных торговых кругов Дербента с Россией. Впрочем, немалую роль здесь сыграла и религиозная рознь: имам был суннитом, население Дербента — почти сплошь шиитским. Поведение шиитов Дербента не было случайным. Несмотря на усилия, прилагавшиеся в свое время Хаджи-Исмаилом, вражда между вероучениями не затихла, и царское правительство могло с удовлетворением констатировать: «Известно, с каким успехом Кази Молла вооружил против нас в 1832 и 1833 гг. дагестанские племена омаровой секты, но мусульмане, последователи Алия, не только не соединились с ними, но стали в ряды наши противу изувера и способствовали войскам нашим к укрощению мятежа»[1].

Немалую роль в поражении сыграли и беки. 27 августа подошедший отряд освободил крепость от блокады. А уже 4 сентября некоторые беки начали являться к командующему царскими войсками генералу Каханову с повинной. В конце же сентября даже комсостав табасаранских мюридов, беки, начальствовавшие колоннами восставших, «собирались уже писать к Панкратьеву умилостивительные письма»[2]. Однако мы должны оговориться. Несмотря на имеющиеся в документах заявления о поголовном присоединении к восстанию всех беков, целый ряд видных феодалов продолжал вести свою прежнюю политику поддержки царизма. Так, еще в рапорте о бое под Бурной Каханов писал: «Не могу также умолчать об отличном и примерном действии мусульманской конницы, которая под начальством капитана Нурцал-аги, подпоручиков Ибрагим бека Карчаг-

[1] ЛОЦИА. Кавказский комитет. 1844 г. № 601. Л. 33. Цит. по сб.: Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в. М.; Л., 1937. Ч. 2. С. 327.

[2] Донесение С.В.Каханова от 1/X, № 618. Цит. по: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...//КС. 1890. Т. 14. С. 84.

ского[1], Джеват-бека Казарова и табасаранского владетеля Балахана Муртазалиева и прочих беков показала во всей силе свою приверженность к правительству, мужество и отличную храбрость»[2]. Это было еще в мае, т. е. тогда, когда волна восстания поднималась.

После отступления от Дербента большинство беков уже перебегает на сторону царизма, и перед началом подавления табасаранского восстания царское командование вливает их в составленный из беков мусульманских провинций 2-й мусульманский полк. С октября 1831 г. списки командного состава восставших перестают пестрить именами беков и лишь немногие из них остаются в рядах мюридов. Это происходит в самый критический для восстания момент, перед началом действий царской военной экспедиции в Южном Дагестане.

Конец 1831 г. Перелом

К концу 1831 г. восстание как-то выдыхается. Энтузиазм, сопровождавший первые действия Гази-Мухаммеда,теперь почти совершенно исчезает. Царские войска, почти не рисковавшие отходить от своих укреплений и, во всяком случае, избегавшие близкого соседства с такими позициями, как чумкескентская, теперь предпринимают большой поход внутрь Кайтага и Табасарани. Сопротивление, встречаемое ими на пути, все еще велико, но восставшие терпят одно за другим ряд серьезных поражений. В результате этого похода восстание в Южном Дагестане можно считать ликвидированным. Тогда кавказское командование приступает к ликвидации второго очага — шамхальского восстания. В ноябре царизм подтягивает силы к основному опорному пункту мюридов в шамхальстве — Чумкескенту. Отметим, что к этому времени большинство шамхальских селений уже отошло от восстания. Очень показателен факт, отмеченный 8 ноября генералом Панкратьевым: Гази-Мухаммед при попытке проникнуть в одно из селений, ранее целиком бывшее на стороне мюридов, в Каранай, встречен был выстрелами. Каранайцев поддержали ближайшие шамхальские селения, и имам должен был отступить.

---

[1] Один из крупных феодалов Приморского Дагестана. О нем, между прочим, писал Соколов (Очерк западного берега Каспийского моря от Петровского укр. до р. Самура // Газ. «Кавказ». 1848. № 11): «Каждому, бывшему в деревне Карчаге у гостеприимного и одного из образованнейших владетелей дагестанских подполковника Ибрагим-бека, вероятно известен его Куякентский черешневый сад, в одну длину простирающийся слишком на 6-ть верст». Даже для феодалов Приморского Дагестана величина этого земельного владения, сосредоточенного к тому же в одном куске, должна считаться значительной.

[2] Рапорт генерал-майора С.В.Каханова Н.П.Панкратьеву от 30/V-1831 г., № 217 // КС. 1912. Т. 32, ч. 2. С. 7.

Победа России в шамхальских селениях открывала теперь доступ и к чумкескентской позиции мюридов, взять которую ранее при сочувствии Гази-Мухаммеду соседних селений представлялось совершенно немыслимым. В ноябре же к ней были подтянуты войска, и после двух упорных боев, из которых первый 24 ноября закончился отходом царских войск, а второй — 1 декабря — поражением имама, чумкескентское укрепление было взято, а вместе с этим окончательно ликвидировано было и восстание в шамхальстве.

Неблагоприятный для имама оборот дел осенью 1831 г. заметен и на Кумыкской плоскости. Правда, Гази-Мухаммеду удалось провести здесь еще одну удачную операцию и на несколько часов захватить Кизляр, но, несмотря на это, к середине ноября начался отход от восстания и ногайцев, и кумык. К концу 1831 г. Гази-Мухаммед окончательно теряет плоскость (Южный Дагестан, шамхальство, Кумыкскую плоскость) и оказывается изолированным в горах. В начале 1832 г. борьба переносится в основном уже в горы. Чечня остается верна мюридизму до конца, но в Дагестане имама поддерживают почти исключительно «вольные» общества и среди последних в первую очередь койсубулинцы.

В Приморском Дагестане в это время отмечаются лишь незначительные вспышки. Такая же вспышка происходит и у джаро-балаканских лезгин, но все это уже только небольшие, сравнительно с восстанием 1831 г., выступления. Правда, угроза общего восстания не ликвидирована, об этом говорит все продолжающееся брожение, но теперь перевес в горах явно на стороне царизма.

Связи имама с Западным Кавказом

К этому времени определилась и неудача попытки Гази-Мухаммеда привлечь к совместным действиям горцев Западного Кавказа. Он отправил за Кубань к абадзехам специальное посольство, встреченное «с восторгом». Вот что писал генерал Эммануэль: «Кази Мулла ... обратился к закубанским народам. 15 августа явились в абхазские владения четыре чеченца с прокламациями от возмутителя, коими он приглашает всех горцев к соединению для вторжения в наши границы. Они принимают с восторгом его воззвания, вооружаются и составляют значительные сборище за Кубанью против центра Кавказской линии, абазехи составляют главную часть оного, но к ним начинают присоединяться и прочие народы»[1]. Учтем при оценке этого сообщения, что на Северо-Западном Кавказе абадзехи были одним из основных очагов борьбы с царизмом. Присоединение их к Гази-Мухаммеду было бы значи-

[1] Рапорт Г.А.Эммануэля А.И.Чернышеву от 30/VIII-1831 г., № 826 // ЦВИА ВУА. Д. 6259. Ср.: *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе.../ / КС. 1889. Т. 13. С. 253.

тельным шагом по пути установления единого фронта горских народов.

Царское командование серьезно считалось с этой угрозой, тем более что через несколько дней после письма Эммануэля Вельяминов отмечал неблагоприятную для царизма обстановку и в Кабарде: «Теперь, при появлении Кази Муллы, готовы присоединиться к нему почти все кабардинцы и все закубанские народы, с которыми находился он в почти бесперебойных сношениях»[1]. Восстание в Кабарде было особенно страшно для царизма: главная артерия, связывавшая Закавказье с Северным Кавказом и Россией, — Военно-Грузинская дорога находилась под угрозой нападения кабардинцев. Но не только кабардинцы угрожали этому пути. В то же время, по сообщению Розена, «ген.-лейт. Вельяминов известился также, что ингуши, живущие в большом числе вокруг Назрановского укрепления, принимают участие в замыслах Кази Муллы»[2]. А дагестанский историк имамата Мухаммед-Тахир ал-Карахи сообщает даже, что «...Гази Мухаммед со своим войском наехал в город Буру [Владикавказ. — *Н.П.*]. Когда они подошли к городу Буру, то снаряд, выпаленный из пушки, контузил Гази-Мухаммеда и сбросил его с коня. Оттуда он вернулся обратно»[3]. Это уже был удар по самому чувствительному месту. По-видимому, он не был достаточно хорошо подготовлен и поэтому не удался. Царизм удержал Военно-Грузинскую дорогу и не допустил образования единого горского фронта. Широкие планы Гази-Мухаммеда и здесь потерпели крушение.

Гимринская экспедиция Розена

В течение 1832 г. царские войска постепенно смыкаются, окружая основной очаг восстания, койсубулинское общество и его центр — Гимры. Сопротивление отдельных обществ жестоко подавляется: жгутся аулы, истребляется их население. В этом систематическом искоренении восстания царизм не забывает верных

[1] Письмо А.А.Вельяминова Г.В.Розену от 5/XI-1831 г. (в том же деле).

[2] Письмо Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 5/XI-1831 г., № 106 // ЦВИА ВУА. Д. 6259.

[3] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск горных сабель... Л. 23. Ср. рапорт полковника Сорочана Розену от 29/III-1832 г., № 94, где передаются слухи, циркулировавшие в Чечне, будто имам в походе к Владикавказу был контужен ядром в живот (КС. Т. 32, ч. 2. С. 7). «Редактор» Мухаммеда-Тахира, Пржецлавский, напутал и здесь. В тексте перевода было: имам «...во внезапной стычке с русскими был контужен и, страдая от ушиба при падении с лошади, возвратился в Гимры». «Редактор» после слов «был контужен», очевидно, «для ясности» вставил: «ружейною пулею». Хороша контузия! Скрупулезная точность Мухаммеда-Тахира исчезает при «редактировании стиля» (См.: ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 10 об.). Впрочем, вставка, может быть, принадлежит и не Пржецлавскому, а Дубровину. Еще лучше!

своих союзников, горских феодалов. Вот, например, один из эпизодов похода командовавшего в это время всеми кавказскими войсками барона Розена против салатовцев: «Г. корпусный командир 1 октября выступил для наказания салатовцев за участие в предприятиях Кази Муллы, но на первом переходе старшины сего общества явились с изъявлением совершенной покорности, обязались удовлетворить преданных нам кумыкских князей за все, потерянное ими в прошлом году[1], на сумму около 10 тыс. руб. серебром, и не терпеть среди себя никого, имеющего связь с мятежниками»[2]. Подобного рода штрафы в пользу горских феодалов нередки в летописях восстания 1831—32 гг. К середине октября 1832 г. имам оказался уже окруженным со всех сторон, и Розен мог, наконец, нанести движению последний решительный удар. Специальная экспедиция направляется против аула Гимры — основного центра восстания и резиденции имама. 18 октября царские войска повели штурм аула. Гази-Мухаммед укрепился вместе с наиболее преданными ему мюридами (в том числе и Шамилем) в башне. Когда солдаты ворвались в аул и башня была окружена, Гази-Мухаммед выскочил и погиб на штыках. Выскочивший же вслед за ним Шамиль, несмотря на страшные раны, пробился через ряд осаждавших и спасся. Само собою разумеется, спасение одного из виднейших помощников имама приписано было особой милости Аллаха[3]. Отряд Гамзат-бека, пытавшийся в это время действовать в тылу царских войск, был отбит.

Таким образом, нанесен был, казалось, сокрушительный удар мюридизму и можно было надеяться, что с восстанием покончено. Интересно отметить, что, ликвидируя восстание, царизм укреплял и расширял власть горских феодалов над «вольными» обществами. «Скоро после занятия Гимров, — писал барон Розен, — явились ко мне старшины оных, прося помилования. Я потребовал от

[1] Во время осады Внезапной салатовцы примкнули к войскам Гази-Мухаммеда, а некоторые из кумыкских князей укрывались в крепости. Имущество этих князей было разграблено.

[2] Рапорт генерал-майора Вальковского (В.Д.Вольховского) генерал-лейтенанту барону Г.В.Розену от 7/X-1830 г., № 238 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 148.

[3] Вот как Мухаммед-Тахир описывает этот случай: «Шамиль засучил рукава, завязал полы черкески, обнажил шашку, бросил ножны и бросился наружу так, что голова его ударилась о дверь, с головы слетела папаха с чалмой, и без папахи пошел в рукопашную. Шамиль зарубил двух шашкой, а третий проколол Шамиля штыком насквозь. Одной рукой Шамиль схватил штык, а другой зарубил и третьего. В это время один из врагов выстрелил в Шамиля, но не попал, причем Шамиль бросился на него и нанес ему несколько ран... В конце концов противником был нанесен Шамилю удар камнем в левое плечо и переломил его. Шамиль все же держался на ногах. Таким образом спереди напасть на Шамиля никто не смел и он спасся со своим муэдзином вдвоем... Свою силу Шамиль объяснил муэдзину тем, что со дня возвращения из Чечни тело его предназначено для газавата» (Блеск горных сабель... Л. 30).

них выдачи аманатов, возвращения пленных, уплаты штрафа по 6 руб. серебром с каждого дома, ежегодной подати по 1 р. и прекращения всяких сношений с неприязненными нам народами с тем, чтобы по-прежнему **в делах своих зависеть от шамхала Тарковского**. Они на это согласились»[1] [выделено мною. — *Н.П.*].

Итоги

Из сказанного видно, что в восстании приняли участие различные сословия. Основа его — крестьянская масса, но вместе с ней идет и аульская верхушка, зажиточные уздени. И тут же выступает феодальная верхушка, зажиточные беки. Каждая из этих групп участвует в движении со своими собственными задачами, в какой-то мере противоречащими друг другу. После хунзахской осады 1830 г. первый имам ни разу не проявляет понимания им требований массы. Едва появившись в шамхальстве, он начинает блокироваться с беками. Особенно широко развертывается этот союз мюридизма с феодальной верхушкой в августе 1831 г., во время восстания в Южном Дагестане.

Ряд сведений, собранных исполняющим должность дербентского коменданта, говорит и о широком размахе, который Гази-Мухаммед хотел придать движению, и о характере самого движения: «...цели его состояли в том, чтобы не только свергнуть русскую власть и сделать независимым, под своим теократическим господством, весь Дагестан; но овладев Дербентом, соединиться вслед за тем с Аслан-ханом Казикумухским, изгнать нас из мусульманских провинций, захватить бывшие ханства Ширванское, Кубинское, Талышинское и создать одно общее царство ислама, возвратив ханов или их наследников, в особенности сына Ших-Али-хана, к прежнему владычеству»[2]. Проповеди шариата и выполнению его требований первый имам несомненно придавал большое значение; гораздо сложнее вопрос о его политических планах. Действительно ли эти планы Гази-Мухаммеда были так широки или они просто были приписаны ему — сказать с определенностью трудно. В одном из рапортов Панкратьева есть сообщение о слухах, достоверность которых сейчас установить трудно: «Говорят, что хан сей [Мустафа Ширванский, живший в это время в Иране. — *Н.П.*] имеет тайные сношения с Кази Муллою и, в случае удачи мятежа в Дагестане, намерен возмутить Ширванскую провинцию»[3]. Если верить этому свидетельству о связях Гази-Мухаммеда с бежавшими в Иран ханами и вспомнить о

[1] Отношение барона Г.В.Розена к графу А.И.Чернышеву от 22/X-1832 г., № 303 //АКАК. Т. 8. С. 565.

[2] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...//КС. 1889. Т. 13. С. 279. Ссылка на донесение генерал-майору С.В.Каханову от 19/VIII, № 53.

[3] Рапорт Н.П.Панкратьева А.И.Чернышеву от 5 сентября 1831 г., № 1310 // КС. Т. 32, ч. 1.С. 40.

линии, взятой Гази-Мухаммедом в Дагестане и выразившейся, между прочим, в назначении нового шамхала, то версия о планах возвращения изгнанных самодержавием ханов может иметь некоторое право на существование.

Одновремено Гази-Мухаммед пытался завязать какие-то связи и с Турцией. Мы знаем, например, о посылке герменчукского уроженца Хаджи-Мухаммеда в 1832 г. Константинополь[1], о переписке с эрзерумским пашой[2]. И в этом опять нет ничего невероятного: Шамиль впоследствии делал то же.

Однако эти попытки оказались неудачными: в 1832—1833 гг. суннитская Турция не могла и думать о конфликте с Россией. Ей самой приходилось идти на любые жертвы Николаю I, лишь бы получить помощь против египетского Ибрагима-паши, грозившего самому существованию Оттоманской империи. Шиитский Иран также не оказал первому имаму никакой помощи.

Имам иногда забывает о крестьянской базе, стремится объединить в выступлении против завоевателей и феодалов, и крестьян, верит в то, что одна только проповедь исправит феодалов. В конце концов, он оказывается бессилен выполнить самые существенные требования масс, требования об освобождении от феодального гнета. С одной стороны, слухи, распространявшиеся перед приходом имама к Внезапной, слухи о том, что бедных наделят за счет богатых, с другой — явно покровительствующая бекам политика. И что же удивительного в том, что крестьянская масса начинает охладевать к мюридизму, что успехи имама переменчивы.

В свою очередь, и феодальная верхушка, примыкавшая к движению, пытавшаяся возглавить его и использовать его в собственных интересах, зорко следит за тем, нельзя ли будет получить с царизма побольше и не рисковать участием в крестьянском движении. Не один Уллубей перебежал на сторону царизма, беки Южного Дагестана мало чем отличаются от него в этом отношении, и многие из них предавали восстание еще задолго до победы царизма. И уж во всяком случае ни один из них не думал об удовлетворении социальных требований крестьянской массы. Мы помним о том, что Гази-Мухаммед еще в разгаре восстания в 1831 г. назначил нового шамхала. И с этого момента среди шамхальцев чувствуется уже иное отношение к мюридизму. В неоднократно выше цитировавшейся нами статье Волконского, описывающего историю первых шагов мюридизма, мы находим любопытное указание: «Он [ген. Каханов. — *Н.П.*] осведомился, что между народом идет пререкание и бедные, которых понуждал сильный голод, заставлявший их продавать свое имущество и дома, желали бы покориться»[3]. События 1840-х гг. показывают нам, что дело

[1] Дело чеченского архива. Фонд, переданный из Центрархива. Д. 63 (фотогр.).

[2] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе...//КС. 1889. Т. 13. С. 285. Ссылка на донесение Панкратьеву от 2/IX, № 149.

[3] Там же. С. 298.

здесь не только в голоде, что во времена восстания 1840—1843 гг. массы шли на большее, но тогда они считали дело мюридизма своим делом. А в 1831 г. ошибочная политика Гази-Мухаммеда: назначение им шамхала, широкое привлечение к мюридизму беков и вера в их «исправление» под влиянием религиозной проповеди — все это стояло в слишком резком противоречии с чаяниями масс, жаждавших «избавиться от своих владельцев». И массы начинают разочаровываться в имаме, отходить от него. Этими-то колебаниями и воспользовалось царское правительство для того, чтобы нанести решительный удар. Так в 1831 г. закончился первый этап в истории имамата.

2. ВТОРОЙ ИМАМ ГАМЗАТ-БЕК

Противоречия внутри мюридизма

Гимринский погром, вопреки хвалебным донесениям царских генералов, вовсе не покончил с мюридизмом. Движение, правда, принуждено было замкнуться в узкие рамки обществ Нагорного Дагестана, оставив до поры до времени мысль о возврате времен восстания 1831 г. Мюридизм, несомненно, переживал в 1833—1834 гг. некоторый кризис. Теперь, когда ставка на беков плоскости оказалась битой, яснее чувствуется в движении новая струя. И внутри самого мюридизма начинают сильнее выявляться противоречия между двумя группами. Одна из них — это беки Нагорного Дагестана, другая — уздени. Но необходимо помнить, что и группа узденей вовсе неоднородна, что в ней ясно можно видеть два слоя: с одной стороны — узденьскую верхушку, с другой — основную массу крестьянства. Пока, до конца 1830-х гг., все уздени выступают как будто бы единым фронтом. Может быть, это впечатление создается лишь благодаря скудости наших источников о внутреннем положении мюридизма, но пройдет немного лет, и в шамилевские времена ясно и отчетливо будет виден их раскол. Теперь же, в 1833 г. можно нащупать лишь узденьско-бекские противоречия и растущее недовольство узденей беками.

Борьба вокруг избрания Гамзат-бека

Самый факт наличия какой-то борьбы внутри мюридизма заметен уже при избрании нового имама после смерти Гази-Мухаммеда. Обстановка избрания чрезвычайно неясна, сведения о нем разноречивы[1].

[1] Разноречие это касается даже места, где происходят выборы. Гаджи-Али («Сказание очевидца о Шамиле») указывает на Гоцатль, П.Кублицкий (Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1899. Т. 20) — на дер. Гуджак (? — *Н.П.*), Боденштедт (Les peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie) — на Ирганай, причем подчеркивает, что посвящение нового имама производил Курали-Магома («A la nouvelle du désastre d'Himry Moullah-Mouchammed accurut assitôt à Jrhana pour consacrer et bénir prêtre Hamsad Beg appelé à succeder à Kazi Mullah»), есть указания на Кородy и т.д. Почти то же самое и с годом избрания (1833 или 1834).

Но все источники сходятся на том, что избирался имам каким-то особым собранием. Мухаммед-Тахир прямо называет народное собрание и «совет ученых»[1]. Никаких записей решений этого собрания не велось, и о содержании выступлений мы можем судить только по слухам, отразившимся и в официальной переписке, да по дошедшим до нас воспоминаниям некоторых участников. Из таких воспоминаний интересны записи (хотя и подвергавшиеся большой обработке в духе официальной царской историографии) казначея Гамзат-бека, Маклача[2]. Этот последний сообщает, что часть собрания была недовольна избранием Гамзат-бека, но принуждена подчиниться из-за угроз нового имама. Рассказ Маклача подтверждает Зиссерман: «В числе мюридов были двое, более приближенные к Кази-Мулла: Шамиль и Гамзат-бек. При выборе имама партии разделились между этими двумя лицами. Но первый лежал тяжело раненый в Ашильте[3], имел менее приверженцев и менее материальных средств; а второй, как чанка аварского ханского дома и богатый человек, был более известен и употреблял, кажется, более усилий расположить к себе толпу. Он восторжествовал и был провозглашен имамом, а Шамиль уступил народному выбору, принял смиренную роль приближенного мюрида при новом имаме»[4]. Такие разногласия,как показывают дальнейшие события, были вполне возможны.

---

[1] Три имама. С. 70; Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 61.

[2] Следует, впрочем, заметить, что к показаниям этого свидетеля приходится относиться с значительной степенью осторожности. Маклач был другом детства Гамзата и позднее сопровождал его всюду вплоть до самой смерти второго имама. Но затем Маклач перешел на царскую службу, получил чин штабс-капитана и должность переводчика при Генеральном штабе в Тифлисе. По сообщению генерала Лазарева, он «...в 1843 году быв в блокаде в укр. Темир хан Шура передавал Шамилю все планы обороны и действий и умер в 1849 году» (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 29 об. Примечание). Биография Маклача слишком сложна, его переход от Гамзат-бека к русским и измена царизму в пользу Шамиля заставляют думать, что этот много знавший и поэтому чрезвычайно ценный свидетель мог искажать факты в угоду тем, кому он в данный момент служил. К тому же показания Маклача обрабатывались русскими офицерами. И если мы далее иногда пользуемся данными Маклача, то только проверяя эти данные другими, параллельными и независимыми от показаний Маклача, свидетельствами.

[3] Мухаммед-Тахир указывает, что после гимринского сражения Шамиль лечился от ран в Унцукуле (в арабской рукописи — Ансаль) (Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 57). Впрочем, если известие Хаджи-Али о том, что Гамзат был избран в рамадане месяце, правильно, то это замечание вряд ли может быть принято. Дело в том, что, по сообщению Тахира, Шамиль болел только до последних дней месяца ша'бана и в рамадане был уже здоров (Там же. С. 57). Кстати, нужно исправить ошибку Хаджи-Али в годе избрания. Это был не 1251, а 1248 год хиджры.

[4] *Зиссерман А.* Свидание генерала Клюки фон Клугенау с Шамилем в 1837 г.//Газ. «Кавказ». 1861. № 87.

Характеристика Гамзат-бека

Что же касается причин недовольства какой-то группы кандидатом в имамы, то здесь нам придется вспомнить о происхождении Гамзат-бека из среды феодалов: он был чанка аварского ханского дома, сын Али-Эскендер-бека. Родился он в 1789 г. в сел. Новый Гоцатль. В 1801 г. его отдали на воспитание в сел. Чох к мулле Махад-эфенди[1]. Чох — одно из селений Андалаля, славившегося ученостью своего духовенства. После смерти Махад-эфенди, лет через 12, Гамзат-бек переселился в Хунзах и здесь завершил образование у главного кадия «разбойничьего гнезда» Нур-Мухаммеда. В это время Гамзат жил в доме аварской ханши Паху-бике, пользовался ее постоянным покровительством и приобрел даже некоторую известность пьянством и сомнительными похождениями. Одним словом, в будущем имаме не было заметно никаких признаков святости. Даже после того, как Гамзат-бек сделался последователем Гази-Мухаммеда, он не прерывал связей ни с Паху-бике, ни с аварскими беками. В числе ближайших друзей второго имама документы не раз называют нам аварских беков, как, например, Чопан-бека. Есть даже свидетельство о том, что Гамзат владел своим родным аулом, Гоцатлем[2]. А об отце Гамзата Нуцал-хан Аварский пишет: «известно, что когда отец его Алискандер бек управлял упомянутой деревней и предпринимал поход в Грузию, то дед мой Омар хан старался делать по возможности своей препятствия ему и приверженцам его в предприятии, но и тогда не мог усмирить их»[3]. Из этого сообщения на нас смотрит самый типичный феодал, и нам кажется, что относительно происхождения второго имама сомнений быть не может. Более того, в первые моменты своего выступления на поприще мюридиз-

[1] Здесь он жил в доме Кази, отца Маклача; этот последний позднее сделался казначеем Гамзата (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 18).

[2] См.: АКАК. Т. 8. С. 567–568: «...он [Гамзат-бек. — *Н.П.*] живет в собственной своей деревне». А между тем Гоцатль — значительный аул Аварии. Кузьминский в своем описании экспедиции 1834 г. так характеризует его: «Гоцатль можно назвать большим городом: в нем несколько мечетей, около 700 домов каменных, правильно построенных» (*Кузьминский.* Экспедиция против горцев Северного Дагестана в 1834 г., описанная находящимся при императорской военной академии подпоручиком Кузьминским // ЦВИА ВУА. Д. 6246. Л. 26).

[3] См.: *Климан Ф. фон.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1896. Т. 17. С. 377. Впрочем, у Пржецлавского в его «обработке» сочинения Мухаммеда-Тахира мы находим несколько иную характеристку отношений Али-Эскендер-бека к аварским ханам: «Алескендер бек был уважаем аварцами за храбрость и распорядительность. В молодости своей он часто собирал скопища горцев и с ними пускаясь в Кахетию, всегда возвращался с большою добычею. Султан Ахмед хан, тогдашний хан Аварии, в более важных делах прибегал к совету влиятельного Алескендер бека» (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 18).

ма Гамзат-бек и в отношениях к царизму проявил себя как типичный феодал. Он участвовал в джарском восстании 1826 г. После поражения этого восстания он сделал царскому правительству предложение «...о назначении ему пожизненного пенсиона, взамен чего он обещался тотчас же распустить скопище и не тревожить более наших пределов»[1]. Царское командование не приняло предложения, Гамзат-бека арестовали, но ему удалось бежать. Так и дальнейшая политика Гамзат-бека указывает на то, что в руководстве имаматом активное участие начинает принимать какая-то группа аварских беков, и прежде примыкавшая к движению. А это, понятно, должно было вызвать протесты со стороны узденьской массы, как ханства, так и «вольных» обществ. И в самом деле, как мы увидим дальше, между аварским беком Гамзатом, с одной стороны, и койсубулинским узденем Шамилем, с другой, существуют разногласия. Недаром и сам Шамиль усиленно подчеркивает свою лояльность по отношению ко второму имаму, вызванную желанием не погубить движение в один из критических моментов. В этом смысле интересно письмо, написанное Шамилем по поводу избрания Гамзата: «От раба божия и сподвижника славы ислама, слуги имама Кази Муллы и славного пророка, к такому-то... Урусы (русские) торжествуют; Гимра взят, имама нашего более нет. Для поддержания ислама нужно **единодушие** [подчеркнуто в подлиннике. — *Н.П.*]. Кто бы ни был предводителем мюридов, — внушите народу повиноваться ему покуда; да не будут наши горцы подобны собакам... да не грызутся они из-за кости властолюбия, тогда как кость эта может быть похищена неверными»[2]. Уже этот отрывок говорит очень многое не только о единодушии, но и о разногласиях внутри мюридизма. И письмо ясно показывает, что избрание Гамзат-бека — результат победы, одержанной бекскими группами в мюридизме над группами узденьскими.

Впрочем, особое положение Гамзат-бека, выступившего в промежутке между двумя койсубулинскими имамами (его предшественником, Гази-Мухаммедом, и его преемником, Шамилем), бросалось в глаза почти всем исследователям и даже составителям обзоров. Так, Прушановский замечает: «Непродолжительный период второго имама носит на себе отличительный характер. Не имея ни способностей, ни достоинств своего предшественника, Гамзат бек является уже не как проповедник или глава секты, но как честолюбец домогавшийся престола. Бекское происхождение делало его надменным, он ставил себя выше толпы, **хотел быть ханом и завоевателем** [выделено мною. — *Н.П.*], а мюридов обратить в отборную дружину свою. Фанатизм, возбужденный Гази Муллой,

[1] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 г.) // ВС. 1859. Т. 1. С. 365.

[2] *Казембек А.* Муридизм и Шамиль // РСл. 1859. № 12. С. 215.

ослабел и место его заняли своекорыстные расчеты, которых чуждался первый имам»[1]. То же отмечает и Кастильон, он говорит, что роль имама Гамзат «...воспринял как средство удовлетворить своим честолюбивым видам»[2]. Наконец, и сам Шамиль, уже находясь в Калуге, в плену, сказал по этому поводу широко известную фразу: «Будучи сам аристократом, Гамзат бек не хотел или не умел унизить аристократию, необходимость чего Шамиль доказывал ему неопровержимыми доводами»[3].

Поход на Гергебиль

Первыми же действиями нового имама были походы с целью подчинить себе аулы, не признавшие его власти. С.Брановский[4],

[1] *Прушановский К.И.* Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами // ЦВИА ВУА. Д. 6430. Л. 362. Пассек в своих записках подчеркивает: «Гамзад Бек, как честолюбец, домогался сделаться аварским ханом и владетелем Дагестана» (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423. Л. 4).

[2] Донесение Кастильона МИД Франции Гизо от 18/V-1844 г. // ЦВИА. Фонд департамента Генерального штаба. Д. 1844 г. № 113. Лит. Б. Л. 42.

[3] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1499.

[4] «Выписка из журнала...» Станислава Брановского представляет собой документ большой важности. К сожалению, в деле Брановского, хранящемся в Ленинградском Центральном государственном военно-историческом архиве, находится лишь перевод этой «Выписки» (Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834, 1835 гг.). Журнал велся на польском языке, переводчик оказался не слишком грамотным, и «Выписка» часто выглядит просто безграмотной. Однако смысл подлинника уловить можно всегда. Брановский бежал в горы из Горячеводского укрепления (недалеко от креп. Грозной) 10 июля 1833 г., перебрался через горы в Гоцатль (который в «Выписке» называется Амзад Юрт) к Гамзату и 8 месяцев сопровождал второго имама, принимал участие в военных действиях. Под Гергебилем Брановский был ранен. Гамзат отпустил его в Турцию, но провожатые ограбили Брановского на границе и продали в Анди. Оттуда он прислал записку знакомым польским юнкерам с просьбой внести за него выкуп в размере 35 руб. Записка была передана генералу Горихвостову, который и внес эти деньги. Выкупленный Брановский предан был суду. Приговор гласил: лишить дворянства и сослать на каторгу. «Выписка» — источник чрезвычайно интересный, т.к. он помогает внести некоторую ясность в этот темный период борьбы горцев за независимость. К сожалению, «Выписка» дает очень мало данных о внутренних отношениях в стане Гамзата, военной организации и т.п. Брановский, по-видимому, слишком мало знал аварский язык и не отличался большой наблюдательностью. Впрочем, для того, чтобы судить обо всем этом с достаточной степенью уверенности, необходимо ознакомиться с подлинным Журналом. А где находится этот последний, сказать трудно. Помимо данных по истории военных действий Гамзата и его взаимоотношений с аварскими ханами, «Выписка» Брановского интересна еще и тем, что она вносит ясность в вопрос о какой-то специальной почетной гвардии из дезертиров, якобы окружавшей второго имама. Уже в 50-х гг. XIX в. Варнер писал о «специ-

попавший в лагерь Гамзата 20 июля 1833 г. (по-видимому, вскоре после избрания Гамзата имамом), описывает эти первые походы. «В десятых числах августа имам после нескольких дней осады взял Ирганай[1], где «отца и сына жители изрубили за то, что не хотели нам покориться, и все сопротивлявшиеся дома были разграблены»[2]. Это сообщение подтверждается и хроникой Мухаммеда-Тахира: Гамзат «...отправился в селение Ригун и перебил отступников этого селения»[3]. Таким образом, второму имаму нужно было оружием утверждать свой авторитет в Дагестане уже с первых шагов. Из Ирганая Гамзат направился к Араканам. С 21 по 25 августа 1833 г. под Араканами происходят бои с шамхалом и мехтулинским ханом, собравшим до 3000 человек. Только 23-го в ходе военных действий наступил перелом. В этот день на помощь Гамзату прибыли из Гимр Шамиль и еще некто, названный в дневнике Брановского Таймас-ханом. После упорной битвы 25 августа ханы отступили и Гамзат овладел прилегающей частью Дагестана. К нему прибыли с покорностью даже представители из Гергебиля. Отсюда он двинулся на Унцукуль[4]. 3 сентября селение сдалось. После кратковременного движения к Андийскому Койсу Гамзат 8—9 сентября снова показался в Аварии. В результате этих походов Гамзат-беку удалось опять объединить общества Нагорного Дагестана и предпринять попытку выхода на плоскость. На этот раз целью выбраны были селения Андалаля, возможно, с расчетом продвинуться затем в Акушу. Удар был направлен на важный в стратегическом отношении большой аул Гергебиль. В качестве противников имама теперь выступали лишь шамхал Тарковский, хан Мехтулинский и кадий Акушинский. Примыкание Акуши к ханам интересно как показатель существовавшего уже в эту эпоху союза между феодалами Приморского Дагестана и зажиточной узденьской верхушкой Даргинского союза. Союзники были разбиты, и Гергебиль остался за имамом. Однако дальнейшее движение на плоскость не состоялось. Гамзат-бек повернул обратно в горы. Очевидно, у него не хватало воинов для задуманной широкой операции, да к тому же не оправдывались и расчеты на восстание в Приморском Дагестане. А спустя некоторое время пришлось оста-

---

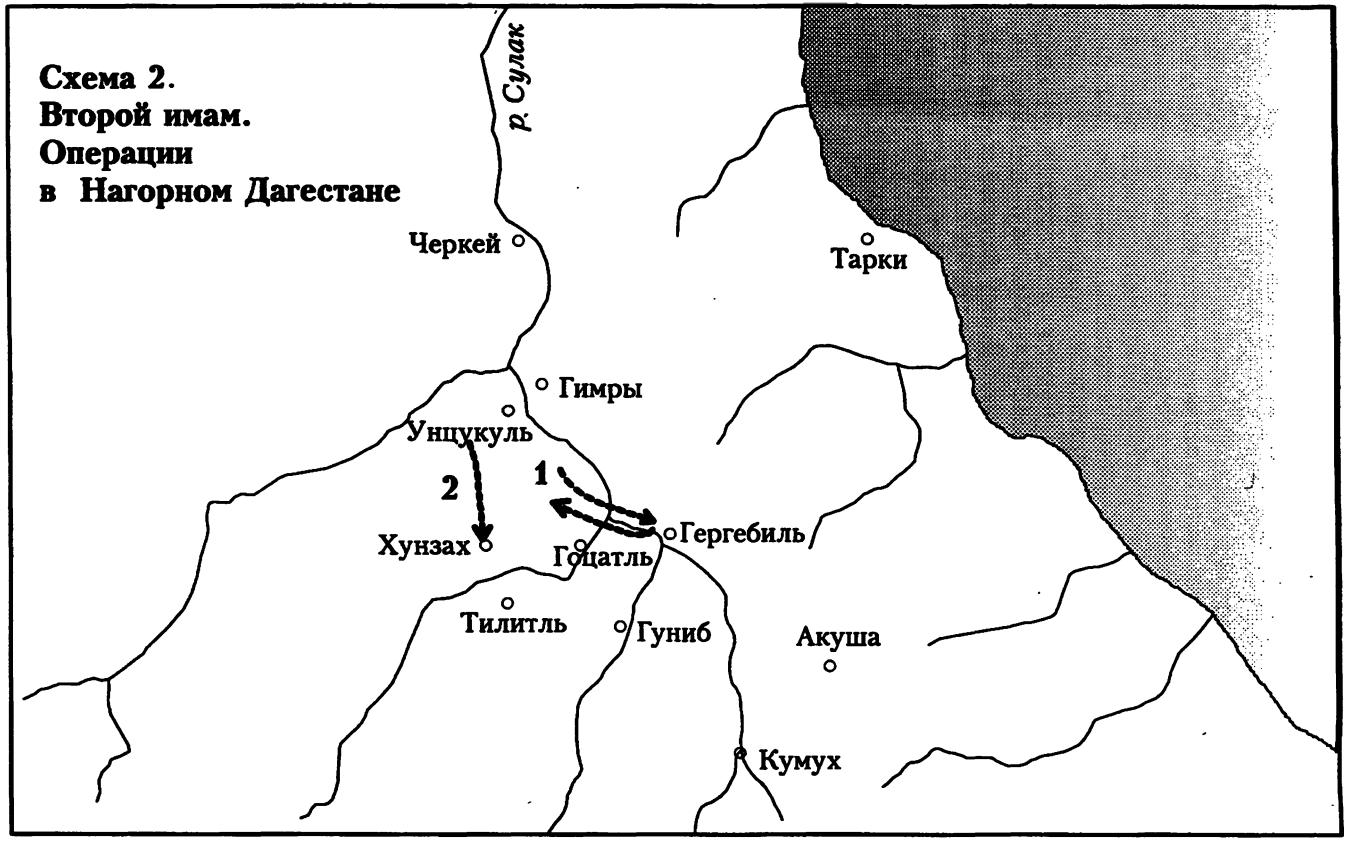
альном батальоне, составленном из русских и польских дезертиров; это, несомненно, обломок почетной гвардии, сформированной Гамзат-беком». Из «Выписки» Брановского можно видеть, что такой военной единицы у Гамзата не было и что вообще армия Гамзата не имела, по-видимому, устойчивой военной организации.

[1] У Брановского — Рахон, в переводе «Хроники» Мухаммеда-Тахира А.М.Барабанова — Ригун.

[2] Выписка из журнала, веденного рядовым б. 43 Егерского полка Станиславом Брановским во время нахождения его в бегах у горцев // ЦГВИА (Ленинград). Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834—1835 гг. Л. 14.

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 61.

[4] В тексте записок Брановского — Сокуле.

Схема 2.
Второй имам.
Операции
в Нагорном Дагестане
р. Сулак
Черкей
Тарки
Гимры
Унцукуль
2
1
Гергебиль
Хунзах
Гоцатль
Тилитль
Гуниб
Акуша
Кумух

2. Действия противоборствующих сторон

1. Гамзат-бек 1833, начало 1834.
2. Гамзат-бек VII - VIII.1834.

вить и Гергебиль. Имамат оказался опять ограничен пределами некоторых «вольных» обществ Нагорного Дагестана и, может быть, отдельными аулами Аварии.

Отношения Гамзат-бека с аварскими ханами в 1833 г.

В дальнейшем центральным вопросом для второго имама является проблема взаимоотношений имамата с Аварским ханством. Известные события, разыгравшиеся в 1834 г. в Хунзахе, истребление аварских ханов, вообще представляют наиболее выдающийся момент в истории этих лет, момент, останавливающий на себе внимание многих историков, хотя истолкование этих событий далеко не всегда было правильным. Нам пришлось уже указать на близость Гамзат-бека к аварским ханам и бекским кругам. Если теперь обратиться к истории его отношений с ханами, то обнаружится, что еще за год до истребления ханов, в 1833 г., между Гамзат-беком и аварской ханшей Паху-бике были дружественные отношения, если не прямой союз. Об этом говорит многое. Во-первых, Паху-бике, еще в 1830 г. находившаяся в неприязненных отношениях с мюридами, все время укрывает от преследований царского правительства Гамзат-бека. Возможно, конечно, что здесь играет определенную роль и страх перед силой мюридизма. Однако подчеркивание ненависти ханши к койсубулинцам при хороших отношениях с Гамзатом скорее может объясняться различной тактикой ее в отношении двух групп внутри мюридизма. Очень интересны с этой точки зрения документы 1833 г. и записи С.Брановского. Сообщения последнего настолько интересны и важны, что мы приведем их здесь, несмотря на их сравнительно большие размеры и недостаточно грамотный перевод. 9 сентября Гамзат собрал отряд, чтобы «...атаковать Хонзак или Будзе ханства Аварского, Нуцал хан, который покорен России и получал большие деньги — чтобы не воевать, с условием, чтобы и русские их не трогали. Отец и мать получали большие подарки, дети их — два брата молодые, мать[1] управляет и очень жадна на деньги. Сын ее[2] по прибытии нашем намерен был с нами помириться без согласия матери, как будто для сражения войско собрано со стороны его (жена его — сестра шамхала Тарковского), для переговоров выслал своих доверенных с Емчеком[3], на что Амзад бек охотно согласился и прибыл на назначенное место»[4]. С.Брановский, как видим, сообщает ряд неизвестных до сего времени данных. Осо-

[1] Паху-бике.

[2] Нуцал-хан.

[3] Эмджек — молочный брат ханов. Так как эмджеками Нуцала и Умы-ханов были Хаджи-Мурат и его брат Осман, то послом Нуцала к Гамзату был, очевидно, кто-то из них.

[4] Выписка из журнала, веденного... Станиславом Брановским // ЦГВИА. Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834—35 гг. Л. 16 об.

бенно важно указание на разногласия Нуцал-хана с Паху-бике. В то время, как ханша подчеркивает свое нежелание иметь дело с Гамзатом, Нуцал-хан не прочь повести с ним переговоры и примириться. Свидание произошло в тот же день, 9 сентября, и примирение состоялось. Нуцал, вернувшись в Хунзах, объявил о результате переговоров ханше, «...которая приступить к сему не хотела, но как он войско имел на своей стороне, которое ханшу не слушало, то она принуждена с сыном примириться»[1]. О целях заключенного между Гамзатом и Нуцалом союза С.Брановский ничего здесь не говорит, эти цели станут ясны позднее. Царское командование не осталось, разумеется, в неведении об этих столь важных для него событиях.

14 сентября 1833 г. барон Розен сообщает графу Чернышеву: «Аварская ханша Паху бике с детьми своими, неблагонадежность которых уже давно приметна была, как в. с. изволили видеть из прежних моих сообщений, изъявила Гамзад беку согласие действовать совместно с ним против русских и дала присягу на присоединение к шариату»[2].

14 сентября, в тот день, когда Розен отправлял из Тифлиса свое донесение Чернышеву, в лагерь Гамзата у сел. Мушули прибыл Нуцал. У него и его отряда головы были повязаны чалмами. Это был знак того, что хан вступил в число мюридов. 16 сентября «...прибыл Суркай хан[3] из деревни Циук[4] и присягнул сопротивляться русским. Почему тотчас отдано приказание из всех деревень до пятнадцатилетнего возраста, кто только имеет оружие, собираться с намерением итти для покорения Андии, а оттуда в Грузию. Отряды приходили с разных сторон»[5]. Цель Гамзата была, таким образом, достигнута: аварские ханы заключили с ним союз. И не только Нуцал и Ума, но и их конкурент по управлению ханством, Сурхай, числившийся в это время полковником царской службы. Правда, Нуцал действовал в этом случае без согласия Паху-бике, но войско было на его стороне, следовательно, союз можно было считать довольно прочным. Но направление предполагаемого похода, на первый взгляд, кажется непонятным: почему целью Гамзата являются не царские крепости в Дагестане, а Грузия? Нужно вспомнить биографию Гамзата, а также и то, о чем упорно говорили в царских военных кругах, — будто бы Гамзат спорил еще с первым имамом, Гази-Мухаммедом, доказывая ему, что нужно идти не в шамхальство Тарковское, не против Бурной

[1] Там же. Л. 17.

[2] Отношение № 654 //АКАК. Т. 8. С. 571.

[3] Сурхай управлял аулами Западной Аварии, резиденцией его был аул Сиух. Восточной Аварией управлял Нуцал-хан, фактически подчиненный своей матери Паху-бике. Их резиденцией был Хунзах.

[4] Сиух.

[5] Выписка из журнала, веденного ... Станиславом Брановским // ЦГВИА. Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834—35 гг. Л. 17.

и Дербента, а действовать против Грузии[1]. Тогда будет ясно, что Гамзат все время ориентировался на воспоминания об удалых аварских набегах на долины Иоры и Алазани. Для реальной борьбы с царским владычеством подобный набег не дал бы ничего. Не имея прочной базы в Дагестане, имам не мог вытеснить царские войска из Грузии. Но Кахетия дала бы богатую добычу, а аварские ханы и беки не могли не прельститься этим. Очевидно, переговоры эти, так же как и первое соглашение Гамзата с Нуцалом, не остались секретом для царского командования. Но любопытно, что на этот раз барон Розен узнает новости не из Северного Дагестана, а из Джарской области, которой непосредственно угрожало соглашение Гамзата с аварскими ханами.

21 сентября Розен сообщал: «Начальник Джарской области ген.-майор Антропов доносит, что сыновья Аварской ханши Паху бикэ Нусал-хан и Ума-хан, соединившись с Гамзад беком, стараются произвести возмущение в Нагорном Дагестане, к чему изъявляют готовность некоторые лезгинские общества»[2]. Почему Гамзат не использовал обстановку и не сделал набега на Кахетию, не совсем ясно. Может быть, известную роль сыграла здесь необходимость нового похода в Араканы и Гергебиль, о чем пишет С.Брановский. В этом-то походе и был ранен С.Брановский. Его записки прерываются, о дальнейшем у него есть только два-три беглых замечания. Но одно из них очень интересно. 28 октября[3] Гамзат прибыл «...на помощь Амзат хану[4] и аварской ханше... хан желал итти под крепость Темир-хан Шуру против русских, но неизвестно почему Амзат бек отложил»[5]. Как видим, соглашение продолжает еще действовать. Почему Гамзат снова отказался от активных военных действий, С.Брановский не знает. Другие источники тоже умалчивают об этом. Мухаммед-Тахир обрисовывал события этого времени лишь общими штрихами, а царская администрация была, очевидно, недостаточно информирована. Однако кое о чем она знала. 12 октября Г.В.Розен писал: «Гамзад бек отправился в Аварию для возмущения горных обществ, окружающих оную; хотя там соединились с ним аварская ханша и сыновья ее, но, однако, он не мог собрать довольно сильную партию для приведения в исполнение своих замыслов против Дагестана»[6]. О причинах ссоры аварских ханов с кавказским командованием кое-что говорит цитировавшееся уже нами письмо Нуцал-хана. Этот

[1] См., например, перевод-переработку хроники Мухаммеда-Тахира, сделанную П.Пржецлавским // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

[2] Отношение № 689 //АКАК. Т. 8. С. 572.

[3] В переводе записок Брановского названия месяцев приводятся сбивчиво, поэтому полной уверенности в правильности этой даты нет.

[4] Вероятно, описка. Речь, очевидно, идет о Нуцал-хане.

[5] Выписка из журнала, веденного... Станиславом Брановским // ЦГВИА. Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834–35 гг. Л. 20.

[6] Отношение № 730 //АКАК. Т. 8. С. 572–573.

последний прямо заявляет: «Из переписки известно, что мне были обещаны чин генерал-майора и пять тысяч рублей серебром в год, но я получил только с трудностью по 2 тысячи рублей, а обещанье о прочем оставлены без внимания к смеху»[1].

Приведенные свидетельства современников, а их можно было бы умножить, говорят о том, что в 1833 г. второй имам вовсе не вел антифеодальной политики, что он находил достаточное количество точек соприкосновения с аварским ханским домом. Более того, можно сказать, что в это время глава мюридизма и аварская ханша действуют заодно. Объяснение этому факту мы можем найти только в том, что Гамзат-бек отражал интересы некоторой части аварских беков, стремившихся использовать крестьянское движение против царского завоевания в своих интересах, но, разумеется, не собиравшихся вводить каких-либо реформ, которые могли бы затронуть имущественное положение или привилегии феодальной верхушки.

Трения у второго имама с койсубулинцами

Этому объяснению отвечает и другой чрезвычайно любопытный факт, относящийся к тому же времени и приводимый Руновским в его биографии Шамиля. Как-то Гамзату понадобилось наказать жителей Унцукуля, и он отправился против аула чуть ли не с целой армией. За несколько переходов до места Шамиль с пятнадцатью мюридами отделился от Гамзата и поехал вперед. Уже около аула Шамиль со своей партией открыт был унцукульцами. Но вместо того, чтобы истребить мюридов, унцукульцы просили Шамиля пропустить их в дальнейший путь и не мешать их намерению разбить Гамзата. Шамиль на это не согласился, и начались переговоры, закончившиеся тем, что аул уплатил контрибуцию оружием. Шамиль вернулся к Гамзат-беку, когда тот был еще далек от цели своего похода[2]. Рассказ этот подтверждает в основных чертах Мухаммед-Тахир: «Затем он [Гамзат. — *Н.П.*] отправился в Ансаль[3], а с ним и Шамиль. Гамзат остановился вдали от их селения, а Шамиль примерно с 12 товарищами напал на их завию, расположенную у селения. Ансальцы позвали Шамиля в селение, обещая, что они выполнят то, что им будет приказано. Разумный Кибит Хаджияв сообщил Шамилю с крыши завии, что в этом их приглашении заключается хитрость, тогда Шамиль не согласился войти в селение до тех пор, пока они не пошлют к Гамзату требуемых от них заложников. Жители Ансаля повиновались лишь только после того, как чуть было не завязали

[1] *Климан Ф. фон.* Война на Восточном Кавказе... // КС. 1896. Т. 17. С. 377.

[2] *Руновский А.* Шамиль // Кавказский календарь за 1861 г. Тифлис, 1860. С. 26.

[3] Унцукуль.

битву с пришедшими. От них был взят залог в сумме 60 туманов»[1].

Несмотря на некоторое противоречие в обоих свидетельствах, мы находим в них указание на то обстоятельство, что Гамзат предпочел послать в Унцукуль Шамиля, считая его вмешательство более эффективным. Унцукульцы заявляют, что согласны иметь дело только с Шамилем, и последний склонен им верить. Унцукульский случай указывает на непопулярность «бекского» имама в узденьской среде «вольных» аулов. И нужно думать, что немалую роль в этой непопулярности сыграла близость Гамзат-бека к ханам, близость, позволявшая Паху-бике в одном из писем к командовавшему в то время отрядом в крепости Темир-Хан-Шура заявить, что родственники Гамзат-бека служат сыну ее, Нуцал-хану Аварскому[2].

Шамиль, как койсубулинец, лучше Гамзата понимал характер движения. Он видел, что в основе движения лежит ненависть крестьян к феодальной эксплуатации, усилившейся после прихода в Дагестан царских войск. Но влияние Шамиля в этот момент было очень ограничено, в «совете ученых» господствовали сторонники Гамзата, терпевшие Шамиля лишь благодаря его большому авторитету среди верхушки узденей. Шамиль бессилен был исправить те ошибки, на которые он, по словам Руновского, указывал второму имаму.

Перемена политики Паху-бике

Однако в 1834 г. добрые отношения между имамом и ханами начинают быстро портиться. И вина за это, судя по всему, лежит не на вожде правоверных мусульман. Русскому правительству описанная близость не могла, разумеется, быть по душе. И верное своим принципам, оно начинает усиленно добиваться разрыва, чтобы действовать против мюридов, опираясь на ханов. Русские военные силы в Дагестане оказываются теперь достаточными для того, чтобы дать аварской ханше почувствовать тяжелую руку Петербурга. Опираясь на возможность проникновения русских войск внутрь Нагорного Дагестана, кавказское командование ставит аварских ханов перед невозможностью продолжать двойную игру. Ханше необходимо теперь выбирать между мюридами и царизмом, между независимостью и подчинением, хотя на первых порах вопрос этот ставится не так остро, как впоследствии. Аварская ханша, как, впрочем, и другие феодалы Дагестана, рассчитывала играть на мюридизме, чтобы ослабить наступление русских войск и достичь самой положения владычицы Дагестана. Когда же выяснилась опасность этой игры и пришлось показать

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 61.

[2] Отношение барона Г.В.Розена к графу К.В.Нессельроде от 24/VIII-1833 г., № 594 // АКАК. Т. 8. С. 570.

свое лицо, Паху-бике предала мюридизм так же, как и беки Южного Дагестана в 1832 г. «Известная аварская ханша Паху бике, — писал в феврале 1834 г. Розен, — и сын ее Нусал-хан — двуличными поступками своими во время всей экспедиции 1832 года, а впоследствии явным отречением обуздать подвластного им Гамзад бека вынудили меня остановить выдачу Нусал-хану и другим аварцам определенного им жалованья... Вначале она роптала и оправдывалась, но не переставала, однако, быть в дружбе с Гамзад беком. Впоследствии же видя, что ни ропот, ни оправдания ее не примлются во уважение и что лишение сына ее жалованья не вознаграждается связью с возмутителями аварскими, она начала удаляться от Гамзад бека»[1]. Другой документ, датированый июлем 1834 г., разъясняет положение немного подробнее: «В 1833 году она [Паху-бике. — *Н.П.*] нисколько не препятствовала распространению влияния Гамзад-бека, и только по прекращении пенсиона, производящегося сыну ее Нусал-хану, она решилась прислать ко мне сына своего Ума-хана для испрошения себе снисхождения. Я объяснил ему обязанности его дома к правительству и уверил, что заслуги их не останутся без внимания. Сие имело желательные последствия: в нынешнем году Паху Бике и оба сыновья ее начали действовать против Гамзад-бека»[2]. Одним словом, стоило Розену прекратить выплату, как аварская ханша забыла о независимости Дагестана, оставила свою двойную игру и стала верной защитницей интересов русского правительства. В этой защите она не стеснялась в средствах. Уже в феврале командующий Розен констатировал разрыв, хотя и с недоверием к искренной преданности аварской ханши царскому правительству. «Несмотря на столь явную вражду Паху Бике с Гамзад Беком, я еще нисколько не убежден в благонамеренности первой, ибо Гамзад Бек... ей самой тягостен и опасен»[3]. А в апреле 1834 г. мы видим этот поворот политики аварской ханши на практике: «Сначала между Паху бике и Гамзад беком возникли неудовольствия, а потом и явная вражда. Паху бике тайно посягала на жизнь Гамзат бека, который в отмщение за сие собирал партии и делал нападения на деревни, дому ее принадлежащие, и, наконец, в перестрелке при одном из таковых нападений был тяжело ранен»[4]. Об этом покушении С.Брановский в конце своего дневника замечает: «С ханом аварским сказалась измена, когда Авар-

[1] Отношение Г.В.Розена к графу А.И.Чернышеву от 23/II-1834 г. № 135 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 1; АКАК. Т. 8. С. 575.

[2] Отношение Г.В.Розена к А.И.Чернышеву от 31/VII-1834 г., № 719 // АКАК. Т. 8. С. 582.

[3] Отношение командующего Отдельным Кавказским корпусом Г.В.Розена военному министру графу А.И.Чернышеву от 22/II-1834 г., № 135 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 2.

[4] Отношение Г.В.Розена к А.И.Чернышеву от 12/IV-1834 г., № 240 // Там же. Л. 3 об.—4. См. также: АКАК. Т. 8. С. 576.

ская княгиня послала пять человек убить Амзата, то их поймали, трое прощено, а двух казнили»[1]. В ответ Гамзат «пришел в деревню Балакиан, в течение двух дней покорил оную и взял штраф»[2]. Так кончилась дружба ханов с мюридами.

Попытка второго имама восстановить положение

Гамзат-бек был поставлен в безвыходное положение изменой Паху-бике. Ломалась политическая линия, линия союза с ханами, да и сама перспектива дальнейших действий после потери Аварии оказывалась почти невозможной. Приходилось отступать в «вольные» общества, а основной опорой для мюридизма считать узденей койсубулинцев. И Гамзат-бек пытается спасти положение, принудив ханшу к союзу и совместному выступлению. Еще 14 июля, за месяц до хунзахских событий, Г.В.Розен писал: «...вражда сил между ими [Паху-бике и Гамзатом. — *Н.П.*] продолжается, однако ж сей последний всячески старается примириться с аварской ханшей, в том намерении, чтобы потом с ея содействием собрать партию для вторжения в наши границы, угрожая ей в противном случае разорением ее подвластных, из коих многие уже передались на его сторону»[3]. Подобного рода тактику второй имам усвоил и по отношению к Аслан-хану и Акуше: «Гамзад также делал предложение мне и акушинцам, — писал Аслан-хан, — ему содействовать, угрожая в противном случае обратиться на нас»[4]. И дальше: «Имея на своей стороне дагестанцев, он требует от ханов с десяти человек их подвластных по одному, также припасов всякого рода и денег»[5].

В конце июня второй имам начал приводить эти угрозы в исполнение: «Гамзат бек отправился к аварским владениям с намерением в случае сопротивления Паху Беки истребить все хлеба на полях ей принадлежащих»[6]. В то же время он позаботился об усилении своей армии. «Когда Шамиль на обратном пути достиг земли округа Хида, — пишет Мухаммед-Тахир, — его встретил посланец Гамзата с приказом о том, чтобы Шамиль отправился в Киндалял [Койсубу. — *Н.П.*], собрал среди жителей ополчение и поднялся бы с ним в такой-то день на землю Хунзаха»[7].

---

[1] Выписка из журнала, веденного... Станиславом Брановским... // ЦГВИА. Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834, 1835 гг. Л. 20.

[2] Там же.

[3] Отношение Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 14 июня 1834 г., № 459 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 8—8об.

[4] Перевод письма Аслан-хана генерал-майору В.Д.Вольховскому от 10/VII-1834 г. // Там же. Л. 27.

[5] Там же.

[6] Рапорт Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 19 июля 1834 г. № 609 // Там же. Л. 16—16об.

[7] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 63.

Сообщения об осаде Хунзаха и истреблении ханов

Дальнейшее рисуется источниками неодинаково. Ввиду важности последующих событий мы считаем необходимым остановиться на них подробнее. Прежде всего возьмем официальные донесения. Их основной недостаток в том, что их авторам приходилось базироваться на слухах и сообщениях лазутчиков; слухи эти, впрочем, проверялись, как увидим, и некоторого доверия все же заслуживают. Достоинство этих донесений в том, что они описывают события по свежим следам, в то время как лучше осведомленные горские авторы в значительной мере писали по воспоминаниям.

Донесения Розена

Первое из официальных сообщений, чрезвычайно краткое, но ценное для нас по своей современности событиям, гласит: «Собрав всех приверженных к себе в числе нескольких тысяч человек он [Гамзат-бек. — *Н.П.*] обратился на Аварию и, по шестидневной[1] блокаде Хунзаха, главного места сего владения, принудил ханшу Паху бике помириться с собой, вытребовал к себе трех сыновей ее, в числе их и самого владетеля Нусал-хана, и вероломным образом всех умертвил с бывшими при них аварцами»[2]. В

[1] Мухаммед-Тахир считает, что блокада продолжалась 15 дней. (Блеск горных сабель... Л. 41; Три имама. С. 72; Хроника...С. 63).

[2] Отношение Г.В.Розена к А.И.Чернышеву от 31/VII-1834 г., № 719 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 20, 20 об. См. также: АКАК. Т. 8. С. 581. Этому сообщению предшествовали два письма Аслан-хана, датированные одинаково — 10/VII-1834 г. Первое из них, адресованное генерал-майору Вольховскому, содержит такую фразу: «...собрав ополчение из 30000 человек, после шестидневной осады овладел он [Гамзат-бек. — *Н.П.*] Хунзахом, взял в плен сыновей Паху Бехи и ныне он там еще проживает» (ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 27). Второе письмо адресовано корпусному командиру, и в нем Аслан-хан говорит определеннее: «Собралось к нему войска тридцать тысяч человек, с какими нетрудно было ему овладеть Хунзахом и, призвав к себе сыновей Паху-беки, умертвить их» (Там же. Л. 28). Квалификации убийства как «вероломного» в письмах Аслан-хана, как видим, еще нет. Она появляется лишь в отношении Розена от 31/VII, т.е. только через три недели. Что же касается даты взятия Хунзаха, то она точно не известна. Но событие не могло произойти раньше 24 июня и позже 10 июля. Любопытно отметить, что и С.К.Бушуев, и Расул Магомедов делают совершенно одинаковую ошибку, сообщая, что Гамзат подошел к Хунзаху в августе 1834 г. (*Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939. С. 81; *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939. С. 55). Это — результат использования недостоверных и путаных данных Маклача (КС. Т. 31. С.15) вместо современных событиям документов. С датой истребления аварских ханов еще хуже. Р.М.Магомедов указывает: «Это было 13 августа 1834 г.». Если так, то каким образом Аслан-хан мог знать об убийстве еще 10 июля? Кстати, письмо Аслан-хана барону Розену, о котором мы говорили, недавно опубликовано в «Материалах по истории Дагестана и Чечни», на эти материалы неоднократно ссылается С.К.Бушуев в своей книге.

общих чертах сообщение это целиком совпадает со всеми почти позднейшими свидетельствами и может быть принято в основном как достоверное. Неясно лишь противоречие между словами «принудили ханшу помириться с собой» и фактом истребления ханов. Мы особо подчеркиваем это противоречие, так как оно явилось несомненным следствием противоречивости самих событий. На то или иное истолкование этого противоречия позже обращено было немало внимания, а толкования зависели уже от точек зрения.

Через несколько дней после этого первого сообщения Розен, получив дополнительные сведения, пишет уже более подробное донесение. «Гамзад бек 7 дней содержал в блокаде Хунзах, главное место Аварского ханства, разорил окрестные селения и истребил хлеба. Устрашенная сим мать владетеля Паху бике согласилась примириться с ним. Он дал клятвенное обещание прекратить с нею вражду. В залог верности своей она выдала ему младшего сына своего Булач-хана. После чего Гамзад вытребовал к себе самого владетеля Нусал-хана и брата его Ума-хана. Между Ума-ханом и одним из приближенных Гамзада завязался спор и когда сей последний объявил Ума-хану, что по правилам шариата ему и брату его за ослушание должно быть дано по 41 удару палкой, то Ума-хан выстрелом из пистолета убил его, за что и сам был заколот племянником Гамзад бека Мурад беком. Тогда Нусал-хан мгновенно, один за другим последовавшими выстрелами, поверг бездыханными помянутого Мурад бека и другого племянника Гамзад бека Чобана, а сам был убит собственным своим нукером, мстившим ему за смерть братьев своих. Аварцы в числе 30 человек, бывшие с Нусал-ханом, бросились на палатку Гамзада и истребили в оной 11 человек его сообщников, но и сами все умерщвлены товарищами их»[1]. Это сообщение уже ни слова не говорит о вероломстве Гамзата. Скорее, наоборот, оно освобождает имама от подозрений в подготовке убийства: ханы попали в среду койсубулинского крестьянства, издавна их ненавидевшего. И помимо распоряжений имама, его мюриды умертвили ханов. Крестьянство взяло инициативу в свои руки.

Сообщение Тахира

Это заключение подтверждается и Мухаммедом-Тахиром, хотя он дает иную картину хода событий: «Они (Гамзат и Шамиль) сидели около 15 дней, требуя от них обязательности шариата и выполнения его предписаний... Наконец, дело пришло к примирению с выдачей Булача, сына Паху бике. Булач был доставлен в Харачи. Два других сына Паху бике, Нусал хан и Умма хан, их приближенные из ученых, знати и слуг числом около 200 пришли

[1] Отношение Г.В.Розена к А.И.Чернышеву от 9/VIII-1834 г., № 738 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 31–31об. Ср.: АКАК. Т. 8. С. 584.

приветствовать Гамзата. Они остались там и перемешались с войсками»[1]. Итак, Гамзат добился своей цели, силой восстановил союз с аварской ханшей и мог рассчитывать опереться на нее для выступления против России. Понятна теперь фраза, брошенная Розеном в его цитированном выше отношении от 31/VII: «...принудил ханшу Паху бике помириться с собой». Но в момент торжества имама возникают подозрения в вероломстве ханов: к Шамилю приходит посланец ханши[2] с таким поручением: «Хамзат слушается твоих слов, так. Склони же его [к уходу] от нас на земли равнины, а сам возвращайся от него, и тебе за это две сотни туманов[3] наличными»[4]. Шамиль сейчас же сообщил об этом Гамзату, вышедшему из палатки, где он принимал ханов[5]. Разу-

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 63—64. Ср. другую редакцию этого же сочинения: «После 15-дневной осады аула Хунзахцы начали вести переговоры. Имам Гамзат объявил населению, что если население обяжется принять шариат и, в знак принятия его, выдаст ему в руки сына Паху бике, Булач-хана, тогда он им простит и снимет войско. Хунзахцы это требование выполнили. Тогда явились к имаму Гамзату остальные два сына Паху бике, Нусал-хан и Ума-хан, муллы и почетные старики этого аула, всего около двухсот человек и присоединились к войску имама и покорились ему» (*Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск горных сабель... Л. 42).

[2] По данным Пржецлавского, имя посланца Ахверды. См.: *Пржецлавский П.* Краткий очерк военных действий трех имамов Дагестана в период времени с 1829 по 26 августа 1859 г. (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 24 об.). Рукопись, как мы указывали, является переводом-переработкой сочинения Мухаммеда-Тахира. Однако, в части, посвященной истреблению аварских ханов, Пржецлавский довольно далеко отходит от текста Мухаммеда-Тахира. Он сам сообщает, что в этом случае его источниками были: «1) Рассказ капитана А.Руновского (Шамиль. Биографический очерк) со слов Шамиля; 2) рассказ горца мюрида [очевидно, Мухаммеда-Тахира. — *Н.П.*], читанный Шамилю и признанный им очень правильным; 3) Рассказ Кавказского Старожила [последние два слова зачеркнуты и сверху надписано «Неверовского». — *Н.П.*], также читанный Шамилю и согласно его слов исправленный. Рассказы эти и поправки далеко не на одну тему! Поэтому из трех рассказов мы даем более вероятия последнему, как составленному русским, а следовательно человеком, не имеющим никакого интереса быть за или против действий бывших имамов, истребивших династию аварских ханов самым гнусным образом» (л. 21 об.). Разумеется, последняя тирада — только пышная тога беспристрастия. Но нас интересует здесь другое — Пржецлавский признает, что из трех версий он выбирает ту, которая доказала бы «гнусность» убийства. Поэтому-то он и отходит от текста Мухаммеда-Тахира. И тем не менее, факты сами говорят за себя. «Гнусность», несмотря на все усилия полковника, не получается.

[3] Пржецлавский дает цифру 1000 руб. (Там же. Л. 24 об.).

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 67; *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск горных сабель... Л. 42.

[5] *Пржецлавский П.* Краткий очерк военных действий трех имамов... // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 25. Пржецлавский прибавляет, что Гамзат при этом воскликнул: «Я сделаю из их костей муку и выдублю их кожи!» (л. 25). Настроение, естественное для человека, внезапно

меется, такой оборот дел должен был встревожить и имама и его ближайшего помощника. Мухаммед-Тахир добавляет к этому, будто Шамиль получил сведения, что «пришедшие с Нусал ханом и Умма ханом сговорились между собой убить Хамзата, Шамиля и Саида ал-Ихали. Они выделили на каждого из этих по три человека из своих рядов для того, чтобы они совершили эти убийства после возвращения от Хамзата этих двух ханов, сыновей Паху бике»[1].

Чтобы испытать искренность хунзахцев, Гамзат предъявил ряд дополнительных требований, в том числе выдать какого-то «убийцу из Мехельты», «кровника» мюридов, и уничтожить укрепления (оборонительные башни) Хунзаха. Значение этого последнего требования должно быть понятно: если ханы искренно объединяются с мюридами, Хунзах должен быть лишен возможности превратиться в опорный пункт антимюридистского выступления в тылу у имама, когда последний двинется на плоскость, против царских войск. Хунзахцы отказались выполнить эти требования и хотели уехать. Неискренность ханши, ее стремление просто выиграть время становились ясны. «Войско имама их не пустило[2]. Тогда мулла из хунзаховцев, Мирза-хаджи, крикнул своим: скорее, начинайте бить и убивать. И начался бой[3]. В этом бою пали из хунзаховцев Нусал хан, Ума хан, Нурмагомед-кади[4], Мирза-хаджи и другие почетные люди. Из главарей осталось в живых ничтожное количество. Со стороны войска имама пали: Мурад бек, брат имама Гамзата, Эмир Чопан, Умар из Гоцатля, Магомет

видящего себя обманутым. После этого он дал Шамилю распоряжения (из дальнейшего текста видно, что они касались мер предосторожности — дополнительных требований) и ушел на речку совершать намаз.

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 67.

[2] С этим согласен и Пржецлавский, только он утверждает, что это было сделано по распоряжению Шамиля, Мухаммед же Тахир ничего о распоряжениях не говорит и выдвигает инициативу войска.

[3] У Пржецлавского (Краткий очерк военных действий трех имамов...//ААН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 25 об.—26) этот эпизод изложен так: «Тогда верный вассал ханов [Мирзаль-Хаджияв. — *Н.П.*], опасаясь за их жизнь и видя, что мюриды приступают к арестованию Буги, схватившись за оружие, закричал: "Храбрые хунзахцы! [Далее идет более поздняя вставка: "Если так, то и вы". — *Н.П.*] Употребите в дело силу! Испытайте крепость своих мышц!.. Бейте их!!" После этих слов завязалась обоюдная, отчаянная свалка на смерть!» Вот формулировка Пржецлавского. Исключим отсюда явно позднейшую приписку, выделенную скобками, и после сравнения с другими вариантами рассказа Мухаммеда-Тахира приходится признать редакторским измышлением мотивировку действий «верного вассала». Отрывок, очищенный от фальсификации, будет говорить о том же, о чем говорит и подлинный текст Мухаммеда-Тахира: мюриды хотели из предосторожности задержать хунзахцев, те начали свалку, в которой и погибли ханы. Несмотря на все фальсификаторские ухищрения, вставки, приписки и т.п., текст Пржецлавского говорит против него.

[4] Бывший учитель Гамзата.

Дебир из Рикуани, Магомет Али из Гимры и другие... Перед боем имам Гамзат ходил на речку для омовения. Когда он вернулся, бой уже был закончен. Он недолго длился. Когда Гамзат вошел к себе, то нашел свою подушку в нескольких местах простреленной. Оказалось, хунзахцы думали, что там находится имам, и стреляли в него»[1]. И здесь нет «вероломного» заманивания ханов в ловушку. Более того, цитированный историк, который писал свое сочинение по рассказам Шамиля еще до падения имамата, считал истребление ханов делом Аллаха: «...и был истреблен последний из того народа, который угнетал. И хвала Аллаху, владыке миров. Они хитрили. Эти неверные люди работали хитро, но оказалось, и Аллах хитрил, а Аллах лучший из хитрецов», — восклицает он, цитируя Коран[2]. И при всем том, в его рассказе нет указаний на желание Гамзата истребить ханов.

Сообщение Гаджи-Али

Точно так же и Гаджи-Али, излагая историю истребления аварских ханов, ничего не говорит об участии Гамзата в убийстве. «Зная хитрость и коварство Гамзат-бека и товарища его, Шамиля, — говорит он, — Паху-бике решилась послать двух сыновей своих с горстью оставшихся при ней храбрецов, сказавши им: "О, герои, не страшитесь, будьте, как львы, и уповайте на бога". Гамзат-бек принял сыновей Паху-бике в своей палатке. После вечерней молитвы и проповеди народу, Гамзат-бек и Шамиль скрылись из лагеря. Тотчас же завязалась перестрелка между хунзахцами, прибывшими с ханами, и мюридами. Нуцал-хан и Нур-Мухаммед аварский были убиты перед палаткой, а Ума-хан в палатке. Хунзахцы, полагая, что Гамзат-бек находился в то время в палатке, испещрили ее меткими выстрелами, как решето»[3]. Версия эта,

[1] *Мухамед-Тахир ал-Карахи.* Блеск горных сабель... Л. 43—44. В «Хронике» также подчеркнуто, что мюриды имама не разрешили отпустить ханов обратно в Хунзах. «Тогда ученый Мирзаль Хаджияв первый схватился за оружие и закричал: "Эй, вы, молодцы Хунзаха! Приложите всю вашу мощь и силу в избиение этих!" Завязалась битва между войсками Хамзата и людьми Хунзаха. Были убиты Нусал хан, Умма хан, Нур Мухаммед Кадио, Мирзаль Хаджияв и ряд других. Не осталось даже из их знати и глав никого того, кого можно было бы назвать.

Из людей имама Хамзата пали смертью праведников брат Хамзата Мурад бек, Чуфан, сын дяди по отцу Хамзата Дибирасуль Мухаммед ар-Ригуни, Мухаммед Али ал-Гимри и ряд других... Эта битва произошла в то время, когда Хамзат вышел из своей палатки и удалился для омовения. Его подушка, находившаяся в палатке, была найдена продырявленной множеством пробоин от ружейных пуль, которыми в изобилии стреляли по палатке, думая, что в ней находится Хамзат» (Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 64, 65).

[2] Там же. С. 67.

[3] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле //ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 9.

хотя и отредактированная издателями, все же многим напоминает первоначальное сообщение.

Картина истребления

Разнообразие версий не дает возможности правильно установить детали событий. Однако в общем картина достаточно ясна. Гамзат-бек, следуя избранной им и прежде политической линии, пытается силой принудить аварскую ханшу к совместному выступлению. Паху-бике вынуждена согласиться и дает в аманаты младшего сына своего, Булач-хана, которого Гамзат отсылает в Гоцатль. (Подчеркнем здесь, что Булач оставался в живых до самой смерти Гамзат-бека, что не вяжется с преднамеренным убийством остальных ханов.) Для обсуждения совместных действий в лагерь мюридов отправляются Нуцал-хан и Ума-хан. Но в составе войск Гамзата явно преобладают уздени «вольных» обществ и, особенно, койсубулинцы, которых Паху-бике боялась и раньше. Ханы попадают в атмосферу накаленной ненависти крестьян к феодалам. По пустяковому поводу, в отсутствие имама (на последнем сходятся все без исключения версии) вспыхивает ссора. Хунзахцы, опасаясь решительно настроенных мюридов, пытаются пробиться из лагеря Гамзата. В последовавшей затем свалке и убиты оба хана, как и все прибывшие с ними хунзахцы. Инициатором убийства, таким образом, был не имам, им была вся масса крестьян, она же выполнила и самый акт истребления своих заклятых врагов. Имаму оставалось только примириться с совершившимся фактом.

Такова, примерно, картина событий, разыгравшихся перед Хунзахом. И нет никакой необходимости приписывать руководящую роль в ней Гамзат-беку, роль, которая противоречит всей политике Гамзата.

Заявления Шамиля

Это, очевидно, и имел в виду Шамиль, когда говорил Руновскому, что «...нечаянное... убийство аварских ханов обратило на него [Гамзат-бека. — *Н.П.*] внимание народа и дало ему возможность, несмотря на всю его административную неспособность, продержаться в звании имама целых полтора года»[1]. А в записях Пржецлавского сообщается, что Шамиль настойчиво утверждал, «будто бы ни он, ни Гамзат бек не имели никогда намерения уничтожить фамилию ханов Аварских»[2]. То же говорил он и Мухаммеду-Тахиру: «Познавший Аллаха всевышнего, Шамиль поклялся собирателю этой книги, т.е. Мухаммеду Тахиру, в том,

[1] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1499.

[2] *Пржецлавский П.* Краткий очерк военных действий трех имамов...//ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 21 об.

что у Хамзата и тех, кто был с ним, не было намерения убивать кого-либо из хунзахцев, кроме тех двух злоумышленных убийц: Буга ац Цудакари и Малачи ат Тануси»[1].

Эту версию, очевидно, Шамиль поддерживал очень настойчиво, т.к. Пржецлавский приводит объяснения имамом ряда фактов, которые могли бы натолкнуть на мысль о преднамеренности убийства. Так, Пржецлавский указывает на самый факт похода второго имама на Хунзах. Шамиль обьясняет, что причиной похода была просьба ханши, которая соглашалась принять шариат[2]. Пржецлавский описывает издевательства, которым подверглись первые посланники ханши в лагерь Гамзата под Хунзахом, и тут же добавляет, что Шамиль отрицает этот факт. Такой случай, по словам Шамиля, был, но значительно раньше, в Ахальчи, с посланным ханши Гаджи Кази Магометовым[3]. Наконец, Пржецлавский передает и версию Шамиля: будто бы требования выдать Бугу и разрушить башни Хунзаха были вызваны опасением измены со стороны ханов. Уже это перечисление говорит о том, как твердо держался имам избранной им позиции. Но, может быть, имам говорил это, будучи уже в плену, только для того, чтобы снять с себя ответственность за убийство? Предположение это невероятно. Вспомним, что версия эта впервые выдвинута была Мухаммедом-Тахиром, который указывает, что ему клялся в ее справедливости сам Шамиль. А работа горского историка закончена была (в этой части) между 1850 и 1855 годами[4], т.е. тогда, когда Шамиль был не пленником в Калуге, а имамом в Дагестане. Больше того — Мухаммед-Тахир считает истребление ханов хорошим делом и тем не менее подчеркивает, что убийство произведено было крестьянской массой без каких бы то ни было распоряжений имама или его помощника.

Версия Маклача

Но откуда тогда взялась широко распространенная версия о том, что Гамзат, «вероломно» напав на ханов, истребил их? Картина даже в том виде, в каком она была зафиксирована во втором донесении Розена, не отвечала ни целям царизма, ни задачам мюридистской пропаганды. И вот начинаются «приукрашивания» и расписывания мельчайших подробностей, которые якобы хранились в памяти очевидцев десятки лет. В результате возникли легенды, передающие историю истребления ханов и вполне отвечав-

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 64.

[2] *Пржецлавский П.* Краткий очерк военных действий трех имамов... Л. 21 об.

[3] Там же. Л. 23 об.

[4] *Крачковский И.Ю.* Новые арабские материалы по истории Шамиля в институте Востоковедения Академии Наук СССР // ИСб. 1936. Вып. 5.

шие задачам, ставившимся перед этими «очевидцами» и историками. Царизму необходимо возложить всю вину за «злодейское убийство» на имама, нужно изобразить Гамзат-бека дикарем-полузверем, хитрым предателем, жаждущим крови облагодетельствовавших его аварских ханов для достижения аварского ханского престола, который, кстати сказать, Гамзат так и не занял.

В числе многих других сочинений задачу эту должны были выполнить также и изданные «Кавказским сборником» документы по истории второго имама. Это: 1) очерк, составленный на основании показаний Маклача[1], 2) такой же очерк о смерти аварской ханши Паху-бике, составленный по аварским преданиям, 3) аварская песня об истреблении ханов и 4) предание о заговоре против Гамзата. Наибольший интерес представляет, конечно, первый очерк, довольно подробно описывающий истребление ханов, но в большей своей части явно легендарный.

Мы не можем привести здесь целиком эту легенду, послужившую основой для обычно встречающихся версий убийства, она слишком обширна. Ограничимся поэтому лишь кратким изложением ее. Она во всех подробностях излагает ужас ханши перед кровожадным имамом, трогательное прощание Нуцал-хана с матерью тогда, когда Ума-хан был уже в руках Гамзата. Она приводит «точные» слова, которые говорились ханшей Нуцалу и Нуцалом ханше. Одним словом, она слишком точна, чтобы быть достоверной.

В противоречии со всеми другими источниками версия, передаваемая от имени Маклача, утверждает, что после посылки к Гамзату заложника, Булач-хана, Паху-бике направила в лагерь имама второго своего сына и только спустя значительное время, без повторных требований Гамзата, отправился туда и Нуцал-хан. Все другие версии считают, что Нуцал и Ума прибыли вместе. Цифра конвоя Нуцала, приводимая Маклачем, также заставляет насторожиться: с Нуцалом ехало якобы 20 нукеров. Но по данным Мухаммеда-Тахира, всех хунзахцев с Нуцалом и Умой было 200 человек. Не сделана ли цифра Маклача простым уменьшением?

Переходя к картине убийства, автор очерка замечает: «Вскоре Гамзат вышел из палатки, а с ним и два его мюрида. Гнусный замысел Гамзата увенчался желательным успехом: два хана... находились в его власти». Немедленно распорядился он назначением убийц, и когда все было готово, велел сделать залп

[1] Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана //КС. 1911. Т. 31. С. 15—20. В книге Р.М.Магомедова упоминается о рукописном сочинении «Краткий очерк жизни Хамзат бека» с замечанием: «Очерк составлен по сведениям, доставленным Маклачем, в сокращенном виде напечатан в XXXI томе "Кавказского сборника" под заголовком "Гамзат бек, второй имам Чечни и Дагестана"» (*Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. С. 53. Прим. 2).

из ружей по ханским нукерам, стоявшим подле палатки»[1]. С этого момента Гамзат исчезает из рассказа вплоть до самого конца истребления ханов. Ни слова о требованиях Гамзата, о попытке хунзахцев уехать, о роли Мирзаля Хаджиява, ни одного слова и о Шамиле. Уже самый тон рассказа с усиленным подчеркиванием «гнусного замысла» обращает на себя внимание исследователя, а сравнение с другими источниками показывает замалчивание Маклачем почти всех существенных подробностей. Только описание свалки дается опять-таки подозрительно подробно. Спутана и дата убийства. Маклач утверждает, что оно случилось 13 августа 1834 г. Это совершенно невозможно. Но в описании самого убийства эта версия сохраняет некоторые черточки, имеющиеся в первоначальных известиях. Так, Гамзат и по данным Маклача в момент убийства не присутствовал в палатке. В общем, версия с истинной картиной никак не вяжется, но задачу свою она выполнила хорошо, и поэтому с ней приходится сталкиваться почти во всех позднейших работах. Возможно, что эта же версия повлияла и на описание истребления аварских ханов, данное в одной неизвестной арабской рукописи, «Книге сведений о храбости удальца Хаджи Мурада»[2]. В начале этой биографии Хаджи-Мурата автор почти дословно следует за рассказом Мухаммеда-Тахира. Но, сообщив о том, что хунзахцы смешались с мюридами, автор заявляет: «И когда захотели эти эмиры и те, кто с ними вернулся, уйти, советовался Хамзат с

[1] КС. Т. 31. С. 19.

[2] «Книга сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада ал-Авари ал-Хунзахи» находится в числе прочих в тетради Исхака ал-Урми Института востоковедения АН СССР. Рукопись В.4360, инв. № 3339). В частности, в той же тетради имеется и текст хроники Мухаммеда-Тахира, положенный А.М.Барабановым в основу его перевода. В распоряжении автора настоящей работы имеется рукописная же копия, переписанная Абд ар-Рахманом ал-Джанкути ал-Кубраи, по-видимому, из тетради Исхака. Автор этого сочинения с точностью не установлен. В тетради Исхака в конце сочинения чьим-то чужим почерком указано, что автор его Мухаммед-Тахир ал-Карахи. В копии Абд ар-Рахмана в конце почерком переписчика написано: «закончен рассказ... Исхака ал-Урми». Из этих двух имен скорее следует выбрать имя Исхака. Правда, в начале книги текст ее чрезвычайно близок к тексту хроники Мухаммеда-Тахира. Есть дословные совпадения. Однако в кардинальном вопросе о преднамеренности истребления аварских ханов оба автора расходятся чрезвычайно резко. Описание заговора Османа дано в «Книге сведений...» гораздо подробнее, чем в хронике Мухаммеда-Тахира и т.д. Поэтому можно предположить, что автор сочинения о Хаджи-Мурате использовал, наряду с другими, и хронику Мухаммеда-Тахира, но видоизменив ее согласно своей точке зрения. Отсутствие подписи в тетради Исхака скорее говорит опять-таки в пользу авторства именно последнего. Впрочем, по аналогии с хрониками о событиях шестидесятых и семидесятых годов мы можем предположить участие в составлении «Книги сведений...» и Али ас-Салты, на которого имеется указание в одной из ссылок Исхака: «составил эти тетради Исхак ал-Урми с помощью Али ас-Салты».

главами и вождями войска и приказал им убить этих эмиров»[1]. Затем автор указывает на удаление Хамзата и продолжает: «И узнал алим Мирза Хаджияв стремление их и то, что намерение их убить этих эмиров».

Дальше рассказ опять совпадает с повествованием Мухаммеда-Тахира: излагаются восклицание Мирзы Хаджиява и свалка. Возможно, что автор биографии Хаджи-Мурата попытался просто соединить версии Тахира и Маклача, внеся в рассказ Мухаммеда-Тахира сообщение о приказе об истреблении ханов, якобы данном Гамзатом войску. Но эта явно позднейшая вставка свидетельствует лишь о том, что в известных кругах, кругах аварской аристократии, вращалась версия преднамеренного убийства. Впрочем, автор мог заимствовать эту версию и из русской литературы, так как биография Хаджи-Мурата составлена, очевидно, сравнительно поздно, во всяком случае, позднее «Хроники» Мухаммеда-Тахира[2].

Гамзат-бек в Хунзахе

После истребления аварских ханов имам занимает Хунзах. Теперь он уже вынужден заканчивать начавшееся накануне, он не может после происшедшего оставить в живых Паху-бике. По его распоряжению убивают и ханшу[3]. Но в дальнейшем имам продолжает свою прежнюю политическую линию. Прежде всего бросается в глаза нежелание Гамзата менять место своей резиденции и переносить ее из Хунзаха. Мухаммед-Тахир рассказывет, что Шамиль настаивал на перенесении столицы имамата хотя бы в Гоцатль, родной аул Гамзата: «...он сразу понял, какую ловушку устраивает себе Гамзат бек собственными руками»[4]. Но имам предпочитает остаться в населенном беками и ханскими нукерами Хунзахе и здесь подготавливать поход на плоскость. По словам Пржецлавского, мотивировал он это тем, что Хунзах находится в центре Дагестана и что «Аварское ханство, войдя теперь в состав

[1] Книга сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада. С. 2.

[2] Высказывая предположение о соединении версий Тахира и Маклача в «Книге сведений...», мы исходим здесь из того, что в горах были известны только эти два изложения хунзахских событий 1834 г. Но не исключена возможность нахождения и иных сочинений, тогда историк сможет оперировать более прямыми и определенными данными. Впрочем, если автор «Книги сведений...» в основной части своего рассказа следует за Мухаммедом-Тахиром, то нужно думать, что «Хроника» считалась наиболее достоверным историческим памятником.

[3] Пржецлавский говорит, что, когда Гамзата упрекали в этом убийстве, он оправдывался «тем, что при жизни ханша стала бы просить защиты у русских, которые не отказали бы дать ей помощь» (*Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанской шашки...//ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 27).

[4] Там же. Л. 28.

имамата, требует самого ближайшего надзора»[1]. Но, разумеется, основа отказа имама лежит значительно глубже. Предлагая Гамзату «сидеть со смирением и раскаянием и сокрушением», Шамиль прибавлял: «А я буду осуществлять твое дело и заботиться о нем в нашей стороне, точно так же Саид ал-Ихали — в его стороне, Газияв ал-Карати — в его стороне и Кибид Мухаммед ат-Тилики[2] и Абд ар-Рахман ал-Карахи в их сторонах»[3]. Руководство движением легко ушло бы при этих условиях из рук Гамзата и перешло к Шамилю, пользовавшемуся таким авторитетом среди койсубулинских узденей. А Гамзат все время противился росту узденьского влияния, стремился к союзу с бекскими кругами. Его главная и единственная цель — ведение войны за независимость без использования крестьянской борьбы. Потому-то он так неохотно пользовался поддержкой койсубулинцев. По тем же, очевидно, причинам имам не использовал движение в Чечне, где «Мулла Таш-хаджи[4], несколько раз производивший... беспокойства, принял явно сторону Гамзад бека и приглашает чеченцев к общему против нас восстанию»[5]. Нельзя, наконец, не отметить и какого-то конфликта между Гамзатом и Шамилем, разыгравшегося после истребления аварских ханов. Мухаммед-Тахир сообщает, что Шамиль обратился к имаму с просьбой снабдить его войско одеждой. «Имам Гамзат не обратил серьезного внимания на заявление Шамиля. Не находя другого способа, Шамиль со своим войском отправился домой»[6]. Если мы вспомним, что койсубулинское опол-

[1] Там же. Л. 28. Этих слов в переводе А.М.Барабанова нет, они привнесены в текст Пржецлавским, взявшим их из другого источника.

[2] Из Тилитля. К сожалению, переводчик Мухаммеда-Тахира А.М.Барабанов не учел особенностей арабской транскрипции аварских звуков. Поэтому ряд географических названий в его переводе искажен до неузнаваемости.

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 65.

[4] Известный вождь чеченского мюридизма Ташов-Хаджи, о котором подробнее мы будем говорить ниже.

[5] ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 35.

[6] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск горных сабель... Л. 45. Ср.: Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 66. В переводе-обработке Прушановского этот разговор приведен до убийства ханов, он отнесен к тому моменту, когда Шамиль с койсубулинцами присоединился к Гамзату перед походом на Хунзах. Очень любопытна мотивировка порчи одежды у мюридов Шамиля: «Партия горцев, собственно прибывших с Шамилем, в течение трехмесячного похода из общества в общество, **занимаясь работами по разорению башен** [выделено мною. — *Н.П.*] износили свои шальвары до невозможности дальнейшего употребления» и т.д. (*Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанской шашки... // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 21.) Обращают на себя внимание подчеркнутые слова. Если сопоставить их с данными о разрушении Шамилем родовых башен в Чеберлое в сороковых годах — можно будет сказать, что Шамиль, еще будучи помощником второго имама, начал сокрушать племенную и родовую изолированность, чтобы на их место поста-

чение было приведено к Хунзаху именно Шамилем, то приведенное сообщение можно расценить лишь как конфликт Гамзата с койсубулинцами и отказ последних поддерживать имама. Крестьянство отходило от вождя, навязывавшего соглашение с беками. Точку зрения Гамзата отражал и совет ученых, где, очевидно, имели перевес сторонники имама. Судя по некоторым фразам того же Мухаммеда-Тахира, Гамзат-бек вел переговоры с хунзахскими беками и стремился примирить их с мюридизмом[1]. Но после событий 1834 г. беки были склонны больше к союзу с царизмом, чем к поддержке имама.

Убийство второго имама

Поход, предпринятый против сел. Салты с одними хунзахцами, без участия койсубулинцев[2], закончился поражением мюридов. Это окончательно развязало руки хунзахским владетелям. Автор биографии Хаджи-Мурата говорит, что, услышав вести об убийстве аварских ханов, «отвернулись оставшиеся люди»[3] от мюридов, в Хунзахе составился заговор, главой которого был один из приближенных убитых ханов, Осман, брат известного Хаджи-Мурата. По некоторым данным, в заговоре принимал участие и сам Хаджи-Мурат. Накануне убийства Гамзата о заговоре стало известно помощнику Гамзата Хаджиясуль Мухаммеду, который и передал эти сведения Гамзату. Но имам «не внял голосу предупреждения»[4] и отказался задержать Османа. Он ограничился лишь распоряжением, чтобы на следующий день хунзахцы явились на молитву в мечеть без оружия. Есть рассказ о том, что казначей имама Маклач, услышав о заговоре, стал готовить хунзахский ханский «дворец» (резиденцию имама) к осаде[5], ясно видя,

---

вить единое государство. Свидетельство дальновидности и понимания своих задач у койсубулинского узденя, что составляет такой резкий контраст со своекорыстием и узостью имама из дагестанских феодалов. Впрочем, в переводе А.М.Барабанова соответствующее место читается: «Товарищи Шамиля находились долгое время, более 3 мес., вдали от своих домов. Их одежды пришли в негодность». Поэтому до установления первоначального текста вопрос остается открытым.

[1] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Три имама. С. 74—75. «Тем временем имам собрал вокруг себя хунзахцев и старался сделать их истинными мусульманами». Не лишено интереса в этой связи и сообщение Розена о том, что Гамзат-бека чеченцы называют ханом. Отношение А.И.Чернышеву от 16/VIII-1834 г., № 763 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 35.

[2] Шамиль в это время был в Гергебиле, где трое суток собирал ополчение. За это время Гамзат был разбит.

[3] Книга сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада. С. 3.

[4] Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана // КС. Т. 31. С. 26.

[5] Там же. «Когда казначей его Маклач принес в комнату Гамзата все серебро и золото, а в другие комнаты порох и 100 ружей и, поставив большой котел, хотел наполнить его водой на случай осады хунзахцами ханского дома, Гамзат, хладнокровно смотревший на принимаемые меры предосторожности, засмеялся и велел оставить все приготовления».

что дело не ограничивается небольшой группой заговорщиков и что придется иметь дело с большинством хунзахцев. А эти последние представляли собой, главным образом, ханскую свиту беков и нукеров, и в такой момент рассчитывать на их содействие имам, конечно, не мог.

Беспечность Гамзата вызывала удивление уже у первых авторов, писавших о заговоре. В частности, и Мухаммед-Тахир попытался подобрать материалы для объяснения поведения Гамзата. Имам якобы говорил: «Если итти в Гинчук для пятничной молитвы, то я не достигну его (вовремя), и пройдет мимо меня пятничная молитва; если я пойду здесь в мечеть, то буду убит несправедливо; если останусь сидеть здесь дома, то буду убит в наказание за оставление пятничной молитвы. Так какую же из двух смертей предпочесть для своей души?» Затем сказал: «Предпочту несправедливое убийство»[1]. По другим рассказам, Гамзат просто решил, что воли Аллаха не избежать. Трудно сказать, что именно побудило Гамзата так легкомысленно отнестись к сообщению Хаджиясуль Мухаммеда. Возможно, Гамзат считал еще возможным примирение с беками, не хотел верить в разрыв, с которым гибла вся его политическая линия. Может быть, он надеялся поправить положение и договориться с беками. Поэтому он так легко и поверил объяснениям вызванного к нему заговорщика, решительно отрицавшего существование заговора. 7 сентября[2], в пятницу, Осман, узнавший о том, что Гамзату донесено о заговоре, явился в мечеть вместе с другими заговорщиками. Оружие они скрыли под бурками. Когда в мечеть вошел Гамзат, Осман крикнул: «Вставайте, эй, вы, народ! Не вставали вы, когда приходил эмир наш, Нусал хан!»[3] — и выстрелил в Гамзата. Хаджиясуль Мухаммед тут же убил Османа, но был убит и сам. Мюриды, сопровождавшие Гамзата, были также истреблены. По смерти Османа во главе хунзахцев встал Хаджи-Мурат. Он распоряжался осадой ханского дворца, в котором укрылись оставшиеся в живых сто-

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 68.

[2] Предписание барона Г.В.Розена генерал-майору М.П.Ланскому от 20/IX-1834 г., № 888 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 196. Розен ссылается здесь на письмо Аслан-хана Казикумухского от 10 сентября 1834 г. В другом документе того же года — дата 4 сентября (см.: Взгляд на военные действия, предпринятые против враждебных горцев независимо от общего плана искоренения их. Прил. к записке ген.-квартирмейстера главного штаба Шуберта Брискорну от 17/XII-1834 г., № 1089 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 101 об.). Расул Магомедов (Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. С. 58), упорно следуя в своем рассказе за Маклачем, снова делает ошибку в дате. Маклач (КС. Т. 31. С. 27) утверждает, что Гамзат был убит 19 сентября. Но Аслан-хан знал об убийстве 10 сентября.

[3] Книга сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада. С. 4.

ронники Гамзата. К дворцу подвезли сено и подожгли здание. Пытавшихся выскакивать из огня мюридов убивали. Так закончилось правление второго имама. Попытка включить в борьбу с царизмом аварских ханов и беков и опереться на них для ослабления влияния койсубулинских узденей потерпела крушение. Новый имам, Шамиль, избрал уже совершенно иную политическую линию. А хунзахцы тесно связались с царизмом и противниками мюридизма в Дагестане[1].

3. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ТРЕТЬЕГО ИМАМА

Избрание Шамиля

Преемником убитого имама «совет ученых» избрал Шамиля. Все источники, говорящие об этом избрании, единогласно подчеркивают популярность кандидатуры Шамиля. Некоторые называют еще ряд кандидатов, которые, однако, уступили место наиболее достойному[2]. Источники подчеркивают, что избрание Шамиля происходило без той борьбы, которая сопровождала избрание Гамзата. Если мы вспомним, что к этому моменту аварские бекские группы совершенно отошли от мюридизма, то для нас станет понятно, почему кандидатура узденя встречена была всеобщим сочувствием. Есть данные для того, чтобы предполагать, что Шамиль как представитель узденей и раньше находился в оппозиции второму имаму. Таким образом, избрание его означало полную победу в движении узденьской группы. Противоречия внутри самой узденьской массы в это время вряд ли могли достаточно остро еще ощущаться. Данные, показывающие раскол внутри узденей, относятся к более позднему времени.

Борьба вокруг Булач-хана

Третий имам получил очень тяжелое наследство. События в Хунзахе выбили почву из-под ног мюридизма в ряде аулов Аварии, а царские войска готовились к походу в Нагорный Дагестан и необходимо было срочно организовать отпор. Силы, враждебные мюридизму в горах, объединялись теперь вокруг Аварского ханства. Их лозунгом было возрождение ханской власти. «Генерал-майор Аслан хан Казикумухский от 10 числа сего сентября донес мне, — пишет Розен, — что жители Хунзаха 7 числа сего же месяца убили Гамзат бека и провозгласили владетелем Аварии

[1] Об этом, помимо многих других данных, говорит и письмо, написанное от имени «Яхья... и всего народа аварского и Хунз и Хидаляль» к «народу Цудакар и... Аслану кади», одному из главных противников Гамзата (Рукописное отделение публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Отчет за 1880 г. С. 52. Папка «Письма Шамиля». Перевод письма, помещенный в отчете, не соответствует арабскому тексту).

[2] *Руновский А.* Шамиль. См. также: *Казембек А.* Муридизм и Шамиль. С. 216: «В 1834 г. все муриды совокупно предложили Шамилю принять имама и объявили себя его муридами».

оставшегося в живых сына Паху бике Булач хана»[1]. Этот последний, как мы помним, находился в плену у мюридов, в Гоцатле, но хунзахцы тотчас же стали принимать меры к его освобождению. Шамиль перевез Булача в Унцукуль, где можно было менее опасаться попыток похищения последнего аварского хана.

В делах 1834 г. есть одно весьма любопытное сообщение Розена. Он пишет, что Шамиль, «...захватив сына Паху беки Булаш хана и все сокровища аварских ханов[2], намеревается отплатить аварцам за смерть Гамзада и воспитывать Булаш хана в духе шариата, дабы после сделать имам-азамом, то есть наместником пророка, до того времени сие титло принял сам Шамиль»[3]. В какой мере верно это сообщение, сказать трудно. Несомненно, конечно, что сведения, полученные Розеном, сильно искажены. Однако нет ничего невозможного в том, что Шамиль рассчитывал использовать последнего потомка аварских ханов. Эта мысль находит себе подтверждение в последующих проектах Шамиля, связанных уже с именем Али-бека Аварского.

Но Булач-хан явно становился знаменем для аварских беков, да и для русского правительства также. Командование, в лице Розена, некоторое время колеблется, не провозгласить ли ханом сына Сурхая Аварского. Но колебания кончаются быстро. Назначенный командовать экспедицией, направляемой в Аварию, Ланской доносит: «Аслан хан [Казикумухский. — *Н.П.*] и шамхал удостоверяют меня, что почти вся Авария желает Булач хана, следовательно, нам должно принудить койсубулинцев[4] выдать его аварцам»[5]. Само собой разумеется, что и Аслан-хан, и шамхал преследовали здесь свои интересы, что же касается «всей Авария», то необходимо оговориться, что речь идет, очевидно, лишь об аварских беках. Для настроения последних характерно стремление не только провозгласить ханом Булача, но и опереться в борьбе с мюридами на царизм. Об этом достаточно ясно свидетельствует посланничество Халиль-бека к Розену: «Командующий

[1] Предписание барона Г.В.Розена генерал-майору М.П.Ланскому от 20/1X-1834 г., № 888 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 196–197.

[2] Позднее, уже в плену, Шамиль говорил, что «первое произнесенное им слово было не "Газават" потому, что народ и без того знал, для чего избрал его имамом, а "равенство", в котором горцы так нуждались после долговременного тяжелого гнета своей аристократии» (АКАК. Т.12. С.1499). Но вряд ли этот лозунг был ясно осознан имамом до 1840 г. Во всяком случае, во второй половине тридцатых годов он проявлял большие колебания в сторону аристократии. Да и антифеодальные реформы стали им проводиться лишь в начале сороковых годов, в тридцатых же встречаются лишь намеки на ликвидацию власти феодалов.

[3] Рапорт Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 9/X-1834 г. № 949 // ЦВИА ВУА. Д.6294. Л.81.

[4] Унцукуль входил в Койсубулинское общество.

[5] Рапорт М.П.Ланского Г.В.Розену от 21/1X-1834 г. № 200 // КС. Т.32, ч.1. С.206.

отрядом войск в Северном Дагестане полк.Клугенау доносит мне, что от престарелой матери убитой Гамзад беком аварской ханши Паху-бике[1] и многих благонамеренных старцев прибыл к нему аварский старшина Халил бек, один из четырех главных заговорщиков, участвовавших в убиении Гамзет бека, с просьбой о восстановлении порядка в Аварии и о назначении им законного правителя, без чего у них не прекратятся раздоры, пользуясь чем, мюриды, рассеянные по Аварии, могут усилиться и вновь восстановить свое влияние в народе»[2]. Угроза восстановления ханства принудила Шамиля принять решительные меры в отношении Булач-хана, и последний был казнен.

Экспедиция Ланского в Гимры

Это обстоятельство, однако, не задержало намеченной экспедиции. Только ханом аварским царское правительство наметило теперь своего верного слугу Аслан-хана Казикумухского и Кюринского. Николай I напутствовал экспедицию резолюцией, показывающей, как велико было его озлобление: «...государь император высочайше повелеть соизволил из жителей Гимри и Арганая, если отряд наш овладеет, годных отдать в рекруты, а малолетних поместить в батальоны военных кантонистов, не воспрещая, впрочем, женам следовать за их мужьями»[3].

В первых числах сентября 1834 г. «собрана была уже значительная часть отряда... Начальник отряда (ген. Ланской. — *Н.П.*), не желая терять времени, решился в ожидании прибытия остальных войск сделать, так сказать, предисловие к предпринимаемой им экспедиции в Аварию. Предметом предварительных действий избрано было сел. Гимры»[4]. «Предисловие» оказалось неудачным. Войска под начальством Ланского двинулись к Гимрам. Аул был занят и разорен. Но в этот момент появился Шамиль с значительными силами. Ланской, боясь ввязаться в бой, вернулся в Темир-Хан-Шуру.

...и в Аварию

Вслед за этим была направлена другая экспедиция, уже в Аварию и под командой Клюки фон Клугенау. Русские войска долж-

[1] Речь идет об оставшейся в живых старухе Хистоман-бике. В АКАК (Т. 8. С. 50) ошибочно напечатано: «...от престарелой матери убитого Гамзет беком Аварского хана». Получается, что посольство было послано не Хистоман-бике, а убитой Паху-бике.

[2] Отношение Г.В.Розена к А.И.Чернышеву от 25/X-1834 г., № 995 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 82.

[3] Подпись А.И.Чернышева на всеподданнейшем докладе от 1/IX-1824 г., № 301 // Там же. Л. 39.

[4] *Кузьминский.* Экспедиция против горцев Северного Дагестана в 1834 г. // Там же. Д. 6246. Л. 10 об.–11.

ны были войти в Аварию с одной стороны, а казикумухцы под предводительством Аслан-хана — с другой. Имам стянул свои силы к Гоцатлю и здесь попытался дать решительное сражение. Победа осталась за русскими войсками, и уже через день после занятия Гоцатля, 20 октября, в лагере проведены были «всенародные» выборы Аслан-хана в правители Аварии до совершеннолетия недавно родившегося сына Нуцал-хана Аварского[1].

Экспедиция позаботилась также и о «приведении в покорность» койсубулинцев. Последние опять оказались взяты под «покровительство» шамхала в то время, как представители некоторых обществ внутреннего Дагестана (как Гумбет) изъявили готовность признать владыкой горного Дагестана Аслан-хана. Таким образом, царизм продолжал свою прежнюю политику поддержки феодалов для того, чтобы можно было использовать их для полного покорения края. Поэтому-то каждая победа царизма приносит расширение влияния ханов на так называемые «вольные» общества, и с приходом в Нагорный Дагестан царских войск аварские ханы стремятся вернуть свою власть над теми народами, которые успели с предшествующего века выйти из-под их владычества.

Одновременно с этим пускается в ход и особая форма давления на «вольные» общества Верхнего Дагестана: «Если пребывание ваше в Гергебиле, — предписывал Розен Ланскому во время снаряжения экспедиции, — продолжится, то дабы показать народу выгоды, кои он может приобрести от ближайших сношений с нами, пригласите из Казикумыка в Андалы людей, желающих продать в Гергебиле хлеб, который и покупайте, хотя бы он обошелся гораздо дороже, нежели во владениях шамхала. Сею мерою можете содействовать к обеспечению продовольствия гергебильского гарнизона и стеснению Верхних Дагестанцев в способах доставить себе хлеб»[2].

В ближайшие годы, последовавшие за восстановлением ханской власти в Аварии, центр тяжести событий продолжает оставаться в Нагорном Дагестане. Кавказское командование, вернувшее себе Аварское плоскогорье, рассчитывает теперь на постепен-

[1] Любопытен текст присяги, приносившейся аварцами: «Клянусь всемогущим богом, пророком нашим Магометом, святым его Алькораном и добрым именем жены моей, что отныне я буду верен великому падишаху российскому и наследнику его, не буду веровать в лжепророков, подобных Козы-Мулле, Гамзату и другим, признаю Аслан-хана Казыкумыкского и Кюринского моим повелителем и во всем буду ему повиноваться» (*Кузьминский.* Экспедиция против горцев Северного Дагестана в 1834 г. Л. 30. Прим.). Как видно из текста, присяга приносилась царю, а Аслан-хан был лишь на втором плане. Нельзя было ярче подчеркнуть превращение Дагестана в царскую колонию и призрачность самостоятельности ханов.

[2] Предписание Г.В.Розена М.П.Ланскому от 11/VIII-1834 г., № 748 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 58 об.

ное усиление влияния аварского хана и на подчинение ему окружающих обществ. Имам ведет в это же время упорную работу по консолидации всех сил мюридизма, по подготовке нового большого наступления.

Борьба Шамиля с аульской верхушкой (1834—1835)

Из числа внешних событий этого периода обращают на себя внимание ряд столкновений Шамиля с отдельными койсубулинскими селениями. Мюридизм опять переживает кризис. В аулах узденьская верхушка уже начинает думать о том, чтобы последовать примеру беков и подчиниться России[1]. Как раз в это время усиливается влияние выдвигавшихся именно аульской верхушкой старшин, а эти последние определенно тянули к России. Весь почти 1835 г., да и 1836, также наполнены борьбой Шамиля с отдельными старшинами и муллами. Ввиду такого поворота в настроениях Шамилю уже нельзя было оставаться в Гимрах, для него стал небезопасен и Унцукуль, и имам переходит в Ашильту. Здесь он продолжает упорную работу по подготовке нового выступления. Лишь к 1836 г. результаты этой работы становятся заметны и некоторые из аульских мулл вновь переходят к мюридизму. Характерен в этом отношении случай, рассказанный Мухаммед-Тахиром, относительно обращения ашильтинского муллы, случай, может быть, и легендарный, но несомненно говорящий о смене настроений аульской верхушки. «Ученый Али ал-Гульзави, кадий Ашильты [Ыиша. — *Н.П.*], когда обнаружилось перед ним то, что было в сердцах отступников, и он узнал результаты их речей и дел, сказал жителям Ашильты: "Я раньше говорил некие слова, не подтверждая их доказательствами. Я сожалею об этом и отказываюсь от этих слов. Истинно, Шамиль создан для того, что он делает, и имеет в этом помощь от Аллаха". И он ушел к себе домой, сложив с себя обязанности кадия»[2].

Перелом этот стоит в тесной связи с возобновившимся хозяйничаньем аварского хана и беков в «вольных» обществах. Для узденьской массы было ясно, что ничего хорошего царизм с собой не нес, что в результате прихода царских войск в Нагорный Дагестан узденьская масса была обременена лишними повинностями и штрафами. И мюридизм начинает приобретать новые силы. Мы видим, как после укрепления положения Шамиля в Ашильте он

[1] Характерна в этом отношении фраза, брошенная одним из царских офицеров, описывавшим экспедицию 1834 г.: «...к действующему отряду присоединился шамхал Тарковский, хан Мехтулинский и некоторые дагестанские беки... Присоединение дагестанских владельцев было полезно для нас **более по нравственному влиянию, нежели по силе их милиционных отрядов»** [выделено мною. — *Н.П.*] // *Кузьминский.* Экспедиция против горцев Северного Дагестана в 1834 г. Л. 15 об.

[2] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 82.

объединяет соседние койсубулинские общества и даже делает попытку, правда, неудачную, проникнуть в Андалаль. В 1835 г. Шамиль занял даже очень важный для овладения Аварией аул Гоцатль, но не удержался в нем, когда в 1836 г. туда двинулась экспедиция Реута. Но теперь, присоединяя новые аулы, он стремится прочнее закрепить их за собой. Он не довольствуется уже аманатами, заложниками, он сменяет тех представителей власти, которые скомпрометировали себя, и назначает в каждый аул муллу, в каждое общество особого уполномоченного, наиба[1]. Позже из этого назначения уполномоченных вырастает вся довольно сложная административная система имамата.

Деятельность Кибит-Магомы в 1835 г.

Одновременно с объединением ряда аулов непосредственно Шамилем подобную же работу ведут и другие вожди мюридизма. Наиболее видными из них являются Кибит-Магома, действующий в Тилитле, и Ташов-Хаджи, руководящий чеченским движением. Кибит-Магома — видная фигура, играющая немалую роль во всей истории имамата. Уроженец аула Тилитль, он с первых же шагов своей деятельности в этом ауле обращает на себя внимание решительным выступлением против местных беков, сразу же встревожив этим царское правительство. Вот как описывает это выступление официальный документ: «Один из таковых мюридов по имени Кибит-Магома, житель непокорного нам Тилитлинского общества, лежащего на границе с Аварией, в недальнем расстоянии от Гидатлинского общества, состоящего из 500 дворов, увещаниями своими к последованию учения Шамиля взволновал умы всего общества и противника своего Бек Чанку, старавшегося вразумить народ в его заблуждении, принудил со всеми родственниками искать убежища в одном доме, который мятежники зажгли со всех сторон, где и погибли все члены фамилии Чанка в числе 45 душ, одни от пламени, а другие, выбежавшие из оного, под ударами разъяренного народа»[2]. Так в 1835 г. появляется в Нагорном Дагестане новый очаг движения, Тилитль, угрожающий Аварии с юга и тесно связанный с лезгинами Закавказья.

Ташов-Хаджи в Чечне

Что же касается Ташов-Хаджи, то этот последний, кумык по происхождению, в описываемое время действовал в Чечне. Это

[1] Первое известие о наибах см. у Мухаммеда-Тахира (Три имама. С. 87).

[2] Отношение Г.В.Розена А.И.Чернышеву от июня 1835 г. // АКАК. Т. 8. С. 595. Случай записан также у Гаджи-Али (Сказание очевидца о Шамиле. С. 15).

было с неудовольствием отмечено одним из «обзоров», констатировавшим, что «спокойствие на левом фланге Кавказской линии в 1835 и 1836 гг. нарушено было чеченскими возмутителями, главою которых был беглец Андреевской деревни Ташов Гаджи»[1]. На Мичике у сел. Казбек Юрт ему удалось создать укрепленный лагерь, служивший базой в партизанской войне с царизмом. В 1835 г., то есть в то время, когда Шамилю пришлось переходить из Гимр в Ашильту, Ташов-Хаджи объединял ряд аулов плоскостной Чечни: Эрсеной, Шали, Атаги, Чахкери, Устар Гардой. С этими силами он пытался повести наступление на Кумыкскую плоскость и пробовал даже завязать переговоры с кумыкским князем и одновременно «приставом» — Мусой Хасаевым, но этот последний передавал письма Ташов-Хаджи русскому командованию и не помышлял, по понятным причинам, о союзе с мюридами. Партизанская деятельность чеченского вождя мюридизма вызвала в 1835 г. ряд ответных набегов царских войск на некоторые чеченские аулы. В частности, в конце июля — самом начале августа Пулло предпринял экспедицию в Чечню и атаковал несколько аулов. О характере его действий можно судить по следующему результату. Во время атаки Дурнай Юрта «...8 человек мужского пола с 5 человек женского пола жителей остались на месте убитыми, из спасавшихся бегством взяты в плен одна женщина»[2].

Во время этой же экспедиции в Герменчуке произошел случай, показавший, что и в Чечне верхушечный слой аула косо смотрит на выступления мюридов. По свидетельству современника, герменчукский мулла Мустафа, участник движения Бей-Булата и мюрид первого имама, «...в присутствии других мулл убеждал собравшиеся толпы оставить бесполезное покушение на русских, которые при всех пророчествах не принесли им ничего, кроме повсеместной гибели и разорения, повергшего многих в совершенную нищету, и советовал муллам прекратить вредные убеждения к возмущению, предоставив на волю каждого жить в покорности русскому правительству, кто пожелает, и отклониться по возможности от всяких мятежей и опасных набегов; как уверяют, народ готов был принять благотворительный совет Мустафы Муллы, но дерзкие убеждения Ташов-Хаджи и некоторых других мулл снова возбудили в сердцах легковерных безотчетный фанатизм, заставил их произнести общую присягу быть в готовности к обороне на каждый призыв; на тех же, кои изменят клятве, наложен, по общему согласию, значительный штраф»[3]. В результате набегов Пулло в плоскостной Чечне мюридизм в 1835 г. только укрепился.

---

[1] Обзор военных действий против горских народов в 1835, 1836 и 1837 гг. // ЦВИА ВУА. Д. 6329. Л. 20 об.

[2] Рапорт А.П.Пулло Г.В.Розену от 10/VIII-1835 г., № 54 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 243.

[3] Там же. С. 247.

Отношения Ташов-Хаджи с Шамилем в 1835 г.

Любопытно, что Ташов-Хаджи в период некоторого затишья в Дагестане принимает решительный тон в переписке с имамом. Вот воззвание, отправленное Ташов-Хаджи Шамилю в это время: «От раба Божия Хаджи Ташова к высокопочтенному, ученому главному лицу, предводителю мусульманской нации, любезному брату Шамилю Гимринскому и всем тем, которые послушны шариату и идут на путь блистательного закона нашего. После многих приветствий извещаю я, что мы вышли против врагов для восстановления шариата нашего силою оружия, и вы можете выступить с пехотой и конницей против врагов и способствовать святому шариату и алкорану. По получении сего письма не промедлите ни часу, ибо пришло время поднять полы к возвышению нашего закона[1], обнажить сабли наши против врагов божиих, и так мы должны или избавиться от них, или умереть; если в случае при настоящем положении вы не ополчитесь, то наше первое стремление будет на вас и когда мы придем в вашу землю, тогда вы не различитесь от других, ибо придут столько войска, что их никто не в состоянии воротить»[2]. Очевидно, в этот момент Ташов-Хаджи не только чувствует себя сильнее имама, но и подозревает его в нежелании выступать. Немного спустя появляется уже второе воззвание Ташов-Хаджи, написанное в еще более решительном тоне. Адресовано оно «...от Хаджи к братьям по вере Шамилю и прочим мюридам, кои лишены помощи, Богом им определенной, и всем патриотам аварским, койсубулинским, унцукульским, гараканским... Саиду Гаракинскому, Алию, Теибу, Абдул Разману, Кабидул Магомету и другим действующим духовным особам, живущим в горских странах Гидата, Карака[ла], Тиндала, Суграта [*Сугратля. — В.Г.*]...». Ташов-Хаджи начинает с обвинений: «Вы потеряли веру и не исполняете того, что он [Аллах. — *Н.П.*] законом положил, не руководствуетесь его шариатом чистым» и переходит к угрозам: «Поверьте, что мы готовы с бесконечным числом войск итти на вас. Мы удерживаемся потому только, что Шамиль сему препятствует, ибо он не желал и не желает привести в действие права первенства, Богом ему определенного». В заключение Ташов-Хаджи обращается к самому Шамилю: «Соверши скорее волю пророка, которая увенчивает наши дела и истребляет нашу печаль. Если замедлите в этом, то... навлечете на себя злобу нашу»[3]. Что дало повод чечен-

[1] Выражение «ضمر ذيل لاعلاء دين الله» («поднимание пол для возвышения веры Аллаха»), равносильное нашему «засучить рукава», служит даже заглавием одного неизвестного в науке сочинения Мухаммеда-Тахира.

[2] Воззвание Ташов-Хаджи // КС. Т. 32, ч. 1. С. 241.

[3] Воззвание Ташов-Хаджи народам Северного Дагестана (перевод, приложенный при рапорте графа Ивелича барону Г.В.Розену от 17/I-1836 г., № 2). Дела 2 отдела Генерального штаба 1835 г. № 26. Ч. 1 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 251.

скому вождю заканчивать свое письмо этими словами — трудно сказать; возможно, все это говорит о каких-то разногласиях в руководящих кругах мюридов. Наконец, в письме к ауховцам Ташов-Хаджи называет себя наместником Гази-Мухаммеда, хотя в Дагестане в это время был уже третий имам[1]. Шамилю чеченский вождь, очевидно, не хотел подчиняться.

Эти разногласия, впрочем, дело не новое. Прушановский отметил их еще ранее, в связи с избранием Шамиля: «Мюрида Муллы Магомета уже не было на свете, некому было назначить преемника Гамзату, а потому многие желали [занять. — *Н.П.*] место имама, но выше всех стояли два соперника: Шамиль и Ташов-Гаджи. В начале перевес был на стороне последнего; большая часть из повиновавшихся Кази Мулле и Гамзату народа приняла его сторону; при Шамиле осталось небольшое число приверженцев; но между ними находился учитель Шамиля, мулла Джемал Эддин, известный в Дагестане своей ученостью, глубокомыслием и пользующийся всеобщим доверием мусульман; при его содействии партия Шамиля и значение ее более и более увеличивались, чему много также содействовали отношения, в коих он находился к Кази Мулле и Гамзату. Ташов же кроме учености и некоторой способности к администрации не одарен такими способностями, которые необходимы для достижения и удержания влияния на дела Дагестана... Борьба их продолжалась долгое время; но в 1837 г. Ташов Гаджи подчинил себя Шамилю»[2].

Операции Шамиля в Дагестане весной 1836 г.

В 1836 г., когда Шамиль начал расширять круг своего влияния, разногласия, о которых шла речь, видимо, исчезают или по крайней мере сглаживаются. Во всяком случае, и Ташов-Хаджи, и Кибит-Магома присоединились к имаму[3]. Результатом этого объединения было начало военных операций в Дагестане. Ташов-Хаджи «по предварительному сношению с Муллою Шамилем»[4]

[1] Приложение к рапорту А.П.Пулло Г.В.Розену от 29/VI-1835 г., № 39 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 240.

[2] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского (Историческая записка о начале и развитии духовной войны или превратного тариката (учения о нравственном элементе человека в Дагестане)) с 1823 по 1843 г. // Там же С. 37–38.

[3] В одном из документов 1843 г. можно найти такую фразу, относящуюся к описываемому времени: «Увлеченный общим порывом, соперник Шамиля Ташов-Хаджи признал его имамом Дагестана и потом удалился в Чечню» (*Орбелиани.* Показания прапорщика князя Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля // ЦВИА ВУА. Д. 6478.). Но соглашение не было очень долговечно. Оно продержалось не долее 1840 г.

[4] Отношение Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 19/III-1836 г., № 233 // ЦВИА ВУА. Д. 6306. Л. 4.

направился через Зандак в гумбетовский аул Чиркат. Здесь он соединился с Шамилем. Целью движения были аулы Койсубу и, возможно, Аварии. Во всяком случае, в Чиркате «...Шамиль объявил, что они собрались для наказания унцукульцев и других за делаемые притеснения... Гумбетовцы, ашильтинцы и некоторые другие койсубойлинцы приняли их сторону»[1]. Располагая теперь достаточными силами, Шамиль направился к аулу Ихали, который после боя был занят. Второе столкновение с противниками мюридизма произошло у сел. Орота; по-видимому, только здесь Шамиль и Ташов-Хаджи соединились с Кибит-Магомой[2]. После овладения аулом Шамиль вернулся в Ашильту. Ташов-Хаджи из Ороты направился в Чечню «...и хотел взять дорогу через землю андийцев, но они запретили ему проехать через оные и наложили штраф на 20 человек их общества, участвовавших в его действиях»[3]. Поведение андийцев было серьезным ударом по собиранию сил, начатому в 1836 г. руководителями мюридизма. И опять — против андийцев выступает не Шамиль, а все тот же Ташов-Хаджи. Он «...посылал к андийцам и требовал, чтобы они также присоединились к нему, угрожая в противном случае забрать их стада, пасущиеся на землях ичкеринцев»[4]. Угрозы, очевидно, оказали свое действие. Уже в апреле среди войск Ташов-Хаджи встречаются андийцы, а летом того же года Шамиль присоединил к имамату все андийские общества.

Так, Ташов-Хаджи, несмотря на формальное признание первенства Шамиля, продолжал еще в середине 1836 года играть самостоятельную роль, а иногда пытался даже навязывать свою волю имаму. Лишь в конце 1836 г., убедившись в невозможности прочно укрепиться в Чечне без помощи Дагестана и разочаровавшись в поддержке действовавшего в Чечне турецкого агента Хаджи-Мухаммеда, Ташов-Хаджи на деле подчинился руководству Шамиля. Так же не сразу произошло и подчинение Кибит-Магомы.

Этот видный деятель мюридизма претендовал, по-видимому, на совершенно самостоятельное значение. В воспоминаниях Клюки фон Клугенау мы можем найти некоторые любопытные подробности по этому вопросу: «Шамиль, Ташов-Хаджи и Кибит-Магома, соединившись в первый раз в Чиркате, дали клятву действовать совокупными силами и возмущать покорных и полупокорных нам горцев. Кибит-Магома, всегда хитрый и вероломный, первый изменил обету и в скором времени по возвращении из

[1] Там же. Л.4 об.

[2] Там же. Л. 5. Судя по данным этого донесения, Кибит-Магома в Чиркате не был. Клюки фон Клугенау утверждает противоположное.

[3] Отношение Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 2/IV-1836 г., № 287 // Там же. Л. 6 об.

[4] Отношение Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 16/IV-1836 г., № 332 // Там же. Л.8 об.

Ороты составил с муллой Рамазаном союз, к которому присоединились кидатлинцы, тилитлинцы и карахцы: последние объявили своим наставником муллу Рамазана. Цель этого союза состояла в том, чтобы покорить соседние общества и не признавать над собой власти ни русских, ни Шамиля»[1].

Такой раскол не мог, однако, быть долговечен в условиях начавшегося роста движения. Уже в июле 1836 г. Кибит-Магома вновь выступает под руководством Шамиля. Однако эту попытку отхода нельзя считать случайной. И в дальнейшем Кибит-Магома, как, впрочем, и Ташов-Хаджи, не раз выступал как соперник Шамиля, продолжая мечтать об имамском звании. Неясным остается только вопрос о том, представлял ли в данном случае Кибит-Магома «областные» интересы или же несколько иной социальный слой. Вопрос, нам кажется, может решиться, если мы примем во внимание ремесленный характер Тилитля и примыкающих к нему аулов (койсубулинские аулы носят ярко выраженный земледельческо-скотоводческий характер). Кибит-Магома, являясь представителем ремесленных аулов, должен был несколько по-иному смотреть на программу движения, чем Шамиль. Но расхождения между ними были невелики и не мешали им действовать объединенно. А так как основным очагом движения все же являлось Койсубу с его крестьянскими массами, то перевес Шамиля станет понятным.

Ташов-Хаджи в Чечне и на Кумыкской плоскости

Одновременно Ташов-Хаджи, вернувшись из Дагестана в Чечню, продолжал весьма энергично вовлекать в движение чеченцев. Добившись значительных успехов, он двинулся на Кумыкскую землю. 7 апреля он подошел к Старому Аксаю и обложил его. Кумыкский пристав князь Муса Хасаев попытался прийти на помощь к аксаевцам, но, видя, что численность войск Ташов-Хаджи быстро возрастала, не решился на атаку и ограничился конвоированием жителей Старого Аксая, которых он переселил в укрепление Таш-Кичу. Из этой первой стычки Ташов-Хаджи вышел победителем. От Старого Аксая он перешел к центру Кумыкской земли, селению Эндери. Однако появление вблизи аула Пулло с сильным отрядом заставило предводителя мюридов отойти от этого важного пункта. Но результаты первых действий в Чечне уже были велики.

Борьба за Аварию летом 1836 г.

Тем временем сам Шамиль летом 1836 г. перенес военные операции в Дагестан. Опять начинается борьба за аварские аулы.

[1] *Клугенау К. фон.* Очерк событий на Кавказе // РС. 1875. Т. 15, янв. С. 148.

Первоначально Шамиль хотел нанести прямой удар. Сопровождаемый Ташов-Хаджи и Рамазаном, он в июне двинулся на аул Харадерик, жителей которого поддерживали хунзахцы. Победа в столкновении осталась за Шамилем, Харадерик занят мюридами. Имам двинулся прямо на Хунзах. Момент был чрезвычайно острый. Но сил у вождя мюридов было немного, дагестанские ханы встревожились, и Аслан-хан Казикумухский и Кюринский выслал в Аварию свои войска. Они отбросили Шамиля обратно в «вольные» общества.

А в июле 1836 г. в Аварию двинулась экспедиция генерала Реута. Он занял Аварию и провозгласил ханом Ахмед-хана Мехтулинского. «Более же решительных мер противу Шамиля, по ограниченному числу войск, совершенно невозможно было предпринять в 1836 году. Между тем, более и более возрастающее влияние Шамиля представляло необходимость предпринять решительные меры для истребления его власти»[1].

Шамилю пришлось отложить проект прямого натиска на Аварию и все внимание направить на собирание сил. Шамиль двинулся против Унцукуля, и вскоре это влиятельное койсубулинское общество присоединилось к мюридам. Затем признали власть Шамиля андийцы, которых имам обязал «...по его требованию из каждого двора доставить ему по одному вооруженному человеку»[2]. В то же время Ташов-Хаджи отправился в Чечню «...для склонения жителей оной к принятию шариата»[3].

В том же направлении действовали в Чечне и другие проповедники мюридизма. Среди них любопытна личность Хаджи-Мухаммеда. Уроженец селения Герменчук, Хаджи-Мухаммед послан был еще первым имамом в Константинополь с поручением к султану. Но Ункиар-Искелесский договор, поставивший Турцию в зависимость от России, уничтожил у Хаджи-Мухаммеда надежды на султанскую поддержку. В то же время и Гази-Мухаммед, пославший его, был убит. В 1833 г. Хаджи-Мухаммед возбудил перед русским посланником ходатайство о разрешении вернуться в Чечню. Но до 1835 г. полученным разрешением не воспользовался (возможно, в связи с началом действий второго имама). Лишь в октябре 1835 г. он приехал в Тифлис, откуда вскоре бежал в Чечню. В мае 1836 г. он попытался наладить какое-то соглашение между чеченцами и царизмом. 5 июля по его приглашению «...стеклись за реку Аргун, противу аула Мескир Юрт, мно-

[1] Обзор военных действий против горских народов... // ЦВИА ВУА. Д. 6329. Л. 26.

[2] Отношение Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 16/VII-1836 г., № 797 // ЦВИА ВУА. Д. 6306. Л. 33, 33 об.

[3] «О положении дел на левом фланге Кавказской линии и в Дагестане, а равно и о последних известиях касательно дагестанского мятежника Шамиля», сост. 4/VIII-1836 г., № 75 // Там же. Л. 38 об.

гие почетные чеченцы в числе около тысячи человек»[1]. Хаджи-Мухаммед, ссылаясь на фирман султана, «...предложил исполнять строго закон веры, не следовать никаким нововведениям, быть спокойными и покориться русскому правительству», но к этому прибавил, что «...российское правительство освободит их от податей, предоставит им свободу торговли в наших границах, свободное отправление в Мекку для поклонения. А десятникам и муллам, избранным для управления в Чечне, назначит жалованье»[2]. Собрание одобрило эти условия, но Пулло выдвинул другие требования, среди которых была и уплата подати, и выдача дезертиров, и возложение содержания администрации на местное население. Разумеется, чеченцы не пошли на условия Пулло. А в августе Розен уже сообщал Адлербергу, что Хаджи-Мухаммед «...вошел в связь с Ташов-Хаджи и употребляет все свое влияние для распространения вредного нам шариата не только между непокорными нам чеченцами, но даже и между покорными, подкидывая в мечетях и рассылая тайным образом повсюду безыменные воззвания, в коих силою Корана чеченцы призывались к последованию нововводимому шариату»[3].

Чеченцы думали уже не о мире, а о войне. Царское командование понимало положение вещей, и Пулло спешил с работами по укреплению Внезапной. Возможно, что в ближайшем будущем она стала бы очень нужна царизму. В июле шариат приняли жители Гоцатля. Аварии грозило окружение, но движение генерала Реута к Ирганаю и набег Ягья-бека на Гоцатль несколько затормозили успехи имама. Однако уже в конце июля — начале августа имам наносит несколько ударов собственно аварским селениям. Впрочем, новая попытка окружить Аварию путем захвата Гоцатля и соединения с тилитлинским Кибит-Магомой оказалась неудачной.

Результаты военных действий 1836 г. один из «Обзоров» характеризовал следующими словами: Шамиль «...при содействии сообщников своих, чеченских и дагестанских возмутителей и мюридов, в короткое время убеждением и силою принудил к принятию шариата и повиновению себе, как бы главе исламизма, все вольные чеченские общества от Чечни до Аварии и даже значительную часть аварцев и обществ, лежавших на юг от Аварии»[4].

В это-то время мы впервые сталкиваемся с данными, указывающими на попытку организовать нечто подобное постоянной армии. Она сопровождалась первой же зарегистрированной нашими источниками попыткой налогового обложения. «Шамиль со-

[1] ЦВИА ВУА. Д. 6420. «О действиях между чеченцами уроженца сел. Герменчук Гаджи Магомета».

[2] Там же.

[3] Отношение Г.В.Розена В.Ф.Адлербергу от 20/V-1836 г., № 931 // АКАК. Т. 8. С. 606.

[4] ЦВИА ВУА. Д. 6329. Л. 24.

брал в койсубулинском ауле Игали старейшин из преданных ему обществ и обязал жителей содержать от каждых 10-ти дворов во всегдашней готовности по одному вооруженному человеку, с платежом от каждого двора по 1 р. в год; таким образом, по показанию лазутчиков, выставлено 1.300 чел.»[1].

Эта вооруженная сила — зародыш будущих муртазеков, но в отличие от муртазеков сороковых годов армия тридцатых была, очевидно, только опытом некоторой организации народного ополчения.

Подготовка новой экспедиции

Подготовка, которую ведет на протяжении 1835—1836 гг. мюридизм, не является, разумеется, секретом для кавказского командования. Последнее с тревогою следит за новым ростом движения и, со своей стороны, готовит новую военную экспедицию, целью которой является закрепление Аварии и подчинение областей, лежащих вблизи от нее, то есть очагов восстания в Койсубу на севере и в Тилитле на юге.

Попытки организовать религиозную пропаганду против мюридизма (1836 г.)

Одновременно с военной подготовкой кавказское командование бьется над изобретением мер, которые позволили бы подчинить влиянию царизма дагестанское духовенство. Религиозной пропаганде мюридизма самодержавие хочет противопоставить свою религиозную магометанскую пропаганду. Для достижения этой-то цели выплывает широкий проект подчинения всего горского суннитского духовенства специальному духовному лицу. На роль духовного вождя всех кавказских суннитов намечается казанский эфенди Тадж ад-Дин Мустафин[2]. Задачей его ставилось путем красноречия «обратить горцев на путь истинный, подчинить их русскому правительству и истребить или выдать нам живьем Шамиля»[3]. Бездарный проект потерпел крушение с первых же шагов: проповедь могла вестись только под непосредственной охраной или царских войск, или преданных царизму ханов. В горы проповедник не рискнул показываться, так как дагестанцы заявили, что они в его проповеди не нуждаются.

Ташов-Хаджи прислал Тадж ад-Дин Мустафину из Чечни письмо, в котором, между прочим, писал: «Я, полномочный визирь пребывающего в сей стране имама Шамиля, предписываю вам, чтобы

[1] Отношение Г.В.Розена А.И.Чернышеву от 5/X-1836 г., № 1098 // ЦВИА ВУА. Д. 6306. Л. 67 об., 68. См.: АКАК. Т. 8. С. 607.

[2] Интересно отметить, что при обсуждении вопроса об организации мусульманского духовенства царское командование настаивало на том, чтобы содержание мулл казна взяла на себя.

[3] *Дроздов И.* Начало деятельности Шамиля // КС. 1899. Т. 20. С. 291.

вы без дозволения нашего не разъезжали бы в сих странах, и если вы не глупы, то должны удалиться, прежде чем вам будет нанесен вред. Я, Хаджи-Ташов, происходящий от колена царя Давида, желая сделать вам благодеяние, предупреждаю вас о том»[1]. Ввиду такого настроения попытка пустить в ход красноречие «знаменитого проповедника» в горах была оставлена[2].

Успехи мюридизма в Дагестане росли. Движение охватывало уже общества Верхнего Дагестана. По свидетельству Мочульского, жители одного из них «...тиндийцы или богуляльцы известны в Дагестане своим предприимчивым духом и приверженностью к мюридам»[3]. Здесь-то и возник, вероятно, в 1835 или 1836 г. новый очаг мюридизма. Аличу Махома Тиндийский или просто «Али Чулы, истребив в Богозах правительствующую фамилию Дингойшвили... усилился так, что ему никто не смеет сопротивляться»[4]. И здесь, в Верхнем Дагестане, мюридистское движение было направлено против местных эксплуататоров. Восставшие вошли в тесную связь с имамом, и «в 1837 и 1838 годах Али Чула выставил к войскам Шамиля до 2 тысяч человек, участвовав с ним почти во всех делах противу ген. Фези»[5]. Впрочем, влияние Аличу оказалось довольно ограниченным. Оно не могло равняться влиянию имама или даже Кибит-Магомы. Поэтому-то имя Али Чулы мало известно.

Положение в Аварии

Между тем, распространение мюридизма опять создавало прямую угрозу царскому владычеству в Аварии. Правда, Шамиль не мог не считаться с нежеланием аварских беков и зажиточной верхушки войти в состав организующегося теперь государства мюридов — имамата. Но имам и здесь нашел выход, до крайности встревоживший царское командование. «Прибывший ко мне Джемал Чиркеевский, — писал Клугенау, — подтвердил сведения как

[1] Там же. С. 292.

[2] Таджи ад-Дин Мустафин некоторое время еще прожил в Тифлисе, постоянно выпрашивая у кавказского начальства подарки, а затем преемник Розена в командовании Кавказским корпусом «ген. Головин, видя, что учение Таджудина Эффенди в продолжении 6 лет нисколько не изменило отношение горцев к нам, согласился на его просьбу [о предоставлении годичного отпуска в Казань. — *Н.П.*]. Из Казани он писал, что может возвратиться в Тифлис в таком только случае, когда будет назначено ему содержание по 5.000 руб. сер. в год» (Всеподданнейший доклад военного министра от 13/XI-1841 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6448. Л. 35). Однако проект проповеди против Шамиля окончательно оставлен не был: он поднимался не раз в сороковых годах, но безрезультатно.

[3] *Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане. Ч. 2. Топографическая // ЦВИА ВУА. Д. 6528. Л. 54 об., 55.

[4] Там же. Л. 55 об.

[5] Там же. Л. 55.

о предположении Шамиля отправиться к джемальяльцам и богозцам, **так равно и намерение аварцев избрать правителем своим Али-бека** [выделено мною. *—Н.П.*]. Последнее обстоятельство тем более заслуживает вероятия, что аварцы, как я и прежде имел честь доводить до сведения вашего высокопревосходительства, еще при жизни ген. майора Аслан-хана Казикумыхского, видев сколь мало он обращал внимания на управление ими, были разделены в этом отношении на партии и теперь может быть, не надеясь ничего лучшего для себя от Нуцал-хана, они в самом деле решатся избрать себе правителем Али-бека, коего дед Чапан находился в родственной связи с Ума-ханом Аварским. Для взаимного обеспечения в сохранении согласия Шамиль обещал аварцам, по получении от них аманатов, выдать им в заложники своего племянника»[1]. Царское командование забило тревогу и признало необходимым занятие Аварии войсками. Но и независимо от этого попытки Шамиля договориться с аварскими беками ни к чему не привели, да и не могли привести. Бекские слои слишком тесно теперь связывались с царизмом, слишком глубокая пропасть отделяла их после смерти второго имама от мюридизма. Речь в лучшем случае могла идти о сочувствии Шамилю со стороны небольшой группы беков, как это показали события сороковых годов. Но тем не менее, результатом этих сообщений явилось решение царского командования занять Аварию, поместив специальный гарнизон в Хунзахе.

Однако командование боялось вызвать таким мероприятием вспышку в самой Аварии. Вот почему сочтено было необходимым широко использовать для выполнения задуманного дела поддержку беков. Ахмед-хану Мехтулинскому, назначенному правителем Аварии после смерти Аслан-хана, генерал Фезе предложил просить от имени всех аварцев помощи русских войск против угрозы мюридизма. Созванное ханом собрание вынесло постановление, развязавшее руки русскому командованию. Вряд ли можно предполагать, что постановление это было целиком делом рук Ахмед-хана, вероятнее, что вместе с ханом действовали и аварские беки, ненависть которых к мюридизму проявлялась уже не раз; рассчитывая на них, царизм не ошибся. Начались спешные приготовления к походу, в задачи которого, помимо постройки укрепления в Хунзахе, входил разгром двух основных укрепленных пунктов мюридов — резиденции имама, аула Ашильты, и центра деятельности Кибит-Магомы, аула Тилитля.

[1] Рапорт Ф.К.Клюки фон Клугенау барону Г.В.Розену от 12/VIII-1836 г., № 64 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 284. Али-бек еще в документах 1830 года фигурировал как человек, имеющий в Аварии большое влияние и неприязненный царизму. См. рапорт И.Ф.Паскевича А.И.Чернышеву от 7/V-1830 г., № 262 // ЦВИА ВУА. Д. 6241. Л. 24 об.

Одно обстоятельство ускорило выступление отряда. Полковник Ивелич с небольшим отрядом попытался овладеть Ашильтой, но был разбит и сам погиб. 7 мая генерал К.К.Фезе выступил из Темир-Хан-Шуры во главе целой экспедиции.

После незначительного столкновения у Гоцатля войска заняли Хунзах, а к началу июня 1837 г. в основном было закончено строительство Хунзахского укрепления. Оставив здесь гарнизон, отряд двинулся к Ашильте, которую 9 июня после упорного боя взял и сжег. В это время имам, соединившись с Кибит-Магомой и Ташов-Хаджи, находился в Тилитле, против него Фезе оставил заслон под командой Бучкиева. Во время ашильтинской операции Шамиль начал теснить Бучкиева. Это заставило Фезе срочно перебросить все силы к Тилитлю. В первых числах июля отряд уже целиком перешел к этому селению. Здесь должен был произойти решительный бой. Однако аул оказался хорошо укрепленным, на выручку к осажденному имаму подходили все новые и новые массы ополчения. Начальник отряда генерал Фезе попытался закончить дело штурмом. 4 и 5 июля было произведено две атаки, но войска, заняв половину аула, дальше двинуться не смогли.

«Провианта у нас уже почти не было, — писал один из участников этой экспедиции, — а зарядов и того менее, взять же в один день Телитль не было никакой возможности, как мы уже убедились. Быть может, его нужно было штурмовать еще неделю или дня три, а мы уже потеряли до двухсот человек убитыми и, верно, пришлось бы потерять еще столько, что при малочисленности отряда было для нас очень значительно»[1].

Но и положение имама было напряженным. И в этот момент снова проскальзывает известие о каких-то разногласиях между вождями мюридизма. Мухаммед-Тахир сообщает, что «Хаджи-Ташав ал-Индири прислал к Шамилю Газиява ал-Анди сказать: Давай выйдем отсюда... или же разреши мне выйти, а иначе я выйду, сломав палку повиновения. Шамиль на это сказал: "Клянусь Аллахом, я не выйду отсюда, если даже останусь один, и не разрешу ему выйти. А если же он выйдет без моего разрешения, то я обязательно пущу пулю в средину его спины"»[2]. Эта твердость спасла положение осажденных в Тилитле. Тогда Фезе принужден был заключить перемирие и 7 июля отступил. Позднее официальная царская история пыталась изобразить дело как сдачу Шамиля, не взятого в плен якобы лишь благодаря излиш-

[1] *Костенецкий Я.И.* Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. Спб., 1851. С. 96.

[2] Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. С. 87—88.

ней доверчивости генерала Фезе. Однако документы говорят другое[1]. В подтверждение перемирия вождями мюридизма дано было генералу письмо следующего содержания: «От Шамиля, Ташов-Хаджи, Кибит-Магомы, Абдур-рахмана Карахского, Магомед Омароглы и других почетных ученых дагестанцев. Выдавая аманатов Магомет-Мирзе-хану, мы заключили с российским государем мир, которого никто из нас не нарушит, с тем, однако, условием, чтобы ни с какой стороны не было сказано ни малейшей обиды против другой. Если же какая-либо сторона нарушит данные ею обещания, то она будет считаться изменницей, а изменник почитается проклятым перед Богом и пред народом. Сие наше письмо объяснит всю точность и справедливость наших намерений»[2].

Текст этого договора вызвал протесты Фезе, и письмо было заменено другим, сохранившим, впрочем, целиком первоначальный дух. Нельзя предположить, чтобы Фезе принял такой документ за изъявление покорности, как бы ни старались нас убедить в этом официальные царские историки.

Между тем Фезе сделал еще одну попытку добиться успеха. На этот раз 26—27 августа им были атакованы два аварских аула, отошедших от своего хана: Ората и Хараки. Аулы эти переданы были Шамилем в управление Али-беку Аварскому. Атака увенчалась успехом, и Фезе, наконец, мог донести: «Алибековы деревни... обе укрепленные, заняты; 26 душ взято в плен и 29 штук рогатого скота забрано и все имущество захвачено»[3]. Трофеи, правда, были невелики, но это было все же больше, чем тилитлинские письма. Впрочем, определенно выиграл от аварской экспедиции 1837 г. аварский хан. Кроме покорения Ораты и Хараки, отложившихся от аварского хана в 1836 г., Фезе заставил и кой-

[1] Один из историков Кавказской войны дал уничтожающую характеристику деятельности Фезе на Кавказе вообще и в Дагестане в частности: «Там [в Дагестане. — *Н.П.*] он тоже наделал много чудес, влетел в Аварию и забрался в такие места, откуда едва вышел. Наконец, около аула Телитля Шамиль окружил генерала Фези, и Фези, будучи блокирован, в то же время сам запер Шамилю выход из ущелья. Подобного случая, конечно, еще никогда не бывало. Фези штурмовал Шамиля и был отбит; Шамиль сделал то же и тоже неудачно. Наконец, противникам нечего было есть: вступили в переговоры, оба дали слово прекратить набеги и, таким образом, разошлись полюбовно, выпустив один другого из общей западни» (эта цитата приведена в статье В.А.Потто «Хаджи Мурат». (См.: ВС. 1870. Т. 76, № 11. С. 161. Прим. 1). Оттуда мы и заимствовали ее. В.Потто цитирует «одно рукописное сочинение о кавказской войне», принадлежащее перу неизвестного автора). Сам Фезе в своих рапортах объяснял отход от Тилитля необходимостью спешить на подавление вспыхнувшего в это время кубинского восстания.

[2] КС. Т. 8. С. 1. Прил. к ст. А.Юрова «Три года на Кавказе (1837—1839)». С. 1—18.

[3] Рапорт К.К.Фезе Г.В.Розену от 26/VIII-1837 г., № 26 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 358.

субулинские аулы признать над собой власть шамхала, с которым они давно боролись. Один из участвовавших в экспедиции офицеров, Костенецкий, записал в своем дневнике 17 августа 1837 г.: «Мимо нас проехали в Хунзах несколько человек унцукульских депутатов для принятия там присяги на верноподданство шамхалу Тарковскому, под владением которого они и гимрийцы некогда стояли и который всегда домогался владычества над ними»[1]. Немалую роль в этом должен был сыграть один из видных представителей аульской верхушки Унцукуля, «почетный житель этой деревни... Алило, выбежавший к нам в Темир хан Шуру от преследований Шамиля за преданность к русским и находившийся постоянно при отряде»[2]. Благодаря его влиянию отряд был хорошо принят в Унцукуле. Но истинное настроение койсубулинцев выразили гимринцы, которые, «едва завидев отряд, тотчас сняли деревянный мост свой и отказали... в приеме»[3]. Положение было достаточно ясным: тилитлинский договор лишь укрепил позиции мюридизма как в Дагестане, так и в Чечне. Этого царизм не хотел и не мог понять. В Петербурге настолько были убеждены в покорности Шамиля, что по случаю поездки Николая I на Кавказ царское командование получило приказ: постараться убедить Шамиля лично явиться к царю и просить помилования. Исполнение приказа возложили на генерала Клугенау. Этот последний добился личного свидания с имамом, но по вполне понятным причинам никаких результатов оно не дало. После переговоров Шамиль и Клугенау обменялись еще несколькими письмами, и на этом дело закончилось. Между тем, пока велись переговоры, мюридизм продолжал одерживать победы, постепенно усиливаясь в Нагорном Дагестане и распространяя свое влияние за его пределы.

Кубинское восстание 1837 г.

Теперь уже всякое движение против царизма связывалось с имамом. В сентябре того же 1837 г. вспыхнуло восстание в Кубинской провинции. Здесь, как и в большинстве закавказских восстаний этих лет, очень ярко проявляется роль беков. В числе организаторов и главных участников мы находим видных представителей бекских слоев. И так же, как и в других восстаниях, беки предали восстание в критический момент. С этой стороны восстание эпохи третьего имама ничего общего с мюридизмом не имеет. Интересно в нем другое обстоятельство — то, что уже после первых успехов восставшие пытаются связаться с Шамилем, пишут ему, просят руководства. Сила мюридистского движения и его популярность к концу 1830-х гг. оказываются такими, что даже вы-

[1] *Костенецкий Я.И.* Записки об аварской экспедиции... С. 107.

[2] *Ч.Ш.* Кавказская старина. Воспоминания об аварской экспедиции 1837 г. // Газ. «Кавказ». 1872. № 5.

[3] Там же.

ступления в сравнительно отдаленных частях Восточного Кавказа не могут игнорировать имама.

Кубинское восстание было подавлено царизмом при помощи ширванской милиции, выступившей под руководством своих беков. Ширванская милиция ознаменовала свое участие в усмирении кубинского восстания такими неслыханными грабежами, что даже от царского историка получила название «новых гуннов». В поддержку ширванской двинута была и казикумухская милиция, но ее помощь уже не потребовалась. Поход казикумухцев показал только, что «покорные горцы» будут использованы царизмом для подавления восстаний в любых частях Кавказа и что наряду со связью, которую все восставшие стремились завязать с мюридизмом, имеется и другая — связь всего горского дворянства с завоевателями.

Внутренняя борьба в Нагорном Дагестане

В том же сентябре 1837 г. Фезе сообщал Розену, «...что во всем Нагорном Дагестане — две партии, из коих одна желает вступить с нами в сношение и найти чрез то защиту от ига мюридов, другая партия, более сильная, одерживает над первой верх и по научению Шамиля, Али-бека и мюридов противодействует намерениям людей, готовых покориться нашему правительству»[1].

Из этого документа можно сделать один вывод: часть верхушечных слоев дагестанского аула в 1837 г. тормозила развертывание массового движения.

Но в рапорте обращает на себя внимание и другое, данное как второстепенная подробность: Али-бек назван здесь рядом с Шамилем. И действительно, роль этого аварского феодала в мюридизме 1835—1839 гг. была немалой. Шамиль выделил 5 аулов, «принадлежавших некогда к Аварии», и поручил управление ими Али-беку «как предназначенному преемнику своему»[2].

Через два года после этого, при осаде Ахульго, Али-бек был убит, и мы не знаем, какую роль он сыграл бы при взятии Аварии. Но приведенные здесь данные в сопоставлении с проектами сделать Али-бека аварским ханом не могут не быть учтены историками.

В декабре 1837 — январе 1838 г. в большинстве обществ Нагорного Дагестана начались народные собрания. Занятие Аварии царскими войсками было принято как свидетельство намерения царизма окончательно подчинить себе Нагорный Дагестан. И собрания нередко оказывались настроенными достаточно решитель-

[1] Отношение Г.В.Розена к А.И.Чернышеву от 11/IX-1837 г., № 969 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 363. В этом отношении Розен передает сообщение Фезе.

[2] Рапорт К.К.Фезе Г.В.Розену от 26/VIII-1837 г., № 26 // Там же. С. 358.

но. Вот одно из сообщений лазутчиков: «К г.м. Клюки фон Клюгенау находящийся при Зиранском укреплении переводчик прислал... известие, что жители обществ Андалальского, Каратлинского и Хидатлинского вместе с Карахским имели сборища, на коих клятвенно обязались, если летом с.г. не будут оставлены нашими войсками горы, единодушно действовать противу нас»[1]. Впрочем, многочисленные показания лазутчиков, сохранившиеся в архивных делах за 1838 г., страдают сбивчивостью и даже противоречат одно другому. Это говорит о том, что решимость договориться до конца еще не охватила всех горцев Нагорного Дагестана, как это было в сороковых годах, и что сторонники России использовали положение.

Однако кавказское командование совершенно ясно представляло себе, что экспедиция 1837 г. осталась безрезультатной. Вот почему в июле 1838 г. тот же генерал Фезе вновь появляется в Авария. Отряд двинулся к Карате, куда к этому времени прибыл Шамиль, и остановился перед укреплениями, которые были возведены горцами на подступах к аулу. Фезе опасался повторения Тилитля и простоял в бездействии до 6 августа. В этот день он был атакован горцами, но атаку отбил. Отряд взял передовые завалы. 7 августа часть, посланная для овладения сел. Энхело, отбросила защищавших его мюридов, но удержаться на занятой позиции не могла. Фезе испугался угрозы, созданной этой части Шамилем, и оттянул ее обратно. «Встретив, таким образом, при самом начале своего движения сильное сопротивление, г.л. Фези не предвидел уже возможности с небольшим отрядом проникнуть в недра Нагорного Дагестана»[2]. Он завязал переговоры, которые велись 8 и 9 августа. 10 августа Шамиль ушел в Ахульго, а Аличу Магома и старшины Карата, по сообщению Головина, «принесли присягу на верноподданство»[3]. Судя по всей обстановке, можно предположить, что эта «присяга» носила тот же характер, что и тилитлинские письма Шамиля. 11 августа отряд отступил в Хунзах. Разумеется, влияние Шамиля в горах после этого неудачного похода нисколько не ослабело. Наоборот, как можно судить из донесений, оно скорее выросло.

Волна восстаний, прокатившаяся в 1837 г. по Восточному Закавказью и продолжавшаяся в 1838 г., не дала возможности русскому командованию предпринять решительное наступление на Шамиля, который использовал отсрочку для создания и расширения укрепленного замка Ахульго около Ашильты. Однако общее положение мюридизма, несмотря на его успехи в 1835—1837 гг.,

[1] Отношение Г.В.Розена к А.И.Чернышеву от 1/II-1838 г., № 151 // ЦВИА ВУА. Д. 6342. Л. 13.

[2] Отчет Е.А.Головина по военному управлению за 1838 и 1839 годы. Датирован 2/XII-1839 г. // Там же. Д. 6378. Л. 13 об.

[3] Рапорт Е.А.Головина А.И.Чернышеву от 26/VIII-1838 г., № 1375 // ЦВИА ВУА. Д. 6342. Л. 121 об.

не могло считаться блестящим. Движение до сего времени еще не развертывалось широко, запаздывало и давало возможность царским войскам проникать довольно глубоко в горы. Внутреннее положение не гарантировало имамату поддержку всех обществ в критический момент.

Характеристика, данная генералом Головиным южно-дагестанским обществам в начале 1839 г., приложима с некоторыми оговорками и к обществам северным. В основном, она повторяет для 1839 г. то, что Фезе констатировал в 1837 г. Вот что писал Головин: «В настоящее время, как и прежде, в обществах этих существуют две партии: одна, состоящая из людей благомыслящих, желает покорностью правительству заслужить его покровительство, а другая помышляет силою оружия воспротивиться нашим требованиям и, будучи гораздо многочисленнее первой, не только уничтожает всякое влияние благонамеренных людей на народ, но заставляет даже скрывать свои миролюбивые расположения»[1]. Нельзя, конечно, забывать, что состав «противящейся партии» неоднороден, что в ней есть и крестьянская масса, и известные группы аульской верхушки, отнюдь радикализмом не отличающейся и стремящейся только использовать крестьянское движение в своих интересах. И вот в северных обществах, несмотря на всю силу крестьянской массы, зажиточная верхушка заставляла имама серьезно с собой считаться. Это немало ослабляло имамат, связывая ему руки в критические моменты. Таким критическим моментом оказался 1839 год, когда царизм попытался повторить историю гимринского погрома 1832 г.

Экспедиция Граббе против Ахульго (1839 г.)

Начало 1839 г. было наполнено обычными мелкими походами и отдельными стычками как в Чечне, так и в Дагестане. Ряд побед имама и других вождей мюридизма несколько улучшил их положение сравнительно с предыдущим годом, но имеющиеся в исторической литературе заявления о критическом для царизма положении лишены всякого основания. Даже в Чечне, где действовал популярный среди чеченцев Ташов-Хаджи, к восстанию спорадически примыкали отдельные общества или аулы, но, не поддержанные соседями, они не могли оказывать длительного сопротивления царским войскам. Эта разрозненность и спорадичность движения и помогла России подготовить решительный удар. Первой пострадала Ичкерия, наиболее важное в стратегическом отношении общество Чечни. Ташов-Хаджи здесь был разбит, а ичкеринские аулы приведены к покорности. Обезопасив себя таким образом с севера, русское командование двинуло экспедицию против укрепленной резиденции имама — замка Ахульго. Большин-

[1] Отношение Е.А.Головина к А.И.Чернышеву от 17/II-1839 г., № 295 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 373–374.

ство обществ Нагорного Дагестана оказало имаму лишь незначительную поддержку. Экспедиционный отряд, целая армия, осадил Ахульго. В конце августа 1839 г., несмотря на искусную защиту замка, Ахульго после кровопролитного штурма был взят. Имаму удалось бежать в последний момент в Чечню с немногими оставшимися в живых защитниками.

Шамиль укрылся в Беное. «Когда Шамиль проходил по селениям Байян и Видану, с ним встретились известный храбрец Шуайб ац-Цаматури и Джавад хан ад-Дарги»[1]. Оба остались при Шамиле наибами Беноя и Ведено. Если принять во внимание, что Шуаиб был долгое время помощником Ташов-Хаджи, то это сообщение мусульманского историка нужно признать имеющим немалое значение.

Царизм торжествовал полную победу. Мюридизм казался ликвидированным, и в сентябре командующий Кавказской линией генерал-адъютант Граббе «обещал сто червонцев за голову Шамиля, более того, по мнению его, она тогда не стоила»[2]. 2 декабря тот же генерал Граббе доносил главнокомандующему: «Шамиль все еще находится в Аргунском ущельи; положение его самое незавидное. Политическое и религиозное его влияние в крае совершенно уничтожено и, кажется, он безвозвратно лишился доверенности горцев... и весьма вероятно, что с открытием весны или при первом удобном случае Шамиль вовсе оставит политическое поприще»[3]. Таковы были результаты 1839 года с точки зрения русского командования. После взятия Ахульго оно склонно было считать имама мертвым, если не физически, то политически, а мюридизм окончательно разбитым. Действительность показала иное.

---

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 121.

[2] Записка, составленная из донесения генерал-адъютанта П.Х.Граббе // ЦВИА ВУА. Д. 6154. Л. 2.

[3] Донесение П.Х.Граббе Е.А.Головину от 2/XII-1839 г., № 990 // КС. Т. 32, ч. 1. С. 389.

Глава V.
РАСЦВЕТ

1. ЧЕЧЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1840 г. И ЕГО ОТКЛИКИ В ДАГЕСТАНЕ

Борьба сильных и слабых родов в Чечне

Для того, чтобы понять то, что произошло весной 1840 г., нужно прежде всего вспомнить борьбу, имевшую место в чеченском обществе еще до образования имамата. В самом деле, к сороковым годам XIX в. процесс разложения чеченской родовой общины быстро идет вперед. Тейповая собственность на землю принуждена теперь уступать место индивидуальной, отдельные гаары и семьи стремятся к разделу общинных земель, к захвату родовых участков. Можно даже прямо определить происходящий в Чечне процесс как захват имущества родовой общины. Понятно, что в этих условиях сильные роды пытаются выдвинуться на роль аристократии, усиливая закабаление и эксплуатацию родов более слабых. Некоторые из таких сильных родов стремятся использовать для обогащения как рабский труд, так и закабаление массы путем ростовщичества. Крестьянская масса, роды, более слабые, оказывают сопротивление разграблению родовых земель и усилению эксплуатации, борются за родовую собственность. Но не нужно преувеличивать размеры этой борьбы. Наряду с ней сильные семьи, захватывая земли, сохраняют родовой авторитет и, играя на прочности родовых связей, сохраняют в большинстве случаев командующее положение. Значительную роль в сохранении авторитета родовой знати играли адаты.

Позиция самодержавия

Присоединение Чечни в конце тридцатых годов выдвинуло перед кавказским командованием проблему отношения к различным группам чеченского общества. При покорении ханств царизм хорошо знал, на кого он может опереться, и «приручал» горских феодалов. Этот метод, насаждение феодалов, был уже испробован в Чечне на протяжении всего XVIII в., и широко использовать его теперь уже боялись. Впрочем, в конце 1839—1840 гг. чеченцы могли увидеть, что опасность возврата к политике XVIII в. еще существует. Об этом могли с достаточной ясностью говорить два факта.

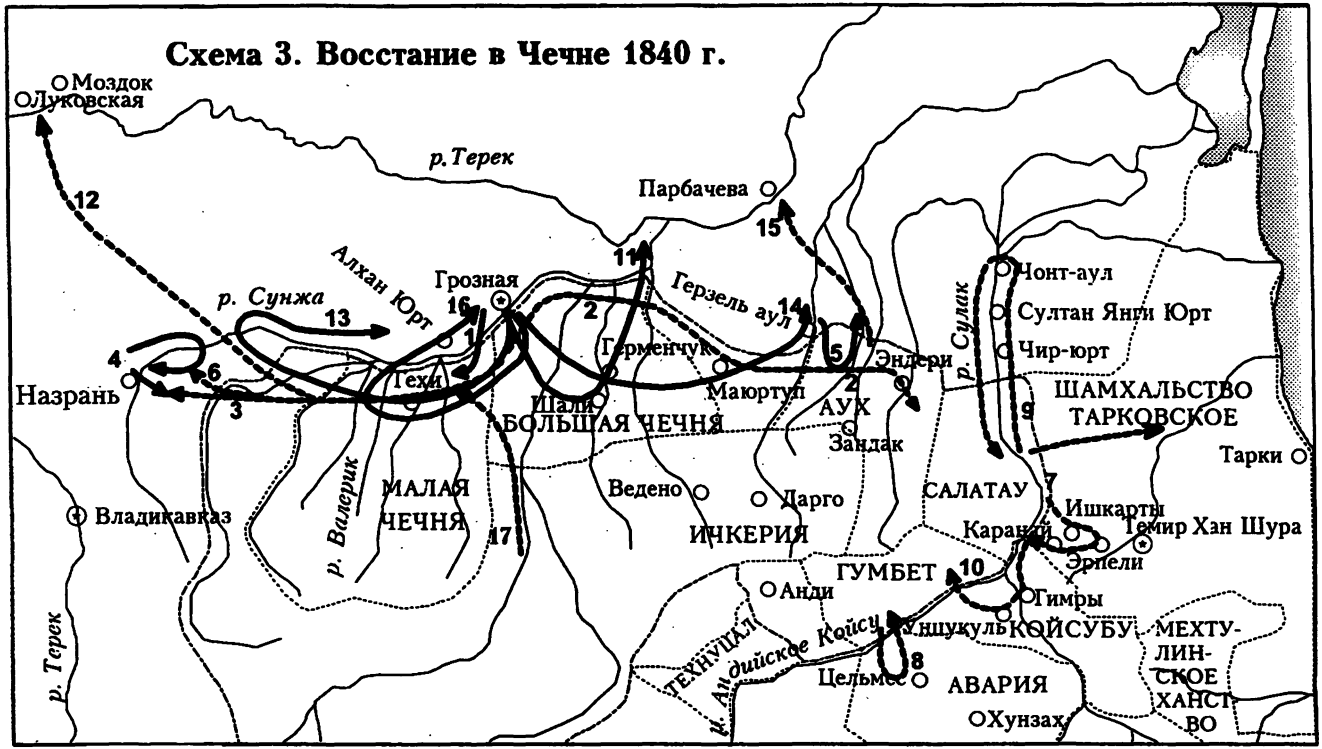
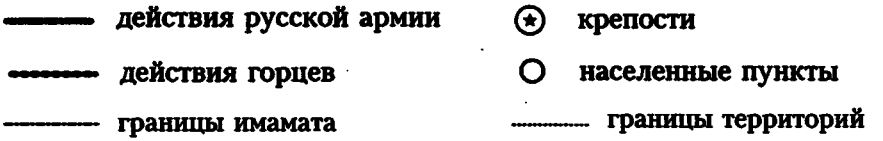

Схема 3. Восстание в Чечне 1840 г.

3. Действия противоборствующих сторон

1. Пулло 14.III.
2. Шамиль IV.
3. Ахверды-Магома 5.IV.
4. Нестеров IV-V.
5. Галафеев IV.
6. Ахверды-Магома 24.V.
7. Шамиль 7-14.VII.
8. Шамиль 2-8.VIII.
9. Шамиль VIII.
10. Шамиль 14.IX.
11. Галафеев 27.IX-18.X.
12. Ахверды-Магома 29.IX.
13. Граббе 27.X-5.XI.
14. Граббе 10-18.XI.
15. Шамиль 27.XII.
16. Галафеев 30.VI.
17. Шамиль 14.III.

Во-первых, примером могли служить соседние дагестанские «вольные» общества. Организуя управление принесшими в 1839 г. покорность койсубулинскими аулами, генерал Граббе счел нужным «...селения Тлох, Ихали и Ахкент как три наблюдательные пункта за обществами, прилежащими к Аварии, подчинить ген.майору Ахмет хану Мехтулинскому... селения Ирганай, Аракани, Кодух оставить в управлении шамхала Тарковского»[1]. Правда, Граббе оговаривался: «Ахмет хану и Шамхалу Тарковскому управлять сими аулами на тех же основаниях, как и койсубулинский пристав управляет сим обществом, дабы не подавать повода горцам к вредной мысли, что начальник их будет их владетелем». Мы знаем, насколько трудно было добиться подобного рода ограничений от дагестанских ханов. Да и царская администрация была не такова, чтобы всерьез добиваться ограничения ханской власти. Впрочем, в дальнейшем на этом вопросе нам еще придется остановиться в связи с событиями 1843 г. Вернемся к Чечне.

Вторым симптомом, показывавшим направление царской политики, была передача части чеченских земель крупнейшему кабардинскому феодалу, князю Бековичу Черкасскому. Этот последний факт не прошел бесследно. В одном письме из Тбилиси указывалось, между прочим, что «...на возмущение это [1840 г. — *Н.П.*] имело сильное также влияние и наделение князя Бековича Черкасского землями, которыми владели чеченцы»[2].

Такая политика в самой Чечне имела серьезные последствия. В самом деле, благодаря процессу роста экономических и культурных связей наиболее развитые части Дагестана (Приморский, некоторые общества Нагорного) все более и более прочно входили в единое всероссийское хозяйство. В Чечне, как и в менее дифференцированных обществах Верхнего Дагестана, натуральное хозяйство не только не было разрушено, но даже и серьезно поколеблено. Связи с общерусским хозяйством чувствовались лишь в некоторых районах ее и определяли политику только некоторых слоев. Этот район — притеречная Чечня, этот слой — сильные, эксплуататорские семьи плоскостной Чечни.

Пользуясь своими родовыми связями, эта верхушка имела очень сильное влияние на массу слабых родов и слабых семей. Политически это был влиятельнейший слой Чечни. Но, проводя политику насаждения феодалов, правительство Николая I восстанавливало против себя, вместе с другими, и эту авторитетную в Чечне группу. И, несомненно, появление в Чечне Бековича не могло не отозваться на настроениях аульской верхушки.

---

[1] Записка П.Х.Граббе, представленная А.И.Чернышеву при рапорте № 648 от 14/X-1839 г.// Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. С. 435.

[2] ЦГВИА. Ф. 1. Св. 1143. Д. 12992. Л. 30.

Однако, наряду с попытками возродить политику XVIII в., мы видим и некоторые новшества; их те же верхушечные слои аула охотно могли поддержать. В самом деле, если в большей части Чечни феодалов не было и насаждать их было трудно, то нужно было изыскать какой-то слой, заменяющий их. Директива была ясная: «По мнению его величества, во всех горских областях, которые с приближением к ним наших отрядов изъявят добровольную покорность, полезно на некоторое время сохранить прежний их образ управления и начальство над ними поручить преданным нам туземцам, членам тех же самых обществ»[1].

Так решено было привлечь к «управлению» Чечней чеченцев. Нужно только иметь в виду, что здесь речь шла не о высшем административном составе, тот все время оставался чисто русским, а о низших должностях, об исполнителях «предначертаний власти». Таким образом, «пристава — непосредственное начальство мирных горцев — были выбраны преимущественно, если не исключительно, из милиционеров»[2], то есть из горцев, согласившихся пойти на царскую военную службу.

Царская администрация

Но далеко не всякий милиционер, даже при проверенной преданности царскому правительству, удовлетворял условиям, необходимым для пристава. «Место пристава не доставляло в то время никаких выгод в служебном отношении, вызывая между тем большие расходы на лазутчиков и вооруженную стражу, тогда как не все пристава получали жалованье, и ничем не вознаграждая постоянных забот, опасностей и лишений»[3]. Кто же из чеченцев-милиционеров имел достаточные средства, чтобы нести служебные расходы? На это могли пойти, разумеется, только некоторые представители сильных семей. Они, и только они могли понести все, требуемые должностью, расходы. Но в то же время они пользовались удобным случаем, чтобы употребить свою власть для дальнейшего накопления. Другими словами, создавая в Чечне местную, по национальности чеченскую, администрацию, царизм

[1] Отношение графа А.И.Чернышева генералу Е.А.Головину от 15/I-1839 г., № 296 // АКАК. 1884. Т. 9, ч. 1. С. 237. За месяц до этого, 15/XII-1838 г., Головин доносил Чернышеву: «...на половине пути из Кахетии в Хунзах один из старшин Ункрахского общества, по имени Амамишвили... изъявил уже свою покорность и будет у меня летом в Тифлисе. Старшина этот происходит от древней павшей ханской фамилии; восстановление прав его как начальника того края, поставленного правительством, привяжет к нам всю его фамилию, и содействием этого человека можно приобрести власть над его племенем, может быть, без пролития крови» (Рапорт Е.А.Головина А.И.Чернышеву № 2161 // АКАК. 1884. Т. 9, ч. 1. С. 230).

[2] *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. 1886. Т. 10. С. 271.

[3] Там же.

надеялся создать в то же время и столь необходимую ему чеченскую «аристократию». И в самом деле, ограбление новых подданных царизма шло в это время колоссальными темпами. У этих подданных «...под предлогом взимания податей и штрафов отбиралось лучшее оружие и другие, совершенно безвредные, но ценные вещи повседневного обихода; случалось, что ни в чем не повинных людей арестовывали по наущению простых и даже неблагонамеренных переводчиков; с арестантами и даже аманатами обращались бесчеловечно, держа их в сырой яме, где они нередко заболевали, во время же экспедиций допускались принудительные сборы»[1].

Однако было бы большой ошибкой обвинять во всех безобразиях, которые творились в Чечне, местную низшую администрацию. Чеченцы-пристава грабили «вверенное им население» с большим усердием, но грабеж этот был лишь небольшой долей того общего грабежа, который проводился царизмом в завоеванных областях. Те из сильных чеченских семей, которые сумели присоединиться к пиру завоевателей, получали лишь жалкие крохи с их стола. Русская администрация, посаженная царизмом, резко отличалась от чеченской широтой своего размаха. «Беспорядок, вымогательство, расхищение казначейства сделались почти обыденными явлениями»[2]. Злоупотребление властью, взяточничество, незаконные присвоения чужого имущества, вплоть до грабежей на большой дороге (этим занимался еще при Ермолове чеченский пристав Чернов), — все это было связано и с действиями высшей администрации. И верхушка нисколько не уступала в этом отношении низам. Автор «Военных заметок о кавказских горцах», написанных около 1840 или 1841 гг., человек, которого никоим образом нельзя обвинить в сочувствии горцам, отметил хищническое хозяйничанье царских администраторов. «Кавказская служба, — писал он, — как дойная корова: кто пришел, подоил и ушел, и клока сена ей не бросил, и оттого бедная корова чахнет»[3]. А об одном из высших администраторов он отозвался прямо: «Приведенная в покорность, но раздраженная, как говорят, несправедливостью и притеснениями командовавшего Сунженской линией ген. Пулло, Чечня... восстала снова»[4]. И действительно, о корыстной неразборчивости Пулло говорили настолько громко, что даже царские официальные историки не раз упоминают об этом. Вот что писал один из них: «Во главе нашего управления горцами левого фланга стоял глубоко ненавидимый последними генерал-майор Пулло, человек крайне жестокий, неразборчивый в средст-

[1] Там же.

[2] *Texier E.* Schamyl. Paris, 1854. P. 30.

[3] *Чайковский П.П.* Военные заметки о кавказских горцах (рукопись, представленная военному министру генералу А.И.Чернышеву при письме от 6/III-1841 г.) // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 422. Л. 11.

[4] Там же.

вах и часто несправедливый, как его характеризуют и Галафеев, и Граббе»[1]. А посторонний свидетель, упоминавшийся уже выше французский консул в Тифлисе де Кастильон, прямо называет в качестве одного из поводов к Чеченскому восстанию 1840 г. вымогательство генерала Пулло[2]. Впрочем, о характере военных операций этого представителя царской администрации в Чечне немало говорят данные о его трофеях, захваченных в экспедициях. Так, в «...именном списке пленным, захваченным отрядом войск под командой командующего Сунженской линией полковника Пулло при наказании непокорной Искерейской[3] деревни Зандак Августа 23 дня 1836 года»[4] значится 30 имен. Из них 10 принадлежат «мужчинам» в возрасте от 1 до 8 лет, 8 — «женщинам» в таком же возрасте. Остальные женщины от 14 до 60 лет. Пленных обоего пола в возрасте 1 года захвачено 3 человека.

Относительно лихоимства Пулло мы знаем, что он перешел в этом отношении все пределы возможного даже в николаевской России, даже на окраине этой России. Но до весны 1840 г. он твердо держался на своем месте начальника левого фланга, и только события 1840 г. привели к удалению его с должности «под благовидным предлогом». Наконец, верховная на Кавказе власть, главнокомандующий или командующий Отдельным Кавказским корпусом, а позже наместник, являлся первым и в ограблении горцев. Дело майора Корганова (во времена первого восстания Гази-Мухаммеда) немного приоткрыло завесу, под которой тщательно скрывали гомерические размеры наместнической наживы и ее методы[5]. И здесь весь обычный арсенал способов обогащения, пускаемый в ход администрацией, в соединении с расхищением родовых земель и обогащением чеченской администрации, привели в результате к широкому крестьянскому восстанию.

---

[1] *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. Т. 10. С. 272.

[2] Копия с письма французского консула в Тифлисе министру иностранных дел Франции от 8/V-1844 г. // ЦВИА. Фонд Департамента Генерального штаба, 1844 г. Д. 113. Лит. Б. Л. 25.

[3] Ичкеринской.

[4] Приложение к рапорту А.П.Пулло от 27/V1-1836 г., № 120 // ЦВИА ВУА. Д. 6306. Л. 79.

[5] Большинство фактов обогащения высшей администрации на Кавказе в тридцатых—сороковых годах остается, разумеется, неизвестным. Но кое-что просочилось даже в литературу. Приведем один пример. В середине 1840 г. начальником гражданского управления на Кавказе был генерал-лейтенант Ладинский. Он умел «...угождать высшему начальству и туземным аристократам, из коих, в особенности, с мусульманскими... находился в большой дружбе. Он сильно защищал их интересы в невыгоду крестьян, когда совершалось дело о правах высшего мусульманского сословия». Зато Ладинский «...оставил, говорят, кроме хорошего недвижимого имущества в Крыму, более ста тысяч рублей капитала, и притом всегда жил весьма недурно и даже широко» (*Фадеев А.М.* Воспоминания 1790—1867 гг. Одесса, 1897. Ч. 2. С. 4).

Слух об обезоружении

Весной 1840 г. по Чечне разнесся слух о том, что царские власти хотят обезоружить чеченцев и обратить их в крестьян, то есть закрепостить. Слух этот был недалек от истины. Обезоружение, столь непереносимое для сознания чеченца, действительно практиковалось царским командованием[1]. Что же касается закрепощения, то здесь дело, разумеется, сложнее.

Впрочем, кое-какие соображения на этот счет можно найти даже в официальной переписке. Во всяком случае, немного позднее, в 1843 г., в одной из докладных записок встречается такая фраза: «Вашему и.в. благоугодно было разрешить обратное поселение чеченцев на правом берегу Сунжи, близ укреплений наших и не иначе, как большими аулами для приспособления их к обороне несколько самостоятельной и удобнейшего удержания жителей в повиновении, имея притом в виду в последствии времени обратить их в казачье сословие»[2]. Этот последний проект в действительности мог обозначать первый шаг если не в деле закрепощения чеченцев, то в значительном усилении их феодальной зависимости — от офицерства терского казачества.

Но и помимо этого процесс феодализации уже шел к моменту появления слуха: чеченскую крестьянскую массу подчиняли своему произволу и русские представители царской администрации, и чеченские. Только первые практиковали это в гораздо более широких размерах, чем вторые, и ненависть крестьянства оказалась в первую очередь обращена именно на них. Что касается чеченских эксплуататоров, то и их оттолкнуло от царизма, во-первых, появление Бековича Черкасского, за которым могли последовать и другие феодалы, во-вторых, угроза ограбления и зависимости, нависавшая над ними и отзывавшаяся на всех чеченцах, а не только на крестьянской массе; и, наконец, в-третьих, единодушие этой массы: с ней родовая верхушка не могла не считаться.

Слух появился, практика его подтверждала, и так велико было недовольство крестьянства действиями победителей, что новая власть недолго удержалась в Чечне. Один из официальных обзоров подвел такой итог обстановке в Чечне: «Искусно действуя на чеченцев посредством мулл и пользуясь злоупотреблениями, поборами и негодованием, происшедшим от отобрания оружия, Шамиль мало-помалу возмутил всю Чечню, приобрел власть и

---

[1] «Во время двукратных движений г.м. Пулло в Чечню в январе и феврале сего [1840. — *Н.П.*] года взыскано более 10 тыс. р. сер. штрафа с чеченцев и до полутора тысяч ружей» (ЦВИА ВУА. Д. 6164. Л. 4).

[2] Всеподданнейшая докладная записка от 12/XI-1843 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6482. Л. 41.

старался утвердить ее уже не столько на влиянии духовном, как на силе военной и некоторой политической организации»[1].

Другой офицер Генерального штаба высказался еще определеннее: «Зима 1839 года прошла хуже нежели в бездействии, потому что генерал Пулло обезоруживал в это время Чечню. Чеченцы, доведенные до крайности, отправили к Шамилю депутацию»[2].

Весна 1840 г.

8 марта 1840 года «бесприютный бродяга» Шамиль внезапно появился на плоскости Малой Чечни со значительным отрядом. Чеченские аулы один за другим присоединялись к нему, несмотря на то, что Пулло тут же выступил против так неожиданно воскресшего имама и «нанес ему поражение», другими словами, выдержал стычку с частью шамилевского арьергарда 14 марта у Алхан Юрта. Эта «победа» Пулло не помешала, однако, имаму в достижении его цели. Шамиль проник в Большую Чечню, а 27 марта появился под самой Грозной и сжег сунженскую деревню в 5 верстах от крепости. Отсюда он направился опять в Большую Чечню, в то время как его наиб Ахверды-Магома действовал в Малой. Лишь 5 апреля русским войскам удалось остановить распространение власти Шамиля на Ингушетию, но и Большая, и Малая Чечня были потеряны. Уже в конце марта среди войск имама мы находим представителей некоторых обществ Нагорного Дагестана наряду с представителями большинства чеченских аулов. Одновременно с этим распространились вести о взятии адыгами ряда укреплений на черноморском побережье. Падение черноморских укреплений говорило о слабости царизма и усилило разгорающееся чеченское восстание[3]. К началу апреля 1840 г. в состав имамата входила уже вся Большая и Малая Чечня и Ичкерия. Борьба теперь шла за небольшие остатки «покорных» гор-

[1] «О настоящем положении дел в той части кавказских земель, которая подвержена непосредственному влиянию Шамиля» — в обзоре «Край в политическом и военном отношениях». Препровождено при отношении Чернышева Нейдгарту от 2/IV-1842 г., № 232 // ЦВИА ВУА. Д. 6464. Л. 43 об.

[2] *Вранкен А.* Замечания об успехах мюридизма в Дагестане / Составил генерального штаба капитан Вранкен // ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 48 об.

[3] В первое время кавказское командование не представляло размеров восстания и пыталось объяснять все этими слухами. 23 марта Граббе писал Чернышеву, что вести о восстании на черноморской береговой линии «...взволновали весь край. Этим воспользовался Шамиль, доселе забытый, и другие возмутители в Аргунском ущельи.., а в Ичкеринском обществе: Ташов-Хаджи, Шуаиб Мулла и Джевад Хан» (Рапорт П.Х.Граббе А.И.Чернышеву от 23/111-1840 г., № 483 // АКАК. 1848. Т. 9. С. 424).

цев-ауховцев и качкалыковцев — и кавказской армии нужны были немалые усилия, чтобы отстоять укрепления на Сунже и даже Терскую линию. В середине апреля имам занял ряд Ауховских аулов. Экспедиция Галафеева, предпринятая в этот район во второй половине апреля, окончилась безрезультатно.

Резиденцией своей имам избрал селение Дарго, находившееся на большой чечено-дагестанской торговой дороге. Сюда стекались эмигранты из Дагестана, мухаджиры, как их называли, «число их постепенно возрастало и скоро Дарги стали многолюдным селением»[1]. Образовался, таким образом, политический центр возродившегося имамата. Отсюда Шамиль пытается оказать экономическое давление на Нагорный Дагестан, питавшийся, как известно, чеченским хлебом. «И приказал им отбирать все, что найдут они у тех, кто приходит из Мааруха... Они начали отбирать лошадей у тех, кто приходил для поисков продовольствия в Чечню из общества Андалаля, Богулаля и Карапалаля»[2]. Шамиль пробовал бить царизм его же собственным оружием.

В середине апреля восстали и ауховцы, и качкалыковцы, переселившиеся из непосредственных пределов досягаемости русских войск в горы. Чечня почти вся стала свободной. Начались волнения даже среди ингушей, обычно остававшихся спокойными. После сражения 24 мая при Ахчи-Юрте, в результате которого русские войска отступили к Назрану, Ахверды-Магома «...увлек остальных жителей Малой Чечни и значительную часть назрановцев и ингушей»[3]. Сила движения народных масс Чечни была такова, что представители чеченской аульской верхушки считали гибель русского владычества в Чечне неизбежной и перебегали на сторону восставших. «Жители, даже их знать, охотно и радостно повиновались Шамилю, — пишет Мухаммед-Тахир. — Было так, что каждый из них приносил свои "чины", которыми его награждали русские начальники, и ломал и рвал их на глазах у Шамиля в доказательство послушания и повиновения»[4].

Летние экспедиции в Чечне

Начались опять экспедиции в Чечню, экспедиции, которые жгли аулы, вытаптывали посевы, вырезали всех попадавшихся чеченцев, не считаясь ни с полом, ни с возрастом. В конце июня — начале июля вытоптаны были посевы и сожжены аулы, располо-

[1] *Гаджи Али.* Сказание очевидца о Шамиле.// ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 19.

[2] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи: О дагестанских войнах в период Шамиля / Пер.А.М.Барабанова. М.; Л. 1941. С. 121.

[3] Записка, составленная из донесений генерал-адъютанта П.Х.Граббе // ЦВИА ВУА. Д. 6164. Л. 12.

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи... С. 125.

женные у Сунжи. С 6 по 14 июля генерал Галафеев прошел по Малой Чечне с огнем и мечом, сжег ряд больших аулов, уничтожил все, попадавшееся ему на пути. 11 июля, подходя к речке Валерик, экспедиция попала в засаду и пробилась только после упорного и кровопролитного боя. В нем участвовал и великий русский поэт М.Ю.Лермонтов, бывший в это время поручиком Тенгинского полка[1]. В этом бою русские войска потеряли 29 офицеров и 316 солдат, тогда как все потери за 9 дней похода выразились цифрой 34 офицера и 376 солдат[2].

Но карательные экспедиции были бессильны потушить восстание. К мюридам перешли крупнейшие аулы соседней с Чечней Салатавии, и теперь уже оказалась открытой для вторжения имама Кумыкская плоскость.

Восстание в Нагорном Дагестане

В Северном Дагестане царизм также терпел поражение за поражением. Уже в состав имамата вошли Анди и Технуцал, начались волнения в шамхальстве. «Дерзость, — пишет один из царских военных историков, — доходила до того, что партии чеченцев с черкеевцами прорывались за Сулак и проникали даже до с. Тарки; угон скота и грабежи производились под дулами орудий Шуры, и сообщение этого центра Северного Дагестана с линией возможно было только под сильным конвоем с орудия-

[1] Его стихотворение «Валерик» — превосходная картина кавказского сражения. Любопытен один, не вошедший в окончательную редакцию, вариант стихов 124—128:

«И шли мы в тишине глубокой.
Нам был обещан бой жестокой, —
Чечня восстала вся кругом.
У нас двух тысяч под ружьем
Не набралось бы...»

(*Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч. Спб., 1910. Т. 2. С. 467—468.)

Очевидно, из цензурных соображений поэт заменил эти стихи другой редакцией. О Чеченском восстании в 1840 г. говорить еще нельзя было. Лермонтов не увлекался, подобно многим кавказским офицерам, официальными криками о победе у Валерика, и намек на это сохранился даже в окончательной редакции стихотворения:

«"Да будет — кто-то тут сказал —
Им в память этот день кровавый".
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...»

В условиях Кавказской войны Валерик был не победой, а поражением царской армии.

[2] Лермонтов писал А.А.Лопухину (12/IX-1840 г.): «Нас было всего 2000 пехоты, а их было до шести тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых... вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью» (*Лермонтов М.Ю.* Указ. соч. Спб., 1911. Т. 9. С. 339.)

ми»[1]. Однако попытки Шамиля захватить шамхальство не удались. 7 июля Шамиль двинулся на шамхальские улусы и у Ишкарты встретил Клюки фон Клугенау. 10 июля произошел упорный, нерешенный бой, во время которого ишкартинцы и каранайцы перешли на сторону имама. 11-го Шамиль двинулся в обход позиции Клугенау на Эрпели. Клугенау пришлось отойти, Эрпели и Каранай были заняты имамом. Но дальше он не двинулся, восстание в шамхальстве не достигло еще апогея, и царизму удалось отбиться.

Трения с Ташов-Хаджи

Впрочем, не исключена возможность и каких-то серьезных разногласий среди командного состава мюридов. Один из русских документов этого времени содержит такую многозначительную фразу: «Подлинная причина такого неожиданно благоприятного для нас оборота в то самое время, когда положение Северного Дагестана подвергалось очевидной опасности, до сих пор еще не объяснилась. Генерал-лейтенант Фезе приписывает это ссоре Шамиля с одним из ближайших своих помощников Ташов-Хаджи»[2]. Трения между этими двумя вождями мюридизма для нас не новость, и нет ничего удивительного в их возобновлении. В результате этого Ташов-Хаджи совершено устраняется от дел и имя его с этого времени исчезает из документов. Что произошло опять между Шамилем и чеченским вождем — нам не удалось выяснить, так же как и дальнейшую судьбу Ташов-Хаджи. Однако следует отметить, что в одном из обзоров[3], относящемся к началу сороковых годов, есть указания на переход в интересующее нас время ближайшего помощника Ташов-Хаджи, Шуаиб Муллы, на сторону Шамиля. Это — косвенное подтверждение ссоры. Несмотря на задержку шамхальского восстания, наступление продолжается.

---

[1] *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. С. 330.

[2] Рапорт Е.А.Головина А.И.Чернышеву от 6/VIII-1840 г., № 871 // АКАК. 1884. Т. 9. С. 340. Генерал Граббе пытался связать уход Шамиля из шамхальства с победой, одержанной под Ишкартами Клугенау. Однако «Записка, составленная из донесений генерал-адъютанта Граббе...» (ЦВИА ВУА. Д. 6164. Л. 17), неоднократно подчеркивающая ошибки и неверные донесения Граббе, останавливается и на этом случае: «Скопища Шамиля, уже успевшие склонить на свою сторону несколько шамхальских деревень, без всякой **побудительной причины** [выделено мною. — *Н.П.*] удалились из Шамхальских владений».

[3] О политическом состоянии Чечни со времени нового управления, введенного Шамилем, при рапорте А.И.Нейдгарта А.И.Чернышеву от 4/XI-1843 г., № 1423 // ЦВИА ВУА. Д. 6468. Вопрос о взаимоотношениях Шамиля с Ташов-Хаджи — одна из очень интересных, но темных проблем истории мюридизма. В последнее время ей посвящено было специальное исследование А.Б.Закс.

Борьба летом и осенью 1840 г.

В августе восстали общества по андийскому Койсу. Вовлечение в движение Чечни ослабило зависимость обществ Верхнего и Нагорного Дагестана от поступления хлеба из Кахетии или с плоскости. Теперь, собирая силы для наступления на Аварию, имам призвал к себе «всех нуждающихся в хлебе», и это упрочивало его положение. 2—8 августа 1840 г. он сделал попытку продвинуться в Аварию к Хунзаху, но затем отошел без боя. В конце этого же месяца Шамиль произвел блестящую диверсию на Кумыкскую плоскость. Им заняты были Султан Янги Юрт, Чир Юрт и Чонт Аул. Отвлекши сюда царские войска, имам 30 августа отошел в горы, а уже 8—9 сентября появился в Койсубу и занял Гимры и Унцукуль. Положение опять становилось очень напряженным. Русское командование собрало все свои наличные силы, и 14 сентября под Гимрами восставшие были разбиты. Наступление имама временно было приостановлено. Тем не менее военные действия еще продолжались. Наиб Шамиля Ахверды-Магома воспользовался движением, которое Галафеев предпринял с 27 сентября в Большую Чечню. Наиб переправился через Сунжу 29 сентября и обрушился на Моздок и станицу Луковскую, пытаясь поднять Кабарду. Очень показателен тот факт, что Ахверды-Магома, хотя и отбитый, вернулся за Сунжу без преследования. Набег же Галафеева, продолжавшийся до 18 октября, привел лишь к разорению ряда аулов (Шали, Герменчук и др.), но более осязательных результатов не дал.

В ноябре 1840 г. экспедиция в Чечню повторилась. 27 октября Граббе выступил в Малую Чечню, разорил Гехи, 4 ноября опустошил аулы, расположенные по Сунже, и 5 ноября вернулся в Грозную. 10 ноября экспедиция возобновилась. Уничтожены были Герменчук, Майюртуп, Баташ Юрт (резиденция Шуаиб Муллы). 18 ноября Граббе вернулся в Герзель Аул. Он надеялся на оглушительное впечатление от этой экспедиции. Но получилось иначе — Чечня не думала сдаваться и дралась ожесточенно. О том, до чего дошло ожесточение чеченцев в этих постоянных стычках, говорит автор «Военных заметок о кавказских горцах». Он отмечает, что чеченцы в это время действовали главным образом шашками и кинжалами, т.е. стремились сойтись в рукопашную, тогда как прежде они больше сражались огнестрельным оружием. Для иллюстрации этого положения автор приводит один действительно характерный штрих: «В одном деле в двух ротах батальона майора Траскина (по его словам) из ариергарда, противопоставленных напору чеченцев, в самое короткое время без выстрела ими зарезано 130 человек и большинство офицеров»[1]. Ожесточение, невиданное еще даже в Кавказской войне. Тот же

[1] *Чайковский П.П.* Военные заметки о кавказских горцах // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 422. Л. 32 об.—33.

автор считает, что в 1840 г. из 8 человек солдат 1 выбывал невозвратно[1]. Нужно ли после этого удивляться тому, что военные силы России на Кавказе были в этом году чрезвычайно напряжены и что «17 батальонов с весны и до поздней осени были в действии на разных пунктах»[2].

Под влиянием широко разливающегося восстания, грозившего в ближайшее же время охватить весь Дагестан, аварцы начинают колебаться. «Ген. Галафеев говорит в своем журнале[3], что спокойствие в Аварии весьма ненадежно, что первое появление полчищ Шамиля непременно произведет всеобщее восстание»[4]. Часть аварских беков начинает искать уже пути к возобновлению союза с мюридизмом. Но на этот раз нет уже и речи о сохранении в Аварии ханской власти. Если в 1836 г., во времена кризиса мюридизма, мог ставиться вопрос о мюридистском хане, то теперь, когда восстание в несколько месяцев захлестнуло и всю Чечню, и часть Нагорного Дагестана, дело принимало уже иной оборот. Перед беками стоит теперь проблема — спасти то, что может быть спасено в случае победы мюридизма. А это можно сделать, лишь присоединившись к движению, при том, конечно, условии, если это движение не будет острием своим направлено против них самих.

Переход Хаджи-Мурата к Шамилю

Некоторые признаки того, что такой поворот возможен, намечаются еще в сентябре, во время неудачного наступления Шамиля в Аварию, но грозящая владычеству царизма опасность полностью вскрылась только в ноябре.

1 ноября Хаджи-Мурат, бывший приближенный аварских ханов, один из главных участников убийства Гамзат-бека, занимавший некоторое время должность управляющего Аварским ханством и пользовавшийся «особым уважением не только в Аварии, но и во всем Нагорном Дагестане»[5], был арестован в Хунзахе Ахмед-ханом Аварским и отправлен под конвоем в Темир-Хан-Шуру в распоряжение командующего войсками в Северном Дагестане, генерала Клюки фон Клугенау. Официально мотивом ареста было объявлено подозрительное поведение арестованного и замышляемый им переход к Шамилю, а на деле, как говорят немного более поздние данные официального же расследования, причи-

[1] Там же. Л. 33 об.

[2] Там же. Л. 31 об.

[3] Относящемся к лету 1840 г.

[4] Записка, составленная из донесений генерал-адъютанта П.Х.Граббе // ЦВИА ВУА. Д. 6164. Л. 20.

[5] «Записка о настоящем положении дел по всему пространству, где имеют действовать отряды Дагестанский, Чеченский и Назрановский», подписанная Головиным и Ходзько // ЦВИА ВУА. Д. 6430. Л. 5.

ной послужило стремление Ахмед-хана погубить опасного соперника[1]. Факт этот свидетельствует о настроениях тех аварских бекских кругов, с которыми Хаджи-Мурат был тесно связан и во времена Паху-бике, и позднее во время своего управления ханством. По дороге в Темир-Хан-Шуру конвою вместе с арестантом пришлось проходить по заваленной снегом узкой горной тропе. Хаджи-Мурат воспользовался этим. Он оттолкнул державших его солдат и бросился в пропасть. Метель помешала преследованию. Хаджи-Мурат хоть и разбился при падении, но все же с трудом дотащился до жилья, а затем укрылся в ауле Цельмес.

Командующий войсками быстро понял значение этого бегства и всеми силами постарался воспрепятствовать переходу Хаджи-Мурата на сторону мюридов. Переписка генерала Клугенау с бежавшим от него арестантом очень любопытна и много дает для понимания тех методов, которые пускались в ход с целью привлечения феодалов на сторону царизма. Но все обещания царского генерала оказались бесплодны. Хаджи-Мурат завязал переговоры с Шамилем и вскоре стал его наибом. Случай с Хаджи-Муратом показал царскому правительству, что беки в Аварии не являются несокрушимым препятствием для распространения мюридизма, что они внимательно следят за ходом событий и имеют тенденцию перебегать к более сильному. А в случае перехода беков к имаму царские войска удержаться в Аварии не могли. До царского командования доходили уже слухи о том, что аварский Ахмед-хан ведет переговоры с Шамилем. Может быть, эти слухи и лишены были основания, но самая возможность их появления говорит о многом. И Клугенау обращает внимание своего начальства на связи беглеца с влиятельными аварцами, на пользу, которую может извлечь из этого случая имам, на обнаружившуюся теперь неустойчивость положения в Аварии.

Вслед за бегством Хаджи-Мурата вновь присоединился к Шамилю Кибит-Магома, который в последние годы считался «покорным» царизму. Вместе с ним мюридизм получил и большую часть обществ, лежащих по верховьям Аварского Койсу.

Аварское ханство до ноября 1840 г. разделяло Кибит-Магому и Шамиля; с бегством Хаджи-Мурата эта преграда пала. По крайней мере, так рассматривали этот факт и горцы, и царское командование. Военное положение имамата резко улучшилось.

---

[1] Исхак ал-Урми в «Книге сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада» говорит, что «люди Хунзаха оклеветали его намерения перед Ахмед-Ханом»: ثم سعى رجال خنز بالفتنة عنه عند الامير احمد خان
Этот намек на какие-то разногласия аварского бека с хунзахцами очень любопытен, но, к сожалению, выяснить вопрос подробнее нам не удалось.

Итоги 1840 г.

Подведем некоторые итоги этому выдающемуся в истории имамата году. С момента чеченского восстания мюридизм опирается на крестьянскую массу. С ростом успехов движения к мюридам перебегает и часть зажиточной аульской верхушки (в Чечне — сильных родов). Выступление Чечни создает возможность нового восстания и в Дагестане. Здесь также первыми выступают опять-таки узденьские «вольные» общества, безоговорочно присоединяющиеся к мюридизму, едва он успевает укрепиться в Чечне. С первых же моментов восстания имам вводит во всех подчиняющихся ему областях ту административную систему, которая вырабатывалась в 1836—1839 гг. в Нагорном Дагестане. Одновременно с этим он делает и первые шаги по созданию единой прочной армии. Сведения о муртазеках появятся в официальной переписке несколько позднее, около 1842—1843 гг., но кое-какие данные об учреждении «постоянных кордонов» в Чечне можно найти уже в конце 1840 — начале 1841 г. Это мероприятие вызвало и введение особого налога на содержание этих «кордонов», позднее — муртазеков. Об экономической политике имамата мы еще почти ничего не знаем, она развернется перед нами лишь в последующие годы — 1841—1845.

При явном преобладании в движении узденьской массы особым является случай с Хаджи-Муратом. Правда, последний назначен был наибом, а не ханом, и это говорит о том многом, что было пережито мюридизмом со времен 1836 г., но все же от использования беков имам не отказывается и теперь. Инициатором союза с беками могла быть только верхушка узденей, так как узденьская масса давно ведет с беками борьбу. Верхушка аула недовольна исключительным положением беков, но это вовсе не значит, что зажиточный уздень не может договориться с беком для совместной уже теперь эксплуатации крестьянства. Давление узденьской верхушки и испытывает на себе имам.

Крестьянская же масса при стихийности выступления не отдавала себе ясного отчета в последствиях, к которым мог привести переход на сторону мюридизма некоторых горских феодалов: о возможной их измене в трудные моменты тогда не думали. Немалую роль здесь сыграла и религиозная мусульманская идеология движения, объединявшая разные социальные слои горского общества.

Разумеется, аульская верхушка не была и не могла быть хозяйкой в имамате, ей приходилось действовать, считаясь с массой. Так, социальным реформам Шамиля она не могла помешать. Но в известных случаях ее давление сказывалось и чем ближе к падению имамата — тем сильнее.

2. БОРЬБА ЗА РАСШИРЕНИЕ (1841—1842 гг.)

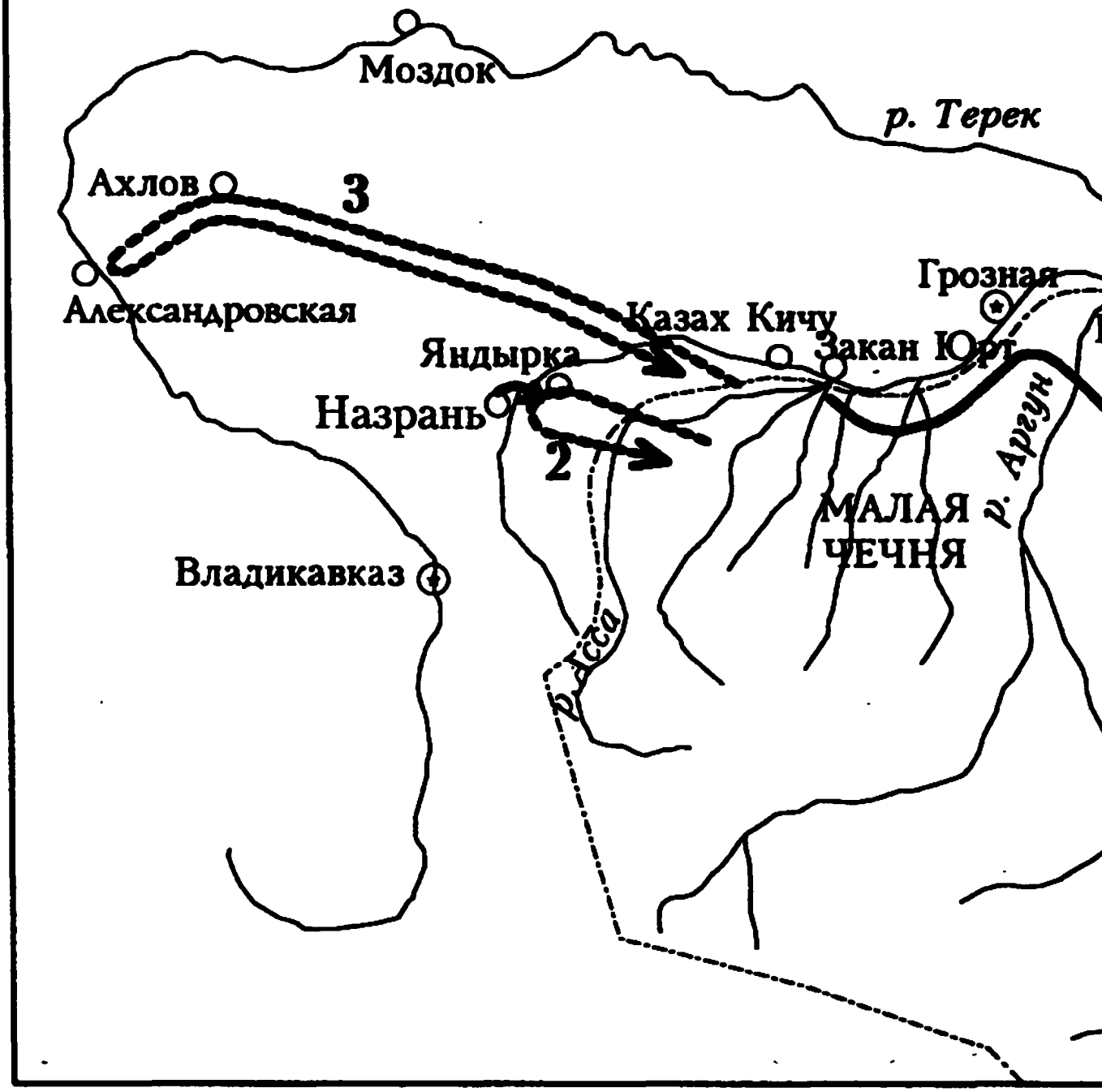
Военные действия первой половины 1841 г.

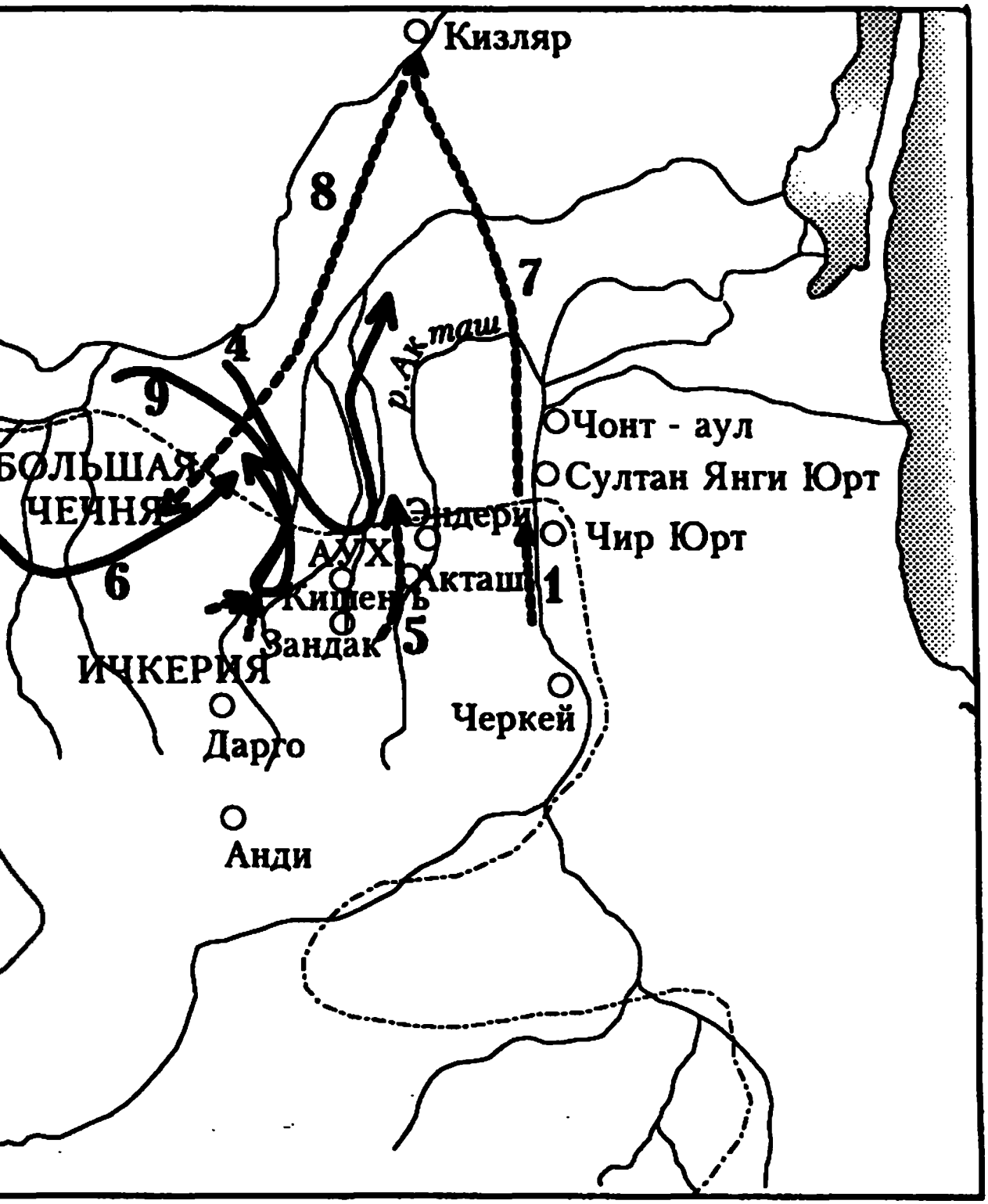
С началом 1841 г. Шамиль начал объединять все еще колебавшиеся общества Верхнего Дагестана. Его действия с первых же шагов увенчались успехом. В феврале 1841 г. одно за другим общества, расположенные в верховьях Андийского, а затем и Аварского Койсу, принимают мюридизм и присоединяются к восстанию. Это понятно: власть царизма в этих обществах при господстве там натурального, почти первобытного хозяйства никогда не была сильна, связи с Россией тут были меньшими, чем где-либо на Кавказе, и воздействие на «некоторых горцев» Верхнего Дагестана достигалось запрещением ввозить хлеб из Кахетии, откуда большинство обществ района получало его. С восстанием в богатой хлебом Чечне положение переменилось. Зависимость Нагорного и, особенно, Верхнего Дагестана от плоскости ослаблялась и даже ликвидировалась совершенно, и нагорные общества одно за другим принимали шариат. Инспектировавший артиллерию в Дагестане генерал Бакунин соблазнился лаврами и попытался остановить успехи Шамиля в Верхнем Дагестане, атаковав сел. Цельмес. Там находился в это время Хаджи-Мурат с небольшим отрядом. Однако штурм Цельмеса оказался предприятием чрезвычайно трудным. Едва добившись успеха, отряд тут же должен был отойти: аварская милиция Ахмед-хана не поддержала генерала, а спешившие отовсюду мюриды грозили совсем истребить отряд[1]. Пришлось отступить, потеряв около трети всех участвовавших в столкновении сил. Вместо того, чтобы остановить успехи Шамиля, цельмесское предприятие лишь ускорило объединение Верхнего Дагестана имамом. Особенно примечательно в этом эпизоде нежелание драться с мюридами, проявленное аварской милицией.

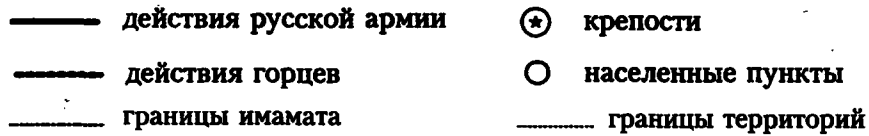
Однако центр тяжести военных действий весной и летом 1841 г. был не в Нагорном Дагестане. Имам и русская армия оспаривали друг у друга присулакскую плоскость, соединявшую Дагестан с левым флангом Кавказской линии, и назрановские аулы, откуда Шамиль мог легко проникнуть в Кабарду и отрезать линию от Грузии. 8 марта имам занял Чир Юрт и удержался здесь, несмотря на все старания Граббе, а 6 апреля борьба перенеслась уже в окрестности Назрани, к аулу Яндырка. После упорного двухдневного сражения Назрань устояла, и Шамиль отошел в Малую Чечню. Терпевшее неудачи в Чечне кавказское командование все же ограничило распространение имамата на запад. Правда, 28 апреля Ахверды-Магома произвел налет на Александ-

[1] Отношение Е.А.Головина А.И.Чернышеву от 20/II-1841 г., № 299 // АКАК. 1884. Т. 9. С. 344.

Схема 4. Борьба за расширение Чечня 1841 - 1842 гг.

Кизляр
8
7
4
9
р.Ак-таш
Чонт - аул
Султан Янги Юрт
БОЛЬШАЯ
ЧЕЧНЯ
Эндери
Чир Юрт
АУХ
Акташ
1
6
Кишень
5
Зандак
ИЧКЕРИЯ
Черкей
Дарго
Анди

4. Действия противоборствующих сторон

1. Шамиль 8.III.1841.
2. Шамиль 6.IV.1841.
3. Ахверды-Магома 28.IV.1841.
4. Граббе VI-IX.1841.
5. Шамиль 1841.
6. Граббе 15-30.X.1841.
7. Шуаиб-мулла 11.XI.1841.
8. Кибит-Магома XI.1841
9. Граббе V-VI.1842.

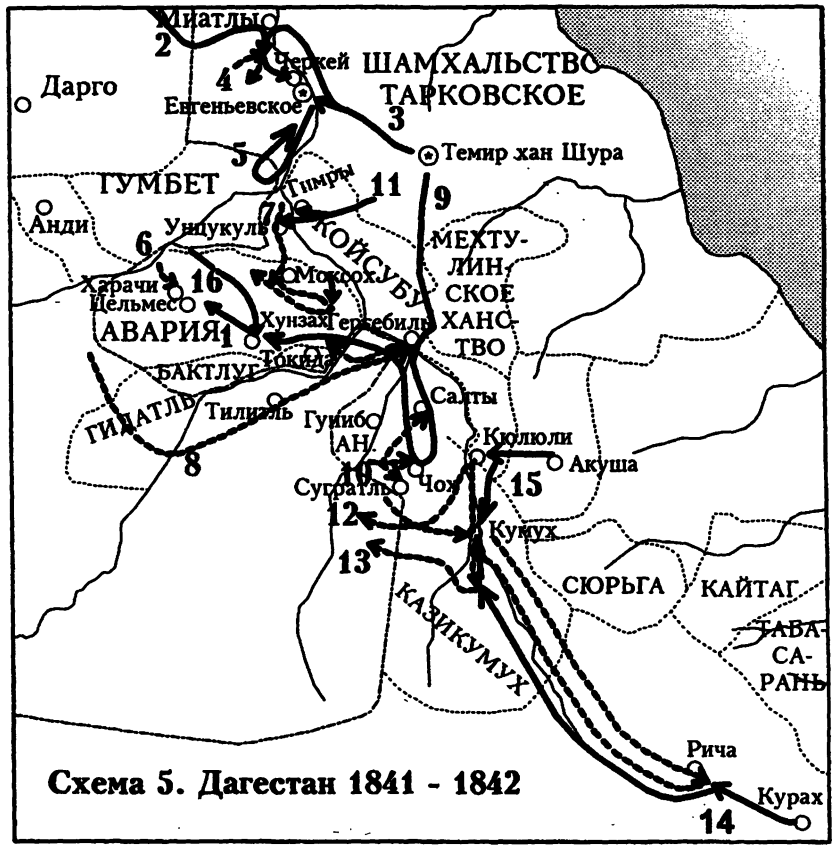

Схема 5. Дагестан 1841 - 1842

АН. - АНДАЛЯЛЬ

——— действия русской армии

– – – – – действия горцев

———— границы имамата

⊛ крепости

○ населенные пункты

..... границы территорий

5. Действия противоборствующих сторон

1. Бакунин 1841.
2. Граббе V.1841.
3. Головин V.1841.
4. Горцы V.1841.
5. Русские 26.V.1841.
6. Горцы 17.XI.1841.
7. Абукер 17.XI.1841.
8. Кибит-Магома XI.1841.
9. Фезе I.III.1842.
10. Горцы III.1842.
11. Евдокимов III.1842.
12. Шамиль III-V.1842.
13. Хаджи-Яхья 1.V.1842.
14. Аргутинский VI.1842.
15. Русские VI.1842.
16. Граббе VI.I842.

ровское поселение в Малой Кабарде, но, отогнав скот и взяв пленных, отошел. В мае русское командование предприняло отчаянную попытку востановить нарушенную связь линии с Дагестаном. Дело в том, что опорой всех предприятий Шамиля на Кумыкской плоскости был аул Черкей, лежавший на переправе через Сулак. Для занятия его соединены были чеченский и дагестанский отряды, т.е. взято было все, чем Россия здесь располагала. 15 мая после упорного и кровопролитного боя заняты были господствовавшие над аулом Хубарские высоты, а вслед за тем взят и Черкей, оставленный жителями. У переправы сооружено было Евгеньевское укрепление. Взятие Черкея было первым крупным успехом России со времени чеченского восстания 1840 г. И оно произвело известное впечатление в горах: враждебные имаму силы начали поднимать голову.

Выступление верхушечных слоев аула против имама в Дагестане

Если масса чеченских и дагестанских узденей приветствовала успехи имама, то богатая верхушка ремесленников и крупные торговцы заняли иную позицию. А за ними пошли и все недовольные успехами движения мюридов.

В особенности беспокоилась промышленная и торговая Андия: «По присоединении Андии к Шамилю в 1840 г. торговля ее упала: им запрещен вход в наши владения и ввоз их бурок и лезгинского сукна»[1]. Уже на этой почве могла возникнуть оппозиция имаму в таком крупном торговом центре, каким был Анди. Однако, как показали дальнейшие события, состав оппозиционной группы был шире, к ней примкнул даже андийский наиб, Галбац Дибир, пользовавшийся в Нагорном Дагестане немалым авторитетом. Оппозиция выступила после занятия русскими войсками сел. Черкей. Как передает А.Зиссерман, «андийский наиб [А.Зиссерман ошибочно называет андийским наибом Ахверды-Магому. — *Н.П.*] и кадий [Бай-Сулейман. — *Н.П.*] всенародно говорили Шамилю, что им надоел "заячий бег" и что лучше смириться перед русскими, если не умеют с ними драться»[2]. Д.Пассек в своих записках также отмечает намерение андийцев изменить имаму. Он указывает на «...казни и штрафы Шамиля в Гумбете и Анди в 1841 г. после взятия нами Чиркея, за явное намерение андийцев и гумбетовцев покориться нам»[3]. Галбац Дибир за трусость был сменен Шамилем с наибства, но пошли слухи о том, что

[1] *Пассек Д.В.* Горы и Чечня: [Зап. генерал-майора Пассека] // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423. Л. 3 об.

[2] *Зиссерман А.Л.* Дагестанские события 1841—1842 гг.: Из зап. А.Зиссермана (рукопись)//ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 425. Л. 2—2 об.

[3] *Пассек Д.В.* Горы и Чечня. Л. 11 об.

он собирается выступить против Шамиля[1]. Во главе сторонников Галбаца стоял богатый и «почетный» старшина, андиец Бай-Сулейман. Он агитировал среди наибов и мюридов в пользу восстановления Галбац Дибира в прежней должности. Агитация сопровождалась угрозами по адресу имама: Рамадан из Андии передал Шамилю, что он слышал, как Бай-Сулейман говорил: «Мы потребуем от Шамиля вновь назначения Гальбаца наибом над нами. А если же он нам в этом откажет, то мы самовольно назначим его, сломав палку повиновения»[2]. В конце концов Шамиль принял решительные меры. Д.Пассек (наряду с другими источниками) называет эти меры: «...казнь первого почетного андийца Бай Сулеймана, штрафование нескольких старшин за приготовление покориться русским»[3]. Цель была достигнута, и андийские торговцы притихли. Однако до самого 1845 г. русское правительство получало сведения о недовольстве в Андии. Этими данными определен был, между прочим, и маршрут даргинской экспедиции Воронцова в 1845 г.

Деятельность оппозиции в 1841 г. не ограничилась одним только Андийским обществом. Д.Пассек, как мы видели, упоминает о недовольстве в Гумбете, а А.Зиссерман, цитируя «обзоры» Клугенау, сообщает, что после казни Бай-Сулеймана до начала июня 1841 г. «Орота, оба Харадерика, Харачи, Джематури и Коло передались аварскому правителю Ахмед-Хану»[4]. Аулы эти расположены на аварском плоскогорье и имеют известное стратегическое значение. Аульская верхушка, поставленная между мюридистским движением и феодалами, поддерживавшимися царизмом, выбрала вторых; она предпочла Ахмед-хана Шамилю.

Однако победа верхушечных слоев не была сколько-нибудь длительна. Уже 26 мая русское командование произвело попытку проникнуть в Гумбет, но войска встречены были выстрелами, а в первых числах июня Клугенау отметил резкий поворот в настроениях: Хаджи-Мурату присягнули Гидатль, Верхний и Нижний Бактлуг, а 2 августа наиб вышел в Аварию, овладев Токидой. К сентябрю положение имама восстанавливается, а в ноябре ему удалось еще возобновить наступление на аварские аулы. Да и в самом Андийском обществе оппозиция имаму постепенно затихает. Этот факт имеет известное обоснование в состоянии андийского хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы андийцы действительно сразу ощутили серьезный ущерб от прекращения торговли с плоскостью из-за восстания. Скорее, наоборот, из-за того, что чеченцы теперь ли-

[1] Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. С. 136.

[2] Там же.

[3] *Пассек Д.В.* Горы и Чечня. Л. 11 об. Ср.: КС. 1912. Т. 32, ч. 2. С. 462.

[4] *Зиссерман А.Л.* Дагестанские события 1841—1842 гг.: Из зап. А.Зиссермана. Л. 8.

шены были возможности торговать с линией, уже к 1843 г. цены на промышленные товары возросли, тогда как хлебные цены упали. «В настоящее время, — читаем мы в одном документе, — чеченцы ведут торговлю с одними андийцами и за вывозимый туда хлеб получают одежду, красный товар и железо, но количество этих товаров недостаточно для того, чтобы удовлетворить потребности, которые у них имеются по всей Чечне, и вывозимый из Андии товар расходится лишь по одной Ичкерии, откуда прочим чеченцам он перепродается за весьма дорогую цену»[1]. В результате и в Андии оппозиция не могла укрепиться и серьезно противодействовать имаму.

Впрочем, подобная ситуация была временной. В 1844 г. Мочульский записал в своем обзоре об андийцах: «Они довольно богаты и только пострадали от голодов в последние годы беспокойствами, в Дагестане произведенными»[2]. Это замечание заставляет вспомнить о значительном экономическом оскудении горных частей Дагестана и Чечни, вызванном непрерывными военными действиями. А разорение должно было повлечь за собой падение покупательной способности населения (и так в горах не слишком много приобретавшего на рынке). Это последнее и определяло собой постоянную политику Андийского общества, все время стремившегося к восстановлению связей с русским рынком и прежних оборотов торговли.

...и в Чечне

Не всегда благоприятными были и настроения в Чечне, хотя почва для столкновений здесь была совершенно иная, нежели в Андии. Начатое в 1841 г. Шамилем строительство единого чечено-дагестанского государства, выражавшееся, в частности, в создании постоянной армии и введении налогов, встретило сопротивление сторонников прежних родовых обычаев. Хозяйственная отсталость Нагорной Чечни сказалась здесь в полной мере. Шамилю нужно было преодолевать господствовавшие в Нагорной Чечне экономические и общественные отношения и в первую очередь вести борьбу с родовыми объединениями: без этого ему не удалось бы создать государство. Но в том-то и было главное затруднение, что Шамиль должен был при этом опираться на ту самую Чечню, с которой ему приходилось бороться. Не здесь ли причина тех резких отзывов, которые он давал Руновскому о некоторых чеченских обществах? Особенно протестовала часть чеченцев против налогов. Неустойчивость чеченцев проявлялась уже и в 1840 г., а в середине декабря 1841 г. был убит тремя чеченцами, арестован-

[1] О политическом состоянии Чечни со времени нового управления, введенного Шамилем... // ЦВИА ВУА. Д. 6468.

[2] *Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане. Ч. 2. Топографическая // ЦВИА ВУА. Д. 6528. Л. 41.

ными по подозрению в краже лошадей, наиб Ичкерии и Ауха Булат-Мирза. Но настроение масс было, очевидно, не в пользу убийц, и последние спаслись бегством на Кумыкскую плоскость[1].

В июне возобновляется борьба на стыке Чечни и Дагестана. Граббе попытался проникнуть в Аух: 6 июня он занял Ярыксу, 7 — Кишень, который разорялся три дня. Но удержаться здесь оказалось невозможным. Поэтому Граббе отошел в Акташ Аух, где 16 и 17 июня начал возводить временное укрепление. В это укрепление приглашали всех, оставшихся верными царизму, ауховцев. Но их оказалось всего 180 семей. Между тем Шамиль опять занял Ярыксу и Кишень Аух. Все лето продолжалась здесь борьба. Осенью Граббе уступил: 21 сентября укрепление было срыто, отряд отошел, а верные царизму ауховцы поселены в кумыкских аулах, где они быстро попали под тяжелую руку кумыкских князей.

Одновременно с этими событиями летом и осенью русское командование лихорадочно укрепляет Сунженскую линию: в июле—августе строят укрепление Закан Юрт, а в августе—октябре укрепление Казах Кичу. В связи с этим нельзя не вспомнить об одном любопытном факте, показывающем, как велика была вера в могущество Шамиля среди чеченцев. Закан-юртовский старшина Мака, перебежавший на сторону царизма в 1840 г., 12 сентября 1841 г. бежал обратно к Шамилю.

Несколько серьезнее были отдельные вспышки в начале 1841 г. Так, например, Ахверды-Магома сменил начальника караулов между Аргуном и Сунжей, Муллу-Гази, бывшего тайным агентом царского правительства. По-видимому, Мулла-Гази пользовался значительным весом, т.к. это послужило поводом к вспышке, которую наиб ликвидировал лишь с большим трудом. Но «...когда 15 мюридов Ахверды-Магомы явились в сел. Джарган Юрт для сбора денег на содержание кордона, то жители, рассмеявшись им в лицо, прогнали их плетьми из деревни». В это же время, когда наиб Джеват-хан «назначил взнос по рублю с каждого двора на содержание караулов по Аргуну, то чеченцы без всякой церемонии двинулись к нему, начали упрекать наиба за отступление от шариата, выставляя бедственное свое материальное положение, и, в конце концов, категорически заявили, что не желают более иметь его своим начальником»[2]. Однако сообщающий эти факты военный историк А.Юров признает, что «все обошлось без пролития крови и уладилось». Шамиль послал в Чечню специальное письмо, в котором извещал об отданном им наибам строгом приказе: точно придерживаться шариата и не обижать подчи-

[1] ЦВИА. Оп. 286. Св. 149. 1841 г., № 39. Копия с рапорта начальника левого фланга от 15/XII-1840 г. Булат-Мирза был на наибстве преемником Ташов-Хаджи.

[2] *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. 1887. Т. 11. С. 207.

ненных. Лишь позднее, в марте 1841 г., Шамиль взял аманатов с селения, жаловавшегося на Джеват-хана. Все это были симптомы непрочности движения в Чечне, но в то время они не были еще угрожающими.

Кавказское командование с грустью констатировало провал всех надежд на разногласия между Шамилем и чеченцами. «Власть Шамиля... в продолжение зимы [1840—41 гг. — *Н.П.*] не только не ослабела, но еще более утвердилась. Напрасно мы ожидали, что после истребления в прошлогодней экспедиции продовольственных запасов горцев, их селений и разного имущества голод, стужа и крайняя нищета поколебают лютую власть возмутителя. С изумительным равнодушием и покорностью горцы перенесли все бедствия, все лишения и только единожды, по донесению начальника левого фланга Кавказской линии, между чеченцами возникнул было ропот противу притеснений сообщников Шамиля, прекратившийся, как полагать должно, без всякого ущерба власти их»[1].

Экспедиции в Чечню осенью 1841 г.

Осенью 1841 г. царизм сделал попытку еще раз экспедициями запугать чеченцев. Условия, казалось, были благоприятны. Во второй половине лета были большие засухи, сопровождаемые сильными ветрами, уничтожающими урожай. Голодная Чечня, по расчетам царизма, должна была сдаться, чтобы восстановить торговые отношения и добыть хлеб. К тому же из-за резких климатических перемен в Чечне свирепствовали болезни. «В сентябре полагали больными третью часть чеченцев»[2]. В конце сентября предпринят был поход в крайнюю западную часть имамата, в верховья р. Ассы. Он, так же как и другие, сопровождался истреблениями аулов. А 15 октября Граббе выступил в большую экспедицию в аулы Большой и Малой Чечни и даже в Ичкерию. Большую и Малую Чечню экспедиция разоряла до 30 октября, но в Ичкерию идти уже не решились. Впрочем, и в Чечне результаты были по-прежнему плачевны. Отряд не только не получил покорности от аулов, ему не удалось добиться ее даже от двух захваченных чеченцев: один бился до того, пока пал, пронзенный штыками; другой, обезоруженный, не хотел идти — его волокли переход на веревке, привязанной к пушке. Истерзанный волоком по каменистой дороге, он умер на другой день[3]. Чечня ожесточенно

[1] «Записка о настоящем положении дел по всему пространству, где имеют действовать отряды Дагестанский, Чеченский и Назрановский». Представлена при рапорте Е.А.Головина А.И.Чернышеву от 26/IV-1841 г., № 31 // ЦВИА ВУА. Д. 6430. Л. 3—3 об.

[2] *Чайковский П.П.* Кавказ в 1841 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 425. Л. 45.

[3] Там же. Л. 46 об.

дралась в 1841 г., как и в 1840. Едва Граббе вернулся на линию, как 11 ноября Шуаиб Мулла появился под Кизляром, и лишь случайность спасла город.

Даргинский съезд 1841 г.

26 сентября 1841 г. в Дарго имам собрал большой съезд наибов и представителей от различных обществ. О постановлениях этого съезда, как, впрочем, и вообще о таких съездах, мы знаем очень немногое. Известно только одно: съезд установил некоторые из мюридистских толкований шариата. Возможно, что на этом же совещании имам провел учреждение постоянного органа управления создавшимся чечено-дагестанским государством — диван-ханэ[1]. Любопытно, что в состав совета не вошли наиболее видные представители мюридизма, как Кибит-Магома, Галбац Дибир и др. Диван-ханэ был узким советом, разрабатывавшим, главным образом, решения имама. Поэтому наряду с ним Шамиль и позднее практиковал созыв совещаний наибов. Отсутствие ряда известных имен в диван-ханэ, может быть, объясняется и недоверием Шамиля к носителям этих имен. В самом деле, к 1841 г. Ташов-Хаджи сошел с политической сцены, Галбац Дибир скомпрометировал себя участием в андийском выступлении. Наконец, Кибит-Магома еще в конце тридцатых годов отошел от Шамиля, да и до этого был соперником третьего имама. Шуаиб был убит. А Хаджи-Мурату Шамиль, разумеется, имел большие основания не доверять. Будущее подтвердило это. Но, несмотря на отсутствие всех этих видных имен, учреждение диван-ханэ несомненно было шагом чрезвычайной важности. Оно говорило о введении правильного управления и начал государственности на территории, охваченной восстанием.

Окружение Аварии. Движение Кибит-Магомы в Андалаль

В числе постановлений совещания был один пункт, обративший на себя особенно внимание царского правительства: наказание всех мусульман, подчинившихся неверным. Это была директива агитационной подготовки к большим военным операциям, целью которых был захват одного из крупных торговых обществ, Андалаля. Последний занимал в отношении мюридизма такое же колеблющееся положение, как и Анди. Но Андалаль, и особенно такие его важнейшие центры, как Чох и Сугратль, был сильнее, нежели Анди, связан торговыми узами с плоскостью, быстрее входил в общерусскую экономику. В то же время андалальцы вели значительную торговлю и в горах. Это особенно ярко отразилось в официальной переписке 1841 г., т.к. русское командование из-

[1] Шамиль и Чечня // ВС. 1859. № 9. С. 136. Подробнее о составе и функциях диван-ханэ см. ниже.

дало приказ, запрещавший всякие торговые сношения с «непокорными» горцами. Андалальская контрабанда упорно препятствовала проведению этого приказа в жизнь. В середине октября мюриды под руководством Кибит-Магомы двинулись на селения Андалаля. В первый момент андалальцы решили было оказать сопротивление, в связи с чем часть крупных торговцев переселилась даже на плоскость, под непосредственную охрану русских, и угнала туда же свои стада. Но затем настроение в обществе меняется (может быть, именно вследствие отсутствия крупных торговцев), и андалальские аулы один за другим переходят к мюридам. Исключение составляют пока лишь Чох и Сугратль.

В ноябре Шамиль подготавливает уже концентрическое движение в Аварию. 17 ноября Абукер-кадий занял Унцукуль и Харачи. 18-го — Моксох, и в тот же день отпали от русских Гимры. Прямое сообщение шамхальства с Аварией прервалось. Командовавшему в это время в Северном Дагестане генералу Клюки фон Клугенау удалось несколько оттеснить мюридов, заняв 20 ноября Моксох. Но наиболее важный в этом районе пункт, Унцукуль, оставался в руках Абукер-кадия. Одновременно с этим последним должен был вести наступление на Гоцатль, т.е. на противоположную границу Аварии, Кибит-Магома. Однако он запоздал с наступлением (начал его лишь 23 ноября) и действовал очень вяло. Это обстоятельство помешало успеху намеченного Шамилем большого предприятия.

Следствием частичных успехов имама было присоединение к нему большого и важного аула Гергебиль. Таким образом, к началу 1842 г. царизм получил еще один и притом довольно серьезный удар. Койсубулинские аулы были почти что целиком в руках мюридов.

Борьба за Аварию

С занятием Андалаля Шамиль получает второй выход в Аварию, с юго-востока. Северо-западный был занят ранее. Авария оказывается почти совершенно окруженной. И в то же время симпатии аварцев совершенно определенно склоняются на сторону имамата. Для того, чтобы удержать Аварское плоскогорье, царизм двигает туда почти все свободные наличные силы. Достаточно сказать, что в конце 1841 г. всего в нескольких селениях Нагорного Дагестана находились 17 рот и 40 орудий. Но командующий войсками, находя эти силы совершенно недостаточными, просил о присылке еще двух батальонов, двух сотен казаков при одном орудии, шести орудий и двадцати крепостных ружей. И все это — для усиления обороны пяти селений. Как мы говорили, ноябрь и половина декабря 1841 г. проходят в непрерывных походах различных отрядов мюридов на Аварию, и русские войска едва успевают отражать их. В результате этим войскам нанесен был ряд серьезных ударов, и северная часть ханства осталась в

руках мюридов. Характерно, что аварцы встречают мюридов сочувственно, и русским войскам приходится вести постоянную борьбу не только с наседающим отовсюду противником, но и с местным населением и даже с некоторыми беками. Бегство Хаджи-Мурата знаменовало собой поворот в их политике.

Взятие Евдокимовым Унцукуля. 1842 г.

В январе 1842 г. генерал Фезе предпринял почти совершенно бесплодную экспедицию против аулов Андалаля. Правда, 20 февраля он занял Гергебиль, 1 марта Салты, 2-го — Чох (в то время бывший уже в руках Шамиля). Принесли покорность и сугратлинцы. Но едва Фезе вернулся в Хунзах (7 марта), как Чох и Сугратль были опять заняты мюридами. Удержать андалальские аулы при господствующих в них настроениях нечего было и думать. Одновременно с экспедицией Фезе койсубулинский пристав Евдокимов попытался вернуть Унцукуль, бывший очень важным пунктом для защиты Аварии. Евдокимов вошел в тайные сношения с унцукульцем Алило и со старшиной Кибит-Хаджи, указывая на возможное появление царских войск под Унцукулем и советуя покориться. В Унцукуле, по свидетельству Мухаммеда-Тахира, наиб начал конфискацию имущества бежавших[1], что было встречено большим недовольством. Мы не знаем еще, что представляли собой унцукульские противники Шамиля Алило и Кибит-Хаджи. Известно только, что тохум Кибит-Хаджи был значителен, до 200 человек[2], и что Алило был прапорщиком царской службы, «почетным унцукульским жителем» и кадием[3]. Кибит-Хаджи тоже пользовался репутацией приверженца русских. Не исключена возможность, что они принадлежали к зажиточной верхушке аула. Еще до занятия Унцукуля Абукер-кадием Алило пользовался большими симпатиями койсубулинского пристава Евдокимова. Недовольство политикой наиба сделало свое дело. Алило вошел в сношения с Евдокимовым и предупредил его, когда стража у тропинки, ведущей в аул, будет поручена членам его тохума. Евдокимов воспользовался этим и ночью с двумя ротами двинулся к аулу. Стража пропустила войска беспрепятственно и одновременно собщила о приходе Евдокимова сторонникам

[1] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских шашек... С. 137.

[2] *Зиссерман А.Л.* Дагестанские события 1841—1842 гг.: Из зап. А.Зиссермана. Л. 24 об.

[3] АКАК. 1884. Т. 9. С. 354. Рапорт К.К.Фезе Е.А.Головину от 8/III-1842 г., № 10, где Фезе сообщает, что Евдокимов «...завел чрез унцукульского б. кадия прапорщика Алило и др. унцукульских выходцев тайные сношения с жителями этого селения; они обещались при появлении русских передаться нам». Самый рапорт Фезе, как это видно из «Записок» Зиссермана, далеко не точно передает случившееся. Фезе стремился приписать всю заслугу по взятию Унцукуля себе.

Алило. Эти бросились на спавших мюридов[1], часть перерезали, а остальных выдали Евдокимову. Все это произошло в первых числах марта 1842 г. 9 марта в Унцукуль вступил отряд Фезе. «Унцукульцы встретили наши войска с необыкновенными между лезгинами изъявлениями радости», — писал Головин.

Взятие Унцукуля Евдокимовым произвело большое впечатление в Койсубу, где вообще авторитет унцукульцев стоял высоко. Фезе писал, что «...Гимры и другие койсубулинские деревни, прогнав мюридов из среды своей, показали готовность возвратиться под власть правительства»[2]. Если учесть, что еще в начале 1841 г. унцукульцы считались ненадежными и обнаруживали недовольство русским владычеством, то смысл унцукульских событий станет ясен. Зажиточная верхушка аула, отстраненная прежде от власти массой узденей, теперь пытается вернуть свое положение с помощью царских штыков. Впрочем, кавказское командование не долго удерживало этот важный пункт. В 1843 г. Шамиль взял возведенное здесь укрепление.

Упорная борьба, развернувшаяся в 1840 и 1841 гг., свидетельствовала об опасности положения. Военные силы были увеличены на целую пехотную дивизию. Однако движение ширилось, русские войска бессильны были остановить поднимавшийся Дагестан.

Борьба за Казикумух

Успехи Шамиля в 1841 г. произвели громадное впечатление на царское командование. Еще в июле 1841 г., вскоре после победы над мюридами при Черкее и до занятия Шамилем аулов Андалаля, командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Головин писал военному министру графу Чернышеву: «...пока Шамиль жив, нам нельзя надеяться на добровольную покорность порабощенных им племен: сопротивление продолжится до самых крайних пределов. Можно сказать утвердительно, что мы не имели еще на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер власти военно-духовной, той самой, которой в начале исламизма меч Мухамеда поколебал три части вселенной»[3]. Генерал опасался дальнейшего развития успехов Шамиля.

Победы мюридов отозвались во всем Дагестане. Восстание начало распространяться на юг, ближайшим угрожаемым районом

[1] О числе мюридов, бывших в Унцукуле, сведения расходятся. Официальная переписка называет цифру 80 (рапорт К.К.Фезе Е.А.Головину от 8/III-1842 г.// АКАК. 1884. Т. 9. С. 354), Зиссерман — 150.

[2] «Обзор зимней экспедиции в Сев. Дагестане с 6/II по 20/III-1842 года», представленный при рапорте ген.лейт. К.К.Фезе от 5/IV-1842 г., № 28 // АКАК. 1884. Т. 9. С. 365.

[3] Письмо Е.А.Головина А.И.Чернышеву от 2/VII-1841 г., № 66 // Там же. С. 346.

оказалось теперь Казикумухское ханство. И прежде здесь не всегда все обстояло благополучно для царского владычества: казикумухские беки еще в 1830-х гг. не прочь были последовать примеру беков табасаранских или кубинских. Уздени под гнетом тяжелых повинностей мечтали с приходом мюридов освободиться. Описывая тяжелое положение Аслан-хана Казикумухского в эти годы, один из военных писателей сообщает: «...независимо от неудовольствия народа по случаю тяготы повинностей и значительной с него подати, сыновья его и некоторые беки, видимо, выходили из повиновения и на неоднократные его требования даже не явились к нему»[1]. Подавление восстания 1831 г. несколько разрядило атмосферу, и в Казикумухе становится спокойнее, а Аслан-хан даже имеет возможность добиваться присоединения к своему ханству ханства Аварского.

Чеченское восстание в 1840 г. опять резко изменило положение, а расширение границ имамата на Андалаль в следующем году вызвало большое брожение и в Казикумухском ханстве. Влияние мюридизма сказывалось и в торговле. «Несмотря на многократное запрещение наше, казикумухцы постоянно производили торг по всем покорным Шамилю землям; из них до 80 торговцев имели охранные листы от имама»[2]. Впрочем, связи имамата, несмотря на экономическую блокаду, предпринятую царизмом, распространились еще шире. «Кюринцы также были в частых сношениях с мюридами: свинец, хлеб, тулупы, одежда и часто деньги — доставлялись им не без ведома их правителя»[3].

Это очень любопытные факты. Они говорят очень многое о прогрессе экономического сближения гор с Россией. Ни царскому командованию, ни Шамилю не нравились все более и более тесные сношения их подвластных с противником. И хотя на первый взгляд и можно было предположить, что Шамиль кое-что выигрывает от этих операций, по существу они свидетельствовали о невозможности хозяйственной изоляции гор от России. В дальнейшем Шамиль хорошо понял это и настойчиво прекращал торговлю с плоскостью, тогда как царское командование уже склонно было поощрять ее.

Внутреннее положение в Казикумухе обострялось еще и борьбой различных бекских групп, оспаривавших друг у друга по смерти Аслан-хана права на ханскую власть, причем слухи о назначени ханом Абд ар-Рахмана-бека определенно отбросили в оппозицию некоторых родственников Аслан-хана. Недовольные из среды беков рассчитывали использовать успехи мюридизма для

[1] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1897. Т. 11. С. 167.

[2] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского (Историческая записка о начале и развитии духовной войны или превратного тариката (учения о нравственном элементе человека в Дагестане)) с 1823 по 1843 г. // КС. 1902. Т. 23. С. 48.

[3] Там же. С. 49.

достижения своих целей. В начале 1842 г. положение оказалось чрезвычайно напряженным. И, наконец, «...беспрестанно усиливавшиеся вести о близком возвращении Абдур-Рахман-бека из Тифлиса и вновь распространившийся слух о предположении будто бы нашем построить в нынешнем году крепость в Казикумухе побудили казикумухских беков (кроме Омар-бека с фамилией) в половине марта месяца сообщить через Хаджи-Яхья[1] Шамилю о намерении их отложиться от России»[2].

Занятие Казикумуха Шамилем

Шамиль не мог упустить такой удобный случай. Уже 18 марта имам занял пограничное селение Бухты, а затем, «пользуясь отсутствием из Южного Дагестана всех действующих войск наших и влиянием своим на общества, по правому берегу Аварского Койсу лежащие, а также на многочисленных приверженцев своих, в ханствах Казикумыхском и Кюринском находившихся, он собирал большие толпы горцев разных племен и в конце марта[3] занял Кумух, успев взволновать казикумыкцев. При этом быстром вторжении Шамиль захватил весь ханский дом и находившегося в Кумухе начальника Самурского округа подполковника Снаксарева с несколькими казаками и нукерами»[4]. Отметим еще, что казикумухские беки, являвшиеся командным составом казикумухской милиции, не только не оказали никакого сопротивления Шамилю, но даже помогли ему захватить Снаксарева. Управляющим Казикумухским ханством Шамиль назначил Хаджи-Яхья, сына Тагирбека, ближайшего родственника казикумухского ханского дома. Для политики имамата сороковых годов характерно то обстоятельство, что Хаджи-Яхья назначен был не ханом, а лишь наибом Шамиля[5]. Повторилась, таким образом, история Хаджи-Мурата: теперь имам все время твердо следует той административной системе, которая принята была им с 1836 г. и которая подчеркивала антифеодальную направленность всей политики имама.

Присоединение к имамату Казикумуха сразу же отразилось на настроениях всех окружающих обществ. «Каракайтах, Сюрьга, Верхняя Табасарань и другие горские племена, исключая одной Акуши, уже были готовы передаться возмутителю»[6]. Положение становилось для самодержавия критическим. Второе табасаран-

[1] Перешедший к Шамилю чанка казикумухского ханского дома.

[2] «Обзор казикумухских дел в марте 1842 года», представленный при рапорте ген. К.К.Фезе от 5/IV-1842 г., № 28//АКАК. 1884. Т. 9. С. 371.

[3] В ночь с 21 на 22 марта 1842 г.

[4] Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1837 г. по конец 1842 г. Рига, 1847. С. 53.

[5] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 21.

[6] Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1837 г... С. 88.

ское восстание грозило уже отпадением всего Дагестана. Но долго удержаться в Казикумухе Шамиль не мог.

...и его отступление

1 мая 1842 г. попытка Хаджи-Яхья продвинуться за Кумух наткнулась на упорное сопротивление царских войск у Ричи, а 2 июня сюда подошел самурский отряд князя Аргутинского-Долгорукого. «Шамиль, — писал Генерального штаба капитан Вранкен, — собрав большие силы, вдруг вступил в Казикумух и стал на наших сообщениях в сел. Кюлюли, надеясь, как он говорил, "оголодить" русских. Большая часть жителей оставила Абдур Рахмана и опять передалась Шамилю»[1]. У Кюлюли мюриды потерпели поражение, и 3 июня Аргутинский занял Кумух. Теперь казикумухские беки, как когда-то табасаранские, заколебались, и Шамилю пришлось отступить. С этого момента ханство Казикумухское становится пределом дальнейшего распространения мюридизма на юг. В результате операций Аргутинского изменилось и положение в Андалале. Уже 25 июня Вольф сообщал[2], что большая часть андалальских аулов принесла покорность и держится один Гуниб.

Положение в Чечне

Между тем положение Шамиля в Чечне укрепляется. «Из главы мятежа, каким он являлся нам весною и летом 1840 г., Шамиль начинает уже делаться теперь властителем чеченцев... Окруженный многочисленной воинственной партией, воспомоществуемый несколькими отважными преданными людьми, он уже мог по воле своей управлять чеченцами, и если иногда встречал сопротивление, то был уже довольно силен, чтобы подавить его»[3]. Другими словами, царизм оказывался перед линией чеченских аулов как перед несокрушимой стеной и вместо разрозненных чеченских обществ имел теперь дело с организованным государственным образованием. Перед русскими войсками оказалась крепость, которую нельзя было теперь взять молодецким налетом. Но этого-то кавказское командование и не могло понять. С имаматом пытались справиться по-прежнему, новой карательной экспедицией.

Ичкеринская экспедиция Граббе

План военных действий на 1842 г. предписывал «прочно утвердиться на Андийском Койсу». Для этого намечались экспеди-

[1] ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 29 об.

[2] Рапорт Н.И.Вольфа А.И.Чернышеву от 25/IV-1842 г., № 19 // АКАК. 1884. Т. 9. С. 393.

[3] «Обзор военных действий на левом фланге Кавказской линии в 1841 г.», составлен ген. П.Х.Граббе // Там же. С. 269.

ции: главная — с Кумыкской плоскости через Ичкерию и Анди, и вспомогательная — от Темир-Хан-Шуры. Начальник этой экспедиции, генерал Граббе, собрал небывалый еще по численности отряд и 30 мая двинулся в Ичкерию. В шестидневном бою в густых ичкеринских лесах Граббе потерпел решительное поражение. Уже 2 июня он должен был повернуть обратно, но пробиваться назад было еще труднее, чем идти вперед. По официальным сведениям, отряд потерял убитыми и ранеными около 2000 человек, в том числе двух человек из высшего командного состава, 64 человека из среднего. Экспедиция лишь с большим трудом пробилась обратно на плоскость. Разумеется, впечатление от поражения Граббе было громадным. Это еще более укрепило позиции имама не только в Чечне, но и в Дагестане. В конце июня Граббе попытался получить реванш за Ичкерию. Собрав до 20 батальонов, он двинулся в Аварию 24 июня, взял Цатаных, а 26 июня — оборонявшееся ничтожной кучкой мюридов селение Игали. 29 июня экспедиция закончилась. Результаты ее даже в тифлисских канцеляриях оценивались как скромные. Головин писал о ней Клейнмихелю: «...для истребления сел. Игали не нужно было сосредоточивать двадцать батальонов, ни заготовлять слишком 20 тыс. четвертей сухарей на одном пункте, ни перевозить за неимоверно высокую плату в горы сорокодневного продовольствия на 15 тыс. человек»[1]. Громадная экспедиция ограничилась разорением одного аула.

Попытки Шамиля выйти в 1842 г. на Западный Кавказ

Поражение Граббе использовано было Шамилем и для попытки объединения всех кавказских горцев в борьбе за независимость. Еще в 1841 г. наиб Шамиля Ахверды-Магома установил связь с малокабардинцами. Во время похода наиба против Александровского поселения «...малокабардинцы не только беспрепятственно пропустили скопище в набег, но даже не дали знать о его появлении и вовсе не содержали обязательных для них караулов». Мало того, возвращаясь в Малую Чечню, Ахверды-Магома отдал им скот, «захваченный по ошибке, и останавливался на отдых в ауле Ахлова, где уздень Магомет Мирза подарил наибу богатую шашку в серебряной оправе»[2].

Теперь на очередь стал вопрос об установлении связи с горцами Северо-Западного Кавказа. Для этого в 1842 году имам направляет посольство к адыгам. «В начале августа между закубанскими народами открылось сильное волнение. Несколько мулл, посланных Шамилем, тайно пробрались через Кабарду к Абадзехам и, проповедуя между ними шариат, успели возбудить фана-

[1] Письмо Е.А.Головина П.А.Клейнмихелю от 26/VII-1842 г.// АКАК. 1884. Т. 9. С. 396.

[2] *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // КС. 1887. Т. 11. С. 220.

тизм, до тех пор чуждый племенам, обитающим против правого фланга Кавказской линии»[1]. Более подробных сведений о действиях этой депутации среди адыгов нет, если не считать одного любопытного замечания генерала Клугенау в его рапорте, относящемся к 1843 г. Он пишет о Шамиле: «Может быть, он имеет намерение броситься на правый фланг и склонить его на свою сторону. Попытка прошедшего года была неудачна: шариат Шамиля не был признан на правом фланге, и этому виной Ахверды-Магома, который вздумал было взять с черкесов контрибуцию по два рубля серебром с дома и был оттуда прогнан»[2]. Не совсем ясно, относится ли известие о попытке Ахверды-Магомы к тому же факту, что и приведенное выше, и, таким образом, нельзя сказать, имели ли место в 1842 г. два посольства или же только одно. Но самый факт стремления Шамиля связаться с адыгами уже в самом начале сороковых годов несомненен. Пока это были лишь отдельные попытки и, по-видимому, попытки неудачные, но в дальнейшем эмиссары Шамиля у адыгов, и особенно Мухаммед-Амин, сыграют в истории адыгейской борьбы за независимость немалую роль.

Даргинское совещание 1842 г.

К концу 1842 г. имамат включил в свои границы почти весь Дагестан и Чечню. Как бы для подведения итогов Шамиль созывает второе совещание в своей резиденции: «Шамиль собрал в Дарги всех ученых законников для составления нового уложения. Он находит, что с некоторого времени правоверные мусульмане не с прежним усердием и ревностью исполняют приказания, как его, так и наибов, и приписывает это тому, что по шариату меры наказания слишком слабы. Он решился на неслыханное дело: изменить наказания, определяемые шариатом, и заменить их казнию»[3]. Нам неизвестно содержание этого уложения. Мы можем лишь догадываться о нем, имея в виду, что к началу 1843 г. имамат обладал постоянной армией, общественной казной, организованным центральным (диван-ханэ) и местным (наибы) управлением. В результате этих мероприятий мюридизм поднялся и окреп, он оказался способен на решение стоявшей перед ним сложной задачи: окончательно ликвидировать власть царизма в горах, изгнав русские войска из Аварии.

[1] Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1837 г. ... С. 102–103.

[2] Копия с рапорта командиру Отдельного Кавказского корпуса командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майора Клюки фон Клугенау от 22/III-1843 г., № 39 // ЦВИА ВУА. Д. 6468.

[3] Журнал военных происшествий на левом фланге Кавказской линии с 25/X по 1/XI-1842 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6471. Л. 74 об.

3. ГОД НАИБОЛЬШИХ УСПЕХОВ (1843 г.)

Причины восстания в Аварии и в шамхальстве в 1843 г.

1843 г. не принес ничего хорошего для русского владычества в горах. Если в предыдущие два года создавалась и укреплялась власть имама в «вольных» обществах Нагорного Дагестана, то теперь под ударом распространявшегося мюридизма оказались уже Авария и шамхальство. Волнения в обеих этих областях отмечались и прежде, но то были отдельные выступления, подавлявшиеся царизмом сравнительно легко. Теперь царское командование неожиданно оказывается перед фактом общего восстания в Аварии и даже шамхальстве. Дело было серьезное, и уже с января 1844 г. царским командованием предпринято было специальное расследование причин шамхальского восстания. С данных этого расследования мы и начнем историю событий 1843 г.

«По мнению ген. Клугенау главною причиною восстания шамхальского и мехтулинского владений был чрезвычайный успех Шамиля в Аварии и Койсубу... Но помимо этой главной причины мятежа... существовали еще две: это — обременение туземного населения тягостными для него повинностями, а отсюда — ожесточение его против туземного и нашего правительства, и вредное влияние мюридизма». И только покончив со всеми этими причинами, Клугенау переходит к главной. «Власть туземного правительства по азиатским обычаям не определена законами. Ханы под защитою русского правительства в случае неисполнения подданными личных и корыстолюбивых их требований угрожали им могуществом русского оружия и часто без суда и следствия, по одной лишь прихоти хана, десятки людей были ссылаемы в Россию»[1]. Клюки фон Клугенау имел основание для таких утверждений. Его архив сохранил целую переписку, свидетельствующую о больших притеснениях, на которые жаловались жители селений Дургели, Параул, Губдень. Даже пристав, Габаев, подтверждал факт этих притеснений[2].

Но несмотря на все чудеса дипломатии, пущенные в ход генералом, несмотря на то, что об основной причине он говорит как-то вскользь и между прочим, эта точка зрения не могла, конечно, быть принята царем и правительством. Она противоречила всей политике царского правительства, направленной на поддержку дагестанских феодалов. Поэтому производивший расследование князь В.О.Бебутов «...отвергал мнение о том, что владетели в Дагестане утеряли уже прежнее уважение к себе своих подвластных, и опирался на доказательства, которые ясно приводили к убеждению, до какой степени уважались древние права и власть

[1] О причинах восстания в 1843 г. в Дагестане // КС. 1882. Т. 6. С. 31–33.

[2] ЦГАНХ. Ф.Клугенау. Д.63.

владетелей в Дагестане», и предлагал «...восстановить шамхала Тарковского во всех его правах, которыми пользовался он до последних событий»[1]. Царизм, несмотря на угрозу новых восстаний, твердо продолжал держать курс на поддержку феодалов.

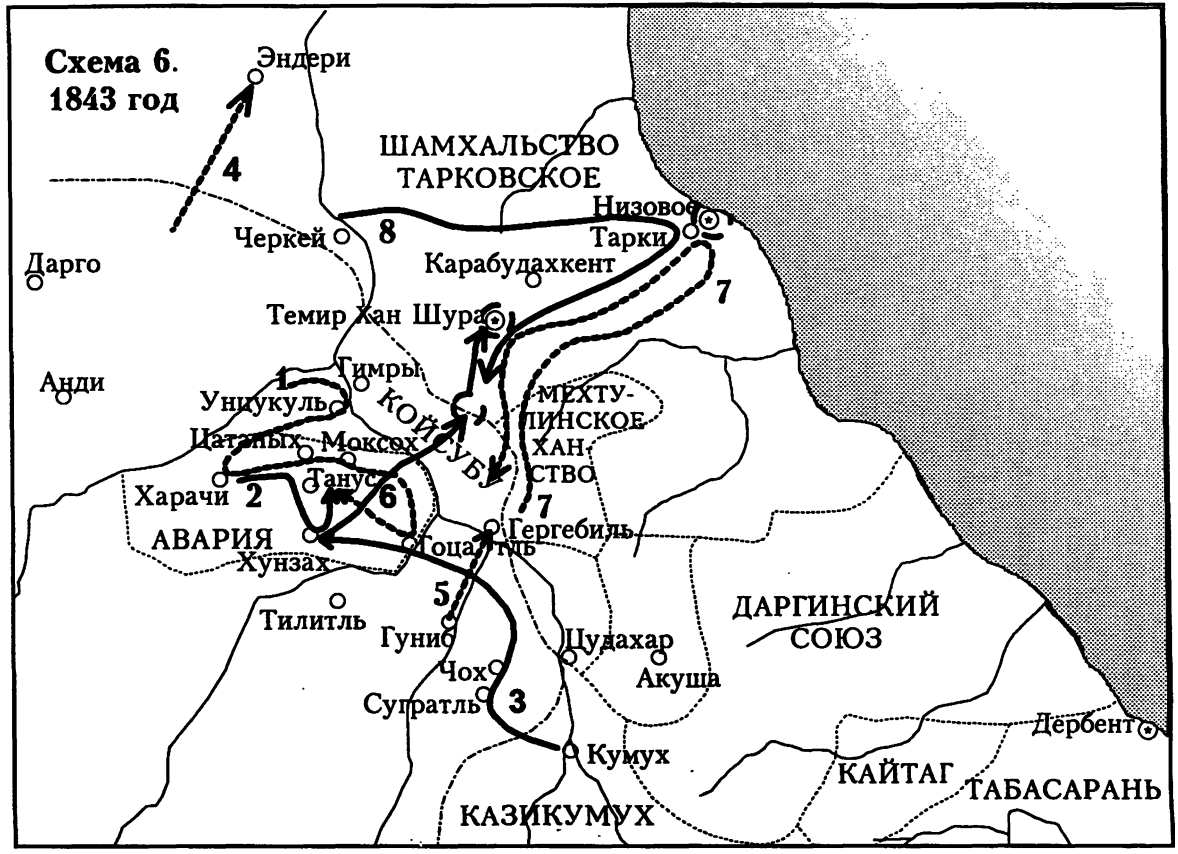
Об этом совершенно ясно говорит и история жалоб мехтулинцев на тяжесть ханских поборов: в 1812 г., «как только Ахмед-хан [Мехтулинский. — *Н.П.*] умер и управление ханством перешло в руки вдовы его Нох Бике, начался непрерывный ряд жалоб... Жители объявили, что они терпели несение усиленных налогов при Ахмед-хане как потому, что считали их временными, так и потому, что опасались преследований хана. Дагестанское начальство, принимая в соображение, что при тогдашних смутных обстоятельствах было бы несвоевременно входить в подробное разбирательство коренных отношений жалобщиков к владельцам, т.к. дело нескольких деревень могло возбудить во всех частях покорного им Дагестана, находившихся в зависимых отношениях к владельцам, стремление к подобному же разбирательству и их дел и тем самым вызвать беспорядки, вынуждено было поддерживать требование в том самом виде, в каком оно существовало при Ахмед-хане», т.е. сильно повышенным[2].

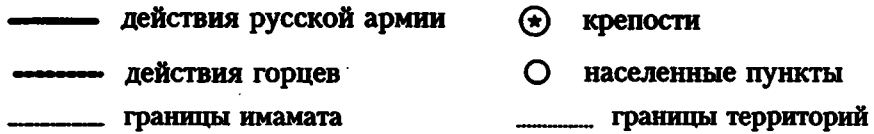
Гораздо откровеннее Бебутова высказал это в своей записке генерал-майор Ладинский: «Весьма неосновательно некоторые начальники допускают мысль, что надо уменьшать власть приверженных русскому правительству владельцев в горах и вообще сопредельных с Дагестаном. Сим уменьшением власти владельцев над народом, буйство коего по свирепости и дикости его может только укрощаться самою быстрою мерою строгости, согласно народным правам и обычаям [? — *Н.П.*], можно возбудить в народе своеволие, укрощение которого будет затруднительно... Всего полезнее поддерживать и подкреплять право владельцев, через которых выгоднее действовать на народ дикой, ибо приласкать одного гораздо удобнее, чем приобресть общую любовь целого народа»[3]. Стоит только вспомнить, что дикостью и своевольством Ладинский именовал сопротивление колониальному угнетению, и его записка комментариев не потребует. Откровенный генерал, при всей определенности своих суждений, оказался правдивее дипломатичного князя, он не рискнул насиловать факты. Ладинский исходил не из того, что власть феодалов «уважается» в Дагестане, он поставил вопрос прямее и доказал выгодность для русского феодала поддерживать дагестанских «владетелей», вне зависимости от того, увеличивалась или уменьшалась власть последних среди масс. И в такой постановке ему не пришлось прибегать к пере-

[1] О причинах восстания в 1843 г. в Дагестане. С. 37.

[2] Мехтулинские ханы // ССОКГ. 1869. Вып. 2. С. 14—15.

[3] Записка генерал-майора Ладинского от 16/VII-1847 г., поданная Е.А.Головину // ЦВИА ВУА. Д. 6482. Л. 3—4.

Схема 6.
1843 год
Эндери
4
ШАМХАЛЬСТВО
ТАРКОВСКОЕ
Низовое
Тарки
8
Черкей
Дарго
Карабудахкент
7
Темир Хан Шура
Анди
Тимры
1
Унцукуль
КОЙСУБУ
МЕХТУ-
ЛИНСКОЕ
ХАН-
СТВО
Цатаных
Моксох
Ганух
Харачи
2
6
7
Гергебиль
АВАРИЯ
Хунзах
Гоцатль
5
ДАРГИНСКИЙ
СОЮЗ
Тилитль
Гуниб
Цудахар
Чох
Акуша
Супратль
3
Дербент
Кумух
КАЙТАГ
ТАБАСАРАНЬ
КАЗИКУМУХ

6. Действия противоборствующих сторон

1. Шамиль 27. VIII-21.IX.
2. Клюки фон Клугенау IX.
3. Аргутинский IX.
4. Шамиль X.
5. Кибит-Магома 28.X - 8.XI.
6. Пассек 16.XI - XII.
7. Шамиль 10.XI - XII.
8. Фрейтаг XI - SXII.

держкам, к которым прибег Бебутов. Но каково бы ни было мнение Бебутова, а Клугенау верно определил положение в шамхальстве, да и не только в шамхальстве, а и во всех ханствах Дагестана. Хорошо осведомленный о положении вещей офицер Генерального штаба капитан А.К.Вранкен, бывший в 1843 г. квартирмейстером Самурского и Аварского отрядов, писал о мехтулинцах: «...теперь, при слабом правлении женщины [Нох-бике, правительница Мехтулинского ханства. — *Н.П.*], они начали ослушиваться ее приказаний, медленно выставляют милицию, часто бегают из отряда, **даже бунтуют против своих помещиков»**[1]. Разумеется, дело было не в женщине, а в повышении повинностей, о чем мы говорили выше; но самое признание Вранкена чрезвычайно ценно. Тем более, что в примечании он показывает и поддержку, которую царизм оказывал этим «помещикам». «В июле месяце нынешнего [1843. — *Н.П.*] года возмутилась дер. Кака Шура против своего владельца, ротмистра Али Султана. Ген.майор Клугенау послал туда батальон Апшеронского полка для экзекуции»[2]. Царское командование производило «экзекуции» в неповинующихся своим феодалам селениях, а беки и ханы, пользуясь поддержкой царских войск, усиливают эксплуатацию крестьянских масс. В таких условиях не удивительны успехи мюридистской пропаганды. Правительница Мехтулинского ханства, Нох-бике, писала 16 октября генералу Клугенау: «Мехтулинцы не хотят защищаться, хотя бы пришла сюда сотня мюридов»[3]. Это «не хотят защищаться» вырастает к концу года в прямую поддержку мюридизма с оружием в руках.

Подготовка Шамилем наступления

Вся первая половина 1843 г. уходит у имама на подготовку большого наступления на Аварию и шамхальство. «Еще в январе месяце описываемого года корпусной командир получил сведения, что везде носились слухи о делавшихся Шамилем больших приготовлениях к какому-то предприятию; что он приказал объявить по всем подвластным ему селениям, чтобы каждый житель, имевший малейшую к тому возможность, завел себе хорошую лошадь, исправное оружие и запасся огнестрельными припасами и продовольствием»[4]. Несколько позже, на совещании наибов, Шамиль отдал распоряжение, чтобы «каждый горец, имевший корову и

[1] *Вранкен А.К.* Политический обзор Дагестана, составленный 13 декабря 1843 г. Генерального штаба капитаном Вранкеном // ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 39. Выделено мною. — *Н.П.*

[2] Там же.

[3] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 6. С. 313.

[4] *Юров А.* 1843 год на Кавказе // КС. 1882. Т. 6. С. 49.

пару быков, непременно обзавелся бы лошадью»[1]. Отметим попутно, что кавалерия создавалась из зажиточной верхушки узденей, а это давало ей большие возможности обогащения. Дело не ограничивалось, как прежде, простыми сборами ополчения. Создавалось новое государство. Летом 1843 г., по данным Вранкена, «...Шамиль заводил новые порядки у подвластных ему народов, распределял подати, организовал казну казавата, назначал число вооруженных людей, долженствующих являться по первому зову его от каждого общества и селения»[2]. То же подтверждает и П.П.Чайковский: «В последние 2 или 3 года... Шамиль... сумел завести в Чечне и Лезгистане кое-какую цивилизацию, подушный оклад, правильный набор войск и упорядить их до усмотренного теперь состояния»[3].

Освобождение крестьян и рабов

Нельзя, наконец, не остановиться еще на одном моменте чрезвычайной важности. Если до сего времени Шамилю приходилось оперировать, главным образом, в «вольных» обществах, где не было крепостных, то теперь, идя в Аварию, имам должен был категорически ответить на вопрос о своем отношении к феодальной эксплуатации. Мы не знаем, дал ли он этот ответ еще до своих больших успехов в Аварии или после них, но уже одна дата проведения социальной реформы, 1843 год, знаменательна. Наступая на Аварию, Шамиль развернул знамя свободы. Часть рабов была освобождена от рабства, и только патриархальных рабов, бывших во владении узденей, Шамиль оставил в прежнем положении. Демократические лозунги имама создали ему громадную популярность в массах. А царская администрация, вспомнив старые воззвания Паскевича, писанные еще во времена начала деятельности первого имама, заговорила языком тридцатого года. Едва отшумел 1843 год, как новый главнокомандующий на Кавказе, А.И.Нейдгарт, пишет в воззвании к горцам о Шамиле, «...который проповедует равенство и истребление всех наследственных властей с единственной целью завладеть наследиями ханов и беков» и который «наполнил ваши аулы ненавистными муртозигатами... обременил вас тяжкими налогами...»[4]. Но вопли не помогали. Проповедь равенства оказывалась сильнее призывов к традиционному рабству. Однако наибольших успехов третий имам достиг в вооруженной борьбе.

---

[1] Там же. С. 131.

[2] *Вранкен А.К.* Краткий обзор последних событий в Дагестане, составлен Генерального штаба капитаном Вранкеном. Обзор датирован 4/X-1843 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 1 об.

[3] *Чайковский П.П.* Записка о военных действиях в Чечне и Дагестане в 1844 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 430. Л. 24 об.

[4] Копия воззвания А.И.Нейдгарта // Там же. Л. 5 об. Ср.: АКАК. 1884. Т. 9. С. 753.

Шамиль в Аварии. Падение укреплений

К августу месяцу приготовления были закончены, и имам повел наступление против разбросанных по Аварии царских укреплений. 27 августа Шамиль появился под Унцукулем, где к этому времени создано уже было русское укрепление. Часть унцукульцев с Кибит-Хаджи, известным своей изменой Шамилю в 1841 г., попыталась встретить имама перед аулом, но была отброшена. Началась блокада. Находившийся недалеко от Унцукуля подполковник Веселитский с небольшим отрядом 29 августа решил попытаться освободить укрепление. Но смелую операцию, требовавшую быстроты, он повел медленно и нерешительно, дал мюридам время сконцентрировать силы и лишь тогда ворвался в сады, окружавшие Унцукуль. Здесь его батальон был истреблен до последнего человека, а сам он погиб. Мюриды захватили два орудия, которые тотчас же были обращены против Унцукуля. В самом ауле часть жителей выступила с категорическим требованием сдачи. Кибит-Хаджи, Алило и другие приверженцы русских перебрались в верхнюю часть аула, в то время как нижней завладели мюриды. Впечатление от гибели отряда Веселитского сковало ближайшие русские отряды. Штурм Унцукуля велся настойчиво, и 30 августа Кибит-Хаджи со своими приверженцами сдался Шамилю, выговорив себе пощаду[1]. Начальник гарнизона подпоручик Аносов продолжал сопротивление до рассвета 31 августа, когда, видя неизбежную гибель, вместе с остатками гарнизона сложил оружие.

Получив сведения о падении Унцукуля, майор Косович, начальник ближайшего укрепления, Харачи, поспешил очистить укрепление, которое в тот же день 31 августа было занято мюридами. Занятие Харачи открывало Шамилю дорогу внутрь Аварии. Вот почему командовавший здесь войсками генерал Клюки фон Клугенау сделал попытку восстановить положение. По его распоряжению 1 сентября Зайцев с тремя ротами попытался предпринять штурм Харачи. Однако мюриды выдержали натиск. Атакующая колонна была приведена в замешательство, все офицеры ее перебиты. Подошедшие было резервы также были опрокинуты. В этой короткой атаке три роты, участвовавшие в деле, потеряли 13 офицеров и 185 солдат, две трети из которых были убиты[2]. Теперь генерал Клугенау со всем аварским отрядом бессилен был помешать продвижению Шамиля. Он медленно отступал к Хунза-

[1] Рапорт Клюки фон Клугенау генералу Гурко от 29/IX-1843 г., № 181 //АКАК. 1884. Т.9. С.769. Сведения о взятии Унцукуля Клугенау получил от бежавшего «почетного унцукульского жителя подпоручика Алико».

[2] Рапорт Клюки фон Клугенау генералу Гурко от 29/IX-1843 г., № 181 // АКАК. Т.9. С.770.

ху, наблюдая, как мюриды берут одно за другим укрепления в Аварии.

2 сентября было обложено, а 3 сентября взято укрепление в Балаканах. 5 сентября сдалась небольшая Моксохская башня, гарнизон которой состоял из 25 человек. В тот же день мюриды обложили укрепление Цатаных. Этот пункт был особено важен: в 1842 г. сюда перевезли весь артиллерийский парк дагестанского отряда после неудачной ичкеринской экспедиции Граббе. Взятие Цатаныха должно было дать Шамилю громадное количество снаряжения. Гарнизон укрепления состоял из 300 человек под командой капитана Дементьева. Он оказал отчаянное сопротивление, несмотря на явную безнадежность защиты. Несколько штурмов было отбито, но, наконец, держаться дальше оказалось невозможно. Мюриды ворвались в укрепление, где немногие оостaвшиеся в живых защитники пытались обороняться. Из трехсот человек гарнизона в этой героической обороне погибли почти все, в плен попало не более 10 человек[1].

7 сентября, когда мюриды подошли к укреплению Ахальчи, его командир, прапорщик Залетов, даже не попытавшись сопротивляться, сдался. Шамиль вышел к крайнему восточному из аварских укреплений, к Гоцатлю. 8 сентября Гоцатлинское укрепление было обложено, а уже 11 пало. «Части войск в Моксокской башне и в Гоцатле дрались отчаянно»[2]. Клугенау, находившийся с аварским отрядом в Хунзахе, не мог оказать помощь ни одному из этих укреплений, он рисковал бы быть отрезанным от своей базы Темир-Хан-Шуры и истребленным. Поэтому Клугенау укрепился в Хунзахе, где надеялся при неблагоприятном повороте дел все же отсидеться до прихода помощи. Самурский отряд, по словам цитированного выше Вранкена, «составлял всю надежду осажденных в Хунзахе»[3].

Критическое положение аварского отряда и неслыханные дотоле успехи Шамиля вынудили русское командование экстренно перебросить в Нагорный Дагестан Самурский отряд под командой Аргутинского-Долгорукова. Через два дня после взятия Гоцатля Аргутинский подошел к этому аулу, закрывавшему доступ внутрь Аварии к Хунзаху. После упорного боя на подступах к Гоцатлю мюриды отступили, и 14 сентября Аргутинский соединился с Клугенау в Хунзахе. Аварский отряд (вернее, его остатки) был спасен. Но почти вся Авария потеряна. С 18 по 27 сентября Клугенау и Шамиль маневрируют в Аварии, подстерегая друг друга, но решительного перевеса не удалось добиться ни тому, ни другому.

---

[1] Там же. С.773.

[2] *Вранкен А.* Краткий обзор последних событий в Дагестане. Л.3 об.

[3] Там же. Л. 4.

Маневрирование в Аварии

Маневры были единственным средством, которое еще могло дать надежду на сохранение Аварии. Клугенау «...хорошо знал, что в тогдашних обстоятельствах вывести русские гарнизоны из деревень значило разрешить сим последним тотчас передаться Шамилю»[1]. Противники столкнулись при сел. Танус. Это невыигранное русскими сражение является ярким показателем того, какое впечатление произвели успехи Шамиля в Аварии. Неоднократно цитированный выше капитан Вранкен мрачными красками рисует и растерянность командования, и упадок духа у войск: «...8 егерская рота Мингрельского полка, поставленная в отдельном хуторе для обеспечения за нами воды, бежала от 30 мюридов, бросившихся на нее в шашки»[2]. А это ведь были солдаты Кавказской армии, не раз одерживавшие победы в неизмеримо более тяжелых условиях, чем это было при Танусе. Падение ряда укреплений, бессмысленная трата человеческих жизней, полное неумение командования справиться с положением привели к тому, что командование потеряло всякий авторитет. Клугенау неожиданно для себя столкнулся с упорным сопротивлением мюридов при Танусе. У Шамиля была теперь артиллерия. И Клугенау растерялся: «Все полагали, что Шамиль держится в Танусе только для того, чтобы ночью удобнее отступить и увезти с собой орудия; и, правду сказать, мы были рады накинуть золотой мост потому, что решиться на приступ, по упадку духа в войсках[3], было весьма опасно»[4]. Но «...время проходило, заряды истощались, мюриды держались упорно, а милиционеры целыми десятками бегали домой из отряда»[5]. Наконец, на четвертый день Клугенау «решился занять позицию вне выстрелов»[6], т.е., проще говоря, отступил.

В промежуток времени с 27 августа по 21 сентября мюриды овладели всем Аварским плоскогорьем, за исключением одного Хунзаха. Русские войска потеряли шесть укреплений, передали в руки неприятеля 12 орудий, 4000 орудийных зарядов, 250 тысяч патронов. Выбыло из строя: один генерал, 65 офицеров, 2000 солдат. Это было более чем поражение, это был полный разгром русских войск Северного Дагестана. Только энергичные действия Са-

[1] Там же. Л. 3 об.

[2] Там же. Л. 15.

[3] Клугенау пытается оправдать себя и сваливает все на упадок духа войск. Между тем, главная-то вина лежала не на войсках, а на командовании, которое своими противоречивыми и неуверенными распоряжениями создало для отряда критическую обстановку и теперь боялось идти на решительные действия.

[4] *Вранкен А.К.* Краткий обзор последних событий в Дагестане. Л. 7.

[5] Там же. Л. 8.

[6] Там же. Л. 8 об.

мурского отряда силой в 6000 штыков и сабель дали возможность спасти остатки войск в Аварии.

Наступление имама на Кумыкскую плоскость

Между тем, возраставшее брожение в обществах, расположенных по верховьям Андийского Койсу, вновь стало угрожать Казикумуху. Сюда также были переброшены войска, и ханство осталось спокойным. Войска имама начали движение против последних андалальских аулов, все еще сохранявших покорность России. Положение делалось все более и более напряженным. Русское командование начало концентрировать силы для защиты, но внезапно имам появился в совершенно противоположной стороне, пытаясь выйти на Кумыкскую плоскость. Выход из Чечни на плоскость закрывала крепость Внезапная, та самая, которую безуспешно осаждал Гази-Мухаммед. Шамиль повел наступление на примыкавшее к ней кумыкское селение Эндери (у русских — кр. Андреева).

Но кумыкские феодалы оказали упорное сопротивление и при поддержке русских войск отбросили имама. Впрочем, трудно утверждать, что взятие Эндери было действительной целью имама. Возможно, что движение на Кумыкскую плоскость было простой диверсией. Если это действительно так, то Шамиль добился полного успеха: Клугенау, опасаясь за Темир-Хан-Шуру, куда имам мог двинуться с Кумыкской плоскости, отошел из Аварии в шамхальство.

Гергебиль

Первый в 1843 г. успех царских войск под Эндери был быстро парализован, так как для спасения Кумыкской плоскости часть войск пришлось оттянуть из Дагестана. Имам воспользовался этим. 28 октября, т.е. на другой день после ухода Клугенау в Темир-Хан-Шуру, Кибит-Магома осадил Гергебильское укрепление, расположенное на Койсу и прикрывавшее путь из Андалаля в Аварию. Гарнизон оказал решительное сопротивление и держался в течение нескольких дней. 6 ноября на хребте, господствующем над Гергебилем, показался отряд генерала Гурко. Защитники укрепления приветствовали его как спасителя. Но отряд не решился спуститься, опасаясь полного истребления в невыгодной для сражения местности, и повернул обратно. 8 ноября, после двенадцатидневной осады, Гергебиль пал. «Гарнизон оборонялся отчаянно и пал с оружием в руках до единого человека»[1]. Падение Гергебиля окончательно решило судьбу Аварии: положение Хунзаха становилось критическим, и русское командование отдало приказ Аварскому отряду отступить в шамхальство. Но оказа-

[1] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 430. Л. 89 об.

лось, что выполнить этот приказ далеко не просто. Отряд под командой генерала Пассека оказался отрезанным на Аварском плоскогорье. Горные проходы заняты были значительными силами мюридов.

Восстание в шамхальстве и Мехтуле

Политическое значение падения Гергебиля было еще больше. «Генерал-майор Клугенау присовокупляет, — писал Нейдгарт, — что появление неприятеля под Гергебилем имело неблагоприятное для нас влияние на умы жителей Мехтулинского ханства, правительница которого положительно объявила, что не имеет никаких средств к удержанию подданных своих в должном повиновении»[1]. И это понятно. С одной стороны, усиление повинностей, энергично поддерживавшееся царскими войсками, с другой — Шамиль, ликвидировавший феодальную эксплуатацию, освобождавший крестьян. Выбор не составлял труда. Почва была хорошо подготовлена. В этот момент, 10 ноября, имам появился в шамхальстве, где сразу же вспыхнуло восстание.

Уже 12 ноября Гурко писал Нейдгарту: «Шамхальские владения в настоящее время находятся в полном восстании. Вчерашнего числа [т.е. 11 ноября, на следующий день после вступления Шамиля в шамхальство. — *Н.П.*] 1000 шамхальцев, надев чалмы в знак мюридизма, разграбили купеческий транспорт, состоявший из 200 повозок, около Низового укрепления»[2]. Шамиль выходил к морскому берегу, а это грозило полным разрывом сообщений Темир-Хан-Шуры с Дербентом, т.е. с Закавказьем. Если же принять во внимание еще небезопасность сообщений с линией, то критическое положение отрядов, оставшихся в Северном Дагестане, станет понятно. Считаясь с угрозой полной блокады, Гурко снял войска со всех укреплений Сулакской линии и образовал из них подвижной резерв в Кази Юрте для охраны сообщений.

К середине ноября весь Северный Дагестан казался потерянным для России: восстание охватило, кроме шамхальских аулов, все Мехтулинское ханство, последние, остававшиеся еще под властью царизма, аулы Койсубу, оно перекидывалось в общества Даргинского союза. В конце 1843 г. Вранкен так характеризовал положение, создавшееся в Дагестане в результате поражений русских войск: «Весть о неудачах наших быстро разнеслась по Кавказу... покорные нам дагестанские общества и деревни готовились

[1] Рапорт А.И.Нейдгарта А.И.Чернышеву от 8/XI-1843 г., № 1928 // АКАК. 1884. Т. 9. С. 783.

[2] Рапорт В.И.Гурко А.И.Нейдгарту от 12/XI-1843 г., № 254 // Там же. С. 784.

передаться Шамилю. Шамхальцы даже явно говорили, что не могут защищаться, черкеевцы намеревались бежать»[1].

Рапорт командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Нейдгарта военному министру, графу Чернышеву, излагающий положение в Дагестане, похож на истерику: «Акушинское и Цудахарское общества совершенно нам изменили и предались явно власти Шамиля; в шамхальстве Тарковском, в Мехтулинском ханстве и в Каракайтаге обнаруживаются сильные волнения; некоторые из Мехтулинских деревень, лежащих на границе с Акушинским обществом, приняли сторону мюридов, а прочие готовы последовать их примеру; толпа горцев разграбила Урус-Булакскую почтовую станцию на большой дороге из Дербента в Шуру, сожгла пост и увела лошадей, а стада, пасшиеся в окрестностях сел Карабудах Кента в шамхальстве Тарковском и в недальнем расстоянии от означенной дороги, сделались добычей акушинцев, так что сообщение между Дербентом и Шурою если не совершенно прекращено, то сделалось, по крайней мере, весьма опасным, тем более, что жители Терекемейского участка, через который пролегает этот путь, начинают оказывать явное неповиновение»[2].

Нейдгарт не преувеличивал. Терекеменцы действительно восстали и 11 ноября «...некоторые из них... простирали свою дерзость до того, что под стенами крепости [Дербента. — *Н.П.*] завязали перестрелку с гарнизоном, продолжавшуюся несколько часов»[3]. Царизм почти не имел здесь войск в этот момент: аварский отряд Пассека был блокирован в Хунзахе, остальные военные части — в Темир-Хан-Шуре и укреплении Низовом, расположенном рядом с упраздненной крепостью Бурной. Шамхал, правительница Мехтулинского ханства и хан бежали. Все имущество шамхала захвачено было Шамилем (для вывозки его в горы потребовалось 300 ишаков). 10 ноября было обложено Низовое укрепление, среди осаждавших преобладали акушинцы и цудахарцы, до сего времени не выступавшие против России. Многочисленный гарнизон Низового после 8 дней осады находился в крайности и почти потерял возможность сопротивляться, когда его выручил Фрейтаг. Гарнизон был выведен из укрепления.

Восстание отозвалось и на Сулаке. Здесь 12 ноября перешел к Шамилю Зубутл. Фрейтаг поспешил к Сулаку и 22—23 ноября нанес поражение мюридам под сел. Миатлы. Но это не могло остановить развертывающихся событий. На следующий день после поражения к восставшим присоединился Черкей, тот самый Чер-

---

[1] *Вранкен А.* Краткий обзор последних событий в Дагестане. Л.12.

[2] Рапорт А.И.Нейдгарта А.И.Чернышеву от 14/XI-1843 г., № 1962 // АКАК. 1884. Т. 9. С. 785.

[3] Рапорт А.И.Нейдгарта А.И.Чернышеву от 17/XI-1843 г., № 1972 // Там же. С. 788.

кей, который с таким трудом взят был соединенным отрядом в 1841 г. И, наконец, в довершение всех бедствий для царского владычества Шамиль, казалось, готов был снова двинуться в Казикумух. По крайней мере, Аргутинский писал, что имам «...подсылал одного из беглецов казикумыхских к Абдур Рахман беку, приглашая его возмутить народ и присоединиться к нему»[1]. Но эти сношения, так сильно встревожившие царскую администрацию, являлись скорее уже показателем неблагоприятным.

В разгар своих успехов имам принял некоторые меры к организации власти в шамхальстве, и здесь впервые с 1840 г. он отступил от обычной своей линии. Вместо назначения наиба Шамиль назначает шамхала. Правда, авторы, сообщающие об этом, отмечают, что в шамхалы выдвинут был брат правившего во время царского владычества Абу-Муслима, Мухаммед-бек, человек почти совершенно глухонемой и умственными способностями не блиставший. Но сам факт замещения шамхальского места каким-либо ханом может объясняться одним — стремлением к союзу с беками, стремлением привлечь аристократию шамхальства на сторону мюридизма, т.е. повторением попытки Гази-Мухаммеда. В условиях народного восстания, которое развернулось в шамхальстве, такой ход едва ли может быть назван логичным, но тут уже, очевидно, сказалось давление аульской верхушки на имама.

Отступление имама из шамхальства

Так или иначе, но удержаться в шамхальстве имам не смог. Подтянутые с Кавказской линии царские войска 14 декабря 1843 г. освободили, наконец, Темир-Хан-Шуру из блокады, продолжавшейся более месяца. 15 декабря у аула Большие Казанищи произошло решительное столкновение русского отряда с мюридами. Победа осталась на стороне русских, Шамиль отступил в горы. И тут же вслед за сражением почувствовался какой-то перелом: мехтулинцы 16 декабря прислали депутацию, желая покориться[2]. Тем временем русские войска поспешили на помощь аварскому отряду Пассека, который еще 16 ноября выступил из Хунзаха, но был осажден мюридами в Зырянах. Только теперь подоспевшие части отбросили мюридов в горы и освободили из блокады отряд Пассека. Шамхальство осталось в руках России, но Авария была потеряна окончательно.

Итоги 1843 г.

Таким образом, народно-освободительная борьба горцев в 1843 г. достигла наивысшего подъема и наибольших успехов в

[1] Письмо М.З.Аргутинского А.И.Нейдгарту от 27/XI-1843 г. // АКАК. 1884. Т. 9. С. 790.

[2] Там же. С. 796.

Дагестане. В Чечне Сунженская линия благодаря успехам восстания оказалась в критическом положении. Кастильон, характеризуя военное положение царизма в начале 1844 г., писал: «В настоящее время пять укреплений по Сунже: Волынск, Казакичу, Заканюрт, Грозная и Умаханюрт, расположенные между пустыней и враждебной страной, могут наблюдать лишь пространство не более, чем на 1/2 лье от места их расположения. Можно даже утверждать, что сунженская линия более не существует»[1]. Это, разумеется, преувеличение, т.к. сунженские укрепления задерживали распространение имамата на притеречные аулы и Кабарду, но несокрушимой стеной они, действительно, перестали быть.

Но была потеряна не только территория, в 1843 г. был нанесен тяжелый удар Кавказской армии. По подсчетам одного из военных писателей, использованным в «Актах Кавказской археографической комиссии», русские войска с 27 августа по 22 декабря, т.е. с момента появления Шамиля под Унцукулем и до момента его поражения у Больших Казанищ, потеряли офицеров — 76 (в том числе взято в плен 10), солдат — 2308 (в том числе взято в плен 312). А кроме того, мюридам достались большие трофеи: 27 орудий, 8 крепостных ружей, 2152 ружья, 13816 зарядов, 350000 патронов, 50 пудов пороха. И, наконец, Шамиль разрушил до основания 12 укрепленных пунктов[2].

Военные действия 1840—1843 гг. имели большое значение и для оценки русскими генералами сил своего противника. Неоднократные неудачи кавказского командования[3] изменили его точку зрения на военные способности горцев. Да и длительный военный опыт наряду с правильной организацией, введенной, как мы видели, Шамилем, сильно подняли боеспособность горских масс. «До 1834 года, — писал один из участников Кавказской войны, — долголетний опыт научил принимать в расчет для боя на открытом месте 1 русского на 3-х горцев. А ныне[4], когда уже горцы на ратное дело приучились опытом и от нас же поняли начала тактики, можно на открытом месте, под предводительством мужественного военачальника, смело итти один на один с надеждой на победу, несмотря на то, что горцы, по недостатку пороха, бросаются в рукопашный бой с кинжалом и шашкою»[5]. И тут же автор при-

[1] Копия с письма французского консула в Тифлисе министру иностранных дел Франции от 8/V-1844 г. // ЦВИА ВУА. Фонд Департамента Генерального штаба. 1844 г. Д. 113. Лит. Б. Л. 25.

[2] АКАК. 1884. Т. 9. С. XIII. Данные взяты у Окольничего.

[3] Не следует забывать, что при наличии в Кавказской армии дельных, а порой и талантливых командиров командный состав страдал многими недостатками, характерными для николаевской армии.

[4] Написано в 1844 г.

[5] *Чайковский П.П.* Записка о военных действиях в Чечне и Дагестане в 1844 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 430. Л. 44, 44 об.

бавляет: «наше со штыком ружье длиннее шашки почти вдвое»[1]. Обратим внимание на две очень любопытные оговорки: на то, что «можно итти один на один» лишь «под предводительством мужественого военачальника» и что существует не уверенность в победе, а лишь надежда на нее. Другими словами, автор считал в 1844 г. горскую армию по боеспособности равной армии царской. Это учло и командование. Сразу вслед за поражениями 1843 г. на Кавказ было двинуто еще две пехотных дивизии. Кавказские войска получили подкреплений 43 000 человек, а на 1844 г. Отдельному Кавказскому корпусу ассигновано было на расходы 34 миллиона рублей[2].

Одним словом, успехи восстания были очень велики. Именно в этот период Шамилю удается добиться наиболее значительного увеличения подвластной ему территории. Позднее горцы будут еще одерживать крупные военные победы, но к сколько-нибудь значительному расширению имамата они не приведут. Война маневренная перейдет постепенно в войну позиционную. И это понятно. Мюридизм слишком силен теперь, чтобы можно было рассчитывать покончить с ним одним ударом, но неожиданно он оказался слишком слаб, чтобы двигаться дальше вперед. Ближайшие два года, последовавшие за описанным, были еще временем, когда ярко вспыхивала первоначальная энергия мюридизма, позже — начинают уже ясно ощущаться перемены.

4. НАЧАЛО ПЕРЕМЕН

Военные действия 1844 г.

Первый из переходных годов, показавший, что расширение имамата закончилось, наполнен лишь бесплодными попытками обеих сторон добиться решительного перевеса над противником. Но военные операции как бы выдыхаются. С самого же начала 1844 г. Россия продолжает ликвидацию восстания в Приморском Дагестане. 13 января Ренненкампф одерживает победу при Берикее. Но уже в последних числах января начинается концентрация мюридов против Табасарани и Кайтага, возможно, с расчетом оттуда продвинуться к Дербенту.

Кайтаг

29 января мюриды выступили в Акушу. Одним из их предводителей был Омар[3] Уцмиев, родственник кайтагского Джамов-бека, представитель ряда видных дагестанских феодалов. Факт любопытный. Как видим, имам, выходя в ханства Приморского Дагестана, не отказывается от союза с местными феодалами.

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] В издании рапорта А.И.Нейдгарта А.И.Чернышеву от 20/II-1844 г., № 211, опечатка: вместо Умар (Омар) напечатано Ушар. См.: АКАК. 1884. Т. 9. С. 811.

Хаджи-Яхья — в Казикумухе, Мухаммед-бек — в шамхальстве, Омар Уцмиев — в Кайтаге. Все это имена, которые не могут не навести на размышления. Да и Хаджи-Мурата вряд ли можно считать простым аварским крестьянином. Недостаточно ясное представление о задачах движения, несомненно, заставляло имама делать ошибки. Осознал он их гораздо позднее, лишь в пятидесятых годах. В середине февраля 1844 г. мюриды были уже у цели, недалеко от аула Башлы, а 27-го заняли аул Марагу и двигались к Карчагу. 1 и 2 марта они сделали ряд неудачных движений и открыли подошедшему с Самурским отрядом Аргутинскому слабые пункты. Этот не упустил случая. 3 марта он бросился на Дювек, занятый частью мюридов, и взял его. Кайтаг и Табасарань остались за русским правительством, т.к. беки, конечно, сейчас же примкнули к сильнейшему.

Казикумух

В конце марта начались волнения в Казикумухе, а в первых числах апреля на границах ханства показались войска Шамиля. Царское командование опять попало в критическое положение. Генерал Аргутинский не рассчитывал на местные силы, находившиеся в руках хана: «По последним известиям, — писал Нейдгарт, — ...казикумухцы едва ли будут защищаться и обнаруживают явное намерение отложиться»[1]. И действительно, медленно, но верно мюриды продвигались внутрь ханства, подходя к Кумуху. 16 апреля «неприятель занял уже селения самые ближайшие к этому городу»[2]. Генерал Аргутинский спешно двинулся в ханство: 18 апреля он занял Кумух, а 21 апреля отбил наступление мюридов в сражении при Марги.

Чечня

После этих двух поражений Шамиль на некоторое время прервал наступательные действия. Русское командование попыталось использовать момент для нажима в Чечне. Здесь 6 марта 1844 г. был убит чеченцами один из крупнейших деятелей имамата — Шуаиб-мулла. Это давало некоторую надежду на успех экспедиции в Чечню. Надежды были подогреты сообщениями отдельных чеченских старшин об их недовольстве Шамилем и о том, что «900 семей готовы подняться и перейти на русскую сторону»[3]. Однако надежды оказались преждевременными. Когда генерал

[1] Рапорт А.И.Нейдгарта А.И.Чернышеву от 23/IV-1844 г., № 9 // АКАК. 1884. Т. 9. С. 823.

[2] Рапорт М.З.Аргутинского А.И.Нейдгарту от 24/IV-1844 г. // Там же. С. 825.

[3] *Чайковский П.П.* Записка о военных действиях А.И.Нейдгарту от 24/IV-1844 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 430. Л. 12 об.

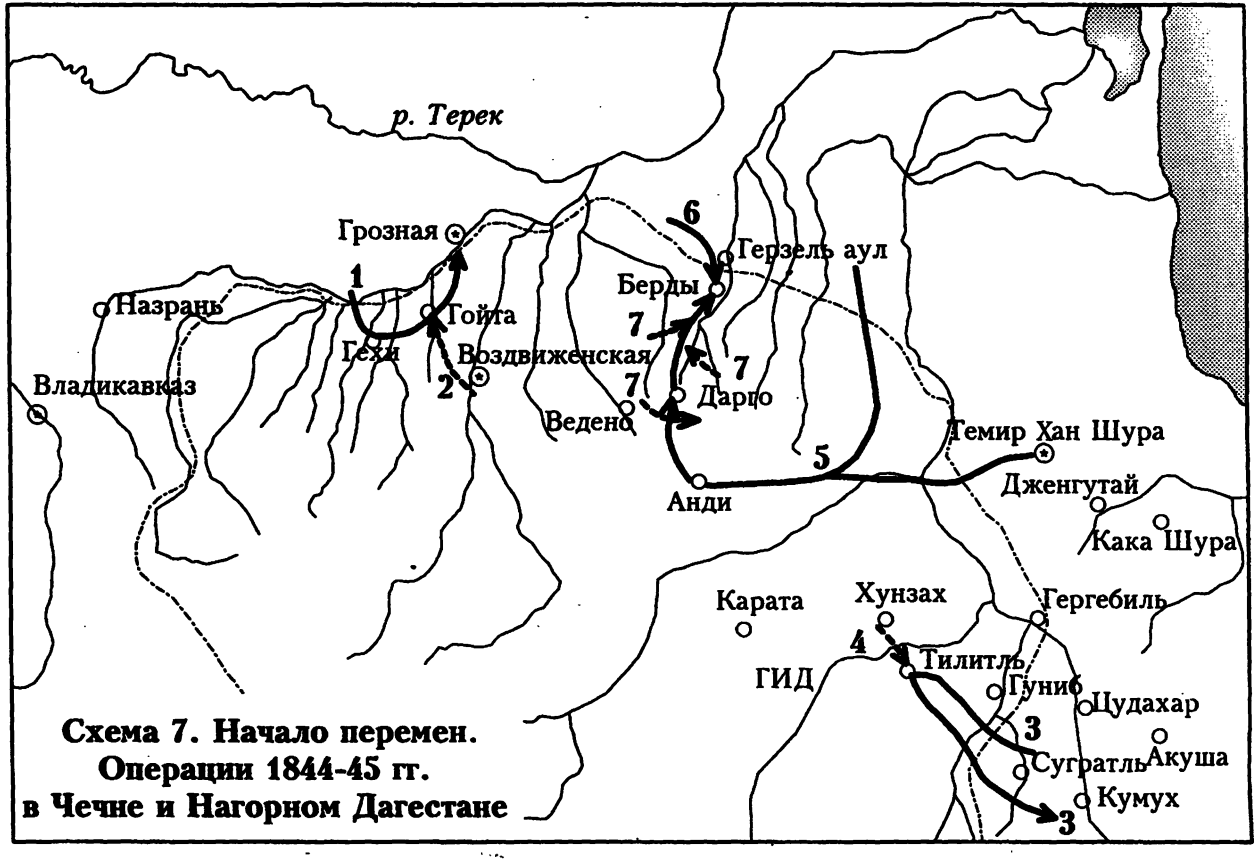
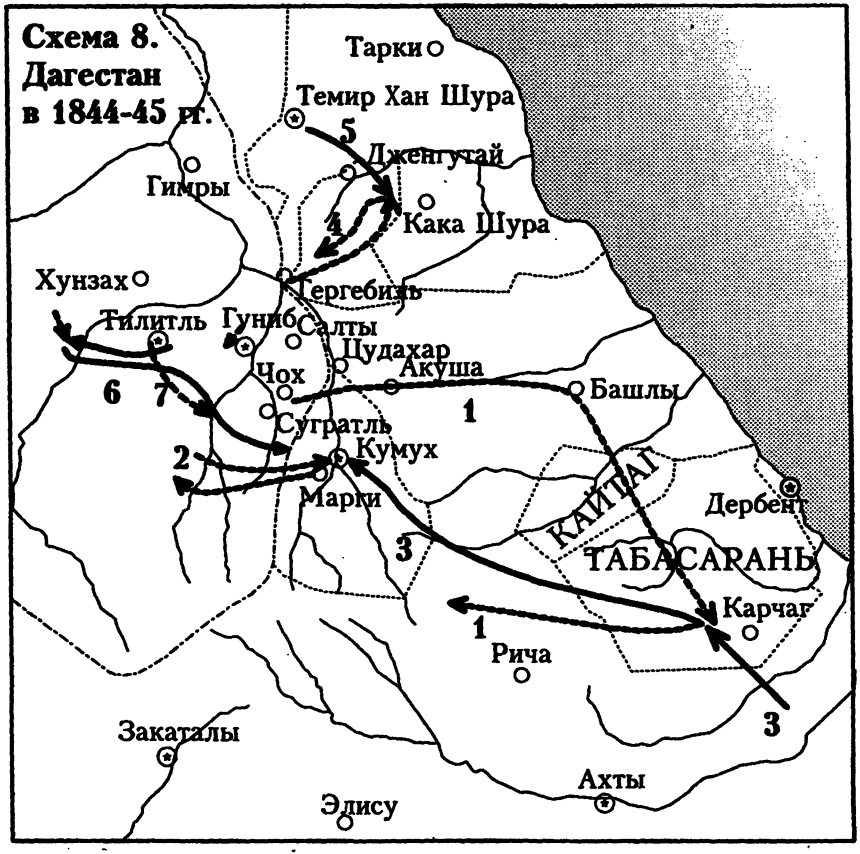

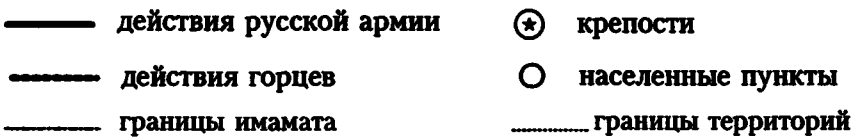
Схема 7. Начало перемен.
Операции 1844-45 гг.
в Чечне и Нагорном Дагестане

7. Действия противоборствующих сторон

1. Нестеров 15-19.V.1844.
2. Шамиль V.1844.
3. Аргутинский 09-18.IX.1844.
4. Шамиль IX.1844.
5. Воронцов VI-VII.1845.
6. Фрейтаг VII.1845.
7. Шамиль VII.1845.

Схема 8.
Дагестан
в 1844-45 гг.
Тарки
Темир Хан Шура
5
Дженгутай
Гимры
4
Кака Шура
Хунзах
Гергебиль
Тилитль
Гуниб
Салты
Чудахар
Акуша
Чох
6
7
Башлы
1
Сугратль
Кумух
2
Марки
КАЙТАГ
Дербент
3
ТАБАСАРАНЬ
Карчаг
1
Рича
3
Закаталы
Ахты
Эдису

8. Действия противоборствующих сторон

1. О. Уцмиев 29.I - 03.III.1844.
2. Шамиль III - IV.1844.
3. Аргутинский 03.III - 21.IV.1844.
4. Шамиль 01-03.VI.1844.
5. Пассек 03.VI.1844.
6. Аргутинский 1845.
7. Шамиль 1845.

Фрейтаг двинулся «выводить» аулы, он едва не попал в ловушку и спасся лишь быстрым отходом из угрожаемого места. А в этот же момент, 15 мая 1844 г., другой отряд под командованием П.П.Нестерова неосторожно углубился в Гехинский лес: «Здесь повторилось, только в меньшем виде, известное поражение десятитысячного отряда ген.адъютанта Граббе в Ичкеринском лесу в 1842 г.»[1]. Нестерову помог выйти из ловушки генерал Фрейтаг. Соединенные отряды двинулись к Грозной, но 19 мая в Гойтинском лесу были сильно атакованы чеченцами. Только то, что Шамиль запоздал подойти к Гойтам на 2—3 часа, позволило отрядам пробиться, хотя и с большими потерями, и вернуться в Грозную. Таким образом, Шамиль не смог в марте—апреле войти в Приморский Дагестан, царизм же в мае был отбит из Чечни.

Сражение при Гилли

В июне попытки Шамиля начинаются снова. На этот раз его целью было шамхальство. 1—2 июня имам двинулся на Дженгутай, но 3 июня между селениями Кака Шура и Гилли был встречен и разбит Д.В.Пассеком. В результате кавказское командование не только сохранило шамхальство и Мехтулу, но и получило изъявление покорности от Акуши. Впрочем, последнее было чисто формальным. Новый успех в Дагестане заставил русское командование попытаться нанести удар Шамилю с этой стороны. 9 сентября Аргутинский двинулся на Тилитль, внутрь имамата. Два дня, 17 и 18 сентября, он вел безуспешные атаки на хорошо укрепленный аул и затем отошел, ничего не добившись.

В Чечне, кроме описанной, было еще несколько экспедиций, но операции ограничивались мелкими стычками и русские войска достигли только одного успеха — постройки Воздвиженского укрепления на Аргуне. Воздвиженское должно было теперь стать базой для частых набегов на чеченские аулы, для зимних рубок леса в плоскостной Чечне.

Переход к Шамилю Даниэль-бека

Но если в военной жизни 1844-й год не дает ничего выдающегося, то нельзя сказать того же о политическом положении имамата. Успехи Шамиля в 1843 г. заставили многих из подчинившихся царизму феодалов подумать о дальнейшей своей судьбе. Перебежки к имаму отдельных беков нередки в это время, и в 1844 г. произошла одна из таких перебежек, которые заставили немало потревожиться русское командование. В июне всенародно в мечети принял присягу на верность Шамилю генерал-майор царской службы, султан Элисуйского княжества Даниэль-бек. Правда, проектированное им восстание не удалось, к княжеству были

[1] Там же. Л. 12.

подтянуты царские войска, и Даниэль-бек принужден был бежать в горы. Несколько позже мы встречаем его в качестве одного из наибов Шамиля, ведущего борьбу с русскими войсками в Акуше, затем он назначается наибом отколовшегося от Казикумуха и присоединившегося к имамату Дусрарата. Даниэль-бек оказался одной из наиболее видных политических фигур имамата, и о нем нам неоднократно придется еще вспоминать. Переход его к Шамилю знаменовал собой слабость позиций России на Кавказе и силу влияния в Дагестане Шамиля. Но вместе с тем усиливалась угроза нажима феодальных элементов на политику имама.

Даргинское совещание 1845 г.

Серьезность положения в Чечне заставила имама созвать в январе 1845 г. в Дарго совещание наибов, работа которого отразилась в официальной русской переписке. «Командующий левым флангом Кавказской линии донес мне от 15/11, № 120, — пишет Завадовский, — что на днях он получил достоверное сведение через лазутчиков, а также через прибывшего к нему нарочного от за-Аргунского старшины, имеющего вес в народе и находящегося с г.-л. Гаксфортом в тайном сношении, что Шамиль собирает в Дарги всех наибов чеченских и тавлинских, дабы на общем совещании рассудить о мерах к успокоению Чечни, народонаселение которой видимо разделилось на две части. Враждебная часть беспрерывно просит помощи от Шамиля, не подает надежд к покорению и имеет значительное влияние на другую часть народонаселения, более склонную к покорности нашему Правительству»[1].

При таких мотивах созыва нет ничего удивительного в том, что на этом совещании мы впервые сталкиваемся с совершенно новыми нотками: «...после того, как около дома Шамиля сошлись его наибы и старшины, имам взошел на крышу сакли и с нее стал бранить своих ближайших помощников, упрекая их в том, что по дошедшим до него слухам, они притесняют народ...»[2]. Эта речь показывает нам новый момент во внутренних отношениях в имамате, она говорит о каких-то разногласиях в лагере восставших, и в первую очередь в Чечне. Наибы оказываются уже в роли притеснителей, тогда как еще в 1840—1841 гг. они выступали как освободители от царского ига. Это несомненный показатель начинающихся изменений во внутренних отношениях в имамате. Правда, к собщениям подобного рода приходится относиться с некоторой осторожностью, особенно, когда они исходят из официальных царских источников, но в данном случае подобная постановка во-

[1] Копия с рапорта генерал-адъютанту А.И.Нейдгарту временно командующего войсками на линии и в Черномории Н.С.Завадовского от 24/II-1845 г., № 488 // ЦВИА ВУА. Д. 6575. Л. 39.

[2] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе // КС. 1887. Т. 11. С. 37.

проса, хотя и осторожная, уже возможна — позднее она будет зафиксирована весьма четко.

Внутренние трения в имамате

Сообщение о выступлении Шамиля на Даргинском совещании подтверждается и фактами иного порядка. В конце 1844 — начале 1845 г. и русское командование начинает чувствовать какие-то изменения в положении имамата. Оно узнает, что «...шубутовцы, жившие в верховьях Аргуна, не допустили к себе партию мюридов, прибывшую от имама для наказания нескольких ослушников из их среды, а акушинцы разбили партию муртазеков Шамиля, изгнали поставленного им наиба и обратились за помощью к ближнему начальству»[1]. Начинаются переходы отдельных чеченцев под власть России. В течение 1844 г. беспрерывно возвращались с гор на прежние места жители притеречных селений. В 1845 г. списки вернувшихся на родину и просто бежавших от Шамиля чеченцев значительно увеличились: каждый месяц «из гор выбегало» по 35—40 человек, в основном жителей Большой Чечни[2].

А 12 января 1845 г. военный министр Чернышев писал, что, по полученным им с Кавказа сведениям, один из известных в Чечне кадиев, Исса, вел переговоры с царским командованием о выходе от Шамиля 4000 чеченских семейств[3]. Как видно будет из дальнейшего, решающего значения этим сведениям придавать нельзя, однако все это опять-таки показатель каких-то перемен во взаимоотношениях внутри имамата.

Обращает на себя внимание и поручение, данное Шамилем наибу Большой Чечни Саибдуле: отобрать аманатов от обществ Малой Чечни; для содействия Саибдуле направляются мюриды-дагестанцы.

Чтобы найти объяснение всем этим фактам, обратимся, прежде всего, к вопросу о составе шамилевских наибов в Чечне. Большая часть из них — люди из «уважаемых фамилий» и зачастую люди богатые, т.е. та самая аульская верхушка, те представители сильных родов, которые дают нам ряд ярких примеров эксплуатации узденей. С наступлением некоторого военного спокойствия, с переходом к мелким операциям, когда, казалось, Чечне удалось окончательно освободиться от ига царизма, начинается борьба в ауле, борьба, которая легко могла вылиться в неподчинение наибу

[1] Копия с рапорта генерал-адъютанту А.И.Нейдгарту временно командующего войсками на линии и в Черномории Н.С.Завадовского от 24/II-1845 г., № 488 // ЦВИА ВУА. Д. 6575. Л. 251.

[2] Североосетинский архив. Д. 18 «О покоряющихся горцах в 1844 году»; Д. 21 «О покоряющихся горцах в 1845 году».

[3] Письмо А.И.Чернышева императору Николаю I от 12/I-1845 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6584. Л. 1.

и потребовать вмешательства имама. Здесь-то и находится ключ к речи Шамиля на Даргинском совещании в январе 1845 г.

В феврале или марте созывается еще одно совещание, на этот раз уже в Анди. Русская официальная переписка сохранила нам перечень решений этого совещания: «Шамхал Тарковский отзывом от 19/III за № 361 уведомил о полученных им из Аракана сведениях, что в созванном Шамилем общем собрании наибов в Андии решено следующее: 1) выбрать и поставить ученейших и умнейших из кадиев в каждом из 5-ти наибств, 2) кадии эти должны научать народ правоверно по всей точности по шариату, судить их и, по роду преступления, наказывать; но заслуживающих смертную казнь отсылать к Шамилю, 3) Прежде было постановление, на основании которого имение выбежавшего к нам поступало в пользу наибов. Ныне это постановление отменено и все таковые имения должны быть отдаваемы прямым наследникам бежавших, а если их нет, то родственникам их, 4) все без изъятия и во всякое время должны быть вооружены. Каждый должен иметь по 2 фунта пороху и по 200 пуль, а сверх того еще и шашку. 5) Всякая женщина должна иметь пику с железным наконечником и в случае надобности сражаться вместе с мужчинами. 6) Где бы ни произошла тревога от вторжения русских, все наибы должны поспешать туда с своими подвластными на помощь. То же самое показал и лазутчик, возвратившийся из Гимров, с присовокуплением, что главными воеводами назначены Даниэль Султан, Кибит Магома и Гаджи Мурат»[1]. В этих постановлениях чувствуется уже забота имама об укреплении обороноспособности имамата. С одной стороны, они касаются создания армии, с другой же — конкретизируют январскую речь Шамиля, ограничивая власть наибов и стремясь сократить возможность их обогащения.

Даргинская экспедиция 1845 г.

Но в мае того же 1845 г. картина опять меняется. Если с наступлением некоторого военного затишья, когда казалось, что опасность дальнейшего завоевания миновала, чеченцы отходили от движения, то при новой угрозе недовольство наибами и имамом словно исчезает. Чечня опять представляет собой надежнейший оплот мюридизма. И это совершенно понятно, по прямому распо-

[1] Выписка из военно-исторического журнала с 19 по 26/III-1845 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6576. Л. 48. Указанные вопросы напоминают повестку андийского совещания 1847 г. Случайное ли это совпадение, или же датировка Амирхана, автора «Низама Шамиля», где имеется почти единственное сообщение об андийском совещании 1847 г., неверна — нам выяснить не удалось. Совпадение далеко не полное, и может оказаться, что совещание 1847 г. только развивало постановления совещания 1845 г. Однако, с другой стороны, и хронология Амирхана чрезвычайно ненадежна. Известия о совещаниях сороковых годов пока не исследованы исторической критикой, и здесь возможны прямые легенды.

ряжению Николая I готовится большая экспедиция, чтобы «проникнуть в горы, рассеять скопища Шамиля, утвердиться в горах». Цель экспедиции — взятие резиденции имама аула Дарго. Путь главного отряда — из Чечни, от крепости Воздвиженской в Андию, вспомогательного — из Темир-Хан-Шуры туда же. Повторялась с небольшими изменениями ичкеринская экспедиция Граббе, закончившаяся тогда настоящей катастрофой. И в ответ на подготовку экспедиции «...из всех аулов Большой и Малой Чечни потянулись партиями и поодиночке вооруженные пешие и конные чеченцы, стремясь к имаму, чтобы предложить свою посильную помощь в деле воспрепятствования движению к Дарго войск главного действующего отряда»[1]. Это была демонстрация единства Чечни перед лицом опасности, грозившей ей от завоевателя. Однако начало экспедиции прошло сравнительно благополучно для русских войск.

Экспедиционный отряд под начальством самого главнокомандующего на Кавказе, только что назначенного на эту должность графа М.С.Воронцова[2], без больших потерь достиг первой цели — захвата Анди. Нужно сказать, что русское командование, опираясь на неоднократные доходившие до него слухи, будто бы андийцы тяготятся мюридизмом и готовы в любой момент от него отказаться, лишь бы получить серьезную помощь, рассчитывало на восстание в Анди с момента появления там русских войск. Расчет оказался ошибочным. Попытка восстания была быстро подавлена Шамилем[3]. Однако вторжение Воронцова произвело большое впечатление на наибов, по крайней мере на некоторых из них.

Один из горских источников сообщает, что Воронцов еще перед наступлением предлагал имаму покориться на выгодных условиях — оставить Шамилю в управление всю ту область, которую он фактически занимает. Шамиль отказался. Во время похода Воронцов повторил предложение. Наибы предлагали имаму принять русские условия, но он ответил, что может или освободить Дагестан от русских, или умереть[4]. Посланные получили этот ответ.

---

[1] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе. С. 419.

[2] Того самого, который еще в бытность свою новороссийским генерал-губернатором заслужил убийственную эпиграмму Пушкина:

«Полу-герой, полу-невежда,
К тому ж еще полу-подлец.
Но тут, однако ж, есть надежда,
Что полный будет наконец».

(*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.: Academia, 1937. Т. 2. С. 112).

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 182.

[4] *Исхак ал-Урми.* Ответы имама Шамиля (рукопись). Ср.: Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 184—185.

Тогда экспедиционный отряд двинулся к резиденции имама, аулу Дарго. Переход через лесистые горы оказался трудным. Непрерывный бой, который пришлось вести все время вплоть до самого Дарго, порядочно потрепал отряд. Когда же, наконец, войска спустились к аулу, то нашли его очищенным и зажженным самими мюридами.

Здесь, в столице имамата, царская армия оказалась в критическом положении: с недостаточным количеством боевых припасов, почти без продовольствия, обремененная ранеными, она едва могла двигаться. Нужно было получить провиант и припасы, а они находились по ту сторону покрытого лесом перевала. Колонна, сформированная для доставки всего необходимого и включавшая едва не половину всего отряда, дважды пройдя с боем через перевал, потеряла за два дня почти 1500 человек убитыми и ранеными, бросила по дороге три орудия и, разумеется, все тяжести (обоз). Вместо хлеба и боевых припасов экспедиционный отряд принял больше 700 человек раненых. Положение было близко к катастрофе. С большим трудом экспедиция двинулась к Тереку, выдерживая постоянные атаки. Дойдя уже почти до укрепления Герзель Аул, отряд остановился и не мог двинуться вперед. От окончательного истребления он спасся только благодаря подходу вспомогательного отряда.

Из 9500 человек, составлявших отряд Воронцова, выбыло из строя 3510 чел., среди которых было 3 генерала, 28 штаб-офицеров и 158 обер-офицеров. Это было больше, чем потери в несчастный для России 1843 год. Надежды одним ударом разгромить мюридизм рухнули, хотя царское правительство и не хотело публично в этом сознаться. Воронцов получил за «успешную» экспедицию княжеский титул и, как передает Зиссерман, считал, что произвел на горцев громадное впечатление[1].

Итоги

Катастрофа русских войск в 1845 г. была не меньших размеров, чем катастрофа 1843 г., но расширению имамата она все же не послужила. Усиливавшееся давление узденьской верхушки, присоединение к движению феодалов, наконец, те явления, которые вызвали необходимость даргинского и андийского совещаний, — свидетельствовали о начале новых процессов в имамате. Именно поэтому мюридизм мог еще нанести сокрушительный удар противнику, неосторожно забравшемуся вглубь Чечни, но исполь-

[1] Известный французский беллетрист Александр Дюма очень метко выразил результаты Даргинского похода в следующих фразах: «"Скажите Шамилю, вскричал своим всемогущим голосом император Николай, что у меня достаточно пороха, чтобы взорвать Кавказ". Гасконнада, — прибавляет Дюма, — возымела свое действие: она заставила смеяться Шамиля» // Dumas A. Impressions de voyage. Le Caucase. V. III. P. 47.

зовать победу для расширения имамата он уже не был в состоянии. Поражение Воронцова в Дарго было последним крупным достижением имамата.

И прежде, чем приступать к изложению событий времени постепенного упадка и разложения имамата, необходимо провести анализ внутренних отношений в государстве, созданном мюридизмом, ознакомиться с самим государственным строем и внутренней политикой теократической державы Шамиля. Вот почему мы перейдем теперь к анализу имеющихся у нас данных, рисующих организацию власти, ее социальную базу, ее экономическую политику.

Глава VI.
ТЕОКРАТИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА ШАМИЛЯ

1. ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОВ И КРЕСТЬЯН

Задачи имамата

Власть, установившаяся на территории, охваченной крестьянским восстанием в 1840—1843 гг., выросла из этого восстания и отразила все особенности породившей ее среды. Среда эта состояла прежде всего из крестьянской массы, и ее чаяния и надежды и должно было оправдать руководство имамата. На первом плане как у чеченского, так и у дагестанского крестьянства стояла борьба с царизмом, принесшим на Кавказ и колониальное закабаление горцев, и усиление местной феодальной эксплуатации.

Но поскольку борьба эта оформлялась религиозными лозунгами, поскольку вместо четкой крестьянской программы на первый план выдвигалась чистота мусульманства и борьба с «неверными», постольку состав восставших, особенно в периоды успехов, оказывался чрезвычайно пестрым. Нам приходилось уже указывать выше, что среди восстающих встречаются иногда даже представители высших феодалов, и не только беков. Правда, феодалы среди мюридов обычно — исключение, но этого нельзя сказать о верхушечном господствующем слое аула, выраставшем при разложении родовых отношений. Аульская верхушка стремилась использовать успехи восставшей крестьянской массы в своекорыстных интересах и, как группа, обладавшая значительным влиянием в союзах сельских общин («почетные», «уважаемые», «влиятельные» фамилии и лица), оказывала немалое давление на имама и даже прямо пробиралась к командным постам.

Фронт, созданный против наступления России на Кавказ, подвергался определенной угрозе благодаря этим тенденциям аульской верхушки, а все то, что с таким трудом завоевывалось чеченско-дагестанским крестьянством в борьбе с феодалами, ставилось под угрозу. Аульская верхушка, используя восстание, вовсе не стремилась, как мы покажем это ниже, к «равенству всех мусульман», этот лозунг узденьской массы был для нее лишь удобной ширмой. Так внутри самого имамата намечается группа, которая имела свои особые интересы и позднее предала все движение.

Крестьянская масса ставила перед имаматом задачу успешного окончания начатой борьбы за независимость, а вместе с тем и задачу ликвидации феодальной эксплуатации узденьской массы ханами и беками. Аульская верхушка давила на руководство има-

мата, стремясь обеспечить себе возможность беспрепятственной эксплуатации той же узденьской массы и даже восстановления феодальных отношений, но уже с самой верхушкой в роли феодалов. Однако обстановка, в которой приходилось действовать аульскому эксплуататору, не слишком ему благоприятствовала. С крестьянской массой нельзя было не считаться, далеко не всегда можно было идти прямо в открытую. Гораздо чаще оказывалось необходимо прятаться за всевозможные ширмы, причем в первую очередь выраставший эксплуататор пользовался действительно необходимыми в интересах обороны мероприятиями. Вот почему для него так ценно было пробраться к руководству имамата, оказаться у «кормила власти». Пробираясь в состав шамилевской администрации, такой эксплуататор широко использовал и свои родовые связи, и то влияние, которое богатство давало ему в ауле. Однажды попав к руководящему месту, он крепко за него держался и, подчас против своих желаний, должен был выполнять, хотя бы отчасти, волю крестьянской массы, создавшей имамат. Чем больше он подчинялся желаниям этой массы, тем крепче и сильнее был и сам имамат, чем ярче проявлялась его своекорыстная политика, тем слабее становилось созданное крестьянством государство. Когда же аульская верхушка приобрела феодальные черты и начала вести явную уже и беззастенчивую эксплуатацию, тогда час имамата пробил. Паразитическая верхушка аула, пытавшаяся использовать крестьянское восстание, предала его. Отсюда двойственность во всей политике имамата и перерождение его в 1850-х гг.

Имамат в 40-х и в 50-х гг.

Особенно сильно бросается в глаза эта разница при сравнении положения в имамате в начале сороковых и в конце пятидесятых годов. В 1840—1843 гг. имам проводит целый ряд широких демократических мероприятий, наносит чувствительные удары по феодальнму гнету. В это время имамат значительно ближе стоит к демократическому государству. Это время, когда патриархальные общества Чечни и Дагестана выступают, «...чтобы наказать изменников, восстановить почтение к обрядам и к истинной вере и в качестве возмездия присвоить себе богатства отступников»[1]. Не то в имамате пятидесятых годов, особенно конца этих годов. Феодальные отношения к этому времени разрушены, но верхушечная часть аула все упорнее и настойчивее стремится возродить эксплуатацию. И с этого времени заявления о «грабительстве наибов» становятся очень часты. Как относится к этому центральное руководство всего движения и, в частности, имам? Сомневаться в ненависти койсубулинского крестьянина Шамиля к феодалам не

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16, ч. 2. С. 410.

приходится, достаточно хотя бы мельком просмотреть дневник Руновского, чтобы увидеть, как презрительно имам третирует беков. Но в пятидесятых годах он буквально опускал руки перед своеволием наибов. Демократическое законодательство сороковых годов продолжало применяться и в пятидесятых, но теперь практика многих наибов резко ему противоречила, примазавшиеся к власти представители аульской верхушки легко находили в несовершенном шамилевском законодательстве всяческие лазейки. А имам, ставивший во главу угла своей политики религиозную реформу и страдавший слишком большим доверием к наибам, не мог найти теперь правильную линию поведения. Ему не хватало четкого и ясного представления о задачах и социальном характере движения. Отсюда те «капитальные ошибки», о которых Шамиль говорил А.Руновскому и которые отмечены всеми без исключения источниками — как русскими, так и горскими, до Мухаммеда-Тахира включительно. Ошибки эти заключались в конечном счете в том, что имам не смог положить предел аппетитам части наибов и других представителей аульской верхушки. Не помогала даже специальная премия, которую имам уплачивал честным наибам, по большей части представителям бедноты[1].

Все сказанное вовсе не предполагает, что имамат был государством эксплуататоров. Наоборот, он вышел из крестьянского восстания и был организован как государство демократическое. Только как таковое он и мог существовать. Когда же верхушка аула попыталась превратить его в орудие эксплуатации народных масс — он потерял свою сопротивляемость царизму и пал. Падение стало неизбежным лишь с того момента, когда своекорыстие аульской верхушки оттолкнуло от имамата его основную базу — широкую народную массу. Вот почему в целом политика имамата — это политика демократии, несмотря на практику, применявшуюся некоторыми наибами.

Ликвидация прав феодалов

Займемся прежде всего произведенной Шамилем социальной реформой, из ее рассмотрения нам станет ясна и политика имамата в вопросе ликвидации прав феодальной верхушки. Здесь предварительно следует отметить одно интересное обстоятельство. Подавляющее большинство наших источников говорит прямо об антифеодальной направленности политики имамата. Однако большинство высказываний настолько туманны и общи, что извлечь из них конкретные факты не представляется возможным. В известной книге Р.А.Фадеева «60 лет Кавказской войны» автор высказывается по интересующему нас вопросу как будто бы очень категорически: «Владетели, дворяне, где они были, наследственные

[1] «Для честных наибов, которыми большей частью оказывались люди бедные, Шамиль открывал третий источник — собственную казну или одно из отделений общественной» (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч .2. Л. 33 об.).

старшины, люди уважаемых родов или просто уважаемые лично до появления мюридизма, были вырезаны один за другим, и в горах устроилось на время совершенное равенство, потому что не осталось никого, кроме черных людей»[1]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что вся эта тирада относится лишь к истреблению аварских ханов в 1834 г., т.е. как раз к тому времени, когда никаких социальных реформ не проводилось. Никаких фактов в подтверждение своего заявления Р.А.Фадеев не приводит. Большинство других источников лишь глухо упоминает о введенном Шамилем всеобщем равенстве. Вот, например, формулировка Окольничего, писателя, в общем хорошо осведомленного в кавказских делах: «Шамиль, сам плебей, поддерживает плебейство, тщательно истребляет аристократию, которая, как, например, в Аварии, имеет свои предания и даже втайне сочувствует прежнему порядку вещей»[2]. И опять-таки отсутствие конкретного фактического материала, который дал бы возможность ближе ознакомиться с характером того сдвига, который произошел в горах в сороковых годах XIX в. Один из официальных документов этой эпохи гласит, что Шамиль с 1836 г. «...начал проповедывать всеобщее равенство, истребление ханов и всякой наследственной власти...»[3]. Опять та же общая формула, почти ничего не говорящая о сущности политики имамата. Таких примеров можно было бы привести очень много: подавляющее большинство авторов упоминает о «равенстве», не объясняя конкретного значения этого термина.

Управление

Попытаемся разобраться в этих туманных формулах. Прежде всего, дело, очевидно, не в физическом истреблении феодальной аристократии, хотя некоторые случаи подобного рода можно было бы привести (например, казнь Булач-хана, истребление тилитлинских беков, казни отдельных беков). Из слов Окольничего видно, что в Аварии, например, аристократия живет и здравствует, и даже «...втайне сочувствует прежнему порядку вещей»[4], а Ша-

[1] *Фадеев Р.А.* 60 лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 32. Между прочим, эта фраза Фадеева встречается и в книге С.К.Бушуева «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля» (М.; Л., 1939. С. 67). Но автор почему-то приводит ее без кавычек и, видимо, целиком солидаризируется с ней.

[2] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 2.

[3] Обзор по управлению левым флангом Кавказской линии за 1839 год // Дела Объединенного горского исторического архива. Фонд штаба войск левого крыла Кавказской линии. Д. 3. 1839 г.

[4] Прушановский, между прочим, писал: «Гази мулла... действовал постоянно против князей и дворянства и лишил жизни более 30-ти владетельных беков» (*Прушановский К.И.* Общий взгляд на причины и последствия беспокойств, происшедших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 57. Л. 8 об.–9).

миль характеризовал Гоцатль как аул, «...где во множестве проживают экс-беки, экс-чанки и другие любители крепостного права»[1]. Но аристократия эта целиком (или почти целиком) была отстранена от власти. «Для приобретения себе приверженцев имам, — говоря словами современника, — обратился к самому бедному классу населения. Он окружил себя бездомовниками, облек их в грозное звание мюридов и отдал в их распоряжение всю массу подвластного ему населения»[2]. Сказано, конечно, слишком сильно. Дальше мы увидим, что не всегда из «бездомовников» вербовалась административная верхушка имамата — наибы. Но в представлении офицера царской армии ликвидация власти ханов и беков не могла пониматься иначе, как передача ее «бездомовникам», «черни». Это подтверждает и Окольничий: «Для того, чтобы достигнуть наибского звания, не надо происходить из знатного рода, для этого требуются способности, усердие и верность имаму»[3].

Наиболее, пожалуй, показательными являются факты, приведенные Мухаммедом-Тахиром об организации управления областями, которые занимал Шамиль. Так, при занятии ханства Казикумухского (в 1841 г.) Шамиль назначил наибом Казикумухским Хаджи-Яхья. Кем же был этот последний? Оказывается, что наиб Казикумухский происходил из ханского казикумухского рода (он был чанка этого рода), выступал в качестве претендента на ханскую власть и в 1838 г. бежал к Шамилю. Это подтверждается и высоким положением в имамате Даниэль-бека, султана Элисуйского, и некоторых других видных деятелей мюридизма. Характерны во всем этом два момента: во-первых, то обстоятельство, что среди шамилевских наибов были не только «бездомовники». Но здесь нас интересует и другая сторона вопроса: Хаджи-Яхья назначен был не ханом, а наибом. Этот факт резко подчеркивает замену прежней системы управления новой. То же подтверждает и другой факт, приводимый тем же Мухаммедом-Тахиром. Он относится к походу наиба Бук-Мухаммеда в Кайтаг и Табасарань. «Они [Бук-Мухаммед и сопровождавшие его. — *Н.П.*]... начали устанавливать среди жителей Хайдака и Табасарана свое управление и порядки, назначая наибов, кадиев и начальников сотен»[4].

Из этих фактов ясно, что система управления, вводившаяся Шамилем, не становилась рядом со старой и не использовала старую (если не говорить об отдельных лицах), а целиком уничтожала ее, заменяя новой. В результате этого феодалы получили очень серьезный удар. Система управления, основанная целиком на присвоении административной и судебной власти беками, теперь

[1] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. II. Л. 75 об.

[2] *А.Д.Г.* Обзор последних событий на Кавказе // ВС. 1859. № 10. С. 487.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. II. Л. 75 об.

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи: О дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. А.М.Барабанова. М.; Л., 1941. С. 228.

ликвидируется. Следовательно, феодалы теряют все права и привилегии, связанные с политическим господством, и должны уступить их администрации имамата. Помимо этого, реформа управления бьет беков непосредственно и в экономическом отношении, так как административные и судебные функции доставляли феодалам немалые выгоды, а упразднение бекской системы управления заставляет старую феодальную верхушку отказаться от всех связанных с администрированием поборов. Таким образом, уже проводя административную реформу, имамат выполнял задание крестьянской массы, он бил не только по исключительному положению ханов и беков, но и по всей феодальной системе.

На место ликвидируемого феодального управления имам ставил свое. Подробно эту административную систему мы рассмотрим ниже, теперь же остановимся лишь на вопросе о сроке проведения этой реформы и на ее особенностях в Чечне. Обращаясь к цитированному уже Мухаммеду-Тахиру, мы находим у него первое упоминание о назначении наиба, относящееся ко времени похода Шамиля на Унцукуль, перед занятием царскими войсками Хунзаха. Это приблизительно 1836 год[1]. Этим же годом датируют начало шамилевских реформ и другие источники. Если принять во внимание то обстоятельство, что наиболее важная из реформ — освобождение части кулов — датирована примерно 1843 годом, то значение замены бекского управления наибским, как первого серьезного удара по феодальной верхушке, станет ясно. Вспомним здесь, что Гамзат-бек даже после истребления аварских ханов не пытался вмешиваться в систему управления. Следовательно, только третий имам начал последовательно проводить ликвидацию феодальных привилегий, выполняя основное требование крестьянской массы Дагестана. Впрочем, он сам неоднократно подчеркивал это, уже будучи в плену, в Калуге. В дневнике Руновского немало места отведено филиппикам Шамиля против распущенности беков. Политику Шамиля в этом вопросе Руновский характеризует так: «Он не стал больше рубить сплеча беков [после казни Булач-хана. — *Н.П.*] подобно Гамзат-беку. Но отняв у них все права, оттеснил их самих в общую массу народа и тем самым стер с лица земли это звание на целых двадцать пять лет»[2]. А во время блокады Темир-Хан-Шуры даже «...решился собрать всех до единого беков и поселить их возле Арады отдельным аулом»[3].

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 83. Точнее говоря, первый раз наибы упоминаются еще при Гамзат-беке, но там это вожди мюридистского движения в отдельных областях, а не назначенные имамом начальники районов или областей.

[2] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Л. 128 об. Опубл. с некоторыми стилистическими поправками в: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1499.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Л. 141 об.; АКАК. Т. 12. С. 1501. Это происходило в 1843 г.

В Чечне дело обстояло несколько иначе. Там (во всяком случае, в той ее части, которая вошла в состав имамата) феодалов не существовало, а следовательно, введение наибов не могло здесь сыграть той роли, какую оно сыграло в Дагестане. В Чечне назначение наибов способствовало разложению родовых отношений. Вопрос о том, как мог происходить подобный процесс, и факты, подтверждающие его наличие, мы рассмотрим ниже при анализе всей административной системы имамата, ее социальной сущности и тех последствий, которые ею вызывались.

Освобождение крестьян и рабов

Вторым ударом, ударом, уже сокрушающим для дагестанских феодалов, было освобождение крестьян и рабов. Наиболее четко известие об этой реформе сформулировано у Руновского[1]. «Прежде всего он [Шамиль. — *Н.П.*] уничтожил сословные различия обращением дворян в узденей...» Вот это-то уравнение в правах узденей с дворянством и послужило основой для всех сообщений о введенном третьим имамом всеобщем равенстве, о демократичности общественного строя нового государства. Хасан Алкадари наивно изобразил эту демократию в следующих словах: «Уже не было таких вещей, как ханские порядки, вроде того, что подчиненный перед начальством снимал шапку и все время стоял»[2]. Несомненно, что введение такого типа равенства было одним из мероприятий в целой системе, проводившейся имаматом в целях ликвидации господства феодальной верхушки. В чьих же интересах действовала в данном случае государственная власть? Интересы какой группы населения нашли свое отражение в приведенном постановлении? В первую очередь выиграла, конечно, узденьская масса в целом (включая сюда и верхушечный ее слой). Крепостное или закрепощаемое крестьянство превратилось в крестьянство свободное, и в этом громадное прогрессивное значение шамилевской реформы. К сожалению, как раз об этой-то реформе мы имеем лишь одно прямое известие, и поэтому исследователю приходится для проверки прибегать к косвенным указаниям.

Однако у реформы была и другая сторона. Мы имеем здесь в виду освобождение рабов, проведенное третьим имамом. Приведем прежде всего прямое и наиболее полное свидетельство об этой реформе, записанное Руновским. «С распространением имамской власти в местах, где господствовало крепостное право, Шамиль тотчас же принимал меры к прекращению такого порядка вещей.

[1] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. II. Л. 70 об., 71. Напечатано в: АКАК. Т. 12. С. 1486. Ср.: *Руновский А.* Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане // ВС. 1862. № 8. С. 19.

[2] *Мирза Гасан-эфенди, сын Хаджи-Абдулла-эфенди Алкадари Дагестани.* Книга Асари Дагестан (исторические сведения о Дагестане) // СМОМПК. 1929. Вып. 46. С. 134.

Прежде всего он уничтожил сословные различия обращением дворян в узденей, а вслед за тем объявил безусловно свободными тех из принадлежавших им крестьян, которые составляли исключительное население какой-либо местности... Таким образом, жители четырех деревень Каxx, Хинниб, Кгуаниб и Тхляйлюб, расположенных неподалеку от Хунзака и с незапамятных времен составлявших собственность аварских ханов, первые получили свободу и тотчас были подчинены общим правилам, действовавшим во всем крае... Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, распоряжавшемуся в его доме, как в своем собственном, освобожденные рабы были обложены такою же точно податью в пользу общественной казны, какую платило население целого края»[1]. На этом заканчивается текст Руновского об освобождении рабов, принадлежавших ханам и бекам. Подчеркнем здесь пока только два момента: во-первых, речь идет о кулах: как это видно из предыдущего контекста, узденей эта реформа не затрагивает; уздени, очевидно, освободились от платежа повинностей при уравнении сословий и поэтому в особом освобождении не нуждались. Во-вторых, и это наиболее интересно, речь идет не о всех кулах вообще, а лишь о тех, которые поселены были целыми деревнями. Это говорит уже о многом: мы знаем, что, поселяя кулов целыми сословиями, владельцы (ханы или беки, так как уздени не могли, конечно, иметь такое количество рабов, чтобы населять ими целые аулы) фактически переводили их на положение крепостных. То обстоятельство, что эти крепостные получали теперь полную свободу, наносило решительный удар экономическому господству феодалов.

Но, расправившись с феодалами, имамат совершенно иначе подошел к вопросу о верхушечной прослойке узденей. Продолжим приведенную цитату: «В деле освобождения остальных крестьян, не составлявших отдельного населения, а проживавших при своих владельцах **в вольных селениях** [выделено мною. — *Н.П.*], Шамиль руководился указаниями Корана. Но, утверждая за владельцами неограниченные права в отношении личности и имущества собственно пленных, он подчинил потомство их совсем иным условиям, именно:

Крепостные, обращенные в хлебопашцев, обязаны были отдавать своим владельцам половину произведений обрабатываемой ими земли, а также половину произведений сельского хозяйства. Самая земля, вместе с усадьбой, все-таки составляла собственность помещика, который, как это было и у нас, имел право оторвать земледельца от его занятий и обратить на какое-нибудь другое дело. Дворовые люди должны были исполнять всякие работы безвозмездно; владельцам их Шамиль вменил в обязанность снаб-

[1] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. II. Л. 70 об., 71. Напечатано в: АКАК. Т. 12. С. 1486—1487. Ср.: *Руновский А.* Взгляд на сословные права... С. 19—20.

жать своих людей всем необходимым и обращаться с ними человеколюбиво... Распоряжения свои Шамиль привел в исполнение окончательно в 1843 году»[1]. Таким образом, по Руновскому, имамат провел неполную ликвидацию отношений зависимости в дагестанских областях, причем частично было сохранено рабовладение (право владеть пленными), часть же рабов превращена в крепостных крестьян, обязанных своим господам определенными повинностями.

Попытаемся проверить каждый из этих трех моментов.

Прежде всего два слова о самом известии Руновского. Другой из приставов при Шамиле, Пржецлавский, подверг довольно подробному разбору ряд известий Руновского, казавшихся ему неверными. Но это сообщение Пржецлавский оставил без всяких возражений, исправив только неверный перевод слова «кул». Это, правильно указывает Пржецлавский, не крепостной, а раб[2].

Некоторые указания о ликвидации имаматом отношений зависимости в Нагорном Дагестане мы находим в позднейших официальных и литературных источниках. Характерным является то обстоятельство, что позднее при «освобождении» зависимых сословий в Дагестане последних в большей части Нагорного Дагестана не оказалось[3]. Так что самый факт освобождения кулов, во всяком случае, поселенных целыми деревнями, может считаться в достаточной мере установленным. Труднее установить правильность сообщения о сохранении рабовладельческих прав узденьской верхушки. Попытаемся привести некоторые данные, подтверждающие изложенное Руновским.

У цитированного уже дагестанского историка Мухаммеда-Тахира мы находим следующий интересный бытовой факт, рисующий взгляды Шамиля на рабство. «Однажды пришла к нему одна женщина из Чиркея по имени Азиза и пожаловалась на то, что ее продают здесь в рабство. Шамиль ей объяснил, что у него нет силы освободить ее». Когда ее уводили на продажу, «...она плакала и кричала: "Неужели нет ни одного мусульманина, который бы освободил меня?"». Шамиль решился освободить ее, возникла потасовка, во время которой женщине удалось убежать. Однако хозяин, у которого гостил имам, стал упрекать его, говоря, «...что на нем 15 туманов гарантии за эту женщину и поэтому он хочет, чтобы» Шамиль отпустил ее для продажи. «Шамиль обругал его и сказал: "Если бы пало на него даже 10 тысяч, то и то я бы не освободил пути для продажи мусульманки"»[4]. Этот факт, рисующий отношение имама к рабству, очень характерен. Но в то же

[1] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. II. Л. 71—72. Напечатано в: АКАК. Т. 12. С. 1487. Ср.: *Руновский А.* Взгляд на сословные права... С. 20.

[2] Заметки Пржецлавского на статью Руновского «Взгляд на сословные права в Дагестане» // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 9 об.

[3] Казикумухское ханство представляет исключение, но нужно помнить, что оно в состав имамата не входило.

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 122—123.

время слова Шамиля о своем здесь бессилии как будто бы противоречат известиям об освобождении зависимых сословий во времена имамата. Сообщение Руновского помогает устранить внешнюю несогласованность двух свидетельств.

Свидетельство Мухаммеда-Тахира не единично. Так, в 1845 г. «...Шамиль запретил горцам беглых солдат записывать себе в рабы, а дозволил служить им по найму, рабами же повелел считать только тех, которые попадались в плен при стычках с русскими войсками и при набегах»[1]. Решает же вопрос окончательно следующее письмо Шамиля, хранящееся в Дагестанском музее: «Женщина, которая передаст этот салям, дочь Оракчи, освобождена во имя Аллаха и никто не может заставить ее быть рабыней»[2]. Письмо датировано 28 рамадана 1275 года [1 мая 1859 г. — *Н.П.*], то есть относится к самому последнему времени существования имамата. Если бы в 1843 году проведено было освобождение всех без исключения категорий зависимого населения, то в 1859 году не было бы нужды выдавать особый документ об освобождении от рабства. Можно привести и другие сообщения такого же порядка. Стоит лишь вспомнить многочисленные в военно-исторической литературе свидетельства об отдаче в рабство захваченных в сражениях пленных, чтобы факт неполной ликвидации зависимых отношений был признан несомненным и сообщение Руновского и во второй своей части оказалось соответствующим истине. Приведем один только пример. Показания возвратившегося из плена унтерофицера Кузнецова констатируют такие факты: «Я был отведен из Гергебиля [место, где Кузнецов попал в плен. — *Н.П.*] в сел. Утлюк, где находился у того же жителя Иммы, который взял меня из укрепления. Впоследствии... Карахское общество отобра-

[1] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе // КС. 1882. Т. 6. Ср. характерное в этом смысле замечание Руновского: «Он [Шамиль. — *Н.П.*] всегда признавал необходимым освободить людей от безотчетной зависимости их одноплеменников», с оговоркой, однако, что «...о рабстве пленных [выделено Руновским. — *Н.П.*] он остается при прежних убеждениях» (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. II. Л. 68).

А Головин отмечает: «В этой войне нет пощады; жесточайшее рабство ждет русских пленников» (*Golovine I.* La Russie sous Nicolas I-er. Paris. 1845. P. 469.). Это касается не только пленных. Кох, останавливаясь на распространенном в Западной Европе мнении, будто поляки деятельно помогают Шамилю, опровергает эту легенду: «Во-первых, число польских перебежчиков совсем не так велико, как думают, а кроме того, они попадают у лезгин в положение худшее, чем слуги и рабы. Я говорил с пленными, которые были довольны, что благополучно вернулись». (*Koch K.* Een togtje naar het toonel van den oorlog // De caucasische landen en Armenië in reistafereelen. Groningen, 1856. Bl. 304—305). Особенно много пленных было в рабстве в обществе Ратлу. «Их сюда приводят хищники и тут ими торгуют» (*Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане. Ч. 2. Топографическая // ЦВИА ВУА. Д. 6528. Л. 83 об.).

[2] Дагестанский музей. Дело с письмами времен Шамиля. Л. 26. Перевод Казиева. Не совсем понятно, почему авторы, писавшие в последнее время о Шамиле, обходят молчанием этот момент в реформе.

ло меня у него и отдало самому наибу Абдуррахмену, а потом им отдан был в с.Цальда тамошнему кадию Тахмазу Муртазали, а из Цальды, по истечении 4-х месяцев, перепродали меня в Сугратль на вымен аманатов»[1].

Наиболее трудно с проверкой последнего, третьего момента в приведенной цитате из работы Руновского. Тезис о превращении рабов в крепостных не находит себе подтверждения в других источниках, хотя нет и указаний, прямо ему противоречащих. Между тем, как раз он является едва ли не центральным пунктом всей проблемы освобождения зависимых сословий в эпоху имамата. И здесь нам приходится судить о достоверности факта, лишь сопоставляя его с известными чеченскими отношениями, в частности, с выселением лейских тейп на землю. В Чечне это выселение приводило к установлению «бера», вносимого лейской тейпой тейпе — владелице земли. Реформа, о которой сообщил Руновский, очень близко напоминает чеченские отношения, и нет ничего невозможного в том, что она действительно была проведена в жизнь. К этому нужно прибавить еще одно замечание: все факты, сообщаемые Руновским и поддающиеся проверке, подтверждаются. Работа Руновского в целом довольно надежный источник. Поэтому, приняв первые два момента его сообщения после предварительной проверки их, мы можем принять и третий, не рискуя впасть в серьезные ошибки.

Оценка свидетельства Руновского

Перейдем теперь к оценке фактов, сообщаемых Руновским. Из них мы можем, во-первых, заключить об антифеодальной направленности освобождения зависимых сословий, проведенного имаматом; во-вторых, о том, что имамат очень бережно относится к привилегиям узденьской верхушки. В конечном счете в результате реформы часть зависимых поднимается на степень свободных (условия этого освобождения тоже неясны), часть же рабов или остается в прежнем рабском положении, или переходит на положение крепостных. Эта группа зависимого населения ничего или почти ничего не выигрывает от реформы. Большие преимущества получает узденьская масса, перестающая платить повинности бекам или ханам.

Выводы, сделанные нами из анализа сообщений Руновского об освобождении зависимых сословий, многое объясняют и в реформе административной. Ее основной целью было объединение в одно целое разноплеменных горских обществ для успешной борьбы за независимость. Но и здесь аульская верхушка пытается использовать достижения крестьянской массы, чтобы укрепить возможность эксплуатации этой же самой массы и попытаться, если можно будет, восстановить феодализм.

[1] Копия с показания, снятого с унтер-офицера Моисея Кузнецова в «Своде показаний возвратившихся из плена рядовых, захваченных горцами в 1843 году при взятии ими укреплений наших в Аварии и Койсубу» от 12/I-1844 // ЦВИА ВУА. Д. 6589. Л. 36 об.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И УПРАВЛЕНИЕ

Имамат — прежде всего единое государство, образованное из различных народов Дагестана и Чечни. И заслуга создания этого государства в значительной мере принадлежит Шамилю. Шамиль «сливает в один народ племена Дагестана и Чечни», — констатировал еще в 1841 г. Прушановский[1]. Еще в тридцатых годах, в начале своего имамства, Шамиль делал некоторые попытки объединения различных племен Нагорного Дагестана. С 1840—1841 гг. начинается уже интенсивная деятельность имама по организации государства: наряду с прежним неопределенным «советом ученых» создается постоянно функционирующий центральный орган управления, диван-ханэ; образуется государственная казна, вводятся налоги, создается правильная армия, образуются местные органы управления. Все эти мероприятия имама должны были служить одной основной цели: борьбе с царизмом. Побеждавшая в начале сороковых годов крестьянская масса создавала демократическое государство. Но, расправившись с «отступниками», дагестанские уздени с удивлением увидели, что в их собственной среде, в «вольных» обществах, начинают вырастать такие же отступники, только уже из аульской верхушки. И тогда административная система имамата начала служить интересам этой самой верхушки.

Теократия

Широко известно, что в государстве мюридов мы имеем дело с настоящей теократией. Имам — прежде всего — духовный вождь магометан и лишь как таковой является вождем светским, главнокомандующим в священной войне, главой в мусульманском государстве. «Весь непокорный Дагестан и вся Чечня повинуется ныне Шамилю как Имаму своему, как верховному правителю в борьбе с неверными. Таким образом, он в лице своем соединил всю духовную, административную и военную власть», — сообщает один из документов 1840-х гг. и прибавляет: «Как духовное значение Шамиля есть настоящая пружина быстрого его возвышения и как распространение шариата есть в глазах правоверных законная побудительная причина к войне с нами, то Шамиль всеми мерами старается возвысить духовенство, чтобы иметь в нем опору и деятельных сподвижников для поддержания фанатизма и мюридизма»[2]. Так само понятие «имамат» теснейшим образом

[1] *Прушановский К.И.* Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами // ЦВИА ВУА. Д. 6430. Л. 365 об.; ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 57. Л. 17.

[2] *Орбелиани.* Показания прапорщика князя Орбелияни, находившегося в 1842 г. в плену у Шамиля // ЦВИА ВУА. Д. 6478. *Опубл. в: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в.: Сб. док./ Сост. Гаджиев В.Г., Рамазанов Х.Х. Махачкала, 1959. С. 401—409. — В.Г.*

связывает воедино духовную и светскую власть. А теократичность имамата уже сама по себе говорит о многом: она заставляет вспомнить о народных мусульманских движениях от «...завоевательных походов африканских Альморавидов и Альмогадов в Испанию до последнего махди из Хартума», о том, что «при религиозном облачении все это — движения, вытекающие из экономических причин», и, наконец, о том, что, «даже одержав победу, они оставляют нетронутыми прежние экономические условия»[1].

Благодаря религиозной оболочке движения центральная власть оказывается теократической. Так же построена и вся система управления: как правило, представители «власти на местах» оказываются муллами. Более крупные должности заняты «учеными», но и это опять-таки те же муллы, только имеющие большее духовное образование. Одним словом, руководство имамата сверху донизу — духовное руководство.

Однако несмотря на подчеркиваемое многими источниками сосредоточение всей власти в руках имама, мы находим во главе нового государства два учреждения, характер отношений которых с имамом заставляет внести значительные поправки в установившееся мнение. Очень интересно отметить, что наиболее важные сведения об этих учреждениях исходят из дагестанских источников, что заставляет думать о недостаточной осведомленности во внутренних делах имамата большинства официальных царских источников.

«Совет ученых»

Первое из этих учреждений — «совет ученых». Он имеет довольно широкую известность: ссылки на него встречаются в официальных документах и у горских авторов. При этом совету приписываются чрезвычайно большие полномочия. Некоторые данные о том же сообщает А.Руновский в написанной им биографии Шамиля[2]. «Совет ученых» — не постоянно действующее учреждение. Он собирается от случая к случаю. В составе его — все виднейшие представители мусульманского духовенства, мусульманские ученые. Здесь мы можем найти имена Джемал ад-Дина, Заголова и многих других. Трудно сказать с уверенностью, включал ли «совет ученых» также и представителей отдельных чеченских или дагестанских аулов или обществ, но некоторые данные в пользу такого предположения в источниках встречаются. Так, например, Гаджи-Али, говоря об избрании Шамиля, сообщает: «Народ и ученые из некоторых деревень Хиндалала (Койсубу) собрались в Ашильту, избрали его имамом»[3]. Но, разумеется, ос-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16, ч. 2. С. 410.

[2] Кавказский календарь за 1861 г. Тифлис, 1860.

[3] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 11.

новная роль в таких советах принадлежала представителям мусульманского духовенства, «ученым».

Этот совет решает наиболее серьезные вопросы; большая часть упоминаний о нем относится к тем моментам его деятельности, когда приходится выбирать нового имама. Таковы собрания «совета ученых» при избрании Гамзат-бека и при избрании Шамиля. Для решения же вопроса о времени возникновения «совета ученых» необходимо, с одной стороны, вспомнить первые совещания мулл и проповедников двадцатых годов, с другой же — учесть беглое указание, встречающееся в делах 1829 г. «Кази муллой впервые были установлены народные шариаты или совещательные собрания»[1]. Очевидно, из соединения народных собраний, созывавшихся первыми имамами, и совещаний самих мюридов и вырос затем «совет ученых». Позже, в эпоху расцвета и упадка имамата, «совет ученых» как будто бы исчезает и заменяется съездами наибов совместно с другими видными представителями движения. И здесь, на наибских съездах, обсуждаются только наиболее важные вопросы движения. Так, на одном из съездов Шамиль проводит кандидатуру своего сына Гази-Мухаммеда в преемники себе. На другом — известном андийском совещании — ставится ряд решающих для имамата вопросов. Однако постепенно эти съезды теряют характер высшей инстанции. Уже андийское совещание производит впечатление скорее совещательного, чем решающего. В дальнейшем же съезды наибов замыкаются на решении узкого круга военных вопросов и превращаются в военные советы при главнокомандующем. Однако, несмотря на такое падение роли съездов на протяжении истории имамата, нельзя не считать их, по крайней мере для начальных периодов истории имамата, высшим государственным органом имамата.

Диван-ханэ

Иначе выглядит другой совет — «совет имама», как его называет большинство источников, или, согласно официальной шамилевской терминологии, — диван-ханэ. Вот как характеризует его один из официальных царских историков: «Для решения важнейших дел, относящихся к главному управлению страной, Шамиль учредил в 1841 году **верховный совет** [выделено мною. — *Н.П.*](диван-ханэ), состоящий из лиц, пользующихся его доверенностью, из заслуженных наибов и старших лиц духовного звания»[2]. Ряд любопытных подробностей о диван-ханэ сообщает сын Джемал ад-Дина — Абд ар-Рахман. По его словам, «...делами края имам занимался в общем собрании членов своего совета ежедневно, кроме пятниц. В экстренных случаях он собирал свой

[1] *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. 1887. Т. 11. С. 123.

[2] Шамиль и Чечня // ВС. 1859. № 9. С. 136.

совет несколько раз в день. Постоянными членами имамского совета были следующие лица: 1. Мухаммед-эфенди Казикумухский (Кор-эфенди), 2. Раджабиль Магома Чиркеевский, 3. Яхья Хаджио, артиллерист, 4. Джемал ад-Дин, тесть имама, 5. Хаджио Дебир Каранайский и 6. Миттлик-Муретазали, начальник муридов — телохранителей имама... Во время совещаний решения имама не встречали возражений только в тех делах, которые касались собственно жалоб на притеснения и вообще на неправильные действия наибов. Здесь голос его был вполне самостоятелен. Все же прочие дела частных людей между собой решались в совете по шариату и решения эти, определяемые одним из присутствовавших, исправлявшим должность кади, утверждались прочими членами совета и имамом. Что же касается управления страною вообще, то все дела по этой части решались присутствовавшими с общего согласия и голос имама не имел здесь особенного значения: имам излагал только сущность дела и высказывал свое мнение. Члены же совета могли одобрить или опровергнуть его. Настойчивость имама могла иметь место в отношении только военных предприятий. Впрочем, нередко случалось, что и в других делах он видел необходимым поступать вопреки не всегда дальновидных мнений своих советников»[1].

Приведенная выдержка свидетельствует о роли диван-ханэ как высшего органа управления в имамате. С этой стороны весьма интересно сообщение того же Абд ар-Рахмана о докладах наибов, регулярно слушавшихся в диван-ханэ. Для заслушания этих докладов назначены были даже специальные дни: для близких к резиденции имама наибств — понедельник и вторник, для отдаленных — среда и четверг[2]. Таким образом, все управление подчиненными имаму народами сосредоточено было в специально созданном учреждении, состоявшем из нескольких видных деятелей имамата. Необходимо отметить, что разделения функций членов диван-ханэ по отраслям управления еще нет. Нам известно только о наличии казначея Хаджио, но он не состоял в числе постоянных членов совета: всеми делами занимался сам имам и весь совет в целом.

Взаимоотношения «совета ученых» и диван-ханэ с имамом

Таким образом, во главе управления имаматом мы находим «совет ученых», диван-ханэ и имама. Как же разделялись функции между ними и кто, по существу, стоял во главе всего государства, был высшей властью? В первые периоды истории имамата верховной властью является как будто бы «совет ученых»: ему принадлежит право выборов имама и определение общего направ-

[1] *Абдуррахман.* Выдержки из записок Абдуррахмана сына Джемал-Эддинова о пребывании Шамиля в Ведено и о прочем. Тифлис, 1862. С. 9—12.

[2] Там же. С. 12.

ления политики. Но позже, с превращением «совета ученых» в съезд наибов, эта верховная роль его совершенно стирается. Достаточно просмотреть протокол андийского совещания, чтобы увидеть: власть здесь уже явно принадлежит имаму и съезд просто подчиняется ему. В самом деле, имам предлагает ряд мероприятий, заявляя при этом членам съезда: «Те из вас, которые одобрят этот низам и согласятся поступать по нему, пусть подпишут свои имена и приложат печати свои на этом журнале... Если же между вами найдется такой, который не в состоянии будет перенести его трудностей и привести его в исполнение, тот пусть оставит свою должность и сойдет в число простонародья»[1]. Случаи, когда мнение имама одерживало верх, несмотря на то, что поддерживало его меньшинство членов съезда, бывали и раньше[2]. Но такой формы безапелляционного распоряжения им все-таки не придавалось. Наконец, в 1857 г. на Хунзахском съезде наибов Шамиль уже прямо отдает распоряжения[3]. Таким образом, широкие съезды «ученых» совместно с виднейшими мюридами, съезды, избиравшие имамов и руководившие политикой имамата, во времена упадка мюридизма сменяются совещаниями наибов, выслушивающими и подписывающими распоряжения имама. Представителями верховной власти теперь являются уже не они. Однако в то же время таким носителем верховной власти не является и имам. Остановимся на этом несколько подробнее.

Название «монархия Шамиля» нередко встречается в нашей исторической литратуре. Наряду с отмечаемой подавляющим большинством историков демократичностью политического строя имамата, некоторыми выдвигается тезис о монархической форме правления, введенной имамами. Между тем, уже только поверхностное знакомство с государственным устройством имамата показывает, что здесь нельзя говорить о монархии. В самом деле, съезд «ученых» не только избирает имама, он появляется всякий раз на поворотных моментах движения.

Вопросы общего направления политики ставятся на съездах в 1843 г. во время большого наступления Шамиля на Аварию по вопросу о захвате аварских аулов и политике мюридизма в Аварии[4], в 1848 г., когда решался вопрос о внутреннем положении имамата. Таким образом, примерно до середины сороковых годов Шамиль не является полновластным единоначальником. Во всех серьезных случаях он обращается к съезду (или совету) виднейших представителей мусульманского духовенства и руководителей движения. И, несмотря на усиленное подчеркивание роли имама в ис-

[1] Низам Шамиля // ССОКГ. 1870. Вып. 3. С. 13—14.

[2] См., напр.: Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 92.

[3] Низам Шамиля. С. 17 (употребляется формула «имам приказывает»).

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 160.

точнике, сообщающем нам об этих съездах, все же ясно, что имаму приходилось очень и очень считаться с мнениями «ученых». Показателем этого является, в частности, двукратный созыв совета по вопросу о переселении аварцев.

Во второй половине 1840-х гг., как мы уже говорили, «совет ученых» теряет свое значение и фигура имама приобретает больший вес. Но и здесь еще нельзя говорить о сосредоточении всей власти в его руках. Приведенные выше свидетельства Абд ар-Рахмана показывают, что имаму приходилось в делах управления следовать указаниям своего узкого совета, диван-ханэ.

Да и наиболее серьезные мероприятия по управлению, а в особенности проекты законов, не могли пройти мимо этого учреждения. Об этом сообщает в своем дневнике Руновский, хотя и затушевывая роль диван-ханэ как учреждения законодательного: «Идея низама, — пишет он, — и сущность каждой статьи его принадлежит одному ему [Шамилю. — *Н.П.*], без всякого участия в создании их со стороны какого-либо другого лица[1], и только каждую свою мысль, предварительно обращения ее в статью низама, он передавал на рассмотрение членов своего верховного совета (Дивана), которые были обязаны сообразить, не будет ли она в чем-нибудь противоречить основным правилам корана»[2]. Это свидетельство чрезвычайно показательно. Руновский, доказывая авторство Шамиля в составлении низама, не может, однако, умолчать о роли диван-ханэ, хотя и тщательно затушевывает ее. Свидетельств, которые говорят об ограничении власти имама, имеется вообще немало[3], и перечислять их здесь мы не будем. Заметим только, что основные политические вопросы в имамате решаются съездом, а законодательство и управление принадлежат в значительной мере диван-ханэ.

Однако пределы власти имама очень широки, и он иногда, как мы видели, отменяет постановления диван-ханэ или прямо дает предписания совещаниям наибов. Вот, например, одно из свидетельств: «Шамиль создал в 1843 году артиллерию, несмотря на сопротивление высшего совета (диван ханэ), который, сильно противясь этому нововведению, говорил: все, что идет от неверных, не принесет нам добра, но который кончил тем, что уступил»[4].

---

[1] Очевидно, намек на Хаджи-Юсуфа, который якобы составил низам. См. редакционное предисловие к «Низаму Шамиля». С. 5.

[2] *Руновский А.* Дневник А.Руновского за 21/X-1860 г. // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 365 об.; АКАК. 1904. Т. 12. С. 1459.

[3] Ср., напр., у Т.Макарова (Шамиль, военный и гражданский правитель // Газ. «Кавказ». 1859. № 94): «Надобно заметить, что народный суд у Шамиля имел большую власть и значение, так что иногда останавливал некоторые распоряжения имама».

[4] Lettres sur le Caucase et la Crimée. Paris, 1859. P. 117. Путешествие совершено было в 1858 г.

Нам кажется, что решение вопроса о сущности государственного строя имамата лежит в учете тех изменений, которые претерпевал этот строй на протяжении почти 30 лет (1830–1859). В начале имамат был государством, верховная власть в котором принадлежала виднейшим представителям духовенства (а может быть, и духовенству совместно с делегатами населения). И в этот момент Кастильон правильно характеризует Шамиля: «Это политический вождь, диктатор, которому обстоятельства дали беспредельную власть при демократическом режиме, при господстве принципа наиболее абсолютного равенства»[1]. Однако позднее, по мере усиления нажима со стороны аульской верхушки, по мере роста ее господства над крестьянской массой, имам все меньше и меньше опирается на наибов, усиливает личный элемент в диктатуре и постепенно переходит к формам монархической власти имама. Дойти целиком до последней имамату не пришлось, этому помешала катастрофа 1859 г. Но в том, что имам превращался в наследственного монарха и сделал уже ряд шагов в этом направлении, сомневаться вряд ли возможно.

В пользу последнего предположения говорит и отмечаемый всеми авторами рост «деспотизма» имамской власти, и встречающееся восточное царское титулование Шамиля («султан Шамиль»)[2], и попытки Шамиля закрепить наследственность звания имама. Этот момент особенно показателен. Имам прилагает немало усилий к тому, чтобы его сын Гази-Мухаммед был признан его преемником. Для достижения этой цели Шамиль идет даже на разрыв с виднейшими своими помощниками.

Вот что говорит, например, известный наиб Хаджи-Мурат: «С давних пор Шамиль, чувствуя свою старость, предпринимает все меры для предоставления старшему сыну своему наследственной власти в горах. Даниэль бек и беглый Цудахарец, Аслан-кади, сильные при Шамиле, желая повредить мне, уверили имама, что для предоставления наследственной власти сыну своему ему надобно погубить меня как человека, который сам станет властвовать после Шамиля»[3]. Само собой разумеется, что основой для разрыва Шамиля с его наибом послужили причины более глубо-

[1] Копия письма французского консула в Тифлисе министру иностранных дел Франции от 8/V-1844 г. // ЦВИА. Фонд Департамента Генерального штаба. 1844 г. Д. 113. Лит. В. Л. 37. *См. журн. «Тарих». Махачкала, 1996. № 2/3. С. 60. – В.Г.*

[2] Любопытна в этом свете надпись на одном из шамилевских орденов, хранящихся в Дагестанском музее: «Один из выдающихся наибов султана Дагестана, избранного халифа пророка великого и почетного Шамиля, да сделает Аллах его могущество долговечным». Эти формулы скорее подходят для турецкого султана, чем для вождя крестьянского в своей массе восстания.

[3] *Лорис-Меликов.* Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата гвардии ротмистром Лорис-Меликовым //АКАК. 1885. Т. 10. С. 527.

кого свойства, но вопрос о наследственности имамской власти, несомненно, сыграл здесь свою роль.

То же можно сказать и об отношениях с Кибит-Магомой, также одним из кандидатов в имамы. Во всяком случае, стремление сделать свою власть наследственной привело Шамиля к тому, что Гази-Мухаммед «...в 1847 г. в общем народном собрании... был избран наследником власти отца»[1]. Так власть имама, выйдя из военной диктатуры, установление которой было вызвано необходимостью отпора завоевателям и ликвидации феодальной верхушки, постепенно превращалась во власть наследственного монарха.

Наибы

На местах власть осуществлялась главами отдельных областей — наибами. Функции наиба на протяжении истории имамата не оставались неизменными. В первые годы имамата в руках наиба сосредотачивается вся власть в наибстве. В самом деле, наибы организуют военные силы и руководят ими, управляют своими наибствами и даже судят. «Наиб был полноправный хозяин и распорядитель во вверенном ему наибстве, конечно, в свою очередь, в полной зависимости от Шамиля. Наибы имели в руках власть судебную и исполнительную, причем руководствовались и инструкциями имама, а где возможно, и собственным произволом»[2].

Но в силу многих причин, о которых речь будет ниже, ряд наибов ко второй половине сороковых годов настолько злоупотребляли этой полнотой власти и вызвали такое недовольство в управляемых массах, что имам передал судебные функции из рук

[1] Шамиль и Чечня // ВС. 1859. № 9. С. 145. Этот факт подтверждает и Гаджи-Али (Сказание очевидца о Шамиле. С. 34). Его не отрицал и сам Шамиль, дважды возвращавшийся к этому вопросу в своих беседах с Руновским (дневник за 6 марта 1860 и за 16 января 1861 г.). Впервые Гази-Мухаммед был провозглашен наследником, когда ему было еще 7—8 лет, причем регентом намечался Галбац Дибир; второй же раз — после того, как он достиг совершеннолетия и был назначен наибом Караты (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Л. 150, 150 об.). Возвращаясь снова к этому вопросу, Шамиль говорил: «Когда я был очень болен (в 1840 или 41 году) и думал, что больше уже не встану, — тогда большие люди Дагестана вынудили у меня согласие на объявление Гази-Магомета наследником имамской власти. Это случилось против всякого моего желания, после долгих и усиленных убеждений» (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 7 об.). Но можно ли верить этим словам, если как раз «большие люди Дагестана» оказывались сами претендентами на звание имама?

[2] Шамиль и Чечня. С. 141. Ср. дневник А.Руновского: наибам «...было предоставлено все военное управление за исключением сложных наступательных предприятий и все гражданское управление, кроме введения новых административных мер, имевших форму и силу закона» (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 277 об.).

наибов в руки специально назначавшихся судей — муфтиев. «Низам Шамиля», принятый, как мы знаем, на андийском совещании, гласит: «Наибы должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы были и алимами [то есть учеными. — *Н.П.*]. Им предоставляется вести дела только военные. Сим низамом запрещается вручать одному лицу две должности для того, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наиба и пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем»[1].

Показания Хаджи-Мурата прибавляют еще одну интересную черточку к этому постановлению. Оказывается, что муфтий назначается «по выбору народа и самого Шамиля»[2], что, разумеется, должно было дать муфтиям большую независимость и доверие населения. Однако целый ряд авторов свидетельствует о том, что фактически муфтий находился в полной зависимости от наибов. Так, например, один из авторов заявляет, что муфтии[3] «не имели никакого значения»[4]. Другие объясняют такое положение вещей тем, что большинство наибов (дагестанцев) достаточно хорошо разбирались в шариате и не требовали советов или вмешательства ученых мулл, какими обычно были муфтии. Поэтому, не желая терять доходов, связанных с разбором дел, наибы фактически отстраняли муфтиев от судебного разбирательства. Иначе было в Чечне, где многие из наибов очень плохо знали шариат[5] и нуждались в помощи муфтиев.

Объяснение это, конечно, далеко недостаточно. Но нам важно здесь не оно, а самый факт сохранения судебной власти в руках наибов, несмотря на постановления андийского совещания. Это делало наиба действительно полным хозяином в его наибстве и приводило к подчинению ему всего населения.

О том, для каких целей использовал наиб эту власть, мы еще будем говорить, пока же укажем еще только один интересный момент, показывающий характер наибской власти. Хаджи-Мурат, описывая положение наиба, замечает между прочим: «Доход наиба состоит в помощи рук вверенного ему края»[6]. Такой фор-

---

[1] Низам Шамиля. С. 10.

[2] АКАК. 1885. Т. 10. С. 527. Ср.: Шамиль и Чечня. С. 148: «Кади и старшины избирались народом, но по представлению наибов утверждались Шамилем».

[3] В подлиннике неточность: вместо «муфтии» — «кади».

[4] Шамиль и Чечня. С. 142 со ссылкой на И.Клингера (Нечто о Чечне // Газ. «Кавказ». 1856. № 97).

[5] Ср. у Т.Макарова («Шамиль, военный и гражданский правитель» // Газ. «Кавказ». 1859. № 94).

[6] АКАК. Т. 8. С. 527. Ср. у И.Клингера («Нечто о Чечне»): «Сверх наибов имеются еще и пятисотенные начальники. Как те, так и другие содержания по званию своему никакого не получают; им, равно как и муллам, народ обязан безвозмездно вспахивать и засеивать поля, убирать с

мулировки мы не найдем у других авторов, а особенно — в документах, оставленных нам имаматом. Очевидно, что заявление Хаджи-Мурата отражает не утвержденную законом норму, а фактическое положение дел. Это подтверждается и словами самого Шамиля, который «...предоставил наибам два источника: 1) добровольные приношения, имевшие в основании своем твердую уверенность, что подчиненное лицо не может не иметь желания подарить чем-нибудь своего начальника и тем приобресть его благорасположение, и 2) с конфискованных имуществ, часть которых должна была итти в общественную казну. Но ни эта часть, ни часть, назначавшаяся наибу, не были определены в размерах»[1]. Так же очевидно, с другой стороны, что «помощь рук вверенного ему края» означала на практике эксплуатацию населения наибом, производимую путем внеэкономического принуждения. Отметим этот факт, к нему нам еще придется возвращаться.

Организация наибств

Наибства делились на участки, во главе каждого из которых стоит начальник — мазун. Здесь также проведено отделение судебной власти и последняя находится в руках кадия, подчиненного непосредственно муфтию. Муфтии же «поставляют в районах своего ведомства кадиев»[2]. Таким образом, формально кадий совершенно независим от мазуна. Каково было положение дел на практике — за отсутствием данных судить трудно, но можно предполагать, что и здесь представитель судебной власти, кадий, играл второстепенную роль, подчиняясь мазуну. Наконец, в селениях мы находим старшин (тургаки или «туркх»), избираемых, как мы видели, или же назначаемых в порядке очередности. О функциях этих старшин мы, по существу, уже ничего не знаем, кроме того, что на их обязаности «лежит наблюдение за исправным отбыванием повинностей»[3].

Как деление наибств на участки, так и самое число наибств неоднократно менялись на протяжении истории имамата в зависимости от целого ряда причин, поэтому имеющиеся в литера-

них хлеб, косить сено, доставлять дрова и т.п.». В делах сороковых годов, в сводке данных, добытых Генерального штаба штабс-капитаном Неверовским в Северном и Нагорном Дагестане, мы находим другое известие, подтверждающее слова Хаджи-Мурата: «Наибы не получают содержания от Шамиля, а каждый из их подчиненных платит им некоторую часть, смотря по своему состоянию» (ЦВИА ВУА. Д. 6468). Таким образом, факт засвидетельствован как для Чечни (Клингер), так и для Дагестана (Неверовский).

[1] Дневник А.Руновского // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 30. Ср.: *Руновский А.* Кодекс Шамиля // ВС. 1862. № 2. С. 369–370.

[2] Низам Шамиля. С. 11.

[3] О политическом состоянии Чечни со времени нового управления, введенного Шамилем // ЦВИА ВУА. Д. 6468.

туре и документах данные о наибствах сильно расходятся. Наиболее полна таблица, приведенная в работе Прушановского[1]. Несмотря на буквально варварские искажения имен, она в целом дает правильные сведения о составе шамилевской администрации в начале 1840-х гг. и подтверждается другими источниками. Вот эта таблица[2]:

Наибства	Наибы	
a) 1.Гехинское[1]	Ахверды Магома[2]	
2.Герменчикское[3] 3.Чепарское[5]	Нур Магомет Черкеевский[4] Алли	В прямой зависимости от Ахверды Магомы. Подчинены поверхностно для одного почета Абдулле[9], тестю Шамиля, выходцу из Казыкумыка за времена Сурхай хана
4. Название неизвестно[6] 5.Шубузовское, с причисленными к нему Чарбели и Риши[7]	Чага-гаджи Суаиб мулла[8]	
b) 6.Мечикское[10] 7.Ауховское	Шуаиб Мулла[11] Уллубей[12]	
8.Салатовское 9.Гумбетовское 10. Андийское	Гассан Буртунайский[13] Абукар кадий[14] Казий Яв[15]	В прямой зависимости от Шуаиб Муллы
c) 11.Хиндалальское (часть Аварии и Койсубу)[16]	Гаджи Мурат	
12.Каратинское[17] — Калала 13.Технудальское[18]		Каждое составляет особое общество, но недозволено им наибов

[1] *Прушановский К.И.* Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского с 1823 по 1843 г. // КС. 1902. Т. 23. С. 56–57.

[2] Цитируем ее не по тексту, опубликованному в «Кавказском сборнике» с большими опечатками, а по рукописи «Историческая записка Генерального штаба штабс-капитана Прушановского о начале и развитии мюридизма или духовной мусульманской войны в Дагестане и Чечне с 1823 по 1843 г.» (ЦВИА ВУА. Д. 6512. Л. 112–114).

Общества: Боголал[19] Тинды[20] Чемалаль[21] Чарбели[22] Ункратль[23]		Из них еще не образованы наибства и временно причислены к Хиндалальскому
d) 14. Хиндатлинское 15. Андалальское 16. Карахское *Общество* Тлейсерух[26] и Мукратль[27]	Кибит Магома Тилитлинский Магомет Кадий[24] Абдуррахман Дибир[25] Пока не составляет отдельного наибства и управляется своим кадием	В прямой зависимости от Кибит Магомы Тилитлинского[28]

[1] В печатном тексте («Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского») названо «Кехинское». По документам 1842 г. эта часть Чечни делится на две части: «Ахверды-Магома, который пользовался всегда неограниченной доверенностью Шамиля, имел в управлении своем всю Малую Чечню». Позже «Малая Чечня вверена была Юсуф-хаджи и помощником к нему назначен был Исса... Малая Чечня разделена на две части, — границей этому разделению новому служит р.Рошня... Над восточной частью Малой Чечни, заключающейся между Рошней и Аргунью, наибом остался Юсуф-хаджи, западною же частью Малой Чечни, простирающейся от Рошни до Фортанги, управляет теперь наиб Исса» (Дело «О политическом состоянии Чечни...»). Название «Гехинское» в документах не встречается, вместо него обычно — наибство Малой Чечни.

[2] В печатном тексте есть примечание: «Убит в 1843 г.». В показаниях пленного подпоручика Ананова наиб «половины Малой Чечни — чеченец Своиб, житель Гирменчукский, другой половины — чеченец Шваиб, житель Цонтера» (ЦВИА ВУА. Д. 6478), в показаниях пленного Загорского наибом Малой Чечни назван Шуаиб (то же дело). Вероятнее, однако, что наибом был сначала Ахверды-Магома, а затем наибство разделилось между Юсуфом и Иссой, тем более, что в показаниях пленного кн. Орбелиани Малая Чечня в списке наибств не значится, Ахверды-Магома указан наибом Большой Чечни, а Шуаиб — Ичкерии. Это последнее ближе к таблице Прушановского.

[3] В печатном тексте — опечатка: «Гершенчикское». Очевидно, речь идет о наибстве Большой Чечни.

[4] На месте умершего наиба Джеват-хана (примечание Прушановского). Джеват-хан (Джавад-хан) упоминается Мухаммедом-Тахиром (Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Тарахи. С. 126) как наиб Шали и Герменчука, а в официальной переписке 1840—41 гг. как наиб Большой Чечни. Позднее, очевидно, он был переведен наибом в Чеберлой, так как Орбелиани и Загорский находят его уже на этой должности. В «Показаниях» Орбелиани Нур-Магомет («Нур-Махома») назван кадием селения Дарги. Обзор «О политическом состоянии Чечни...» называет наибом Большой Чечни Суаиба, причем сообщает, что «назначением своим в наибы Большой Чечни Суаиб обязан Шуаиб мулле, который нарочно рекомендовал его Шамилю... для того, чтобы через него получить влияние в управле-

нии над Большою Чечней». Орбелиани, Ананов и Загорский единогласно утверждают, что наибом Большой Чечни был Ахверды-Магома. В официальной переписке попадаются указания на Саибдуллу (см. выше) как на наиба Большой Чечни около 1843 г.

[5] Название не встречается в других документах. В печатном тексте форма — «Челярское».

[6] Ни установить название наибства, ни встретить имя наиба в других документах не удалось.

[7] В печатном тексте «Чарбохги и Ришни». В «Показаниях» Орбелиани имеется наибство «Шубута и Джаберла» (очевидно, речь во втором случае идет о Чеберлое). В обзоре «О политическом состоянии Чечни...» имеется следующее указание: «Ныне шатоевцы отделены от Малой Чечни и с чарбылоевцами составляют особый округ».

[8] В печатном тексте явная ошибка: «Шуальб мулла». Шуаиб-мулла ведал, как это показывает ряд документов, наибствами Мичиковским, Ичкеринским (название встречается только в некоторых документах) и Ауховским, которыми прежде распоряжался Ташов-Хаджи. Суаиба называют в Чеберлое и Орбелиани, и Загорский. В обзоре «О политическом состоянии Чечни...» наиб этой области не указан, но оговорка о недавнем образовании наибства заставляет считать, что назначение Суаиба состоялось лишь после получения сведений, на основании которых составлялся обзор. Ананов наибом обществ Кистинцев и Джаберли называет Магому, жителя Аварии.

[9] В «Показаниях» Орбелиани назван Абдулла Цаххар.

[10] Мичиковское (между реками Хулхулау и Аксаем).

[11] То же и в обзоре «О политическом состоянии Чечни...». Орбелиани называет Шуаиба наибом Ичкерии, непосредственно граничащей с Мичиком. По Прушановскому, Ичкерия самостоятельного наибства не составляет.

[12] В этом имени сходятся все источники 1842—1843 гг. По Мухаммеду-Тахиру (Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 126), около 1840 г. наибом здесь был Ташов-Хаджи.

[13] В «Показаниях» Орбелиани указано, что Салатау управляется гумбетовским наибом Абакар-Дибиром.

[14] В большинстве источников — Абакар-Дибир, но в обзоре данных Неверовского — так же, как и у Прушановского.

[15] Встречаются также формы Газияу, Казиов, Казий и др.

[16] В печатном тексте Хиндальское. Название Хиндалаль носило Койсубулинское общество, а Наха-Хиндалаль — одна из частей Аварского ханства. В обзоре Неверовского указаны «отложившиеся аварские деревни», в «Показаниях» Орбелиани — койсубулинские деревни. Ананов и Загорский вместо Хиндалаля, Аварии или Койсубу указывают наибство Тлох.

[17] В печатном тексте Каратинское. Указания наибов в Карате очень разнообразны: Ананов и Загорский называют Тлотлола (в 1844 г. его называли наибом Тинды), обзор Неверовского — Галбац-Дибира, Орбелиани наиба не называет.

[18] В печатном тексте правильнее: Технуцальское. Загорский объединяет его с Тлохом, но, очевидно, просто путает наибство с объединением под одним управлением ряда наибств (то, что Прушановский называет «областью»).

[19] Сведения о наибе этого общества в большинстве источников отсутствуют. Впрочем, Ананов называет Омара, Загорский — Нур-Магому. Орбелиани указывает, что общество подчинено Магоме, наибу Гидатля.

[20] В печатном тексте отсутствует. Сведения о наибе очень разноречивы: в обзоре Неверовского назван Гаджи-Магомет, у Ананова — Нур-Магома, у Загорского — Омар-Али.

[21] По «Показаниям» Орбелиани, Чемалаль и Ункратль подчинены Кибит-Магоме.

[22] В печатном тексте отсутствует. Внесено, очевидно, по ошибке, так как упомянуто в списке выше под № 5.

[23] В печатном тексте отсутствует.

[24] Мухаммед-Кадия указывает и Орбелиани, оговариваясь, что общество подчинено Кибит-Магоме. Обзор Неверовского, Ананов и Загорский прямо называют наибом Кибит-Магому.

[25] Дибир значит кадий (примечание Прушановского).

[26] По Орбелиани, Тлейсерухом управляет карахский наиб Абдуррахман-Дибир.

[27] В печатном тексте отсутствует.

[28] Обзор Неверовского и показания Ананова и Загорского упоминают еще в числе наибств, управляемых Кибит-Магомой, Тилитль.

В документах встречаются, кроме перечисленных, еще Ахвах (сведения о наибе чрезвычайно разноречивы) и Анкратль (по данным обзора Неверовского — наиб Омар). Ряд расхождений, отмеченных в примечаниях, объясняется недостаточной осведомленностью авторов различных документов. Однако, наряду с этим, крупную роль играет и неурегулированность границ наибств в начале сороковых годов, и частые перемещения наибов: оба последние момента до некоторой степени нашли свое отражение в примечаниях. Что касается сведéния наибств в «области», произошедшего, вероятно, около 1842 г. и отраженного также у Орбелиани, то оно, по показаниям ряда авторов, оказалось недостаточно жизнеспособным и было позднее отменено.

Что же касается Ичкерии, то она, по словам Прушановского, «не входит в состав никакой области и находится под непосредственным управлением самого Шамиля».

Примерные размеры наибства фиксируются с большей или меньшей степенью достоверности рядом авторов. По указанию Окольничего[1], наибство состояло приблизительно из тысячи дворов. Ту же цифру называет и Пржецлавский[2], указывающий для подразделения наибства на участки средний размер их в 30 дымов «с мечетью и джамаатом (обществом почетных граждан, имеющих голос при решении вопросов)». Автор «Писем о Кавказе и Крыме» дает цифры с оговоркой. Он пишет: «Наибства были различной величины (от 2000 до 7000 семей), соответственно степени доверия, которое Шамиль питал к личности наиба»[3]. Интересное

[1] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 2. С. 400.

[2] *Пржецлавский П.Г.* Несколько слов о военном и гражданском устройстве, существовавшем в Чечне и Дагестане во время правления имама Шамиля // Газ. «Кавказ». 1863. № 54.

[3] Lettres sur le Caucase et la Crimeé. P. 115.

замечание, которое, может быть, объясняет и частые колебания в границах наибств.

Размеры наибства, приводимые всеми этими авторами, мы можем, разумеется, признать лишь ориентировочными, но они все же показывают, что круг населения, подвластного наибу, не был очень велик и что при указанных выше фактических пределах власти наиба и при засвидетельствованном Хаджи-Муратом факте эксплуатации этого населения наиб на практике мог превратиться в феодала.

Злоупотребления наибов

Если мы попробуем внимательнее всмотреться в то, каким образом наибы пользовались предоставленными им правами, то прежде всего столкнемся с буквально наполняющими все источники об имамате жалобами на громадные злоупотребления наибов властью. О «притеснениях, чинимых наибами», говорит почти каждая книга или статья, посвященная истории державы Шамиля. Разумеется, ко всем этим жалобам приходится относиться осторожно: высказывали их в первую очередь представители официальной царской истории, заимствуя их у официальных представителей царизма. Этим последним выгодно было проводить тезис о страшном угнетении, в котором держали горцев наибы. Однако все эти жалобы, несомненно, имеют под собой определенную почву. О больших злоупотреблениях наибов и, в частности, о взяточничестве их свидетельствуют и горские источники. Особенно характерно в этом отношении андийское совещание. Вот некоторые из причин его созыва, официально зафиксированных секретарем Шамиля, Амир-ханом: «4. Соглашение на счет того, чтобы не брать имения казненного, в особенности, когда останутся после него сироты. 5. Чтобы не копить доходов с байтулмала, но расходовать на нужное, как например: на оружие, на лошадей, на пользу религии и **чтобы не покупать на эти деньги дорогих имений**»[1], а в «Положении о наибах», принятом на том же съезде, говорится: «Должны удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка»[2]. Уже из этих постановлений можно заключить, что наибы пользовались имевшейся в их руках властью в целях личного обогащения. Интересны пути, которыми шло это обогащение. Помимо тех, которые указаны постановлениями андийского совещания, мы находим в источниках и некоторые другие. Вот, например, Курбаниляу, наиб Сугратлинский: «Мастеровые всяких ремесл, которыми Сугратль славится, — пишет о нем Руновский со слов Шамиля, — должны были работать на Курбаниляу бесплатно»[3]. Это уже конкретизация приведенного

[1] Низам Шамиля. С. 15 (выделено мною. — *Н.П.*).

[2] Там же. С. 9.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Л. 174 об.; АКАК. 1904. Т. 12. С. 1506.

выше заявления Хаджи-Мурата о «помощи рук» как доходе наиба. В литературе имеется еще ряд указаний, конкретизирующих фразу Хаджи-Мурата. Они помогут нам окончательно уяснить пути обогащения наибов: «Кади, — пишет неоднократно цитированный нами автор, — не получали никакого определенного содержания, а жили за счет жителей, которые были обязаны безвозмездно вспахивать отведенные им поля, засевать и убирать хлеб, косить сено, доставлять дрова и проч.»[1]. А Клингер относит это ко всей администрации имамата: «...сверх наибов имеются еще и пятисотенные начальники, которые в отношении внутреннего управления не пользуются никакой властью. Как те, так и другие содержания по званию своему никакого не получают, им равно, как и муллам, народ обязан безвозмездно вспахивать и засевать поля, убирать с них хлеб, косить сено, доставлять дрова и т.п.»[2]. Из этой цитаты становится понятной эволюция власти наибов. Воспользовавшись разгромом феодалов, аульская верхушка медленно и осторожно пытается сама стать на их место, используя для этого высшие должности администрации имамата. Возьмем, например, Шуаиб-муллу, одного из виднейших сподвижников Шамиля. Наследство, оставленное им, состояло из 4 тысяч баранов, 500 штук рогатого скота, 60 буйволов, 30 тысяч серебряных рублей и т.д.[3]. Это результаты управления Шуаиб-муллы. Или вот «Исмаил, сын Инко-Гаджи — наиб Чохский, раб своего чрева и многих страстей. Он был жаднее всех наибов на стяжание имущества. Трудно поверить, сколько к имаму поступало жалоб на поразительные притеснения его и обиды»[4] — конфискации и штрафы. Наконец, последний характерный штрих. Наибы не удовлетворяются своей экономической мощью, они начинают уже думать и о сословных отличиях. Перед нами наиб итумкалинский Алдам. Его семейство «считает за собой право на благородное происхождение»[5], а сын Мажи претендует на наследование наибского поста по смерти отца[6]. Это уже прямое образование новой

[1] Шамиль и Чечня. С. 143. Примечание.

[2] *Клингер И.* Нечто о Чечне // Газ. «Кавказ». 1856. № 97.

[3] Выписка из журнала военных происшествий, случившихся на Кавказской линии и Черноморьи с 17 по 21 число, 1844 год // АКАК. 1884. Т. 9, ч. 2. С. 881.

[4] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 162 об. (Арабская рукопись неизвестного автора).

[5] *Волконский Н.* Укрепления Шатоевское и Евдокимовское зимою 1858 и 1859 гг.// Газ. «Кавказ». 1859. № 71.

[6] Очень интересно отметить, что в делах по «освобождению» зависимых сословий в Чечне мы сталкиваемся с единственным случаем владения холопами в Аргунском округе в 1866 г. и владельцем холопа оказался Мажи Алдамов. Не сын ли наиба этот Мажи? (Отношение начальника среднего военного отдела Терской области от 30/XII-1866 г., № 5084 // Объединенный горский исторический архив. Фонд канцелярии начальника Терской области. Дела холопские. Св. 24. Д. 3). Этой судьбы

феодальной группы. Этому, несомненно, немало способствовало и то обстоятельство, что наибы назначались нередко из среды наиболее зажиточных фамилий. Так, чеченские наибы «Тапи и Исса были людьми пожилыми, из уважаемых фамилий»[1].

Возникновение крупных земельных собственников

Особенно важно подчеркнуть подсказанную имамату аульской верхушкой линию на создание крупных земельных собственников. В Чечне, где разлагался родовой строй и шло становление феодального, родовые земли захватывались зажиточной аульской верхушкой. Так, по словам Н.Иваненкова[2], в одном из документов, относящемся к 1855 г., Шамиль приказывает знакомому нам уже наибу Алдаму, «...чтобы чантинцы не имели претензий на участки, находящиеся в руках Дзураба Алдамова, так как они куплены им. По расспросам оказалось, что Дзураб Алдамов из с.Итум-Кале перешел жить в другое место, где теперь имеется селение, основанное им же, а потому и именуемое Дзураб-аул. Он будто бы купил здесь еще до Шамиля родовые участки у прежних жителей, называвшихся "Музак", которые частью вымерли, а частью выселились обратно в Грузию, бросивши земли. Общество же отрицает покупку и уверяет, что он завладел землей самоуправно, пользуясь своим положением влиятельного человека. Шамиль хотя и разрешил спор между ними в пользу Дзураба, но общество и теперь еще не примирилось с этим решением и считает участок своим»[3].

Еще более показателен другой пример. «В селении Хильдах общество Дзумсой Кумторкалинского старшинства Шамиль-Хаджи Ума Элджиев наследственно владеет участком земли в 630 десятин, состоявшей из покосов и пастбища, подаренным отцу его имамом Шамилем, по документу следующего содержания: "От покровителя верных мусульман, имама Шамиля, моему близкому брату, моему наибу Алдаму. Селям и божий маршал вам. А затем извещаю, что я убедительно отрезал кусок земли одному человеку. А этот человек — моя правая рука, считающая у себя силу в половину моей армии, — Ума Дуев. Он происходит из самых высших людей по отцу и по матери. Отрезанная местность зовется

не избежали и сыновья Шамиля, по крайней мере, один из них, Мухаммед-Шафи, который говорил Руновскому, что он «...должен смотреть на него не как на горца, а как на человека, искренно желающего отрешиться от условий прежнего быта и не желающего быть мужиком» (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 311. Запись от 31/VII-1860 г.).

[1] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе. С. 403. Ср. обзор «О политическом состоянии Чечни...» (ЦВИА ВУА. Д. 6468). Там же упоминается и о зажиточности отца Шуаиб-муллы.

[2] Он обследовал Чечню в 1905—1906 гг.

[3] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы: (Культ.-экон. исслед. Чеченского р-на нагорной полосы Терской обл.) // ТСб. 1910. Вып. 7. С. 45.

"Ганза" и граничит течениями воды в Чантинские границы. А потому я дарю Ума Дуеву означенную землю, и чтобы никто из вверенного тебе наибства и жители Дзумсоя не препятствовали владеть ему землей"»[1].

Наконец, небезынтересно судебное дело некоего муллы Цуцко с Гейтуком и Бейбулатом об участке земли, который Шамилем 15 «раджаба» 1268 года хиджры, то есть 24 мая 1852 г. (по старому стилю), закреплен был за последними. Позже только выяснилось, что земля была общественной, так что ни один из тяжущихся на нее прав не имел[2].

Можно было бы привести еще ряд примеров подобных дарений или санкционирования захватов земель. Все они говорят нам о том, что в Чечне зажиточная группа, стремящаяся в процессе разложения родового строя к захвату родовых земель, использует в своекорыстных интересах экономическую политику имамата. Весьма вероятно (а в ряде случаев и совершенно несомненно) также создание групп землевладельцев из состава дагестанских узденей. Землевладение «мухаджиров» — яркий пример этому. Впрочем, не всем наибам удавалось легко получать документы на захватываемые ими земли. Среди переписки Шамиля есть и свидетельства того, что имам пытался ставить известные пределы аппетитам своих наибов. Особенно там, где речь шла о захвате участков, уже поступивших в индивидуальное пользование. Вот, например, одно из предписаний Шамиля, адресованное наибу Мухаммеду из Гоца (в Аварии): «Ты должен оставить подателю сего письма участок земли (пашню), находящийся рядом с речкой и находящийся в его пользовании»[3].

---

[1] Там же. С. 53—54. Документ датирован «15 дня. Шачаб. Вторник 1269 г.». Месяца шачаб в мусульманском календаре нет. Это может быть либо шабан, либо шавваль. Совпадение вторника с пятнадцатым числом месяца в 1269 г. было только в шабане. Поэтому дату переводим как 15 шабана 1269 г., то есть 25 мая 1853 г. по новому стилю (13 мая по старому).

[2] *Иваненков Н.С.* Горные чеченцы. С. 54. Иваненков даже прямо связывает процесс распада родовой собственности с распространением мусульманства в Чечне: «Постепенное уничтожение древнего родового права внесено в жизнь применением юридических постановлений шариата, которого должны держаться истинные правоверные магометане» (с. 46) и далее: «Вообще надо сказать, что со времени распространения магометанства в Чечне идет непрерывная борьба между старым, народным законом — обычаем и постановлениями шариата. В этой борьбе народ не особенно уступчив» (с. 51). Вопрос здесь, разумеется, поставлен на голову: не распад родового землевладения обусловлен распространением шариата, а наоборот, это последнее вызвано ростом экспроприации родовых земель, но нам важен самый факт связи двух явлений, подмеченных Иваненковым.

[3] Дагестанский музей. Дело с письмами времен Шамиля. Л. 32. Письмо датировано 27 бульхиджа 1274 г. Такого месяца в мусульманском календаре нет. Единственное близкое соответствие — месяц зульхидджа. Дата источника переводится тогда как 8 августа 1858 г. (нового стиля).

Большие перемещения в земельной собственности во времена имамата были и в Дагестане. И здесь создавалось и усиливалось землевладение нового верхушечного слоя из наибов и их мюридов. Один из наблюдателей шестидесятых годов говорит, что «...право на владение землей особенно запуталось во время Шамиля. Последние пятнадцать — десять лет его владычества[1] в горах особенно усилился произвол и совершенный, самый крайний деспотизм наибов и имама. Малейшее подозрение в неисполнении предписаний шариата или же какого-нибудь приказания Шамиля вело за собой смерть виновного и конфискацию его имущества, которое чаще всего передавалось какому-нибудь отличившемуся верному мюриду. Весьма естественно, что при таком порядке дел, особенно в последнее время, когда горцы стали тяготиться властью Шамиля, поземельные участки весьма часто меняли своих владельцев»[2].

Прошение кородинцев

Очень любопытно в этом отношении прошение, поданное жителями сел. Корода генералу Лазареву уже после падения имамата. Кородинцы указывают в нем, что распашка общественных земель[3] частными лицами воспрещалась их адатом, но при Шамиле адат перестал соблюдаться. Подкупая наибов или начальников сотен деньгами или угощениями, некоторые кородинцы завладели общественными землями, не считаясь с джамаатом селения и ничем не компенсируя того убытка, который терпел джамаат[4]. Таким образом расхищение земель, отмеченное нами для Чечни, существовало и в Дагестане.

Усиление страсти наибов к наживе особенно ярко бросается в глаза начиная с пятидесятых годов. К этому времени старшее поколение наибов уже сходило со сцены, их сменяло более молодое. Часть первых сподвижников Шамиля была убита (Ахверды-Магома, Джеват-хан, Шуаиб-мулла и др.), часть же почувствовала на себе тяжелую руку имама. Шамиль, будучи уже в плену, в Калуге, признавался в совершенных им за последние годы имамства крупных ошибках. И на первом месте среди них была «...замена многих честных и способных наибов молодыми, малоопытными и

[1] То есть как раз начиная с середины сороковых годов. — *Н.П.*

[2] *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан (из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г.) // ВС. 1862. Т. 23. февр. С. 392.

[3] В документе употреблен термин احياء الحريم «оживление харима».

[4] Документы Государственного Исторического музея. Док. 49. Репродукция его приведена в приложении к отчету А.Б.Закс (См.: *Закс А.Б.* Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936—1937 гг.// Труды Государственного Исторического музея. М., 1941. Т. 15).

в высшей степени корыстолюбивыми людьми»[1]. Впрочем, это констатировал не только имам. О неопытности нового поколения наибов говорит и один из наблюдателей конца пятидесятых годов: лучшие из прежних наибов «погибли, не оставив преемников, воспитанных в их школе. Новые наибы люди не такой закалки. Шамиль не запрещает вторжений на нашу линию, он даже предписывает их. Но партии, составленные из людей, которые не получили авантюристского воспитания в разбое, не в состоянии бороться с нашими линейными казаками. Когда-то это было совсем иначе»[2]. Что же касается корыстолюбия этого поколения, то о нем достаточно широко известно.

Борьба со злоупотреблениями

Нельзя сказать, что имам не видел тенденций многих своих наибов. Масса не оставалась, как мы увидим ниже, безучастной зрительницей обогащения наибов. Шамиль был достаточно крупным вождем крестьянского движения, чтобы понимать, куда приведет в конечном счете своекорыстная политика примазавшейся к движению аульской верхушки. Мухаммед-Тахир ал-Карахи передает, как Шамиль беседовал со своей семьей. Он говорил им: «Не превозноситесь же в одеждах и пище. Будьте благонамеренными, может быть оно [государствование] близко от того, чтобы уйти от нас и повернуться к нам спиной». И вот имам пытается «урезонить» распоясывающихся подчиненных: «Шамиль часто собирал наибов и твердил: не выходите за предел дозволенного шариатом. Когда хочешь получить шерсть от овец, то не дергай ее, а стриги; когда хочешь получить меду — бери мед, а пчел не трогай, не убивай. Так нужно поступать и с народом»[3]. То же пишет и Гаджи-Али: «Дела приняли дурное направление потому, что поступки наибов были соединены с несправедливостью и все старания Шамиля направить дела были тщетны. Он оставался один без помощников, и часто повторял слова одного арабского поэта: Я вижу тысячу человек, строящих здание, которое может разрушить один, что же может построить один человек, когда сзади его тысячи разрушителей»[4].

В то же время Шамиль пытался ввести в шариатские рамки стремление наибов к обогащению. Понятно, что это ему не удавалось. Так, он не мог обуздать взяточничества Инко-Гаджи, злоупотреблений властью Курбаниляу, Омара и многих других. Жалоб на наибов имам получал много, но часто он им не верил.

[1] См.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1524.

[2] Lettres sur le Caucase et la Crimée. P. 118.

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 241; Блеск горных сабель... Л. 210—211.

[4] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 35.

Вот, например, тот же Курбаниляу. Имам пробовал посылать к нему ревизию. Но ревизоры, Амир-хан и Хаджи-Алиляу, сами были на содержании Курбаниляу. И только в конце существования имамата, очевидно в 1856 г., Курбаниляу был, наконец, смещен со своей должности[1]. Впоследствии Шамиль сам признавался, что его меры были совершенно недостаточны. «Все, что говорил Шамиль о беззаконных поступках своих наибов за последние годы его имамства, — все это без исключения делалось дагестанскими владетелями, но с тою притом разницей, что в воображении наибов хоть изредка рисовались шамилевские мюриды с их совсем особенным способом пожатия рук[2]. Дагестанские же владетели, не зная этого кошмара, действовали очертя голову, руководствуясь единственно кровожадным деспотизмом, животными побуждениями и неутолимой жаждой к стяжанию богатств»[3]. Много нужно было, чтобы имам, ненавидевший и презиравший аристократию, решился сравнивать свою администрацию с этой аристократией и при этом не находить между ними особенно существенной разницы. Говоря о своих заслугах, он считал, что «давно уж должен был бы окончить свое поприще, если бы народ не знал, что в основании его действий лежит идея равенства, идея освобождения большинства из-под тяжелого ига меньшинства»[4]. Теперь, в пятидесятых годах, корыстолюбие наибов заслоняло собой эту идею, а имам не знал, что он может сделать. И в решительный момент, когда начали выявляться противоречия между основной базой имамата — крестьянской массой и примазавшейся к нему аульской верхушкой, имам оказался бессилен принять правильное решение.

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Торговля

Стремление аульской верхушки к закабалению крестьянской массы особенно ярко отразилось в ряде «низамов» и предписаний, касающихся экономической жизни имамата. Рассмотрим постановления, относящиеся к обеспечению и развитию торговли, которая для верхушечных слоев аула являлась существенным моментом как в накоплении, так и в эксплуатации низов. Мы уже видели, что в 20-х годах XIX в. торговля в горах имеет почти что чисто феодальный характер. Имамат с первых же лет своего существования начал проводить политику покровительства торговле и развития ее.

[1] ЦВИА ВУА. Д. 1239. Л. 175 об., 176. Опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1506.

[2] Мюриды подавали арестуемому при приветствии обе свои руки и затем выворачивали руки схваченного таким образом человека.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 1239. Л. 142 — 143. Опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1501.

[4] ЦВИА ВУА. Д. 1239. Л. 128 об. Опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1500.

Старые крупные (конечно, в масштабах Северо-Восточного Кавказа) торговые центры в горах: Салты, Чох, Анди превращаются в центры торговли имамата. Характерна мотивировка укрепления торговых центров, которую мы находим в одном из официальных русских документов 1843 г. «Шамиль, — говорит этот документ, — видит бедность горцев, знает их взаимные нужды и дабы показать, что входит в их положение, приказал учредить в Короде базар, бывающий там еженедельно по пятницам для мены товаров»[1]. Документ этот, исходящий из достаточно осведомленных кругов, показывает, что имам учитывал интересы узденьской верхушки, в руках которой в значительной мере сосредоточивалась внутренняя торговля в горах.

Подтверждается это и сообщениями Абд ар-Рахмана о том, что Шамиль «предоставил многим торговым пунктам льготы, возвысившие их значение»[2]. Чрезвычайно важно введение обязательности приема при всяких торговых сделках русских серебряных рублей[3]. Оно показывает, в какой степени русская экономика влияла на экономику горскую. Вряд ли отказ имамата от выпуска собственной монеты объясняется техническими затруднениями. Если Шамиль организовал отливку пушек, то монету он смог бы выпускать. Дело здесь, вероятно, в другом. Монета имамата не могла бы иметь хождение при торговле с теми частями Дагестана, которые находились уже в составе России. А без этой торговли, как показывают многочисленные примеры, имамат обойтись не мог. Дагестан, даже его нагорные части, втягивался в общероссийскую хозяйственную систему. Не нужно только преувеличивать размеров этого втягивания в сороковых — пятидесятых годах: полным ходом этот процесс пошел лишь во второй половине XIX в.

Немалое влияние на развитие и укрепление обмена оказала и постройка дорог, облегчавших сообщение внутри имамата[4]. Но наиболее важны мероприятия по обеспечению сделок. Низам, относящийся к этому последнему вопросу, вызван был частыми зло-

[1] Копия с рапорта командиру Отдельного Кавказского корпуса командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майора Ф.К.Клюки фон Клугенау от 22/III-1843 г., № 39 // ЦВИА ВУА. Д. 6468.

[2] *Абдуррахман В.* Выдержки из записок Абдуррахмана... С. 22.

[3] Низам Шамиля.

[4] «Огромные, по приказанию его [Шамиля. — *Н.П.*] произведенные работы с 1842 по 1844 и в особенности весной 1845 года привели к тому, что были устроены повозочные сообщения от Анди, как центрального пункта, чрез Нагорный Дагестан, вверх по Андийской и Аварской Койсу до главного хребта, пограничного с Кахетией, а с другой стороны через Гумбет и Койсубу, с Аварией, чрез Дарго в Майуртуп и чрез земли чебырлоевцев в Аргунское ущелье» (*А.Д.Г.* Поход 1845 г. в Дарго // ВС. 1859. № 5. С. 14—15). Указание на постройку Шамилем дороги из Анди к границам Аварии см. в ст. А.Юрова «1843 год на Кавказе» (КС. 1882. Т. 6. С. 52).

употреблениями передачей имущества по назру (обету). В этих случаях «...кредиторам, заметившим, что должники получили возможность возвратить позаимствованные деньги, скотину или другие предметы, отвечают, что находящиеся в их руках деньги, скотина и все остальное имущество им не принадлежит, а давно уже отдано такому-то, в чем и представляют нужное число подкупленных свидетелей»[1]. Для обеспечения кредиторов имамом введено было наложение ареста на подобное имущество для первоочередного удовлетворения из него кредиторов.

Но это же постановление указывает также и на обеспечение взысканий по ростовщическим займам. Что приведенное постановление относится именно к ростовщическим операциям, мы можем увидеть из особого упоминания скота и «других предметов». Аульская вехушка, эксплуатируя рабский труд кула или беря повинность с поселенного на земле потомства кулов, одновременно выжимала все соки и из узденьской массы. И в этих операциях торговая прибыль и, особенно, ростовщический процент играли далеко не последнюю роль. Получая от крестьян громадные торговые прибыли, закабаляя их ростовщическими процентами, верхушечный слой аула тщательно закреплял свои права на эксплуатацию статьями закона, обходя все указания мусульманского права, невыгодные ему. Мы знаем, что постановление шариата, запрещающее взимать проценты по долгам, парализовалось очень простым приемом: проценты признавались простым подарком должника заимодавцу. Правительство имамата, обеспечивая взыскания по ростовщическим долгам, укрепляло эти позиции ростовщика и тем самым сводило на нет шариатское постановление. Особенно ярко эта защита ростовщических взысканий проявилась в другом постановлении Шамиля, по форме относящемся к торговым сделкам, но по существу обеспечивающем именно взыскание ростовщических процентов. «Бедняк, горец, страдая в неурожайное время от голода, ведет лишнюю свою скотину к запасливому соседу-односельцу, а чаще в соседний аул и променивает ее за несколько гарнцев пшеницы или кукурузы. Поправив свое хозяйство через несколько месяцев, а иногда через несколько лет, продавец является к покупщику и, возвращая ему то самое количество хлеба, которое взял у него, требует возврата своего животного со всею прибылью, полученной от него новым хозяином... Для прекращения этого Шамиль постановил, чтобы промененная таким образом скотина оставалась бы собственностью нового хозяина. Прежнего же лишил права предъявлять какую-либо претензию»[2]. Речь тут идет, конечно, не о «прибыли», полученной от животно-

[1] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1470. Ср. также: Полемика дагестанских ученых по вопросу об отчуждении собственности по назру (обету) // ССОКГ. 1871. Вып. 5.

[2] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 443, 443 об. Опубл.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1404.

го новым хозяином. Секрет не в этой «прибыли», а в праве ростовщика овладеть залогом или купленным за бесценок по случаю голода скотом.

Налоги

Немалый интерес представляет и налоговая политика имамата. Сведения о последней встречаются в ряде документов, современных описываемой эпохе[1], но они страдают сбивчивостью и противоречиями, что легко может быть понято, если мы вспомним о недостаточной осведомленности многих из авторов. Наиболее достоверными, очевидно, являются показания Гаджи-Али, бывшего одно время, по его словам, казначеем Шамиля. Этот автор сообщает, что закят, являвшийся основным прямым налогом, взимался в размере 12% с хлеба, 1% со скота и 2% с наличных денег, причем закят с денег вносился лишь теми, кто имел свыше 40 рублей[2].

С первого же взгляда бросается в глаза резкая разница между обложением денег и скота, с одной стороны, и хлеба — с другой. Если мы вспомним специализацию различных районов имамата, то для нас станет ясным, что налоговая система державы Шамиля в основном построена на эксплуатации Чечни или, вернее, чеченского крестьянства. Дагестанец-скотовод или садовод платит несравненно меньше чеченца-хлебопашца. Чечня, традиционно являвшаяся житницей Дагестана, дает главную часть налогов имамата Шамиля.

Характерна здесь и самая история налоговой политики Шамиля. «При первых двух имамах, — рассказывал Шамиль Руновскому, — перемен в этом [налоговом. — *Н.П.*] отношении не произошло никаких, за исключением поборов, более или менее насильственных, взимавшихся в пользу военных потребностей, но без всякой системы и порядка. Несмотря на то, что в продолжение этого периода Шамиль был, по его выражению, "военным министром", он решительно не знал ни одной статьи доходов общественной казны или доходов имама, которую он мог бы назвать по имени. Разорили Кизляр — говорит он — разорили непокорные аулы, разграбили дворец аварских ханов: вот и добыча. Разделили ее между участниками: имаму досталось больше всех — вот и общественная казна»[3].

Первое известие о взимании налогов мы встречаем в 1836 г., когда «...Шамиль собрал в Койсубулинском селении Игали старшин и обязал жителей содержать от каждых 10-ти дворов во всегдашней готовности по одному вооруженному человеку, с плате-

[1] См., например, объяснения поручика Ананова (ЦВИА ВУА. Д. 6478), данные в д. 6468 того же фонда, и др.

[2] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 74.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 25.

жом от каждого двора по 1 рублю в год»[1]. Но это еще только налог на содержание муртазеков. Несколько позднее, в сороковых годах, общее демократическое направление политики имамата привело к отмене, наряду с зависимыми отношениями, и феодальной налоговой системы. «Рассмотрев весь ужас положения народа, угнетенного нелепыми правилами до последней крайности, Шамиль поспешил остановить их действие и определил подати в размерах, не имевших ничего общего с установленными Абу Муслимом, причем издал строгий наказ не вынуждать податей силой от тех, кто не в состоянии внести их, и не подвергать несостоятельных никаким взысканиям»[2].

Позднее один из шамилевских налогов, налог на муртазеков, вырастает уже в известное нам обложение хлеба. В самом деле, в Чечне «...Шамиль сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать хлеб без платы, с каждого двора в виде подати»[3].

Обложение денежных сумм было сравнительно очень невелико (всего 2%). Если просмотреть современную эпохе официальную переписку, мы найдем там еще более интересный момент, говорящий о практике обложения владельцев денег, в основном зажиточной верхушки: «**Закят** отдается деньгами или натурой, т.е. хлебом и скотом. Деньгами платят только богатые, вроде добровольного пожертвования, сумма которого не определена никакими постановлениями, **а предоставляется степени богатства и религиозного чувства всякого правоверного.** Богатый, уклоняющийся от этой обязанности, берет на душу тяжелый грех»[4].

Из многочисленных свидетельств о лихоимстве наибов мы знаем, что далеко не всякий богатый горец действительно имел возможность не платить закята, но наличие уклонявшихся от исполнения этого «религиозного долга» вряд ли можно подвергнуть сомнению. Сведения о том, что торговцы не платили закята, мы можем найти и в родовых преданиях некоторых горцев, что под-

[1] Отношение барона Г.В.Розена к графу А.И.Чернышеву от 5/X-1835 года, № 1098 // АКАК. Т. 8. С. 607. Ф.Боденштедт рисует дело несколько иначе. «Наибства Гумбет и Анди, — пишет он, — платят ежегодно поголовный налог по одному рублю серебром с каждой семьи; другие племена, где серебро встречается реже или вовсе отсутствует, платят соответствующую сумму продуктами своего сельского хозяйства или промышленности» (*Bodenstedt F.* Les peuples du Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie. P. 600). Несмотря на ясность формулировки, речь здесь идет, видимо, все же не о поголовном налоге, а именно о налоге на муртазеков.

[2] Дневник А.Руновского // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 169 об.

[3] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе. С. 409.

[4] Восемь месяцев плена у горцев, проведенных рядовым Грузинского линейного № 10 батальона Иваном Загорским // ЦВИА ВУА. Д. 6478. Л. 58. Выделено в подлиннике.

утверждает предположение о возможности изъятий части аульской верхушки из податных групп.

Уже приведенные данные говорят о том, что вся тяжесть непрерывной войны, которую вел имамат, перекладывалась верхушкой аула на плечи крестьянской массы. Прибавим к этому, что харадж, налог, взимавшийся прежде ханами за пользование горными пастбищами, взимается теперь имамом. А так как в пользовании горными пастбищами (в противоположность плоскостным) заинтересована была прежде всего крестьянская масса, то станет понятным, на кого ориентировалось податное бремя имамата, несмотря на то, что сам имам стремился облегчить его для беднейших слоев и даже запретил принудительные взыскания налогов, особенно с бедняков.

Чрезвычайные сборы

Помимо этого проводились и чрезвычайные сборы. Так, например, в декабре 1841 г. Шамиль, готовясь к летним операциям, заготавливал продовольствие, «...собирая с каждого двора покорных ему жителей по две, а иногда и по три сабы пшеницы»[1]. А в начале марта «...в аулах и в хуторах Большой и Малой Чечни собирали с каждого двора по 20 фунтов хлеба, набрав таким образом до 5000 мерок»[2]. Эти чрезвычайные военные сборы, разумеется, очень тяжело отзывались на хозяйстве крестьянина-горца, в то время как аульская верхушка сравнительно легко находила способы ускользнуть от обложения[3].

Другим источником, из которого черпал свои средства имамат, было отчисление в казну 20% военой добычи. Однако этот источник не был постоянным и надежным. Тот же Гаджи-Али указывает, что уже в начале 1850-х гг. он начал резко сокращаться. Кроме того, как это показывает, например, дело Хаджи-Мурата, добыча далеко не всегда попадала в казну имамата, а присваивалась наибами.

Наибы имеют свою «дружину» (подробнее речь о ней будет ниже), устраивают набеги. И, как показывают позднейшие события, они вообще не прочь превратить военные походы имамата в простые набеги. Имам сдерживает наибов, заставляет их служить созданному крестьянским восстанием демократическому государству. Это раздражает тех наибов, которые вышли из аульской верхушки и пытались своекорыстно использовать крестьянское движение. И вот с этой точки зрения нам станут понятны жалобы

[1] *Юров А.* 1840, 1841, 1842 годы на Кавказе // КС. 1888. Т. 12. С. 331.

[2] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе. С. 409.

[3] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 74.

Хаджи-Мурата на стремление имама присвоить себе все добытое наибом в набегах.

Ряд наибов зачастую рассматривал государственные налоги как повинность населения наибства, платимую наибу. Об этом достаточно определенно говорит одно из постановлений «низама», требующее, «...чтобы наибы не копили доходов с байтулмала и чтобы не покупали на эти деньги дорогих имений»[1]. Эта тенденция наибов свидетельствует о стихийно идущем процессе использования власти верхушкой аула в интересах личного обогащения и о попытках с ее стороны закрепостить горскую крестьянскую массу. Наряду с незаконными, так сказать, поборами, о которых мы говорили раньше, некоторые наибы используют в тех же целях и налоговую систему имамата, совершенно необходимую для обороны от наступающего царизма.

Таким образом, узденьская верхушка, широко использовавшая в своих интересах освободительное восстание горского крестьянства, вовсе не склонна была к проведению в жизнь лозунгов, выдвинутых в первые моменты движения, — прежде всего лозунга о «равенстве всех мусульман». Наоборот, укрепившись в имамате, эта верхушка начинает широко использовать власть в целях личного обогащения. С того времени, как массы сбросили старых феодалов, ханов и беков, с того момента, как ханы и беки и политически и экономически низведены были на уровень той же узденьской верхушки, эта последняя пытается занять теперь место прежних феодалов и в эксплуатации масс, и как политически командующий класс.

4. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Общие соображения

Для того, чтобы понять военную организацию имамата и те возможности, которые были в ней заложены для дальнейшего усиления аульской верхушки, нам необходимо вспомнить историю образования Чеченско-Дагестанского теократического государства и роль войны в феодальной системе внеэкономического принуждения у горцев Северо-Восточного Кавказа.

Имамат вырос из восстания узденьской массы Нагорного Дагестана, аульская верхушка только присоединилась к этому восстанию, хотя позднее и обрела власть. Поэтому военная организация имамата имеет чисто демократический характер. Армия сороковых годов — это народное ополчение. И в первое время имам просто пытается лучше организовать его, придать более четкие формы стихийному массовому крестьянскому восстанию.

[1] Низам Шамиля. С. 15. Байтулмал — общественное достояние.

И в самом деле, движение имеет крупные успехи до тех пор, пока в чисто военном отношении оно опирается на ополчение. Именно действиями чеченского ополчения блестяще отражены наступления царских войск в 1842 г. и в 1845 г. (Ичкеринский поход Граббе и Даргинская экспедиция Воронцова). Участием дагестанских масс объясняется захват целого ряда русских укреплений в Аварии (1843 г.), изгнание царских войск из Нагорного Дагестана. Организация массового отпора царизму, наряду с ликвидацией власти феодальной верхушки, которую проводило руководство имамата, и объясняет ту активную поддержку, которую оказывала узденьская масса руководству имамата. Однако нельзя забывать и того обстоятельства, что в ряду экономических факторов, способствовавших обогащению аульской верхушки, далеко не последнюю роль играла война или, вернее, мелкие набеги. Мы не будем здесь останавливаться на происхождении пограничных столкновений горцев с русскими. Набеги давали не только богатую добычу различными ценностями, но также и пленных — рабов.

Неизжитость рабовладельческих и феодальных отношений в горах вели к тому, что аульская верхушка могла широко использовать самый факт военных действий для своего укрепления. Достаточно упомянуть, скажем, о таком факте, как приводимый Мухаммедом-Тахиром ал-Карахи случай распродажи пленных русских солдат после взятия мюридами укрепления Ахалчи в 1843 г. «Солдаты и снаряжение были разбиты на пять частей и распределены (по положенному порядку). Цена солдата упала настолько низко, что их даже не покупали за 10 шахов человека»[1].

Отсюда вторая тенденция в военной организации имамата: наряду с народным ополчением перед нами выступает феодальная система организации «дружин», состоящих на службе у растущего нового дворянства. Это те военные группы, которые от царского командования получили название «партий» и которые основной своей задачей ставили, главным образом, удачные набеги с захватом наиболее богатой добычи: типичные набеги «хищнических баронов», широко практиковавшиеся феодалами всех времен и стран. Но и здесь наибы использовали в своих интересах то, что создавалось в целях обороны и развертывания восстания, — военный рост имамата.

Ополчение

Рассмотрим прежде всего массовую военную организацию. Общее ополчение применялось имаматом в больших предприятиях, как, например, при захвате Нагорного Дагестана, при отраже-

[1] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. Л. 38 об.; Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 159—160.

нии больших набегов царских войск в 1842, 1845 гг., при походе в Кабарду и т.д. «Каждое семейство обязано выставить одного вооруженного, пешего или конного, по назначению, сделанному наибом, и снабдить его нужным провиантом»[1], таков принцип формирования ополчения. Заметим, прежде всего, что вооруженный понимался как имеющий винтовку, пистолет, шашку и кинжал, и, несмотря на распространенность мнения о том, что каждый горец обладал едва ли не целым арсеналом оружия, мы знаем, что все перечисленное одновременно было далеко не у каждого горца и проблема вооружения не может считаться второстепенной, особенно для бедных крестьянских слоев[2].

В связи с проблемой вооружения значительную роль играет вопрос о верховых лошадях. «Шамиль особенно хлопотал об образовании кавалерии, способной к быстрым и дальним переходам, и с этой целью ввел в обычай перед каждым набегом[3] и, в особенности, дальним осматривать лошадей каждого всадника. Если чья-либо лошадь по осмотру признавалась неспособною выдержать большого пути, то оставлялась дома вместе с всадником»[4].

Это вело к тому, что отправляющиеся в поход временно занимали хороших лошадей, если сами не владели таковыми. Между тем известно, что коневодство не было широко распространено в Нагорном Дагестане, как и в Чечне, и поэтому кавалеристами могли быть главным образом зажиточные уздени[5]. Это особенно относится к Чечне, где пехота составлялась почти сплошь из бедняков,не имевших лошадей[6]. В ополчении отношение пехоты к

---

[1] Сборник адатов Р.К.Фрейтага (см.: *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. 2. С. 108).

[2] Ср., например, «Записки» Д.В.Пассека: «У редкого горца есть шашка и пистолет и у немногих хорошее ружье и кинжал». Впрочем, дальше Пассек оговаривается: «...у чеченцев же, напротив, редкий без шашки и пистолета, у многих отличное оружие, да сверх того у чеченцев... много конных, между тем, как в горах почти все пешие» (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423. Л. 7).

[3] Речь идет, разумеется, о походе с участием массового ополчения.

[4] *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871. Т. 1, ч. 1. С. 487–488.

[5] Правда, в документах можно найти указание на требование поголовного обзаведения лошадьми: «Осенью прошлого года [1841. – *Н.П.*] приказано было всем лезгинам, способным носить оружие, завести по лошади, кто не имеет на то денег, должен был продать часть земли или имущества, а в противном случае сажался в яму» (*Орбелиани.* Показания прапорщика князя Орбелиани, находившегося в 1842 г. в плену у Шамиля // ЦВИА ВУА. Д. 6478). Но уже в начале 1843 г. было принято постановление, приводившееся нами выше и предписывавшее обзаведение лошадьми лишь аульской верхушке.

[6] См., напр., у М.Я.Ольшевского (Записки. Кавказ с 1841 по 1866 г. // РС. 1893. № 7).

кавалерии, по словам Дубровина[1], было как пять к семи, то есть кавалерия численно превосходила пехоту.

Попытки организовать регулярную армию

Имам, однако, прекрасно понимает, что при всем энтузиазме крестьянской массы действия плохо организованного ополчения против регулярной царской армии дадут гораздо меньше, нежели выступление хорошо спаянной постоянной армии. Поэтому-то на всем протяжении своего управления он пытается организовать из массового народного ополчения нечто вроде регулярной армии. Основной тактической единицей являлось соединение численностью в 1000 человек пехоты или конницы, носившее название «альф» (тысяча). Альф дробился на ряд меньших единиц, низшей из которых был десяток (амара)[2].

Однако, так как большая часть армии не была постоянной, а собиралась только по мере надобности, и, с другой стороны, поскольку не видно, чтобы персональный состав ее был всегда один и тот же, описанное деление не привело к образованию действительно сплоченных, хорошо спаянных единиц. Насколько можно судить по дошедшим до нас отрывочным сведениям, разбивка на альфы и даже на низшие единицы производилась иногда уже на том сборном пункте, откуда армия должна была выступить в поход. «Для временных ополчений каждое семейство, — сообщает один из документов 1840-х гг., — выставляет одного вооруженного; но бывают случаи, впрочем, весьма редкие, когда требуются все, могущие носить оружие. Ополчения эти разделяются на сотни, имеющие своих командиров; а пятью сотнями заведует начальник, в роде полкового командира»[3]. Но при сборах ополчения муртазеки не пополнялись ополченцами. Наоборот, они «...не смешиваются с ополчениями временными, но всегда остаются в составе отдельных частей, под начальством своих наибов»[4].

При таких условиях, понятно, альф не представлял собой единого целого, а зачастую являлся механической суммой включенных в него бойцов. Попытки организационного оформления народного ополчения в армию шли при активном участии и руководстве Хаджи-Юсуфа, бывшего прежде офицером египетской армии и строившего чечено-дагестанские войска по системе турецких. Но создать действительно крепкую постоянную армию не удалось.

---

[1] *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, ч. 1. С. 487.

[2] *Казембек А.М.* Муридизм и Шамиль // РСл. 1859. № 12. С. 222.

[3] Об учреждениях, введенных Шамилем в землях повинующихся ему горцев // ЦВИА ВУА. Д. 6468. Л. 18. Сопроводительный рапорт датирован 30/XII-1842 г.

[4] Там же.

Отзыв Ольшевского раскроет нам результаты, к которым приводили усилия Хаджи-Юсуфа и других военных организаторов имамата: «Чеченцы, — пишет он, — с большой сметливостью и искусством вредили нам, если они действовали врассыпную и по собственному побуждению и увлечению. Действуя в массах и под предводительством своих наибов, а тем более Шамиля... в чеченцах не только не видно было искусства, ловкости и энтузиазма, но они становились трусами»[1]. Отзыв этот, но уже в отношении дагестанцев, подтверждает и Пассек: муртазигаты «...упорны и храбры до исступления, мюриды менее опасны, а поголовное ополчение, — говорит он, — вовсе не опасно»[2]. Откуда у генералов подобная характеристика врага, о смелости, предприимчивости и энергии которого мы имеем столько блестящих свидетельств?

Для того, чтобы ответить на такой вопрос, вспомним прежде всего историю создания шамилевской армии. Она выросла из широкого крестьянского движения, из поголовных восстаний, из партизанской войны. Перед имаматом стояла задача организовать партизанское движение, ввести его в организационные рамки регулярной армии. Но в процессе создания армии из отдельных отрядов стремившаяся к власти аульская верхушка все явственнее выходит на первые роли. А отсюда намечается и разрыв между прежними партизанскими отрядами и новой, регулярной армией. Узденьская масса перестает считать дело имама своим делом, она видит и чувствует на каждом шагу, что руководство движением захватывается зажиточной верхушкой, действующей в своекорыстных целях.

И вот мы наблюдаем, как растет недовольство масс военной повинностью, необходимостью идти в армию. Появляется характерная поговорка: «Лучше просидеть год в яме, чем пробыть месяц в походе»[3]. Имам принужден вводить штрафы за неявку на сборный пункт.

А в то же время партизанское движение продолжается, хотя и с меньшей интенсивностью, массы выступают против завоевателей самочинно. И тут разгадка двойного поведения чеченцев. Не один из военных писателей отметил характерную особенность сражений с чеченцами в конце 1840-х гг.: пока приходится иметь дело с местными силами, действующими на свой страх и риск, отстаивающими свои жилища или посевы, царская армия чувствует в противнике сильного врага. Как только начинаются столкновения с «регулярной» шамилевской армией — оценка противника сразу резко снижается. А чем ближе к моменту завоевания Севе-

[1] *Ольшевский М.Я.* Записки. Кавказ с 1841 по 1866 г. С. 100—101.

[2] *Пассек Д.В.* Горы и Чечня: [Записки генерал-майора Пассека] // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423. Л. 8.

[3] По словам Руновского, эта пословица появилась лишь в последние десять лет существования имамата (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 369). Ср.: *Руновский А.* Кодекс Шамиля // ВС. 1862. Февр. С. 339.

ро-Восточного Кавказа, тем сильнее чувствуется замирание общего сопротивления, падение партизанского движения.

Те представители руководства имамата, которые происходили из зажиточных узденей, достаточно хорошо понимали, что всей своей политикой они идут на разрыв с массами. Поэтому в то же время, когда проводятся общие реформы (реформа управления, уравнение сословий и т.д.), идут попытки создания наряду с народным ополчением и другой армии, на которую можно было бы опереться не только в борьбе с завоевателем, но и в утверждении права узденьской верхушки на эксплуатацию узденьской массы. Так возникают «дружины» наибов.

Муртазеки

Весьма вероятно, что при создании этих «дружин» наибы использовали военную реформу имамата — организацию Шамилем постоянной, регулярной армии. Ее отряды формировались уже при низших администраторах. «При мазунах находились муртазеки, набираемые по одному из десяти семейств; на войне они составляли отборную конницу и действовали отдельно, под командой своего мазуна. В другое время муртазеки были тайная полиция»[1].

Вообще, сведений о муртазеках[2] мы имеем значительное количество, но большинство авторов в оценке роли муртазеков расходятся. По-видимому, наиболее достоверны сведения Неверовского: «Цель учреждения муртазигетов была двоякая: прямая и косвенная. Прямая цель: привязать к себе некоторое число горцев, которые всегда были бы готовы жертвовать своей жизнью. Косвенная цель: наблюдение в деревнях, не заслуживших еще полного доверия, за исполнением правил шариата и постоянная готовность к действию по первому требованию Шамиля»[3].

Пассек в своих «Записках» подчеркивает, главным образом, вторую из этих задач: «Наместники и наибы действуют на народ

---

[1] *Макаров Т.* Шамиль, военный и гражданский правитель // Газ. «Кавказ». 1859. № 94. С. 285–286.

[2] Кроме этой формы встречаются в документах «муртазикяты», «муртазигаты», даже «муртазагаторы». Слово مُرْتَزِق представляет собой nomen agentis от VIII породы глагола ارتزق – رزق «зарабатывать свое пропитание» (словарь Баранова), recevour leur vivres (soldats) (словарь Belot). Таким образом, «муртазек» может быть переведен как «солдат, получающий свой паек», в противоположность бойцу ополчения, питающемуся тем, что он захватил из дома. «Муртазикаты» مُرْتَزِقَة — множественное число от «муртазек». Остальные формы — лишь искажения этих двух. Поэтому говорить о какой-либо разнице между муртазеком и муртазикатором не приходится.

[3] Копия с рапорта командиру Отдельного Кавказского корпуса командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майора Ф.К.Клоки фон Клугенау от 22/III-1843 г., № 34 // ЦВИА ВУА. Д. 6468. Рапорт излагает сведения, собранные в начале 1843 г. Неверовским.

через кадиев деревень и муртазигатов. Муртазигатами называются избраннейшие из мюридов, самые ревностные фанатики. Муртазигаты содержатся за счет деревень и составляют постоянных служителей Шамиля, обрекших жизнь свою в жертву для утверждения шариата. Муртазигаты составляют тайную полицию, опричников Шамиля. Они наблюдают за строгим исполнением его приказаний, за верностью жителей, за малейшее подозрение штрафуют... Чтобы не было лицеприятия, то муртазигаты одного общества помещаются в аулы другого и при том они, по большей части, люди бедные и незначительные»[1]. Эти данные ясно говорят о попытке создания Шамилем общегосударственной армии или, по крайней мере, ее ядра.

Вот почему, несмотря на функции надзора и наблюдения за исполнением предписаний имама, ряд авторов считает муртазеков армией. Юров, например, прямо называет муртазеков постоянной армией. Дубровин считает муртазеков людьми, которые «посвятили себя караульной службе» по охране границ имамата, подчеркивая одновременно, что муртазеки были только в Чечне. Но и Дубровин не отрицает того обстоятельства, что как раз муртазеки и составляли основное ядро постоянной шамилевской армии[2].

«Дружины» наибов

И вот, наряду с муртазеками, находившимися в ведении мазунов, были какие-то постоянные кадры, непосредственно руководимые наибами, «дружина» этих наибов. О характере отношений между наибом и его «дружинниками»-мюридами можно судить хотя бы по тому, что «...за свою службу при наибе мурид получал от него все, что было необходимо для его существования и участия в войне. Ему даже давали оружие и одежду, если он в них нуждался»[3]. Естественно, что при этих условиях «дружинник»-мюрид находился на службе не у имама, а у своего наиба. Насколько велик был авторитет наиба среди своей «дружины», показывает история ссоры Хаджи-Мурата с Шамилем. «Перед уходом из Хунзаха в сел. Батлаич, Хаджи Мурат, выбрав самых хороших молодцов из трех кварталов, объявил им, что они будут жить в Батлаиче и станут воевать с Шамилем, почему он приглашает их следовать за ним в Батлаич. Хунзахская молодежь в большой части пошла за Хаджи Муратом и стала жить в указанном селении»[4]. Таким образом, хунзахская молодежь, принимав-

[1] *Пассек Д.В.* Горы и Чечня // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 423. Л .4 об.

[2] *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. С. 472; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, ч. 1. С. 488—489.

[3] Дневник А.Руновского // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 17.

[4] *Н. и К. Хаджи-Мурат.* Хаджи-Мурат. Мемуары. С. 37. См. также: АКАК. Т. 10. С. 521.

шая ближайшее участие в неоднократных набегах Хаджи-Мурата, решила следовать за своим наибом до конца, даже в конфликте этого наиба с имамом. Но само собой разумеется, что основой такой «дружины» являются зажиточные, что особенно наглядно сказывается на примере Хаджи-Мурата. Последний провел ряд удачных набегов, смелых до дерзости, но в состав его отряда в этих набегах входила только кавалерия. А мы уже упоминали о том, что нести военную службу в кавалерии могли только более зажиточные.

О цели этих набегов достаточно ясно говорит сам Хаджи-Мурат, когда он перечисляет свои военные действия. В число их входят: сражения с царскими войсками в 1843—1845 гг., увоз Нох-бике в 1846 г. (она потом была выкуплена) из Казанищ. «Отбил у Бамата, сына Шамхала, 600 голов скотины», «Вскоре после того угнал под Темир Хан Шурой табун лошадей, у шамхальского родственника увез сестру и прислугу ее[1]... В Дургели, в селении подполковника Али Султана разорил жителей, забрав имущество и пленных»[2]. Перечисление, которое не оставляет никаких сомнений в характере набегов, как и в их задачах.

Организацией подобных «дружин» зажиточная узденьская верхушка достигла двух целей: во-первых, эти «дружины» служили ей опорой господства над массами и, во-вторых, с помощью «дружин» можно было накапливать богатства за счет прямого грабежа.

Вместе с тем такая «дружина» делала наиба более независимым по отношению к имаму.

Противоречия между «дружинами» и народным ополчением отразили в себе противоречие между узденьской верхушкой и узденьской массой. Чем сильнее чувствовался нажим верхушки, чем сильнее расходились интересы этих двух слоев имамата, тем больше стремились наибы опереться на своих дружинников, тем меньше становилось самостоятельное значение народного ополчения в военных силах имамата. И если еще в начале 1840-х гг. основной опорой всей шамилевской системы было ополчение, то в конце тех же годов царское командование отмечает понижение боеспособности массовых отрядов. И только тогда, когда развертывается партизанская, самочинная борьба, — русские генералы опять, как и в прежние годы, вынуждены признать храбрость и инициативность врага.

Артиллерия

На совершенно особом положении находились артиллеристы. Эти последние первоначально (с 1843 г.) состояли исключительно

[1] С целью получить выкуп.

[2] *Лорис-Меликов.* Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата...//АКАК. 1885. Т. 10. С. 528.

из русских солдат, не вынесших гнета и муштры николаевской армии и бежавших в горы[1].

Особенно сильно солдат чувствовал муштру по окончании летних походов, когда полки возвращались на свои штаб-квартиры. Поэтому, по словам одного офицера Генерального штаба, «осенью начинаются побеги; дезертиры скрываются в лесах, пока там еще есть фрукты»[2]. Многие из этих дезертиров зимой возвращались в казармы, но часть уходила к Шамилю.

Кроме того, у имама пытались найти защиту от религиозных преследований старообрядцы. Впрочем, если сам имам тщательно заботился об увеличении числа перебежчиков, то его наибы не всегда понимали его политическую линию. Пржецлавский рассказывает один любопытный случай: «Лет 16 тому назад беглые с линии раскольники в числе 7 человек, пожелавши вести жизнь отшельническую, с разрешения Шамиля поселились» в развалинах старой христианской церкви у селения Гоцатль в Аварии. Жители селения, думая, что раскольники прячутся потому, что нашли клад, посадили их в яму, где они и умерли. «Шамиль строго взыскал за преступление: с зачинщика была снята голова, а с остальных участников взят штраф по 40 руб. серебром за каждого убитого»[3].

Наконец, часто отмечалось дезертирство солдат и офицеров-поляков. Уже цитированный офицер Генерального штаба даже объяснял большое дезертирство тем, что «в Кавказском корпусе много поляков, для которых наша война с горцами — дело чужое»[4]. Однако Кох, писавший около того же времени, заявляет категорически: «Придается много значения польской помощи, которую Шамиль получал во время своей удачной борьбы с русскими и которой он часто обязан ее счастливым исходом. Это совершенно неверно... Число польских перебежчиков не так велико, как думают»[5]. Сходным является и мнение Варнера: «Солдаты русской армии подвергаются настолько плохому обращению, что

[1] «При первоначальном учреждении Шамилем артиллерии (в 1843 г.) артиллерийскую прислугу составляли беглые солдаты; впоследствии она была образована и из туземцев» (*Пржецлавский П.Г.* Несколько слов о военном и гражданском устройстве... // Газ. «Кавказ». 1863. № 92). Сообщение это подтверждает в своих показаниях бывший в плену рядовой Максимов. Он «...видел также в Дарго до 500 человек беглых солдат наших, которые употребляются Шамилем для прислуги при орудиях» (Свод показаний возвратившихся из плена рядовых, захваченных горцами в 1843 г. при взятии ими укреплений наших в Аварии и Койсубу, от 12/I-1844 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6539. Л. 8.)

[2] *Вранкен А.К.* Замечания о русских солдатах на Кавказе: Написаны Вранкеном в 1843 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 13 об.

[3] *Пржецлавский П.Г.* Нравы и обычаи в Дагестане // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 158.

[4] *Вранкен А.К.* Замечания о русских солдатах на Кавказе... Л. 13 об.

[5] *Koch K.* Een togtje naar het toonel van den oorlog. Bl. 304.

охотно дезертируют, но число этих перебежчиков, однако, не так значительно, как думают»[1]. «Из русских и польских дезертиров составлен специальный батальон, это, несомненно, обломок почетной гвардии, сформированной Гамзат-беком»[2]. А Мухаммед-Тахир указывает уже на использование дезертиров имамом: «Определил аллах всевышний к этой пушке солдат[3] и заставил их служить имаму. Они приводили эту пушку в действие и выполняли иные дела кроме этого»[4].

Солдаты эти поселены были в резиденции имама, ауле Дарго, целой слободкой и составляли особый отряд, находившийся в непосредственном ведении самого Шамиля. Хаджи-Мурат сообщает в своих показаниях некоторые подробности об этих беглых: «Близ Ведено есть отдельное селение беглых женатых, преимущественно мастеровых, на обязанности которых лежит делание артиллерийских лафетов и ящиков. По наряду они ходят в поход с орудиями. В этом же поселении живут два беглых офицера, которые обучают солдат и смотрят за порядком»[5]. Помимо этой имамской артиллерии некоторые из наибов тоже имели у себя пушки. Так, в 1843 г. Шамиль подарил Кибит-Магоме «два орудия с упряжью»[6].

Снабжение армии

Содержались артиллеристы за счет имамской казны и составляли как бы часть имамской охраны. В эту последнюю входил также отряд «телохранителей» Шамиля, состоявший из 120 мюридов, 12 онбаши (десятников) и начальника стражи[7]. По сведениям, сообщаемым Пржецлавским[8], получали они в год каждый по 15 рублей на одежду, 15 рублей на содержание себя, семьи и лошади, а также провиант — 1,5 сабы пшеницы или кукурузы в месяц. По некоторым сведениям, «личная стража» имама состояла в 1845 г. из 400 мюридов и 300 беглых царских солдат[9]. Содер-

---

[1] *Warner*. Shamyl, le prophète du Caucase. Paris. 1854. P. 12.

[2] Там же. С. 71.

[3] Термин «солдат» у Мухаммеда-Тахира прилагается только к солдатам русской армии.

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 152.

[5] *Лорис-Меликов*. Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата... С. 527.

[6] Политический обзор Дагестана, составленный 13 декабря 1843 г. Генерального штаба капитаном Вранкеном // ЦВИА ВУА. Д. 6514. Л. 43.

[7] *Дроздов И.* Начало деятельности Шамиля // КС. 1899. Т. 20. С. 263.

[8] Цитированное сочинение.

[9] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе. С.402. Число 300 находит подтверждение и в переписке Воронцова с Бебутовым (РС. 1873. Т.7. С.105). Пассек дает гораздо большую цифру: «Охранительный конвой Шамиля составляется беглыми солдатами числом около тысячи» (Пассек Д.В. Горы и Чечня // ААН СССР. Ф.100. Оп.1. Д.423. Л.5. Замечание на полях).

жание всей имамской охраны относилось целиком за счет бейтулмала (байтулмала) и закята. Несколько иначе обстояло дело с содержанием муртазеков. «Чеченские муртазеки (кордонная стража) в прежнее, дошамилевское время, получали за свою службу по одному рублю и по десяти мер хлеба с каждых десяти домов на человека. Это было установлено самими жителями. С открытием в Чечне постоянной войны Шамиль изменил эту плату... С этих пор муртазеки стали получать по одному рублю и по восьми мер хлеба с каждых двадцати домов»[1]. А дагестанские муртазеки, по данным архивных документов сороковых годов, «получали прежде [до 1843 г. — *Н.П.*] жалованье по 1 $^1/_2$ рубля серебром в месяц; в настоящее же время [1842—1843 гг. — *Н.П.*] они денежного содержания не получают, а жители должны давать им приют, хлеб, баранов, продовольствовать их лошадей, обрабатывать их поля и снимать посевы»[2]. Так или иначе, а содержание муртазеков целиком перекладывалось на население, и узденьская

По вопросу об «охранительном конвое» Шамиля вообще см.: *Пржецлавский П.Г.* Несколько слов о военном и гражданском устройстве... // Газ. «Кавказ». 1863. № 62; *Абдуррахман.* Выдержки из записок Абдуррахмана... С. 15. Ср.: *Дроздов И.* Начало деятельности Шамиля. С. 263.

[1] Дневник А.Руновского. Запись 30/I-1861 г. // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 31. об.

[2] Копия с рапорта Ф.К.Клюки фон Клугенау А.И.Нейдгарту от 22/III-1843 г., № 39 // ЦВИА ВУА. Д. 6468. Л. 79. Нужно сказать, что в вопросе о муртазеках имеются большие разногласия в источниках. Произошло это, очевидно, от неясности самого термина «муртазек». В то время, как Пассек, например, утверждал: «...хотя в Чечне существуют муртазигаты и мюриды, но число их не так велико, как в горах, и по врожденной храбрости чеченцев едва ли существует разница между фанатиками и простыми людьми» (*Пассек Д.В.* Горы и Чечня. Л. 8), Руновский, как мы упоминали, считает в числе муртазеков и чеченскую «кордонную стражу», т.е. не только регулярную армию, но и ополчение. В связи с этим имеются расхождения и по вопросу о плате муртазекам. Пассек говорит, что муртазеки содержатся «за счет деревень», Прушановский же различает содержание «милиционеров» и «муртазигаторов»: «Семейство, из которого выбран милиционер, — пишет он, — не обязано содержать его: это лежит на остальных десяти семействах; они должны платить ему в год по десяти рублей серебром (что весьма сомнительно), давать 10 чувалов (четверть) зернового хлеба и 10 ароб сена» (*Прушановский К.И.* Историческая записка ... о начале и развитии мюридизма или духовной мусульманской войны в Дагестане и Чечне с 1823 по 1843 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6512. Л. 60, 60 об.). Иначе характеризуется доход «муртазигатора»: «Муртазигаторы получают от Шамиля жалованье по 1 и не более 1 $^1/_2$ руб. серебром в месяц (тоже сомнительно), кроме достающейся им части отбитой добычи» (Там же. Л. 61, 61 об.). Но на неопределенность показаний могли влиять не только недостаточность и сбивчивость сведений, доставлявшихся лазутчиками; она могла быть результатом неопределенности в размерах действительных доходов, получавшихся муртазеками.

масса относилась к налогам на их содержание далеко не благоприятно. Тот же документ сообщает, что в 1843 г. «...хидатлинцы, по случаю сбора для муртазигетов [муртазеков. — *Н.П.*] взволновались, и Кибит Магома, собрав всех кадиев и старшин, едва успел их утешить и удержать в повиновении к Шамилю Хидатль»[1]. Однако волнения, спорадически вспыхивавшие по поводу введения постоянной армии или налогов на ее содержание, играют некоторую роль лишь во второй половине существования имамата, то есть с того времени, когда аульская верхушка уже открыто пошла против народной массы.

Содержать народное ополчение, хотя бы и короткий срок, по тому принципу, по которому изыскивалось содержание муртазеков, было явно невозможно. И при всех попытках имамата перейти к постоянной армии мы видим, что в организации больших войсковых соединений еще целиком отражена система восставших масс, ведущих партизанскую войну. Мы уже знаем, что каждый выступивший в поход обязан был запастись продовольствием. Однако с того момента, как расширение границ имамата приостановилось (примерно с 1845 г.) и военные действия концентрировались на границах, а не в области, занятой противником, появилась необходимость в специальной организации снабжения армии продовольствием. В связи с закупками продовольствия для армии мы сталкиваемся с одним любопытным распоряжением имама: «Когда в провианте, — пишет Руновский, — предвиделся недостаток, чеченцы в силу шамилевского низама обязывались продавать свои запасы наибам по ценам настоящим "чеченским", а не по русским. При таком условии наибы приобретали (сообразно последнего урожая) на 1 р. от 12—16 мер (саб) муки»[2]. А официальная переписка 1840 г. говорит о том, что «...хлеб у чеченцев ценится, по неимению сбыта, вдвое дешевле, нежели в кумыкском владении и в Надтеречных деревнях»[3], которые находились под властью России. Таким образом, по существу тяжесть содержания армии в походе в значительной мере перекладывалась на хлебородную Чечню вне зависимости от того, были ли эти походы в Дагестане или Чечне. Проблема снабжения переставала быть особо актуальной лишь с того момента, как армия переходила границу. Здесь уже вступал в силу принцип «война сама себя кормит», и чем успешнее шло движение войск вглубь территории, не входившей в состав имамата, тем меньше хлеба должна была да-

[1] Копия с рапорта Ф.К.Клюки фон Клугенау А.И.Нейдгарту от 22/III-1843 г., № 39 // ЦВИА ВУА. Д. 6468.

[2] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 35. Опубл.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1478.

[3] Рапорт генерал-майора М.Я.Ольшевского от 9/I-1842 г., № 15 // ЦВИА ВУА. Д. 6468.

вать Чечня[1]. Но, как мы сказали, успешные операции со второй половины сороковых годов становятся реже и реже, и имамату приходилось все сильнее нажимать на своего главного плательщика — чеченскую крестьянскую массу, и без того ненадежную к тому времени опору.

С теми общими изменениями, которые претерпевает имамат начиная с середины 1840-х гг. и которые приводят, в частности, к подмене вооруженной восставшей массы отдельными наибскими «дружинами», происходит и ряд серьезных перемен в самом характере военных действий.

До середины 1840-х гг. во времена больших восстаний и крупных успехов мюридизма, в период чеченского восстания 1840 г., захвата имамом Нагорного Дагестана, успешного отражения вторжений в Чечню Граббе (1842 г.) и Воронцова (1845 г.), в период, наконец, захвата Аварии, имамат действует все время как представитель широкой узденьской массы. Успех военных действий строится прежде всего на успехе предшествующей им агитации. Мюриды-агитаторы появляются на театре военных действий раньше масс народного ополчения, они подготавливают военные успехи, призывая население к точному соблюдению шариата (разумеется, в его мюридистской интерпретации). И только тогда, когда большинство узденьских масс переходит на сторону мюридов, появляется армия имама. Небольшая кучка противников мюридизма оказывается задавлена большинством его сторонников, а царские войска, разбросанные среди враждебного населения, становятся бессильными перед энтузиазмом крестьянской массы.

Для того, чтобы убедиться в правильности сказанного, достаточно хотя бы бегло просмотреть историю вторжения Шамиля в Казикумух в 1842 г., вторжения, закончившегося взятием в плен даже царского уполномоченного в Кумухе. В 1843 г., после взятия Шамилем аварских укреплений, агитация в Мехтуле и шамхальстве дала не меньшие результаты. Мы уже приводили фразу правительницы Мехтулинского ханства Нох-бике в ее письме 16 октября 1843 г. генералу Клугенау: «Мехтулинцы не хотят защищаться, хотя бы пришла сотня мюридов»[2]. В результате агитации купленные царским правительством беки и кадии пишут умоляющие письма военному командованию, прося защитить их от мюридов, и печально констатируют невозможность удержать массу в повиновении.

То же в Чечне. В 1840 г. в течение каких-нибудь 2—3 месяцев вся Чечня была охвачена восстанием. В 1843 г. граф Граббе едва не гибнет со всеми своими войсками, пытаясь проникнуть в Ичкерию. В 1845 г. только случайность спасает кавказского на-

[1] Достаточно четко охарактеризовано это положение в «Показаниях» Орбелиани: «При выступлении в поход каждый горец должен иметь с собой нескольководневный запас продовольствия. Потом же добыча или соседние деревни доставляют им все, что нужно» (ЦВИА ВУА. Д. 6478).

[2] См.: *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) //ВС. 1859 . № 6. С. 313.

местника Воронцова от полного истребления всей его армии при отступлении от Дарго. Русские генералы очень много пишут о значении чеченских лесов, о невозможности пробиться через них. Выдвигается идея «системы просек», фактически обозначающая переход к длительной позиционной войне.

Эта картина резко меняется в конце сороковых и в пятидесятых годах. В Чечне имамат все большие и большие надежды возлагает не на чеченские ополчения, а на долговременные укрепления. Строится знаменитый «Шалинский окоп», идет усиленное укрепление входов в Чечню. А в то же время чеченское народное ополчение, вооруженная сила восставшей крестьянской массы, под влиянием причин, уже разобранных выше, теряет свои боевые качества. В 1843 г. мехтулинцы не хотели сопротивляться мюридам, а в конце пятидесятых годов чеченцы не хотят сопротивляться царизму и лишь иногда, при защите отдельных аулов, прорываются прежние вспышки энергии повстанцев.

То же и в Дагестане. Три года — 1847-й, 1848-й и 1849-й — военные действия концентрируются вокруг отдельных аулов: Чоха, Сугратля, Гергебиля, Салты. Аулы эти укреплены по всем правилам инженерного искусства, и осада их войсками также ведется по всем правилам. Война широких маневров, далеких походов сменяется войной позиционной. Попытки смелыми рейдами поднять восстание в тылу царских войск терпят теперь неудачу и вырождаются в простые набеги, из которых такие вожди, как Хаджи-Мурат, привозят только большое количество захваченных ценностей. Даже наиболее грандиозное шамилевское предприятие пятидесятых годов — поход 1854 г. в Кахетию — не избегает этой участи и оказывается самым обыкновенным набегом. Узденьская масса за пределами имамата не отвечает уже на призыв к восстанию, а внутри — на призыв к защите. И в решительный 1859 г. Дагестан сдается так же быстро и легко, как быстро и легко сдалась Чечня. Силы, породившие имамат, к этому времени разгромлены, государство, ими созданное, разлагается, а имам бессильно опускает руки перед «тысячью разрушителей».

Итоги

Военная система имамата за двадцать лет своего существования претерпела значительные изменения. Демократическое народное ополчение, стихийность которого пытался ограничить Шамиль, отошло на второй план, уступив место привилегированным «дружинам» наибов, с анархичностью и разбойными тенденциями которых бороться было не менее трудно.

Небольшие отряды муртазеков не могли уследить за всеми «изменами», причина которых, как правило, заключалась в противоречиях развития самого имамата. Они не могли также, несмотря на преданность делу мюридов, изменить ход войны, успех которой базировался на энтузиазме восставших народных масс.

Со второй половины 1840-х гг. прославившая себя армия Шамиля начала терпеть поражение за поражением.

5. ВЛАСТЬ И МАССЫ. ВНУТРЕННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Вопрос о Чечне

Для того, чтобы понять причины ослабления сопротивляемости имамата, необходимо рассмотреть проблему взаимоотношений власти и масс. Выше нам неоднократно приходилось подчеркивать то особое положение, которое занимала в имамате Чечня вообще и чеченская крестьянская масса в особенности. Мы говорили о том, что Нагорный Дагестан живет, в основном, чеченским хлебом, что налоговая система имамата направлена на выжимание хлеба из Чечни (неравномерность обложения хлеба и скота), что узденьская верхушка начинает разграбление родовых земель, и, таким образом, хозяйничанье узденьской верхушки восстанавливает чеченское крестьянство против имамата в целом и отдельных его представителей. Нажим на Чечню дает себя чувствовать сравнительно рано, еще в начале 1840-х гг., но здесь против своекорыстной политики узденьской верхушки пока протестует лишь небольшая часть Чечни. Позже недовольство начнет разливаться все шире и шире, и чем дальше, тем более крутые меры придется принимать имамату для удержания чеченских масс в повиновении. Ярким показателем взаимоотношений между Чечней и руководящей имаматом аульской верхушкой может служить характеристика, данная Шамилем различным народам его государства, характеристика, в которой отзывы Шамиля о хорочаевцах или гехинцах звучат в унисон с отзывом царских генералов.

«По словам Шамиля, — пишет Руновский, — все хорочаевцы от первого до последнего неисправимые разбойники, которых даже общественное мнение заклеймило, назвав их селение "харакчи". На этих людей не действовали ни угрозы, ни близкое соседство с резиденцией имама, ни денежные взыскания и заключения в яму, ни даже смертная казнь, лишившая деревню многих ее обитателей»[1]. Проводившаяся аульской верхушкой политика ограбления чеченских родовых земель била и по чеченскому роду, и в этом отношении царизм аттестует политику имамата с самой

[1] Дневник А.Руновского от 9/VII-1860 г. // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 292. Опубл.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1445. Ср. также отзыв о гехинцах: «...но особенной непокорностью и даже направлением чисто-демократическим... отличаются обитатели гехинских лесов» (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 298. Опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1446). По этому поводу даже Руновский заметил: «Вообще же, судя по его отзыву о гехинцах, можно притти к заключению, что или он притеснял их слишком сильно и несправедливо и потому всегда должен был ожидать восстания, или народ этот в самом деле от природы не создался для гражданственной жизни и к повиновению предержащей власти» (Дневник А.Руновского // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 182). Дело, конечно, не в «природе», а в борьбе Шамиля с чеченским родовым строем.

лучшей стороны. Вот что пишет в своем отчете наместник Кавказа князь Барятинский[1]: «По странному стечению обстоятельств это начало[2] было общим и русской власти, и враждебному нам мюридизму. Шамиль и его предшественники не щадили ничего, чтобы стереть родовые отличия, уничтожить народное законодательство [адаты. — *Н.П.*] и поставить на его место чистый шариат». Это «странное совпадение» политики правящих кругов имамата с политикой царизма, совпадение, являющееся результатом разложения родовых отношений, хозяйничанья узденьской верхушки, вызывало совершенно естественную реакцию в тех районах Чечни, где родовой строй еще имел очень сильные позиции.

Восстание в Чеберлое

Первые признаки недовольства обнаруживаются в Чечне еще в начале сороковых годов. Вот что передает нам Руновский о чеберлоевцах: «Почти 3 года[3] тадбуртинцы вели себя как нельзя лучше, исполняя довольно усердно требования шариата, они беспрекословно слушались своего наиба и охотно участвовали вместе с Шамилем во многих военных действиях против русских. Но потом, вследствие нескольких поражений, лишивших Шамиля Казикумуха, тадбуртинцы вообразили себе, что он пропал окончательно, и тотчас же отложились. Выгнав своего наиба, который едва даже успел спастись, они послали сказать Шамилю: "Приди и возьми свой шариат, мы его уже в мешок уложили"...»[4]. В результате была организована даже специальная военная экспедиция против Чеберлоя. Сообщение Руновского подтверждается целым рядом других свидетельств, в сумме более подробно раскрывающих картину происшедшего в Чеберлое. Огранович, посетивший Ичкерию вскоре после завоевания Кавказа, сообщает: «Когда Шамиль требовал подати и продовольствия, то жители[5], надеясь на свою силу, отказали во всем; тогда Шамиль пришел с мюридами, привез с собой два орудия, опустошил почти все деревни и побил много народу»[6].

Сообщение это особено ценно для нас, так как оно содержит указание и на причины чеберлоевского восстания. Чеберлой был одним из наиболее отсталых районов Чечни. Родовой строй сохранялся здесь почти неприкосновенным. И чеченские роды не хотели принимать какую бы то ни было государственную систему, которую им навязывал Шамиль.

---

[1] Отчет генерала-фельдмаршала князя А.И.Барятинского за 1857—1859 гг. // АКАК. 1904. Т. 12. С. 1287.

[2] Речь идет о начале «устройства управления покоренными горцами».

[3] После 1841 г.

[4] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 410 об. Опубл.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1467—1468.

[5] Чеберлоя.

[6] *Огранович.* Поездка в Ичкерию // Газ. «Кавказ». 1856. № 23.

Положение осложнялось еще и лихоимством наибов. Их действия неоднократно вызывали протесты. Нам известно, например, о волнениях в Гидатле по случаю сбора на муртазеков. Наконец, в 1859 г. в том же Чеберлое при приближении царских войск наиб едва успел спастись бегством от осадившей его дом толпы.

Характер движения помогает раскрыть и один фольклорный источник, не лишенный, впрочем, налета легендарности. В 1932 г. экспедиция Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института записала в ауле Макакой одно из чеберлоевских преданий. До Шамиля, рассказывает оно, в Чеберлое мусульманской религии не было, не было и общей власти. Род враждовал с родом. Когда сюда пришел Шамиль, он заставил принять магометанство и разбил родовые башни. Чеберлоевцы отправили к Шамилю делегацию, во главе которой стоял Горчиев Сарки, и просили разрешить им сначала доесть имевшиеся у них запасы свинины, но Шамиль этого не позволил. Всех не принявших магометанства чеберлоевцев он велел убивать[1]. Это предание говорит о борьбе имама с чеберлоевскими родами, об уничтожении самостоятельности этих родов и подчинении их общей власти в имамате.

Значительный интерес представляет датировка этого происшествия. Оно нашло свое отражение в документах[2] и, кроме того, рассказано одним из мусульманских историков[3]. Оба источника единогласно указывают на 1843 г. Таким образом, чеберлоевское восстание, вместе с волнениями в Гидатле, является одним из наиболее ранних в истории имамата сороковых — пятидесятых годов выступлений крестьянства против политики узденьской верхушки. Правда, чеберлоевская карательная экспедиция, по словам Шамиля, переданным Руновским, была единственной за все время существования имамата, но насколько это верно — трудно сказать, т.к. в царской военной литературе упоминания о покорении Шамилем того или иного общества встречаются неоднократно.

Репрессии

Для удержания чеченских масс в повиновении руководство имамата использует разные способы. Одним из наиболее интересных и в то же время тесно связанных с присвоением родовых че-

[1] *Легенда эта, как и сообщение А.Руновского, представляются нам крайне недостоверными. — В.Г.*

[2] См., напр.: *Юров А.* 1843 год на Кавказе. С. 49, 52.

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 152. Интересно отметить в его изложении фразу: «Мы сложили его шариат в кувшин и крепко заткнули горло кувшина. Так пусть же Шамиль придет и заберет его», совпадающую с таким же выражением у Руновского. В других моментах рассказ Мухаммеда-Тахира совпадает с свидетельством Ограновича (участие артиллерии). Дата Мухаммеда-Тахира проверяется по статье Юрова. Все эти совпадения с исключенной возможностью заимствования придают истории чеберлоевского восстания историческую достоверность.

ченских земель мероприятий являлось поселение в Чечне «мухаджиров». Эти последние представляли собой эмигрантов (чаще всего дагестанцев), ушедших от притеснений царизма к Шамилю. Таких мухаджиров имам расселял в Чечне, рассчитывая этим путем создать прочную базу для подавления всяких проявлений недовольства со стороны чеченской крестьянской массы[1]. Однако и это средство оказывалось в конечном счете далеко не всегда действенным.

Глухое брожение, особенно в пятидесятых годах, усиливается в связи с увеличением нажима узденьской верхушки. И имамат мобилизует дагестанские войска «тавлинцев» против чеченского крестьянства. Репрессии, проводимые имаматом, выливаются в форму военных постоев и параллельно решают проблему снабжения постоянной армии. «Экзекуция, — говорит Руновский, — можно сказать существовала в Чечне постоянно, почти не было той деревни, которая не видела бы у себя экзекуции хотя бы один раз. Экзекуционными войсками всегда были тавлинцы, они располагались в домах непослушных обитателей как в собственных и, действительно, очень скоро обращали их к повиновению без всякого кровопролития. В этих случаях население деревень смотрело на стеснения своих сограждан довольно равнодушно...»[2] Несмотря на мирный характер этого давления и «равнодушие» людей, самый факт учреждения военных постоев заставляет думать, что положение имамата в Чечне в пятидесятых годах было далеко не блестящим. Отход крестьянской массы Чечни от мюридизма в результате той политики, которую проводили здесь представители аульской верхушки, уже несомненный факт.

Недаром же Мухаммед-Тахир, до рассказа о пятидесятых годах ни разу не упоминавший о грабежах наибов, вынужден, наконец, констатировать факт. «Они [управители и наибы. — *Н.П.*] постепенно переставали повиноваться... И не прибавлял Аллах всевышний войскам имама после этого сражения[3], куда бы они ни направлялись, ничего кроме принижения и поражения, оставления без помощи и отступления. И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама — кроме опущения узды правления... у семьи имама — кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания (богатств), у простого народа — кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания»[4].

Но недовольство растет не только в Чечне. Уже в истории первой половины сороковых годов нам неоднократно приходится

[1] См.: *Тарханов Д.* О мухаджирах в Зандаковском наибстве // Терские ведомости. Владикавказ, 1868. № 15.

[2] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 304, 304 об. См.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1448.

[3] Имеется в виду поход Шамиля в Кахетию.

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 241.

сталкиваться с указаниями на вспыхивающие то там, то тут выступления против имама. Правда, только сравнительно очень редко попытки эти вызываются недовольством узденьской массы хищнической политикой некоторых представителей руководства. В начале сороковых годов гораздо чаще встречаются мятежи, проводимые верхушечными слоями аула и направленные против демократической политики имамата. Но наличие даже единичных выступлений массы очень важно. Они показывают, что даже в сороковых годах, хотя и эпизодически, представители аульской верхушки пытались проводить ту политику эксплуатации, какую позже они развернули уже широко. Выше мы упоминали о волнениях в 1843 г. в Гидатле, в связи со сбором на муртазеков, о передаче в «казну шариата» земель, принадлежавших мечетям[1]. В конце концов, по словам Гаджи-Али, «...наибы стали... походить на голодных волков, которые с жадностью растерзывают детей своих. Народ прибегал с жалобами к Шамилю, но он выслушивал только тех, которые имели бумаги от наибов... Горцы с каждым днем бессилели и беднели; им уже надоело сражаться и они говорили: "Для нас все равно, что бы ни происходило на свете"»[2]. Такими в результате хозяйничанья аульской верхушки оказались настроения узденьской массы.

Борьба среди наибов

Одновременно с растущим безразличием в крестьянской массе усиливается рознь в верхах. История разногласий среди правящей верхушки начинается еще в тридцатых годах, когда, как мы знаем, Кибит-Магома пытался действовать совершенно самостоятельно, не подчиняясь Шамилю. Только после восстания 1840 г. он принужден был силой вещей признать власть имама и превратиться в наиба, правда, не простого, но все же подчиненного имаму. Второй из крупных деятелей мюридизма конца тридцатых годов, Ташов-Хаджи, наоборот, действует вместе с имамом вплоть до крупных успехов последнего в Дагестане, а затем мы встречаем известие о ссоре между Шамилем и Ташов-Хаджи, после чего последний исчезает из поля нашего зрения[3].

---

[1] Копия с рапорта Ф.К.Клюки фон Клугенау А.И.Нейдгарту от 22/III-1843 г. «Карахцы, видя их земли потерянными, хотели отложиться».

[2] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 75—76.

[3] АКАК. 1884. Т. 9. С. 340. В одном из «Обзоров» 1840 г. встречается любопытное место, которое, может быть, прольет свет на причины ссоры между двумя вождями мюридизма: «Теперь он [Шамиль. — *Н.П.*] лишен правой руки своей. Уди Мулла убит другим мюридом Ташов хаджею вследствие частной между ними ссоры» (Краткий отчет о положении дел в Чечне и Северном Дагестане, составленный Генерального штаба штабс-капитаном Вревским // КС. 1912. Т. 32, ч. 1. С. 395). Даты нет, но судя по содержанию, он написан весной 1840 г. Впрочем, доверять вполне этому сообщению нельзя, так как автор не слишком тщательно проверял свои источники. Он, например, в 1840 г. считает Али-бека Аварского живым, хотя тот погиб в 1839 г. в Ахульго.

После 1840 г. стремление отдельных вождей отколоться от имамата как будто бы прекращается. Но разногласия не утихают. Только теперь речь идет даже не о самостоятельности отдельных наибов, а о кандидатурах в имамы. На этой почве Шамилю приходится все время выдерживать борьбу со своими ближайшими помощниками.

Борьба стала особенно обостряться к началу пятидесятых годов, когда произошло столкновение между Шамилем и представителем бекской группы в мюридизме — Хаджи-Муратом. Как этот последний позднее объяснял возникновение своих трений с Шамилем, мы уже говорили. Но под осторожными выражениями Хаджи-Мурата кроется, вероятно, нечто более существенное: дело, по всей видимости, было вовсе не в том, что предстояло в отдаленном будущем, дело не в соперничестве Хаджи-Мурата с сыном Шамиля, Гази-Мухаммедом, в вопросе о наследовании имамской власти. Об этом, как о причине разрыва, говорят сам Хаджи-Мурат и семейные предания его фамилии, горские же мусульманские историки не знают таких замыслов аварского наиба. Гаджи-Али вообще обходит этот вопрос молчанием, хотя об интригах наибов он всегда распространяется. В отличие от него Мухаммед-Тахир подчеркивает стремление к наживе и оскорбленное самолюбие наиба как моменты, толкнувшие последнего на разрыв с имамом[1]. Само собой разумеется, что в этом столкновении речь шла о реальной угрозе власти имама не в будущем, а в настоящем. А популярность Хаджи-Мурата в Аварии позволяла считать претензии наиба на имамское звание достаточно обоснованными. Не желая порывать с беками и в то же время стремясь избавиться от опасного соперника, имам назначает на место Хаджи-Мурата «аварца Фет Али, сына Сурхая, бывшего полковника русской службы, из дома аварских ханов, убитых Гамзат-беком в 1834 году»[2]. Этот ход сохранил Аварию за имаматом, но совершенно избежать столкновения с дружиной Хаджи-Мурата не удалось. Хаджи-Мурат, набрав в Хунзахе значительное количество молодежи из этого селения, а также из других аварских аулов (Ахалчи, Батлаича, Геничутля, Каха и т.д.)[3], перешел в селение Батлаич, где и укрепился. Дело дошло было до вооруженного столкновения с войсками имама, но вмешательство стариков прекратило

[1] *Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских шашек... Л. 57; Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 226–227.

[2] *К.* Обзор событий на Кавказе в 1845 г.// КС. Т. 18. С. 183. Здесь автор цитаты путает. Фет-Али вовсе не принадлежал к «дому аварских ханов, истребленных Гамзат-беком», хотя Сурхай-хан действительно был убит в 1834 г. Гамзат-беком. Сурхай-хан был конкурентом Нуцал-хана и самостоятельно владел несколькими деревнями в Аварии. Историю взаимоотношений двух аварских ханов в двадцатых — тридцатых годах см.: Записка о сношениях наших с аварскими ханами // АКАК. Т. 7–8.

[3] См.: АКАК. 1885. Т. 10. С. 521.

дальнейшее развертывание боя. Хаджи-Мурат вскоре после батлаичского столкновения перешел на сторону царизма, но заметного влияния на поведение остальных аварских беков это уже не оказало.

В середине пятидесятых годов произошла серьезная ссора Шамиля с Кибит-Магомой, который якобы, «не довольствуясь званием мудира, возмечтал быть имамом»[1]. Один из приближенных Шамиля писал: Кибит-Магому «...следовало выгнать из отечества или содержать вечно запертым в яме — этим бы он получил возмездие за свою изменническую смычку с генералом Агаларом Кази Кумухским, с целью повредить имаму... По воле создателя его козни были открыты»[2]. Ссора эта повела к лишению Кибит-Магомы наибства[3].

Дети Шамиля

Наконец, нельзя пройти мимо ряда интересных сведений, собранных Руновским и Гаджи-Али относительно сына Шамиля, Гази-Мухаммеда, которого имам намечал себе в преемники. Прежде всего отметим усиленно подчеркиваемые Гаджи-Али притеснения, испытывавшиеся горцами от Гази-Мухаммеда. «Если бы можно было горцев вьючить как ишаков и посылать в лес за дровами, то это делал бы Гази-Мухаммед»[4]. Затем Гаджи-Али указывает на скупость и стремление к наживе со стороны этого «наследного принца». Вся характеристика, даваемая Гази-Мухаммеду, явно говорит о том, что в его лице мы имеем дело с ярким представителем узденьской верхушки. И вот этот-то представитель аульской верхушки и его братья «мюридами, друзьями и помощниками себе избрали песенников и иных неблагонадежных людей»[5]. Чтобы понять всю соль этого выражения, мы должны вспомнить, что пение песен (кроме религиозных) и игра на музыкальных инструментах строго запрещались имамом. Обвинение, выдвигаемое Гаджи-Али, говорит нам о каких-то новых настроениях аульской верхушки, о новом отношении к магометанскому пуризму Шамиля. Это подтверждает Руновский, заявляя, что Гази-Мухаммед группировал вокруг себя «прогрессистов»[6]. Эти изменения в идеологии имамата непосредственно связаны с изменениями в отношении узденьской верхушки к царизму.

---

[1] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 161 об.

[2] Там же. Л. 161 об.

[3] Там же: «Имам отрешил его от должности и отправил в ссылку, где он находился до последнего бегства из Дарго имама».

[4] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 71.

[5] Там же. С. 73.

[6] Запись от 18/IV-1860 г. (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 190). См.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1424. Несколько раньше, 6 марта, Руновский записал: «В последние два года имамской власти на Кавказе дагестанская молодежь начала потихоньку поговаривать о замене старого имама молодым. Оппозиция в этом случае являлась только со стороны немногих отъявленных приверженцев Шамиля» (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 152. См.: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1417).

6. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Борьба за объединение горцев

Борьба, которую вел с царизмом имамат, была даже в начале сороковых годов борьбой неравной. С одной стороны — Российская империя, с другой — Нагорный Дагестан и Чечня. Но пока жив был энтузиазм массового восстания 1840 и 1843 гг., сохранялась надежда отстоять независимость Восточного Кавказа. С ходом событий, с возрастанием военных сил царизма, с развертыванием и обострением противоречий внутри имамата начали тускнеть и надежды: независимость становилась все менее реальной, победа — менее возможной. Необходимо было искать какой-то выход. В первое время появились было иллюзии, что возможно объединение всех горских племен под единой властью имама и при бескорыстной помощи одного из соседних мусульманских государств. Выход казался реальным, в частности, и потому, что, по свидетельству одного из официальных авторов, «...влияние Шамиля не ограничивается только Чечней и Дагестаном. На него смотрят и полагают надежды свои в освобождении от нашей власти самые отдаленные обитатели гор»[1]. Во времена восстания 1831 г. проекты Гази-Мухаммеда предусматривали создание единого государства из всех племен Восточного Кавказа, быть может — с помощью Ирана.

Но проекты эти, если они и были, не разглашались. О них мы скорее подозреваем, чем знаем определенно. Шиитский Иран не мог не вызвать подозрений у суннитов-горцев. Проекты эти рухнули с подавлением восстания 1831 г., и более к ним мюридизм не возвращался.

Но тенденции общегорской организации остаются. О них Шамиль вспоминает в первые же моменты восстания 1840 г.: недаром же первое его движение в этом году направлено к Военно-Грузинской дороге и крепости Владикавказу, разъединяющим отдельные очаги горского сопротивления. В 1842 г. Шамиль вновь пытается связаться через своих эмиссаров с адыгейским движением. Попытки эти продолжаются и в последующие годы. Результатом их становится движение 1846 г. в Кабарду (о нем будет подробно сказано ниже) и появление у адыгов ряда известных эмиссаров, из которых наиболее видной фигурой был Мухаммед-Амин. Но действия шамилевских посланников не достигают той основной цели, которую ставил перед ними имам: объединение всех горцев под одной властью — властью имама. Несмотря на все усилия, движение на Западном Кавказе остается оторванным от движения на Восточном. Что же касается разъединяющего их территориально Центрального Кавказа — Кабарды и Осетии, то здесь интересы

[1] ЦВИА ВУА. Д. 6464. Л. 47 об. Написано «в исходе 1840 г.»

князей диктуют им сохранение союза с царизмом. Попытки поднять Кабарду окончились в середине 1840-х гг. крахом, и Центральный Кавказ так и остался непреодолимой преградой между Западным и Восточным. Время, к которому относится крах надежд на единое горское государство, — середина сороковых годов, все та же переломная эпоха.

Сношения с Турцией

Постепенно, в ходе борьбы все яснее и яснее становились трудности сохранения независимого государства. В связи с ними возникают новые иллюзии — надежда на бескорыстную поддержку Турции. Невозможность существования независимого государства на Кавказе, в точке, где сталкивались интересы и России, и Англии, и Франции, еще не была ясна горцам. Влияние европейских держав на турецкую политику также оставалось неизвестным в горах. Вот почему возникали наивные надежды на то, что султан поддержит суверенность имамата. Известную роль в этом должны были, разумеется, сыграть и политические связи накшбендиев, центр, которых, как мы помним, был в Турции.

Первые попытки завязать связи с турецким правительством и использовать его поддержку делались при Гази-Мухаммеде. Не считая даже упоминания о переписке первого имама с эрзерумским пашой, мы имеем такой факт, как поездка герменчукского муллы Хаджи-Мухаммеда к султану. Несмотря на противоположные уверения Хаджи-Мухаммеда, дело, очевидно, все же шло именно о поддержке султаном восстания, и царское командование не ошиблось, считая, что целью поездок Хаджи-Мухаммеда было возбудить участие Оттоманской Порты к чеченцам[1]. Нужно отметить, что здесь не видно тенденций подчинить горцев турецкому правительству. Судя по этому сообщению, речь идет скорее о союзе, чем о покорности, а в моменты военных успехов отношения с Турцией рассматриваются под совершенно неожиданным углом зрения. Вот одно из выступлений первого имама по вопросу о Турции: «Когда возьмем Москву, я пойду на Стамбул; если Хунткарь [султан Турции. — *Н.П.*] свято соблюдает постановле-

[1] Чеченский архивный фонд, переданный из Центрархива. Д. 24 «О действиях между чеченцами уроженца сел. Герменчук Гаджи Магомета». Это подтверждается и отношением барона Г.В.Розена к генерал-адъютанту В.Ф.Адлербергу от 20/VIII-1836 г., № 931: «...уроженец чеченский Хаджи Мемед, возвратившийся в конце прошлого года в Чечню, под личиной преданности нашему правительству намеревавшийся усилиться между своими единоплеменниками, вошел в связь с Ташов-Хаджи и употребляет все свое влияние для распространения вредного нам шариата не только между непокорными нам чеченцами, но даже и между покорными» (АКАК. Т. 8. С. 606). *По нашему мнению, источники не позволяют сказать определенно, был ли Хаджи-Мухаммед отправлен в Турцию руководителями движения кавказских горцев. — В.Г.*

ния шариата, мы его не тронем, — в противном случае горе ему. Он будет в цепях, а царство его сделается достоянием истинных мусульман»[1]. Это заявление, если даже оно легендарно, много говорит об отношении горской массы к Турции в моменты военных успехов в имамате.

Во второй половине сороковых годов параллельно с падением надежд на общегорское государство и ростом противоречий внутри имамата все сильнее и сильнее проявляется тенденция искать спасения в Турции. Мухаммед-Тахир рассказывает об этом переломе: «Народ неоднократно советовал имаму испросить помощи у этого султана. Но имам не хотел помощи ни от кого, кроме владетеля всего сотворенного. Но когда к имаму пришло от Хаджи Юсуфа, который пришел от... Ибрахима паши, у которого он был "в черкесах", письмо такого содержания: "Если ты хочешь изложить какое-либо дело Султану Абд ал-Меджиду, так посылай ко мне", то он склонился к этому.

Он позвал своего ученика Амир-хана ал-Чиркави и объявил ему о том, что он хочет послать его. Тот ответил послушанием и повиновением»[2].

Участие Хаджи-Юсуфа в завязывании сношений Шамиля с султаном подтверждает и «Низам Шамиля»: «Гаджи Юсуф написал к нему письмо, после движения Шамиля в Кабарду (1846 г.). По этому предложению Шамиль составил письма к султану и египетскому паше, в которых описывал несоразмерность сил своих в сравнении с русскими, неусыпное ведение с ними войны в защиту мусульманства, просил себе покровительства и помощи»[3]. Эти два свидетельства совершенно ясно говорят о том, что попытки Шамиля связаться с султаном относятся лишь ко второй половине сороковых годов. В дальнейшем Шамиль «вел переписку с Хункаром»[4], и немалую роль в этой переписке играет все тот же египетский офицер Хаджи-Юсуф.

С ростом внутренних противоречий в имамате расширяются и сношения имама с султаном. «В 1853 и 1854 гг.[5] Шамиль снова делал несколько попыток войти в сношения с турецкими властями и связывать свои движения с действиями турецкой армии, но ни одна из этих попыток не удалась... В бумагах, писанных в означенные два года Шамилем к Карскому паше, он сообщал о числе войска конного и пешего, могущего выступить с ним на соединение с турецкой армией, и о времени, потребном для прохода к

[1] *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год) // ВС. 1859. № 2. С. 354—355. Автор ссылается на рассказ Исал-Магомы — родственника и ученика первого имама.

[2] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 147.

[3] Низам Шамиля. Ред. предисл. С. 2.

[4] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 22.

[5] Непосредственно перед русско-турецкой войной и во время нее.

разным местам»[1]. Документы очень мало говорят нам об условиях, которые ставились Шамилем на этих переговорах.

Из переговоров ничего не вышло. Ниже мы подробнее коснемся отношений Шамиля с Турцией в пятидесятых годах, сейчас же укажем лишь на основное. Все иллюзии были изжиты руководством имамата во время Крымской войны. Шамиль ясно увидел, что речь должна идти не о союзе с Турцией, а о полной потере независимости и полном подчинении гор туркам. Больше того, за турками он разглядел Англию и Францию и правильно расценил их роль в Оттоманской империи. Передать Дагестан султану значило передать его английскому королю. Исчезали даже религиозные поводы: англичане были такими же «неверными», как и русские. Независимость была невозможна, и, когда имам убедился в этом, он перестал возлагать надежды на султана. К тому же он не мог не чувствовать, что горы завязали уже прочные связи с Россией, связей же с Англией не было.

Здесь мы подходим к последнему моменту во внешней политике имамата, к истории его взаимоотношений с царской Россией. И в этих отношениях нужно различать две стороны: и экономические, и культурные связи и влияния все более и более втягивали горцев в общероссийское хозяйство. Но хозяйничал в России царизм с его колониальной политикой.

Отношение к царской России

Если не считать первых лет с момента чеченского восстания, то во все остальное время наблюдается резкая разница в отношении к царизму у различных слоев населения имамата. Уже документы сороковых годов подчеркивают ярко враждебное отношение к нему крестьянской массы. Вот одно из таких свидетельств: «Наибольшее противодействие в изъявлении покорности русскому правительству между чеченцами проявляла молодежь и бедная часть народонаселения»[2]. Это отношение массы к царизму имеет место все время, пока разорение Чечни и Дагестана царскими войсками и грабежи аульской верхушки не поселили в массах чувство безразличия, пока своекорыстие и стремление к обогащению наибов не уничтожили в них надежд на освобождение от эксплуатации.

Тогда основным желанием крестьянства и чеченского, и дагестанского станет только окончание тянущейся уже почти тридцать лет войны.

Позиция аульской верхушки

Не то происходит с узденьской верхушкой. Ее позиции меняются, и меняются довольно часто. Вначале, пока ненависть к ца-

[1] Низам Шамиля. С. 5.

[2] *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе // КС. 1882. Т. 6. С. 252. См. также: АКАК. 1885. Т. 10. С. 362.

ризму еще ярко проявляется в крестьянстве, узденьская верхушка занимает колеблющееся положение. Она не раз пытается договариваться с царизмом, опасаясь выступлений массы. В мае 1845 г. Воронцов писал: «С прибытием на левый фланг Кавказской линии, все получаемые мною сведения согласовывались в том, что большинство жителей Малой Чечни и в особенности люди зажиточные и пожилые действительно желают покориться нашему правительству, но им противодействует молодая и бедная часть народонаселения»[1]. В некоторых случаях мы сталкиваемся даже с прямой изменой отдельных старшин. И царизм не остается глухим к этим настроениям. Вопрос о подкупе администрации имамата прямо обсуждается в Петербурге: «Во всяком случае надлежало бы командиру отдельного Кавказского корпуса обсудить ближайшим образом, какие выгоды и преимущества, сообразно положению Края и ходу военных событий, могут быть обещаны влиятельным горцам, которые отстанут от мюридизма и от самого Шамиля»[2]. Но пока положение имамата крепко, пока серьезных столкновений с массами нет — тенденции к примирению остаются в основном тенденциями.

Наибы и царизм

Дело резко меняется в пятидесятые годы. Здесь колебания проникают в самые верхи имамата, начинается выявление скрытых доселе тенденций вовне. К этому времени и экономические связи с Россией крепнут. Как раз от пятидесятых годов до нас дошло наибольшее количество свидетельств об изменах или попытках измены со стороны различных вождей мюридизма. Об измене такой звезды первой величины, как Хаджи-Мурат, мы уже упоминали, но к этому нужно добавить, что при переговорах с царизмом Хаджи-Мурат пользовался поддержкой двух других видных деятелей мюридизма — Кибит-Магомы[3] и Даниэль-бека.

Однако измена Хаджи-Мурата, происшедшая в самом начале пятидесятых годов, не является еще характерной не только для настроений узденьской верхушки, но даже и для настроений всей той группы беков, которую Хаджи-Мурат представлял в имамате. Даниэль-бек, хитрая лисица, умевший вовремя перебежать на сторону более сильного, вел переговоры с царизмом раньше Хаджи-

[1] Отношение М.С.Воронцова А.И.Чернышеву от 5/V-1846 г., № 5 // ЦВИА ВУА. Д. 6576. Л. 90 об.

[2] Всеподданнейшая докладная записка от 12/XI-1848 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6482. Л. 40 об.

[3] «Сколько известно, Кибит Магома и Муртузали [брат Кибит-Магомы. — *Н.Л.*] во все время этих смут принимали живейшее участие в Хаджи Мурате» (Письмо М.З.Аргутинского М.С.Воронцову от 27/X-1851 г. // АКАК. Т. 10. С. 522.

Мурата, в 1845, 1846 и в июне 1849 г.[1], но тогда переговоры кончились ничем — стороны не сошлись в цене. Недаром же к Даниэль-беку ближайшее окружение Шамиля относилось чрезвычайно подозрительно. Уже после пленения Шамиля найдена была в доме имама, в Калуге, арабская рукопись с характеристиками Кибит-Магомы, Даниэль-бека и Исмаила Чохского. Вот что писал автор[2] о Даниэль-беке: «Он сначала выказал себя человеком добросовестным, потом лицемером и, наконец, усерднейшим врагом имама...» Далее автор описывает постоянные поражения Даниэль-бека и прибавляет: «Впрочем, во всем, что сделал Даниэль-бек, должно извинить его уже потому, что он хан...» Разъясняя эту фразу, автор высказывает ряд мыслей, показывающих, как глубока была ненависть к ханам у лиц, близких к имаму. Он говорит, что потомки Мухаммеда, завоевав Кавказ, назначали везде наибов. «Из этих-то наибов и образовались впоследствии забывшие святое завещание и сделавшиеся бичом народа царьки Кайтаха, Табасарани, Кази Кумуха, Шамхальства и других обществ. Узнав, что поставленные ими наибы изменили своему долгу сердцем и душой, благочестивые потомки пророка, назвав их ханами, простили беззаконников... в том внимании, что от ханов ничего хорошего и путного ждать нельзя, потому что самое этимологическое значение слова хан, происходящее от арабского глагола "хана", который означает "изменил", указывает на их достоинство! Не будем же винить Даниэль-бека — он хан, а потому в буквальном смысле — изменник»[3]. Подчеркнем еще раз: ближайшее окружение имама имело, как видим, твердое мнение о «достоинствах» ханов. И это показательно. Борьба шла внутри самого правящего круга.

К началу пятидесятых годов относится переход на сторону царизма еще некоторых наибов, но уже второстепенных. Но с момента окончательного поражения Турции, с того момента, когда окончательно исчезли надежды правящей верхушки на помощь турецкого султана и против царизма, а главное, против внутренних волнений, — тогда аульская верхушка предпочла договориться с царизмом, а не рисковать дальше своим правом на эксплуатацию. Когда Барятинский двинулся в Дагестан, «даже самые приближенные, доверенные его [Шамиля. — *Н.Л.*] лица, наибы и самые дети втайне хотели передаться русским»[4]. И царское правительство не осталось глухим к настроениям аульской верхушки, которая нужна была царизму для того, чтобы, за неимением в

[1] Там же. С. 493. Вся история отношений Даниэль-бека с царизмом изложена у Ржевуского (1845-й год на Кавказе. С. 261—270).

[2] Пржецлавский предполагает, что это был Абд ар-Рахман.

[3] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 162.

[4] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 57. Насколько он прав, говоря о детях Шамиля, сказать трудно. Нужно помнить, что Гаджи-Али ненавидел детей имама.

горах феодалов, использовать их в качестве своих покорных слуг. В последние моменты существования имамата мы видим, как один за другим предают имама его ближайшие помощники: Кибит-Магома забрал все имущество Шамиля во время бегства к Гунибу и открыто присоединился к России, Даниэль-бек не допустил имама укрыться в Ирибе. С этими главарями соперничала верхушка меньшего масштаба. И каждый требовал награды.

Царизм закрепил свой союз с верхушкой имамата, официально признав в одном весьма любопытном приказе необходимость ее использования: «Некоторые наибы и мазуны, ныне покорившиеся русскому правительству, находясь под властью Шамиля, само собой, по воле и приказанию его, казнили смертью тех людей, которых он признавал виновными. Наибы и мазуны, исполнявшие такие приказания Шамиля, не могут быть виновными перед народом, ибо они не по своей воле так действовали, а по воле Шамиля, которой покорялся народ. Мстить наибам и мазунам за какое-нибудь смертоубийство, совершенное ими по приказанию Шамиля, есть большое преступление перед русским правительством. Поэтому строго воспрещается всему покорившемуся горскому народу, члены которого пострадали через наибов и мазунов от жестокости Шамиля, посягать на жизнь наибов и мазунов или делать им какой-нибудь вред, и кто поступит против этого, тот, как важный преступник, со всем его семейством будет наказан ссылкою в Сибирь навсегда»[1]. Этот приказ, опубликованный 15 мая 1859 г., как нельзя лучше показывает направление политики аульской верхушки в отношениях с царизмом накануне падения имамата. Он чрезвычайно заботливо охраняет представителей шамилевской администрации от возможных выступлений со стороны массы. И если правительство, которое перед этим почти два десятка лет кричало о «притеснениях наибов», взяло этих же самых наибов под свое покровительство, то это доказывает лишь существование его союза с верхушкой имамата. Из двух слоев, составлявших население имамата, — аульской верхушки и аульской крестьянской массы — царизм наиболее опасным врагом считал не первую, а вторую и, разумеется, имел для этого вполне достаточные основания.

Итоги

Таковы, примерно, основные линии политики имамата на протяжении сороковых и пятидесятых годов. Как мы видим, перелом в общем положении государства, созданного мюридами, не случаен, он базируется на новых явлениях в социально-экономическом строе, на укреплении связей с Россией и росте власти зажиточной аульской верхушки. И вся история пятидесятых годов на Восточ-

[1] *Ткачев Г.А.* Эпизод из Кавказской войны // Зап. Терского о-ва любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 4. С. 51.

ном Кавказе может рассматриваться лишь под этим углом зрения. Иначе, без учета изменений в классовом составе горского общества Восточного Кавказа, события, рисующие постепенный упадок имамата, будут совершенно непонятны, а объяснения гунибской катастрофы принуждены будут исходить исключительно из чисто военных моментов. Последние, разумеется, сыграли свою весьма немалую роль, и об этой роли мы скажем ниже, но не они были решающими в сдаче Шамиля.

Подводя общий итог всей политике имамата, не нужно, однако, ограничиваться лишь констатацией роста эксплуатации и власти аульской верхушки и забывать о громадных достижениях имама. Прав был французский писатель пятидесятых годов, когда он определял значение Шамиля: «Подчинить племенных князей, создать теократическую монархию среди феодального варварства, воссоединить враждебные народы, дать им одну единую веру, создать регулярную армию у народов, знавших лишь независимых наездников, ввести постоянные учреждения и, наконец, создать и организовать нацию — таково было дело Шамиля»[1]. К этому можно прибавить еще освобождение зависимых крестьян и части кулов, попытку создания равенства, быстро разрушенного аульской верхушкой.

[1] *Taillandier Saint René.* Allemagne et Russie. Paris, 1856. [Статья] La guerre du Caucase. P. 255.

Статья написана в октябре 1853 г. и первоначально напечатана была с подзаголовком «Le prince Worontzoff et le prophète Shamyl» в «Révue de deux mondes» за 1853 г. (4 vol., octobre), p. 409—448. Конечно, говоря о создании нации у горцев Дагестана и Чечни в середине XIX в., автор сильно преувеличил настоящее положение дел.

Глава VII.
ГИБЕЛЬ ИМАМАТА

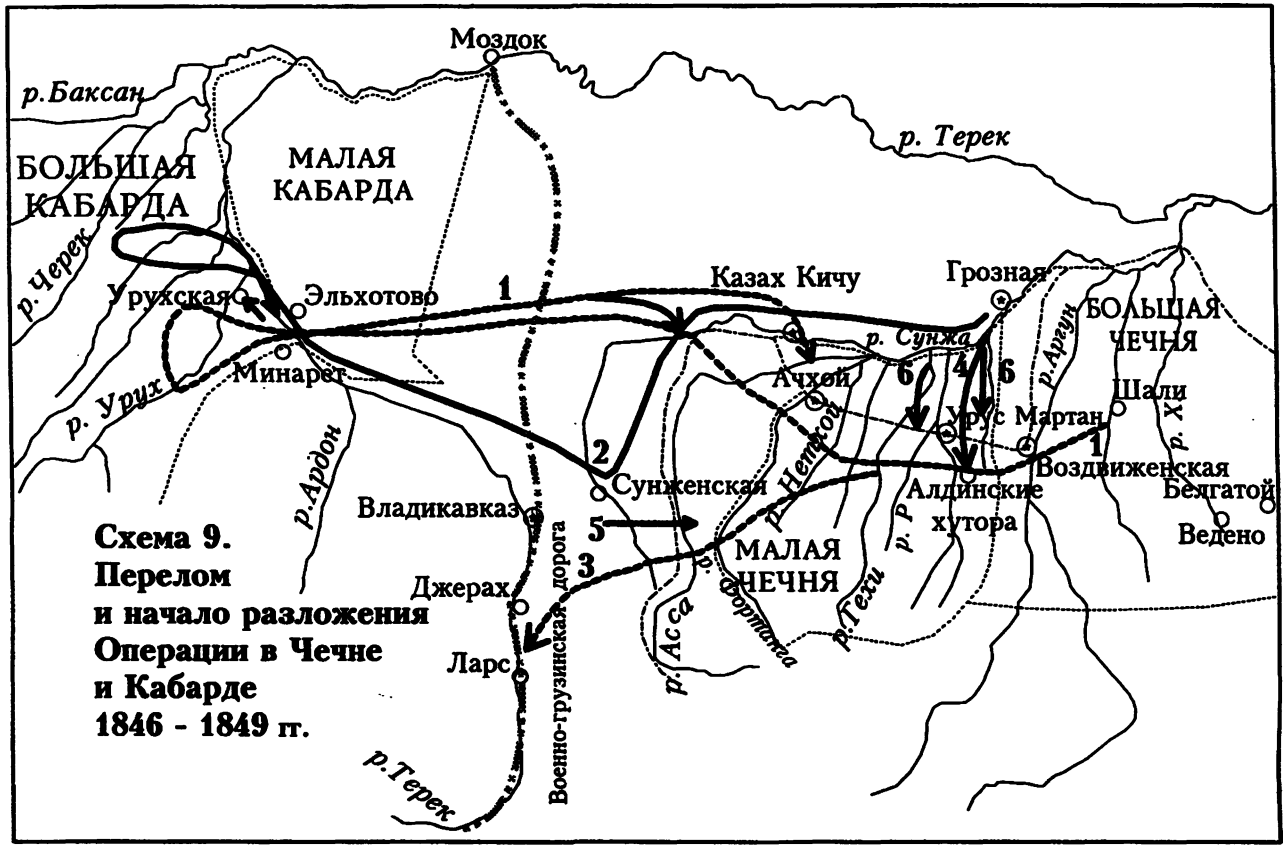
1. ПЕРЕЛОМ И НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ[1]

Оценка Шамиля Головиным

Поражения царских войск в первой половине сороковых годов заставили царскую администрацию значительно изменить взгляды на силу имамата и на его главу — Шамиля. Если в 1839 г. генерал П.Х.Граббе недооценивал возможности разбитого при Ахульго имама, то в середине сороковых годов кавказское начальство склонно было скорее переоценивать их. Назначенный в конце 1844 г. главнокомандующий граф М.С.Воронцов просил бывшего командующего Е.А.Головина сообщить его взгляд на положение дел на Кавказе. Ответ Головина интересен именно как показатель высокой оценки царизмом сил и способностей имама. «Шамиль, — пишет Головин, — не тот уже, что был при мне; сила его возросла с тех пор до чрезмерности. Он имеет в распоряжении своем настоящее войско, снабжен артиллерией, и если это не делает его страшнее для нас, то дает ему над горцами такую поверхность, которой никакое общество их противиться не может и которое делает его неограниченным властелином в горах. Нельзя, чтобы столь неблагоприятное для нас стечение обстоятельств не имело вредного действия и на Закавказские наши владения, особливо в провинциях мусульманских, не чуждых притом влияния двух соседних азиятских держав, всегда нам недоброжелательствующих. Одна надежда, что горские племена, доведенные до крайности, ожидают только случая, чтобы свергнуть железное иго мюридов, над ними тяготеющее... но сами они освободиться из-под власти Шамилевой партии не в состоянии»[2]. Насколько Воронцов усвоил точку зрения Головина — трудно сказать, однако испытанный им в 1845 г. при походе в Дарго разгром должен был служить лишь наглядной иллюстрацией к письму Головина. Шамиль казался царизму теперь чрезвычайно сильным, сильнее даже, чем он был на самом деле. Ни Головин, ни Воронцов, ни

[1] *Нам представляется ошибочной датировка этих процессов 1846—1847 гг., как это делает Н.И.Покровский. Сегодня кавказские историки датируют их либо 1847—1848 гг., либо даже 1851—1852 гг. — В.Г.*

[2] Ответ генерала Е.А.Головина на письмо графа М.С.Воронцова из Москвы 24/I-1845 г. // ЦВИА ВУА. Д. 6164. Папка «Конфиденциальные письма ген. Евг.Ал.Головина и кн. Мих.Сем.Воронцова 1845 г.». Л. 8—9.

Моздок
р.Баксан
р. Терек
БОЛЬШАЯ КАБАРДА
МАЛАЯ КАБАРДА
р. Черек
Уружская
Эльхотово
Минарет
р. Урух
р.Ардон
Владикавказ
Джерах
Ларс
р.Терек
Военно-грузинская дорога
Казах Кичу
Грозная
р. Сунжа
Ачхой
Сунженская
р. Нетхой
МАЛАЯ ЧЕЧНЯ
р. Аргун
БОЛЬШАЯ ЧЕЧНЯ
Шали
Урус Мартан
р. Хулхулау
Воздвиженская
Белгатой
Ведено
Алдинские хутора
р. Асса
р. Фортанга
р. Гехи
р. Р
1
2
3
4
5
6
Схема 9.
Перелом
и начало разложения
Операции в Чечне
и Кабарде
1846 - 1849 гг.

р. Р. - р. Рошня р. Х. - р. Хулхулау

действия русской армии

действия горцев

границы имамата

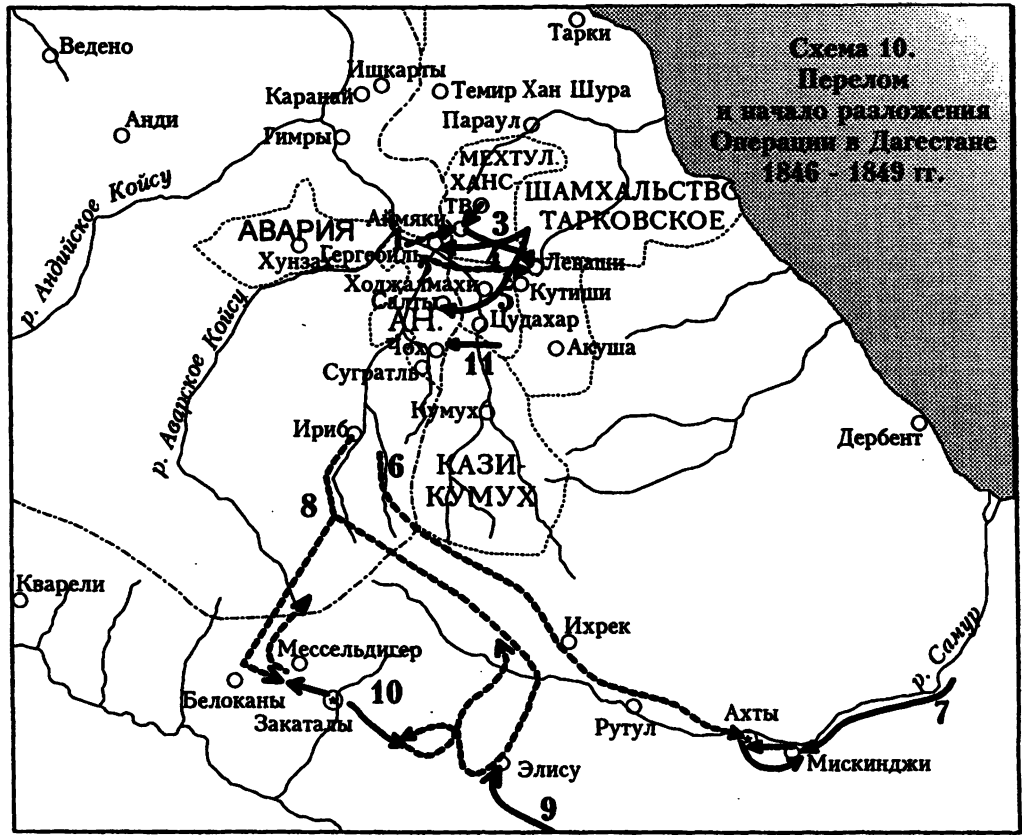
крепости

населенные пункты

границы территорий

9. Действия противоборствующих сторон

1. Шамиль 12 - 27.IV.1846.
2. Фрейтаг IV.1846.
3. Нур - Али IV.1846.
4. Фрейтаг XII.1846.
5. Нестеров I.1847.
6. Фрейтаг I-II.1848.

Схема 10.
Перелом
и начало разложения
Операции в Дагестане
1846 - 1849 гг.
Ведено
Тарки
Ишкарты
Караная
Темир Хан Шура
Анди
Параул
Римры
МЕХТУЛ.
ХАНС
ТВО
ШАМХАЛЬСТВО
ТАРКОВСКОЕ
р. Андийское Койсу
АВАРИЯ
Аймяки
3
Хунзах
Гергебиль
Ленгани
Ходжалмахи
Кутиши
Салта
АН.
Цудахар
Чох
Акуша
11
Сугратль
р. Аварское Койсу
Кумух
Ириб
Дербент
16
КАЗИ-
КУМУХ
8
Кварели
Ихрек
Мессельдигер
р. Самур
Белоканы
10
Закаталы
Рутул
Ахты
7
Мискинджи
Элису
9

АН. - АНДАЛЯЛЬ

——— действия русской армии

– – – – – действия горцев

———— границы имамата

⊛ крепости

○ населенные пункты

..... границы территорий

10. Действия противоборствующих сторон

1. Муса Балканский 12.X.1846.
2. Шамиль 12 - 14.X.1846.
3. Бебутов 13 - 14.X.1846.
4. Воронцов 2.VI - 8.VII.1847.
5. Воронцов VII - IX.1847.
6. Шамиль VIII - IX.1848.
7. Аргутинский IX.1848.
8. Даниэль-бек 1847 - 1848.
9. Бюрно 1847 - 1848.
10. Шварц 1847 - 1848.
11. Аргутинский VII - VIII. 1848.

даже командовавший на Кавказе позже Барятинский не отдавали себе в достаточной мере отчета в том, что имамат второй половины сороковых годов не тот, что имамат первой половины их. И не только потому, что появилась артиллерия, постоянная армия и т.д. Средства, дававшие Шамилю, по мнению Головина, такую «поверхность» над горцами, говорили не только об усилении, а и о начинающемся ослаблении имамата.

Перелом

Перелом, о первых признаках и характере которого нам пришлось говорить в предшествующих главах и который знаменовал собой рост противоречий между верхушкой узденей и узденьской массой, ярко характеризован горским историком Гаджи-Али: «С этого времени между учеными наибами и Шамилем начали происходить разъединенность и несогласия. Некоторые наибы, искавшие власти, старались придать делам Шамиля дурное толкование, и все они вообще начали копить богатства и убивать напрасно мусульман, не различая между позволенным и запрещенным, между истиной и ложью... В народе распространились притеснения, казни, сплетни... И так, с этого времени дела и предприятия Шамиля начинают быть безуспешными»[1].

И, действительно, вторая половина сороковых годов двумя чертами резко отличается от первой. Прежде всего, бросается в глаза растущее равнодушие масс к судьбам имамата. Чем ближе к концу пятидесятых годов, тем сильнее и сильнее сказывается оно. Руководство имамата рассчитывает на дальнейшее расширение территории благодаря восстаниям в соседних горских землях. Но в это время восстаний уже не происходит. Тогда имамат начинает вызывать восстания походами. Это коренным образом ломает всю систему действий мюридизма. В первой половине сороковых годов войска имамата появлялись в момент восстания, тогда, когда почва была совершенно подготовлена, когда начавшееся уже брожение свидетельствовало о готовом каждую минуту произойти взрыве. Теперь, со второй половины сороковых годов, появление войск должно форсировать не готовое еще восстание, а часто даже и подготовить и вызвать его. Удивительно ли, что при этих условиях наступательная политика имамата все чаще и чаще оканчивается неудачами, что «предприятия Шамиля начинают быть безуспешными».

Уже в 1848 г. Воронцов подметил эту особенность последних шамилевских походов: «Главная ошибка Шамиля (и это не в первый раз), — писал он, — есть надежда, что народонаселение не только восстанет против нас, но будет сильно с ним действовать вместе и там, где он уже находится, и в соседственных обществах.

[1] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // ССОКГ. 1873. Вып. 7. С. 34, 35.

От людей, худо к нам расположенных, он получает призвания, но на деле общего содействия не встречает. Это с ним случилось и в Кабарде и потом на Кумыкской плоскости, и два раза в Акуше, и теперь, наконец, на Самуре»[1].

А одновременно с этим царские войска, растерявшиеся после ряда катастроф, оправляются и переходят в наступление, сильнее нажимая на слабые места имамата. Количество войск, направлявшихся царизмом на Кавказ, все время растет. Кох в середине сороковых годов писал, что «...весь Дагестан не имеет столько мужского населения, сколько сражалось против него русских солдат»[2]. Правда, во второй половине сороковых годов борьба идет как будто с переменным успехом, имамат не только обороняется, но и пытается наступать. Но это только внешнее впечатление. Если внимательно вглядеться в сущность процесса, то видно будет, что, по существу, в военных операциях царизм наступает (хотя и очень медленно), а Шамиль обороняется.

Борьба в Чечне в 1845—1846 гг.

Уже со второй половины сороковых годов, со времени установления некоторого равновесия на Северо-Восточном Кавказе, центр тяжести борьбы начинает передвигаться из Дагестана в Чечню. Поэтому чеченские дела потребуют несколько большего внимания. Правда, во второй половине сороковых годов в Чечне как будто бы ничего особенного и не происходит. Чеченские столкновения, по сравнению с дагестанскими, кажутся мелкими и имеющими второстепенный характер. На самом деле именно здесь решаются судьбы имамата. Царизм с середины сороковых годов переходит к так называемой «системе просек», сущность которой состоит в медленном продвижении внутрь Чечни с постройкой укрепленных линий и вырубкой в лесах больших дорог — удобных путей для вторжения. Идея этой системы, позволявшей царским войскам медленно, но верно отрывать от имамата части Чечни, возникла задолго до Воронцова и Барятинского, с именами которых она связана. Еще Ермолов, первый из главнокомандующих на Кавказе, понимал значение чеченских просек. Хорошо понимал его и Вельяминов, с именем которого связаны проекты истребления чеченских полей. И главнокомандующий, и его начальник левого фланга приложили немало усилий для проведения в жизнь своих предложений, но результаты были невелики. А в начале тридцатых годов Паскевич и его ближайшие преемники и вовсе отказались от системы медленного проникновения вглубь лесов

[1] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 5/XII-1848 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 3. С. 343—344).

[2] *Koch K.* Reise in Grusien, am Kaspischen Meere und in Kaukasus. Weimar, 1847. S. 392.

устройством просек и укрепленных линий. И это понятно. Прежде, во времена подъема волны восстаний, эта тактика была бы немыслима, да и не дала бы осязаемых результатов. Но в обстановке второй половины сороковых годов она начинает применяться опять.

В описываемое время зимой 1845 — 1846 гг. борьба идет еще за чеченскую плоскость, причем и здесь дело ограничивается лишь отдельными участками. Еще в 1844 г. основана была выдвинутая вперед, вглубь Чечни, крепость Воздвиженская. После неудачного Даргинского похода мы впервые сталкиваемся здесь с систематической рубкой леса.

«С конца 1845 года начались зимние наши походы в Малой Чечне»[1], — писал в 1848 г. в обзоре чеченских экспедиций капитан Николаи. Известно, что с 4 по 24 декабря 1845 г. экспедиционный отряд генерала Р.К.Фрейтага рубил большую просеку через Гойтинский лес, один из самых густых в Малой Чечне. Просека соединила реку Гойту с Урус-Мартаном, открывая дорогу царским войскам в Малую Чечню. В январе 1846 г., с 18 по 29, рубили уже соединенные отряды Р.К.Фрейтага и П.П.Нестерова. На этот раз объектом истребления был Гехинский лес, а просека установила сообщение между реками Гехинкой и Валериком. Чеченцы, предводительствуемые Хаджи-Яхья, пытались помешать операциям, но безуспешно. Чечне угрожала серьезнейшая опасность, и Шамиль не мог этого не видеть. Отсюда попытки выйти из ловушки, которую готовил царизм имаму. «Шамиль, — писал Воронцов, — проявляет большую активность в этом году и он вынужден к этому, так как мы... принимаем меры, которые должны рано или поздно... разрушить его влияние и оторвать от него чеченцев, без которых он ничего не будет значить»[2].

Поход Шамиля в Кабарду

Первое крупное предприятие Шамиля в переломные годы, предприятие, следовавшее за даргинским поражением Воронцова и как будто бы вытекавшее из этого крупного успеха имамата, — это поход 1846 г. на Кабарду. Однако более близкое знакомство с обстоятельствами дела показывает, что поход 1846 г. был вынужденным предприятием. Идея объединения всех горцев в борьбе с царизмом, противопоставления фронта всех горских народов завоевателям появляется не впервые. Такие попытки предпринимались еще шейхом Мансуром, а позднее первым имамом Гази-Мухаммедом. Мы указывали выше, что в начале сороковых годов имам направлял посольства на Северо-Западный Кавказ, но тогда

[1] *Николаи Л.П.* Записка о Чечне, составленная капитаном Николаи в марте 1848 г. // АКАК. 1885. Т. 10. С. 472.

[2] Письмо М.С.Воронцова П.Д.Киселеву от 10/VII-1846 г. //Архив кн. Воронцова. М., 1892. Т. 38. С. 122.

вести какие-либо широкие операции вне Чечни и Дагестана было еще невозможно: имам рисковал, уходя на Центральный Кавказ, потерять Северо-Восточный. В середине сороковых годов расширение базы восстания в Дагестане становилось уже невозможным. Имам рисковал теперь оказаться запертым на небольшой сравнительно территории, охваченной крестьянским восстанием в 1840—1843 гг. Выйти за пределы этой территории, организовать объединенное сопротивление всех горцев царизму было политической необходимостью.

О значении такого шага К.Маркс писал в 1853 г.: «Если бы все эти кавказские племена объединились под владычеством единого военного вождя, они могли бы представить серьезную опасность даже для соседних казачьих областей». И Маркс подтверждает это ссылкой: «"В ужас приводит мысль о страшных последствиях, которые имело бы для Южной России объединение враждебных кавказцев под властью единого вождя", — восклицает немец Купфер, начальник научной комиссии, сопровождавшей в 1829 году экспедицию генерала Эммануэля к Эльбрусу»[1]. Борьба адыгов с царизмом давала надежду на такой выход. Но между Чечней и адыгами лежала Кабарда. Вопрос о ее позиции был решающим для судьбы всех горцев Северного Кавказа. Между тем, как раз в Кабарде данных для восстания против царизма в этот момент было очень мало. В самом деле, завоевание Кабарды и ликвидация основных попыток сопротивления царизму осуществлены были еще при Ермолове. Восстание 1825 г. было последним, после него кабардинские князья договорились с самодержавием, получили от него то, что могли выторговать, и больше всего теперь боялись «народных волнений». В кабардинских князьях царизм имел верную опору. Однако обстоятельства сложились так, что имаму приходилось действовать через Кабарду. Шамиль усиленно ищет возможности объединения с адыгами. Тут-то и приходят посланцы из Кабарды.

Шамиль пошел в Кабарду лишь по приглашению, и это широко известно. Гаджи-Али, например, указывает, что к имаму пришли «с письмами из Кабарды около 10-ти человек, прося, чтобы он пришел туда с войском»[2]. Мы знаем даже, что писались эти письма несколькими кабардинцами, среди которых фигурируют имена Мухаммеда-Мирзы Анзорова[3], Мухаммеда Кожохова,

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 9. С. 533—534.

[2] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 35.

[3] Позже Шамиль назначил его главным наибом Малой Чечни (см.: АКАК. 1885. Т. 10. С. 514. Рапорт Н.П.Слепцова Ильинскому от 20/VI-1851 года). В бумагах академика Дорна есть письмо, содержащее краткие сведения о Мухаммеде-Мирзе: «Мухаммед Мирза (Анзоров) был до 1846 г. один из наиболее уважаемых в Кабарде узденей — его брат Хату в настоящее время в Петербурге полковник свиты и начальник конвоя его величества. Мухаммед был в числе фанатиков, пригласивших Шамиля в

Мухаммеда Тахтарева, Мухаммеда Куденетова[1] и эффенди Гаджи Берцова[2]. Это была небольшая группа князей, которая не могла обеспечить имаму поддержки не только всей Кабарды, но даже и целиком собственных фамилий. Каким образом имам поддался этим княжеским письмам и предпринял чрезвычайно рискованное движение на Кабарду, не выждав более серьезной подготовки? Это может быть объяснено лишь крайней политической необходимостью выйти на Северо-Западный Кавказ. Окончательной целью движения был, несомненно, последний.

С чисто военной точки зрения поход был проведен блестяще. 12 апреля генерал Р.К.Фрейтаг, командовавший тогда на левом крыле Кавказской линии, получил известия, что Шамиль с армией прибыл в аул Шали и затем выступил из него с армией, направляясь к Военно-Грузинской дороге. Фрейтаг следовал параллельной дорогой по левому берегу Сунжи. Но 16 апреля имам с армией вдруг исчез. Быстрое скрытное движение за Сунжу было обнаружено царским командованием лишь тогда, когда Шамиль был уже в Кабарде. Фрейтаг ждал его в станице Сунженская, когда пришли известия, что Шамиль прошел мимо Константиновского укрепления и... снова потерялся. Благодаря этой плохой осведомленности о движениях имама наспех собранные к Кабарде отряды растерянно толклись на одном месте. Фрейтаг попытался двинуться к Тереку 18 апреля и около аула Эльхотово наткнулся на Шамиля. Имам перешел тогда на левый берег реки и занял крепкую позицию у Минарета. Бывший здесь отряд Левковича откатился в Урухскую, а посланный Фрейтагом на левый берег Терека Меллер-Закомельский боялся атаковать имама.

1845 году произвести вторжение в Кабарду, которую они надеялись поднять, но, когда эта попытка была предотвращена, Мухаммед последовал за Шамилем в его бегстве, а этот последний, чтобы вознаградить его преданность, назначил его в 1846 г. наибом Малой Чечни, потом же, несколько лет спустя, мудиром. Мухаммед все время имел столкновения с нашим бравым Слепцовым и, наконец, в июле 1851 г. был убит в одном деле» (Рукописный отдел библиотеки Института востоковедения АН СССР, фонд Дорна, папка «Письма Шамиля». Письмо без адреса, подписи и даты на французском языке: препроводительное к арабским письмам).

[1] Позже, в октябре 1846 г., Воронцов писал Бебутову: «Было на днях преполезное дело в Большой Кабарде, т.е. истребление партии Мухаммеда Куденетова, он сам с двумя однофамильцами его убиты и сами кабардинцы помогали нам в этом происшествии» (Князь М.С.Воронцов. Письма его к кн. В.О.Бебутову. Письмо от 20/X-1846 г. // РС. 1873. № 7. С. 105). Воронцов, очевидно, придавал этому факту очень большое значение. В выписках из его дневника, где записей о кавказских делах вообще немного, 26 октября отмечено убийство Мухаммеда Куденетова (См.: Старина и новизна. Спб. Кн. 5. С. 82).

[2] Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 2. С. 186.

19 апреля повторилось то же, что было и 16-го: Шамиль снялся с позиции и двинулся на запад. Царские отряды не рискнули следовать за ним и потеряли его. Шамиль же направился к верхнему течению р.Уруха, т.е. проник уже прямо в Большую Кабарду. 20-го он остановился в ауле князя Казиева и призывал кабардинцев идти в его армию и выселяться из мест, занятых царской армией. «В Кабарде не осталось ни одного аула, ни одного человека на своем месте»[1], — записывал Фрейтаг.

До 26 апреля Шамиль производил передвижения по Кабарде, а отряды Фрейтага и Меллер-Закомельского лишь «наблюдали» за ним и спешно требовали подкреплений из Тифлиса. Что же касается частей, расположенных в самой Кабарде, то они и вовсе не были пущены в дело, так как командиры опасались всеобщего восстания в Кабарде, как было в Аварии в 1843 г. Начальник центра, Голицын, растерялся до такой степени, что заперся в Нальчике и ждал выручки. В общем, движение в Кабарду удалось имаму как нельзя лучше.

Между тем в самой Кабарде дела обстояли неважно. Отмеченное генералом Фрейтагом передвижение населения отнюдь не означало присоединения его к Шамилю. Жители аулов, по свидетельству М.С.Воронцова, уходили от имама в горы и леса. «Народ везде остался спокойным, и те только увлечены или вышли сами в горы, которые были на самой дороге Шамиля, или, как у Мухаммеда Анзорова, которого владетели к тому принудили»[2]. Армия Шамиля сразу почувствовала это, как только вопрос коснулся продовольствия: «В продолжение пребывания его [Шамиля. — *Н.П.*] там войско терпело большую нужду, так как жители не хотели давать нам провианта»[3], — говорил позднее Хаджи-Мурат. Расчет на всеобщее кабардинское восстание рухнул сразу. Становилось ясно, что кабардинские князья в большинстве своем не имели никакого желания выступать против России. «Нас обманули. Мы с самого начала потеряли уверенность в успехах, потому что кабардинцы, вопреки своим обещаниям, встречали нас весьма недружелюбно, отказывали нам в самых необходимых предметах и заставляли терпеть большую нужду в

[1] Журнал военных происшествий Р.К.Фрейтага с 11 по 30 апреля 1846 г. // АКАК. 1885. Т. 10. С. 581.

[2] Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 2. С. 183. Ср. в отношении М.С.Воронцова А.И.Чернышеву от 1/V-1846 г., № 50: «В Большой Кабарде за исключением нескольких князей и немногих неблагонамеренных лиц все народонаселение, не присоединяясь к Шамилю... скрылось в горы и леса» (АКАК. 1885. Т. 10. С. 584). Вот почему ни один человек не остался на своем месте.

[3] *Лорис-Меликов.* Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата гвардии ротмистром Лорис-Меликовым // АКАК. 1885. Т. 10. С. 528.

продовольствии»[1], — указывал тот же Хаджи-Мурат. Положение армии имама было критическим.

Не дали ничего и действия вспомогательного отряда, который Шамиль направил под начальством Нур-Али на Военно-Грузинскую дорогу, к Ларсу, так как ингуши (джераховцы) несочувственно относились к мюридам. Наконец, что особенно важно, рухнула и надежда на помощь абадзехов, на которых имам, по-видимому, рассчитывал немало: их поля оказались под непосредственным ударом царских войск, и абадзехи не рискнули на соединение с Шамилем.

М.С.Воронцов с торжеством писал А.П.Ермолову о Шамиле: «Войска его, собранные из всех частей Дагестана (между пленными есть аварцы и унцукульцы), в последние дни совершенно голодали. Кабардинцы не могли или не хотели давать ему хлеба и с большим принуждением только делились рогатым скотом... А вместе с тем и он сам и все прибывшие с ним увидели, что между черкесскими и другими племенами ни расположения, ни помощи ему не было, кроме некоторых князей, или, лучше сказать, узденей Большой Кабарды, всего 4 человека, которые его вызывали, но потом в его пользу ничего не могли сделать. Народы правого фланга и закубанцы на его призыв отвечали, что они будут ждать его успехов, дабы на что-либо решиться и тогда только прекратить мирные с нами сношения, а карачаевцы ему решительно сказали, что будут драться до последнего и не пустят через их земли»[2].

Естественно, что мюридистская армия принуждена была быстро отступить, если не хотела подвергнуть себя всем невыгодам боя с царской армией в незнакомой, неблагоприятно настроенной стране. Шамиль понял это: «...лазутчики дали знать, что Шамиль, не найдя сочувствия между кабардинцами, а также получа не вполне благоприятные известия от своих посланных о закубанцах, собирается в обратный путь, что он и исполнит, если не ночью, то на рассвете»[3]. Впрочем, нужно прибавить, что Шамиль очень неудачно выбрал время для похода. Как раз в апреле 1846 г. с Кавказа возвращались полки 5 корпуса, переброшенные сюда после захвата Аварии Шамилем[4]. Так как они шли из Закавказья по Военно-Грузинской дороге, то есть через Кабарду, то

---

[1] *Лорис-Меликов*. Записка... Цит. по: *Потто В.А.* Хаджи Мурат // ВС. 1870. Т. 76, № 11. С. 165. Эта фраза, взятая у Потто в кавычках, в печатном тексте «Записки» отсутствует. Но Потто пользовался подлинником, находившимся в архиве наместника.

[2] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 5/V-1846 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка //РА. 1890. Кн. 1, № 2. С. 184).

[3] *Ольшевский М.Я.* Записки. Кавказ с 1841 по 1866 г. // РС. 1893. № 9. С. 568.

[4] 14 дивизия была брошена на Кавказ в 1841 г., а 13 и 15 — в 1844 г.

русское командование получило здесь новые силы, которыми могло угрожать имаму чуть ли не с первых дней его появления в Кабарде.

26 апреля Шамиль опять показался у Минарета. Меллер-Закомельский, стоявший здесь, отошел, избегая боя. Тогда Шамиль переправился через Терек и двинулся к Сунже. Меллер-Закомельский следовал за ним издали, а затем и вовсе отстал. 27 апреля армия Шамиля подошла к укреплению Казах-Кичу и начала переправу. Воинский начальник укрепления, Костырко, один из немногих не растерявшихся командиров, попытался с горстью людей атаковать армию имама на переправе, но, понятно, был отброшен. Имам вернулся в Чечню так же беспрепятственно, как и вышел из нее.

Само собой разумеется, что впечатление, произведенное на горцев этим неудачным походом, было велико, и нельзя сомневаться в том, что провал предприятия отозвался на авторитете имама. Ермолов, хотя и находившийся вдали от Кавказа, но внимательно следивший за всем, что там происходило, писал по этому поводу Воронцову: «Желал бы знать, что за мысль была у Шамиля, чего я никак не понимаю? Было бы совершенным безумием думать, что он в Кабарде может иметь успехи. Да если бы она и могла возмутиться, то ее задавить возможно, и жены, дети и имущество от нас укрыться не могут. Следовательно, кроме шалунов никто другой не принял участия в его действиях. Происшествие столько же неожиданное, как и бессмысленное и едва ли не более вреда Шамилю приносящее»[1]. Ермолов не обратил здесь внимания на то, что составляло главный смысл движения Шамиля, — надежды соединиться с закубанцами. Без этой цели весь поход терял, конечно, какой бы то ни было смысл. Однако заключение о вреде кабардинской неудачи для самого Шамиля вряд ли можно считать сомнительным. Этим походом закончились попытки включения Кабарды в состав имамата.

Наступление в Чечне

Вернувшись из Кабарды, имам пытается нанести еще ряд ударов. Он безуспешно атаковал Кумыкскую плоскость, задался было проектом направить в Казикумух Кибит-Магому и, наконец, поручил Даниэль-беку нападение на Лезгинскую линию. А в это время царские войска настойчиво продолжали свои действия в Чечне. «В тот момент, когда он [Даниэль бек. — *Н.П.*] возвращался к себе в Ведень, мы занимали позицию на Фортанге и закладывали форт Ачхой»[2], расположенный «среди большой поля-

[1] Письмо А.П.Ермолова М.С.Воронцову от 13/V-1846 г. //Архив кн.Воронцова. М., 1890. Т. 36. С. 301.

[2] Письмо М.С.Воронцова П.Д.Киселеву от 10/VII-1846 г. // Там же. М., 1892. Т. 38. С. 123.

ны, простирающейся между Сунжей и Нетхоем»[1]. Это был уже второй серьезный шаг за Сунжу, за линию ее станиц и укреплений. Опираясь на Воздвиженскую и Ачхой, русские войска систематически вырубают леса для проведения широких стратегических дорог, которые давали бы им возможность в любой момент проникнуть к «непокорным» аулам. Рубка леса сопровождается частыми стычками с горцами, но, благодаря преимуществу регулярной русской армии, леса постепенно расчищаются, и царские отряды время от времени налетают на аулы, грабят и жгут их.

Появляются и отдельные факты предательства со стороны аульской верхушки. Но факты эти единичны, не связаны между собой и вряд ли показательны. Они имеют значение только в свете последующих событий. Вот один из подобных случаев, приводимый Воронцовым в письме его Ермолову: «Недавно еще приходил к нам, к цепи в лесу около Фортанги, один известный эффенди, часто употребляемый Шамилем, говоря, что он и некоторые другие из самых почетных лиц в горах и из числа духовных намереваются, если в этом году Шамиль не будет иметь успехов против нас, не только от него отклониться, но и провозгласить везде, что он недостоин владеть народом». К этому рассказу Воронцов прибавляет: «Конечно, нельзя давать веры подобным словам, но из них и многих других фактов можно надеяться, что влияние его уменьшается»[2]. Таким образом, «самые почетные лица в горах» и даже «духовные» удерживаются в повиновении лишь успехами Шамиля.

Поход в Акушу

Неудача попытки расширить границы имамата на западе не остановила, однако, наступательные предприятия Шамиля. Сразу же по возвращении из Кабарды он безуспешно атаковал Кумыкскую плоскость, разработал план похода на Казикумух под руководством Кибит-Магомы и, наконец, решил двинуться на юг, в лезгинские общества, куда его тоже призывали. Имам выступил «...с 12 000 конницы и пехоты и остановился в сел. Хачада, что в Каралале, в доме Даниэль Султана. Здесь произошел совет, на котором мать Даниэля, Туту-бикэ, не соглашалась с мнением Шамиля и просила его возвратиться с войсками, говоря: Теперь приближается зима, если выпадет снег, то сообщения пресекутся и может погибнуть много мусульман. Шамиль согласился с ее мнением»[3]. Вряд ли можно считать, что поход был отменен только

[1] *Николаи Л.П.* Записка о Чечне, составленная капитаном Николаи в марте 1848 г. //АКАК. 1885. Т. 10. С. 472.

[2] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 1/VII-1846 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка //РА. 1890. Кн. 1, № 3. С. 92).

[3] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 33.

из-за времени года. Шамиль и сам мог это учесть. Совещание с Даниэль Султаном могло преследовать совершенно иную цель: обсуждение приглашения, переданного выходцами-«мухаджирами» из Джаро-Белоканского округа, Нухи и Ахтов. После кабардинского похода имам должен был быть осторожным. Даниэль-бек нашел предприятие рискованным, и поход в лезгинские общества был отменен.

Вместо похода на юг Шамиль использовал собранные силы для другого предприятия. Речь идет о последнем усилии вовлечь в восстание Приморский Дагестан. Нужно сказать, что после 1844 г. волнения в Акуше не прекращались. Одно из обществ Дагестанского союза, Цудахар, находилось в руках мюридов. Овладение акушинскими аулами открывало имамату возможность выхода к Каспийскому морю, создавало непосредственную угрозу владычеству русских в шамхальстве и Мехтуле и, наконец, ставило под удар Казикумухское ханство. Почва для восстания, казалось, была достаточно подготовлена. «С разорением сел. Цудахар и Хаджалмахи, — писал Бебутов, — открыт мюридам свободный вход в Акушу. Жители этого общества, как опытом доказано, не могут или, вернее, не хотят сопротивляться Шамилю»[1].

При таких благоприятных условиях начат был Шамилем поход для овладения Акушей и выхода в Приморский Дагестан. В сентябре—октябре 1846 г. мюриды заняли ряд аулов Акушинского общества и делали уже попытки проникнуть в шамхальство и Мехтулу. «По всем полученным известиям обнаружилось, что вторжение в настоящем году скопищ Шамиля в Даргинский округ основано им на тайных сношениях с акушинцами, обещавшими от имени своего и других отторгнуться от владычества русских... К этому заговору пристали некоторые жители Мехтулинского ханства и даже Шамхальского владения»[2]. Это был размах 1843 г., но он повторялся в обстановке 1846 г., в условиях уже несколько иных.

12 октября наиб Муса Балаканский занял сел. Аймяки, отложившееся от царского владычества, а Шамиль в то же время показался у аула Лаваши с целью притянуть к себе дагестанский отряд. «По распоряжению Шамиля Муса Балаканский обязан был, с движением русских войск к Лавашам, занять верхние деревни Мехтулинского ханства и по прибытии к нему на подкрепление свежих партий воспользоваться отсутствием русских для возмущения Шамхальского владения»[3]. Акушинцы в большинстве

[1] Рапорт В.О.Бебутова М.С.Воронцову от 31/X-1846 г., № 224 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 425.

[2] Отношение М.С.Воронцова А.И.Чернышеву от 8/X-1846 г., № 108 // Там же. С. 437.

[3] Рапорт В.О.Бебутова М.С.Воронцову от 16/X-1846 г., № 9 // Там же. С. 432.

присоединились к войскам имама, волнения охватили и шамхальство.

Дальнейшие успехи имама прерваны были боем, который 13 октября дал Бебутов Мусе. Дагестанский отряд вытеснил мюридов из Аймяки и тогда лишь двинулся в Акушу. 14 октября Бебутов подошел к армии имама и тут выяснил, что «Шамиль занял фланговую позицию при сел. Кутиши». Тогда Бебутов атаковал это селение. Царские войска нанесли имаму серьезное поражение, принудившее его к отступлению из Акуши[1].

Акушинское восстание — уже одна из самых последних вспышек массового движения, с такой силой развернувшегося в начале сороковых годов. И, как запоздавшая, она носит ряд черт упадка: акушинцы как-то недружно поддерживают мюридов, в аулах находятся довольно сильные группы приверженцев России, удерживающие остальных от решительных действий.

Чечня зимой 1846—1847 гг.

Несмотря на большую активность Шамиля в Дагестане царское командование продолжает настойчивое и систематическое продвижение внутрь Чечни. Зимой 1846—1847 г. предпринимаются новые экспедиции. В конце декабря 1846 г. Р.К.Фрейтаг разорил образовавшиеся в последние годы между реками Гойтой и Рошней Алдинские хутора. А в январе 1847 г. П.П.Нестеров нанес серьезный удар наиболее удаленной от основного центра сопротивления части имамата: он произвел набег на хутора по р.Ассе и прорубил туда просеку из галашевских земель. Над крайним левым флангом чеченского фронта борьбы за независимость нависала угроза. Впрочем, реализована она была уже много позже, в пятидесятых годах. Но, проводя систематическое наступление, русское командование не отказывалось и от отдельных коротких ударов с целью устрашения чеченцев. Объектом одного из таких ударов избран был хутор наиба Дубы. 6 марта 1847 г.перед рассветом отряд царских войск расположился вокруг ничего не

[1] Между прочим, интересно отметить участие в этом бою на стороне Шамиля беглых русских солдат. В переписке Воронцова с Бебутовым мы находим такое место: «Насчет пленных русских, — пишет Воронцов, — я жду с нетерпением от вас известий. Я уверен, что и в Петербурге захотят узнать, что вы сделали с взятыми русскими, которые действительно и без принуждения служили Шамилю. Вы пишете, что их числом 8; их надо судить по полевому уложению, т.е. кончить в 1 или 2 дня. Конечно, всех нельзя расстрелять, но 2 или 3 примера необходимы. Сделайте милость, пришлите это дело поскорее. По известиям из гор, кажется, что русских вообще пропало в эту экспедицию 150 чел. и осталось у Шамиля всего 140, это — одно из лучших последствий прекрасной вашей победы» (Князь М.С.Воронцов. Письма его к кн. В.О.Бебутову. Письмо от 9/XI-1846 г. // РС. 1873. № 7. С. 106). Последняя фраза особенно интересна. Она показывает, какое значение придавалось царским командованием беглым солдатам, служившим у Шамиля.

подозревавшего население, а с первыми лучами солнца обрушился на спящих чеченцев. Произошла форменная резня. «Из всех жителей обширного аула, — вспоминал позднее Полторацкий, — вряд ли кому-нибудь... удалось еще раз увидеть восходящее солнце. При самом отчаянном сопротивлении некоторых большинство, застигнутое врасплох полунагими, стар и млад, женщины, дети, грудные младенцы, утонули в своей крови от остро наточенных штыков, никого не помиловавших, не пощадивших»[1]. Сам наиб спасся лишь случайно. Но такие удары лишь усиливали ненависть чеченцев к завоевателям. Сколько-нибудь заметных результатов для укрепления позиций царизма в Чечне они не приносили.

Гергебиль и Салты

Ослабление мюридистского движения в Дагестане в 1845—1847 гг. быстро было учтено русским командованием, что отразилось на самом характере войны. Трехлетие 1847—1849 гг. для Дагестана явилось периодом ярко выраженной борьбы за укрепленные пункты, борьбы, в которой наступающей стороной являлись преимущественно русские войска. В самом деле, военная история отмечает 1847 год как год двух крупных осад — борьбы за Гергебиль и Салты. Борьба за эти укрепленные имамом пункты, естественно, вытекала из начавшейся еще в 1844 г. борьбы за Акушу. Мы видели, что Шамиль, несмотря на поддержку акушинцев (поддержку, впрочем, не дружную), удержать это чрезвычайно важное для него общество не мог. После ликвидации мюридистской атаки царизм начинает контратаку, стремясь овладеть группой андалальских аулов, дававших имаму доступ к Казикумуху и в Приморский Дагестан. Овладение андалальскими аулами сулило русскому командованию непосредственный доступ к границам Аварии, возможность прорваться в горы и возобновить аварские экспедиции тридцатых годов. Однако царизм переоценил начавшийся упадок имамата.

На 1847 г. наместник Кавказский Воронцов наметил взятие сразу трех укрепленных пунктов: Гергебиля, Салты и Ириба. Однако уже осада первого из них в первых числах июня показала, что имамат многому научился за последние годы. Аул оказался укрепленным по всем правилам европейской фортификации. «Его окружает высокая и прочная стена, повсюду устроена фланговая оборона, а отвесные скалы делают многие пункты совершенно неприступными; внутри аула повсюду устроены блиндажи, баррикады, завалы и траверзы, и каждая сакля обращена, можно сказать, в отдельное укрепление»[2]. Воронцов пришел к Гергебилю с совершенно недостаточными осадными средствами и не учел всей силы

[1] Воспоминания Полторацкого // ИВ. 1893. Т. 51, янв. С. 75.

[2] Отношение М.С.Воронцова А.И.Чернышеву от 7/VII-1847 г., № 176 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 451.

обороны. Сильно укрепленный аул он пытался взять почти с похода: 2 июня были установлены батареи, а уже рано утром 4-го был назначен штурм, так как после однодневной бомбардировки аул казался опустошенным.

Штурмовая колонна ворвалась в брешь. «Но, не говоря о непрерывном и метком оружейном огне, который горцы, подпустив колонну к самой стене, открыли в близком расстоянии, храбрые наши войска встретили за стеной многочисленного неприятеля и совершенно непредвиденные препятствия, как-то: казематы, врытые в землю, откуда производился убийственный огонь, укрепленные пещеры-сакли, покрытые фальшивыми крышами, через которые проваливались вскочившие на них люди и падали на кинжалы мюридов. Горцы с ожесточением бросились на колонну в шашки и, после героической защиты наших войск, вытеснили их из укрепления»[1].

Вторая попытка штурма имела те же результаты. Воронцов принужден был отвести войска. 8 июля началось отступление от Гергебиля. Защита Гергебиля произвела большое впечатление на русское командование. Воронцов писал в своем донесении, что несмотря на усиленную бомбардировку «...дух многочисленного гарнизона не упал. Изумительная стойкость эта убедила меня, что взятие селения открытой силой не может быть произведено без весьма значительной потери в людях и что единственное средство к овладению им есть совершенное уничтожение посредством артиллерии»[2]. И Воронцову, пришедшему к Гергебилю с крайне недостаточными осадными средствами, пришлось после кровопролитного, но совершенно безуспешного штурма отступить.

Воронцов постарался объяснить неудачу холерой, свирепствовавшей в это время в его лагере. Он писал даже: «Атака бреши, сделанной в Гергебиле, не удалась, но мы ее возобновим»[3]. Холера действительно была сильна, но не в ней была причина неудачи: кавказское командование не рассчитывало на солидные укрепления в каком-то дагестанском ауле. Между прочим, немалую роль в создании всех этих укреплений сыграл египетский военный инженер, упоминавшийся уже нами Хаджи-Юсуф, участвовавший в организации постоянной армии Шамиля.

Поражение под Гергебилем показало кавказскому командованию его ошибки: они были учтены в следующей осаде. К Салтам русские войска пришли уже в конце июля хорошо снаряженными, имея все, что требовалось для серьезной продолжительной осады. Начались траншейные работы, апроши. 2 августа подошла к Салтам армия Шамиля, но после ряда боев царские войска удержали

[1] Там же. С. 452.

[2] Там же. С. 453.

[3] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 1/VII-1847 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Т. 1. № 2. С. 207).

за собой все необходимые для успешной осады позиции. Лишь 22 августа инженерные работы продвинулись вперед настолько, что Воронцов приступил к полному окружению Салтов. После упорного боя заняты были салтинские сады, и сношения гарнизона с Шамилем прекратились. В начале сентября подготовка к штурму была окончена: 7 сентября начали действовать брешь-батареи, а 8-го взорваны были мины, подведенные под часть внешней ограды аула. Только 9-го, через полтора месяца после появления под аулом, войска двинулись на штурм этой ограды. Они заняли воронки, образовавшиеся на месте взорванных мин. Но за первой линией укреплений шли еще вторая и третья. Поэтому в воронках опять устраиваются батареи, снова идет бомбардировка. Окончательный штурм второй и третьей линий предпринят был 14 сентября. После кровопролитного боя они пали. Почти два месяца потребовалось на взятие этого укрепления; «в первый раз на Кавказе произведена осада по правилам военного искусства»[1]. Воронцов отдал должное героизму гарнизона: «Нет деревни в Дагестане, — писал он, — которая теперь не оплакивала бы большого числа из лучших и храбрейших сынов своих, павших в Салтах»[2].

Несмотря на успех, число жертв, поглощенных этой осадой, и безрадостная перспектива еще больших потерь в дальнейшем уже говорили о бессмысленности всего плана прорыва в горы через Андалаль. Ермолов в одном из писем к Воронцову пытался затушевать это впечатление, подчеркивая частные результаты успеха: «Все селения, лежащие между Аварским и Казикумухским Койсу, — писал он, — я не иначе разумею, как житницы для сохранения хлеба... собираемого в особенности в окрестностях Салты, чем существует большая часть населения Аварии. Теперь без сумнения не только прекратятся работы на этих полях, но и самые селения уничтожатся... Голодом можно будет заменить штыки. Это назвать можно новым способом исправлять нравственность. Так некогда и я действовал, но только **солью**, которой не было тогда в другом месте кроме озер, принадлежащих шамхалу»[3].

Ермолов забыл, возможно даже сознательно, что в распоряжении Шамиля оставалась такая житница, как Чечня. И если говорить о замене штыков голодом, то нужно было действовать не в Андалале, а в Чечне. Но Воронцову за первой победой грезились уже новые. Салты были взяты, почему предполагать неудачу с другими аулами? И Воронцов продолжает атаку на Андалаль.

[1] Отношение М.С.Воронцова А.И.Чернышеву от 29/IX-1847 г., № 597 //АКАК. 1885. Т. 10. С. 466.

[2] Там же. С. 462.

[3] Письмо А.П.Ермолова М.С.Воронцову от 5/I-1848 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 3. С. 329).

Шамиль и наибы

Одновременно с переломом в настроении аульской верхушки идет и рост недовольства масс наибами, появляются первые признаки безразличия масс к судьбам теократической державы Шамиля. Имам сравнительно быстро почувствовал этот перелом в настроениях. Уже документы, относящиеся к 1847 г., почти единогласно фиксируют меры, принимавшиеся имамом для того, чтобы, насколько возможно, ликвидировать невыгодные для имамата последствия своекорыстной политики узденьской верхушки. В Анди созывается совещание, на постановления которого нам приходилось уже ссылаться[1]. Совещание это выносит ряд решений, в основном сводящихся к формуле «...чтобы взвешивать все поступки свои на весах шариата и не итти путем эмиров-тиранов, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни»[2].

Эта формула не имела, разумеется, ни малейших реальных последствий в смысле ограничения стяжательства наибов. Политика их как была, так и осталась неизменно направленной на удовлетворение аппетитов узденьской верхушки, несмотря на постановления.

---

[1] Нужно сказать, что датировка совещания очень сомнительна. Можно почти с полной уверенностью сказать, что традиционная дата 1846—1847 гг. (или просто 1847 г.), приведенная в статье «Низам Шамиля» (ССОКГ. 1870. Вып. 3. С. 5), неверна. Сомнения в ее правильности возникают уже вследствие отсутствия каких бы то ни было упоминаний об этой дате в современной официальной русской переписке. В самом документе дата отсутствует. Редакция «Сборника» установила ее на основании слов секретаря Шамиля Амир-хана («как припоминает Амир хан»), который связывал срок созыва совещания со временем похода Шамиля в Кабарду и временем появления в Чечне Хаджи-Юсуфа. Оба эти события произошли, по Амир-хану, в 1846 г. На самом же деле это верно лишь для первого из них. Хаджи-Юсуф прибыл к Шамилю в 1840 или 1841 г. В 1842 г. он уже успел побывать чеченским наибом и потерять эту должность. Наконец, и упоминаемое в самом документе назначение мудиров проведено было андийским совещанием 1845 г. (или даже раньше, около 1843 г.). Поэтому вероятнее предположить для описываемого совещания иную дату, несколько более раннюю. Но сам по себе факт борьбы Шамиля с «грабительством наибов» в 1847—1848 гг. сомнению не подлежит. Об этом свидетельствуют и массовая смена наибов в декабре 1847 г., и совещание начала 1848 г. Судя по глухим упоминаниям, Шамиль даже собирал в это время какое-то совещание и «...распространял слухи, будто созвание им наибов клонилось к взысканию с них по жалобам народа за разные беззакония и притеснения» (*Волконский Н.* Трехлетие в Дагестане. 1847-й год. Осада Гергебиля и взятие Салты // КС. 1882. Т. 6. С. 499). Но тот факт, что в постановлениях, записанных в книге Танус-Магомы, имеется решение о введении должности мудиров, не позволяет отождествлять совещание, о котором говорит Волконский, с андийским совещанием «Низама Шамиля». См.: *Покровский Н.И.* По поводу одной даты // ИЗ. М., 1941. № 10. С. 300—301.

[2] Низам Шамиля. С. 14—15.

В конце 1847 г. между имамом и наибами происходят какие-то серьезные трения, о сущности которых мы можем только догадываться. Около декабря этого года Шамиль, по словам М.С.Воронцова, «...не доверяя Кибит-Магоме и другим своим наибам, которые хотя и привержены и послушны ему, имели, вместе с тем, желание и интерес не губить подчиненное им население, сменил их новыми сорванцами, которые ни на что не смотрят, кроме исполнения его воли»[1].

И в самом деле, после осады Салты имя Кибит-Магомы перестает попадаться среди имен шамилевых наибов. В источниках, исходящих от близких к Шамилю лиц, причиной смещения Кибит-Магомы называлось его стремление к имамскому званию и его сношение с царским командованием[2].

В какой мере все эти обвинения были правильны — сказать трудно, но одно находится вне сомнений: в середине декабря Шамиль стремится усилить активность своих военных операций. Он «...предписал новым наибам, назначенным им над подвластными ему обществами, повсеместно тревожить наши пределы и стараться увлечь в возмущение ближайшие к ним племена»[3].

Массовая смена наибов свидетельствует о трудностях, переживавшихся имамом, и нет ничего удивительного в том, что Шамиль в ту же зиму попытался укрепить свое влияние на администрацию и пресечь все разговоры о преемнике. В 1848 г. «...в начале весны Шамиль приказал собраться всем наибам, ученым, почетным лицам и сотенным начальникам Дагестана и Чечни в сел. Балгит [Белгатой. — *Н.П.*], что в Ичкерии. Здесь они признали сына Шамиля, Кази Мухаммеда, имамом после Шамиля и присягнули ему в верности»[4].

Воронцов сообщает некоторые подробности этого собрания. «Недавно было там, — писал он Ермолову, — любопытное событие. Шамиль собрал главных наибов и объявил им, что дела идут худо, что от них мало содействия и что, не предвидя ничего хорошего, он желает отложиться от дела и от своего названия. Разумеется, наибы в ноги... он долго говорил... о своих недугах, что одним манером или другим скоро должен пропасть и требовал, чтобы они во всяком случае назначили ему наследника, которому бы при жизни и после смерти его во всем повиновались. По данному наперед направлению они просили о назначении для этого

[1] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 20/XII-1847 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 2. С. 207).

[2] См., например, «Сатиру на имамских правителей» (ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 161 об.). Высказывания самого Шамиля по этому поводу см. в дневнике Руновского (ЦВИА ВУА. Д. 1293. Л. 7 об.).

[3] Отношение М.С.Воронцова А.И.Чернышеву от 15/XII-1847 г., № 140 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 469.

[4] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 34.

его сына; опять сказал, что сын молод и не знает дела, но они умоляли и, наконец, решено, что сын его, хотя неученый мальчишка, назначен наследником и повелителем везде, куда послан будет отцом... Из главных наибов Кибит Магома не был в собрании, но должен был согласиться. Всех более у него теперь в ходу Хаджи Мурат»[1]. Сам Шамиль, будучи в Калуге, рассказывал Руновскому историю этого избрания. При этом он ссылался на желание «больших людей Дагестана»[2] видеть Гази-Мухаммеда наследником имамского звания. Неблагоприятное впечатление, произведенное выборами на таких «больших людей», как Кибит-Магома или Хаджи-Мурат, заставляет сомневаться в искренности слов Шамиля. Скорее, возможно другое: Гази-Мухаммед выдвинут был какими-то группировками вокруг Шамиля в противовес «большим людям» — Кибит-Магоме, Хаджи-Мурату и, может быть, даже Галбац Дибиру. Из этой группы были, очевидно, навербованы и новые наибы. Но этот вопрос, как ряд других, касающихся внутренних отношений в имамате, еще недостаточно освещен в известных сегодня источниках. Окончательное его решение возможно лишь после детального изучения имеющихся в горах Чечни и Дагестана горских материалов.

Между тем, успешно закончив операции 1847 г., Воронцов решил продолжать наступление.

Действия 1848 г.

Следующие два года потребовали от кавказского командования массы новых усилий: в 1848 г. пришлось вести вторую осаду Гергебиля. Теперь уже и не думали выбить мюридов из Гергебиля быстрым натиском. Пять дней, с 9 по 13 июня, М.З.Аргутинский вел только рекогносцировку аула. Совершенное обложение произведено было после занятия сел. Аймяки только 5 июля. Затем началась бомбардировка: 18 часов подряд стреляли по Гергебилю 8 мортир, 11 батарейных и 6 легких орудий. Гарнизон не выдержал и очистил укрепления, но в большинстве был перебит при попытке прорваться за линии осаждающих. 7 июля, через месяц после подхода русских войск к аулу, он был занят и разрушен.

Параллельно с операциями в Дагестане Воронцов уже с 1848 г. начал активизировать действия в Чечне. В январе—феврале Р.К.Фрейтаг очищал и расширял Гойтинскую и Гехинскую просеки, а в начале августа заложено было укрепление Урус-Мартан. Царизм сделал первый шаг вглубь чеченских лесов и укрепился здесь. И несмотря на то, что эти действия — только начало

[1] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 25/III-1848 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1. № 3. С. 331).

[2] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 7 об. Место, относящееся к описываемому событию, цитировано было выше (гл. VI).

наступления внутрь Чечни, они дают некоторые результаты, и, в частности, некоторые представители аульской верхушки начинают отходить от имамата, перебегая на сторону царизма. В июле 1848 г. Воронцов мог уже донести: «...к нам переселились многие семейства, в том числе некоторые весьма влиятельные, как, например, Маза, дядя наиба Дубы, пример которых сильно действует и на прочих чеченцев»[1], а 4 августа: «выбежал к нам наиб Атабай»[2]. В первой половине сороковых годов представители аульской верхушки бегали не от Шамиля, а к нему. Теперь положение переменилось. Если сейчас на сторону русских перебегают еще отдельные семьи, то дальше, в процессе разложения имамата, вместо семейств мы увидим целые племена. Так что в 1848 г. «вообще всего можно считать до 3000 семейств, покорившихся» царскому владычеству[3].

Осада Ахты

Одновременно с обороной на андалальской линии имам делает попытки перехода в наступление. Наиболее значительной из них является попытка 1848 г., связанная с осадой Шамилем русского укрепления Ахты, расположенного на Самуре. И здесь, как и в движении на Акушу, в основе операции лежали предположения имама о всеобщем восстании в самурских обществах, восстании, которое неминуемо должно вспыхнуть при одном лишь появлении мюридов на Самуре. Однако уже первые шаги показали всю ошибочность этого расчета. 27 августа войска имама появились в районе сел. Ихрек. Комендант укрепления Ахты, полков-

[1] Отношение М.С.Воронцова к А.И.Чернышеву от 29/VII-1848 г., № 902 //АКАК. 1885. Т. 10. С. 484.

[2] Однако через непродолжительное время (1/X-1850 г.) мы вновь сталкиваемся с выступлением Атабая как наиба Шамиля. Одна анонимная арабская рукопись, составленная чеченцем и называющаяся «Возникновение в Дагестане мюридизма», так объясняет поведение Атабая в эти годы: «Однажды Имам Шамиль, по некоторым соображениям, над четырьмя чеченскими наибами назначил четырех наибов-дагестанцев. Когда наиб Атабай узнал, что над ним назначен наибом Муртуз Али, он, Атабай, обратился к Шамилю с вопросом: почему назначили над ним наиба. Так или иначе, оскорбленный контролем над собой в лице наиба Муртуз Али, Атабай перешел на сторону ген. Воронцова... Несмотря на предупредительное к себе отношение со стороны русских вообще, Атабай был недоволен своим поведением и своим положением. Пробыв у русских около года, Атабай снова перешел к Шамилю» (с. 101). Любопытно недоверие, которое проявил имам к наибам-чеченцам. Впрочем, вообще плоскостной Чечне имам не особенно доверял и свидетельство этому — в переселениях мухаджиров. Что же касается Атабая, то он «больше не изменял, а вел бой против врагов имама Шамиля», а после сдачи Шамиля пытался еще некоторое время продолжать сопротивление, затем был выслан в Порхов, оттуда переведен в Казань и, наконец, возвращен в свой родной аул Урус-Мартан.

[3] АКАК. 1885. Т. 10. С. 474.

ник Рот, «...распорядился послать в сел. Ихрек на помощь жителям Рутульского наиба, прапорщика Абу-Муслима, с Самурскими беками, чем и дана была возможность остановить неприятеля»[1].

Эта выдержка из официального документа говорит о том, во-первых, что жители сел. Ихрек не были склонны поддерживать мюридов и, наоборот, оказывали им сопротивление. Во-вторых, она говорит нам о явно антимюридистской линии самурских беков. Последние настолько тесно связаны теперь с Россией, что употребляют все усилия, лишь бы добиться поражения имама. В начале сентября 1848 г. Даниэль-бек вышел в Самурское ущелье и постепенно стал занимать расположенные по р.Самуру селения. 7 сентября он занял сел. Рутул, куда 12 сентября прибыл и Шамиль. Выходу из гор на плоскость препятствовало укрепление Ахты. 14 сентября началась его осада. Теперь русские войска должны были узнать, насколько продвинулось вперед осадное искусство их противников. Настала очередь Шамиля вести траншеи и закладывать мины. После тесного обложения и ряда инженерных работ 20 сентября Шамиль предпринял неудачный штурм. 22-го, после взрыва мины, штурм был повторен, укрепление не могло больше держаться, но внезапно атакующие отступили и сняли осаду. Объясняется это спешным подходом самурского отряда на выручку укрепления. 22 сентября, в день последнего штурма, Аргутинский разбил при Мискинджи выставленный против него заслон, и Шамиль, опасаясь удара в тыл осаждающим, 23 сентября снял осаду.

Освободив от осады укрепление, Аргутинский устроил жестокую расправу с теми, кого он подозревал в связях с Шамилем: «Жители аула Ахты и окрестных мест, которые при появлении Шамиля, изменив своему долгу, присоединились к неприятелю, явились перед командующим войсками с повинной. Выразив в сильных словах свое неудовольствие, кн. Аргутинский, в пример и страх всем, велел некоторых из виновнейших тут же на месте заколоть штыками»[2]. Впрочем, отбор «виновнейших» производился так, что среди них оказались и невинные.

Таким образом, имам потерпел поражение и был отброшен. А между тем операция была проведена блестяще. Ермолов писал о ней Воронцову: «Признаюсь, Бюрно не проявил большой решительности, если не совсем струсил; но и ген. Шварц немного сделал чудес. Всех молодцеватее поступил Шамиль; ибо нельзя осмелиться спуститься на Самур, не будучи уверенным, что будут согласны старшины округа и народ принять его. Без предварительных сношений, и, может быть, с давнего времени, этого не смел бы он предпринять. Странно, что не знал кн. Аргутинский, у ко-

[1] Журнал полковника Рота об осаде Ахты в 1848 г.// АКАК. 1885. Т. 10. С. 487.

[2] *Николаи Л.П.* Кавказская старина // Газ. «Кавказ». 1872. № 83.

торого много приверженных ему людей и лазутчиков, каковых никто другой не имеет. Он не имел известия о движении Шамиля»[1]. Почему же блестяще задуманная операция не удалась имаму?

Во время осады Ахты особенно ярко сказались антимюридистские настроения самурских беков. Беки служат лазутчиками и, когда царскому укреплению грозит серьезная опасность, берутся пройти через неприятельское расположение, чтобы поторопить отряд генерала Аргутинского, идущего на выручку осажденным. Участие в бою части самурского населения на стороне России было настолько ярко выражено, что даже горский историк Мухаммед-Тахир счел необходимым оговориться особо: «Некоторые же из жителей Ахты, отступники, находились в крепости среди русских»[2]. Это было плохим признаком для имамата. Число его сторонников начало сокращаться, а расчеты на восстание становились все более и более ошибочными. В результате попытка присоединить к имамату самурские общества кончилась поражением имама.

Ахтинский поход сильно осложнил отношения имама с Даниэль-беком. Что именно произошло между ними, сказать трудно. В нашем распоряжении есть только беглое сообщение Воронцова об этой ссоре. «По известиям с гор, — писал Воронцов, — Шамиль ужасно сердит на Даниэль-бека и приписывает ему всю вину неудачи в Самурском округе»[3]. Как нужно понимать эту фразу — сказать трудно. Возможно, за ней скрывается намек на трусость Даниэль-бека, факт, подчеркивавшийся людьми, близкими к Шамилю. Но возможно, что гнев Шамиля был связан и с изменнической позицией беков, на которых Даниэль-бек мог иметь известное влияние.

Действия 1849 г.

Неудача в Самурском округе отозвалась прежде всего на авторитете Шамиля в Чечне. В январе—феврале 1849 г.[4] зимняя экспедиция нанесла еще один удар чеченцам. А уже в феврале появились сведения о восстаниях против Шамиля в западной части имамата, на границе с ингушами. Так, Воронцов сообщает: «Из Владикавказа Ильинский пишет, что Шамиль, знав, что Акинский наиб намерен покориться, послал туда сильную партию мю-

[1] Письмо А.П.Ермолова М.С.Воронцову от 13/XII-1848 г. // Архив кн. Воронцова. М., 1890. Кн. 36. С. 378.

[2] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи: О дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. А.М.Барабанова. М.; Л., 1941. С. 210.

[3] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 5/XI-1848 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка //РА. 1890. Кн. 1, № 3. С. 341).

[4] Точнее, с 11 января по 8 февраля 1849 г.

ридов. Они успели истребить часть имущества и фамилии наиба, но акинцы сильно дрались, и когда пришли к ним на помощь галгаевцы и малхинцы, мюриды прогнаны с потерею, как уверяют, до 100 человек убитых и тяжело раненых»[1].

Впрочем, не на одних акинцев успехи русских производили впечатление. В июне 1849 г.[2] Даниэль-бек написал Воронцову письмо, в котором просил исходатайствовать для него у царя прощение или разрешить ему выселиться в Персию или в Турцию. Впрочем, дальнейших последствий это письмо не имело: неудача воронцовского наступления на Андалаль в августе 1849 г. изменила ход мыслей бывшего элисуйского султана, и он решил несколько повременить с изменой.

В самом деле, попытка царизма в 1849 г. продвинуться еще на шаг осадой аула Чох опять ничего не дала. Осадные работы начались 5 июля. За ними последовала усиленная бомбардировка аула, в результате которой к 22 августа укрепление было «обращено в груду камней»[3]. Однако гарнизон держался. Аргутинский не решился на штурм и отступил, заявив, что не стоит тратить людей из-за овладения кучей камней. Но эта фраза лишь прикрывала собой факт поражения русских войск. Они вновь, как и в 1847 г., должны были отойти от укрепления андалальской линии. Атака Дагестана в лоб ничего не давала. Действовать таким образом значило бы затянуть войну до бесконечности. Вот почему с начала пятидесятых годов тактика кавказского командования уже меняется и основной удар направляется не на Дагестан, а на Чечню.

2. БОРЬБА НА ИСТОЩЕНИЕ

Перенесение операций в Чечню

Первые серьезные последствия растущего равнодушия масс стали проявляться уже в самом начале пятидесятых годов. В январе 1850 г. русское командование направило экспедицию против мюридов к карабулакам и галашевцам, т.е. в ту же западную часть имамата. Интересно отметить, что экспедиции этой предшествовало обращение галашевцев к царскому командованию с предложением сдачи. Экспедиция закончилась поражением мюридов и отпадением крайней западной части Чечни от имамата. Таким образом, уже в 1850 г. становится ясным то, что будет определять всю дальнейшую историю имамата: защита Чечни от продвижения царских войск не может быть возложена на чеченское ополчение, оно становится ненадежным.

---

[1] Князь М.С.Воронцов. Письма его к кн. В.О.Бебутову. Письмо от 13/II-1849 г.// РС. 1873. № 7. С. 257.

[2] Письмо датировано первыми числами месяца шабана 1265 г. (двадцатые числа июня 1849 г.). См.: АКАК. 1885. Т. 10. С. 493.

[3] Донесение М.З.Аргутинского М.С.Воронцову от 28/VIII-1849 г., № 197 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 495.

Причин, которые вызывали такой оборот дела, было несколько. С одной стороны, это укрепление экономических связей с Россией, хорошим показателем которого можно считать Грозненскую ярмарку 1850 г. Население чеченских аулов все более и более заинтересовывалось в близком контакте с русскими поселениями.

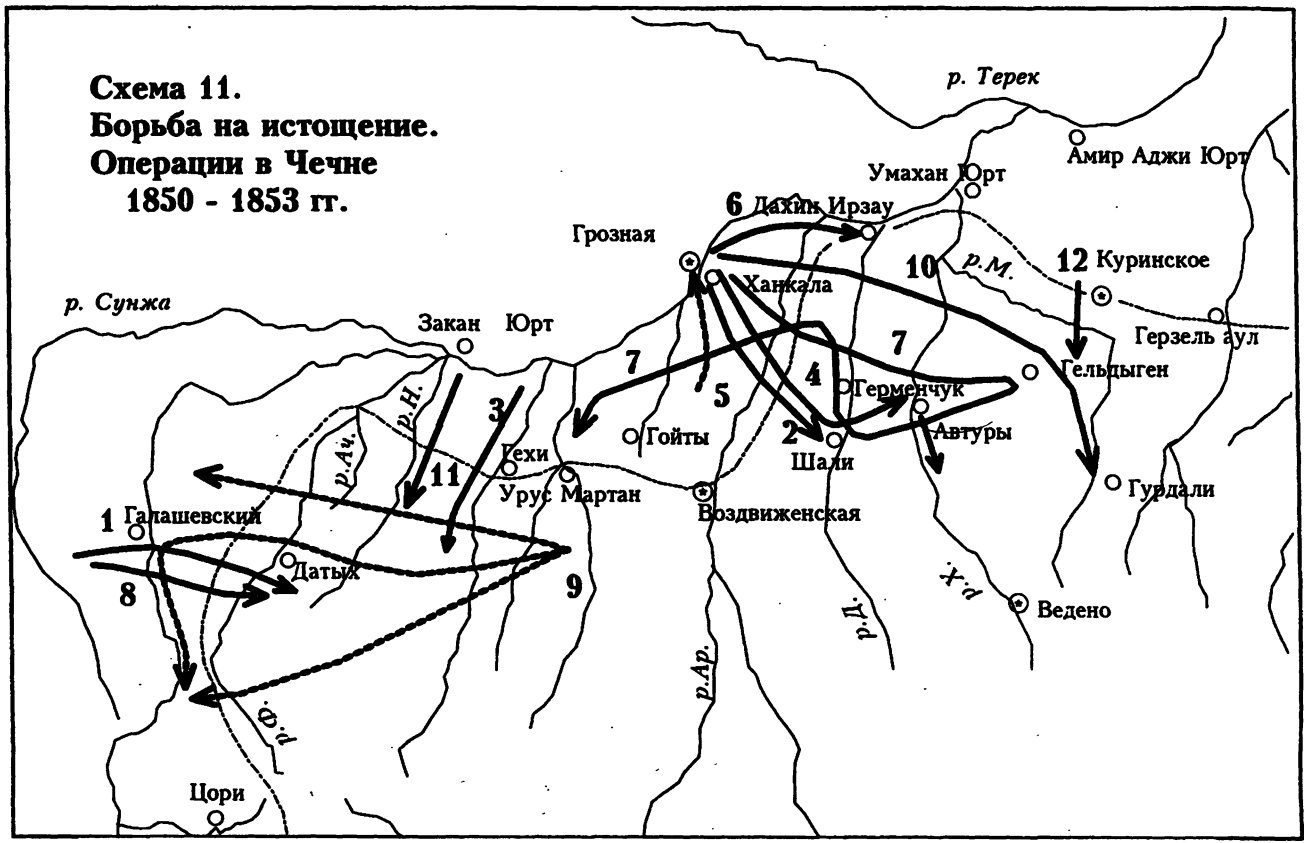
Вместе с этим необходимо вспомнить и неоднократно упоминавшуюся выше своекорыстную политику узденьской верхушки, грабившей родовые земли и всеми способами старавшейся усилить эксплуатацию масс. При этих условиях, естественно, массы переставали считать дело имамата своим делом. Но наряду с этими основными существовала еще одна причина, осложнившая и без того незавидное положение чечено-дагестанского государства. Это систематическое истребление царскими войсками чеченских посевов, что лишало население возможности дальнейшей жизни на плоскости и оттесняло чеченцев в малоплодородные горные районы. «Уничтожение хлебных посевов, — с торжеством заявлял Ольшевский, — заставляло чеченцев скорее других мер покоряться нам, переселяясь в наши пределы»[1]. Если своекорыстие верхушки имамата делало массу равнодушной к победе той или иной стороны, то голод должен был принудить чеченское крестьянство к сдаче царизму. Это отчетливо сознавалось кавказским командованием, и Барятинский, например, писал: «Главная цель военных действий наших должна состоять теперь в том, чтобы препятствовать чеченцам обрабатывать и засевать свои поля»[2].

В Дагестане имам бессилен был проводить широкие боевые операции. Если андалальские аулы оказались непреодолимым препятствием для Воронцова, то и подвижные отряды русских войск, в особенности самурский отряд Аргутинского, разрушали все планы имама. Теперь и Шамиль переносит центр тяжести операций в Чечню. Это отметил и Мухаммед-Тахир, который впервые упомянул о рубке просек в связи с операциями 1849—1850 гг.[3]. Военные действия 1850 г. начались набегом, который произвел Слепцов 9—12 января на аул Датых, на р. Фортанга. Русские войска повели решительное наступление на западную окраину имамата — на земли карабулаков и галашевцев. (Как уже упоминалось, галашевцы обратились к русскому командованию с предложением о сдаче.) Такими же нестойкими оказались и карабулаки. Тогда Шамиль попытался ответить контрударом. В начале февраля Хаджи-Мурат прибыл к карабулакам по призыву их

[1] *Ольшевский М.Я.* Записки. Кавказ с 1841 по 1866 г. // РС. 1894. № 2. С. 162.

[2] Рапорт А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 26/II-1858 г. // *Зиссерман А.* Фельдмаршал князь А.И.Барятинский (1815—1879). М., 1891. С. 274.

[3] Первая рубка леса у Шали отмечена им в 1266 г. хиджры (*Мухаммед-Тахир ал-Карахи.* Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. Л. 55 об.).

Схема 11.
Борьба на истощение.
Операции в Чечне
1850 - 1853 гг.
р. Терек
Амир Аджи Юрт
Умахан Юрт
6 Дахин Ирзау
Грозная
Ханкала
10
р.М.
12 Куринское
Герзель аул
р. Сунжа
Закан Юрт
7
7
4
Герменчук
Гельдыген
5
р.Н.
3
р.Ач.
Гехи
Гойты
2
Шали
Автуры
11
Урус Мартан
Гурдали
1 Галашевский
Воздвиженская
Датых
8
9
р.Ар.
р.Д.
р.Х.
Ведено
р.Ф.
Цори

р.Ар.- р. Аргун; р.Ач.- р. Ачхой; р.Д.- р. Джалка; р.М.- р. Мичик; р.Н. - р. Нетхой; р.Ф. - р. Фортанга; р.Х.- р. Хулхулау

——— действия русской армии

- - - - - - - действия горцев

_____ границы имамата

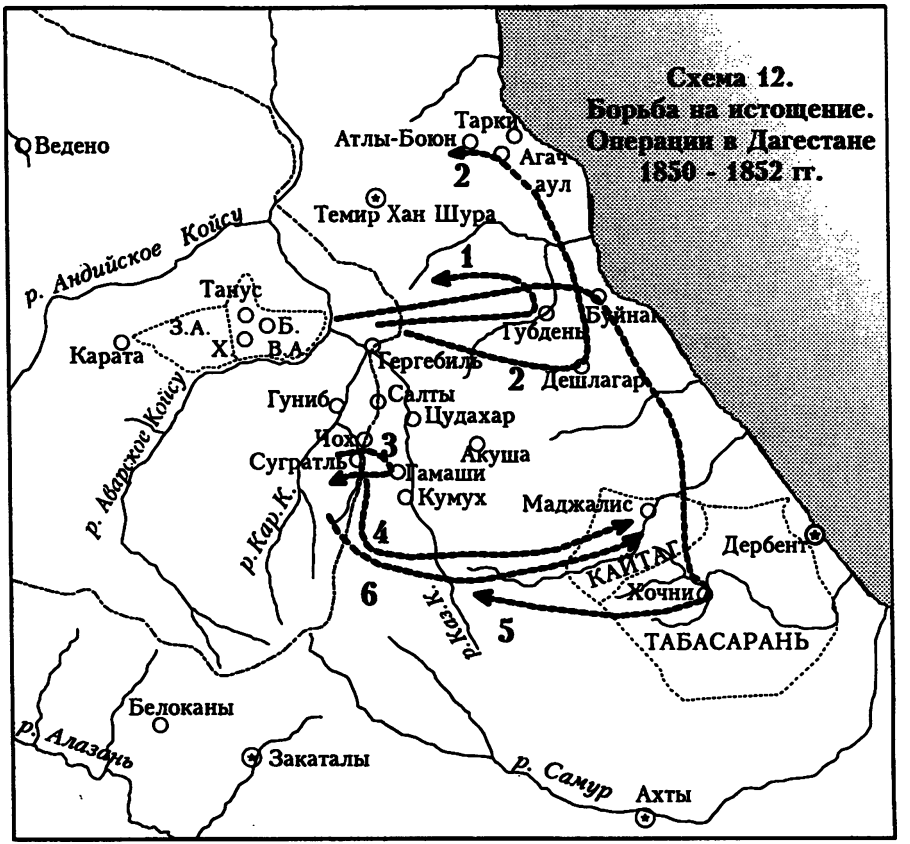
⊛ крепости

○ населенные пункты

..... границы территорий

11. Действия противоборствующих сторон

1. Слепцов 09 - 12.I.1850.
2. Козловский 07.IV.1850; Слепцов 22.VIII.1850.
3. Слепцов 15.VI.1851.
4. Барятинский 28.VI.1851.
5. Талгик и Атабай 15.IX.1851.
6. Ольшевский 16.IX.1851.
7. Барятинский I - III.1852.
8. Русские II.1852.
9. Шамиль V - VI.1852
10. Барятинский 11.VIII.1852.
11. Барятинский XII.1852
12. Барятинский I - II.1853

Схема 12.
Борьба на истощение.
Операции в Дагестане
1850 - 1852 гг.
Ведено
Атлы-Боюн
Тарки
Агач
аул
Темир Хан Шура
р. Андийское Койсу
Танут
З.А.
Б.
Х
В.А.
Карата
Буйнак
Губден
Гергебиль
Дешлагар
Гуниб
Салты
Цудахар
Ихо
Акуша
Сугратль
Гамаши
Кумух
р. Аварское Койсу
р. Кар.К.
Маджалис
Дербент
КАЙТАГ
Жочни
ТАБАСАРАНЬ
р. Ахта.К.
Белоканы
р. Алазань
Закаталы
р. Самур
Ахты
1
2
2
3
4
5
6

З.А. - ЗАПАДНАЯ АВАРИЯ; В.А. - ВОСТОЧНАЯ АВАРИЯ;
Б. - Батлаич; Х. - Хунзах
р.Кар.К. - р. Кара Койсу; р.Каз.К. - Казикумухское Койсу

——— действия русской армии
– – – – действия горцев
——— границы имамата
⊛ крепости
○ населенные пункты
——— границы территорий

12. Действия противоборствующих сторон

1. **Хаджи Мурат 18.VI.1850.**
2. **Хаджи Мурат 6-7.IV.1851.**
3. **Шамиль 19.VI - 12.VII.1851.**
4. **Омар 22.VI.1851.**
5. **Хаджи Мурат VII.1851.**
6. **Бук-Мухаммед I.1852.**

небольшой группы. Но к нему примкнула лишь малая часть населения, остальные, «...ободренные движением наших войск с линии, по тревоге у них, взялись за оружие, и большая часть преданнейших нам успели отстоять себя совершенно»[1]. Хаджи-Мурат вынужден был отступить, а карабулакские старшины явились к командующему русскими войсками с покорностью.

Эти события показали, что запад имамата находился под серьезной угрозой и что Шамиль легко мог окончательно потерять здесь свое влияние. События на западе были тем более опасны, что 16—17 февраля русские войска наносят удар уже Малой Чечне, истребляя чеченские хутора по р. Сунжа.

Чеченские укрепления

Новое положение дел в Чечне привело и к попыткам имама изменить систему защиты. До тех пор крепостью Чечни служили ее леса, и это блестяще доказали ичкеринский поход Граббе в 1842 г. и даргинская экспедиция Воронцова в 1845 г. Пятидесятые годы, когда осаждавшие Чечню русские войска подошли к ней вплотную, поставили перед имамом задачу устроить укрепленные пункты наподобие дагестанских. Успешная оборона андалальской линии привела к мысли о создании такой же чеченской. Первый опыт предпринят был в пятидесятых годах, когда на дорогах, ведущих внутрь Чечни, начали сооружаться укрепления. Об одном из таких укреплений пишет Ольшевский: «От Куринского до вершины хребта была проложена дорога и по сторонам вырублен лес. Этот проход постоянно наблюдали и сторожили чеченцы, а за Мичиком, против него, находилось капу, т.е. укрепление с небольшим гарнизоном и вооруженное одним орудием»[2].

Но наряду с этими мелкими укрепленными пунктами Шамиль строил в Чечне и настоящие крепости. В 1850 г. дорога, ведущая к одному из крупнейших чеченских аулов, Шали, была перегорожена укрепленным валом и окопом. Сооружение это строилось тем же Хаджи-Юсуфом, который принимал ближайшее участие в создании укреплений в андалальских аулах. «Главным начальником собранных в Шалинской просеке тавлинцев и чеченцев и руководителем работ по устройству окопа был Ягья-Хаджи, один из первых любимцев и приближенных Шамиля, который ведал артиллерию, мюридов, наших беглых и все мастерские»[3] и был членом диван-ханэ. Он устроил «...при выходе из просеки целую укрепленную линию, простиравшуюся на 4,5 версты, пересекая... новую дорогу и лес по обеим сторонам... Ров перед фронтом ук-

[1] Рапорт Н.П.Слепцова Ильинскому от 9/II-1850 г., № 287 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 499. Войска выступили с линии 4 февраля.

[2] *Ольшевский М.Я.* Записки. Кавказ с 1841 по 1866 г.// РС. 1894. № 1. С. 160.

[3] Там же. С. 156.

репления имел до 3,5 сажен ширины и наводнялся из реки Шали, бруствер высотою до 14 футов состоял из щебня, перемешанного с утрамбованной землей»[1]. Этот «Шалинский окоп» был снабжен турами, амбразурами для ружейного огня и двумя башнями для орудий. Кроме того, в стороне выстроен был специальный редут. Однако ни организованные имамом регулярные отряды, ни «Шалинский окоп» не заменили падавшего теперь энтузиазма повстанцев.

Операции 1850 г.

Работы по сооружению окопа начались с 7 апреля 1850 г., а уже через несколько дней генерал Козловский предпринял налет на Шалинскую поляну, захватил начатый окоп и, продержавшись здесь около двух часов, разрушил, что успел. Но затем должен был отойти. Сам Козловский признавал, что налет был бесцельным. «Без всякого сомнения, — писал он в рапорте, — Шамиль прикажет продолжать эти работы, а потому я полагал бы до покрытия листом деревьев еще раз произвести наступательные действия на Шалинскую поляну и, простояв там несколько дней, совершенно уничтожить все работы, производимые там неприятелем»[2]. Однако эта экспедиция была проведена лишь в августе 1850 г.

Наряду с военными операциями русское командование предпринимает один очень интересный и показательный шаг: оно пытается использовать экономические средства, укрепляя свое экономическое влияние в Чечне. Для этого в Грозной пытаются наладить регулярные ярмарки. Вот что сообщает один из офицеров, писавший в пятидесятых годах: «В 1850 г. главнокомандующий, желая сблизить непокорных горцев с русскими, разрешил открыть около крепости Грозной ярмарку, на которую дозволено было привозить товары и горцам, подвластным Шамилю. После размена аманатов 15 мая заключено было перемирие на три дня, горцы начали сбираться к Грозной. Главный привоз с гор составляли хозяйственные продукты: яйца, сыр, масло, мед; привезли также много шкур, обделанных и необделанных, кожаные изделия, сукна, ковры и тому подобное.

Горцам было запрещено продавать хлеб во всех видах, железные и деревянные изделия. С нашей стороны недозволена была продажа оружия и железа. Но торг этот с обеих сторон оказался невыгодным: горцы продали только выгодно привезенные ими шкуры, множество съестных припасов осталось непроданными по причине недостатка потребителей и негодности к сохранению впрок этих продуктов в наступившие уже сильные жары. Наши

[1] Отношение М.С.Воронцова А.И.Чернышеву от 2/IX-1850 г., № 724 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 507.

[2] Рапорт Козловского Завадовскому от 12/IV-1850 г., № 332 // Там же. С. 504.

купцы имели тоже очень небольшой сбыт, состоявший преимущественно из шелковых и бумажных материй и калмыцкого чая. После этого опыта ярмарка уже не собиралась, может быть потому, что Шамиль опасался невыгодных для своей власти последствий от сближения с русскими его подвластных»[1].

Но свою роль ярмарка сыграла: она показала, что экономическое сближение может иметь серьезные последствия. Недаром же Шамиль опасался их. Впрочем, торговые сношения гор с линией не прерывались и в последующие годы, ибо потребность в обмене между русскими и горцами сохранялась. Доказательство этому, в частности, дает письмо Абд ар-Рахмана Джемал ад-Дину, сообщающее, что Исмаил, сын Абдуллы Казикумухского, ходил за мануфактурой на линию[2].

Летом 1850 г. военные действия в Дагестане затихли. Только Хаджи-Мурат пытался проявлять какую-то активность, но характер его выступлений лишь ярче подчеркнул бессилие имама вести широкие наступательные операции. 18 июня 1850 г. Хаджи-Мурат пробрался к Губденским высотам и захватил там до 14 тысяч баранов, принадлежавших мехтулинцам. Но на следующий день он был настигнут погоней, разбит и оставил в руках преследователей и свою добычу, и трофеи. Это одна из первых крупных операций Хаджи-Мурата, имевшая целью захват добычи и не связанная уже с военными планами имама. От освободительных походов наибы начинают переходить к хищническим набегам.

В августе того же года М.С.Воронцов начал большое наступление на Чечню, продолжавшееся вплоть до начала Восточной войны, т.е. 1853 г. Первый удар обрушился на Шалинскую поляну. 22 августа генерал Слепцов быстрым, скрытным движением подошел к окопу и предпринял его обход. Защищавшие окоп наибы, Талгик и Лабазан, не смогли продержаться до подхода подкреплений и отступили. Успех Слепцова высоко расценивался в кавказских военных кругах. Один из офицеров писал по этому поводу: «Рассматривая теперь подробно укрепления, мы должны были сознаться, что не удайся нам обходное движение, то штурм окопов с фронта, прямо в лоб, повлек бы за собой огромные потери, и быть может, совсем бы не удался»[3].

Еще больше было впечатление в Чечне. Неудача имама под Шали имела важное значение для Чечни, особенно для Малой, уже раньше сильно стесненной Урус-Мартановским укреплением и рядом просек. «Еще до похода в Шали, — писал в своем рапор-

[1] *Самойлов К.* Заметки о Чечне.// РиП. 1855. № 9/10. С. 49.

[2] Дагестанский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Папка «Исторические письма». Письмо № 90. Даты нет, но, вероятно, документ относится к 1857 г. Место, куда направлялся Исмаил, названо سلج ; я читаю سنج «Сундж», как называли горцы укрепление Куринское.

[3] Воспоминания Полторацкого // ИВ. 1893. Т. 52. С. 73.

те Слепцов, — большая часть Мало-Чеченцев склонялась на мирные условия. Удар же, нанесенный силам Шамиля в Шалинской поляне, решил все их сомнения». И дальше: «Вся плоскость Малой Чечни ныне совершенно очищена от враждебного населения»[1].

Только в один прием, с 30 сентября по 2 ноября 1850 г., переселено было к Казах Кичу и Закан Юрту из Малой Чечни 4 аула, около 150 семейств, в их числе три шамилевских сотенных начальника. Наибы Мухаммед-Мирза Анзоров и Атабай остались простыми зрителями. Таким образом, уже в самом начале пятидесятых годов имамат терял плоскость и западную часть Малой Чечни, и нельзя было поручиться, что в дальнейшем так же по частям не отпадут и другие районы. Попытки вернуть утерянное кончались неудачами: восстаний, на которые рассчитывал имам, среди утомленных чеченцев не происходило. Яркий пример этого — неудачный поход 1852 г. в земли недавно покоренных галашевцев. Вслед за отходом масс от мюридизма начался распад самого имамата, распад, удержать который имам уже был не в силах.

Кунта-Хаджи

В это время появляется и начинает распространяться среди чеченцев мирный мюридизм, проповедовавшийся Кунта-Хаджи. Трудно сказать, какой слой чеченского аула выдвинул этого проповедника. Но можно считать несомненным, что известная группа зажиточной верхушки сравнительно рано готова была пойти на соглашение с Россией. Очень возможно, что эта группа связывалась с плоскостью торговыми отношениями и с момента оттеснения оттуда имамата начинала испытывать серьезный ущерб. Необходимо также подчеркнуть чеченское происхождение Кунта-Хаджи, который выступал против дагестанцев имамата.

Политическая программа Кунта-Хаджи считала возможным подчинение Чечни России, вследствие чего в 1850-е гг. он ведет борьбу с Шамилем. «Проповеди свои, — пишет А.П.Ипполитов, — начал он еще при Шамиле, но и тогда, как и в последнее время, обряды этого учения сопровождались исступленною пляской, пением и криками, а потому Шамиль, нашедши его противным религии, немедленно прекратил сборы зикристов[2] и строго воспретил Кунте его проповеди. С точки зрения мусульманского духовенства Шамиль был совершенно прав, так как обряды учения Зикра, по толкованию большинства мулл, противоречили духу религии. Между тем, цель его была в этом случае, как кажется, другая, более личная: он хотел сохранить во всей чистоте учение газавата, им проповедуемое, с помощью которого он стал

[1] Рапорт Слепцова Ильинскому от 4/X-1850 г., № 2871 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 509–510.

[2] Последователи Кунта-Хаджи.

в главе народа и при том же он боялся того влияния, которое [такие, как. — *Н.П.*] проповедник Кунта Хаджи, всегда имеют на народ»[1].

Впрочем, нужно сказать, что число сторонников Кунта-Хаджи было в это время еще невелико и так называемый «зикризм»[2] развернулся в Чечне только после падения имама.

По мере отхода от накшбендийского тариката разочаровавшихся в нем крестьянских масс часть чеченской аульской верхушки пытается привлечь эти массы к «зикризму». Нужно отметить, впрочем, что этот орден так же, как и накшбендийский, не является специфически чеченским. Его мы можем найти и в Ширване — и с теми же характерными особенностями, что и в Чечне: шейх демонстративно делит все доходы между мюридами, воспрещается накопление богатств и т.п. Вот что пишет Махмудбеков об основателе ширванского «зикризма», шейхе Эюбе: «Шейх Эюб был человек бескорыстный и, не желая пользоваться приношениями мюридов, объявил им, что он только халиф Газрат-Бабы, которому принадлежат эти приношения, поступающие в его орден, но так как у Бабы нет на земле наследников, в пользу которых могли бы поступать эти приношения, то они принадлежат всем мюридам и должны делиться между всеми поровну. Для правильного деления приношений он учредил между мюридами джумле (общину). В джумле мюриды делятся на отряды, каждый отряд имеет одного халифа. Все приношения собираются до пятницы. В пятницу же, по совершении джума-намази и джазва, приношения сначала делятся между отрядами, а потом халиф отряда делит их между членами своего отряда. Приношения эти состоят из баранов, муки, масла, печеных хлебов и т.п.»[3].

Здесь нам важно отметить лишь факт роста недовольства имаматом в Чечне в связи с появлением тенденции прекратить совершенно вооруженное сопротивление и сдаться царизму.

Операции 1851 г.

Зимой 1850—1851 г. большое наступление на Чечню возобновилось. Русские войска с 3 января по 1 марта 1851 г. рубили просеки, открывая доступ внутрь плоскостной части Большой Чечни. Мухаммед-Тахир расценил эту экспедицию как наиболее успешную для самодержавия[4]. Это подтверждает и сообщение Воронцо-

[1] *Ипполитов А.П.* Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // ССОКГ. 1869. Вып. 2. С. 2—3.

[2] Речь идет об ордене кадыри. Впрочем, название «зикристы» только перелицовка арабского самоназвания «اهل الذكر», которое давали себе последователи Кунта.

[3] *Махмудбеков М.* Мюридическая секта на Кавказе // СМОМПК. 1898. Т. 24. С. 38.

[4] ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Л. 105.

ва: «Шамиль сильно сопротивляется... и сопротивление это доказывает лучше всего, сколько Шамиль дорожит этой местностью и сколько он боится, что плоскость Большой Чечни попадет к нам в руки, как это сделано в Малой Чечне»[1].

А летом 1851 г. сказались результаты грандиозных рубок леса: русским войскам удалось разгромить ряд чеченских аулов. Первая из летних экспедиций была направлена против гехинцев в нагорную Малую Чечню. Здесь был один из важнейших чеченских очагов сопротивления завоеванию и в то же время один из наиболее демократических районов имамата, что отметил и сам Шамиль[2]. Царская же администрация о гехинцах не могла говорить спокойно и расписывала их самыми черными красками. «Жители нагорной Малой Чечни, известные под одним названием гехинцев, упрямейшие и злейшие из всего чеченского населения, многолюдно гнездящегося в черных горах по ущельям рек Малой Чечни вместе с абреками и беглыми разных племен, постоянно обнаруживали себя особенно враждебным к нам расположением и вероломством, даже против своих соплеменных, ныне покорных. Не раз обещая покорность правительству, они в то же время скрытно усиливались колебать вновь покорившихся нам карабулак, галашевцев и живущих на плоскости чеченцев»[3].

15 июня Слепцов двинулся в ущелье реки Гехи, но смог пройти по ущелью всего около 7 верст и принужден был повернуть обратно. Захватив скот, он истребил ряд хуторов и аулов. Не успевшие уйти жители были вырезаны. Но отступление далось Слепцову нелегко: «Озлобленный потерей последнего своего достояния и подстрекаемый пронзительными воплями бегущих за толпой женщин — не возвращаться без имущества, захваченного нами, с иступленной отчаянной решимостью вступал неприятель в бой с казаками»[4]. Слепцов ушел не без большого труда. В этом бою был ранен и через несколько дней умер от ран Мухаммед-Мирза Анзоров.

Несмотря на отчаянное сопротивление гехинцев, экспедиция произвела большое впечатление на малочеченцев. Слепцов писал в рапорте, что «...виден глубокий упадок духа гехинцев и всех нагорных чеченцев Малой Чечни, которые думали устоять против нас, опираясь на убежища свои в неприступных ущельях; семейства их считают теперь единственным своим безопасным убежищем покровительство русского правительства и уже начинают искать его»[5]. Слепцов, конечно, сильно преувеличил успех своей

[1] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 7/II-1851 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка //РА. 1890. Кн. 1, № 4. С. 442).

[2] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 298.

[3] Рапорт Н.П.Слепцова Ильинскому от 20/VI-1851 г., № 1884 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 511.

[4] Там же. С. 513.

[5] Там же. С. 515.

экспедиции, дела имама в нагорной Малой Чечне обстояли далеко не так катастрофически. Но при всем том одно оставалось несомненным: русские войска получили доступ в горы.

Не успело изгладиться впечатление от набега Слепцова, как А.И.Барятинский 28 июня, менее чем через полмесяца после гехинского сражения, предпринял экспедицию в Большую Чечню. Ему удалось прорваться на герменчукские и автурские поля по Хулхулау, вытоптать хлеба и кукурузу и уничтожить остатки «Шалинского окопа». Теперь под удар попали уже наиболее населенные и наиболее важные для имама части Чечни. Русские войска опустошали ту самую чеченскую плоскость, которая была житницей имамата и потеря которой легко могла бы обозначать потерю независимости горцами Северо-Восточного Кавказа.

Нисколько не лучше обстояли в этот момент дела и в Дагестане. Царизм потерпел ряд поражений в конце сороковых годов при попытке овладеть укрепленными аулами Андалаля, но, с другой стороны, все ярче и ярче проявляется потеря имаматом своего основного базиса — крестьянских масс. И в пятидесятые годы не прекращается стремление имама проникнуть в те или иные районы Приморского Дагестана. Но стоит только сравнить характер военных действий здесь в начале пятидесятых годов с тем, что происходило десять лет назад, чтобы увидеть, насколько массы изменились за это время. Интересны с этой точки зрения события, происходившие в Южном и Центральном Дагестане.

Операции Шамиля в Дагестане

Весной 1851 г., еще до начала больших летних экспедиций в Чечню, в Дагестане все было спокойно. Только в ночь с 6 на 7 апреля Хаджи-Мурат угнал от Дешлагара табун лошадей Самурского полка, но между Атлы Боюном и Агач-Аулом был обнаружен. Окруженный подоспевшими войсками, он бросил добычу и с большими потерями пробился. Это был опять простой набег с целью получить добычу.

В июне в Дагестан возвращается Шамиль и начинаются операции уже совершенно иного характера. Используя момент, когда главные силы Кавказской армии были сосредоточены в Чечне, Шамиль сделал последнюю попытку овладеть Казикумухом. При этом сам он с главными силами выдвинулся к аулам Чоху и Сугратлю, а салтинского наиба Омара направил в Табасарань и Кайтаг. Имам поднялся на Гамашинские высоты (Турчи-Даг), где 19 июня произошло столкновение с отрядом Аргутинского. Последний нанес сильный удар по горскому ополчению. Но Шамиль продолжал занимать Турчи-Даг еще в начале июля. 22 июня был разбит Омар, но это поражение впечатления на горцев не произвело. Мухаммед-Тахир даже определил отступление Омара как возвращение «под пустяшным предлогом». Но 12 июля уже сам Шамиль был разбит генералом Граммотиным у Турчи-Дага.

От надежды на занятие Казикумуха приходилось отказаться, но попыток поднять большое восстание в Кайтаге и Табасарани имам не оставил. Сюда он направил самого решительного из своих наибов, Хаджи-Мурата. Впрочем, выбор вряд ли можно было считать особенно удачным. Хаджи-Мурат пользовался в горах большой славой, которую принесли ему его дерзкие предприятия. Но, с другой стороны, этот наиб, много думавший о добыче, мало подходил для роли проповедника мюридизма в Приморском Дагестане. И его действия подтвердили это.

Характерно прежде всего, что «Хаджи Мурат с теми, кто был с ним, пошел и напал на селение Буйнаки»[1]. Цель этого налета — захват добычи. Проникнув в селение с небольшой группой, Хаджи-Мурат направился к дому брата шамхала, Шах-Вали, но натолкнулся на сопротивление. Тогда Хаджи-Мурат ввел в дело свой отряд. Шах-Вали был убит, а семья его захвачена: за нее можно было получить хороший выкуп. Дом Шах-Вали был разграблен, и Хаджи-Мурат вывез из Буйнака много ценных вещей.

Только оттуда он направился в Табасарань, рассчитывая на восстание. Благополучно прорвавшись сюда, он лишь «...успел привлечь к себе часть жителей, хотя все беки ему сопротивлялись»[2]. Сам Хаджи-Мурат говорил потом: «Большая часть жителей не оказывала мне сопротивления, но некоторые беки с приверженцами своими укрепились в селении Хочны и не хотели сдаваться. Чтобы вытеснить их оттуда, я подошел к Хочнам и принудил их бежать, преследуя до самого почти Дербента»[3].

Объяснение, которое дает Мухаммед-Тахир слабой заинтересованности табасаранцев в действиях наиба, также очень показательно: «Имам послал их для того, чтобы они поселились там в каком-нибудь укрепленном месте, построили там неприступную крепость и установили бы свое управление среди жителей тех вилайетов, а также чтобы они согласились на борьбу с врагами и подчинялись имаму. Однако Хаджи Мурат не намеревался это сделать. Он шел по своему пути и обыкновению в отношении грабежа и похищения»[4].

Поход выродился в простой набег, основной целью которого был захват добычи. И не удивительно, что, когда в Табасарань подошел отряд Аргутинского, население не поддержало наиба.

---

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 226.

[2] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 4/VII-1851 г.// РА. 1890. Кн. 1, № 4. С. 444.

[3] *Лорис-Меликов.* Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата... // АКАК. 1885. Т. 10. С. 529.

[4] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 226. Впрочем, Воронцов, по получении первых известий о появлении Хаджи-Мурата в Табасарани, писал: «...многие от страха или с дурным намерением к нему пристали» [Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 20/VII-1851 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 4. С. 448)].

«Табасаранцы разбежались от меня»[1], — лаконически констатировал Хаджи-Мурат. 21—24 июля он был разбит. Ему самому ничего не оставалось делать, как уходить в горы. Линия поведения, проводившаяся Хаджи-Муратом в Табасарани, послужила поводом к серьезному столкновению имама с наибом.

Столкновение Хаджи-Мурата с Шамилем

С прекращением военных успехов имамата все явственнее становится раскол и в его руководящих кругах. Именно к этому времени, к 1851 г., относится история столкновения Хаджи-Мурата с Шамилем, о которой мы уже говорили выше и которую мы изложим здесь несколько подробнее. Ход событий был примерно такой. Когда Хаджи-Мурат вернулся из своей табасаранской экспедиции, Шамиль потребовал себе часть военной добычи. «Пять дней спустя по приезде моем[2], — говорил Хаджи-Мурат, — явились ко мне трое из мюридов и объявили, что Шамиль требует с меня 2500 рублей, дорогую шубу и стамбульское ружье. Все просимое я отдал им, сверх того, отправил четырех лошадей и пленных детей Шах Вали»[3]. Это-то требование имама и послужило поводом для разрыва между ним и его наибом. Хаджи-Мурат уступил, хотя и затаил обиду. Но, разумеется, основные причины столкновения лежали много глубже. Во всяком случае, нам известно, что «несогласия между Шамилем и Хаджи Муратом начались с падения Гергебиля», т.е. с 1846 г.[4]. О причинах этих несогласий нам пришлось говорить в другом месте. Шамиль сместил Хаджи-Мурата с наибства, заменив его Фет-Али-ханом[5], и приказал Гази-Мухаммеду и Даниэль-Султану занять Танус, а остальным наибам — Хунзах[6]. Тогда Хаджи-Мурат перешел со своей

[1] *Лорис-Меликов.* Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи Мурата... С. 529.

[2] От Шамиля, к которому Хаджи-Мурат явился из Табасарани.

[3] *Лорис-Меликов.* Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи Мурата... С. 529.

[4] Отношение М.С.Воронцова к А.И.Чернышеву от 26/XI-1851 г., № 596 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 425. Впрочем, еще в 1843 г. между Хаджи-Муратом и имамом происходили какие-то трения. Клугенау в мае этого года отмечал, что «...Хаджи-Мурат, потеряв доверие Шамиля и желая вновь заслужить его расположение, в короткое время произвел уже два набега» (Рапорт Ф.К.Клюки фон Клугенау А.И.Нейдгарту от 3/V-1843 г., № 79 //АКАК. 1884. Т. 9, ч. 2. С. 755).

[5] Еще в 1834 г. Бларамберг писал: «В настоящее время [после истребления аварских ханов. — *Н.П.*] от правящей аварской фамилии остаются два малолетних потомка: младший сын Паху бике, второй — Фет-Али бек, сын Сурхай хана и внук Ума хана, он находится в Хунзахе у своей бабушки» (ЦВИА ВУА. Д. 18508, III. Л. 166). После смерти Булача Фет-Али становился, таким образом, возможным претендентом на престол. Назначение его, как мы указывали выше, могло укрепить связи с аварскими беками, нарушенные выступлением Хаджи-Мурата.

[6] Известия с Кавказа // Газ. «Кавказ». 1851. № 88.

дружиной в селение Батлаич в той же Аварии, недалеко от Хунзаха, и там укрепился. Русское командование, узнав о происходящем в горах, послало к отложившемуся наибу своего верного человека, чтобы выяснить намерения Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат передал посланному, что поддержка русских войск для него очень желательна, прибавив, что «аварцы присягнули не оставлять и не выдавать Хаджи Мурата, а драться вместе с ним против Шамиля»[1]. Комментируя это известие, командующий войсками в Дагестане, Аргутинский, пишет: «Еще нельзя наверное утвердить, сбудется ли в Аварии то, что Хаджи Мурат говорил и в каком объеме, то есть только ли со стороны тех лиц, которые при нем находятся, или удастся ему действительно поднять всю Аварию против Шамиля»[2]. Сам Аргутинский склонялся к возможности последнего.

Действительно, к Хаджи-Мурату в Батлаич сошлось до 600 человек молодежи из аварских аулов. Между сторонниками наиба и сторонниками имама возник было бой, но вмешательство стариков прекратило его.

Само собой разумеется, что бой под Батлаичем укрепил надежды генерала Аргутинского, но предусмотрительность Шамиля, выбравшего заместителем Хаджи-Мурата человека, близкого к бекским кругам, отколола от непослушного наиба значительную группу аварцев. Центром сопротивления Шамилю остались, повидимому, лишь восточноаварские аулы с Хунзахом во главе. Но и они считали необходимым испробовать сначала мирные средства. Посланничество стариков к Шамилю нашло компромиссный выход: наибом западной Аварии был оставлен Фет-Али, а в восточную назначен племянник Хаджи-Мурата, Альбура[3]. Этот компромисс успокоил аварцев и сохранил единство имамата. На боль-

[1] Письмо М.З.Аргутинского М.С.Воронцову от 24/IX-1851 г.// АКАК. 1855. Т. 10. С. 520. В биографии Хаджи-Мурата, «Книге сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада», написанной Исхаком ал-Урми, предложения Аргутинского и ответ Хаджи-Мурата изложены следующим образом: «И когда услышал генерал Аргут, начальник крепости Шура, что произошло между Шамилем и Хаджи Мурадом, позвал генерал Са'ида ал-Хацатли (а он был у него в это время, убежав из области Шамиля) и сказал ему: "О, Са'ид! Отправляйся к Хаджи-Мураду и скажи ему: Послал меня генерал к тебе послом и, если хочешь денег, я дам тебе из казны падишаха [царя. — *Н.П.*]..., и если хочешь, пришлю солдат на помощь тебе". Са'ид передал порученное. И сказал Хаджи Мурад: "О, Са'ид! Я не желаю от кяфиров ни денег, ни солдат в помощь мне"» (*Исхак ал-Урми.* Книга сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада. Рукопись из собрания автора. С. 22). Однако вряд ли отказ был таким категорическим.

[2] Письмо М.З.Аргутинского М.С.Воронцову от 24/IX-1851 г. // АКАК. 1885. Т. 10. С. 520.

[3] Письмо М.З.Аргутинского М.С.Воронцову от 27/X-1851 г. // Там же. С. 521—522. Сам Хаджи-Мурат настаивал на передаче племяннику всей Аварии, но Шамиль не рискнул сделать это. Так что от компромисса все же выиграл имам. В наибство Альбуры вошли Хунзах, Обода, Ахалчи, Танус, Геничутль, Ках, Батлаич и другие восточноаварские селения.

шое значение столкновения указывает не только сам факт боя под Батлаичем. Аргутинский писал: «По всем сведениям, которые я прежде имел и которые теперь подтвердил и Сеид[1], общий голос наибов и народа в горах оправдывает поведение Хаджи-Мурата»[2], так что дело могло оказаться очень серьезным для самого существования имамата.

На сложность общего внутреннего положения имамата указывает не только факт столкновения имама с одним из виднейших наибов. В одном из писем Воронцова проскользнуло, между прочим, другое известие, показывающее непрочность положения Шамиля и проявившиеся в 1851 г. тенденции распада имамата. «Сегодня мы получили известие, — писал М.С.Воронцов, — что анцухский наиб, получивши повеление Шамиля сдать свое наибство другому, объявил неповиновение и не хочет ни нового наиба, ни Шамиля к себе пускать»[3]. Насколько верно это известие, и если оно верно, то чем кончилось дело, неясно. Общая напряженность обстановки не исключала возможности подобных попыток.

Наконец, настроение и поведение ряда известных деятелей мюридизма и в эту эпоху не оставляет сомнений в начинающемся распаде. Во время выступления Хаджи-Мурата в оппозиции Шамилю находится не одна только Авария: какие-то разногласия с имамом существуют и в Карате, и в Тилитле. Здесь особенно силен авторитет Кибит-Магомы, а последний, как мы помним, поддерживал Хаджи-Мурата[4]. Но кроме того, в Карате находился

[1] Тот «верный человек», который вел переговоры с Хаджи-Муратом.

[2] Письмо М.З.Аргутинского М.С.Воронцову от 27/X-1851 г. // АКАК. 1885. Т. 10. С. 521–522.

[3] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 7/XI-1851 г. // РВ. 1890. Кн. 1. С. 447.

[4] Впрочем, Кибит-Магома, по-видимому, никогда не был особенно близок с Шамилем. Какие-то трения происходили между этими двумя вождями и раньше. В делах 1842 г. имеется ряд интересных документов, указывающих на такую возможность. Е.А.Головин писал в августе этого года Чернышеву: «Генерал Фези после удачной своей в начале нынешнего года зимней экспедиции входил в сношения с Кибит-Магомой Тилитлинским и даже с некоторою надеждой успеха, но последовавшая с ним перемена остановила дальнейший ход сего дела. Между тем, приобретение его как опаснейшего по коварству и весу своему между горцами врага нашего весьма важно. Для него, однако, может быть, и недостаточно было бы одной денежной награды: он, вероятно, захотел бы какого-нибудь возвышения с правом управлять независимо, под покровительством нашим, некоторыми горскими племенами» (Письмо Е.А.Головина А.И.Чернышеву от 28/VIII-1842 г., № 24 // ЦВИА ВУА. Д. 6482. Ч. 2). Но военный министр отнесся к этому проекту сдержанно: «Едва ли допустить можно подобное притязание, хотя ныне всего необходимее и безотлагательнее поселить несогласия и раздоры между главными сподвижниками Шамиля» (Проект отношения к генерал-адъютанту А.И.Нейдгарту, подписанный А.И.Чернышевым 18/XI-1843 г., № 557 // ЦВИА ВУА. Д. 6432, 5306). Позднее царское правительство оказалось менее разборчивым.

еще Галбац Дибир, также один из видных наибов. Хаджи-Мурат дает ему такую характеристику: «Кальвац Дибир пользуется также большим весом: живет в Карате и принадлежит к числу сильных врагов Шамиля»[1].

Немного позже, в 1855—1856 гг., начнутся сношения некоторых из видных наибов с царским командованием. Пока же один только Хаджи-Мурат, не видя иного выхода, решается на переход к царизму, боясь дальше оставаться в Дагестане, где благодаря удачным действиям имама его положение стало опасным. 23 ноября 1851 г. он явился в отряд к Барятинскому. Отсюда его отправили в Тифлис. С этого момента роль одного из виднейших деятелей горцев окончательно сыграна. Весной 1852 г. из Нухи он пытался опять бежать в горы, но был настигнут и убит. Его голова «была выставлена напоказ в анатомическом театре военного госпиталя в Тифлисе»[2]. Князь Воронцов правильно оценил положение дел, когда писал о попытке Хаджи-Мурата: «С Шамилем он бы не ужился надолго, но, может быть, на время помирился и был бы для нас немаловажной причиной беспокойства: человека ему подобного в Дагестане нет, не было кроме Ахверда Магомы, убитого в 1844 году, и, кажется, не будет»[3].

Конец 1851 г.

В конце 1851 г. война снова начинает сосредоточиваться только в Чечне. 15 сентября Талгик и Атабай предприняли неудачную попытку захватить грозненский скот. Они были атакованы Ольшевским, бросились к переправе, но та уже была занята русскими войсками и «мирными» чеченцами. Наибы потерпели серьезное поражение. А на следующий день Козловский произвел налет на аул Дахин Ирзау в Большой Чечне. Застав аул врасплох, он истребил почти всех жителей, а затем под нажимом сильного отряда Талгика принужден был отступить. В результате налетов русских войск жить в Большой Чечне становилось небезопасно. Однако чеченцы и в этих условиях не хотели сдаваться. Вместо покорности «чеченцы, живущие между Джалкой и Аргунью... начали пере-

[1] *Лорис-Меликов.* Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата... С. 520. В начале 1840-х гг. топограф Мочульский записал: «Один из главнейших сообщников Шамиля живет в селении Карате и называется Халбос мулла мюрид» (*Мочульский.* Война на Кавказе и в Дагестане. Ч. 2. Топографическая. 1844 г. Рукопись // ЦВИА ВУА. Д. 6528. Л. 20). Нет сомнений, что это тот же Кальвас или Галбац Дибир, о котором мы упоминали уже в связи с андийским заговором 1841 г. и который лишился тогда наибства.

[2] Из воспоминаний Харитонова // РС. 1894. Апр. С. 151.

[3] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 18/V-1852 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1 № 4. С. 455).

селяться вглубь Большой Чечни»[1]. Но Воронцов понимал, что еще несколько ударов по Большой Чечне, и положение имамата может стать критическим.

В январе 1852 г. Шамиль возобновил попытки проникнуть в Табасарань. Но и на этот раз к прибывшему сюда с мюридами Бук Мухаммеду «жители отнеслись уклончиво»[2]. Только в Кайтаге в некоторых аулах, расположенных близ Маджалиса, Бук Мухаммеду удалось найти сочувствие у населения, и он расположился в ауле Шеляги. Но предприятие не могло быть успешным, если основная масса кайтаго-табасаранцев оставалась равнодушной к мюридизму. 13 января начались стычки с подошедшим сюда отрядом Суслова, а 18-го Суслов атаковал Шеляги. Бук Мухаммед потерпел поражение. Сам он, дважды раненый, попал в плен, а Шеляги были разрушены.

Характерно, что Мухаммед-Тахир подчеркивает участие в бою дагестанской милиции: «Против них выступили войска русские вместе со множеством отступников из Баршалы, Даракама, Табасарана, Дербента, Кура, Куба и Ахди»[3], хотя в то же время отмечает, что «Бук Мухаммед... и те, кто имел с ним соглашение из людей той округи, укрепились в селении Шилахи»[4].

Надежды на возможность расширения границ имамата, на включение в его состав всего Дагестана теперь теряются совершенно.

Чеченские экспедиции 1852 г.

С января 1852 г. начинается подготовленный экспедициями предшествующих лет разгром Чечни. Уже в первых числах января Барятинский направился в Большую Чечню, в аулы, расположенные по реке Хулхулау: это была попытка проникнуть ко входу в ущелье, где находилась резиденция имама, аул Ведено. 6 января Барятинский взял и истребил Автуры и Гельдыген с прилегающими хуторами. 7 января он выступил в ущелье Хулхулау по направлению в Ведено. Но, пройдя около четырех верст по ущелью, Барятинский понял невозможность ворваться в горы со сравнительно незначительными силами и повернул обратно. Выйдя из ущелья, он направился к Шали и истребил целиком бывшие недалеко от его пути андийские хутора. С 10 января началось истребление аулов Большой Чечни, расположенных в предгорьях между Аргуном и Джалкой. Комментируя результаты этой части зимней экспедиции, Воронцов писал: «...несчастные

[1] Рапорт Козловского Н.С.Завадовскому от 20/XI-1851 г., № 1948 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 524.

[2] *Солтан В.* Очерк военных действий в Дагестане в 1852 и 1853 гг. // КС. 1886. Т. 9. С. 181.

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 228.

[4] Там же.

чеченцы точно находятся в ужасном положении, и можно надеяться, что мы приближаемся к развязке»[1].

Рубка просек и истребление аулов в Большой Чечне продолжались и во второй половине января. А в то же время 18 января предпринята была экспедиция в Малую Чечню: истреблены были аулы по рекам Рошне и Гойте. 24 января был разрушен аул Сейд Юрт в Большой Чечне. Параллельно с этими операциями велась рубка просек по р. Бассу, а в феврале прорублена была дорога с р. Аргун в долину Хулхулау.

17—18 февраля Барятинский, стремясь продемонстрировать успехи этого зимнего наступления, двинулся с Джалки на Мичик. Навстречу ему с Кумыкской плоскости вышел Я.П.Бакланов, переваливший через Качкалыкский хребет. Соединившись, оба отряда пришли на Кумыкскую плоскость, выйдя из гор в районе укрепления Куринского. Во время этой экспедиции взят был редут Шуаиб-капа, устроенный Шамилем для защиты переправы через Мичик. Наконец, 27 марта был истреблен аул наиба Талгика. «Сам наиб успел спастись, но значок его и принадлежащее ему домашнее имущество остались в руках победителей»[2]. В их же руки попали и две пушки наиба.

За это же время в середине февраля на западе было подавлено восстание в галашевском ауле Датых. Впечатление от экспедиции было так велико, что соседние галашевские аулы не поддержали восставших.

Экспедиции начала 1852 г. дали немаловажные результаты. Часть большечеченцев, «чувствуя, что не может спастись от... ударов, очистила всю площадь между Аргуном и Джалкой»[3]. С плоскости население вынуждено было бежать в горы; имамат терял одну из важнейших частей своей хлебной базы. Но этим не ограничились успехи русских войск в начале описываемого года. Сила удара произвела немалое впечатление на чеченцев. Начинается, пока еще эпизодически, сдача чеченцев и переход на сторону России представителей верхушечных слоев аула. Одной из важнейших измен этого времени была измена наиба Баты. Этот последний, по словам Л.П.Николаи, еще во время постройки укрепления Куринского бежал к Шамилю и был назначен наибом. «Его суровая строгость, как говорят, непомерные денежные поборы вооружили против него большую часть подчиненных. Интрига врагов также способствовала тому, что Бата впал в немилость у Ша-

[1] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 17 января 1852 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 4. С. 449).

[2] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 2/IV-1852 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка //Там же. С. 454).

[3] Приказ по Отдельному Кавказскому корпусу от 15/III-1852 г., № 54 // АКАК. 1878. Т. 7. С. 537.

миля и лишился наибства»[1]. Тогда, незадолго до февральской экспедиции Барятинского, он перебежал на сторону русских. Он участвовал затем в экспедиции, и Барятинский аттестовал его с самой лучшей стороны: «Вы знаете сами, — писал он Воронцову, — какую большую награду заслуживает Бата, и я прошу у вас для него прощения, затем за Автур возвратить ему чин и пенсию в 400 рублей в год; также прошу у вас для его сына... который часто служил нам проводником, офицерского чина»[2] .

Бата не был исключением. Чеченцы чаще и чаще покорялись русским властям. Впрочем, не следует особенно преувеличивать результаты экспедиций описываемого времени. В одном из писем Воронцова содержатся достаточно ясные намеки на то, что русское командование ожидало большего эффекта. «Трудно ожидать, — писал Воронцов, — чтобы целые аулы тотчас покорялись, ибо теперь, может быть, трудно было бы их защищать; но чем более жителей переходит к нам по одиночке, тем более враг ослабевает и тем менее сопротивления окажет он в будущем»[3].

Это писалось еще до того, как можно было судить о результатах февральского разгрома Автуры и Гельдыгена. Но и после экспедиции Барятинский не мог еще говорить о поголовной сдаче или хотя бы о покорении целых аулов. «Каждый день я принимаю многочисленные депутации из большой и нагорной Чечни, которые хотят отдаться под наше покровительство. Жители деревни Ханкале частью уже перешли к нам; также несколько сотен из тех деревень, где мы были нынешней зимой. Но все это еще не имеет никакого значения; положительных результатов я ожидаю через месяц или полтора»[4]. Под «положительными результатами» Барятинский понимал, очевидно, массовую сдачу чеченцев. Но до этого дело еще не дошло, и в марте сдались лишь два мичиковских аула (всего 258 человек), которые Бакланов 23 марта выселил на Кумыкскую плоскость.

Рассматривая вопрос о дальнейших действиях, Воронцов намечал целую систему мероприятий, куда входили и переселение чеченцев, и истребление полей, и экономическое давление. По его собственным словам, он постоянно обращался за советами к Бате. «Мы много говорили с ним о колонизации чеченцев за Качкалыком. Я окончательно убедился в громадной важности этой меры. Мне кажется совершенно ясным, что кумыки не имеют никакого права на те земли, которыми мы хотим располагать, начиная с треугольника между Герзель Аулом, Умахан Ютом и Амир Аджи

[1] *Николаи Л.П.* Бой под Истису // Газ. «Кавказ». 1874. № 91.

[2] Письмо А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 24/II-1852 г. //РА. 1888. Кн 2, № 6. С. 167—168.

[3] Письмо М.С.Воронцова А.И.Барятинскому от 25/II-1852 г.// Там же. С. 176.

[4] Письмо А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 12/III-1852 г.// Там же. С. 182.

Юртом, далее до Аксая... Я просил Бату настоятельно твердить жителям северной части Большой Чечни, что мы им не позволим ни сеять, ни косить, если они не изъявят покорности на месте и не перейдут за Качкалык... Мы говорили с Батой еще о двух вещах... Первая — это стеснить более или менее торговлю, которую ведут немирные в наших крепостях, покупая у нас соль, преимущественно для выгод Шамиля, предъявляющего на нее свои большие права, да и им соль необходима; может быть, отказывая им в ней, мы будем много способствовать к их покорению»[1]. Очевидно, в ряду этих широких планов стояло и разработанное Барятинским положение об управлении чеченцами, частично возрождавшее суд по адатам: царизм боялся шариатского суда, не будучи уверен в преданности мусульманского духовенства, хотя бы и перебежавшего в лагерь завоевателей. «Положение» это было утверждено Николаем I и введено в действие.

Движение Шамиля в Осетию

В это критическое время Шамиль попытался еще раз восстановить единую линию обороны, расширив границы имамата до черкесских аулов. Но на этот раз он не рискнул повторить смелый поход 1846 г. в Кабарду. Речь шла теперь о восстании в Осетии. Тогда к осетинам легко присоединились бы кабардинцы и между черкесами и имаматом установилась бы прямая связь. Именно о таком плане и писал в 1852 г. А.И.Барятинский: «Говорят, Шамиль действует в соглашении с Магомет Эмином[2], который, развлекая войска Правого Фланга и центра, дал бы ему возможность соединиться с осетинами и дигорцами, заранее подготовленными»[3].

Агитация имама оказала известное действие в Осетии: «Шамиль сумел привлечь на свою сторону несколько влиятельных людей между народом, нам покорившимся, особенно среди осетин... По всем вероятиям, цель Шамиля занять Военно-Грузинскую дорогу, возмутив горцев, которые живут по ее сторонам, и в то время, когда он будет у тагурцев, Махомед Эмин должен будет со своей стороны поднять Карачай и население Кабарды. План смел и хорошо составлен»[4].

---

[1] Письмо М.С.Воронцова А.И.Барятинскому от 21/III-1852 г. // РА. 1888. Кн. 2, № 6. С. 183—185.

[2] Мухаммед-Эмин (Амин) был направлен Шамилем в 1848 г. на Западный Кавказ для руководства борьбой адыгских народов.

[3] Письмо А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 3/VI-1852 г. // РА. 1888. Кн. 2, № 6. С. 195.

[4] Письмо А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 5/VI-1852 г. // Там же. С. 197. Подозревались в сношениях с Шамилем несколько известных в Осетии людей: полковник Муса Кундухов, Тугановы и др.

Подготовку к этой операции имам начал с укрепления положения на Мичике. Это быстро почувствовал Барятинский. «Шамиль принимает самые энергичные меры, чтобы защитить Мичик и держать население в повиновении... Наиба Гиху он прогнал и заменил его известным Иски, которого я давно знаю за человека более предприимчивого, чем его предшественник»[1].

Обеспечив себя таким образом с востока, имам в последних числах мая двинулся на запад, к галашевцам. Он наступал тремя колоннами: первая шла по подножиям гор, вторая, под предводительством самого Шамиля, направилась к галашевцам и третья, которой командовал Гази-Мухаммед, — к акинцам, жившим глубже в горах. Первая из этих колонн наткнулась на отряд И.А.Вревского и была рассеяна, остальные же две достигли цели. Но Вревский немедленно после первой победы двинулся к галашевцам. Его действиям сильно помогло враждебное отношение этого племени к Шамилю. Галашевцы при появлении имама «...скрыли имущество и встретили пришедшие толпы с оружием в руках, как врагов своих»[2].

Естественно, при быстром появлении Вревского Шамиль принужден был отступить к акинцам. Там он соединился с Гази-Мухаммедом и, видя невозможность пробиваться дальше, отступил. Барятинский торжествовал: «Бата мне передал много интересного относительно секретных происков Шамиля у осетин. Он надеялся вполне возмутить их и занять Военно-Грузинскую дорогу, но жители оказали ему большое сопротивление, так как видят кругом себя одни лишь русские войска, и отказали выдать ему заложников. Я думаю, что он не возобновит больше своих попыток»[3]. Осетия за это время уже довольно прочно вошла в Российскую империю.

Одновременно с движением Шамиля к Военно-Грузинской дороге Даниэль-бек атаковал лезгинскую линию. Но на впечатлительного султана слишком сильно подействовали зимние экспедиции Барятинского, и он действовал нерешительно и вяло. Больше того, «...воюя, султан Даниэль бек начал переговоры, чтобы добиться прощения и возвращения к нам, но под нелепым условием остаться жить в Цахуре». Таким образом, вновь, как и в 1849 г., бывший элисуйский султан при первых же признаках опасности задумал перебежать на сторону того, кто был более сильным. Но условия его оказались неприемлемыми для русского командования: «Если он хочет получить прощение, то должен сдаться без условий». Из предложения Даниэль-бека Воронцов сделал совер-

[1] Письмо А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 19/IV-1852 г. // РА. 1888. Кн. 2, № 6. С. 186.

[2] Приказ по Отдельному Кавказскому корпусу от 18/VI-1852 г., № 106 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 54.

[3] Письмо А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 4/VI-1852 г. // РА. 1888. Кн. 2, № 6. С. 196.

шенно определенные выводы: «Все это доказывает, что дела их идут плохо и что влияние Шамиля с каждым днем слабеет»[1].

Действительно, поведение Даниэль-бека было показательно. Можно, пожалуй, сказать, что оно отражало положение имамата совершенно точно. Дела имама шли не блестяще, и поэтому экс-султан писал письма о прощении, но ничего безнадежного пока не было, и Даниэль-бек торговался и ставил условия. О безусловной сдаче он пока не думал. И в самом деле, летом 1852 г. начали замечаться кое-какие признаки неблагоприятного для России настроения в Дагестане, «...в особенности, аул Губдень вышел совсем из повиновения и постоянно производит разбои против нас»[2].

Изменилось положение и в Чечне. Аул Гурдали после разгрома стал вновь заселяться, и Барятинский горько жаловался: «Они мне причинили много неприятного; я видел, что упавший было воинственный дух мичиковцев поднимается и что плоды моей зимней экспедиции если не потеряны совсем, то, во всяком случае, ослаблены»[3].

Восстановление авторитета имама в Большой Чечне вызывало тревогу среди кавказского командования, и оно решило нанести новый удар разрушением восстанавливавшегося Гурдали. 11 августа Барятинский произвел набег на аул, вырезал все его население, кроме 52 человек, взятых в плен, захватил весь скот и все имущество и сжег хлеб и сено, которые нашел в окрестностях. Затем так же разгромил соседние аулы.

Но теперь он уже не мог утверждать, что Чечня — накануне сдачи. Говоря о результатах этого набега, он подчеркивал, главным образом, его значение для дальнейшей борьбы с Шамилем. «Положительно можно сказать, — писал он, — что в предстоящую зимнюю экспедицию Шамиль почти не может иметь в Чечне тавлинской кавалерии, потому что нечем ее будет продовольствовать. Пешие же тавлинцы, непривычные воевать на плоскости и в лесах, подвергнутся той же участи, которую испытали на шалинских полях 27 февраля прошлого года. Если же тавлинцы вовсе перестанут ходить в Чечню, то навряд ли Шамиль решится остаться между колеблющимися чеченцами, которые только и ожидают его удаления, чтобы принести нам покорность»[4].

---

[1] Письмо М.С.Воронцова А.И.Барятинскому от 9/VI-1852 г. // РА. 1888. Кн. 2, № 6. С. 198.

[2] Письмо М.С.Воронцова А.И.Барятинскому от 23/VII-1852 г. // Там же. С. 204.

[3] Письмо А.И.Барятинского М.С.Воронцову от 16/VIII-1852 г. // Там же. С. 210.

[4] Рапорт А.И.Барятинского Н.С.Завадовскому от 21/VIII-1852 г., № 1286 // АКАК. 1873. Т. 5, ч. 2. С. 543.

Экспедиции конца 1852 — начала 1853 г.

В декабре 1852 — январе 1853 г. проведены были последние перед Восточной войной зимние экспедиции в Чечню. В декабре был взят и разрушен возникший было невдалеке от крепости Грозной аул Ханкала. Его жители в числе 350 человек были переведены в Грозную. Почти весь декабрь заняла экспедиция в Нетхойское ущелье с рубкой просек от Ачхоя до Нетхоя и на Верхнюю Фортангу. Благодаря этой экспедиции у чеченцев отнято было «значительное количество земли, которое могло прокормить до 1500 душ»[1]. Наконец, в январе 1853 г. Барятинский попытался утвердиться на Мичике.

Воронцов стремился изобразить эту экспедицию как почти решающую. Ему хотелось, чтобы в центре, в Петербурге, в Москве, поверили в близкий конец Шамиля. Он писал Ермолову, через которого высшие московские круги знакомились с положением на Кавказе: «Дела наши идут хорошо. Неприятель везде ослабевает, распри и неудовольствия между ними усиливаются, и в Большой Чечне делается сильный поворот в нашу пользу, так что можно полагать, что на подобие Малой Чечни вся плоскость Большой Чечни будет в наших руках. Барятинскому предложено в эту зиму очистить Мичик, прикрывая переселение жителей в наши границы, и действовать по обстоятельствам»[2].

В некоторой мере Воронцов был прав: в Большой Чечне существовало недовольство корыстной политикой наибов. Но он слишком сильно преувеличивал неудачи горцев. Во всяком случае, до сдачи было еще далеко. Впрочем, и сам Воронцов понимал это. Его письмо к Барятинскому, написанное одновременно с письмом Ермолову, изображает положение несколько иначе: «Не следует забывать, что Шамиль с своими преданными мюридами и с теми пушками, которые он имеет, располагает еще достаточными средствами, чтобы держать в страхе и беспощадно наказывать (как это он всегда делает) всех жителей, не находящихся под защитой огня наших крепостей, или тех, которые хотели бы сопротивляться его власти»[3].

28 января 1853 г. Барятинский выступил к Мичику. Когда он перевалил через Качкалыкский хребет, левый берег реки занял сын Шамиля Гази-Мухаммед, опиравшийся на редут Шуаиб-капа. Немного спустя сюда подошел и Шамиль. Обе враждебные армии стояли друг против друга, разделенные только рекой, но ни одна

[1] Приказ М.С.Воронцова по Отдельному Кавказскому корпусу от 5/I-1853 г., № 52 //АКАК. 1885. Т. 10. С. 546.

[2] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 11/I-1853 г. (см.: Князь М.С.Воронцов и А.П.Ермолов: Их переписка // РА. 1890. Кн. 1, № 4. С. 461).

[3] Письмо М.С.Воронцова А.И.Барятинскому от 15/I-1853 г. // РА. 1888. Кн. 2, № 8. С. 418.

не решилась атаковать. Всю первую половину февраля Барятинский рубил просеки от Мичика назад, к укреплению Куринскому. Наконец, 17 февраля русская армия двинулась вперед. Мичик был форсирован, и на его левом берегу произошел большой бой. Мюриды были оттеснены. «Мичик — наш», — с торжеством писал в Петербург Воронцов. Но это заявление оказалось преждевременным. Барятинский истребил мичиковские аулы, но Чечня не сдавалась, и князю пришлось отойти. Ни закрепиться на Мичике, ни даже вывести мичиковское население на плоскость не удалось. Задачи, ставившиеся и Воронцовым, и самим Барятинским, выполнены не были. А в дальнейшем активные операции против имамата пришлось и вовсе прекратить: надвигалась война с Турцией.

Имамат 1853 г.

Итак, в начале пятидесятых годов царизму не удалось сокрушить имамат: Чечня сопротивлялась отчаянно. Но внутри имамата в это время уже действовали центробежные силы, разрывавшие его. Политика верхушечных слоев аула все сильнее порывала с демократией сороковых годов; все ярче выступало на первый план своекорыстие, стремление укрепить эксплуатацию, восстановив феодальные отношения. Именно к этому времени, к началу 1850-х гг., относятся самые ранние документы о земельных захватах в Чечне. Упомянутый нами выше в связи с земельной политикой имамата процесс Цуцко и Бейбулата о захваченных ими чеченских общинных землях датируется именно 1852 годом. И в это же время все сильней и сильней становится тяга представителей аульской верхушки к соглашению с царизмом и, следовательно, к измене делу борьбы за независимость.

В неоднократно цитированных нами письмах М.С.Воронцова есть одно очень важное сообщение, касающееся настроений близкого к Шамилю и влиятельного в Дагестане человека, Галбац Дибира. Брат Галбац Дибира, Халат Дибир, бежал от Шамиля к Воронцову. Он-то и дал ряд любопытных сведений: «Князь Орбелиани, — сообщает Воронцов, — пишет также насчет Халат эффендия... который в настоящее время находится во Владикавказе; он приходится братом известному Калвац Дебиру, личности очень важной в Дагестане. Князь Аргутинский мне говорил, что в отношении религиозных дел это единственный человек, могущий заменить Шамиля. Калвац Дебир был долгое время наибом в Карате, и Шамиль поручил ему с самого начала своего сына Кази Магому; но затем они перессорились между собою во время недоразумений с Хаджи Муратом, и с тех пор он находится в опале и в подозрении. Говорят, что Шамиль глубоко опечален отъездом

Халат Дебира, а также сведениями, доставляемыми ему о Даниэль беке. Шамиль видел будто бы, что Даниэль бек серьезно хотел перейти к нам, и учредил над ним в Ирибе надзор»[1].

Таким образом, виднейшие деятели имамата сороковых годов один за другим покидали Шамиля: Хаджи-Мурат бежал, Кибит-Магома был отстранен от наибства, Галбац Дибир — тоже, Даниэль-бек вел переговоры с русскими. На их место пришли другие, пользовавшиеся большим влиянием у Шамиля, но не имевшие авторитета в массах. Процесс разложения имамата нельзя было остановить ни арестами, ни снятием с наибства, ни уговорами. Вновь назначенные наибы, не обладая военным опытом деятелей 1840-х гг., очень мало думали о борьбе за независимость, в успех которой уже трудно было верить. Они использовали свои посты для захватов земель, обогащения и превращения в новых феодалов. Такими были, например, Курбаниляу Сугратлинский, Инко-Гаджи Чохский, его сын Исмаил, Амир-хан Чиркеевский и многие другие. И эта-то политика своекорыстия ослабила имамат гораздо больше, чем мичиковский набег Барятинского. К тому же в горском обществе все сильнее сказывается необходимость экономических связей с Россией. Все перечисленное стало причиной того, что Шамиль во время Восточной войны не смог разорвать кольцо, стягивавшее Чечню и Дагестан.

3. ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

Имамат перед Восточной войной

Как легко можно видеть, положение имамата к середине пятидесятых годов было недалеко от критического. Распад начался отпадением отдельных частей Чечни, сдававшихся царизму. Распадом грозили и раздоры, происходившие среди самой верхушки. Наступательные операции выродились в набеги и ничего не могли дать имамату. Оборона становилась все труднее и труднее, когда равнодушные к мюридизму массы не хотели идти в бой, а боявшаяся их узденьская верхушка помышляла о мире с царизмом, искала способы договориться с ним. Переход Хаджи-Мурата к неприятелю, несогласия Шамиля с Кибит-Магомой — все это признаки скорого падения имамата. Но процесс распада, так ярко выраженный в 1851 и в 1852 гг., несколько затормозился в последующие годы. Для того, чтобы понять причины некоторого оживления имамата, необходимо вспомнить, что 1853 г. стал годом начала русско-турецкой войны. Обстановка, в которой России пришлось вести эту войну, вселила в правящую группу теократической державы Чечни и Дагестана надежду на победу.

[1] Письмо М.С.Воронцова А.И.Барятинскому от 7/XII-1852 г. // РА. 1888. Кн. 2, № 6. С. 221–222.

Политика Англии и Франции

Союзные державы, Англия и Франция, стремились укрепить свое влияние на Кавказе. Оммер де Гелль, путешествовавший по югу России и Кавказу в начале сороковых годов не без ведома французского правительства, живо интересовавшегося положением этих районов, писал: «Понятно... с каким ревнивым недоверием должна смотреть Англия на движение русских за Кавказом и насколько она заинтересована в том, чтобы воспрепятствовать любому завоеванию, способному закрыть для нее большую торговую дорогу, которую она открыла себе через Эрзрум и Тавриз. Поэтому она не сможет быть индифферентной к независимости Кавказа, который, служа защитой границ Персии и Турции, помогает еще... торговым операциям трапезундского рынка. Может быть, скажут, что это чисто английский вопрос, очень важный для фабрикантов Лондона и Манчестера, но имеющий очень посредственный интерес для Франции. Но там, где наши соседи находят возможность ежегодно помещать более чем на пятьдесят миллионов промышленных товаров, нам кажется, что там тоже затронуты наши политические и экономические интересы»[1].

Уже во время самой Восточной войны Тексье писал определеннее: «С этого времени [Даргинского поражения Граббе. — *Н.П.*] Англия, заинтересованная более, чем какая-либо другая держава, в том, чтобы Россия не могла спокойно господствовать на Кавказе, следит за борьбой [горцев с Россией. — *Н.П.*] с живейшим интересом. Оставляя в стороне всякие политические соображения, события достаточно ясно доказали, что каждый дюйм территории, выигранный Россией в какой бы то ни было части света, был в прямом противоречии с интересами Великобритании... Она [Россия. — *Н.П.*] прилагает всякие усилия, чтобы запретить Англии все сношения с черкесами, народом, который охотно открывал свои двери и дружески приглашал инглизов прийти в их страну»[2]. И действительно, еще с тридцатых годов в Черкесии неоднократно появляются и английские купцы, и английские шпионы.

Сущность этой любви англичан и французов к кавказским горцам очень хорошо видна в одном из рассуждений известного французского публициста, уже цитированного нами. Сравнивая кавказскую войну с завоеванием Алжира Францией, он спрашивает, может быть, и к действиям России на Кавказе тоже нужно отнестись как к явлению положительному, может быть, Россия также несет (хоть и на казачьем седле) на Кавказ культуру, как это делает Франция. И тут же отвечает, что Россия несет не цивилизацию, а только «ambition». Другими словами, Кавказ не

[1] *Hell H. de.* Les steppes de la mer Caspiènne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Paris, 1845. V. 2. P. 303—304.

[2] *Texier E.* Schamyl. Paris, 1854. P. 24—25.

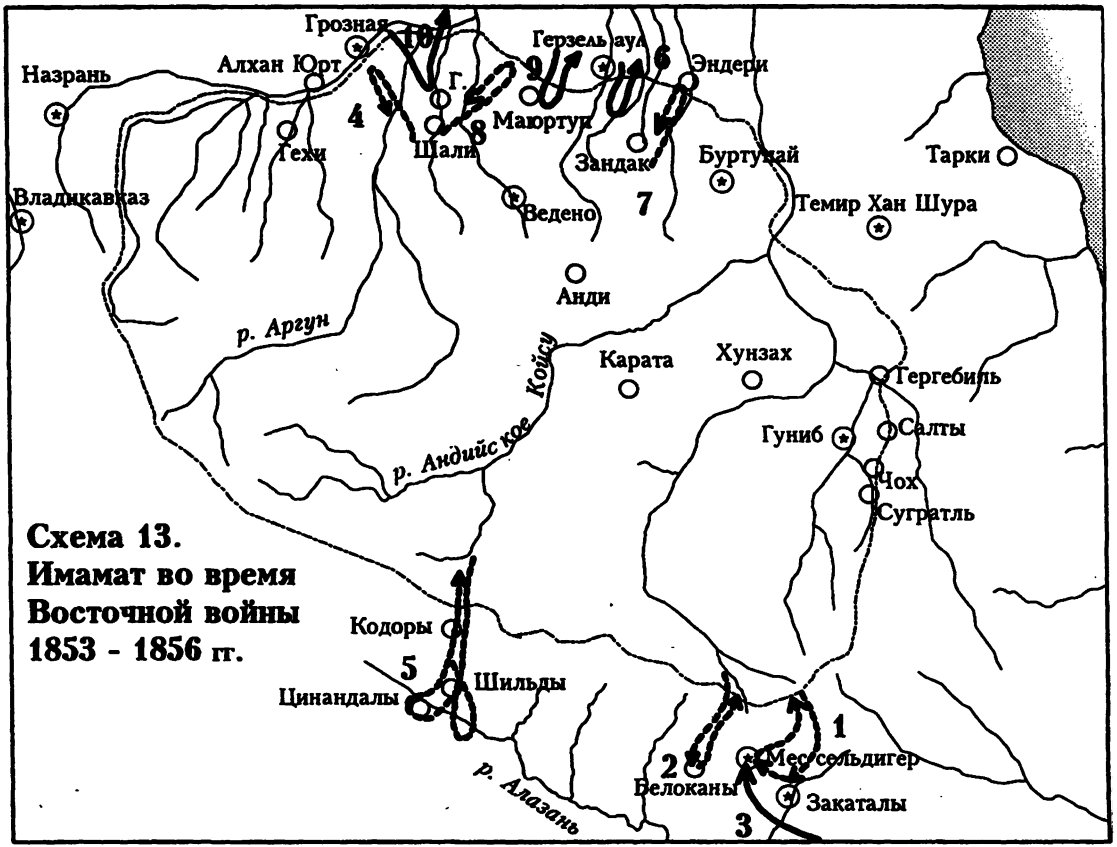

Схема 13.
Имамат во время Восточной войны 1853 - 1856 гг.

Г. - Герменчук

——— действия русской армии

– – – – – действия горцев

_____ границы имамата

⊛ крепости

○ населенные пункты

..... границы территорий

13. Действия противоборствующих сторон

1. Шамиль 25.VIII. - 4.IX.1853.
2. Даниэль-бек 31.VIII.1853.
3. Орбелиани IX.1853.
4. Талгик XII.1853.
5. Шамиль 4-5.VII.1854.
6. Николаи 12.VII.1854.
7. Каир-бек IX.1854.
8. Шамиль 3.X.1854.
9. Николаи XII.1854 - 4.I.1855.
10. Николаи 6.I.1855.

должен стать колонией России, но может оказаться владением культуртрегерской Франции[1].

Англия еще в 1830-е гг. начинала борьбу за проникновение на Кавказ. Инцидент с английской шхуной «Виксен» у черкесского побережья — лишь одна из попыток в этом направлении[2]. Видершаль приводит многочисленные любопытные данные, которые свидетельствуют об использовании Англией и Францией аристократической польской эмиграции для достижения этих целей. Не будем говорить о совершенно фантастических планах создания польско-горских государств, передаваемых этим историком. В первой половине пятидесятых годов появились уже реальные возможности вытеснения России с Кавказа и замены русского влияния английским. О том, что проникновение на Кавказ входило в английские планы, свидетельствует хотя бы тот же Видершаль, работавший, кстати сказать, в европейских архивах. По его словам, одним из основных чаяний англичан в Крымской войне было «отторжение от России Грузии и Черкесии — понимаемых, впрочем, как известно, очень широко»[3].

Правда, завладеть Кавказом, и в частности его горской частью, было не так уж легко. Кавказ, как мы не раз имели случай указать, связывался экономическими и культурными узами с Россией, и чем дальше, тем теснее.

Выступление горских крестьянских масс было вызвано не самым фактом культурно-экономического сближения. Это был протест против насильнической политики царизма, против национального угнетения. Поэтому просто заменить все русское английским в горах было бы нелегко. Англичане тоже были «неверными» с мусульманской точки зрения.

Поэтому, думая использовать представляющуюся им возможность, англичане рассчитывали проникать на Кавказ под прикрытием Турции: это могло бы несколько уменьшить непопулярность европейцев. Нужно было только решить вопрос о пределах полномочий, которые могли бы быть предоставлены Турции.

Шамиль и Турция

Вначале казалось, что такая политическая линия может иметь шансы на успех. Позднейшие воспоминания имама о настроениях того времени переданы в дневнике А.Руновского за 1861 г. с тенденциозной категоричностью: «С той минуты, когда дошел до него [Шамиля. — *Н.П.*] слух о последней войне и когда он возымел увидеть Дагестан под властью Турции, смертная казнь тотчас

[1] *Taillandier Saint René.* Allemagne et Russie. Paris, 1856. [Статья] La guerre du Caucase. P. 263.

[2] Документы об этом инциденте см.: Крас. арх. 1940. № 5.

[3] *Widerszal L.* Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831—1864. Warszawa, 1934. S. 124.

им была отменена»[1]. «С этого момента он начал смотреть на горцев, как на подданных султана»[2]. На деле вопрос о подчинении горцев Турции был гораздо более сложным. Мы указывали выше, что в горах надеялись на помощь Турции в сохранении суверенного горского государства, а не на захват Кавказа турками. Влияние именно этих представлений на политику самого Шамиля мы постараемся показать ниже.

Но Шамиль был не единственным политическим деятелем в Дагестане. А кое-кто из его окружения смотрел, по-видимому, более спокойно на возможность англо-французского владычества в кавказских горах. У одного из представителей руководства имамата, Даниэль-бека, возникли широкие проекты «...выгнать с Кавказа русских и основать отдельное государство под протекторатом Турции»[3]. В размерах территории Даниэль-бек особенно не стеснялся. Границами этого государства должны были быть: «...с востока и запада два моря, с юга Арпачай и вся остальная линия наших границ, и, наконец, с севера — Дон»[4]. Для исполнения этого проекта Даниэль-бек предлагал послать от имени Шамиля делегацию в Англию и Францию, чтобы добиваться поддержки этих европейских держав[5].

Даниэль-бек, очевидно, достаточно хорошо понимал, кто стоит за спиной Турции, и договариваться собирался с игравшими главную роль и в Крымской войне, и в султанской политике. Другими словами, для Даниэль-бека было ясно, что независимое горское государство невозможно, что даже «единственная» помощь турок приведет горы в зависимость европейским державам. Теперь приходилось выбирать лишь между подчинением России и подчинением Англии или Франции (хотя бы при формальном установлении турецкого суверенитета).

Шамиль нашел этот проект химеричным и отверг его. Имама поддержали члены диван-ханэ. Они боялись, что выполнение этого проекта послужит Даниэль-беку базой для его собственного возвышения. Зная Даниэль-бека, они не сомневались, что предприимчивый наиб не остановится перед убийством «Шамиля или его наследника»[6]. Но самая мысль о протекторате Турции (если верить пересказу А.Руновского) вовсе не была чужда имаму. Он рассчитывал отстоять имамат в границах между тремя Койсу и Лезгинской линией, «располагая отдать» эту территорию только

[1] Дневник А.Руновского // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 2. Л. 56. Запись от 22/II-1861 г.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 57 об.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 58.

[6] Там же. Л. 60.

«под покровительство Турции, сохранив для себя звание имама и права валия или наместника»[1].

Впрочем, некоторые данные, имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, что и к вопросам турецкой экспансии Шамиль относился более чем сдержанно. Союз Турции с Англией и Францией совершенно ясно указывал на корыстные расчеты, с которыми горцам предлагалась помощь против России. В.Соллогуб, бывший в экспедиционном отряде кн. Бебутова, рассказывает о каком-то деле, находившемся в его руках и содержавшем показания шамилевского посланного Хаджи-Исмаила Ловшан-оглы. «Шпион... рассказал между прочим, что Шамиль говорил ему, будто бы Турция долго спала и решилась на войну только по советам Франции и Англии, но что это — две христианские державы и, следовательно, они должны были тайно объединиться с Россией с целью успешнее искоренить могущество султана»[2].

Свидетельство В.Соллогуба не одиноко. В августе 1855 г. Н.Н.Муравьев, командовавший тогда на Кавказе, писал кн. В.Я.Долгорукову: «Вашему сиятельству известен... ответ, данный Сефер бееm Омар паше, требовавшему от него допущения англичан в Анапу[3]. Носятся слухи, что и Шамиль с такой же точки смотрит на союз турок с англичанами и французами»[4]. Но дело было не только в англичанах и французах. Даже к действиям турок имам относился очень сдержанно. В его рассказе о 1853—1855 гг. нередко проскальзывает нотка обиды на тон, которым турецкая администрация разговаривала с имамом. Очевидно, Шамиль вовсе не считал возможным полное подчинение горцев Турции, он видел в лице султана лишь возможного союзника. Но к этому вопросу мы вернемся позже.

Военные планы России

Кавказское командование было чрезвычайно обеспокоено чечено-дагестанской проблемой в связи с военными операциями, которые должны были развернуться в Закавказье. Возникали серьезные опасения, что Шамиль ударит в тыл армии, действующей против турок. Усилить дагестанские войска Россия по вполне понятным причинам не могла, а наличные силы были в значительной мере разбросаны по ряду укреплений, где, без достаточной поддержки, они могли легко оказаться жертвами всеобщего восстания. Одним словом, командование сильно опасалось повторения событий 1843 г., но на этот раз уже не в узких рамках Ава-

[1] Там же. Л. 57.

[2] [*Sollohub W.*] Le Caucase dans la question d'Orient. St.-Petersbourg, 1855. P. 39.

[3] Сефер-бей высказался против этого проекта.

[4] Письмо генерала Н.Н.Муравьева кн. В.Я.Долгорукому от 19/VIII-1855 г., № 38 // АКАК. Т. 11.

рии, а в гораздо более широких пределах всего Дагестана и, может быть, мусульманских провинций Закавказья.

Русское командование начало уже взвешивать, что легче потерять: Дагестан, Военно-Грузинскую дорогу или Лезгинскую линию, так как удержать все казалось совершенно невозможным. «В теперешнем положении края, чтобы в основании не поколебать владычество наше на Кавказе, трудно сказать, откуда тронуть войска, но взвешивая в этих видах относительную важность частей края, Дагестан менее других может быть чувствителен», — писал генерал Реад военному министру[1]. Создавался уже целый план, по которому за счет войск, выводимых из Дагестана, будут образованы сильные резервы на Терской и Лезгинской линиях для того, чтобы не дать возможности мюридизму выйти из пределов Дагестана.

Однако план этот не учитывал одного весьма существенного момента — ослабления имамата и растущего равнодушия масс к делу мюридизма. То, что просмотрел генерал Реад, сразу же подметил его подчиненный, князь Орбелиани. Как только этот проект стал ему известен, он начал настаивать на сохранении в Дагестане прежнего порядка вещей. Отзыва войск он боялся гораздо больше, чем всех предприятий Шамиля. Он указывал на слабость имамата: «Надобно иметь в виду, — писал он, — и то, что при ненависти горцев к правлению Шамиля, Дагестан не всегда может оставаться в таком грозном положении: со смертью Шамиля или распадется на части политическое здание, созданное кровавой рукой его, или же станет более в миролюбивом с нами отношении, в чем и теперь один только Шамиль препятствует всеобщему желанию народа быть с нами в мирных торговых отношениях»[2]. Настойчивые представления Орбелиани, поддержанные Барятинским, подействовали, и проект очищения Дагестана от царских войск был оставлен.

Действия Шамиля

Между тем, координирование действий имама с действиями султана напрашивалось само собой. Слухи о войне начали носиться на Кавказе еще задолго до официального разрыва, и нет ничего невероятного в том, что имам еще до объявления войны сделал попытку согласованных действий. Шамиль выжидал наступления турок весь июль и начало августа 1853 г. «Из показаний лазутчиков оказывается, что Шамиль ежечасно ожидал появления нынешним летом турецкой армии в Закавказском Крае или на правом фланге и готовился содействовать ей всеми средствами, нахо-

[1] Отзыв командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Н.А.Реада военному министру князю В.Я.Долгорукову от 17/III-1854 г., № 64 // *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И.Барятинский. С. 340.

[2] Письмо кн. Орбелиани А.И.Барятинскому // Там же. С.320.

дящимися в его распоряжении», — записывал в своем журнале генерал И.А.Вревский[1]. Но и выжидая, имам подготавливал себе благоприятную почву для будущих решительных действий в Дагестане. В то самое время, о котором пишет Вревский, Шамиль отправил в Кайтаг и Табасарань воззвание, призывая население этих районов к восстанию и обещая вскоре прийти. Между прочим, в этом воззвании он писал: «Мы провели у себя повсеместную подготовку к войне и реорганизовали порядки»[2]. На что намекает эта фраза, не совсем ясно: может быть, на отмену смертной казни? Во всяком случае, имам, уже не раз терпевший неудачу именно в этих районах, теперь подчеркивает, что взаимоотношения его с табасаранцами могут измениться.

Одновременно с подготовкой почвы в Дагестане имам готовит ее и у черкес. Понятно, откуда такой широкий диапазон: пока еще неясно, появятся турки в Закавказье или у черкес, на Северо-Западном Кавказе. Поэтому имам обращает свое внимание и сюда: «...приготовления, по мнению достоверных лазутчиков, клонятся на соединение с Мухаммед Эмином, куда он выступит после новой луны, т.е. 24 числа этого же месяца, Шамиль с небольшим числом отборных людей бросится в Кабарду, которая, по полученным им известиям, восстанет при его прибытии. Дальнейшие действия из Кабарды будут соображены с состоянием дел Мухаммед Эмина». И опять любопытная фраза в заключение: «На всем пути движения приказано готовить продовольствие, за которое будет платиться деньгами»[3]. В середине сороковых годов имам не был так осторожен. Теперь, после печальных опытов похода в Кабарду в 1846 г. и сражений начала пятидесятых годов, Шамиль боится, как бы не испортить отношений с теми, на кого он будет опираться.

Однако на правый фланг идти не пришлось. От кого-то он получил сведения, согласно которым должен был двигаться в Закавказье для соединения с турками. Кто же дезориентировал имама, кто направил его еще до начала военных действий между Россией и Турцией встречать турецкую армию? И вообще, связано ли это выступление Шамиля с расчетами на Турцию? Гаджи-Али прямо заявляет: «Шамиль выступил, чтобы соединиться с войском султана Абдул Меджида (до того времени из Карса от Керим Паши и Селим Паши приходили послы и письмо, чтобы Шамиль с войсками пробрался к ним)»[4]. Насколько это известие

[1] Журнал И.А.Вревского о происшествиях во Владикавказском военном округе с 5/VII по 19/VIII-1853 г.// АКАК. 1885. Т. 10. С. 548.

[2] Дагестанский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Папка «Исторические письма». Письмо без номера, датированное: Шаваль 1269 г. (8/VII-1853 г. — 5/VIII-1853 г.).

[3] Отношение А.Е.Врангеля И.А.Вревскому от 19/VII-1853 г., № 1618 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 548.

[4] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 43—44.

точно, трудно сказать, но, во всяком случае, поход Шамиля к Закаталам по времени стоит подозрительно близко к началу войны.

Лезгинский поход Шамиля 1853 г.

Война началась 15 октября 1853 г., а почти за два месяца до этого Шамиль организовал нападение крупными силами на селения Джаро-Белоканского округа, «:...где его замыслы ожидали общего возмущения той страны и, кроме материальных поборов, рассчитывали, быть может, на более обширные завоевательные цели»[1]. Тот факт, что Шамиль сильно рассчитывал на восстание, подтверждает и Мухаммед-Тахир. В первые моменты лезгинский поход Шамиля произвел впечатление в Западной Европе. В одной из своих статей, посвященных восточному вопросу, Маркс отметил: «Марсельский "Sémaphore" пишет, что в Смирне получилось сообщение, что... кавказскими горцами начат общий поход против России, в котором Шамиль одержал блестящую победу и захватил не менее двадцати трех пушек»[2].

25 августа Шамиль спустился с гор к крепости Закаталы; в то же время Даниэль-бек направился в Белоканы. Однако даже вести о войне России с Турцией не могли вновь поднять народное восстание, и джарцы в этом отношении оказались такими же, как и дагестанцы. «Из знати Закаталы не перешел к имаму никто, кроме одного. Они, наоборот, укрепились в крепости русских со своими семьями и имуществом»[3]. Это с удовольствием констатировало и русское командование. «Важный пункт тот, что Шамиль крепко ошибся в надежде восстания не только наших лезгин, но и всех наших мусульманских провинций. Ни один человек во все время не восстал, даже из тех деревень, через которые неприятель проходил, а главные деревни Джары и Талы вооружились и не позволили никому через них переходить»[4].

---

[1] *Солтан В.* Очерк военных действий в Дагестане в 1852 и 1853 гг. // КС. 1886. Т. 9. С. 504.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 410.

[3] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 231.

[4] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 20/IX-1853 г.// РА. 1890. Кн. 1, № 4. С. 465. В переводе одной неизданной арабской рукописи, находящемся в руках автора, приведено письмо Шамиля к шейху Джемал ад-Дину, датированное 4 зульхиджа 1269 г. (27 августа 1853 г.). В этом письме имам сообщает, что во время сражения у Закатал «...многие жители Гулада [Голота — собирательное название селений Джаро-Белоканского союза. — *Н.П.*]... пробрались в этот город [Закаталы. — *Н.П.*] в надежде в нем спастись от грозящей опасности, некоторые же... пришли к нам и некоторые скрылись в лесу, и долгое время оставались там, не зная, чем окончится это сражение». Если письмо не апокриф, то это ценное свидетельство самого имама о настроениях джарских лезгин. В основном оно подтверждает приведенное выше замечание Мухаммеда-Тахира. Отметим, кстати, что даты, приводимые в письме, не расходятся с датами официальных донесений. Так, начало осады Закатал указано 2 зульхиджа 1269 г. (25 августа 1853 г.).

Это обстоятельство разрушило все расчеты имама. И в самом деле, уже 31 августа Даниэль-бек был отбит от Белокан, а Шамилю пришлось отойти от Закатал. Кончилась неудачей и попытка захвата Мессельдигерского укрепления: штурм его 4 сентября был отбит. А подход отряда Орбелиани вынудил Шамиля отступить на перевалы главного хребта. Надежды идти на Тифлис, чтобы там соединиться с султаном, если даже эти надежды действительно были у Шамиля, рухнули. Нигде так не обнаружилось все бессилие мюридизма пятидесятых годов, как в этом закатальском походе. Без поддержки со стороны местного населения, без восстания имам не мог рассчитывать на успех. И опять повторилось то же, что мы не раз наблюдали в эпоху развала имамата: войска имама были разбиты и отброшены обратно в горы. Первая попытка объединенных действий мюридов с турками потерпела крах.

Однако нельзя отрицать другого значения лезгинского похода. Русским войскам удалось отбросить Шамиля в горы, не допустить соединения его с турками, но для этого царское командование должно было усилить свои войска в Закавказье. На это обстоятельство в свое время обратил внимание К.Маркс: «Если верить французским газетам, — писал он, — то Шамиль порядком-таки помял русских и угрожает даже Тифлису, а Воронцов будто бы написал своему правительству, что он без значительных подкреплений не сможет удержать Грузии ввиду того, что ему угрожают с двух сторон»[1]. Как видим, сведения Реада проникали и в западноевропейскую прессу.

Переговоры с султаном

Немного спустя, едва ли не в самый момент объявления войны, мы снова сталкиваемся с фактом переписки между султаном и имамом[2]. «Несколько дней назад, — пишет Врангель 15 октября, — Шамиль получил от султана посольство с просьбой начать военные действия и вследствие того собирает огромную партию»[3]. В Калуге, беседуя с Руновским, Шамиль рассказал, что «при самом начале войны он получил предложение приготовиться к встрече союзных войск и к соединению с ними в Имеретии»[4] и на это предложение ответил согласием. А уже в декабре 1853 г. у того же Врангеля были более точные сведения: «В начале декабря

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 527.

[2] *Переписка Шамиля и его окружения с Турцией опубликована в след. изданиях: Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Тбилиси, 1953. С. 516—528; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-х — 50-х гг. XIX в. /Сост. Гаджиев В.Г., Рамазанов Х.Х. Махачкала, 1959. С. 779 и др. — В.Г.*

[3] Рапорт генерала А.Е.Врангеля исполняющему должность начальника Главного штаба от 15/X-1853 г., № 2071 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 551.

[4] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 288.

месяца [1853 г. — *Н.П.*] все наибы племен, признающих власть Шамиля, призваны в Ведено для совещаний об открытии решительных военных действий, преимущественно против левого фланга Кавказской линии и Кумыкской плоскости. Совещание длилось более двух недель и окончательное решение его еще неизвестно»[1]. Но выступление на этот раз не состоялось, и до 1854 г. ничего серьезного имам не предпринимает.

Впрочем, положение на Кавказе продолжало оставаться очень напряженным. По одному из свидетельств, «...осенью 1853 г. вся восточная часть Кавказа подобно огромному пороховому погребу ожидала только искры, чтобы произвести взрыв», а весной 1854 г. «...Дагестан был зрел к восстанию. Кумыкская плоскость, Чечня, Владикавказский округ, Кабарда, все было бы увлечено малейшим успехом имама в каком-либо пункте»[2]. Могло бы быть увлечено, но увлечено не было. И это-то и поражало наблюдателей. В самом деле, в конце 1853 г. и в начале 1854 г. имам не сидел сложа руки. Мелкие набеги идут в Чечне весь август: горцы нападают последовательно на Баташ Юрт, затем на Новую Атагу. В сентябре — на Кади Юрт и Гельдыген. В августе же сугратлинский наиб попытался (хотя и неудачно) проникнуть в Казикумух[3]. Это были демонстрации, отвлекавшие внимание кавказского командования от направления основного удара — на Закаталы. Но в декабре 1853 г. имам сделал попытку заселить Ханкальское ущелье и тем создать себе надежный опорный пункт для действий против левого фланга Кавказской линии. Попытка не удалась. После небольшого первоначального успеха наиб Талгик был разбит. Чечня не реагировала на эти действия имама. Больше того, Воронцов даже писал Ермолову: «Неприятель потерял более 300 чел. и вся Чечня находится в унынии»[4].

Между тем, внимательное чтение официального донесения не показывает, чтобы поражение Талгика было особенно серьезным. Во всяком случае, все чувствовали, что 1840 г. ушел уже далеко. Так же мало ощущалась в Чечне и потеря Шамилем редута, выстроенного около аула Сати Юрт, и самого аула, взятых 12 июля 1854 г. Л.П.Николаи.

Не здесь решался вопрос, это было ясно. Но все яснее и яснее становилось и другое: вопрос о судьбе имамата будет решаться не имаматом. Впрочем, Шамиль предпринял еще одну попытку принять участие в этом решении.

---

[1] Рапорт А.Е.Врангеля М.С.Воронцову от 22/XII-1853 г., № 2543 // АКАК. 1885. Т. 10. С. 555.

[2] *Николаи Л.П.* Бой под Истису // Газ. «Кавказ». 1874. № 99.

[3] Подробнее об этих мелких стычках см.: АКАК. 1885. Т. 10. С. 549—554.

[4] Письмо М.С.Воронцова А.П.Ермолову от 24/XII-1853 г. // РА. 1890. Кн. 1, № 4. С. 467.

Поход в Кахетию

Летом же 1854 г. происходит второе выступление имама с целью поддержки турецкой армии. Вот что пишет об этом выступлении Гаджи-Али: «Шамиль давно собирался предпринять поход в Грузию, склоняясь на просьбы жителей Цунтала и Тиндала, отцы которых прежде были во вражде с грузинами, однако же он не мог двинуться туда, потому что русские отвлекали его. В 1270 г.[1] турецкий Омар паша, достигнув Кутаиса, прислал к Шамилю письмо, чтобы он всеми силами пришел соединиться с ним. Шамиль выступил с 15000 человек и тремя орудиями из Дарго»[2].

Таким образом, в рассказе Гаджи-Али перед нами выступают две причины кахетинского похода Шамиля: одна, непосредственная, — приглашение Омар-паши, другая, более далекая, — просьба жителей Цунта и Тинда. Очевидно, и в действительности речь шла не только о поддержке турок. По-видимому, популярность похода среди наибов требовала чего-то большего, нежели просто военных действий, согласованных с действиями султанских армий. Это «большее» были воспоминания о набегах аварских феодалов на Грузию. И то обстоятельство, что связь кахетинского похода 1854 г. с «рыцарскими подвигами» аварских ханов поставлена Гаджи-Али в число первоначальных причин похода, а просьба турок оказалась только толчком, весьма интересно. Это показывает, что верхушка имамата выдвинула в данном случае свое стремление к обогащению на первый план, что она скорее была готова пожертвовать интересами своего государства, даже поставить на карту самое его существование, но не пропустить возможности обогащения.

В числе бумаг, имеющихся в деле с дневниками Руновского, есть перевод арабской поэмы, сочиненной Шаабаном Талий и воспевающей кахетинский поход. Поэма эта начинается с длинного восхваления набегов на Грузию, производившихся аварскими феодалами, а затем переходит к походу Шамиля. Имам восхваляется здесь как достойный преемник прежних предводителей, описывается богатая добыча, захваченная в Грузии, и т.п. И нет ни одного слова ни о религиозных, ни о политических задачах похо-

[1] Год хиджры. 4 октября 1853 г. — 23 сентября 1854 г., нового стиля.

[2] *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. С. 45—46. Впрочем, Абд ар-Рахман, сын Джемал ад-Дина, излагает события иначе: Шамиль якобы получил сведения от своих шпионов в Грузии, что Омар-паша уже вступил в Грузию и направляется к Дагестану. Но, придя в Дидо, имам узнал, что известия неверны, и хотел отступать. Однако наибы запротестовали, заявив, «что они не хотят возвращения с дороги без добычи». Тогда армия двинулась на Алазань. См. Записки Абд ар-Рахмана в Рукописном отделе библиотеки Института востоковедения АН СССР. Арабский текст. С. 178—179.

да. В поэме поход рассматривается как обычный набег[1]. Нельзя сомневаться в том, что представители аульской верхушки иначе и не рассматривали это предприятие.

В результате этой ярко выраженной тенденции весь кахетинский поход превратился в простой налет с целью грабежа. Мюриды захватили селение Шильды и 4—5 июля произвели большой рейд за р.Алазань. Войскам имама посчастливилось, и все ближайшие грузинские деревни были ограблены, взято было много пленных. Среди них оказались, между прочим, княгини Чавчавадзе и Орбелиани. В 1855 г. они были обменены на старшего сына Шамиля, Джемал ад-Дина. «Затем, — пишет Мухаммед-Тахир, — они начали выкупать своих детей одного за другим за деньги настолько большие, что даже говорили, что не осталось вовсе денег в Грузии»[2]. На самом деле, разумеется, все было далеко не так страшно, хотя, действительно, добыча была богатая и армии имама в тот же день, 5 июля, удалось уйти в горы, избежав столкновения с русскими войсками.

Сам Шамиль объяснял свое отступление из Кахетии и прекращение активных действий в дальнейшем совершенно иначе. Судя по его рассказу, он входил в сношения с карским пашой еще до кахетинского похода и, начав выступление, чтобы соединиться с турками, отправил паше письмо. В ожидании ответа имам остановился на перевалах главного хребта, выслав вперед лишь своего сына Гази-Мухаммеда с конницей. В это-то время имам «получил ответ, содержание которого было оскорбительно»[3]: его третировали как подчиненного. И Шамиль повернул назад в горы. Вряд ли можно считать это объяснение достаточным. Личная обида имама

[1] Поэма датирована 12 числа месяца джумади ал-авваль 1274 года хиджры (16 декабря 1857 г.) // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 178.

[2] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 236.

[3] ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 289. Среди уже упоминавшихся нами писем, собранных в Дагестанском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы, есть одно надежное для описываемых событий, но, к сожалению, датированное очень неполно. Исходит оно от Шамиля. Имам сообщает, что к нему прибыл посланный с письмом султана, и продолжает: «Мы выступили во главе мусульманского войска... и остановились на границах Грузии. Мы ожидали вас, думая, что вы придете, и смотрели на все четыре стороны, но после того, как вы не подошли, мы не стали ожидать вас и вступили в бой с гяурами. Мы забрали у них пленных и заняли много крепостей». Письмо без номера, цитировано по приложенному к нему переводу. К сожалению, датировано оно странно. Года нет, указан 10-й день 8 месяца. Но восьмой месяц — это шабан. В интересующее нас время он приходился: в 1853 г. на май—июнь, в 1854 г. — на апрель—май. Между тем, по содержанию можно было бы предположить, что письмо написано либо после закатальского, либо после кахетинского походов и указывает на обманутые надежды имама соединиться с турецкой армией. *Такого рода документы опубликованы в сборнике «Шамиль — ставленник султанской Турции...». С. 520—523. — В.Г.*

не могла так существенно изменить хода событий. Однако принять во внимание его заявление все же нужно. Шамиль и его окружение думали о помоши Турции имамату, а турецкая администрация прямо поставила вопрос о полном подчинении. Такое подчинение Турции, реально означавшее к тому же зависимость от Англии и Франции, было далеко от свободолюбивой мечты горцев.

Вряд ли этот набег поднял автортет имама в Дагестане. Рассказ Гаджи-Али, подчеркивающего стремления аульской верхушки к обогащению и отмечающего гибельное влияние этих тенденций на самое существование имамата, вовсе не производит благоприятного впечатления. Наоборот, автор указывает на трусость и жадность наибов, грабивших Грузию, и приводит письма, которыми якобы обменялся Шамиль с турецким командованием. Письма эти вовсе не стремятся оправдать Шамиля, и факт помещения их Гаджи-Али в свою работу свидетельствует именно о неодобрительном отношении автора к системе действий аульской верхушки.

«Злополучное сражение»

Мухаммед-Тахир, разбирая причины падения имамата, также останавливается на этом походе: «Я даже слышал, как имам, когда он был в Ишичали, толковал в одной из своих речей это сражение в Грузии как злополучное сражение»[1]. Здесь уместно напомнить оценку, данную Марксом военным действиям на Кавказе в 1855 г.: «...грозные черкесы, как и все дикие и независимые горцы, по-видимому, очень довольны отступлением походных русских колонн из их долин и не выражают никакого желания спускаться в долину, кроме как для разбойничьих налетов. Они умеют сражаться только на своей собственной земле, и, кроме того, перспектива присоединения к Турции очень мало их воодушевляет»[2]. На Северо-Западном Кавказе это сказалось в провале проектов Сефер-бей Зана собрать черкесское ополчение для движения в Сухум на поддержку турецкой армии, на Северо-Восточном Кавказе — в равнодушии масс к кахетинскому походу, в неблагоприятности кахетинского газавата и в обиде Шамиля на повелительный тон турецких писем.

После кахетинского похода продолжаются мелкие набеги и столкновения в Чечне. В сентябре шамилевский наиб Каир-бек сделал попытку внезапного нападения на Эндери. Но в пятидесятых годах население этого богатого торгового аула уже слишком тесно было связано с русскими поселениями. Оно само оказало решительное сопротивление. Нападение было отбито. Одновременно с этим Шамиль, приехавший прямо из Кахетии в Чечню,

[1] Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. С. 241.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 10. С. 525.

находился в Шали и выбирал пункт для нового удара по левому флангу Кавказской линии. В качестве такого пункта он наметил укрепленный аул Истису. 3 октября он внезапно появился у аула и начал его штурм. Укрепления частью были взяты, частью же находились накануне падения, когда на выручку подошел Л.П.Николаи. Имам отошел, не добившись успеха[1]. Попытка Гази-Мухаммеда сделать набег на Малую Чечню также кончилась неудачей. Несмотря на очень, казалось, напряженное положение, всеобщего восстания не происходило. Имамат оказался теперь слишком слабым, чтобы добиться его.

Более того, зимой 1854—1855 г. русским войскам удалось не только продолжить рубку леса в Чечне, но и нанести несколько коротких ударов Шамилю. 4 января взято было шамилевское укрепление Шуаиб-капа, а 6 января истреблены аулы по Джалке[2]. Ни Крымская война, ни смелые шамилевские вторжения в Грузию, ни, наконец, предприятия имама в самой Чечне не могли спасти последнюю от медленно, но верно приближавшегося падения ее обороноспособности. Для имамата это было печальным предзнаменованием. И, наконец, крайне неудачным для Шамиля временем оказались сентябрь—октябрь 1855 г. В самом деле, после того, как кавказское командование получило ряд известий о разных проектах Шамиля напасть на Лезгинскую линию, 2 сентября Гази-Мухаммед атаковал форт Мухахи и несколько селений, но был отбит и в тот же день ушел в горы[3]. Октябрь принес еще большее разочарование имаму. В этом месяце вспыхнули, наконец, столь долгожданные волнения в Табасарани. Но имам оказался совершенно бессилен оказать табасаранцам помощь.

Экспедиция Орбелиани прошла по восставшим аулам с 25 октября по 1 ноября. К 10 ноября все было окончено[4]. Даже тогда, когда в Дагестане восстание все же началось, оно уже не имело сил для распространения. На каждом шагу чувствовалось теперь, что пятидесятые годы — не сороковые и даже не тридцатые. Чувствовалось, что и имам не тот, каким он был в боевые дни 1843 г. Условия, казалось, теперь были более благоприятны: громадная империя занята тяжелой войной, с Кавказа взято большинство военных сил. И тем не менее добиться успеха имам не может.

Нам кажется, что разгадка лежит, во-первых, в общей слабости имамата, порожденной и ростом связей гор с Россией, и эксплуататорской политикой администрации Шамиля. Во-вторых, обстановка только казалась благоприятной. И сам имам, и горцы не могли ждать хорошего от турецких успехов. Ни Турция, ни,

---

[1] *Николаи Л.П.* Бой под Истису // Газ. «Кавказ». 1874. № 99.

[2] Там же.

[3] *Солтан В.* Обзор событий в Дагестане в 1855 и 1856 гг. // КС. 1888. Т. 12. С. 491.

[4] Там же.

тем более, Англия и Франция не были бескорыстны, и это теперь обнаружилось наглядно. Шамиль, уже будучи в плену, упоминал об этом Романовскому: «Вы сами говорите, что в 1853 и 1854 гг. я беспокоил Вас довольно, но вместо всякой благодарности я получал из Константинополя замечания, что делаю свои нападения не во время или не туда, куда следует. Вследствие того, в 1855 году я ограничился только уведомлением в Константинополь о полной готовности моей безотлагательно двинуться тогда и туда, куда мне будет указано, но что до получения этого приказания ограничусь сборами и сам никуда не двинусь. Никаких указаний я после этого уже не получал, потому и вся моя деятельность в 1855 году ограничилась одними сборами»[1]. Откуда же у Шамиля такой, можно сказать, формальный подход к важнейшему для него вопросу, вопросу о выигрыше войны? Откуда этот упадок энергии, надежд, веры в будущее? Об этом ясно говорит весь тон цитаты: имам увидел, что с ним как с главою суверенного государства не считаются, что сохранить независимость с помощью Турции невозможно. Вместо российской губернии на Кавказе будет учрежден турецкий вилайет. И у имама, естественно, опустились руки.

Это ясно почувствовал Н.Н.Муравьев, когда писал: «При большей опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступили в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго, и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль, руководясь, быть может, подобными же мыслями, имел к союзникам нового рода едва ли не большее еще отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители союзники, хотя бы то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности»[2].

4. ГИБЕЛЬ

Развал имамата

Восточная война закончилась, не принеся ничего нового Восточному Кавказу. Надежды Шамиля на то, что турки поддержат имамат силой своего оружия, остались лишь надеждами. К моменту заключения Парижского мира Чечня и Дагестан оказались в том же положении, которое было еще перед войной. Но теперь отсрочка, данная имамату, прошла. На Северо-Восточный Кавказ

[1] *Романовский Д.И.* Генерал-фельдмаршал кн. А.И.Барятинский и Кавказская война //РС. 1881. Февр. С. 285. Прим.

[2] *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказом в 1855 г. Спб. Т. 1. С. 293. Цит. по: *Тарле В.Е.* Крымская война. М.; Л., 1944. Т. 2. С. 403.

царизмом вновь двинуты были крупные силы, с удвоенной энергией начавшие наступление. Некоторое влияние на успехи России оказало улучшение военной техники, и прежде всего введение нарезного оружия. Впрочем, нужно оговориться, этот последний момент не был фактором решающего порядка. Распад имамата ко второй половине пятидесятых годов зашел уже настолько далеко, что участь его была решена вне зависимости от того, из какого ружья, гладкоствольного или нарезного, стрелял русский солдат. Нарезное оружие помогло только добить остатки державы Шамиля с меньшими, может быть, потерями.

Уже в 1856 г. развал имамата ясно ощущается его руководителями. Разногласия, несколько стихшие одно время в связи с Восточной войной, теперь вспыхивают с удвоенной силой. Показателем их было и то, что молодежь начала поговаривать о замене старого имама молодым — факт, о котором мы уже упоминали. В то же время появляются произведения, критикующие политику Шамиля. О двух из них упоминает А.Руновский. По его словам, Идрис «сочинил стихи, в которых выставлены все слабые стороны Шамиля и его управления, а также и слабые стороны его сыновей. Подобного же рода стихи сочинил и Хаджи Алиляу»[1]. Наконец, ближайшие советники даже советуют Шамилю «прекратить газават», т.е. сдаться. Даниэль-бек, выступивший с широкими проектами во время Восточной войны, теперь оказывается сторонником сдачи. Впрочем, первое свое слово Даниэль-бек сказал только в 1856 г., после занятия Буртуная, и притом тогда уже, когда удостоверился, что слово это прежде него было произнесено стариком Джемал ад-Дином, двумя старшими сыновьями Шамиля и другими людьми, мнением которых Шамиль дорожил[2].

Наконец, дело доходит до прямой измены. Даниэль-бек опять возобновляет переговоры с царским командованием, предлагая порвать с Шамилем и передать царским войскам руководимую им область. На тот же путь вступает и Кибит-Магома. Руновский записал в своем дневнике: «Имам получил в 1856 г. неопровержимые доказательства сношений Кибит-Магома с русскими через ген.м. Агалар хана Казикумухского»[3]. Кибит-Магома был вызван в Дарго и оставлен при Шамиле под надзором. Однако этим дело, очевидно, не ограничилось: «Тилитлинский кадий, Кибит Магома, — пишет один из царских военных авторов, — смещенный Шамилем с наибства по подозрению в сношениях с нами и лишенный с двумя своими братьями всего своего имущества, но не утративший значения и сильного влияния в народе, пылал мщением к своему гонителю и тайно возбуждал среди гидатлинцев и тилитлинцев неудовольствие против имама. Эти сведения передавались

[1] Дневник А.Руновского // ЦВИА ВУА. Д. 1293. Ч. 1. Л. 180.
[2] Там же. Ч. 2. Л. 56, 56 об.
[3] Там же. Л. 7 об. Опубл. в: АКАК. 1904. Т. 12. С. 1396.

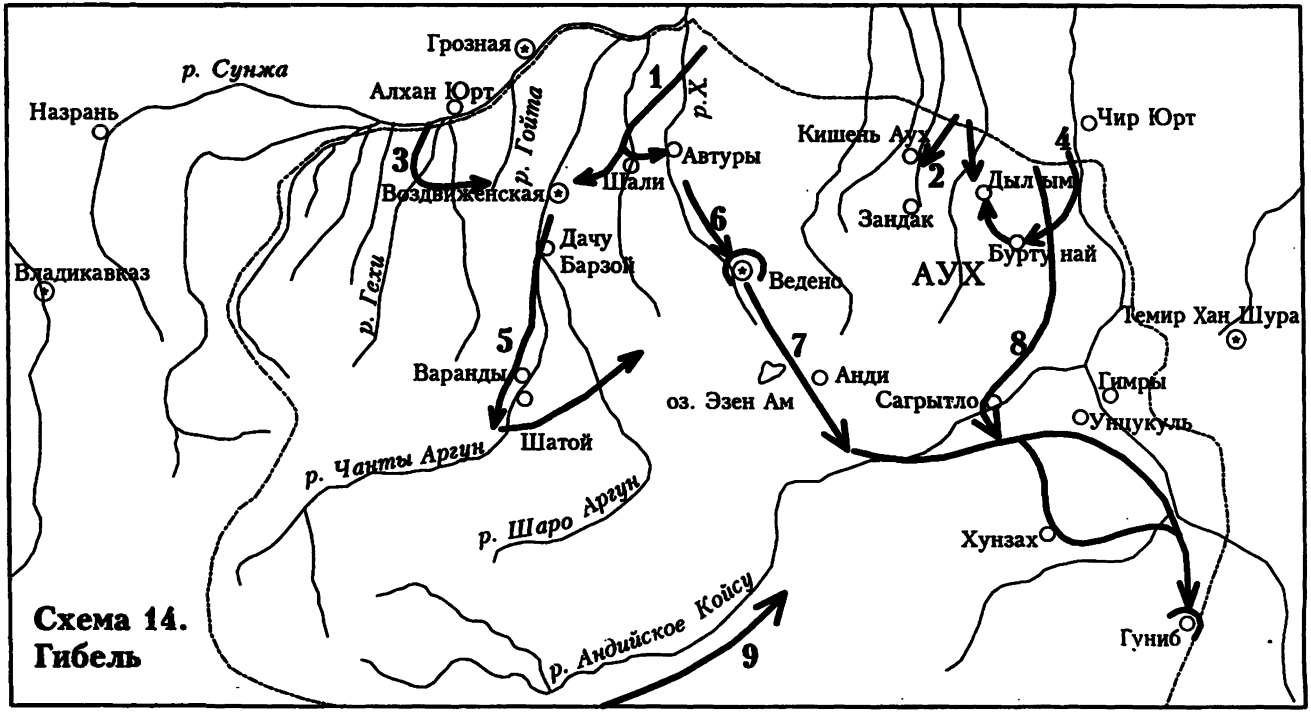

Схема 14.
Гибель

р. Х. - р.Хулхулау

——— действия русской армии

– – – – действия горцев

——— границы имамата

⊛ крепости

○ населенные пункты

..... границы территорий

14. Действия противоборствующих сторон

1. Евдокимов I - III.1857.
2. Евдокимов I - III.1857.
3. Евдокимов I - III.1857.
4. Евдокимов X - XI.1857.
5. Евдокимов I, VII - VIII.1858.
6. Евдокимов 7.II - 1.IV.1859.
7. Барятинский, Евдокимов 14.VII - 25.VIII.1859
8. Врангель VII - 25.VIII.1859.
9. Меликов VII.1859.

князю Орбелиани посредством преданных Кибит Магома людей, которые обещали от имени своего доверителя, в случае появления наших войск в Андалале, общую покорность жителей и верное их содействие»[1]. Как ухватилось бы царское командование за такое предложение пятнадцать лет назад! Но теперь, когда судьба имамата была уже явно решена, царизм не хотел рисковать, и войска его в Андалале не появлялись. Царское командование предпочитало действовать со стороны Чечни, давно переставшей быть опорой Шамиля; оно великолепно понимало, что означал чеченский хлеб для дагестанцев.

Вот почему в годы, непосредственно последовавшие за заключением мира с Турцией, все внимание как России, так и Шамиля было направлено на борьбу за обладание Чечней. А как раз здесь-то имамат чувствует себя особенно слабым. Большинство чеченцев явно не хочет сражаться, постоянная армия из муртазеков, хотя и организованная в боевые единицы и снабженная артиллерией, оказывается обладающей значительно более низкими боевыми качествами, чем прежние нестройные, но воодушевленные борьбой за независимость «скопища», как их презрительно называли царские генералы, чеченского ополчения.

Вторжения в Чечню в 1857 г.

С плоскостью Малой Чечни царизм покончил еще до Крымской войны: часть малочеченцев была завоевана, часть ушла в горы. Теперь, с 1857 г., начинается та же политика и с плоскостью Большой Чечни. Царизм применял и здесь прежнюю тактику уничтожения посевов и систематической рубки лесов.

Весь январь 1857 г. Чеченский и Кумыкский отряды рубят просеки и истребляют леса в долине р.Хулхулау, подготавливая тем самым доступ внутрь Большечеченской плоскости. Одновременно с этим уничтожаются сады и сжигаются аулы. В марте Чеченский отряд соединяет просеками Шали с Воздвиженским и Автурами. В то же время здесь устраивается Шалинский укрепленный лагерь. «Этот лагерь окружился широкими полянами, на которых подвижной резерв будет действовать в продолжение лета и окончательно тем утвердит за нами пространство от Аргуня до Хулхулау», — писал Н.И.Евдокимов[2].

Одновременно с этим Кумыкский отряд предпринимает экспедицию в Ауховское общество. Здесь рубится просека к Кишень Ауху, открывающая доступ к полям. Наконец, идет рубка леса и в Малой Чечне. Расчистка гехинской просеки дает Евдокимову

[1] *Солтан В.* Обзор событий в Дагестане в 1855 и 1856 гг. // КС. 1888. Т. 12. С. 528.

[2] Журнал военных действий чеченского отряда, приложенный к рапорту Н.И.Евдокимова от 25/III-1857 г., № 442 //АКАК. 1904. Т. 12. С. 1035.

возможность опустошить поля тех из малочеченцев, которые еще не принесли покорности, скрываясь в горах.

Итоги зимней кампании были очень велики: «Вырубкой просек, произведенной ген.лейт. Евдокимовым в последнюю зиму, плоскость Большой Чечни, можно сказать, окончательно отторгнута от владений Шамиля... Действия... в сторону Ауха, уничтожение Гойтемировских ворот и вырубка здесь просеки имели весьма важный результат и доставили нам свободный доступ в Ауховское общество»[1].

Осенью идет подготовка к дальнейшему продвижению. 5 октября русские войска взяли Новый Буртунай, сильно укрепленный Шамилем еще в июле — августе. В ноябре предпринимается движение от Буртуная к Дылыму, сопровождаемое опять-таки рубкой просек и истреблением аулов. «Салатавия разорена и сожжена», — отмечает журнал военных действий[2]. С 10 ноября началась новая экспедиция в Аух. Ауховцы не выдержали и сдались, «принесли покорность».

Все это время не прекращаются движения Евдокимова в Большую Чечню. В результате большечеченцы оказались так же оттеснены со своей плоскости, как были оттеснены несколькими годами раньше малочеченцы. И, наконец, к концу 1857 г. с завоеванием плоскости Большой Чечни было покончено. Евдокимов отмечает в своем журнале, что 7 декабря к нему «:..явились депутаты от всего народонаселения долины Хулхулау с предложением принести покорность и переселиться в наши пределы»[3]. Это был уже крупнейший успех. Теперь имамат оказался целиком лишенным чеченской плоскости и был заперт в горах. Кавказское командование могло приступить к подготовке последнего решительного натиска. Будь в это время живо еще то движение, которое в 1840 г. возродило имамат, и сейчас успешное сопротивление было бы еще возможным. Но мы видели, что в 1857 г. ожидать возрождения прежнего энтузиазма было немыслимо. Против Шамиля работали и окрепшие экономические связи с Россией, и все возраставшая зависимость горцев от российского хлеба. Конец имамата был недалек.

Сдача Чечни

И, действительно, в 1858 г. Чечня начинает сдаваться. Первой идет Малая Чечня, жители которой еще в начале пятидесятых годов были загнаны русскими войсками в горные трущобы и об-

[1] Отношение А.И.Барятинского Н.О.Сухозанету от 1/V-1857 г., № 121 // АКАК. 1904. Т. 12. С. 1039.

[2] Журнал военных действий в Прикаспийском крае с 10 по 17 ноября 1857 г. // Там же. С. 1063.

[3] Журнал военных действий войск левого крыла Кавказской линии с 31/X по 17/XII 1857 г.// Там же.

речены на голод. В апреле 1858 г. сдаются гойтинцы и вслед за ними гехинцы. К середине апреля русское командование может окончательно заявить, что завоевание Малой Чечни им закончено. Правда, в мае происходит восстание горных общин назрановцев, но оно является лишь эпизодом, и мы лишь кратко остановимся на нем.

Официальная переписка выставляет два мотива этого восстания: приказ о поселении назрановцев большими аулами и совпавшая с этим по времени перепись[1]. Истинные мотивы лежат, конечно, гораздо глубже, а то, о чем гласят официальные документы, — не более чем повод. Настоящие причины восстания коренятся в экспроприации назранских земель для поселения казачьих станиц. Эти поселения разрезали Ингушетию на две совершенно обособленные части, нагорную и плоскостную. Назрановцы, ранее враждебные имаму, сделали теперь попытку связаться с Шамилем, но обессиленный имам не смог подойти к восставшим аулам, и те вскоре сдались царским войскам.

Занятие Аргунского ущелья

Между тем, в Большой Чечне дело быстро идет к полной ликвидации имамата. Царские войска ведут наступление по долине Аргуна. В январе Чеченский отряд занял выход из Аргунского ущелья на плоскость и у аула Дачу Барзой выстроил укрепление. Вместе с тем занята была и командовавшая ущельем гора Даргин-Дук. Но только в июле 1858 г. Евдокимов двинулся дальше вглубь чеченских земель. 4 июля он перешел Мескен-Дук и проник в Шатоевское общество. Предпринятое Евдокимовым занятие Аргунского ущелья было чрезвычайно рискованным актом. Анализируя положение, складывавшееся в результате этой операции, один из военных специалистов русской армии писал: «Нечем доказать, что положение наших войск на Аргуне — прочно; длинная, сдавленная громадными горами линия, с теснинами вместо сообщений, не обеспечивается и штабом Навагинского полка... На Варандинской поляне полк имеет с правой стороны многочисленных новых подданных, а с левой еще более многочисленных недругов»[2]. Весь вопрос теперь был в том, как поведут себя и «новые подданные», и «недруги». Следует заметить, что в горном Шатоевском обществе всегда были сильны антишамилевские настроения. История вступления русских войск в Шатой ярко свидетельствует о том, сколько ненависти к своему наибу Гамзат-Хаджи накопилось в чеченской крестьянской массе. 15 августа к Чеченскому отряду прибыл изменивший Шамилю чеченский наиб Дуба с сообщением, что чантинцы хотят принести покорность, но

[1] АКАК. 1904. Т. 12. С. 1081–1084.

[2] Письмо В.Я.Доливо-Добровольского Э.В.Бриммеру от 27 декабря 1858 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/13. Л. 4 об.

просят помочь им против Шамиля. К чантинцам послан был полковник Баженов. И вот что произошло 16 августа 1858 г.: «Взобравшись на гору Туллой-Лам, полк. Баженов сделал два пушечных выстрела, послуживших сигналом к восстанию чантинцев. Они толпами устремились на крепкий замок, где жил наиб Гамзат-Хаджи, взяли его силой, истребили мюридов и родственников наиба, захватили его пушку и значок. Гамзат один только успел убежать»[1]. Начавшееся в Шатое «...восстание быстро разлилось до пределов Грузии. Жители устремились с ожесточением на всех и на все, что олицетворяло в их глазах мюридизм... Во всех обществах, которые могли рассчитывать на поддержку с нашей стороны, народ стал резать без разбора начальников, поставленных от Шамиля, кадиев и мулл, присланных из Тавлии [Дагестана. — *Н.П.*], составляющих большинство мусульманской иерархии у горных чеченцев, и вообще людей тавлинского происхождения, находящихся в их стране»[2].

Русскому правительству, однако, вовсе не улыбался такой размах восстания. Царизм уничтожал власть имама, но он не желал действительного истребления аульской верхушки, великолепно сознавая, что с ней сговориться можно и что ее необходимо будет еще использовать для утверждения своего владычества в горах. Вот почему русское командование вдруг стало проявлять исключительную любовь к своим врагам, немедленно начав поиски полезных компромиссов, предоставляя защиту недавним неприятелям. И здесь опять-таки лучшим свидетелем новой тактики является официальная переписка. В цитированном выше рапорте генерал Евдокимов знакомит нас с подобной человеколюбивой деятельностью полковника Белика: «Полковник Белик, находясь посредине туземного населения, водворял порядок и устанавливал первые начала управления во вновь покоряющихся обществах; жертвы, преследуемые народом, искали у него убежища, и он успел спасти многих несчастных тавлинских ремесленников и нескольких духовных, и дал им средства возвратиться на родину»[3]. С первого же момента вступления своего в горную Чечню царизм почувствовал возможности использования руководства имамата в будущем и позаботился о спасении его. Приводившийся нами приказ, изданный в защиту шамилевской администрации, — только дальнейшее развитие той же идеи, какая положена была в основу деятельности полковника Белика в Шатое в 1858 г. А в 1860 г. Глиноецкий, путешествоваший по Дагестану, отметил следующую стадию этой политики: «...почти все лучшие шамилевские мюри-

[1] Рапорт Н.И.Евдокимова А.И.Барятинскому от 8/IX-1858 г., № 350 // АКАК. 1904. Т. 12. С. 1111.

[2] Там же.

[3] Там же.

ды находятся в настоящее время в милиции, окружающей ген.майора Лазарева»[1].

После сдачи большей части Чечни дальнейшее существование имамата становилось совершенно невозможным. В то же время пришли в действие и долго сдерживаемые центробежные силы, стремившиеся разорвать имамат. О выступлениях чеченского крестьянства мы уже говорили. Заметим лишь, что выступления эти далеко не ограничились Шатоевским обществом. Несколько позже, 5 апреля 1859 г., такую же картину можно было наблюдать в Чеберлое, откуда наиб также едва успел спастись. Изменяют имамату и такие его видные деятели, как Кибит-Магома и Даниэль-бек. Вообще, чувствуется полный развал государства. Это, разумеется, значительно облегчало русскому командованию задачу ликвидации имамата.

Взятие Ведено

Последнее более или менее серьезное сопротивление оказано было русским войскам у Ведено. Здесь с 1845 г. была столица Шамиля, и аул оказался хорошо укрепленным. После занятия аргунских обществ Евдокимов выступил в Большую Чечню, а оттуда — вверх по Хулхулау, к резиденции имама. 7 февраля 1859 г. войска подошли к Ведено, но до 17 марта они ограничивались разработкой дорог, подвозом провианта и приготовлениями к осаде. Лишь с этого дня была начата осада, и дни Ведено были сочтены. Распада шамилевской державы не могли задержать уже никакие укрепления. После штурма столица имамата была занята русскими войсками. Это произошло 1 апреля 1859 г. Чечня была завоевана целиком. Почти вслед за падением Ведено начинается поход на Дагестан.

Наступление 1859 г.

План А.И.Барятинского заключался в том, чтобы двинуться внутрь Дагестана тремя отрядами: Чеченским, который должен был действовать из Ичкерии через перевалы на Анди и Технуцал; Дагестанским, имевшим задачей движение от Мичикала в Гумбет; и, наконец, Лезгинским, направленным в Верхний Дагестан.

При господствовавших в Дагестане настроениях этот план мог быть вполне реальным. Но Барятинский из осторожности рассчитал его выполнение на 2 года, 1859 и 1860. Экспедиция началась 14 июля 1859 г. Чеченский отряд, при котором находился Барятинский, двинулся к озеру Эзен Ам и остановился здесь, рекогносцируя Анди и Технуцал. В то же время Лезгинский отряд

[1] *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан (из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г.) // ВС. 1862. Т. 23, февр. С. 392.

занял Капучинское общество в Верхнем Дагестане, а Дагестанский дошел до р.Андийское Койсу у переправы Сагрытло.

Уже 16 июля приступили к налаживанию переправы, которая значительно облегчалась крайней недостаточностью сил мюридов на правом берегу реки. Все силы Шамиля были сосредоточены выше по течению, против Чеченского отряда. Однако природные условия создали большие трудности для русских войск. Нужно было переправиться вплавь через бурную горную реку и доставить на другой берег конец каната. Все это — под выстрелами засевшей в пещере на правом берегу небольшой группы мюридов. Вызваны были охотники, которые справились с задачей, несмотря на ее крайнюю трудность: на правый берег выплыли не все, бросившиеся в воду. А закрепив канат, охотники без оружия и одежды должны были прятаться за камнями от пуль мюридов. Когда над Койсу повис канат, наладили переправу одиночных людей в люльке. Теперь на правом берегу накопился небольшой отряд, выбивший мюридов из их пещеры. Значительные отряды горцев стали появляться у Сагрытло лишь 17 июля. Но теперь через Койсу висел уже веревочный мост, и войска закрепились на берегу. Позиция, занятая Шамилем, была обойдена, войска двигались в Аварию и Койсубу. 22 июля оба эти общества сдались, 24 июля заняты были Кикуны (Уллу Кайя), 27 — Чох. Кибит-Магома явился в отряд с принесением покорности. Шамиль удалился в последний свой оплот, неприступное укрепление на горе Гуниб.

Проекты переговоров с Шамилем

Нужно сказать, что ни Петербург, ни кавказское главное командование даже во время этого похода не понимали еще всей степени развала имамата и очень боялись влияния на Кавказскую войну международного положения конца пятидесятых годов. Об этом говорили и в офицерских кругах: «Итальянская война, — писал Доливо-Добровольский Бриммеру, — волнующая всю Европу, или вернее народы Европы до того, что все берутся за оружие, легко может остановить ход кавказских дел»[1]. И в самом деле, «политический горизонт» не был ясен для царизма.

Дипломатические неудачи российского царизма заставили его торопиться с окончанием войны на Кавказе. Не дальше, как за месяц до сдачи Шамиля, царское правительство, получив сведения о возможности заключения мира с Шамилем, с плохо скрываемой радостью ухватилось за эту идею. Документы, опубликованные А.Зиссерманом в его биографии А.И.Барятинского и освещающие этот вопрос, настолько интересны, что мы приведем их здесь.

[1] Письмо В.Я.Доливо-Добровольского Э.В.Бриммеру от 20/VI-1859 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/13. Л. 5 об.

26 июля 1859 г. канцлер кн. Горчаков писал А.И.Барятинскому: «Дорогой князь, Шамиль имеет своего агента в Константинополе. Агент этот явился к князю Лобанову [послу в Турции. — *Н.П.*], выразил ему желание своего доверителя вступить в переговоры и спросил, входит ли в виды императорского правительства соглашение с Шамилем и на каких условиях. Е.и.в. приказал мне телеграфировать Лобанову, что он может выдать агенту Шамиля пропуск в Тифлис и что вы имеете столь широкие полномочия... что можете войти с агентом в соглашение. Лобанов уведомит, конечно, вас непосредственно о последствиях этого важного обстоятельства. Политический горизонт, дорогой князь, далеко не ясен. Свидание в Вилла Франке может привести к новым комбинациям, исход которых пока никому предвидеть нельзя. Весьма возможно, что Цюрихские переговоры будут иметь последствием конгресс или европейскую конференцию, которая займется разрешением весьма важных вопросов, касающихся всеобщего равновесия и взаимных отношений великих держав. **Если бы вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы, достигнув этого без жертв кровью и деньгами. Во всех отношениях момент этот чрезвычайно важен для нас, дорогой князь.** Никто не призван оказать России большую услугу, как та, которая представляется теперь вам»[1].

Не менее определенно высказывался в пользу соглашения с Шамилем и военный министр Н.О.Сухозанет. «Конечно, не мне судить, — писал он, — на каких условиях сие допустить можно, дабы не только обеспечиться от Шамиля и его мюридов, но и в будущей верности и покорности бывших поныне враждебных нам народов. Не менее того дозволяю себе выразить убеждение мое, что ни в какое время подобное событие не могло иметь того **благотворного влияния для пользы государства, как во внешних, так и внутренних отношениях**... ваша преданность к государю и ваша прозорливость о степени услуги, которую вы можете принести России, внушит вам желание предпочесть **благодетельные плоды примирения славным военным подвигам**»[2]. В Петербурге определенно опасались, чтобы «славные военные подвиги» Барятинского не закончились так же, как в 1842 г. закончилась экспедиция Граббе, а в 1845 г. — Воронцова.

И сам Барятинский сильно преувеличивал силу имамата. Мы указывали уже, что развал «державы Шамиля» летом 1859 г. был полный: сопротивляться наступлению русских войск она не могла. А между тем, как видно из рассказа того же Зиссермана, Барятинский долгое время считал необходимым в 1859 г. ограни-

[1] *Зиссерман А.* Фельдмаршал князь А.И.Барятинский // РА. 1889. № 4. С. 509 (выделено мною. — *Н.П.*).

[2] Там же. С. 510 (выделено мною. — *Н.П.*).

чить наступление только линией Андийского Койсу и не двигаться дальше. Даже тогда, когда русские войска овладели переправами через эту реку и создалась возможность занятия Аварии, Барятинский сильно колебался. Дело дошло до того, что он отдал два диаметрально противоположных приказа: один **письменный** — укрепиться по линии Андийского Койсу, а другой **устный** (через одного из офицеров) — наступать в Аварию[1]. Совершенно ясно, что главнокомандующий боялся наступления и письменным приказом думал оградить себя от ответственности, свалив в случае неудачи вину на подчиненных, плохо понявших устный приказ.

Гуниб

Но неудачи не случилось. Шамиль, рассчитывая еще на счастливый поворот, ушел, как мы говорили, на укрепленную вершину Гуниба. Дагестанский отряд подошел к Гунибу и начал его блокаду 10 августа. Гора круто, почти отвесно, обрывалась со всех сторон, и только в одном месте на вершину ее вела узкая тропинка, защищенная завалами. Штурм обещал быть очень кровопролитным, а уверенность в его успехе отсутствовала. 19 августа Барятинский начал с Шамилем переговоры о сдаче. Имам тянул их, рассчитывая выиграть время. Джемал ад-Дин, который после сдачи Даниэль-бека был уже в лагере Барятинского, принял участие в этих переговорах, написав Шамилю письмо «с убеждением к принесению покорности без кровопролития»[2]. Наконец, 23 августа переговоры были прерваны, т.к. Шамиль ставил условия, неприемлемые для Барятинского. С этого дня начались приготовления к штурму. У имама на Гунибе в этот момент «оставалось не более 400 человек самых преданных мюридов, в том числе 30 русских»[3]. Большая часть их защищала единственную тропинку, которая вела наверх. Но в ночь на 25 августа, вооружившись лестницами и веревками, солдаты со всех сторон полезли на отвесные обрывы Гуниба. К утру сначала в одном, а затем и в других местах на вершине появились атакующие. Небольшие охранительные отряды мюридов были перебиты, и войска окружили аул Гуниб, где находился Шамиль. Мюриды, защищавшие тропинку, были отрезаны от аула, окружены. Тогда «...они ринулись со скал на растянувшихся ширванцев, сделали по выстрелу из всего наличного оружия и пошли в рукопашную, в этой отчаянной и смертной схватке они били наших прикладами ружей, переломали их, принялись за шашки и кинжалы и погибли до последнего на штыках озлобленных солдат. Некоторые выбирали

---

[1] Там же. № 3. С. 468—469.

[2] Письмо это в арабском подлиннике и в русском переводе сохранилось в архиве Евдокимова (ЦВИА ВУА. Д. 6696. Л. 98 об., 99).

[3] Письмо В.Я.Доливо-Добровольского Э.В.Бриммеру от 12/IX-1859 г. // ААН СССР. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/13. Л. 6 об.

себе другую смерть — с шашкой и кинжалом в руках они бросались с обрыва и разбивались... Здесь дрались и русские мюриды, но, к несчастию, из них 8 человек были взяты живыми»[1]. Окруженный в беззащитном, неукрепленном ауле, не имевший уже армии, видя полную безвыходность положения, Шамиль сдался 25 августа 1859 г. Этот момент и считается заключительным в истории имамата.

Ликвидация имамата освободила царские войска для наступления на Северо-Западный Кавказ, т.е. фактически предрешила судьбу всех кавказских горцев. В 1861 г. царизм сломил сопротивление адыгов, закончив, таким образом, покорение Кавказа.

Заключение

За те 29 лет, которые протекли с момента первого выступления Гази-Мухаммеда, и 19 лет со времени чеченского восстания 1840 г. имамат успел окончательно изжить себя. Господство аульской верхушки, использовавшей в своих целях крестьянское движение, привело к изменению отношений в горском ауле. Особенно заметно это было в Чечне, где во времена имамата быстрыми темпами развивалась экспроприация родовых земель и устанавливалась власть сильных родов над слабыми. Лицо Чечни за время имамата заметно изменилось, разложение родовых отношений двинулось далеко вперед. И нет ничего удивительного в том, что царизм приложил все усилия, чтобы спасти шамилевскую администрацию и вообще аульскую верхушку от самосуда чеченской массы, а наместник на Кавказе генерал-фельдмаршал князь Барятинский даже подчеркнул в своем отчете полезную для царизма деятельность имамата в разрушении чеченского рода.

В своей колониальной политике, следуя давно установившемуся принципу, царизм опирался на прикармливание туземного дворянства, на «дворян третьего разбора». И так же точно нет ничего удивительного в том, что главами царской администрации в Чечне и Дагестане после 1859 г. выступают лица, хорошо знакомые нам как наибы Шамиля. Аульская верхушка сумела использовать массовое крестьянское движение для закабаления этой самой массы, а затем передала горское крестьянство в руки царизма, чтобы эксплуатировать его, пользуясь не только родовым авторитетом, но и поддержкой царского штыка.

[1] Там же. Л. 10 об.—11.

Список употребляемых сокращений

ААН	–	Архив АН СССР, ныне Архив РАН
АКАК	–	Акты кавказской Археографической комиссии (Тифлис)
ВЖ	–	Военный журнал
ВС	–	Военный сборник
ВУА	–	Военно-учетный архив Главного штаба, ныне Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
ГАФКЭ	–	Государственный архив феодально-крепостнической эпохи, ныне Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
ДГСВК	–	Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сб. док. Сост. Гаджиев В.Г., Рамазанов Х.Х. Махачкала, 1959.
ИВ	–	Исторический вестник
ИЗ	–	Исторические записки
ИСб	–	Исторический сборник
КВО	–	Кавказский военный округ
КС	–	Кавказский сборник (Тифлис)
ЛОЦИА	–	Ленинградское отделение Центрального исторического архива, ныне Российский государственный исторический архив (РГИА)
НИИЯЛ	–	Чечено-Ингушский Научно-исследовательский институт языка и литературы
ОЗ	–	Отечественные записки
РА	–	Русский архив
РВ	–	Русский вестник
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГВИА	–	Российский государственный военно-исторический архив
РиП	–	Репертуар и Пантеон
РС	–	Русская старина
РСл	–	Русское слово
СМОМПК	–	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис, Махачкала)
ССОКГ	–	Сборник сведений о кавказских горцах (Тифлис)
ССОТО	–	Сборник сведений о терской области (Владикавказ)
ТСб	–	Терской сборник (Владикавказ)
УЗИИЯЛ	–	Ученые записки института истории, языка и литературы
ЦГАНХ	–	Центральный государственный архив народного хозяйства СССР, ныне Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
ЦВИА	–	Центральный военно-исторический архив, ныне Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
ЦГВИА	–	Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ныне Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Именной указатель

А.В. — 104

А.Д.Г. — 339

А.Е. — 122

А.К. — 180

А.М. — см. Бестужев-Марлинский А.А.

Абакар-Дибир (Абукар-кадий), наиб — 356, 358

Аббас Мирза — 133

Абд ал-Ваххаб аш-Шараний — 155, 163

Абд ал-Меджид, турецкий султан — 395

Абд ар-Рахман (Абдурахман, Абдуррахман), сын Джемал ад-Дина, зять Шамиля — 9, 12, 13, 77, 83, 85—87, 89, 91, 176, 188, 189, 348, 349, 351, 367, 382, 434, 464

Абд ар-Рахман ал-Джанкути ал-Кубраи — 245

Абд ар-Рахман ал-Карахи (Абдуррахман Карахский) — 247, 267, 345

Абд ар-Рахман-бек (Абдур-Рахман-бек) — 303—305, 320

Абдулла Казикумухский (Абдулла Цахкар), тесть Шамиля — 356, 358, 434

Абдуллахи — 157

Абдул Меджид, султан — 460

Абдул Разман — 257

Абдул-Хамид ибн-Абдаллах аш-Шекови — 82

Абдуррахман Дибир, наиб — 357, 359

Абу-Бекр — 158

Абукер-кадий — 300, 301

Абу-Муслим (Абдул Месселим, Абдул Мислем), сын шамхала Тарковского — 183, 192, 198, 320, 370, 424

Абу-Муслим Нуцал-хан (Абу-Султан Нусал-хан аварский) — 183

Авдурзах-бек, кадий — 214

Авко, участник чеченского восстания 1825 г. — 207, 212

Агалар, Агалар-хан Казикумухский — 392, 469

Адагум-кадий — 96

Адлерберг В.Ф., граф, министр двора — 262, 394

Азиза, жительница Черкея — 343

Акшипатой, фамилия — 40

Албек — 118

Алдам, наиб — 94

Алдам, наиб Итумкалинский — 361, 362

Алдамов Дзураб — 362

Алдамов Мажи, сын Алдама, наиба Итумкалинского — 361

Александр I — 130

Алексеев М.П. — 59

Али ал-Гульзани, кадий Ашильты — 254

Али ас-Салты — 85, 245

Али-бек Аварский — 251, 265, 267, 269, 390

Алико, подпоручик, унцукульский житель — 314

Алило, кадий — 268, 301, 302, 314

Алим — 83

Али Султан, подполковник — 379

Али Султан, ротмистр, владелец дер. Кака Шура — 312

Алли, наиб — 356

Аличу Магома (Махома) Тиндийский (Али чула) — 264, 270

Алишев Хамза, капитан, костиковский владелец — 111, 128

Али-Эскендер-бек (Алискандер бек, Алескендер бек) — 224

Алия — 215, 257

Альбура, племянник Хаджи-Мурата — 441
Альмогады — 347
Альморавиды — 347
Амалат(Умалат)-бек — 58, 135, 136, 205, 209
Амамишвили, старшина Ункрахского о-ва — 277
Амзат хан — 232
Амир-Гамза — 117
Амир-хан Чиркеевский (Амир-хан ал-Чиркави, Амирхан), секретарь Шамиля — 75—77, 84, 187, 331, 360, 366, 395, 420, 452
Ананов, подпоручик — 357—359, 369
д'Анкон — 122
Аносов, подпоручик, начальник гарнизона Унцукуля — 314
Аносов Н.С. — 134
Антропов, генерал-майор — 232
Апраксин П.М. — 117, 123
Аргутинский-Долгорукий М.З., генерал — 99, 305, 315, 320, 323, 328, 397, 422, 424—427, 438, 439, 441, 442, 451
Аслан-бек, брат Шах-Гирея — 214
Асланбек (Расланбек Айтемиров, Расламбек Айдемиров) — 119, 120
Аслан-кади цудахарский — 352
Аслан-хан Акушинский — 236
Аслан-хан Кюринский и Казикумухский (Казыкумукский) — 33, 89, 130—132, 134, 167, 168, 174, 176, 177, 180, 181, 187, 192, 200, 208, 210, 220, 236, 237, 249—253, 261, 265, 303
Атабай, наиб — 423, 435, 443
Атаров — 98
Ахверды, посланец ханши Пахубике — 239
Ахверды-Магома, наиб — 281, 282, 285, 289, 294, 297, 306, 307, 356—358, 364, 443
Ахмадов Ш.Б. — 130
Ахмед-хан Аварский — 135, 136, 224, 286—289, 295
Ахмед(Ахмет)-хан Мехтулинский — 210, 211, 261, 265, 276, 309
Ахтов — 415

Баженов, полковник — 475
Бай-Сулейман, андийский кадий — 294, 295
Бакланов Я.П. — 445, 446
Баков Кайтука, старшина дер. Куллар — 125
Бакунин, генерал — 289
Бала-хан Муртазалиев, табасаранский владетель — 216
Бамат, сын Шахмала — 379
Баматов Казбулат Тишиев, владелец Казанищенский — 128
Барабанов А.М. — 71, 79—82, 98, 157, 195, 196, 204, 227, 245, 247, 248, 282, 339, 425
Баранов — 377
Барятинский А.И., князь, наместник, генерал-фельдмаршал — 64, 69, 70, 387, 398, 406, 407, 427, 438, 443—452, 459, 468, 473, 475—480
Бата, наиб — 445—448
Батал-паша, турецкий главнокомандующий — 130
Батуко, наиб — 93, 94
Батырев, пристав — 136
Бахтамов И. — 11, 37
Бебутов В.О., князь — 69, 308, 309, 312, 381, 410, 415, 416, 426, 458
Бегидов, уздень — 104
Безбородко А.А., князь — 103
Бей-Булат (Бейбулат Таймиев) — 21, 22, 61, 139, 141—147, 183, 256, 363
Бекович Черкасский Ф.А., князь, генерал-майор — 137, 208, 209, 210, 276, 280
Бек Чанка — 255
Белик, полковник — 475
Бентковский — 105
Березин — 98

Берже А.П. — 11, 32, 35, 55, 73, 82, 194, 201
Бертельс — 166
Бестужев-Марлинский А.А. — 58, 59
Беха ад-Дин Накшбен ал-Бухари (Бахаддин Накшбанди Бухари, Бах ад-Дин Накшбенд, Баха уд-Дин Накшбенд Бухарский), основатель ордена Накшбенд — 19, 154, 155, 163
Бларамберг — 440
Боденштедт Ф. — 45—47, 50—52, 97, 98, 169, 171—174, 186, 222, 370
Боэтти, семья — 122
Боэтти Джованни Баттиста, итальянский авантюрист — 121—123
Брановский С., начальник стражи Гамзат-бека — 27, 28, 66, 226, 227, 230—232, 235, 236
Бриммер Э.В., генерал от артиллерии — 69, 474, 477, 479
Брискорн — 249
Броневский С.М. — 11, 35
Броссе Л. — 104
Буга ац Цудакари — 240, 243
Бук Мухаммед, наиб — 339, 444
Булат-Мирза, наиб — 297
Булач-хан, младший сын Пахубике — 84, 238, 239, 242, 244, 250—252, 338, 340, 440
Булгаков Я.И. — 121
Бутков П.Г. — 104, 118, 119, 122, 132
Бутурлин — 107
Бучкиев — 266
Бушуев С.К. — 66, 112, 237, 338
Бэддли Дж. — 97, 188
Бюрно — 424

Валк С.Н. — 3, 17
Вальковский (Вольховский) В.Д., генерал-майор — 219, 236, 237
Варнер — 28, 97, 98, 163, 226, 380
Великий лама, жрец Тибетский — 121
Вельяминов А.А., генерал — 115, 198, 218, 407
Вельяминов Р., воевода г. Терки — 117
Вердеревский Е.А. — 56
Верховский, полковник — 135, 205
Веселитский, подполковник — 314
Веселовский А.Н. — 155
Вешняков И.С., комендант Кизляра — 125
Видершаль Л. — 100
Виктор Амедей III — 122
Виноградов В.Б. — 16
Волконский Н.А. — 82, 95, 141, 142, 144, 147, 162, 174, 179, 181, 182, 186, 193, 194, 196, 199—201, 204, 208, 212, 214, 215, 217, 220, 221, 303, 348, 361, 420
Волконский П.М., князь, министр двора — 133
Вольф Н.И., генерал-лейтенант — 42, 52, 113, 305
Вольховский В.Д. см. Вальковский В.Д.
Воронов Н.И. — 11, 36
Воронцов А.Р., граф — 103
Воронцов М.С., князь, генерал от инфантерии, генерал-фельдмаршал, наместник — 6, 25, 51, 52, 55, 63, 66, 69, 80, 85, 149, 295, 332—334, 373, 381, 384, 385, 397, 401, 406—408, 410—419, 421—427, 432—434, 436, 437, 439—452, 461—463, 478
Врангель А.Е., генерал — 460, 462, 463
Вранкен А.К., генерал-майор — 27, 162, 181, 281, 305, 312, 313, 315, 316, 318, 319, 380, 381
Вревский И.А., барон, генерал — 390, 448, 460
Вреде, барон — 126, 131, 133, 134
Вучетич — 37
Вюстенфельд — 185

Вяземский А.А., князь — 103, 105

Габаев, пристав — 308

Гаджи(Хаджи)-Али Чохский, ученик Хаджи-Юсуфа — 43, 71, 72, 76—78, 80, 175, 185, 222, 223, 241, 255, 282, 304, 347, 353, 365, 369, 371, 390—392, 395, 398, 406, 409, 414, 421, 460, 464, 466

Гаджи Берцов, эфенди — 410

Гаджиев В.Г. — 6, 11, 14, 24, 26, 27, 71, 73, 86, 102, 130, 346, 462

Гаджи-Исмаил Ефендий см. Хаджи-Исмаил

Гаджи Казикумухский — 142

Гаджи Кази Магометов, посланец ханши Паху-бике — 243

Гаджи-Магомет, наиб — 359

Гаджи-Мамед-Наби-эфенди, сподвижник Хаджи-Исмаила — 166

Гаджи Мурат см. Хаджи-Мурат

Гаджи-Мухаммед ас-Сугратль — 24—25

Гаджи-Юсуф см. Хаджи-Юсуф

Гаджи-Юсуф Аксайский, мулла (эфенди) — 178

Гази, отец Маклача — 49

Гази-Мухаммед (Гази-Магомед, Гази-Магома, Гази Магомет, Гази Мулла, Кази Магома, Кази Магомед, Кази Могамед, Кази (Казы) Мугама, Кази Молла, Кази Мулла), первый имам Чечни и Дагестана — 11, 20, 33, 43, 45, 46, 48, 49, 51, 53, 62, 71, 78, 79, 85, 89, 90, 96, 98, 100, 117, 131, 145, 148, 150, 157, 162, 163, 172, 174—177, 180, 184—190, 192, 193, 195—201, 204—222, 224, 225, 231, 253, 258, 261, 279, 317, 320, 338, 352, 353, 391, 393, 394, 408, 480

Гази-Мухаммед (Гази-Магомед, Кази-Мухаммед, Кази Магома), сын Шамиля — 24, 78, 80, 392, 421, 422, 440, 448, 450, 451, 465, 467

Газияв ал-Анди — 266

Газияв ал-Карати — 247

Газрат-Баба, шейх — 436

Гайдар-бек, сподвижник Хаджи-Мурата — 96

Гаксфорт, генерал-лейтенант — 329

Галафеев А.В., генерал-лейтенант — 279, 282, 283, 285, 286

Галбац Дибир (Калвац Дебир, Кальвац Дибир, Кальвас, Гальбац), наиб — 294, 295, 299, 353, 358, 422, 443, 451, 452

Гамзат-бек (Гамзат ал-Хуцатли, Гамзад бек, Гамзет бек, Хамзат), второй имам Чечни и Дагестана — 20, 27, 28, 34, 43, 49, 50, 52, 56, 65, 78, 80, 84, 85, 176, 178, 184, 185, 192, 193, 198, 205, 208, 219, 222—227, 230—253, 258, 286, 340, 348, 381, 391

Гамзат-Хаджи, шатоевский наиб — 474, 475

Гамрикели В.Н. — 13

Ганьер — 122, 123

Гассан Буртунайский, наиб — 356

Гассан Гуссейн, кадий сел. Параул — 210

Гейтук — 363

Гелль О. де [Оммер] — 453

Генко А.Н. — 77, 92

Гераклий, грузинский царь — 121, 123

Гербер И.Г. — 11

Гизо, министр иностранных дел Франции — 66, 112, 226

Гильденштедт И.А. — 11, 31—32, 118

Гиха, наиб — 448

Глиноецкий Н. — 364, 475, 476

Голицын — 411

Головин Е.А., генерал от инфантерии — 42, 62, 63, 66, 264, 270—272, 277, 284, 286, 289,

298, 301, 302, 306, 309, 344, 401, 406, 442
Головин И. — 99, 100
Головчанский — 118, 119
Гольдциер — 155, 172, 173
Гордлевский В.А. — 163
Горихвостов, генерал — 28, 226
Горчаков, князь, канцлер — 478
Горчиев Сарки — 388
Граббе П.Х., граф, генерал-лейтенант — 56, 71, 93, 95, 271, 272, 276, 279, 281, 282, 284—286, 289, 297—299, 305, 306, 315, 328, 332, 373, 384, 401, 432, 453, 478
Граммотин, генерал — 438
Греков, генерал — 136, 141, 143, 144
Греков Б.Д., академик — 3, 17
Грибоедов А.С. — 60
Гудович — 130
Гудович И.В., граф, генерал-фельдмаршал — 104
Гурков В.И., генерал — 314, 317, 318
Гурьев Д.А., граф, министр финансов — 131
Гюль-Андаш-ханума, жена Мустафы-хана (ширванского) — 166, 168

Давид, царь — 264
Давлет-Гирей — 119
Далгат Б. — 16
Даниэль-бек, султан Элисуйский (Даниэль Султан), наиб — 78, 328, 329, 331, 339, 352, 397—399, 413—415, 424—426, 440, 448, 449, 452, 457, 461, 462, 469, 476, 479
Дебу И. — 33
Дементьев, капитан, начальник гарнизона Цатаныха — 315
Денгау-Магома, отец Шамиля — 185
Джавад-хан ад-Дарги (Джават-хан), чеченский наиб — 272, 281, 297, 298, 357, 364
Джамов-бек — 112, 322
Джеват-бек Казаров, подпоручик — 216
Джемал ад-Дин (Джемалудин, Джемал Эддин, Джемал Эден), шейх, секретарь Аслан-хана Казикумухского — 13, 20, 44, 46, 47, 56, 83, 86, 88—91, 154, 158, 159, 164, 165, 167—170, 173, 175—178, 181, 187—189, 192, 196, 258, 347, 348, 349, 434, 461, 464, 465, 469, 479
Джемал Чиркеевский — 264
Дибич И.И., граф, генерал-фельдмаршал — 168
Дингойшвили, правительствующая фамилия — 264
Диц, прусский посланник в Константинополе — 121
Дол, князь, сторонник шейха Мансура в Кабарде — 126
Долгоруков В.Я. — князь, военный министр — 458, 459
Доливо-Добровольский [Евдокимов] В.Я., граф — 69, 70, 474, 477, 479
Доногон — 94
Дорн Б.А., академик — 93, 409
Дроздов И. — 263, 381, 382
Дружинин Н.М., академик — 3, 17
Дуба, наиб — 416, 423, 474
Дубровин Н.Ф. — 46, 54, 74, 99, 124, 126, 162, 165, 174, 181, 182, 185, 188, 218, 374, 375, 378
Дюма А. — 333

Евдокимов, койсубулинский пристав — 301, 302
Евдокимов Н.И., генерал-лейтенант — 70, 301, 472—476, 479
Евецкий О. — 11, 35
Ежов — 4
Екатерина II — 107, 115, 118, 121, 132
Ермолов А.П., генерал от инфантерии — 7, 19, 61, 68, 70, 100, 103, 112, 131—134, 136, 137,

139, 140, 143–146, 177, 179–182, 278, 407, 409, 410–414, 418, 419, 421, 422, 424, 425, 437, 439, 442, 443, 445, 450, 461, 463

Жильцов, майор – 126
Жуков, астраханский губернатор – 120, 124, 125, 129

Завадовский Н.С. – 329, 330, 433, 444, 449
Заголов, член "Совета ученых" – 347
Загорский И., рядовой – 55, 357–359, 370
Зайцев – 314
Закревский А.А. – 69
Закс А.Б. – 94, 284, 364
Залетов, прапорщик, командир укр. Ахальги – 315
Зеегер К. – 100
Зиа ал-Дин-Халид см. Халид-Шах
Зика уль-Мульк, историк – 166, 173
Зиссерман А.Л. – 54, 55, 69, 79, 97, 223, 294, 295, 301, 459, 477, 478
Зубков А. – 11
Зубов – 108
Зубов П. – 35
Зухум-кадий – 182

Ибрагим-бек Карчагский – 214–216
Ибрагим (Ибрахим)-паша – 221, 395
Иван Грозный – 106
Иваненков Н.С. – 40, 41, 362, 363
Иванов Абрам – 129
Иванов И. – 11, 74
Ивелич, граф – 47, 257, 266
Ивченко, майор – 194
Идрис – 469
Ильинский М.С., генерал, губернатор – 409, 425, 432, 435, 437
Илья ал-Курчи – 80
Ильяс ац(ас)-Цудакари – 13, 47, 92, 154, 158, 169, 170, 172, 173
Имма, житель сел. Утлюк – 344
Инко-Гаджи, наиб Чохский – 361, 365, 452
Иорга – 122
Ипполитов А.П., начальник Аргунского округа – 11, 40, 435, 436
Ирази, брат Мехти-шамхала – 209
Исаев Т.А. – 16
Исал-Магома, родственник и ученик Гази-Мухаммеда – 96, 395
Иски, наиб – 448
Исмаил, сын Абдуллы Казикумухского – 434
Исмаил, дед Гази-Мухаммеда, первого имама Чечни и Дагестана – 184
Исмаил, наиб, сын Инко-Гаджи – 78, 361, 398, 452
Исмаил Кюрдамирский (Исмаил-эфенди, Исмаил, шейх) см. Хаджи-Исмаил
Исса, наиб – 330, 357, 362
Исхак ал(аль) Урми – 6, 9, 13, 82, 85, 87, 245, 287, 332, 441
Ишан-Али – 88

К. – 30, 391
Кр-кий – 37
Кабидул Магомет – 257
Казембек А.М. (Кязим-бек А.) – 18, 88, 154, 225, 250, 375
Кази, отец Маклага – 224
Казиев, князь – 411
Казиев Абдуррахман – 81, 344
Казий Яв (Газияу, Казиов, Казий), наиб – 356, 358
Кази Магома (Кази Магомед, Кази Мугама, Кази Мулла), см. Гази-Мухаммед, первый имам
Каир-бек, наиб – 466
Карганов (Корганов), майор – 62, 196, 201, 206, 279

Кардашев С., учитель — 38
Кастильон Г. де, виконт, французский консул в Тбилиси — 66, 112, 168, 226, 279, 321, 352
Каханов С.В., генерал-майор — 209—211, 214—216, 220, 221
Керим Паша — 460
Кибит-Магома (Кибит Магома Тилитлинский, Кибид Мухаммед ат-Тилики), наиб — 78, 247, 255, 258, 259, 260, 262, 264—267, 287, 299, 300, 317, 331, 353, 357, 359, 381, 383, 390, 392, 397—399, 413, 414, 421, 422, 442, 452, 469, 472, 476, 477
Кибит-Хаджи, старшина — 301, 314
Кибит Хаджияв — 233
Кикин — 69
Килякаев Валия, татарин — 127, 128
Киселев П.Д. — 408, 413
Клейнмихель П.А., граф, генерал-адъютант — 306
Климан Ф. фон — 95, 224, 233
Клингер И. — 354, 355, 361
Клюки фон Клугенау Ф.К., генерал — 65, 70, 96, 98, 223, 252, 260, 264, 265, 268, 270, 284, 280, 287, 295, 300, 307, 208, 312, 314—317, 367, 377, 382—384, 390, 440
Кожохов Мухаммед — 409
Козловский В.М. — 433, 443, 444
Козубский Е.И. — 69, 84
Комаров А.В. — 73, 152
Косович, майор — 314
Костемеровский — 37
Костенецкий Я.И. — 266, 268
Костырко, начальник укр. Казах-Кичу — 413
Кох К. — 34, 35, 44—46, 162, 164, 166, 167, 380, 407
Краббе К.К., фон, генерал — 135, 136, 182, 191, 194, 205
Крачковский И.Ю., академик — 3, 9, 13, 17, 79—82, 87, 92, 243
Крашенинников, студент — 32
Кублицкий П. — 95, 222
Куденетов Мухаммед — 410
Кузнецов Моисей, унтер-офицер — 344, 345
Кузьминский, подпоручик — 52, 224, 252—254
Кундухов Муса, полковник — 447
Кунта-Хаджи, проповедник — 435, 436
Купфер — 409
Курали-Магома (Магомед из селения Яраг, Магомед Яраглинский, Мулла Магомет, Мухаммед из Ярага, Мухаммед ал(аль)-Яраги, мулла Магомет из Ярага, мулла Мухаммед, Мухаммед Ярагский, Магомед-эфенди Ярагларский Кюринский, Магомед(т) Ярагский, мулла Магомет) — 11, 20, 33, 42—44, 46, 47, 51, 83, 86, 92, 96, 142, 160—162, 164, 166—181, 187—189, 192, 196, 222, 258
Курбаниляу Сугратлинский, наиб — 57, 360, 365, 366, 452
Кучук, горячевский владелец — 119

Лабазан, наиб — 434
Ладинский, генерал-лейтенант — 279, 309
Лазарев И.Д., генерал-майор — 49, 223, 364, 476
Ламменс — 155
Ланской М.П. — генерал-майор — 47, 62, 66, 97, 249, 251—253
Лаптев Д.А., полковник — 146
Лаудаев У. — 16, 38, 39
Лачинилау — 187
Левкович, офицер — 410
Ленин В.И. — 149
Леонтович Ф.И. — 73, 74, 374
Леонтьев — 123, 126
Леонтьев, поручик — 55
Лермонтов М.Ю. — 50, 59, 283
Лисаневич Д.Т., генерал — 141, 144

Лихачев Д.С. — 81
Лихницкий Ш. — 14
Лобанов, князь, посол в Турции — 478
Лобанов-Ростовский М.Б. — 165
Лопухин А.А. — 283
Лорис-Меликов, ротмистр — 63, 352, 379, 381, 411, 412, 439, 440, 443

М. — 122
Магома, житель Аварии — 358
Магома, наиб Гидатля — 359
Магома (Магомет), Майортупский (Маюртупский), мулла — 141—144
Магомед Омар-оглы — 267
Магомедов Р.М. — 50, 237, 244, 249
Магомет Али (из Гимры) (Мухаммед Али ал-Гимри) — 241
Магомет Дебир (из Рикуани) (Дибирасуль Мухаммед ар-Ригуни) — 240—241
Магомет Мирза, уздень — 306
Магомет-Мирза-хан — 267
Магомет-эфенди, шейх — 176
Мадатов, генерал — 20, 134, 171
Мадатов, князь — 166
Маза, дядя наиба Дуба — 423
Мака, заканюртовский старшина — 297
Макаров Т. — 351, 354, 377
Маклач, казначей Гамзат-бека — 49, 50, 223, 224, 237, 243—246, 248, 249
Максимов, рядовой — 380
Малачи ат Тануси — 243
Маллачихан Г. — 149
Мамасан-бек, прапорщик, сын майсума Табасарани — 214
Мансур, шейх (Мансур, имам; Элиас Мансур; Оган-ооло, шейх) — 20, 33, 53, 100, 111, 117, 120—130, 139, 150, 408
Маркграф О.В., путешественник — 37—38
Маркс К. — 5, 105, 106, 336, 347, 409, 461, 462, 466
Массиньон — 155, 158
Махад-эфенди, мулла — 224
Махмудбеков М. — 18, 47, 162—166, 170, 436
Махмуд-эфенди, геокчайский уездный казий — 166
Медем — 115, 132
Медокс, полковник — 206
Меллер-Закомельский П.П. — 410, 411, 413
Мехти(Махди)-шамхал Тарковский — 111, 157, 190, 209; см. также Шамхал Тарковский
Мещеряков — 136
Миклашевский — 210
Милютин Д.А. — 25, 96
Мирзаль Хаджияв (Мирза-хаджи, Мирза Хаджияв), хунзахский мулла — 240, 241, 245, 246
Митрофанов — 136
Миттлик-Муретазали, начальник муридов-телохранителей Шамиля — 349
Мищенко, полковник — 194, 200
Могамед, кадий (из владений Аслан-хана Казикумухского) — 33
Молла-Ахмед, сподвижник Хаджи-Исмаила — 166
Морелл Дж. — 98, 99
Мохаммед-эфенди, ученик Хаджи-Исмаила — 167
Могульский, офицер, топограф — 53, 54, 135, 197, 264, 296, 344, 443
Мугеддин Магомед Ханов (Мугтедин Магометханов) — 13, 72, 88, 91, 156
Мудатов Асланбек, брагунский владелец — 127
Мулла-Гази — 297
Муравьев Н.Н. (Карский), граф, генерал от инфантерии, наместник — 64, 113, 136, 142, 458, 468
Мурад-бек — 238, 240, 241

Муртади-Али ал-Урди ал-Хидатии — 83
Муртуз Али (Муртузали), брат Кибит-Магомы, наиб — 397, 423
Муса Балаканский, наиб — 415, 416
Муса Хасаев, кумыкский князь, пристав — 187, 212, 256, 260
Мустафа, кадий дер. Герменчук — 207, 212, 256
Мустафа-хан (ширванский) — 166, 220
Мухаммед, сын Доногон — 94
Мухаммед, наиб из Гоца — 363
Мухаммед-Амин (Мухаммед-Эмин, Магомет-Эмин, Махомед Эмин) — 307, 393, 447, 460
Мухаммед-бек, брат Абу-Муслима — 320, 323
Мухаммед-Кадий (Магомет Кадий), наиб — 357, 359
Мухаммед Мирза ад Дагестана ал Чухи ал Мавради — 89
Мухаммед-Мирза Анзоров, главный наиб Малой Чечни — 409—411, 435, 437
Мухаммед-Султан, брат Гази-Мухаммеда, торговец — 187
Мухаммед-Тахир ал(аль) Карахи, дагестанский хронист, историк — 6, 9, 13, 19, 23, 43, 49, 50, 58, 70, 71, 79—84, 86, 90, 91, 98, 149, 157, 172, 175, 190, 194—196, 198, 200, 201, 204, 205, 208, 210, 213, 218, 219, 223, 224, 227, 232—234, 236—249, 254, 255, 257, 266, 272, 282, 295, 301, 332, 337, 339, 340, 343, 344, 350, 357, 358, 365, 373, 381, 388, 389, 391, 395, 425, 427, 436, 438, 439, 444, 461, 465, 466
Мухаммед-Шафи, сын Шамиля — 362
Мухаммед-эфенди Казикумухский (кор-эфенди) — 349

Н.З. — 11, 37
Навруз-бек, прапорщик — 214
Нагель, полковник — 129
Надир, шах — 121
Назир-мулла — 94
Неверовский А., подполковник Генерального штаба — 11, 23, 27, 35—36, 43—53, 96, 160—162, 164, 169, 174, 239, 355, 358, 359, 377
Нейдгарт (Нейдгард) А.И., генерал от инфантерии, генерал-адъютант — 62, 76, 89, 281, 284, 318—320, 322, 323, 329, 330, 382, 383, 390, 440, 442
Нессельроде К.В., граф — 62, 191, 197, 198, 200, 206, 207, 234
Нестеров П.П., генерал-лейтенант — 328, 408, 416
Николаи Л.П., барон, генерал-адъютант — 408, 414, 424, 445, 446, 463, 467
Николай I — 65, 99, 100, 148, 191, 221, 252, 268, 276, 330, 332, 333, 447
Норденстамм И.И. — 66
Нох-бике, правительница Михтулинского ханства — 312, 379, 384
Нур-Али — 412
Нур-Магома (Нур-Мухаммед), наиб Боголала (возможно, одно лицо с Нур-Магометом Черкеевским) — 359
Нур-Магомет (Нур-Мухаммед, Нур-Махома, Нур-Магома), наиб Черкеевский — 356, 357, 359
Нур-Мухаммед (Нурмагомед-кади, Нур Мухаммед Кадио), кадий Хунзаха — 224, 240, 241
Нур-Мухаммед ал-Инхови (Нур-Магомет) дервиш — 204
Нурцал-ага, капитан мусульманской конницы — 215
Нухи — 415
Нуцал-хан Аварский (Абу Нуцал, султан Абу Нуцал, Нусал хан), сын Паху-бике — 43, 48, 49, 51, 192, 193, 198, 199, 224, 230—

232, 234, 235, 237–242, 244, 249, 253, 265, 391

Огранович – 387

Окольничий – 36, 44, 94–96, 138, 148, 209, 225, 312, 321, 338, 339, 359, 384, 395

Ольденбург С.Ф. – 163

Ольшевский М.Я., генерал – 70, 374, 376, 383, 412, 427, 432, 443

Омар, наиб – 365

Омар, наиб Анкратля – 359

Омар (Омар-Али), наиб Боголала и Тинды – 359

Омар, наиб Салты – 438

Омар-бек, казикумухский – 304

Омаров А.С. – 72, 73, 86, 87, 91, 150, 177

Омар-паша – 458, 464

Омар-хан, дед Нуцал-хана Аварского – 224

Оракчи – 344

Орбелиани, княгиня – 465

Орбелиани, князь, прапорщик – 55, 56, 89, 187, 258, 346, 357–359, 374, 384, 451, 459, 462, 467, 472

Оруэлл Д. – 4

Осмак – 104

Осман, брат Хаджи-Мурата – 85, 230, 245, 248, 249

Оттино – 122, 123

П.В. – 95, 110

Панкратьев Н.П., генерал-адъютант – 209, 210, 214–216, 220, 221

Паскевич И.Ф., граф, генерал-фельдмаршал – 49, 61, 62, 186, 190–193, 196–201, 204, 206–212, 214, 265, 407

Пассек Д.В., генерал-майор – 27, 45, 47, 48, 51–53, 226, 294, 295, 319, 320, 328, 374, 376, 378, 381, 382

Паху-бике (Баху Бег), аварская ханша – 34, 47, 50, 85, 199–201, 205, 224, 230–232, 234–242, 244, 246, 251, 252, 287, 440

Петр I – 39, 107

Пеутлин – 123

Пикман А.М. – 102

Плещеев, окольничий – 107

Погодин М.П. – 179, 180

Покровский М.Н., академик – 13, 36

Покровский Н.И. – 3, 4, 5, 8–26, 81, 82, 85, 86, 401, 420

Покровский Н.Н., академик – 7

Полторацкий – 417, 434

Попов И. – 40

Попов М.П. – 11

Потемкин Г.А., князь – 103, 105, 120

Потемкин П.С., генерал-поручик – 33, 119, 120, 124–126, 129

Потто В.А. – 97, 134, 267, 412

Пржецлавский П.Г., пристав при Шамиле – 12, 58, 77, 82, 176, 194, 208, 210, 218, 224, 232, 239, 240, 242, 243, 246, 343, 359, 380, 382, 398

Прушановский К.И., штабс-капитан Генерального штаба – 11, 12, 27, 34, 42–53, 92, 96, 160–162, 167, 169, 170–172, 174, 186, 225, 226, 247, 258, 303, 338, 346, 356–359, 382

Пулло А.П., генерал-майор – 95, 256, 258, 262, 278–281

Пушкин А.С. – 59, 332

Пьерри, полковник – 126

Раджабиль Магома Чиркеевский – 349

Радожицкий, офицер Генерального штаба – 54, 136

Рамадан – 295

Рамазан, мулла – 260, 261

Рамазанов Х.Х. – 27, 346, 462

Расланбек Айтемиров см. Асланбек

Реад Н.А., генерал от кавалерии – 459, 462

Рейнеггс Я. — 11, 33
Ренненкампф — 321
Реут, генерал — 255, 261, 262
Ржевуский А. — 329, 332, 344, 362, 371, 381, 396, 398
Розен Г.В., барон, генерал от инфантерии — 50, 62, 180, 182, 197—199, 206, 209, 218—220, 231, 232, 234—239, 243, 248—253, 255—259, 261—265, 267, 269, 270, 370, 394
Романовский Д.И. — 468
Россикова А. — 154
Рот, полковник, комендант укр. Ахты — 424
Ртищев — 131
Рубо А.Ф., художник — 25
Руновский А.И., пристав при Шамиле — 12, 20, 23, 56—58, 64, 110, 167, 168, 173, 179, 188, 189, 209, 233, 234, 239, 242, 250, 296, 337, 340—345, 347, 351, 353, 355, 360, 362, 369, 370, 376, 378, 382, 383, 386—388, 392, 421, 422, 456, 457, 462, 464, 469

Саибдулла, наиб — 330, 358
Саид ал-Ихали — 240, 247
Саид (Сеид) ал-Хацатли — 441, 442
Саид (Сеид, Сеид-эфенди, Сейт) Араканский, кадий — 177, 179, 180, 185, 190
Саид Гаракинский — 257
Саидов М.С.Д., арабист — 86
Салтан-Мурат (Салта-Мурат), "уфимский башкирец" — 117
Самойлов К. — 39, 434
Свиньин — 136
Селим паша — 460
Семенов А.А. — 154, 155, 163
Сефер-бей Зан, черкес, турецкий офицер — 458, 466
Сипягин Н.М., генерал — 111, 191
Скитский Б.В., 13, 14, 16, 111, 124, 127
Слатин-паша — 157
Слепцов Н.П., генерал — 409, 410, 427, 432, 434, 435, 437, 438
Смирнов Н.А. — 9, 12, 18, 19, 23
Снаксарев, подполковник, начальник Самурского окр. — 304
Совебеф — 122
Соколов — 216
Солейман-паша, старший сын шамхана Тарковского — 192
Соллогуб В. — 458
Соловьев С.М., историк — 115
Солтан В. — 444, 461, 467, 472
Сорочан, полковник — 218
Спенсер — 98, 122
Старосельский Д.С., генерал-майор — 86
Столыпин, отставной поручик — 104
Стрекалов — 193
Стэнли — 157
Суаиб(Своиб)-мулла, наиб — 356—358
Сулейман-паша — 210
Сулейман-эфенди — 92, 178
Султан-Ахмед-хан — 130
Сурхай(Суркай)-хан Аварский — 198, 231, 251, 391, 440
Сурхай, казикумукский хан — 134, 356
Сурхай-хан Хунбуктай, сын хана Хамутая — 128
Суслов, командир отряда — 444
Сухозанет Н.О. — 473, 478
Сухтелен, граф, генерал-квартирмейстер — 192

Тагир-бек, отец Хаджи-Яхью — 304
Тадж ад-Дин Мустафин (Таджудин Эффенди), казанский эфенди — 263, 264
Таймас-хан — 227
Талгик, наиб — 434, 443, 445, 463
Талейран — 6
Танус-Магома, наиб — 75, 420
Тапи, наиб — 362

Тарасевич, штабс-капитан — 214
Тарле В.Е. — 468
Тарханов Д. — 389
Тахир аль-Мевлеви — 82
Тахмаз Мартазали, кадий сел. Цальда — 345
Тахтарев Мухаммед — 410
Ташов-Хаджи (Таш-хаджи, Хаджи-Ташав ал-Индири, Ташов Гаджи) — 48, 56, 62, 247, 255—264, 266, 267, 271, 272, 281, 284, 297, 299, 358, 390, 394
Теиб — 257
Тексье — 98, 99, 453
Теляндье, французский публицист — 122
Тильман, барон — 99
Ткачев Г.А. — 399
Тлотлол, наиб — 358
Толстой Л.Н. — 59, 60
Томкеев В.И. — 134
Траскин, майор — 285
Тугановы — 447
Туту-бикэ, мать Даниэль-бека — 414

Уди Мулла — 390
Уллубей, наиб, князь эрпелинский — 209, 221, 356
Ума Дуев — 362, 363
Умар (из Гоцатля) — 240
Ума-хан Аварский, сын Пахубике — 128, 130, 230—232, 235, 238—242, 244, 265, 440
Услар П.К. — 87, 93
Уцмей Адел-хан — 112
Уцмиев, князь — 41
Уцмиев Омар (Умар, ошибочно Ушар) — 322, 323
Уцмий — 128

Фадеев А.В. — 22, 23
Фадеев А.М. — 279
Фадеев Р.А. — 337, 338
Фезе К.К., генерал — 62, 63, 264—267, 269—271, 284, 301, 302, 442
Фет-Али-хан (Фет-Али-бек), сын Сурхай-хана Аварского, наиб Аварии — 391, 440, 441
Феталихан Дербентский — 132
Фет Али шах, шах Персии, глава Ирана — 166
Филатов, пристав — 144
Фрейтаг Р.К., генерал — 73—75, 319, 328, 374, 408, 410, 411, 416, 422

Хабибуллах, сын Мухаммеда-Тахира ал-Карахи — 79, 81, 82
Хаджи-Алиляу — 366, 469
Хаджи-Исмаил (Ефендий Гаджи Исмаил шейх Исмаил, Исмаил-эфенди, Исмаил Кюрдомирский, Исмаил аль-Курдомири) — 43, 44, 46, 47, 51, 152, 160, 161, 164—170, 172, 173, 176, 181
Хаджи-Исмаил Ловшан-оглы — 458
Хаджи-Мурат (Хаджи Мурад ал-Авари ал-Хунзахи) — 6, 13, 57, 59, 60, 63, 78, 80, 82, 85, 86, 96, 98, 230, 245, 246, 249, 267, 286—289, 295, 299, 301, 304, 323, 331, 352, 354, 355, 356, 360, 361, 371, 372, 378, 379, 381, 385, 391, 392, 397, 411, 412, 422, 427, 432, 434, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 451, 452
Хаджи-Мухаммед (Хаджи-Мемед, Гаджи Магомет), турецкий агент — 221, 259, 261, 262, 394
Хаджио Дебир Каранайский — 349
Хаджи-Юсуф (Гаджи-Юсуф, Юсуф Гаджи, Юсуф-хаджи), наиб — 76, 77, 78, 351, 357, 375, 376, 395, 418, 420, 432
Хаджиясуль Мухаммед, помощник Гамзат-бека — 248, 249
Хаджи-Яхья см. Яхья-Хаджи

Халат-Дибир (Халат эффенди), брат Галбац Дибира — 451, 452
Халбос-мулла — 443
Халид-Шах (Халид Сулейман Багдадский, Халид-ша-Шах, Зиа ал-Дин Халид), учитель Хаджи-Исмаила — 44, 92, 163—165, 167—169, 175
Халиль(Халия)-бек, аварский старшина — 251, 252
Хамутай, хан Казикумухский — 128
Ханыков — 98, 122, 159
Харитонов — 443
Хасан ал-Алкадари (Алкадари Г.-Э.) — 23, 71, 83, 84, 85, 86, 90, 123, 177, 178, 185, 186, 196, 198, 341
Хас-Мухаммед (Хас-Мухаммед аш Ширвани, Хас Магомет, Хас-Магомет Ширванский), воспитанник Курали-Маголы, шейх — 44, 45, 46, 47, 51, 52, 90, 92, 160, 161, 164, 167, 169, 170, 171, 172
Хату, брат Мухаммеда-Мирзы Анзорова — 409
Хафиз — 178
Хашаев Х.-М. — 14
Хистоман-бике — 252
Ходзько — 286
Хулуфлу — 86

Цицианов — 109
Цуцко, мулла — 363, 451

Ч.Ш. — 268
Чавчавадзе, княгиня — 465
Чача-гаджи, наиб — 356
Чайковский П.П., генерал-майор — 54, 55, 278, 285, 298, 313, 321, 323
Чанка, род — 255
Чапан — 265
Чернов, чеченский пристав — 278
Чернышев А.И., светлейший князь, генерал от кавалерии, военный министр — 49, 54, 76, 180, 182, 186, 190, 196, 197, 204, 207, 210, 212, 217, 218, 220, 231, 235—238, 248, 251, 252, 255, 258, 259, 261, 263, 265, 269, 270, 276—278, 281, 284, 278, 281, 284, 289, 298, 302, 305, 318, 319, 322, 323, 330, 370, 397, 411, 415, 417, 419, 421, 423, 433, 440, 442
Чернышев И.Г., граф — 50, 104
Чопан-бек (Чобан, Эмир Чопан, Чуфан), племянник Гамзат-бека, аварский бек — 224, 238, 240, 241
Чулков М.Д. — 31, 32

Шаабан Талий — 464
Шабаз, сын шамхала Тарковского — 128
Шавкринский Ю. — 17
Шамиль (Шамуиль-Самуил, Али), третий имам Чечни и Дагестана — 3, 5, 6, 12—14, 18, 20, 22, 24—26, 28—30, 41, 43, 47—50, 52, 53, 55—59, 62, 63, 65, 71, 72, 74—87, 89, 92—100, 110, 117, 152, 154, 157, 162, 167, 168, 170, 172, 173, 176, 178, 185, 187—189, 195—197, 201, 204, 209, 215, 219, 221—223, 225—227, 233, 234, 236—252, 254—270, 272, 280—282, 284—289, 294—308, 312—323, 328—344, 346—357, 359—372, 374—378, 380—393, 395—401, 406—425, 427, 432—435, 437, 438, 440—445, 447—452, 456—469, 472—480
Шамиль-Хаджи Ума Элджиев — 362
Шамхал Тарковский — 113, 128, 131, 137, 179, 183, 191, 192, 212, 220, 227, 230, 254, 268, 276, 309, 331; см. также Мехти (Махди)-шамхал Тарковский
Шарафутдинова Р.Ф. — 92
Шах-Вали (буйнакский) — 86
Шах-Вали, брат шамхала — 439, 440
Шах-Гирей — 214

Шварц, генерал — 424
Шешковский — 123
Ших-Али-Хан (дербентский) — 111, 133, 220
Ших-Шабан (Ша'бан ал-Бухнади) — 85
Шмидт А.Э. — 155, 163
Шопен — 99, 100, 121
Штелин, путешественник — 33
Шуаиб-мулла, наиб — 63, 64, 281, 284, 285, 299, 323, 356—358, 361, 364
Шуаиб ац-Цаматури — 272
Шуберт, генерал-квартирмейстер — 249

Эйхвальд Е., путешественник — 33—35, 46
Эльмурза Черкасский, князь, генерал-майор — 119
Эммануэль Г.А. (Эмануель), генерал — 19, 168, 213, 217, 218, 409
Энгельс Ф. — 105, 106, 149, 336, 347, 409, 461, 462, 466
Эрнуф — 99
Эюб, шейх — 436

Юров А. — 42, 93, 95. 267, 277, 279, 284, 297, 306, 312, 367, 371, 378, 388
Юрьев, жандармский подполковник — 42, 52
Юсуф Гаджи см. Хаджи-Юсуф

Ягья-бек — 262
Яхья-Хаджи (Яхья Хаджио, Ячья Хаджи, Хаджи-Яхья), наиб, сын Талирбека — 250, 304, 305, 323, 339, 349, 408, 432

Baddelay J.F. — 97, 122, 188
Bodenstedt F. — 45, 51, 171, 172, 370
Chopin — 99, 121
Dietrich — 157
Dumas A. — 333
Eichwald E. — 33, 46
Ernouf — 99
Gagnier — 122
Golovine I. — 99, 344
Hadschi Ismail Effendi — 44
Halidscha Schah — 44—45
Hasenklever — 157
Hell H. de — 453
Iorga — 122
Koch K. — 34, 45, 46, 117, 122, 163, 164, 167, 344, 380, 407
Majerczak — 152, 171
Massignon — 158
Mohammed Effendi — 44
Morell J.R. — 98, 99, 152
Wicholson R.A. — 163
Ohrwalder — 157
d'Osson — 33
Ottino — 122
Reineggs — 33
Sauveboeuf — 122
Seeger K. von — 100
Slatin Pascha — 157
Sollohub W. — 458
Spencer — 117, 121
Stalin J.J. — 33, 118
Taillandier Saint Rene — 122, 400, 456
Texier E. — 98, 99, 278, 453
Thielmann — 99
Warner — 28, 98, 163, 381
Widerszal L. — 100, 456
Wingate — 157
Zinkeisen — 121
d'Ancon — 122

Указатель географических названий

Абхазия — 121

Авария — 36, 49, 62, 63, 84, 110, 117, 130, 138, 148, 183, 192, 196, 197, 205, 224, 227, 230, 232, 236, 237, 250—253, 255, 259—265, 267, 269, 270, 276, 285—287, 295, 299—301, 306—308, 312—317, 320, 338, 345, 350, 358, 363, 367, 373, 380, 384, 391, 411, 412, 417, 419, 441, 442, 458, 477, 479

— Восточная — 231

— Западная — 231

Аварская долина — 48

Аварское Койсу, р. — 287, 289, 304, 367, 419

Аварское плоскогорье — 253, 300, 316

Аварское ханство — 54, 62, 66, 132, 196—199, 230, 238, 246, 250, 286, 287, 303, 358

Автуры, сел. — 444, 446, 472

Агач-Аул — 438

Агач-Кала, укр. — 205, 208—211

Азиатская Турция см. Турция

Азов, г. — 108

Азовско-Моздокская линия — 108

Аймяки, сел. — 415, 416, 422

Аксай — 120, 129, 140, 144, 146

Аксай, р. — 358, 447

Акташ-Аух, аул — 213, 297

Акуша — 133, 134, 182, 200, 227, 236, 304, 322, 328, 329, 407, 414, 415, 416, 417, 423

Акушинское о-во — 319, 415

Алазань, р. — 232, 464, 465

Алдинские хутора — 416

Алды, сел. — 123, 124, 125, 126, 127

Александровский уезд — 108

Александровское поселение — 289—294, 306

Алжир — 121, 453

Алхан-Юрт — 281

Амазия — 123

Амзад юрт см. Гоцатль

Амир-Аджи-Юрт — 140, 143, 446

Анапа — 130, 458

Англия — 101, 105, 114, 394, 396, 453, 456—458, 466, 468

Андалаль, о-во — 224, 227, 255, 270, 282, 299—303, 305, 317, 357, 419, 426, 438, 472

Андалы — 253

Анди, сел. — 28, 190, 226, 283, 294, 299, 306, 331, 332, 367, 420, 476

Андийское Койсу, р. — 227, 285, 289, 305, 317, 367, 477, 479

Андийское наибство — 356, 370

Андийское о-во — 198, 199, 295, 296

Андия — 41, 55, 75, 77, 78, 96, 231, 294, 295, 296, 331, 332

Андреево (Эндери), сел. — 45, 145, 186, 212, 317, 326; см. также Эндери

Андреевская, дер. — 117, 127, 256

Андрей, сел. — 140

Анкратль — 359

Арада — 340

Араканы, дер. — 184, 190, 199, 227, 232, 276, 331

Аракс, р. — 108

Арганай — 252

Аргун, р. — 261, 297, 328, 330, 357, 443, 444, 445, 472, 474

Аргунский округ — 11, 40, 361, 436

Аргунское ущелье — 272, 281, 367, 474

Арзрум — 59

Армения — 123

Арпачай — 457

Асса, р. — 298, 416
Астал, дер. — 176
Астрахань — 11, 106, 117
Атачи, сел. — 119, 120, 147, 256
Атлы-Боюи — 210, 438
Аух — 297, 473
Ауховское наибство — 356, 358
Ауховское о-во — 472
Афганистан — 105, 164
Ахалцих — 123
Ахалчи (Ахальчи) — 243, 315, 373, 391, 441
Ахвах — 359
Ахди — 444
Ахкент, сел. — 276
Ахлова, аул — 306
Ахты, укр. — 415, 423, 424, 425
Ахчи Юрт — 282
Ахульго — 25, 93, 269, 270, 271, 272, 390, 401
Ачхой, р. — 450
Ачхой, форт — 413, 414
Ашильта (Ишолта) — 47, 207, 212, 223, 254, 256, 259, 265, 266, 270, 347

Багдад — 164, 167, 168, 170
Байян, сел. — 272
Бакинская провинция — 131
Бакинское ханство — 138
Бактли см. Гумбет
Баку — 86, 108, 109, 111, 130
Балаканы, укр. — 318
Балакиан, дер. — 236
Баршала — 444
Бассу, р. — 445
Баташ Юрт — 285, 463
Батланы, сел. — 378, 391, 441, 442
Башкирская АССР — 117
Башлы, аул — 323
Белчатой (Балчит), сел. — 421
Белоканы — 461, 462
Беной — 272
Берикей, сел. — 33, 322
Битлис — 123
Ближний Восток — 101, 106, 108
Богозы — 264
Боголал, о-во — 357
Богулаль, о-во — 282
Большая Атага — 120
Большая Кабарда см. Кабарда
Большая Чечня см. Чечня
Большечеченская плоскость — 472
Большие Казанищи, аул — 209, 320, 321
Борч, сел. — 37
Буйнак, сел. — 86, 211, 439
Буксры, сел. — 32
Бура, г. (Владикавказ) — 218
Бурная, крепость — 51, 59, 135, 194, 209—211, 214, 215, 231, 319
Буртунай — 469, 473
Бухара — 44, 45, 90, 96, 160, 161, 163—165, 171
Бухты, сел. — 304

Валерик, р. — 59, 283, 408
Варандинская поляна — 474
Варшава — 100
Ведено (Ведень) — 13, 64, 86, 87, 154, 272, 349, 381, 413, 444, 463, 476
Великобритания — 453
Верхний Бактлуг — 295
Верхний Дагестан см. Дагестан
Верхняя Табасарань — 304
Верхняя Фортанга — 450
Видану, сел. — 272
Вилла Франка, г. — 478
Владикавказ — 8, 41, 120, 129, 218, 393, 425, 451
Владикавказский округ — 463
Внезапная, крепость — 140, 145, 212, 213, 215, 219, 221, 262, 317
Военно-Ахтынская дорога — 11, 37
Военно-Грузинская дорога — 102, 106, 109, 120, 218, 393, 410, 412, 447, 448, 459

Воздвиженская, крепость, укр. — 328, 332, 408, 414, 472
Волынск, укр. — 321
Восток, часть света — 105, 156, 164, 167, 186
Восточная Авария см. Авария
Восточная Грузия см. Грузия
Восточное Закавказье см. Закавказье
Вятская губ. — 88

Гагатль, аул — 190
Галата — 122
Гамашинские высоты (Турчи-Даг) — 438
Гамуши, сел. — 197
Ганджа — 183
Ганза, местность — 363
Ганк, о-во — 112
Гельдыген — 444, 446, 463
Геничутль, аул — 391, 441
Геокчайский уезд — 166
Георгиевский уезд — 104
Гергебиль, аул — 25, 226, 227, 230, 232, 248, 253, 300, 301, 317, 318, 344, 385, 417, 418, 420, 422, 440
Герчебильское укрепление — 317
Герзель-Аул — 143, 144, 285, 333, 446
Германия — 51
Герменчук (Герменчик, Гребенчук) — 120, 207, 256, 261, 262, 285, 357, 394
Герменчикское (Гершенчикское) наибство — 356
Гехи, аул — 76, 120, 285
Гехи, р. — 437
Гехинка, р. — 408
Гехинский лес — 328
Гехинское (Кехинское) наибство — 356, 357
Гидат — 257
Гидатлинское о-во — 398
Гидатль (Хидатли) аул и о-во — 255, 295, 359, 388, 390
Гилли, сел. — 328
Гимры, аул — 43, 47, 97, 98, 175, 181, 184, 185, 195, 206, 218, 219, 225, 227, 241, 252, 254, 256, 285, 300, 302, 331
Гинчук — 249
Гойта, р. — 445
Гойтемировские ворота — 473
Гойтинский лес — 328, 408
Гойты — 328
Гойта, р. — 408, 416
Голота (Гулад — Джаро-Белоканский союз) — 461
Гопша, о-во — 112
Горячевские селения — 119
Горячеводское укрепление — 226
Гоц (Авария) — 363
Гоцатлинское укрепление — 315
Гоцатль (Амзад юрт), сел. — 84, 222, 224, 226, 242, 246, 251, 253, 255, 262, 266, 300, 315, 339, 380
Григориополис — 129
Григориополисский редут — 129
Грозная, крепость — 41, 139, 140, 143, 146, 226, 281, 285, 321, 328, 433, 450
Грозный — 6, 82
Грузия — 31, 101, 105, 106, 107, 108, 118, 120, 121, 123, 130, 131, 151, 224, 231, 232, 289, 362, 456, 462, 464, 465, 466, 467, 475
— Восточная — 13
Губденские высоты — 434
Губдень, аул — 59, 127, 211, 308, 449
Гуджак, дер. — 222
Гумбет аул, о-во — 95, 190, 199, 204, 253, 294, 295, 367, 476
Гумбатлинское владение — 199
Гумбетовское наибство — 356, 370
Гуниб, аул — 305, 399
Гуниб, гора — 477, 479
Гунибский округ — 37
Гурдали, аул — 449

Гурия, провинция — 105
Гюльчеры — 211

Дагестан — 6, 11—13, 15—27, 32, 34—37, 39, 41—47, 52—54, 56, 58, 59, 61, 62, 66—68, 71, 73, 78, 80, 82, 84, 86, 88, 89, 90, 92—94, 96, 99, 100, 102, 105, 107, 109, 112, 113, 117, 123, 128, 130—135, 137—139, 141, 142, 148—152, 154, 157, 159—165, 167—169, 171—173, 175—184, 187, 189—191, 194—200, 207, 209, 210, 213, 220, 221, 225—227, 231, 232, 234, 235, 237, 239, 243, 244, 246, 248, 253, 254, 257—261, 264, 267, 268, 271, 273, 276, 277, 281, 282, 286, 288, 289, 293, 296, 297, 302, 305—309, 312, 313, 315—319, 321, 328, 329, 332, 336, 338, 340, 341, 343, 344, 346, 352, 353, 356, 359, 364, 367, 369, 380—382, 383—385, 390, 393, 395, 396, 398, 400, 409, 412, 416, 417, 420—423, 426, 427, 434, 438, 443, 444, 449, 451, 452, 456, 457, 459—461, 463, 464, 466—468, 472, 475, 476, 480
— Верхний — 31, 35, 36, 253, 264, 276, 285, 289, 476, 477
— Нагорный — 14, 19, 31, 32, 35—37, 42, 62, 65, 96, 110, 168, 173, 177, 180—182, 184, 187, 189, 190, 193, 197, 222, 227, 230, 232, 234, 250, 253—255, 268—270, 272, 276, 281—283, 285, 286, 288, 289, 294, 300, 307, 308, 315, 343, 346, 355, 367, 372—374, 377, 384, 386, 393
— Приморский — 14, 32, 130, 182, 205, 208, 216, 217, 227, 276, 322, 328, 415, 417, 438, 439
— Северный — 11, 35, 48, 53, 96, 160, 174, 189, 192, 211, 212, 232, 252, 253, 257, 283, 284, 286, 300, 302, 307, 316, 318, 355, 367, 377, 390
— Средний — 35, 48, 160, 174
— Центральный — 438
— Юго-Восточный — 148
— Южный — 42, 167, 171, 177, 214—217, 220, 221, 235, 304, 438
Дагестанская область — 67—69, 73, 152
Дагестанский округ — 32
Дагестанский союз — 415
Даракам — 444
Даргин-Дук, гора — 474
Даргинский союз — 32, 133, 138, 227, 318
Даргинский округ — 415
Даргинское о-во — 133
Дарго, аул — 55, 76, 282, 299, 307, 329, 332—334, 357, 367, 380, 381, 385, 392, 401, 464, 469
Дарьяльское ущелье — 102, 106, 108, 120
Датых, аул — 427, 445
Дахин Ирзау, аул — 443
Дачу Барзой, аул — 474
Дели — 155
Дербент — 43, 59, 88, 102, 108, 109, 111, 112, 130, 209, 211, 214, 215, 216, 220, 232, 318, 319, 322, 439
Дербентская провинция — 63, 131
Дербентское ханство — 138
Дешлагар — 438
Джаглы — 166
Джалка, р. — 443—445, 467
Джарган Юрт — 297
Джаро-Белоканская область — 41
Джаро-Белоканский округ — 415, 461
Джарская область — 232
Джарское общество — 173, 183
Джары (Чар) — 85, 86, 461
Джематури — 295
Дженгутай — 328
Дзумсой, о-во, сел. — 362, 363
Дзураб-аул — 362
Дидо (Дидойское) о-во — 31, 32, 464

Дон, р. — 107, 457
Дурнай Юрт — 256
Дылым — 473
Дювек — 323

Евдокимовское, укр. — 361
Европа — 121, 477, 478
— Западная — 163, 344, 461
Египет — 121
Екатериноградский уезд — 108

Закавказский край — 35, 66, 459
Закавказье — 68. 101, 102, 106, 108, 109, 139, 148, 218, 255, 318, 458, 459, 460, 462
— Восточное Закавказье — 183, 270
Закан Юрт — 297, 321, 435
Закаталы — 461, 462
Закатальский округ — 91
Зандак — 259, 279
Зандаковское наибство — 389
Западная Авария см. Авария
Западная Европа см. Европа
Зиранское, укр. — 270
Зубутл — 319
Зыряны — 320

Игали (Ихали), сел. — 259, 263, 276, 306, 369
Имеретия — 105, 462
Ингушетия — 281, 474
Индия — 105, 158
Иора, р. — 232
Иран — 101, 106—108, 114, 130—132, 151, 168, 171—173, 176, 181, 183, 220, 221, 393
Ирганай (Рахон, Ригун) — 222, 227, 262, 276
Ириб — 399, 417, 452
Испания — 347
Истису, аул — 446, 463, 467
Италия — 121—123
Итум-Кале, сел. — 362
Ихрек, сел. — 423, 424

Ичкеринский лес — 328
Ичкеринское наибство — 358
Ичкеринское о-во — 281
Ичкерия — 11, 40, 271, 281, 296—298, 306, 357—359, 384, 387, 421, 476
Ишигали, сел. — 466
Ишкарты — 284

Кабарда — 107, 109, 112, 117, 125, 126, 129, 130, 144, 151, 218, 285, 289, 306, 321, 374, 393—395, 407—411, 413, 414, 420, 447, 460, 463
— Большая — 410—412
— Малая — 126, 294
Кавказ — 3, 5, 6, 8—11, 18, 19, 25, 27—31, 33—36, 38, 39, 43—47, 51, 54, 55, 58—60, 63—67, 69, 70, 81, 82, 92, 93, 95—110, 112—115, 118, 119, 121, 123—126, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 137, 144, 145, 148, 151, 152, 155, 156, 158, 161—163, 165, 166, 172, 173, 175, 177, 181, 182, 185, 188, 197, 201, 205, 260, 264, 266—269, 277, 279, 286, 289, 296, 297, 298, 302, 304, 306, 307, 312, 313, 318, 322, 329, 330, 332, 333, 335, 339, 344, 359, 362, 367, 371, 374, 375, 378, 380, 381, 387, 388, 391, 392, 394, 396, 398, 401, 406, 407, 412, 413, 419, 427, 432, 436, 440, 443, 450, 453, 456—459, 463, 466—468, 476—478, 480
— Восточный — 27, 46, 74, 82, 95, 104, 106, 107, 109, 113, 114, 126, 131, 141, 142, 144, 147, 151, 157, 158, 162, 163, 174, 179, 181, 182, 186, 193, 194, 196, 199—201, 204, 208, 212, 214, 215, 217, 220—222, 224, 233, 269, 303, 348, 374, 393, 394, 400, 468
— Западный — 106, 217, 306, 393, 394, 447

— Северный — 9, 13, 16, 17, 23, 37, 59, 64, 74, 105, 106, 108, 130, 210, 218, 374, 409
— Северо-Восточный — 3, 4, 6, 8—11, 13, 17, 19, 20, 22, 24, 26, 27, 30, 31, 33, 35, 37, 55, 58, 61, 63, 65, 78, 66, 100—103, 117, 146, 147, 149—151, 156, 346, 367, 372, 377, 407, 409, 438, 462, 466, 468
— Северо-Западный — 98, 99, 217, 306, 408, 410, 460, 466, 480
— Центральный — 16, 109, 120, 126, 144, 393, 394, 409
Кавказская губ. — 104
Кавказская линия — 29, 30, 33, 61, 63, 66, 73, 95, 103, 115, 139, 140, 213, 217, 256, 261, 272, 289, 298, 305, 307, 320, 329, 338, 361, 397, 410, 463, 467, 473
Кавказская обл. — 104
Кавказские горы — 102, 105
Кавказский военный округ — 82
Кавказский край — 35
Кавказский хребет — 101, 102, 109
Кади Юрт — 463
Казанищи — 127, 179, 190, 192, 379
Казань — 117, 264, 423
Казах Кичу (Казакичу), укр. — 297, 321, 413, 435
Казбек Юрт, сел. — 256
Казикумух (Казыкумык) — 87, 131, 133, 134, 138, 177, 187, 196, 200, 253, 302—305, 317, 320, 323, 329, 384, 387, 398, 413, 414, 417, 438, 439, 463
Казикумухское койсу — 419
Казикумухское ханство — 132, 134, 180, 303—305, 339, 343, 415
Кази Юрт — 318
Кайтаг (Вольный Кайтах, Хайдак) — 20, 32, 86, 112, 128, 133, 171, 214, 216, 322, 323, 339, 398, 438, 439, 444, 460
Кайтахские владения — 138
Как Шура, дер. — 312, 328
Калалайское о-во — 37
Калуга — 56, 58, 86, 92, 189, 226, 243, 340, 364, 422, 462
Капучинское о-во — 477
Карабудахкент, сел. — 38, 127, 211, 319
Каракайтаг — 35, 304, 319.
Каракайтахская провинция — 214
Каракал — 257
Каралаль, о-во — 282, 414
Каранай, сел. — 135, 136, 184, 190, 205, 211, 216, 284
Каратинское (Карата, Калалальское наибство) — 270, 356, 442, 443, 451
Каратлинское о-во — 270
Карахское о-во — 270, 344, 357
Карачай — 447
Каргинский (Карголинский) редут — 127
Карс — 123, 460
Карчаг, сел. — 214, 216, 323
Каспийское море — 102, 105—109, 131, 216, 415
Каспийское побережье — 107, 108
Касум-Кент — 180
Ках, аул — 391, 441
Кахетия — 32, 41, 205, 224, 232, 277, 285, 289, 367, 385, 389, 464—466
Каxx — 342
Качкалык — 446, 447
Качкалыкский хребет — 445, 450
Кгуаниб — 342
Кизляр (Kasgar) — 32, 118, 123, 126, 127, 129, 130, 213, 217, 299, 369
Кизлярская укрепленная линия — 107
Кизлярский уезд — 108
Кикуны (Уллу Кайя) — 477
Кистинское о-во — 358
Китай — 158
Кишень Аух (Кишень) — 297, 472
Кодух, сел. — 276
Койсубулинское о-во (Хиндалаль) (Койсубу, Койсу-бойлинское

владение) — 135, 137, 180, 187, 197, 199, 204, 236, 250, 251, 259, 260, 263, 285, 302, 308, 318, 345, 347, 356—358, 367, 380, 477
Коло, сел. — 197, 295
Константиновское, укр. — 410
Константинополь — 84, 121, 122, 175, 221, 261, 468, 478
Корода, сел. — 222, 364, 367
Костиковская, дер. — 111
Крым — 106, 117, 279, 359
Куба — 444
Кубань — 117
Кубань, р. — 129, 130, 217
Кубачи, сел. — 38
Кубинская провинция — 131, 268
Кубинское ханство — 138, 220
Куллар, дер. — 125
Кумы — 127
Кума, р. — 104, 120, 125
Кумара — 175
Кумторкаменское старшинство (в обществе Дзумсой) — 362
Кумух — 55, 87, 304, 305, 323, 384
Кумыкия — 117
Кумыкская плоскость — 127, 140, 143, 145, 146, 187, 199, 211—214, 217, 256, 260, 283, 285, 294, 297, 306, 317, 407, 413, 414, 445, 446, 463
Кура — 444
Кура, р. — 11, 108
Куринская провинция — 131
Куринское, укр. — 432, 445, 451
Курская, стан. — 120
Кутаис — 464
Кутиши, сел. — 416
Кюлюли, сел. — 305
Кюрдамир (Кюрдомир, Куртомир) — 43, 44, 47, 160, 161, 164, 166, 170, 171, 172
Кюре — 20, 180, 196
Кюринское владение — 162
Кюринское ханство — 42, 44, 89, 131, 134, 138, 160, 167, 171, 172, 176, 180, 304
Кяфир Кумык — 136, 210

Лаваши — 415
Ларс, аул — 412
Лезгинская линия — 413, 457, 459, 467
Лезгистан — 313
Ленинград — 4, 6, 43, 98
Лондон — 453
Луковская, стан. — 285

Маарух — 282
Маджалис, о-во — 112, 444
Майортуп (Майуртуп, Майюртуп, Маюртуп) — 142, 168, 285, 367
Макакой, аул — 388
Малая Азия — 123, 168
Малая Кабарда см. Кабарда
Малая Чечня см. Чечня
Манчестер — 453
Марагу, аул — 323
Марги — 323
Махачкала — 6, 135, 210
Мекка — 165, 167, 174, 182, 262
Мескен-Дук — 474
Мескир Юрт, аул — 261
Месопотамия — 158
Мессельдичерское, укр. — 462
Мехельта — 204, 240
Мехтулинское ханство (Мехтула) — 68, 73, 132, 205, 210, 211, 312, 318, 319, 328, 384, 415
Миатлы, сел. — 319
Минарет, сел. — 410, 413
Мингрелия, провинция — 105
Мискинджи — 424
Мичик, р. — 144, 256, 432, 445, 448, 450, 451
Мичикал — 476
Мичиковское (Мичикское) наибство — 356, 358
Миятлы — 204

Моздок — 106—108, 285
Моздокская линия — 103
Моздокский уезд — 108
Моксох — 300
Моксохская башня — 315
Москва — 6, 87, 94, 106, 190, 394, 401, 450
Мукратль, о-во — 357
Мухахи, форт — 467
Муш — 123
Мушули, сел. — 197, 231
Мюра, о-во — 112

Нагорная Чечня см. Чечня
Нагорный Дагестан см. Дагестан
Назрановское, укр. — 218
Назрань — 282, 289
Нальчик — 411
Наха-Хиндалаль, часть Аварского ханства — 358
Незлобная, стан. — 120
Нетхой, р. — 414, 450
Нетхойское ущелье — 450
Нижний Бактлуг — 295
Низовое, укр. — 318, 319
Новая Атача — 463
Новоузенск (Самарская губ.) — 92
Новые Закаталы, крепость — 205, 208
Новый Буртунай — 473
Новый Гоцатль, сел. — 224
Нуха — 415, 443

Обода — 441
Орота (Ората) — 197, 259, 260, 267, 295
Оренбургские степи — 122
Осетия — 109, 393, 447, 448
— Северная — 92
Отказное, сел. — 104
Оттоманская империя — 221
Оттоманская Порта — 21, 121, 123, 394

Парауя, сел. — 210, 211, 308
Пера — 122
Персия — 60, 99, 105, 107, 121, 163, 166, 182, 426, 453
Петербург (Санкт-Петербург) — 42, 43, 62, 83, 84, 99, 121, 123, 268, 397, 409, 416, 450, 451, 477, 478
Петровское, укр. — 216
Пиащано, приход в Италии — 122
Порта см. Оттоманская Порта
Порхов — 423
Предзакавказье — 107, 108
Прикаспийский край — 96, 473
Приморский Дагестан см. Дагестан
Прохладная, стан. — 120

Ратлу, о-во — 344
Рахон см. Ирганай
Рига — 63
Ригун см. Ирганай
Рикуани — 241
Ричи — 305
Риши (Ришни) — 356, 358
Россия — 13, 14, 16, 17, 38, 45, 51, 59, 61, 64, 86, 97, 99, 100—103, 105, 106, 108, 109, 112, 114—116, 121, 127, 128, 130—132, 134, 138, 139, 143, 146, 152, 165—168, 174, 190, 191, 193, 212, 215, 217, 218, 221, 230, 239, 254, 261, 270, 271, 279, 286, 289, 294, 303, 304, 317—320, 322, 329, 330, 332, 333, 335, 367, 383, 394, 397, 399, 411, 416, 424, 425, 427, 435, 445, 449, 452, 453, 456, 458, 460, 461, 467, 469, 472, 473, 478
— Южная — 104, 409
Российская империя — 116, 132, 393, 448
Ростов-на-Дону — 3, 6
Рошня, р. — 357, 416, 445
Рутул, сел. — 424

Сагрытло, переправа — 477
Салатау — 193, 358

Салатовское владение, наибство (Салатавия) — 193, 199, 283, 356
Салты, аул — 25, 248, 301, 367, 385, 417—421
Самарканд — 161
Самарская губерния — 92
Самур, р. — 216, 407, 423, 424
Самурский округ — 11, 37, 304, 425
Самурское ущелье — 424
Санкт-Петербург см. Петербург
Сати Юрт — 463
Северная Африка — 158
Северная Осетия см. Осетия
Северный Дагестан см. Дагестан
Северо-Кавказская степь — 104
Сейд Юрт, аул — 445
Сибирь — 28, 212, 399
Сивас — 123, 168
Сирия — 121
Сиух (Циук), аул — 231
Смирна — 121, 461
Солдатско-Александровское, сел. — 104
Соловецк — 123
Соловецкий монастырь (на Черном море, так в подлиннике) — 123
Средний Дагестан см. Дагестан
Средняя Азия — 19, 156, 158
Ставропольский уезд — 108
Стамбул — 394
Старый Аксай — 260
Сугратль (Суграт), аул — 57, 257, 299—301, 345, 360, 385, 438
Судан — 5, 157
Сулак, р. — 214, 283, 294, 319
Сулакская линия — 318
Султан Янги Юрт — 285
Сунжа, р. — 120, 126, 130, 139, 143, 146, 150, 280, 282, 283, 285, 297, 321, 410, 413, 414, 432
Сунженская линия — 61, 139—141, 278, 279, 297, 321
Сунженская, стан. — 410
Сухум — 466
Сюрьга — 112, 304

Табасаранская провинция — 214
Табасарань — 32, 80. 86, 133, 167, 181, 214, 216, 322, 323, 339, 398, 438—440, 444, 460, 467
Тавлия — 475
Тавриз — 453
Талы — 461
Талышинское ханство — 220
Танус — 316, 440, 441
Тарки (Терки) — 32, 59, 106, 117, 127, 128, 130, 135, 182, 210, 283
Тарковское владение см. Шамхальство Тарковское
Татартуп — 123, 129
Таш-Кичу (Ташкичу), укр. — 146, 260
Тбилиси — 66, 112, 276
Темир-Хан-Шура — 41, 49, 69, 209, 223, 232, 234, 252, 266, 268, 283, 286, 287, 306, 315, 317—320, 332, 340, 379
Темир-Хан-Шурский округ — 38
Терекемийский участок — 319
Терек, р. — 39, 106, 107, 117, 119, 120, 127, 129, 139, 140, 143, 146, 333, 410, 413
Терки см. Тарки
Терская линия — 108, 282, 459
Терская обл. — 38, 40, 362
Технуцал — 283, 476
Технуцальское (Технудальское) наибство — 356, 358
Тилитль (Телитль) — 36, 62, 247, 255, 260, 263, 265, 266, 267, 270, 328, 359, 442
Тиндая (Тиндал, Тинды), аул, о-во — 257, 357, 358, 464
Тифлис — 45, 49, 52, 85, 106, 108, 112, 123, 165, 166, 181, 223, 231, 261, 264, 277, 279, 304, 321, 352, 411, 443, 462, 478
Тлейсерух, о-во — 357, 359
Тлох, сел., наибство — 276, 358
Токида — 295
Топли — 120

Торкале — 127
Туллой-Лам, гора — 475
Турция — 5, 28, 77, 84, 101, 105, 107, 114, 123, 144, 151, 158, 166, 167, 171, 173, 182, 221, 226, 261, 394, 395, 396, 398, 426, 453, 456—458, 460—462, 465—468, 472, 478
— Азиатская — 99
Турчи-Даг см. Гамашинские высоты
Тхляйлюб, дер. — 342

Украина — 106
Уллу Кайя см. Кикуны
Умахан Ют (Умаханюрт) — 321, 446
Унзо (Гунз), о-во — 31
Ункратль, о-во — 357
Ункрахское о-во — 277
Унцукуль (Ансаль, Сокуле) — 223, 227, 233, 234, 251, 254, 261, 268, 285, 300—302, 314, 321, 340
Урус-Мартан — 408, 422, 423
Урус-Мартановское, укр. — 434
Урух, р. — 411
Урухская — 410
Устар Гардой, аул — 256
Утлюк, сел. — 344

Фортанга, р. — 357, 413, 414, 427
Франция — 101, 112, 114, 121, 226, 279, 321, 352, 394, 396, 453, 456—458, 466, 467

Хаджалмахи, сел. — 415
Ханкала — 446, 450
Ханкальское ущелье — 140, 463
Харадерик, аул — 261, 295
Харах (Хараки), сел. — 197, 267
Харачи — 238, 295, 300, 314
Хартум — 347
Харьков — 8
Хачада, сел. — 414
Хида, округ — 236
Хидатлинское о-во (Хидатль) — 270, 383
Хильдах, сел. — 362
Хиндалаль (Хиндалял, Хидаляль, Киндалял) см. Койсубулинское о-во
Хиндатлинское о-во — 357
Хиндах, сел. — 197
Хинниб — 342
Хочны, сел. — 439
Хубарские высоты — 294
Хулхулау, р. — 358, 438, 444, 445, 472, 473, 476
Хулхулау, ущелье — 444
Хунзах (Хунзак, Хундзак, Ханзак) — 34, 47, 49, 51, 62, 75, 84, 85, 98, 192, 195—197, 199—201, 206, 207, 224, 230, 231, 236—238, 240—243, 246—248, 250, 261, 265, 266, 268, 270, 277, 285—287, 301, 314—317, 319, 320, 340, 342, 378, 391, 440, 441
Хунзахское, укр. — 266

Цальда, сел. — 345
Цатаных — 306, 315
Цахур — 448
Цельмес, сел. — 287, 289
Центральный Дагестан см. Дагестан
Цонтер — 357
Цудахар, сел. — 92, 250, 415
Цудахарское о-во — 319
Цунта (Цунтал) — 464

Чарбели (Чарбохги) — 356—358
Чахкери, аул — 256
Чеберлой (Чиберли, Джаберлой, Джаберли), аул, о-во — 247, 357, 358, 387, 388, 476
Чемалаль (Чамалал), о-во — 357, 359
Чепарское (Челярское) наибство — 356, 358
Черкей (Чирка, Чиркей), аул — 11, 37, 43, 45, 186, 190, 294, 302, 319, 343
Черкесия — 453, 456

Черное море — 84, 102, 105, 106, 108, 109, 123
Черномория — 63, 330, 361
Чечено-Ингушетия — 16, 19
Чеченский округ — 38
Чеченский район — 40
Чечня — 6, 7, 11, 15—21, 25—27, 38—41, 43, 52, 53, 58, 59, 61, 66, 68, 73, 74, 76, 77, 80, 88, 93, 102, 105, 109, 110, 115, 117—121, 123, 124, 128, 131, 139—144, 146, 148, 149, 152, 154, 157, 159, 161, 168, 175, 178, 184, 190, 197, 205, 207, 209, 211, 212, 217—219, 237, 244, 247, 248, 255, 256, 258—263, 268, 271—273, 276—286, 288, 289, 294—299, 305—307, 313, 317, 321, 323, 328—333, 336, 340, 341, 345, 346, 348, 353—359, 361—363, 369, 370, 374, 376, 378, 381—387, 389, 390, 393, 394, 396, 400, 407—409, 413, 414, 416, 417, 419—423, 425—427, 432—436, 438, 443, 444, 446, 449—452, 463, 466—468, 472, 473, 475, 476, 480
— Большая — 120, 140, 213, 281, 285, 298, 330, 332, 357, 358, 371, 436—438, 443—445, 447, 449, 450, 472—474, 476
— Малая — 76, 77, 213, 281—283, 285, 289, 298, 306, 330, 332, 357, 358, 371, 397, 408—410, 432, 434, 435, 437, 438, 445, 450, 467, 472, 473, 474
— Нагорная — 40, 296
Чиркат, аул — 259
Чир Юрт — 285, 289
Чонт Аул — 285
Чох, аул — 49, 224, 299—301, 367, 385, 426, 438, 477
Чумкескент — 207, 209, 216
Чумкескент, урочище — 208, 209

Шали, аул, укр. — 120, 256, 285, 357, 410, 427, 432, 434, 444, 467, 472
Шали, р. — 433
Шалинская поляна — 433, 434, 435
Шамхальство (владение) Тарковское — 73, 107, 110, 205, 207, 210, 217, 231, 319, 398, 415
Шатоевское, укр. — 361
Шатой — 64, 474—476
Шелячи, аул — 444
Шемахинский уезд — 164
Шилахи, сел. — 444
Шильды, сел. — 465
Ширван — 18, 44, 46, 90, 161—168, 181
Ширванское ханство — 44, 160, 161, 220
Шлиссельбург — 123, 130
Шуаиб-капа (Шуаниб-капа), редут — 445, 450, 467
Шубузовское (Шубутовское, Шаревское) наибство — 356, 358
Шура, сел. — 75, 209, 319, 441

Эзен Ам, оз. — 476
Элисуйское княжество — 328
Эльбрус — 409
Эльхотово, аул — 410
Эндери, аул — 120, 127, 140, 145, 146, 212, 213, 260, 317, 466
Энхело, сел. — 270
Эрзерум (Эрзрум) — 123, 453
Эрпели — 127, 135, 136, 184, 190, 205, 209, 211, 284
Эрсеной, аул — 256

Юго-Восточный Дагестан см. Дагестан
Южная Россия см. Россия
Южный Дагестан см. Дагестан

Яндырка, аул — 289
Яраг (Ярах, Яраглар) — 44, 45, 47, 160—162, 164, 167, 169, 170, 171, 175
Ярыкса — 297

Оглавление

Вместо предисловия 3
Введение: Об авторе и его книге 8

Глава I.
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

1. Описания Дагестана и Чечни 27
2. Сообщения современников об имамате 41
3. Издания архивных материалов 60
4. Местные горские источники 70
5. Некоторые сводные работы 94

Глава II.
ЦАРИЗМ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ И БОРЬБА ГОРЦЕВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ДО ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ XIX ВЕКА

1. Проникновение царизма на Северо-Восточный Кавказ 101
2. Движение шейха Мансура 117
3. Покорение Дагестана 130
4. Восстание Бей-Булата 139

Глава III.
МЮРИДИЗМ

1. Мюридизм и тарикат 148
   Официозная концепция 148
   Крестьянское движение в религиозной оболочке 149
   Ислам в Дагестане 151
   Адаты и шариат 152
   Тарикат (суфизм) 154
   Тарикат накшбенди 157
2. Появление тариката в Дагестане 160
   Тарикат на Кавказе до 1820-х гг 162
   Деятельность Хаджи-Исмаила 165
   Хаджи-Исмаил и Курали-Магома 169
   Проповедь Курали-Магомы 171
   Речь Курали-Магомы к народу 174
3. Тарикат и царизм в 1825—1826 гг 176
   Ермолов и мюридизм 177
   Саид Араканский 177
   Запрещение выступлений Курали-Магомы 180
   Табасаранское восстание 1825 г. 181
   Джарское восстание 1826 г. 183
4. Подготовка восстания 184
   Гази-Мухаммед 184
   Начало проповеди 186
   Столкновения с Джемал ад-Дином 187
   Организация восстания 190

Глава IV.
ОБРАЗОВАНИЕ ИМАМАТА

1. Первый имам, Гази-Мухаммед 195
Гимринское совещание 195
Первоначальный характер движения 195
Борьба «вольных» обществ с ханами 197
Политика первого имама в отношениях с ханами 198
Выступление против аварских ханов 199
Осада Хунзаха 201
Подготовка к вступлению в шамхальство 205
Меры, принятые Паскевичем 206
Чечня 207
Занятие Чумкескента и восстание в шамхальстве 207
Политическая линия первого имама 208
Осада Бурной 209
Имам на Кумыкской плоскости 211
Осада Внезапной 213
Восстание в Кайтаге и Табасарани 214
Конец 1831 г. Перелом 216
Связи имама с Западным Кавказом 217
Гимринская экспедиция Розена 218
Итоги 220
2. Второй имам Гамзат-бек 222
Противоречия внутри мюридизма 222
Борьба вокруг избрания Гамзат-бека 222
Характеристика Гамзат-бека 224
Поход на Гергебиль 226
Отношения Гамзат-бека с аварскими ханами в 1833 г. 230
Трения у второго имама с койсубулинцами 233
Перемена политики Паху-бике 234
Попытка второго имама восстановить положение 236
Сообщения об осаде Хунзаха и истреблении ханов 237
Донесения Розена 237
Сообщение Тахира 238
Сообщение Гаджи-Али 241
Картина истребления 242
Заявления Шамиля 242
Версия Маклача 243
Гамзат-бек в Хунзахе 246
Убийство второго имама 248
3. Первые годы третьего имама 250
Избрание Шамиля 250
Борьба вокруг Булач-хана 250
Экспедиция Ланского в Гимры 252
...и в Аварию 252
Борьба Шамиля с аульской верхушкой (1834—1835) 254
Деятельность Кибит-Магомы в 1835 г. 255
Ташов-Хаджи в Чечне 255
Отношения Ташов-Хаджи с Шамилем в 1835 г. 257
Операции Шамиля в Дагестане весной 1836 г. 258
Ташов-Хаджи в Чечне и на Кумыкской плоскости 260
Борьба за Аварию летом 1836 г. 260
Подготовка новой экспедиции 263

Попытки организовать религиозную пропаганду
против мюридизма (1836 г.) 263
Положение в Аварии 264
Аварская экспедиция Фезе 1837 г. 266
Кубинское восстание 1837 г. 268
Внутренняя борьба в Нагорном Дагестане. 269
Экспедиция Граббе против Ахульго (1839 г.) 271

Глава V.
РАСЦВЕТ

1. Чеченское восстание 1840 г. и его отклики в Дагестане 273
Борьба сильных и слабых родов в Чечне 273
Позиция самодержавия. 273
Царская администрация 277
Слух об обезоружении 280
Весна 1840 г. 281
Летние экспедиции в Чечне. 282
Восстание в Нагорном Дагестане 283
Трения с Ташов-Хаджи. 284
Борьба летом и осенью 1840 г. 285
Переход Хаджи-Мурата к Шамилю 286
Итоги 1840 г. 288
2. Борьба за расширение (1841—1842 гг.) 289
Военные действия первой половины 1841 г. 289
Выступление верхушечных слоев аула против имама
в Дагестане 294
...и в Чечне 296
Экспедиции в Чечню осенью 1841 г. 298
Даргинский съезд 1841 г. 299
Окружение Аварии. Движение Кибит-Магомы в Андалаль . 299
Борьба за Аварию 300
Взятие Евдокимовым Унцукуля. 1842 г. 301
Борьба за Казикумух 302
Занятие Казикумуха Шамилем 304
...и его отступление 305
Положение в Чечне 305
Ичкеринская экспедиция Граббе 305
Попытки Шамиля выйти в 1842 г. на Западный Кавказ . . . 306
Даргинское совещание 1842 г. 307
3. Год наибольших успехов (1843 г.) 308
Причины восстания в Аварии и в шамхальстве в 1843 г. . . 308
Подготовка Шамилем наступления 312
Освобождение крестьян и рабов 313
Шамиль в Аварии. Падение укреплений 314
Маневрирование в Аварии 316
Наступление имама на Кумыкскую плоскость 317
Гергебиль. 317
Восстание в шамхальстве и Мехтуле. 318
Отступление имама из шамхальства 320
Итоги 1843 г. 320
4. Начало перемен 322
Военные действия 1844 г. 322
Кайтаг. 322

Казикумух 323
Чечня 323
Сражение при Гилли 328
Переход к Шамилю Даниэль-бека 328
Даргинское совещание 1845 г. 329
Внутренние трения в имамате 330
Даргинская экспедиция 1845 г. 331
Итоги 333

Глава VI.
ТЕОКРАТИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА ШАМИЛЯ

1. Освобождение рабов и крестьян 335
Задачи имамата 335
Имамат в 40-х и в 50-х гг. 336
Ликвидация прав феодалов 337
Управление 338
Освобождение крестьян и рабов 341
Оценка свидетельства Руновского 345
2. Государственный строй и управление 346
Теократия 346
«Совет ученых» 347
Диван-ханэ 348
Взаимоотношения «совета ученых» и диван-ханэ с имамом 349
Наибы 353
Организация наибств 355
Злоупотребления наибов 360
Возникновение крупных земельных собственников 362
Прошение кородинцев 364
Борьба со злоупотреблениями 365
3. Экономическая политика 366
Торговля 366
Налоги 369
Чрезвычайные сборы 371
4. Военная организация 372
Общие соображения 372
Ополчение 373
Попытки организовать регулярную армию 375
Муртазеки 377
«Дружины» наибов 378
Артиллерия 379
Снабжение армии 381
Итоги 385
5. Власть и массы. Внутренние отношения 386
Вопрос о Чечне 386
Восстание в Чеберлое 387
Репрессии 388
Борьба среди наибов 390
Дети Шамиля 392
6. Внешняя политика 393
Борьба за объединение горцев 393
Сношения с Турцией 394
Отношение к царской России 396

Позиция аульской верхушки 396
Наибы и царизм 397
Итоги 399

Глава VII.
ГИБЕЛЬ ИМАМАТА

1. Перелом и начало разложения 401
Оценка Шамиля Головиным 401
Перелом 406
Борьба в Чечне в 1845—1846 гг. 407
Поход Шамиля в Кабарду 408
Наступление в Чечне 413
Поход в Акушу 414
Чечня зимой 1846—1847 гг. 416
Гергебиль и Салты 417
Шамиль и наибы 420
Действия 1848 г. 422
Осада Ахты 423
Действия 1849 г. 425
2. Борьба на истощение 426
Перенесение операций в Чечню 426
Чеченские укрепления 432
Операции 1850 г. 433
Кунта-Хаджи 435
Операции 1851 г. 436
Операции Шамиля в Дагестане 438
Столкновение Хаджи-Мурата с Шамилем 440
Конец 1851 г. 443
Чеченские экспедиции 1852 г. 444
Движение Шамиля в Осетию 447
Экспедиции конца 1852 — начала 1853 г. 450
Имамат 1853 г. 451
3. Восточная война 452
Имамат перед Восточной войной 452
Политика Англии и Франции 453
Шамиль и Турция 456
Военные планы России 458
Действия Шамиля 459
Лезгинский поход Шамиля 1853 г. 461
Переговоры с султаном 462
Поход в Кахетию 464
«Злополучное сражение» 466
4. Гибель 468
Развал имамата 468
Вторжения в Чечню в 1857 г. 472
Сдача Чечни 473
Занятие Аргунского ущелья 474
Взятие Ведено 476
Наступление 1859 г. 476
Проекты переговоров с Шамилем 477
Гуниб 479
Заключение 480

Н.И.ПОКРОВСКИЙ

Кавказские войны и имамат Шамиля

Художественное оформление *А.Сорокин*

Компьютерная верстка *Н.Мерзляков*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 17.02.2000.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 32,0. Уч.-изд.л. 35,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 1765

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука»
121009, Москва, Шубинский пер., 6

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Генерал-адъютант
М. З. Аргутинский-Долгоруков

Я.П.Бакланов

Генерал-лейтенант
В.О.Бебутов

Генерал-лейтенант
А.А.Вельяминов

Генерал-лейтенант
Ф.К.Клюге фон Клюгенау
(Клюки фон Клюгенау)

Генерал-лейтенант
П.Х.Граббе

Генерал от инфантерии
П.Д.Цицианов

Генерал от инфантерии
А.И.Нейдгардт

Генерал-майор Д.В.Пассек

Имам Шамиль

Генерал от инфантерии А.И.Барятинский

Казак на сторожевой вышке

Мюрид с наибским знаменем

Лезгины. Анцугский наиб со знаменем

Шамиль на молитве перед боем

Горцы собственного Его Императорского Величества конвоя

Аул Гуниб-Даг с юго-восточной стороны, взятый штурмом 25 августа1859 г. и укрепление Чох, сдавшееся русским войскам 27 июля 1859 г.

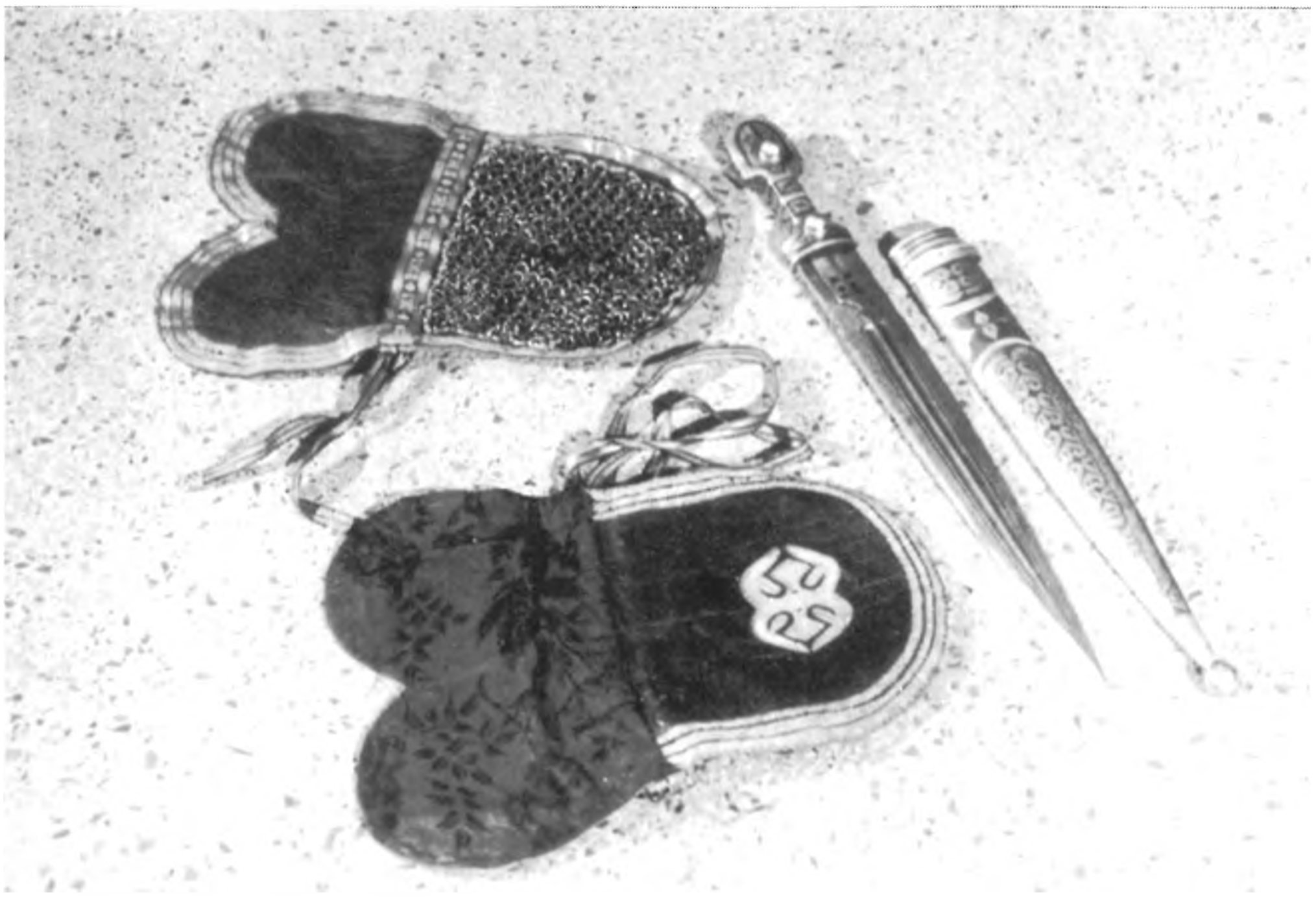
Молодецкое дело

Битва русских с кабардинцами.
Литография неизвестного художника середины XIX в.

Имам Шамиль

Рукавицы и кинжал нижних чинов
лейб-гвардии Кавказско-горского эскадрона.
Середина XIX в.

Пистолет и пистолетный шнур чинов лейб-гвардии
Крымско-татарского эскадрона. 1845.

Патронница, натруска и кремниевый пистолет.
Дагестан. Середина XIX в.

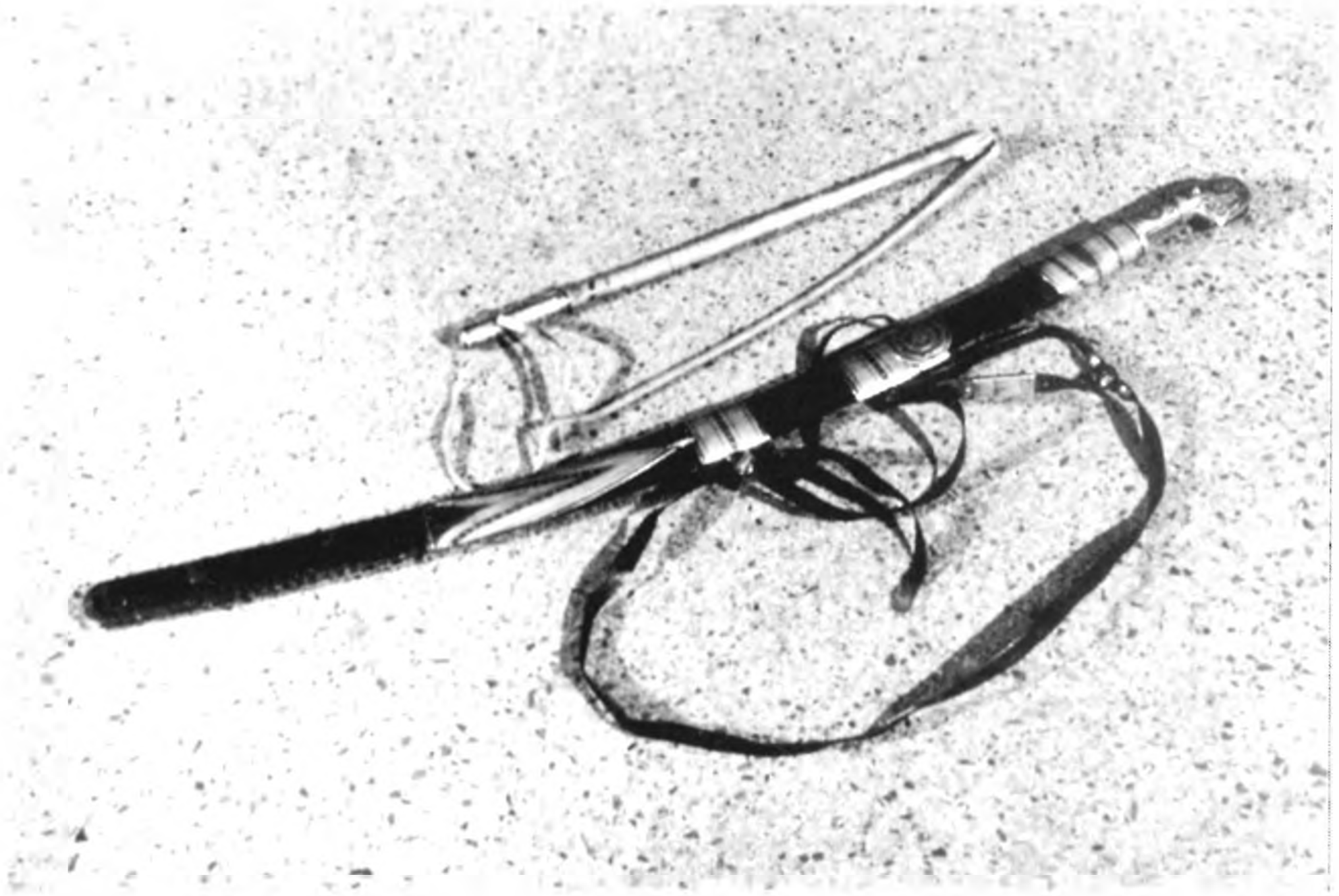
Ичиги. Середина XIX в.

Черкеска детская
офицера лейб-гвардии
Кавказско-горского эскадрона.
Принадлежала Вел. кн.
Михаилу Николаевичу. 1840

Вооружение воина
лейб-гвардии Кавказско-
горского эскадрона.
1830-е годы

Шашка с портупеей и нагайка.
Вторая половина XIX в.